

ҚАЗАҚСТАН
тәуелсіздігіне

Тәуелсіздік кезеңіндегі ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ: ҚОРЫТЫНДЫЛАРЫ МЕН КЕЛЕШЕГІ

ТОМ I

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ
МИНИСТРЛІГІ ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ә.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ**

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ТӘУЕЛСІЗДІГІНІҢ
20 ЖЫЛДЫҒЫНА ЖӘНЕ
Ә.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫНЫҢ
20 ЖЫЛДЫҚ МЕРЕЙТОЙЫНА АРНАЛҒАН
«ТӘУЕЛСІЗДІК КЕЗЕҢІНДЕГІ ҚАЗАҚСТАН
АРХЕОЛОГИЯСЫ: ҚОРЫТЫНДЫЛАРЫ
МЕН КЕЛЕШЕГІ»
АТТЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ КОНФЕРЕНЦИЯ МАТЕРИАЛДАРЫ**

12-15 желтоқсан 2011 жыл, Алматы қ.

ТОМ I

АЛМАТЫ-2011

УДК 902/904
ББК 63,4
Т 29

Бас редактор /Главный редактор – *Б.Ә. Байтанаев*
Жауапты редактор /Ответственный редактор – *А.З. Бейсенов*

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА:
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
*М.Е. Елеуов, З. Самашев, Ж. Құрманқұлов, В.Ф. Зайберт, М.Қ. Хабдулина, В.В. Варфоломеев,
Г.С. Жұмабекова (жауапты хатшы), Ф.А. Базарбаева, Ә.М. Манапова, Е. Ақымбек, А. Оңғар*

РЕЦЕНЗЕНТТЕР: /РЕЦЕНЗЕНТЫ:
тарих ғылымының докторы, профессор /доктор исторических наук, профессор *С.Ж. Жолдасбаев*,
тарих ғылымының докторы, профессор /доктор исторических наук, профессор *В.В. Евдокимов*,
тарих ғылымының докторы, профессор /доктор исторических наук, профессор *Ж.Қ. Таймағамбетов*.

Баспаға ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Ғылыми кеңесі ұсынды
Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии
им. А.Х. Маргулана КН МОН РК

Т 29 Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі: Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 20 жылдығына және ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының 20 жылдық мерейтойына арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары.

Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Алматы, 2011.
Т. 1.–428 с.

ISBN 978-601-7312-06-0

Томда отандық археологияның, сонымен қатар, Еуразияның әртүрлі географиялық аймақтарындағы кең хронологиялық диапазонды – тас ғасыры мен қола дәуірін қамтитын өзекті мәселелері баяндалады. Бірінші бөлім жекелеген аймақтар сияқты белгілі бір тарихи кезеңдерді зерттеуге арналған мақалалардан тұрады. Мұнан басқа, отандық ғылымға археологтардың қосқан үлесін сипаттайтын қызықты материалдар енген. Осы томға енген мақалаларды авторлар Қазақстанның, алыс-жақын шетелдердің әртүрлі ғылыми орталықтарынан ұсынып отыр.

Жинақ қазіргі археология ғылымы проблемаларын зерделеуге ынталы оқырманның барлығына қызықты болады.

В томе изложены актуальные вопросы отечественной археологии, а также различных географических зон Евразии, охватывающие период – от каменного века до эпохи бронзы. В первом разделе сборника содержатся статьи, посвященные истории изучения как отдельных регионов, так и определенных исторических периодов. Кроме того, присутствует интересный материал, характеризующий вклад археологов в отечественную науку. Авторы статей представляют различные научные центры Казахстана, ближнего и дальнего зарубежья. Сборник будет интересен всем, кому не безразличны проблемы современной археологической науки.

УДК 902/904
ББК 63,4

ISBN 978-601-7312-06-0
ISBN 978-601-7312-05-3

© Мақалалар авторлары /Авторы статей
© Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
© Институт археологии им. А.Х. Маргулана

**КОМИТЕТ НАУКИ МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А.Х. МАРГУЛАНА**

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ:
«АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА В ЭПОХУ
НЕЗАВИСИМОСТИ: ИТОГИ, ПЕРСПЕКТИВЫ»,
ПОСВЯЩЕННОЙ 20-ЛЕТИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН И 20-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
им. А.Х. МАРГУЛАНА**

12-15 декабря 2011 г., г. Алматы

ТОМ I

АЛМАТЫ-2011

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

Қасымбеков Б.Ә. ҚР ҒБМ Ғылым комитетінің төрағасының құттықтау сөз	7
Касымбеков Б.А. Приветственное слово председателя Комитета науки МОН РК	8
Байтанаев Б.Ә. Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: негізгі қорытындылары мен келешегі	9
Байтанаев Б.А. Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы	19
Мартынов А.И. Археология Казахстана в контексте евразийской истории	29

ҚАЗАҚСТАННЫҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ТҰРҒЫДАН ЗЕРТТЕЛУ ТАРИХЫ

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Марьяшев А.Н. Наскальные изображения Казахстана: итоги 20-летнего изучения и проблемы	36
Бейсенов А.З. Центральный Казахстан: история археологического изучения региона	41
Манапова Ә.М. Академик Ә.Х. Марғұланның археология ғылымындағы орны	51
Сатыбалдиева М.С. История изучения сако-усуньских древностей по материалам Центрального Государственного музея Республики Казахстан	57
Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенғали М.Н., Бидагулов Н.Т., Мамиров Т.Б., Кулмуханов М.Е., Шильмағамбетов Н.А. Работы Актюбинского областного центра истории, этнографии и археологии в 2006-2011 гг.	64
Лукпанова Я.А. Археологическое изучение Западно-Казахстанской области	69
Мартынюк О.И., Плешаков А.А. Вклад ученых Северного Казахстана в историческую науку Республики	83
Алехин Ю.П. Исследования 1988-1993 гг. Семипалатинской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета	90
Полякова Е.Л. Наследие А.Х. Маргулана в современном изучении культовых памятников эпохи бронзы	96
Лагуткина Е.В., Мойкина Е.Г. Наследие Ф.Х. Арслановой и А.А. Чарикова в Тверском государственном университете и Тверском музее	100
Сдыков М.Н. Средневековые города Западного Казахстана	110
Бахтыбаев М.М. В.А. Каллаурдың Перовск уезінің тарихи-топографиясын зерттеуге қосқан үлесі	117
Малдыбекова Л.Ж. Археологические исследования В.В. Бартольда	125
Бобомуллоев С. Некоторые особенности развития археологической науки в Таджикистане в годы независимости	131
Левицкий О.Г., Кашуба М.Т. Археология в республике Молдова: становление, современное состояние, перспективы (предварительный обзор)	135

**ҚАЗАҚСТАН МЕН ТӨҢІРЕКТЕС
АЙМАҚТАРДЫҢ ТАС ДӘУІРІ**

**КАМЕННЫЙ ВЕК КАЗАХСТАНА И
СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ**

Артюхова О.А. А.Г. Медоев и палеолит Мангыстау	144
Мамиров Т.Б. История изучения палеолита Западного Казахстана и историография проблемы	149
Волошин В.С. Новые памятники палеолита с галечным инвентарём в бассейне Сарысу	157
Абдыканова А.К. Палеолитическая мастерская Ак-Олон: исследования 2010 г. (<i>Кыргызстан</i>)	164
Ветров В.С., Скориков В.А. Предварительные результаты исследования раннепалеолитического местонахождения Вишневый Дол	171
Мерц В.К. Новые материалы по неолиту Северо-Восточного Казахстана	178
Калиева С.С., Логвин В.Н. Терсек и Ботай: общее и особенное	187
Захаров С.В. Итоги изучения энеолита Северного Казахстана	195
Корвин-Пиотровский А.Г. Археология поселений: к интерпретации объектов (по материалам жилищ трипольской культуры)	202

**ҚОЛА ДӘУІРІНДЕГІ МӘДЕНИЕТ,
ӨЗАРА ҚАТЫНАСТАР МЕН
БАЙЛАНЫСТАР**

**КУЛЬТУРА, ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И
КОНТАКТЫ В ЭПОХУ БРОНЗЫ**

Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевская культура степей Центральной Евразии	210
Жауымбаев С.У. Древнее горное дело Центрального Казахстана	241
Новоженев В.А. Азиатские колесницы (к проблеме выделения азиатского колесничного комплекса)	247
Горячев А.А. Археологический комплекс Тургень. Эволюция древних культур	256
Есин Ю.Н. Тягловые животные и возникшие древнейших изображений повозок Минусинской котловины	267
Хохлов А.А., Китов Е.П. Предварительное сообщение о краниологических материалах ранних этапов бронзового века с территории Западного Казахстана	274
Ломан В.Г., Кукушкин И.А. К вопросу о культе плодородия у андроновцев (федоровцев)	278
Ержанова А.Е. Мыржық қонысынан табылған тас құралдары мен бұйымдарына жүргізілген трасологиялық талдау нәтижелері	281
Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Серпы эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии: вопросы семантики	286
Никитин А.Ю., Русанов И.А. Теплотехнические сооружения поселения Аркаим (опыт реконструкции)	307
Русанов И.А. Особенности металлургии укрепленных поселений бронзового века Зауралья (по данным экспериментальных работ)	314
Русанов И.А., Ермолаева А.С. Металлургия меди на поселении эпохи бронзы Талдысай (реконструкция древнего производства)	321
Дегтярева А.Д. Металлопроизводство синташтинской культуры	330
Гайдученко Л.Л. Жертвенный комплекс ямы № 5 могильника Бестамак	341

Логвин А.В., Шевнина И.В. Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак	349
Гайдученко Л.Л. Особенности сложения жертвенного комплекса ямы № 170 могильника Бестамак	360
Сметанина Т.В. Изобразительные и семантические особенности декора керамических сосудов эпохи развитой бронзы Торгая (по материалам кургана Халвай 3)	366
Усманова Э.Р., Панюшкина И.П. Андроновские памятники Лисаковской округи	375
Геюшева Т.Н. Археологические памятники Кедабекского района (по материалам раскопок 2008-2010 гг.)	380
Рудковский И.В. Накосник из Еловского II могильника и некоторые спорные вопросы бронзового века зауральских степей	388
Каменский С.Ю., Жирных Е.А. Раскопки могильника Аралча II в Домбаровском районе Оренбургской области (предварительное сообщение)	394
Huseynov F.R. Excavations of Sinig-Korpu kurgan burial (KP 357.7 – BTC ROW)	400
Сулейманов Р.Х. К вопросу об этнической атрибуции некоторых археологических культур эпохи бронзы Севера Центральной Азии	404
Ярыгин С.А. «Койтасы» Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы в контексте формирования раннесакских культур степной Евразии	408
Алекперов А.И. Грунтовое погребение у села Алвады Масаллинского района	417
Қысқартулар тізімі – Список сокращений	420
Авторлар жайлы мәліметтер – Сведения об авторах	424

ҚР ҒБМ Ғылым комитетінің төрағасы Б.Ә.Қасымбековтың ҚҰТТЫҚТАУ СӨЗІ

Қадірменді зиялы қауым, конференцияға қатысушы қонақтар және конференцияны ұйымдастырушылар!

Е іздерді Қазақстан Республикасының тәуелсіздігінің 20 жылдығына және Ә. Х. Марғұлан атындағы археология институтының 20 жылдығына арналған «Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: негізгі қорытындылары мен келешегі» атты халықаралық ғылыми конференциясының ашылуымен құттықтаймын.

Бұл конференция — аса маңызды, терең мазмұнды жиналыс, салиқалы мәжіліс!

Егемен Елімізге 20 жыл толды. Біз ғылымымыз бен біліміміз, мәдениетіміз тоғысып алға басып келеміз. Осы жылдары қол жеткен табыстарымыз аз емес. Және де осы айтулы мереке тағы бір өте маңызды датамен сәйкес келіп отыр. Бұл — ҚР ҒБМ Ғылым комитетіне қарасты Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының 20 жылдығы!

Біз бәріміз бүгін археолог ғалымдарымыздың торқалы тойына жиналып отырмыз.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты 1991 жылы құрылғаннан бері республика бойынша археология ғылымының негізі болып отыр.

Институт тарихы 1946 жылы соғыстан кейін құрылған Қаз КСР Ғылым академиясының құрамындағы Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнография институтының құрылуымен бастау алады.

Қазақстан археологиясының қалыптасуы ғұлама ғалым, археолог, тарихшы, филолог, шығыстанушы, алғашқы археологиялық экспедиция құрушы Ә.Х. Марғұланнның есімімен байланысты. Оның мектебінен Қазақстан археология ғылымының дамуына өз үлестерін қосқан К.А. Ақышев, Ә.М. Оразбаев, Е.И. Агеева, А.Г. Максимова, Е.И. Сенигова, К.М. Байпақов, Л.Б. Ерзакович, Х.А. Алпысбаев, М.К. Кадырбаев, С.М. Ақынжанов сияқты атақты ғалым археологтар шықты. Сондай-

ақ, қазіргі орта буын өкілдерімен бірге мұнда көптеген жас буын өкілдері жұмыс істеуде.

Институт археология саласы ауқымындағы іргелі зерттеулерді орындап отырған басты мекеме болып табылады. Ол біздің еліміздегі көптеген аймақтық орталықтармен қатар, алыс-жақын шетелдермен бірлесіп өз жұмысын атқаруда.

Қазақстан археологиясының жұмыс істеген уақытында ескерткіштерді түрлерге жіктеуге, жаңа археологиялық мәдениеттерді ажыратуға, шаруашылық-мәдени түрлерге және тарихи — мәдени құрылымға бөлуге, уақытқа және кезеңдерге топтау мәселелерін шешеуге қажетті дерек қоры жиналды.

Археологиялық дерек қорлары — ежелгі және ортағасырлық Қазақстан тарихының негізі. Хронологиялық шеңбері өте кең, палеолиттен кейінгі ортағасырларға дейінгі уақытты қамтып жатқан тарих бейнесі қазіргі уақытта, яғни біздің еліміз тәуелсіздік алған уақытта, өте маңызды.

Бұл тамаша мағлұматтар қазір көпшіліктің игілігінде, халықтың қолында.

Еліміздің президенті Нұрсұлтан Әбішұлы Назарбаев халқымыздың мәдени мұрасын сақтау, тек зерттеу ғана емес, әлемге паш ету мәселесін күн тәртібіне қойды. Қазақ халқының тарихы өте тереңде жатқандығын көрсетіп берді.

«Мәдени мұра» Мемлекеттік бағдарламасы қолға алынғалы бері Қазақстан археологтары көлемі мен маңызы бойынша расында да теңдесі жоқ жұмыстар атқарды.

Осылайша, жаңа Қазақстанның, тәуелсіздік кезіндегі Қазақстанның археология ғылымы дамудың лайықты жолын жүріп өтті. Жаңа сатыға көтерілді.

Құрметті Халықаралық ғылыми конференцияның қатысушылары, Сіздерге зор денсаулық, жұмыстарыңызға табыс, жаңа жетістіктер тілеймін.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
Председателя Комитета науки Министерства образования и науки РК
Б.А. Касымбекова

Уважаемые участники конференции!
Дорогие гости!

Позвольте поздравить Вас с началом работы международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК.

Институт археологии им. А.Х. Маргулана был создан в 1991 году и с тех пор является самостоятельным и главным координатором археологической науки в нашей Республике. История Института начинается с создания в 1946 году Института истории, археологии и этнографии им Ч.Ч. Валиханова, организованного в послевоенные годы в составе Академии наук Казахской ССР.

Становление казахстанской археологии непосредственно связано с именем А.Х. Маргулана, выдающегося ученого – археолога, историка, филолога, востоковеда.

Именно с А.Х. Маргуланом связана организация первой археологической экспедиции Академии Наук Казахской ССР в 1946 году. Им воспитана целая плеяда известных ученых археологов, таких как К.А. Акишев, Е.И. Агеева, А.Г. Максимова, Е.И. Сенигова, К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович, Х.А. Алпысбаев, М.К. Кадырбаев, С.М. Ахинжанов, а также многих других, которые оставили значимый след в становлении и развитии археологической науки Казахстана.

За время деятельности казахстанской археологией создана значительная источниковая база, позволяющая разрабатывать и совершенствовать типологию и классификацию памятников, выделить новые археологические культуры, хозяйственно-культурные типы, историко-культурные общности, успешно решать вопросы хронологии и периодизации. Археологические источники являются важнейшей основ-

ной для восстановления исторической картины древней и средневековой истории Казахстана в широких хронологических рамках от палеолита до позднего средневековья.

Все это особенно важно сейчас, когда наша страна обрела Независимость, стала полноправным членом мирового сообщества.

Институт археологии совместно с многочисленными региональными археологическими центрами ведет большую работу в области исследования фундаментальных проблем древней истории и культуры Казахстана и Евразии. Налажены связи с известными зарубежными школами, ежегодно выезжают совместные экспедиции. Наряду с известными учеными сегодня в археологии Казахстана работают молодые ученые.

Президентом нашей страны Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым был поставлен вопрос о сохранении культурного наследия страны, чтобы не только изучать наследие, оставленное нам нашими предками, но и широко пропагандировать его во всем мире.

В рамках реализации задач Государственного стратегического проекта «Культурное наследие», в аналогичных региональных программах была проделана огромная работа археологами Казахстана, значение которой трудно переоценить. Открыты и изучены многочисленные новые памятники, ведется большая работа совместно с реставраторами, музеоведами.

Можно сказать, таким образом, археология Казахстана в эпоху Независимости прошла достойный путь развития. Она достигла важных и содержательных результатов.

Уважаемые участники Международной научной конференции, позвольте пожелать вам крепкого здоровья, успехов в работе, новых научных достижений!

Байтанаев Б.Ә.

Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: негізгі қорытындылары мен келешегі

Қазақстан археологиясы Қазан төңкерісіне дейінгі кезеңде-ақ қалыптаса бастады. Қазақстан археологиясының шарықтау шегіндегі шешуші оқиға – 1991 жылы Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының құрылуы болды (ҚазКСР Министрлер кабинетінің 1991 жылы 28-тамыздағы № 496 «Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының құрылуы туралы» Жарғысы). Институт Тәуелсіз Қазақстанның құрдасы бола отырып, Республикадағы археология ғылымын басты үйлестіруші ретінде өзінің жиырма жылдық шығармашылық және жасампаз жолын лайықты жүріп өтті.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты бірден құрылған жоқ. Оның қалыптасуы кеңестік уақытта, 1946 ж. ұйымдастырылған Қазақ КСР Ғылым академиясы құрамындағы Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология и этнография институты қабырғасында басталды.

Институттың Ә.Х. Марғұлан атын алуы да кездейсоқтық емес. Қазақстан археологиясының қалыптасуы тікелей осы тұлғаның есімімен байланысты. Әлкей Хақанұлы жан-жақты ғалым ретінде әсіресе, тарих, филология ғылымдары мен шығыстану төңірегінде көп еңбек сіңіріп, археологияға ерекше қарады. Сондықтан да ғалым ҚазКСР ҒА құрылған соң, бірден Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнография институтының алғашқы археологиялық экспедициясын жасақтады. Бұл экспедиция кейіннен Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы болып аталды және ғалымның жетекшілігімен 20 жыл бойы жұмыс жүргізді. Ғалым экспедициясының көп

жылдық зерттеулерінің басты нәтижесі, тарихшылар, археологтар және жалпы қоғам арасында мойындалып, бағасын алған Орталық Қазақстандағы Беғазы-дәндібай мәдениетінің ашылуы болды.

Соғыстан кейінгі жылдары басталған Қазақстандағы археологиялық зерттеу жұмыстары жоспарлы және жүйелі сипатта жүргізілді.

Қазақстандық археолог мамандарды даярлауда А.В. Арциховский, М.Е. Массон, С.П. Толстов, А.Н. Бернштам, М.П. Грязнов, С.С. Черников, П.И. Борисовский, А.М. Беленицкий, Л.Р. Кызласов және т.б. кеңес ғалымдарының сіңірген еңбегі зор. Осыған байланысты Кеңес дәуірінде Қазақстанда еңбек еткен Е.И. Агеева, А.Г. Максимова, Е.И. Сенигова, К.А. Ақышев, К.М. Байпақов, Л.Б. Ерзакович, Х.А. Алпысбаев, М.Қ. Қадырбаев, С.М. Ақынжанов, Б.Н. Нұрмұханбетов, Т.М. Савельева, Ж.Қ. Құрманқұлов, З. Самашев, А.С. Ермолаева және өзге де көптеген ғалым-археологтарды атап өтпеуге болмайды. Олар өз еңбектері және жеткен жетістіктерімен болашақ дербес Археология институтының іргетасын қалады.

1991 жылы құрылған Археология институты Қазақстан археология ғылымының алдына келесі негізгі ғылыми бағыттарды міндет етіп қойды:

- «тас дәуірінде Қазақстан аумағында алғашқы қоғамдық адамдардың таралып орналасуы, антропогенез мәселелерін талдау;
- археологиялық деректер бойынша қазақ этногенезін зерттеу;

– өндіруші шаруашылықтың (малшылық және егіншілік) пайда болуы мен дамуы мәселелерін зерттеу. Палеоэкономика, ежелгі технологиялар эволюциясы мәселелері;

– көшпенділікті, ежелгі және орта ғасырдағы урбанизация, көшпелі және отырықшы мәдениеттердің өзара байланысын зерттеу;

– археология, ежелгі өнер және сәулет ескерткіштерін зерттеу. Мәдени мұраны сақтау мәселелері» (Байпаков, 1992, с. 3).

Осы міндеттерді шешу үшін институтта төмендегідей бөлімдер құрылды:

- алғашқы қауым археологиясы;
- орта ғасыр археологиясы;
- жаңа құрылыс экспедициялары;
- археологиялық ескерткіштер Жинағы;
- археологиялық технологиялар зертханасы;
- археология мұражайы.

Институттың ашылуы Қазақстанның археологиялық мектебінің нәтижесі. Бұған қазақстандық ғалымдардың ЮНЕСКО-ның «Ұлы Жібек жолы – мәдениеттер диалогы жолы» (Байпаков, 1993, с. 5) атты халықаралық жобасына қатысуы және Алматыда ЮНЕСКО-ның халықаралық семинарының өткізілуі дәлел бола алады (Взаимодействие кочевых и оседлых..., 1991).

Өтпелі кезең мен бұрынғы одақтық республика экономикасының күйреуіне байланысты Тәуелсіздіктің алғашқы жылдарындағы қиыншылықтар археология ғылымы қалыптасуының бастапқы кезеңіне де әсер етті. Бұрынғы ғылыми байланыстар жоғалып, бұрынғы одақтас республикалардың кітапханаларында, мұрағаттар қорларында жұмыс істеу қиындады. Дегенмен де, далалық археологиялық жұмыстарды қаржыландырудың жоқтығы Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығы археологиялық топтарының өзара қарым-қатынасына әсер ете алмады. Керісінше, жаңа мүмкіндіктер мен жаңа ғылыми байланыстар пайда болды.

Қазақстанға алыс және жақын шетел ғалымдары мен экспедициялары бет бұра баста-

ды. Бұған 1990 жылдардағы Ботай мәдениетінің зерттелуі, қазақ-орыс, қазақ-американ, қазақ-француз экспедициялары жарқын мысал бола алады. Бұл мәселе бойынша профессор В.Ф. Зайберт: «Тәуелсіз Қазақстан құрылған соң, Ботай қонысына Англия, Америка, Германия ғалымдары келе алатын болды. Олардың сапарлары барысында Ботай материалдарын зерттеудің ортақ бағдарламалары қабылданды және 1994 жылы мен Британ университеттерінде Ботай жөнінде дәрістер оқыдым және Ботай мәдениеті туралы Кембридж археологиялық мұражайында көрме ұйымдастырылды, сондай-ақ, 1995 жылы Ботайда «Еуразияның ерте заманғы жылқы өсірушілері» атты халықаралық симпозиум өткізіліп, оған жақын және алыс шетелдің 16 елінен 80 ғалым қатысты» – деп жазады (Зайберт, 2005, с. 161-162).

1992 жылдан бастап қазақ-ресей экспедициясы құрылып, халықаралық «Ежелгі адам палеоэкологиясы және Еуроазиялық материктің алғашқы игерілуі» атты бағдарламаны іске асыру үшін Ресей мен Қазақстан аумағында біріккен жұмыстар жүргізілді. Ресей жағынан А.П. Деревянко басшылығымен РФА СБ Археология және этнография институтының мамандар тобы жұмыс істесе, Қазақстан жағынан – Ж.Қ. Таймағамбетов басшылығымен Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының қызметкерлері зерттеу жұмыстарын жүргізді.

1995 жылдан 2000 жылға дейін экспедиция «Қазақстанның қуаң аймақтар палеолиті: кезеңдеу және хронологиясы» атты жобаны жүзеге асырды. Бұл жұмысқа Қ.А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті де қатысты. 2000 жылдан бастап жобаға Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті қосылды. Алынған нәтижелер Бельгия, Голландия, Ресей мен Қазақстанда өткен халықаралық форумдарда жақсы баға алды (Деревянко, Таймағамбетов, Петрин, 1999, с. 29-30).

«Біріккен Қазақстан-Ресей археологиялық экспедициясының ұзақ жылғы зерттеу

жұмыстарының нәтижесі – ерте, орта және кейінгі палеолит кезеңдеріне жататын жаңа табылу орындарының ашылуы болып табылады. Плейстоцен дәуірінде Орталық Азия аумағын ежелгі адамның орнығуы үрдістерін көрсететін қызықты мәліметтерге қол жеткізді. Оңтүстік Қазақстанның травертинді нысандарында атқарылған жұмыстардың жер бетінде жатқан артефактілер кешендерін зерттеумен үйлестіре жүргізілуі – ежелгі адамның палеоэкологиялық өмір сүру жағдайын қалпына келтіру үшін және қуаң аумақтарды мекендеген адамзат қоғамының бейімделу жүйесін қалпына келтіруге тырысу үшін де ерекше маңызды. Бұл бізге адамзаттың Еуроазиялық материктің қуаң аудандарын игеруі уақыты, ерекшелігі мен бағыты туралы біршама батыл сөз қозғауға мүмкіндік береді» (Деревянко, Петрин, Зенин, Таймагамбетов, 2003, с. 7).

1993 жылы Қазақстандағы тасқа салынған суреттерді зерттеу бойынша қазақ-француз экспедициясы құрылып, оның құрамына Археология институты, «Қазжобалауқайтажаңғырту» институты және Францияның Ұлттық ғылыми зерттеу орталығы мамандары кірді. Экспедицияның негізгі мақсаты – Қазақстан петроглифтері Корпусына материалдар даярлау; тасқа салынған суреттерді көшіру; геохимиялық сараптама; петроглифтерді сақтау әдістемесін талдау. Петроглифтерді геохимиялық сараптамадан өткізу қызықты нәтижелерге қол жеткізді, ол бойынша жартастардың бетінде өмір сүретін микроорганизмдер ежелгі ауа райы туралы әртүрлі мәліметтер жинақтайтыны анықталды. Петроглифтер салынған жартастарда орналасқан бактериялар өте ұсақ органикалық қалдықтарды қатпарлайды, осы бактериялар мен обалардан табылған археологиялық жәдігерлерге салыстырмалы сараптама жүргізу суреттердің жасын анықтауға мүмкіндік береді (Самашев, Туякбаева, 1993, с. 92-93).

1997 жылы З. Самашевтың жетекшілігімен құрылып, құрамына Францияның Орталық Азиядағы археологиялық миссиясы мен

Италияның Лигабуе ғылыми-зерттеу орталығының қызметкерлері және Ресей, Италия, Швеция ғылыми ұйымдарының өкілдері енген халықаралық экспедиция жұмысы өте нәтижелі болды. Экспедицияның негізгі мақсаты Қазақстан Алтайының ежелгі көшпелілерінің ескерткіштерін толыққанды зерттеу. Халықаралық жоба шегінде Майер, Тарасу, Берел қорымдары зерттеліп, тасқа салынған бейнелердің жаңа ескерткіштері ашылды (Самашев, Франкфорт. и др., 1998, с. 174-175).

Берел сақ қорымын, әсіресе 11-обаны зерттеу нәтижесінде таңқаларлық нәтижелерге қол жетті. Обаның тас үймесінің астында түзілген мәңгілік мұздақ арқасында адамдар, жерленген жануарлар қалдығы, киіз, тері, ағаш бұйымдары мумияланып сақталған (Самашев, Франкфорт, 1999, с. 33-37). Бұл жәдігер әртүрлі әдебиеттерде кеңінен жарық көріп, әлемдік деңгейдегі ерекше ашылу ретінде жоғарғы бағасын алды және Алтайдың ежелгі көшпенділері мәдениетін зерттеуге маңызды үлес қосты.

К.М. Байпақов жетекшілік еткен қазақ-американ экспедициясы қоныстан урбанизацияға дейінгі эволюция үдерісін анықтауды негізгі мақсатта ұстап, Талғар аймағында сақтардан орта ғасырға шейін аралықты қамтыған кезеңде зерттеу жұмыстарын жүргізіп, маңызды нәтижелерге қол жеткізді. Экспедиция жұмыстарына Қазақстан жағынан К.М. Байпақов, Т.В. Савельева, Ф.П. Григорьев, Ю. Пешков, Ә. Мананова, О.В. Кузнецова, Т.В. Трифонова, АҚШ жағынан – К. Чанг, П. Туртеллотт, К. Райн, А. Розен, М. Форштадт, Б. Руан, С. Танака секілді ғалымдар қатысты.

1997 жылдан бастап Қазақстанда конкурс негізінде тәуелсіз ғылыми-техникалық сараптама жүргізіліп, іргелі және қолданбалы ғылыми-техникалық бағдарламалар жүргізіле бастады. Археология институтының алғашқы іргелі бағдарламасы «Қазақстанның ежелгі мәдени мұрасы: қайнар көздері және

дәстүрлері» деп аталып 1997-1999 жылдары жүргізілді (Байпаков, Петенева, 2001, с. 8). Содан бері институт, Қазақстанның басқа да көптеген ғылыми ұйымдар осы бағдарлама аясында қызметтерін жүзеге асырды.

Қазақстан Республикасы Президенті Жарлығымен 1998 жыл Ұлттық тарих және ұлттар бірлігі Жылы болып жариялануы қазақстандық археологтар үшін атаулы болды. Осы жылы Мемлекеттік «Ұлы Жібек жолының тарихи орталықтарын қайта өркендеу, сақтау және түркі тілдес мемлекеттердің мәдени мұрасын дамытуды сабақтастыру және туристік инфрақұрылымын құру» бағдарламасы бекітілді. Бағдарламаға зерттеу бойынша Ұлы Жібек жолының қазақстандық бөлігінде орналасқан 30 ескерткішті қалпына келтіру, мұражайландыру және сақтау секілді іс-шаралар кешені енді (Байпаков, Петенева, 2001, 8 б.).

Халық бірлігі және ұлттық тарих жылында К.А. Ақышев жетекшілік ететін Есіл экспедициясы құрылып, өз алдына Нұра-Есіл өзендері аралығында археологиялық және палеоэтнографиялық зерттеулер жүргізуді міндететіпқойды, негізгі мақсаты ортағасырлық қалалық мәдениет ескерткіштерін анықтау және топографиялық зерттеу жұмыстарын жүргізу, болашақ ауқымды қазба нысандарын анықтау болды (Ақишев, 1999, с. 5).

Осы жылы К.А. Ақышев экспедицияның нәтижелері бойынша былай деп жазды: «Биылғы жылы біздің зерттеушілер тапқан жәдігерлер ежелгі және орта ғасыр кезеңіндегі тарихи-мәдени даму сұлбасын анықтауға және зерттеу жұмыстары келешегін бағалауға мүмкіндік береді. Ертіс-Есіл-Нұра өзендері аралығы әртүрлі тарихи дәуірлерге жататын көп санды археологиялық ескерткіштері бар далалық аумақ болып табылады» (Ақишев, 1999, с. 5-6).

1990 жылдар қазақстандық археология үшін ерекше маңызды болды, нарықтық экономиканың жаңа жағдайларына ғылым мен археологтардың бейімделуі жүзеге асты.

Далалық зерттеулерге жеке, заңды және корпоративті қаражаттар мен халықаралық қорлардың қаржылары тартыла бастады.

1990 жылдардың өтпелі кезеңіндегі қаржылық қиындықтарға қарамастан, К.М. Байпақов жетекшілік ететін Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясы, Ж.Қ. Құрманқұлов жетекшілігімен Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы, К.А. Ақышев жетекшілігімен Жетісу кешенді археологиялық экспедициясы, З. Самашев жетекшілігімен Батыс Қазақстан археологиялық экспедициясы, М.Қ. Хабдулина жетекшілігімен Солтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясы, Л.Б. Ерзакович жетекшілік ететін Қазақстан жаңа құрылыс археологиялық экспедициясы, Е.Ә. Смағұлов жетекшілігімен Түркістан археологиялық экспедициясы, А.З. Бейсенов жетекшілігімен Сарыарқа археологиялық экспедициясы, В.А. Грошев жетекшілігімен Қазақстанның археологиялық ескерткіштері Жинағы экспедициясы, А.М. Досымбаева жетекшілігімен Мерке археологиялық экспедициясы, Б.Н. Нұрмұханбетов жетекшілік ететін Алматы жаңа құрылыс археологиялық экспедициясы өз жұмыстарын жалғастырды.

1990 жылдары бұл экспедициялар Маңғыстау үстіртінде, Арал теңізінің сол жағалауында, Жетісуда, Шығыс және солтүстік Балқаш маңында, Шығыс Қазақстанда, Қызылорда, Алматы, Оңтүстік Қазақстан, Атырау, Жамбыл, Маңғыстау, Қарағанды және Ақмола облыстарындағы 115 археологиялық ескерткіште ауқымды барлау жұмыстарын және тұрақты археологиялық қазбалар жүргізді (Байпаков, Петенева, 5-6 бб.).

XX ғ. аяғы – XXI ғ. басы Қазақстан археологиясы үшін аймақтарда ғылыми-зерттеу орталықтары мен археология институттардың ашылуымен есте қалды.

1996 жылы Түркістан қаласында Қ.А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті жанынан Археология ғылыми-зерттеу институты ашылып, 1998 жылы

жеке ғылыми-зерттеу орталығы болып қайта құрылды.

1996-1999 жж. Археология орталығын З. Исабеков басқарса, 2001-2008 жж. профессор М. Елеуов, 2008 ж. бастап бүгінгі күнге дейін профессор С. Жолдасбаев жетекшілік етуде. Бұл археология орталығында әр жылдары белгілі археологтар – К.М. Байпақов, О. Ысмағұлов, З. Самашев, Ж.Қ. Таймағамбетов, Р.З. Бурнашева, А.Б. Қалышев, Д.Ф. Винник, Д. Тәлеев, М. Қасенов және т.б. жұмыс істеді. Қ.А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті орталығының археологиялық экспедициялары Қаратаудың солтүстік және оңтүстік беткейлерінде орналасқан ескерткіштерде зерттеу жүргізу барысында жақсы нәтижелерге қол жеткізді. Кең ауқымды барлау жұмыстары жүргізілді. Бұрын белгісіз болып келген жүздеген жаңа ескерткіштер анықталды. Оңтүстік Қазақстанның жекелеген аудандардың ескерткіштер жинақтары құрастырылды. Төрткүлтөбе, Қарашық, Сауран, Сығанақ қалаларында жүргізілген қазба жұмыстары біздің Оңтүстік Қазақстанның қала мәдениеті туралы түсінігімізді өзгертіп, жаңа материалдармен толықтырды.

2003 жылы Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті жанынан Сарыарқа археологиялық институты (САИ) ашылды. Институттың құрылуы өз бастауын университетте В.В. Евдокимов жетекшілік ететін археологиялық зертхана жұмыс істей бастаған 1976 жылдан алады. 1994 жылы бұл зертхана Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтымен бірлесіп Орталық Қазақстандағы археология бөлімі болып қайта құрылды. Сарыарқа археологиялық экспедициясы Орталық Қазақстанның мәдени мұрасын зерттеу және сақтауға байланысты ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізумен айналысады. «Андрон мәдени-тарихи қоғамының жерлеу ғұрыптары», «Қышыдыстар қола және ертетемір дәуіріндегі Қазақстан тұрғындары тарихының дерек көзі ретінде», «Қола дәуірінің соңындағы Орталық Қазақстан», «Қазақстанның ежелгі

тайпаларының дүниетанымы мен әлеуметтік құрылымын қалпына келтіру (б.з.д. 2-1 м.ж.)» атты ғылыми тақырыптар зерттелді.

2002 жылы профессор М.Н. Сыдықов жетекшілігімен және Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының қатысуымен Батыс Қазақстан Тарих және археология орталығы құрылды. Орталық жұмысы құрыла салысымен, арнайы жасалған мемлекеттік және аймақтық бағдарламалары арқылы жұмыс істей бастады. Бұл жылдары орталық мың жарымдай археологиялық ескерткіштерді анықтады. Жайық қаласында, Лебедевқа, Қырық оба, Бұлдырты, Солянка, Илешкер, Үлгілі, Ақсай және т.б. қазбалар жүргізілді (Археологическая карта ЗКО, 2009, с. 11-14).

2006 жылдың қаңтарында Ақтөбеде А.А. Бисембаевтың жетекшілігімен Облыстық тарих, археология және этнография орталығы құрылып, бірден өзаумағында барлау және қазба бағытында археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізе бастады. Бүгінгі күні орталық Ақтөбе облысының жалпы аумағының 50% жалпы зерттеумен қамтып, облыстың бес ауданы бойынша Табиғат және тарихи-археологиялық ескерткіштер Жинағын шығарды. Ірі қазба зерттеулері Гүрілдек, Сарытау, Оңайбұлақ, Талдысай, Сапыбұлақ қорымдарында жүргізілді. 2009 жылдан бері Орталық Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институты мен Герман археологиялық институты мамандарымен бірлесіп, Ақтөбе облысының «Ор-Елек өзендері аралығындағы ерте көшпенділердің ескерткіштері» атты аймақтық бағдарламасы бойынша жұмыс істейді. Орталық дәстүрлі халықаралық «Қадырбаев оқулары» конференциясы жарияланымдарымен де танымал.

Әсіресе, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті құрамында құрылған Археология ғылыми-зерттеу институтын ерекше атап өту керек. Институттың құрылуы археологтар мектебін қалыптастыру, археолог мамандарды тәрбиелеу және Есік обасындағы «Алтын адамды» ашуымен Қазақстанның археология ғылымының дамуына теңдессіз үлес

қосқан Қазақстанның көрнекті археолог-ғалымы Кемел Ақышев есімімен байланысты. К.А. Ақышев атындағы Археология ҒЗИ Орталық Қазақстан аумағында археологиялық зерттеулер жүргізеді. ҚР БҒМ ҒК іргелі және қолданбалы бағдарламаларын, Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасын орындаушы болып табылады және ортағасырлық Бозоқ қаласында қазба жұмысын жүргізуде. Қазба барысында жаңа ғылыми-техникалық әдістер қолданылып, сәулет-археологиялық құрылыстарды қалпына келтіру және қайта жаңғырту әдістері өңделіп қолданылады. Археологиялық нысан жағдайының мониторингі жүргізіледі. Алынған нәтижелер оқу үрдісінде қолданылады.

Жақында ғана әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті жанынан археологиялық орталық құрылды. Бұл орталықтың құрылуы ректор У.А. Жолдасбековтың бастама-сымен 1971 жылы құрылған археология кафедрасының қызметіне байланысты болды. Осы жылдары әл-Фараби атындағы ҚазҰУ тарих факультетінің археология кафедрасынан ғылымда лайықты орын алған бірқатар ғалымдар білім алып шықты. Олардың арасынан Ж.К. Таймағамбетов, Ә.Т. Төлеубаев, С.И. Әжіғали, М.Е. Елеуов, Е.А. Смағұлов, М. Қожа және т.б. атап өтуге болады. Әр жылдары кафедрада Ә.Х. Марғұлан, С.С. Черников, Ю.А. Заднепровский, М.П. Грязнов, К.А. Ақышев, К.М. Байпақов, О.И. Ысмағұлов, Х.А. Алпысбаев, Х.А. Арғынбаев және тағы да көптеген белгілі ғалымдар дәрістер оқыған. Тарих ғылымы саласында жоғары білікті мамандар тәрбиелеу секілді маңызды әлеуметтік тапсырысты орындаудан өзге, археология кафедрасы Қазақстанның бай мұрасын зерттеу нәтижесі бойынша да жетістіктерге қол жеткізді. Бұл жетістіктер тас ғасырын – Ж.Қ. Таймағамбетов, қола дәуірін – Ә.М. Оразбаев, ерте темір ғасырын – Ә.Т. Төлеубаев, қалалық мәдениетті – М.Е. Елеуов, С.Ж. Жолдасбаев, Н. Алдабергенов зерттеулерінің нәтижелері бойынша белгілі.

А. Байтұрсынов атындағы Қостанай мемлекеттік университетінде археологиялық зерттеулер зертханасы белсенді жұмыс істейді. 1998 жылдан бері археологиялық зерттеулер зертханасына және Торғай археологиялық экспедициясына А.В. Логвин жетекшілік етуде. Зертхананың негізгі бағыты – Қостанай облысының археологиялық ескерткіштерін іздестіру және зерттеу. Тас, қола дәуірлерін, Торғай аумағының алғашқы қоғамдық тайпаларының антропологиялық түрлері және алғашқы қауымдық құмырашылықты зерттеу бойынша бірнеше негізгі ғылыми-зерттеу тақырыптары қарастырылуда. Зертхана мамандары ашып, зерттеу жүргізген көптеген ескерткіштер арасынан 1991 жылдан бері зерттеліп келе жатқан Бестамақ қорымын бөліп көрсетуге болады. Бұл ескерткіш Қазақстан Республикасы аумағындағы ерекше ескерткіш болып танылған зерттеудің жиырма жылдық кезеңінде 170-тен астам жерлеу орындары мен діни құрылыстар аршылып, зерттелді.

2002 жылы М.О. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан Мемлекеттік университетінде «Археология және этнология» кафедрасы, 2007 жылы «Археология» ғылыми-зерттеу орталығы құрылды. Ректоры В.К. Бишимбаевтың ат салысуы және жеке бақылауға алуының арқасында «Оңтүстік Қазақстан облысын этномәдени және тарихи зерттеулер бойынша Бағдарлама (2001-2003 жж.)» жасалды (Аталған бағдарлама М.О. Әуезов атындағы ОҚМУ Ғылыми Кеңес отырысында бекітілді (№ 9 хаттама, 09.10.2001 ж), ал одан сәл бұрын Қазақстан Республикасы Вице Премьер-министрі И.Н. Тасмағамбетов тапсырмасы және жоғарғы және орта білім беру Департаменті директорының хатына сәйкес М.О. Әуезов атындағы ОҚМУ Оңтүстік Қазақстан облысы бойынша этномәдени және тарихи мәселелері бойынша базалық жоғарғы оқу орны ретінде анықталды (2001 жыл 4 шілде (№ 24-2/и-643). Бұл «Бағдарлама» сол жылдары Бүргелік жерінде орналасқан археологиялық нысандарды зерттеуді мақсат

етіп қойды. Университеттің археологиялық экспедициясы Бүргелік ескерткіштерін зерттеуде Қазақстанның оңтүстігінде өзгеше қаржантаулық деп аталатын қыш ыдыстар түрі бар кейінгі қола дәуірінің қонысын алғаш рет ашу арқылы жақсы жетістіктерге қол жеткізді (Байтанаев, 2010, 32-39 бб.).

М.О. Әуезов атындағы ОҚМУ археологиялық экспедициясы Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы шеңберінде (2004-2009 жж) және ҚР БҒМ қолданбалы және іргелі зерттеулер бағдарламасы бойынша (2006-2008 жж.) зерттеулер жүргізді. Сайрам (Байтанаев, 2007, с. 62-81), Шымкент (Байтанаев, 2008, с. 31-37), Қараспан, Жуантөбе, Төрткүлтөбе және т.б. қалаларда зерттеу жұмыстары жүргізілді. Қаржантау, Қаратау, Қазығұрт таулары баурайларында өте үлкен көлемде барлау жұмыстары жүргізілді. Шымкент және Сайрам қалаларының жасы анықталды. Ерте көшпенділердің қорымдары зерттелді.

Қазақстанның тәуелсіздік кезеңінде Мәдениет министрлігінің музейлері де археологиялық жұмыстар жүргізді. Олардың арасынан Орталық музейді, Отырар мемлекеттік археологиялық қорық-музейін, Оңтүстік Қазақстан облыстық тарихи-өлкетану музейін, «Әзірет сұлтан» тарихи-мәдени қорық-музейін ерекше атап өту керек. Музей қызметкерлері арасынан тәуелсіздік кезеңінде Қазақстанның археология ғылымына үлес қосқан М. Қожа, Ф. Григорьев, М. Тұяқбаев, А. Ержігітова, Е. Есжан, С. Ақылбек, С. Ахмет және т.б. мамандардың орны ерекше.

2000 жылдан бастап Қазақстан археологтары әртүрлі ірі халықаралық жобаларға қатысып келеді. Олардың бірі халықаралық ЮНЕСКО – Қазақстан – Жапония «Отырар қаласы мен Отырар алқабы ескерткіштерін қорғау мен сақтау» (2001-2004 жж.) жобасы болды. Жобаны орындау үшін Англия, Германия, Жапония, Италия, Қазақстанның тарихи-мәдени мұраны сақтау саласындағы халықаралық мамандар тартылды. Бұл жоба

кейіннен К.М. Байпақов жетекшілік еткен «Ежелгі Отырарды жаңарту» бағдарламасымен жалғасты.

Осындай жобаларды іске асырудың бірінші кезегінде, академик К.М. Байпақов жетекшілігімен Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты Отырар алқабына көп жылдық зерттеу жұмыстарын жүргізуге мүмкіндік алды. 40 жылдың ішінде Отырар, Құйрықтөбе, Оқсыз, Көкмардан, Алтынтөбе, Пұшықмардан және т.б. қалалар зерттелді.

ЮНЕСКО жобасы аясында жүргізілген зерттеу, сақтау және қайта жаңғырту іс-шаралары Отырар алқабы ескерткіштерін Ұлы Жібек жолы бойындағы ашық аспан астындағы мұражайға айналдыруға жағдай жасауға мүмкіндік берді. Қам кірпіштен тұрғызылған археологиялық сәулет құрылыстарын сақтау, қайта жаңғырту және құжаттау бойынша жаңа әдістер жасалды.

2004 жылдан бері Қазақстан археологиясы қазіргі күнге дейін жалғасып жатқан дамудың жана қарқынына ие болды. Қазақстанда бүкіл әлемде теңдесі жоқ «Мәдени мұра» Мемлекеттік бағдарламасы қолға алынды.

Бағдарламаның алғашқы кезеңі 2004-2006 жж., екіншісі – 2007-2009 жж. іске асты, үшіншісі 2010 жылдан бүгінгі күнге дейін жүргізілуде. Зерттеу нысандары ретінде негізінен бұрыннан белгілі, айшықты археологиялық ескерткіштер таңдалып алынды. Бұл кезеңдер бойы Қазақстан археологтары жыл сайын 35-тен астам нысандарда зерттеу жұмыстарын жүргізіп келеді. Осы жұмыстар нәтижесінде тас ғасырынан кейінгі орта ғасырға дейінгі кезеңді қамтитын өте үлкен археологиялық материал жинақталды, ал бұл материалдарды ғылыми ұғыну үшін бірнеше онжылдықтар керек болатыны сөзсіз.

Жалпы, «Мәдени мұра» Мемлекеттік бағдарламасы бағытында археологтардың еңбегі өте зор болды, ол арнайы дәлелдеуді қажет етпейді. Берел, Шілікті сынды сақ жәдігерлерінің ашылып, зерттелуі, олардың

қорытындылары қазір әлем ғалымдарының назарында. Жуырда сақ зерттеулері бойынша тағы бір аса ірі жаңалық ашылды. Бұл археолог А.З.Бейсенов зерттеген Талды-2 қорымының соны деректері еді. Қарағанды облысы Қарқаралы ауданында орналасқан бұл көне орыннан барлығы 7 ерте сақ заманының обасы қазылған болатын. Мұндағы 2-ші және 5 –ші обадан 200 тарта алтын бұйым мен 22000 астам ұсақ алтын әшекей табылды. Мамандар пікірінше, бұлар сақ қоғамының пәрменді билеушілері киген салтанатты киімнің әшекей зерлері болып табылады. Ескерткіштер б.з.д. 7-6 ғ. мерзімделеді (Бейсенов А.З., 2011).

Біздің алдымызда ең алдымен жаңадан қабылданған Ғылым туралы заңда анықталған жана міндеттер тұр. Ол бойынша археологияның дамуы екі бағытпен – іргелі және қолданбалы бағыт бойынша дамиды.

Тарихи зерттеулерде, білім беру мен халық ағарту саласында басымдықтағы бағдар ретінде Қазақстанды еуразиялық мәдениетке жатқызу жөніндегі ереже саналады. Бұған отырықшы және көшпелі мәдениет, қала мен дала, әртүрлі этникалық, тілдік, сенім дәстүрлердің өзара байланысы мен дамуы тән және Қазақстан аумағындағы мәдениеттердің үздіксіз даму сабақтастығын көрсетуге болады.

Біз үшін қазақстандық іргелі археология ғылымының келесі даму бағыттары: антропогенез, адамзаттың пайда болуы және Қазақстандағы мәдениеттің ерте кезеңдерін зерттеу; адамзат тарихи даму үрдісіне Қазақстанның әсері мәселесін теориялық талдау; Қазақ хандығы дәуіріне дейінгі көшпенділер мәдениетін зерттеу; ежелгі дәуір мен орта ғасырдағы көшпенділер мәдениеті мен отырықшылық өркениеттің өзара байланысын, оның ішінде Қазақстанның ежелгі қала өркениетінің алғашқы кезеңі туралы мәселені зерттеу; мұсылман мәдени кеңістігінің бір бөлігі ретінде дамыған орта ғасыр кезеңіндегі Х-ХVIII ғғ. Қазақстан қалалары мәдениетін зерттеудегі археологияның рөлі; Еуразия тарихында маңызды рөл ойнаған ірі этностардың

бірі – түркі халықтарының ғылыми тарихын жазу маңызды болып табылады

Инновациялық бағыттар арасынан ландшафттық археология, экологиялық археология, этноархеология, оның ішінде әсіресе дәстүрлі қазақ мәдениетін зерттейтін бөлігін ерекше атап өтуге тиіспіз. Ары қарай археологиялық сәулет, археологиялық дінтану, археологиялық технологияларды зерттеу серпін алуы керек. Бұл бағыттардың бәрі жаңа компьютерлік технологиялармен, құжаттау, картография, хронология бойынша жаңа құралдарымен жалғасуы қажет. Дегенмен, пәнаралық зерттеулерге маңызды орын берілуде. Іргелі зерттеулердің негізгі нәтижелерін алдымыздағы бесжылдықта даярланып жарыққа шығатын көп томды «Қазақстан археологиясы» жарияланымында жарыққа шығару көзделуде.

Қазақстан экономикасының қарқынды өсуі, үлкен құрылыстар, бос жерлерді халық шаруашылығында пайдалану секілді факторлар әсерінен тарихи-мәдени мұра ескерткіштерін сақтауға байланысты проблемалар туындады.

Бүгінгі таңда, Қазақстанның үлкен аумағын игеру барысында жыл сайын археологиялық ескерткіштер тобы жойылуда.

Бұл бірінші кезекте, ҚР «Тарихи-мәдени мұраны қорғау туралы» Заңының дұрыс қадағаланбауы себебінен болуда.

2007 жылы аталған Заңға өзгерістер енгізіліп, онда жер телімі бөлініп берілгенге дейін тарихи-мәдени мұра нысандарын анықтау мақсатында зерттеу жұмыстары жүргізілуі керек екендігі айтылған. Дегенмен Заң көп жерлерде сақталмай, Қазақстанның әртүрлі облыстары аумағындағы археологиялық ескерткіштерге алдын ала зерттеу жүргізілместен және құзыретті органдардың рұқсатынсыз жеке меншікке берілу және құрылыс барысында жойылу фактілері орын алууда.

Олай болса, Қазақстанның қолданбалы археологиясы бірінші кезекте өз күш-қайратын құрылыс және жерді шаруашылық игеру жағдайында толықтай жойылып кету қаупі

туып тұрған ескерткіштерді сақтап қалуға бағыттауы керек. Қазақстан археологтары кей жерлерде өз еліміздің тарихи-мәдени мұрасын сақтап қалу үшін құзырлы органдармен бірлесіп жұмыс істеуі тиіс. Республикадағы басты ұйым ретінде Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының рөлі бүгінде үйлестіруші және ұсыныс беруші ретінде болуы керек.

2011 ж. 26 қыркүйегі мен 10 қазаны аралығында Қазақстанда тұңғыш рет археологтардың Жазғы мектебі өткізілді. ТМД елдерінің тарихи-мәдени мұрасы Жылына орай ТМД аясындағы мемлекеттердің гуманитарлық ынтымақтастығы Халықаралық қорының басшылығымен Ә.Х. Марғұланат. Археология институты ұйымдастырған бұл шара Түркістан археологиялық экспедициясының негізінде өтті.

Жазғы мектептің жұмысына Әзірбайжан, Армения, Беларусь, Украина, Қырғызстан, Молдова, Ресей, Тәжікстан елдерінің және көптеген Қазақстан өкілдері қатысты.

Мектептің жұмыс бағдарламасы ауқымында төмендегі тақырыптар бойынша лекциялар мен баяндамалар, дискуссиялар мен мастер-кластар тыңдалды:

Түркістан қала жұрты археологиялық ескерткіштері (Күлтөбе қонысы) бойынша қазба методикасы мен материалды тіркеу мәселесі.

Көне Орта Азияның ғибадатханалары мен ғұрыптары.

Орта Азияның көне және ортағасырлық діни орталықтары.

Орталық Азияның археологиясы мен тарихындағы Сауранның ролі.

Қазақстан діндері.

Орталық Азияның археологиясы мен тарихындағы Сайрам – Испиджаб.

Қазақстан археологиясында сақ мәдениетінің зерттелуі.

Сидак қала жұрты – ерте ортағасырлық Қазақстанның ғұрыптық құрылыстарын зерттеу дерегі.

Отырар қалашығы Орталық Азияның тарихы мен археологиясында.

Кенжида округі Орталық Азияның тарихы мен археологиясында.

Бөріжар қорымы Орталық Азияның көне ғұрыптары мен діндері тарихын зерттеу дерегі.

Археологиялық құжаттау методикасы.

Мектепке қатысушылар тарихи-мәдени мұраны сақтау мен қалпына келтіру жұмыстарының жаңа тәсілдерін игерудің кәсіби дайындығынан өтті, Қазақстанның бай тарихи-мәдени мұрасымен танысты, ескерткіштер мен музейлерді көрді, ТМД ауқымындағы археологиялық мұраны сақтаудың өзекті мәселелерін талқылады, археология мәселелері бойынша міндеттерді орындаудағы билік, археологиялық институттар мен БАҚ арасындағы іскерлік өзара ынтымақтастық пен кешенді тәсілдердің маңыздылығын атап өтті.

Осылайша, тәуелсіздік кезіндегі Қазақстан археологиясы дамудың лайықты жолын жүріп өтті.

1991 жылдан 1997 жылға дейінгі уақытты – нарықтық экономиканың жаңа жағдайларына бейімделу кезеңі деп атасақ, 1997 жылдан 2004 жылға дейінгі кезең – тұрақтылық кезеңі, 2004 жылдан бастап бүгінге дейінгі уақытты – Қазақстан Республикасы экономикасының дамуын қамтамасыз ету және «Мәдени мұра» Мемлекеттік бағдарламасын – сілкініс кезеңі деп атай аламыз.

Әдебиет:

Акишев К. Итоги работы Ишимской археологической экспедиции в 1998 г. // Изв. МН и ВО РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. – 1999. – № 1.

Археологическая карта Западно-Казахстанской области. – Ақтобе, 2009.

Байпаков К.М. Итоги и перспективы развития казахстанской археологии // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 1993. – № 5.

Байпаков К. М. Организация Института археологии в Республике Казахстан // Маргулановские чтения: тезисы. – Петропавловск, 1992.

Байпаков К.М., Петенева Г.Г. Институту археологии им. А.Х. Маргулана – 10 лет // Известия МОН РК. НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2001. – № 1.

Байтанаев Б.А. К вопросу генезиса ранних поселений Испиджабского историко-культурного района // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкента. – Шымкент, 2008.

Байтанаев Б.А. К вопросу о топографии и стратиграфии городища Сайрам // Изв. НАН РК: Сер. обществ. наук. – 2007. – № 1.

Байтанаев Б.А. Поселение эпохи поздней бронзы урочища Бургулюк и керамика Каржантауского типа // Изв. НАН РК: Сер. обществ. наук. – 2010. – № 1.

Бейсенов А.З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации. – Алматы, 2011.

Бисембаев А.А., Сдыков М.Н. Исследования памятников раннего железного века в Западном Казахстане в 1991-2011 гг. // Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991-2011): Қазақстан тәуілсіздігінің 20 жылдығына арналған ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы, 2011.

Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути: тез. докл. междунар. семинара ЮНЕСКО (Алма-Ата, 15-16 июня 1991 г.). – Алма-Ата, 1991.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Славинский В.С. Каменный век Казахстана: Исследования российско-казахстанской археологической экспедиции в Казахстане (1998-2001). – Новосибирск, 2003.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т. Отчет о работе совместной казахско-российской археологической экспедиции // Изв. МН и ВО РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. – 1999. – № 1.

Зайберт В.Ф. Историко-культурное значение поселения Ботай // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2004 г. – Алматы, 2005.

Постановление Кабинета министров КазССР от 28 августа 1991 г. № 496 «Об организации Института археологии им. А.Х. Маргулана».

Самашев З.С., Туякбаева Б.Т. Работа казахско-французской экспедиции по изучению наскальных изображений Казахстана в 1993 г. // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. – 1993. – № 5.

Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. Берел. – Алматы, 2000.

Самашев З.С., Франкфорт А.-П. Древности Казахского Алтая // Изв. МН и ВО РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. – 1999. – № 1.

Самашев З.С., Франкфорт А.-П., Ермолаева А.С., Жумабекова Г.С., Гий Э., Сунгатай С., Жетибаев Ж.М., Омаров Г.К. Исследование культуры древних кочевников Казахского Алтая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: матер. междунар. археол. конф. – Алматы, 1998.

Чанг К., Савельева Т.В. Итоги исследований по казахско-американскому археологическому проекту // Изв. МН – АН РК. Сер. обществ. наук. – 1996. – № 2.

Резюме

В данной статье автор указывает пути развития археологической науки Республики Казахстан с 1991 г. до наших дней. Дается важная информация о роли Института археологии им. А.Х. Маргулана как головного, координационного и рекомендательного учреждения в Республике, о работах и достижениях археологических экспедиций, а также, об археологических научно-исследовательских центрах в регионах. Рассматривает перспективные пути развития по прикладным и фундаментальным направлениям и выделяет пути сохранения историко-культурного наследия и о новых инновационных направлениях.

Summary

In this article the author points to the development of archaeological science of Kazakhstan from 1991 to the present days. He provides important information about the role of the Institute of archaeology named after Margulan A.H. as a main, coordinating and advisory institution in the Republic, about work and achievements of archaeological expeditions, as well as archaeological research centers in the regions. Author reviews perspective ways of the development of applied and fundamental directions and highlights ways of preservation of historical and cultural heritage and ways of new innovative directions.

Байтанаев Б.А.

Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы

Казахстанская археология начала формироваться еще с дореволюционного времени. Кульминационным, определяющим событием в археологии Казахстана было создание в 1991 г. Института археологии им. А.Х. Маргулана (Постановление...). Институт, являясь ровесником независимого Казахстана, достойно прошел свой двадцатилетний творческий и созидательный путь, будучи главным координатором археологической науки в нашей Республике.

Институт археологии им. А.Х. Маргулана создавался отнюдь не на пустом месте. Его формирование происходило в советское время в недрах Института истории, археологии и этнографии им Ч.Ч. Валиханова, организованного в послевоенные годы в составе Академии наук Казахской ССР.

Неслучайно Институт археологии носит имя А.Х. Маргулана. Становление казахстанской археологии непосредственно связано с его именем. Будучи разносторонним ученым, особенно в области исторических, филологических наук и востоковедения, А.Х. Маргулан особо относился к археологии. Именно он сразу же после создания АН КазССР организовал первую археологическую экспедицию Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова, – Центрально-Казахстанскую, которая проработала под его руководством около 30 лет. Главным итогом многолетних исследований в экспедиции ученого явилось открытие яркой и самобытной культуры бронзы Сарыарки, особо важным было выделение бегазы-дандыбаевской культуры, получившей признание среди

историков, археологов и общественности.

Начиная с послевоенных лет, археологические исследования в Казахстане носили плановый и системный характер.

Велика заслуга в подготовке казахстанских кадров археологов крупных советских ученых: А.В. Арциховского, М.Е. Массона, С.П. Толстова, А.Н. Бернштама, М.П. Грязнова, С.С. Черникова, П.И. Борисовского, А.М. Беленицкого, Л.Р. Кызласова и многих др. В этой связи нельзя не отметить археологов Казахстана, работавших в советское время: Е.И. Агееву, А.Г. Максимову, Е.И. Сенигову, К.А. Акишева, К.М. Байпакова, Л.Б. Ерзаковича, Х.А. Алпысбаева, М.К. Кадырбаева, С.М. Ахинжанова, Б.Н. Нурмуханбетова, Т.М. Савельеву, Ж.К. Курманкулова, З. Самашева, А.С. Ермолаеву и многих других, которые своим трудом и достижениями создали фундамент будущего самостоятельного Института археологии Казахстана.

Открытый в 1991 г. Институт Археологии ставил следующие основные научные направления перед археологической наукой Казахстана:

- «разработка вопросов антропогенеза, расселения первобытного человека на территории Казахстана в эпоху камня;
- изучение этногенеза казахов по археологическим источникам;
- изучение проблемы происхождения и развития производящего хозяйства (скотоводство и земледелие). Вопросы палеоэкономики, эволюции древних технологий;
- исследование номадизма, изучение

древней и средневековой урбанизации, взаимодействия оседлых и кочевых культур;

– изучение памятников археологии, древнего искусства и архитектуры. Проблемы сохранения культурного наследия» (Байпаков, 1992, с. 3).

Для осуществления этих задач в Институте создаются следующие научные отделы :

- первобытной археологии;
- средневековой археологии;
- новостроечных экспедиций;
- свода памятников археологии;
- лаборатория археологической технологии;
- музей археологии (Байпаков, 1992, с. 3).

Открытие Института было результатом казахстанской школы археологии. Свидетельством этому являются участие казахстанских ученых в международном проекте ЮНЕСКО «Великий Шелковый путь – путь диалога культур» (Байпаков, 1993, с. 5) и проведение в Алматы международного семинара ЮНЕСКО (Взаимодействие...).

Непростыми были первые годы независимости, продиктованные условиями переходного периода и развалом экономики бывшей союзной республики, что и отразилось на начальных этапах становлении археологической науки. Были потеряны прежние научные связи, усложнялась работа в архивах библиотек, фондах музеев в бывших союзных республиках. Тем не менее, отсутствие должного финансирования полевых археологических работ не отразилось на взаимных контактах всего археологического братства Содружества Независимых Государств. Напротив, появились новые возможности и новые научные связи.

В Казахстан потянулись специалисты и экспедиции из дальнего и ближнего зарубежья. Ярким примером этому является изучение ботайской культуры, казахско-российские, казахско-французские и казахско-американские экспедиции 1990-х гг.

По этому поводу профессор В.Ф. Зайберт пишет: «Только после образования суверенного Казахстана поселение Ботай могли посетить

ученые из Англии, Америки, Германии. В ходе их визитов были приняты совместные программы исследований материалов Ботая, которые включали мое посещение в 1994 г. ряда британских университетов с лекциями о Ботаяе и организацию в Кембриджском археологическом музее выставки о ботайской культуре, а также организацию международного симпозиума «Ранние коневоды Евразии» на Ботаяе в 1995 г., в котором приняли участие 80 ученых из 16 стран дальнего и ближнего зарубежья» (Зайберт, 2005).

С 1992 г. создается казахско-российская экспедиция, которая ведет совместные работы на территории России и Казахстана по реализации международной программы «Палеоэкология древнего человека и первоначальное освоение Евразийского материка». С российской стороны участвовали специалисты Института археологии и этнографии СО РАН под руководством А.П. Деревянко, с казахстанской – сотрудники Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством Ж.К. Таймагамбетова.

С 1995 г. по 2000 г. экспедицией реализуется проект «Палеолит аридной зоны Казахстана: периодизация и хронология», в котором участвует и Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясауи. Начиная с 2000 г., к проекту подключается Казахский государственный национальный университет им. аль-Фараби. Полученные результаты прошли апробацию и признание на международных форумах в Бельгии, Голландии, России, Казахстане (Деревянко, Таймагамбетов, Петрин, 1999, с. 29-30; Деревянко, Петрин, Зенин, Таймагамбетов, Гладышев, Цыбанков, Славинский, 2003, с. 5).

«Итогом многолетних исследований совместной российско-казахстанской археологической экспедиции стало открытие десятков новых местонахождений, относящихся к ранним, средним и поздним этапам палеолита. Получены уникальные данные, характеризующие процессы заселения древним человеком территории Центральной Азии в плейстоцене. Работы на травертиновых объектах Южного Ка-

захстана в сочетании с изучением комплексов с поверхностным залеганием артефактов имеют чрезвычайно важное значение, как для реконструкции палеоэкологических условий существования древнего человека, так и для попыток воссоздания адаптационных систем человеческих сообществ, обитавших в аридных условиях. Это позволит нам более уверенно говорить о времени, характере и направленности освоения человеком засушливых районов Евразийского материка» (Деревянко, Петрин, Зенин, Таймагамбетов, Гладышев, Цыбанков, Славинский, 2003, с. 7).

В 1993 г. создается казахско-французская экспедиция по изучению наскальных изображений Казахстана, куда вошли специалисты Института археологии, Института «Казпроектреставрация», Национального центра научных исследований Франции. Основной задачей экспедиции была подготовка материалов Корпуса петроглифов Казахстана; бесконтактное копирование наскальных рисунков; геохимические анализы; разработка методики консервации петроглифов. К интересным результатам привели геохимические анализы петроглифов, по которым было установлено, что микроорганизмы, живущие на поверхности скал, накапливают различную информацию о палеоклимате. Бактерии, расположенные на скалах с петроглифами, наслаивают мельчайшие органические остатки, сравнительный анализ которых с археологическими предметами с патинами из могильников позволяют уточнить возраст самих рисунков (Самашев, Туякбаева, 1993, с. 92-93).

Особо результативными оказались работы международной экспедиции, организованной в 1997 г. при участии сотрудников археологической миссии Франции в Центральной Азии и научно-исследовательского центра Италии Лигабуе, куда вошли представители научных учреждений России, Италии, Швеции, возглавил ее З. Самашев. Основной задачей экспедиции было планомерное изучение памятников древних кочевников Казахского Алтая. В рамках международного проекта были исследованы

некрополи Майемер, Тар Асу, Берел, открыты новые памятники наскального искусства (Самашев, Франкфорт, Ермолаева, Жумабекова, Гий, Сунгатай, Жетибаев, Омаров, 1998, с. 174-175).

К сенсационным результатам привели исследования сакского некрополя Берел, в частности кургана № 11. Благодаря феномену вечной мерзлоты, образованной под каменной насыпью кургана, прекрасно сохранились мумифицированные останки людей, погребенные животные, деревянные изделия, войлок, кожа (Самашев, Франкфорт, 1999, с. 33-37; Самашев, Базарбаева, Жумабекова, Сунгатай, 2000). Данная находка широко освещалась в различной литературе и получила высокую оценку как выдающееся открытие мирового уровня, она внесла существенный вклад в изучение культуры древних кочевников Алтая.

Значимых результатов достигла казахско-американская экспедиция, основной целью которой было выявление процессов эволюции от поселения к урбанизму в Талгарском регионе, охватившей период от саков до средневековья под руководством К.М. Байпакова. В исследованиях экспедиции с казахстанской стороны участвовали К.М. Байпаков, Т.В. Савельева, Ф.П. Григорьев, Ю. Пешков, А. Манапова, О.В. Кузнецова, Т.В. Трифонова, с американской – К. Чанг, П. Туртеллотт, К. Райн, А. Розен, М. Форштадт, Б. Руан, С. Танака.

Работы проводились на поселении Тузусай, Талгар-3 и городище Талгар. В этом проекте казахстанские исследователи сконцентрировались в основном на изучении особенностей найденных на поселениях строительных конструкций и археологического материала. Тем временем американские ученые сосредоточились на проведении лабораторных исследований, анализа зооархеологических, фитолиитических, палеоботанических материалов.

В результате полевых и лабораторных работ было установлено, что масштаб оседлости и развитие ремесленного производства в эпоху саков были значительно шире, чем представля-

лось ранее. Создалась возможность более аргументировано констатировать вопросы оседания древних номадов и появления у них оседлых земледельческих поселений (Чанг, Савельева, 1996, с. 86-91).

С 1997 г. в Казахстане на конкурсной основе, с проведением независимой научно-технической экспертизы, стали проводиться фундаментальные и прикладные научно-технические программы. Первая программа фундаментальных исследований Института археологии «Древнее культурное наследие Казахстана: глубинные истоки и традиции» была реализована в 1997-1999 гг. (Байпаков, Петенева, 2001, с. 8). С тех пор Институт, как и многие другие научные учреждения Казахстана, осуществляет свою деятельность в рамках этой программы.

Знаковым был для казахстанских археологов 1998 г., который Указом Президента Республики Казахстан был объявлен Годом народного единства и национальной истории. В том же году утверждается государственная программа РК «Возрождение исторических центров Шелкового пути, сохранение и преемственное развитие культурного наследия тюркоязычных государств, создание инфраструктуры туризма». Программа включала комплекс мероприятий по изучению, консервации, музеефикации и восстановлению 30 памятников, расположенных на казахстанском участке Великого Шелкового пути (Байпаков, Петенева, 2001, с. 8).

В Год народного единства и национальной истории создается Ишимская экспедиция под руководством К.А. Акишева, которая ставит задачу археологического и палеоэтнографического исследования Нур-Ишимского междуречья, где главной целью было выявление и топографическое исследование памятников средневековой городской культуры, определение объектов будущих масштабных раскопок (Акишев, 1999, с. 5).

В тот год по результатам экспедиции К.А. Акишев писал: «На артефактах, полученных нашими исследователями в текущем году, представляется возможным наметить контуры

историко-культурного развития в древности и средневековье и оценить перспективы его дальнейшего исследования. Междуречье Иртыш-Ишим-Нура – обширный степной регион с многочисленными археологическими памятниками, относящимися к разным историческим эпохам» (Акишев, 1999, с. 5-6).

Девяностые годы оказались особенными для казахстанской археологии, произошла адаптация науки и археологов к новым условиям рыночной экономики. К полевым исследованиям привлекаются частные, юридические и корпоративные средства, деньги международных фондов.

Несмотря на финансовые трудности переходного периода девяностых годов, продолжали работать Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция под руководством К.М. Байпакова, Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством Ж.К. Курманкулова, Семиреченская комплексная археологическая экспедиция под руководством К.А. Акишева, Западно-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством З. Самашева, Северо-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством М.К. Хабдулиной, Казахстанская новостроечная археологическая экспедиция под руководством Л.Б. Ерзаковича, Туркестанская археологическая экспедиция под руководством Е.А. Смагулова, Сарыаркинская археологическая экспедиция под руководством А.З. Бейсенова, Свода археологических памятников Казахстана под руководством В.А. Грошева, Меркенская археологическая экспедиция под руководством А.М. Досымбаевой, Алматинская новостроечная археологическая экспедиция под руководством Б.Н. Нурмуханбетова.

В девяностых годах этими экспедициями на 115 археологических памятниках проведены стационарные археологические раскопки, масштабные разведки на плато Мангыстау, северного побережья Аральского моря, Жетысу, Восточного и Северного Прибалхашья, Восточного Казахстана, Кызылординской, Алматинской,

Южно-Казахстанской, Атырауской, Жамбылской, Мангыстауской, Карагандинской и Акмолинской областей (Байпаков, Петенева, 2001, с. 5-6).

Конец 20 – начало 21 вв. ознаменовались в казахстанской археологии открытием в регионах научно-исследовательских центров и институтов археологии.

В 1996 г. в городе Туркестане при Международном казахско-турецком университете им. Х.А. Ясауи был организован научно-исследовательский институт археологии, преобразованный в 1998 в отдельный научно-исследовательский центр.

В 1996-1999 гг. Центр археологии возглавлял З. Исабеков, 2001-2008 гг. – профессор М. Елеуов, с 2008 г. – профессор С. Жолдасбаев. В Центре археологии в разные периоды работали известные археологи: К.М. Байпаков, О. Исмагулов, Р.З. Бурнашева, З. Самашев, Ж.К. Таймагамбетов, А.Б. Калышев, Д.Ф. Винник, Д. Талеев, М. Касенов и др. Археологические экспедиции центра МКТУ им. Х.А. Ясави добились прекрасных результатов при изучении памятников, расположенных на северных и южных склонах Каратау. Проведена масштабная разведка. Выявлены сотни ранее неизвестных объектов. Составлены своды памятников отдельных районов Южного Казахстана. Раскопки городища Тортколтобе, Карачик, Сауран, Сыгнак изменили наши прежние представления о городской культуре Южного Казахстана и дополнили их новыми материалами.

В 2003 г. при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова открыт Сарыаркинский археологический институт (САИ). Создание Института уходит в 1976 г., когда под руководством В.В. Евдокимова в университете действовала археологическая лаборатория. В 1994 г. лаборатория преобразовывается в совместный с Институтом археологии им. А.Х. Маргулана отдел археологии Центрального Казахстана, который с 1995 по 2003 гг. возглавлял В.Г. Ломан.

Сарыаркинский археологический институт проводит научно-исследовательскую работу, связанную с изучением и сохранением культурного наследия Центрального Казахстана. Разрабатываются научные темы: «Погребальный обряд андроновской культурно-исторической общности», «Керамическая посуда как источник по истории населения Казахстана в эпоху бронзы и раннего железа», «Центральный Казахстан в конце эпохи бронзы», «Реконструкция мировоззрения и социальной структуры древних племен Казахстана (2-1 тыс. до н.э.).

В 2002 г. под руководством профессора М.Н. Сдыкова, при содействии Института археологии им. А.Х. Маргулана, был создан Западно-Казахстанский центр истории и археологии. Работа центра сразу же после создания стала проходить по специально разработанным государственным и региональным программам. За эти годы центром выявлено свыше полутора тысяч памятников археологии. Проводились раскопки на городище Жайык, некрополях Лебедевка, Кырк-Оба, Булдурты, Солянка, Илешкер, Ульгули, Аксай и др. (Археологическая карта Западно-Казахстанской области, 2009, с. 11-14).

В январе 2006 г. в Актобе под руководством А.А. Бисембаева создается областной центр истории, этнографии и археологии, который сразу же проводит археологические исследования в своем регионе в двух направлениях – разведочного и раскопного характера. На сегодняшний день сплошным обследованием центр охватил около 50% площади Актюбинской области, по пяти районам области выпущены Сводные памятников природного и историко-культурного наследия. Крупные раскопные исследования были проведены на могильниках Гюрульдек, Сарытау, Онайбулак, Талдысай, Сапибулак. С 2009 г. центр работает по региональной программе Актюбинской области «Памятники ранних кочевников Орхон-Илекского междуречья», реализация которой проходит совместно со специалистами Института археологии им. А.Х. Маргулана и Гер-

манского археологического института (DAI, г. Берлин). Центр известен своими изданиями благодаря традиционной международной конференции «Кадырбаевские чтения» (Бисембаев, Сдыков, 2011).

Особо следует отметить Научно-исследовательский институт археологии, созданный в структуре Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Создание института связано с именем выдающегося ученого-археолога Казахстана Кималя Акишевича Акишева, внесшего неоценимый вклад в развитии археологической науки Казахстана, в создании академической школы археологии, воспитании археологических кадров, открытии целого ряда замечательных памятников, одно из которых – «Золотой человек» в кургане Иссык.

НИИ археологии им. К.А. Акишева проводит археологические работы на территории Центрального Казахстана. Является исполнителем программ фундаментальных и прикладных исследований КН МОН РК, Государственной программы «Культурное наследие», ведет раскопки средневекового городища Бозок. В процессе раскопок применяются новые научно-технические методы, разрабатываются и внедряются способы реставрации и консервации архитектурно-археологических сооружений. Проводится мониторинг состояния археологического объекта. Полученные результаты внедряются в учебный процесс.

Совсем недавно при Казахском национальном университете им. аль-Фараби создан археологический центр. Его создание в первую очередь связано с деятельностью кафедры археологии, организованной в 1971 г. по инициативе ректора У.А. Жолдасбекова. За эти годы из кафедры археологии исторического факультета КазНУ им. аль-Фараби вышел ряд специалистов, занявших достойное место в науке. Среди них следует отметить М.Е. Елеуова, Ж.К. Таймагамбетова, А.Т. Толеубаева, С.И. Ажигали, Е.А. Смагулова, М. Ходжаева и др.

В разные годы на кафедре читали лекции

известные ученые А.Х. Маргулан, С.С. Черников, Ю.А. Заднепровский, М.П. Грязнов, К.А. Акишев, К.М. Байпаков, О.И. Исмагулов, Х.А. Алпысбаев, Х.А. Аргынбаев и мн. др.

Помимо выполнения важного социального заказа общества по подготовке высококвалифицированных специалистов в области исторических наук, кафедра археологии имеет достижения в исследовании наследия Казахстана, они известны по результатам изучения каменного века (рук. – Ж.К. Таймагамбетов), бронзового века (рук. – А.М. Оразбаев), раннего железного века – (рук. – А.Т. Толеубаев), городской культуры (рук. – М.Е. Елеуов, С. Жолдасбаев, Н. Алдабергенов).

Активно работает лаборатория археологических исследований в Костанайском государственном университете им. А. Байтурсынова. С 1998 г. заведующим лабораторией археологических исследований и начальником Торгайской археологической экспедиции является А.В. Логвин. Основное направление лаборатории – поиск и исследование археологических памятников Костанайской области. Разрабатывается несколько основных научно-исследовательских тем по исследованию каменного и бронзового веков, первобытного гончарства и антропологического типа первобытных племен на территории Торгайского прогиба. Среди многообразия памятников, открытых и изученных лабораторией, хотелось бы выделить могильник Бестамак, исследуемый с 1991 г. Он был признан уникальным памятником на территории Республики Казахстан, за двадцатилетний период его исследования было вскрыто и изучено более 170 могильных ям и ритуальных сооружений.

В 2002 г. при Южно-Казахстанском государственном университете им. М.О. Ауэзова создается кафедра «Археология и этнология», 2007 г. – научно-исследовательский центр «Археология». Стараниями ректора В.К. Бишимбаева и под личным его контролем разрабатывается «Программа по этнокультурному и историческому исследованию Южно-Казахстанской

области (2001-2003 гг.)», а чуть ранее, в соответствии с поручением Вице Премьер-министра Республики Казахстан И.Н. Тасмагамбетова и письма директора Департамента высшего и среднего профессионального образования, ЮКГУ им. М.О. Ауэзова определяется как базовое высшее учебное заведение по проблемам этнокультурных и исторических исследований по Южно-Казахстанской области. Эта «Программа» в те годы ставила задачу исследования археологических объектов, расположенных в урочище Бургулюк. Отметим, что археологическая экспедиция университета добилась прекрасных результатов в исследованиях памятников Бургулюка, открыв впервые на юге Казахстана поселение эпохи бронзы, с новым типом керамики, назвав ее керамикой каржантауского типа (Байтанаев, 2010, с. 32-39).

Археологическая экспедиция ЮКГУ им. М.О. Ауэзова проводила свои исследования в рамках Государственной программы «Культурное наследие» (2004-2009 гг.) и по программе прикладных и фундаментальных исследований МОН РК (2006-2008 гг.). Изучались городища Сайрам (Байтанаев, 2007, с. 62-81), Шымкент (Байтанаев, 2008, с. 31-37), Караспан, Жуантобе, Тортколтобе и др. Проведена масштабная разведка предгорьев Каржантау, Каратау, Казыкурт и др. Установлен возраст Шымкента и Сайрама. Изучены некрополи ранних кочевников.

Известны археологическими работами в период независимости Казахстана музеи Министерства культуры. Среди них следует отметить Центральный Государственный музей, Отырарский государственный археологический заповедник-музей, Южно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей, историко-культурный заповедник музей «Азрет-Султан». Среди работников музеев, внесших вклад в археологическую науку Казахстана в годы независимости, следует отметить М. Ходжаева, Ф. Григорьева, М. Туякбаева, А. Ержигитову, Е. Есжанова, С. Акылбека, С. Ахмеда и др.

Начиная с 2000 г., археологи Казахстана участвуют в крупных международных проектах. Одним из них стал международный проект ЮНЕСКО – Казахстан – Япония «Сохранение и консервация древнего городища Отрар и памятников Отрарского оазиса» (2001-2004 гг.). К исполнению проекта были привлечены специалисты из международных центров по сохранению историко-культурного наследия из Англии, Германии, Японии, Италии, Казахстана. Примечательно, что проект был продолжен в рамках Государственной программы «Возрождение древнего Отрара» под руководством академика НАН РК К.М. Байпакова.

Осуществление подобных проектов, в первую очередь, стало возможным благодаря многолетним исследованиям Института археологии им. А.Х. Маргулана в Отырарском оазисе под руководством академика К.М. Байпакова. За 40 лет были изучены городища Отырар, Куйрыктобе, Оксыз, Кокмардан, Алтынтобе, Пушукмардан и др.

Исследовательские, консервационные и реставрационные мероприятия, проведенные в рамках проекта ЮНЕСКО, позволили создать условия по превращению памятников Отырарского оазиса в музей под открытым небом на трассе Великого Шелкового пути. Были разработаны новые методы консервации, реставрации и документации сырцово-археологической архитектуры.

С 2004 г. археология Казахстана переживает новый взлет, новый подъем, который продолжается и в настоящее время. В Казахстане принимается не имеющая аналогов в мире Государственная программа «Культурное наследие».

Первый этап программы осуществлялся в 2004-2006 гг., второй – 2007-2009 гг., третий – с 2010 г. и по настоящее время. В качестве объектов исследования выбирались в основном знаковые, известные по предыдущим и предварительным изысканиям памятники археологии. За это время археологами Казахстана ежегодно проводились исследования на более чем 35

археологических объектах. В результате накоплен колоссальный археологический материал, начиная с эпохи каменного века и до позднего средневековья, для научного осмысления которого потребуется не одно десятилетие.

В рамках реализации задач Государственного стратегического проекта «Культурное наследие», в аналогичных региональных программах была проделана огромная работа археологами Казахстана, значение которой трудно переоценить.

Хорошо известны общественности открытия Береля, Шиликты, многочисленных других ярких памятников сакской культуры, изученных по Госпрограмме «Культурное наследие». В последние годы научный мир узнал об открытии на могильнике Талды-2, исследованного А.З. Бейсеновым. Здесь уникальные материалы были получены при раскопках семи курганов раннесакской элиты. В том числе в курганах №№ 2 и 5 учеными найдено около 200 золотых изделий, а также свыше 22000 мельчайших украшений. Всё это являлось украшениями парадного костюма знатного сака, вождя, предводителя. Памятники датируются 7-6 вв. до н.э. (Бейсенов, 2011).

Перед нами стоят новые задачи, в первую очередь определенные принятым недавно Законом РК «О науке». Он предполагает развитие археологии по двум направлениям – фундаментальному и прикладному.

Для нас важным является развитие казахстанской фундаментальной археологической науки в следующих направлениях: изучение антропогенеза, происхождение человека и ранних этапов культуры в Казахстане; теоретической разработки проблемы влияния Казахстана на процесс исторического развития человечества; изучение культуры кочевников до эпохи Казахского ханства; изучение взаимодействия оседлых цивилизаций и кочевых культур в древности и средневековье, в частности, решение вопроса о начальном этапе протгородской цивилизации Казахстана; роль археологии в изучении культуры городов Ка-

захстана эпохи развитого средневековья 10-18 вв. как части мусульманского культурного пространства; написание истории тюркских народов, игравших важную роль в истории Евразии.

Основные результаты фундаментальных исследований планируется публиковать в многотомных изданиях «Археология Казахстана» и в «Материалах и исследованиях по археологии Казахстана», которые должны быть подготовлены и изданы в ближайшее пятилетие.

Бурный экономический рост Казахстана, грандиозные стройки, народнохозяйственное освоение залежных земель обнажили проблему, связанную с сохранением памятников историко-культурного наследия.

Сегодня в Казахстане в ходе освоения его огромной территории ежегодно уничтожается масса археологических памятников. Это, в первую очередь, происходит по причине несоблюдения, а порой открытого игнорирования отдельными лицами Закона РК «Об охране и использовании историко-культурного наследия».

В 2007 г. в данный Закон РК была внесена поправка, в которой говорилось, что до отвода земельного участка должны проводиться исследования по выявлению объектов историко-культурного наследия. Однако Закон РК на местах не соблюдается, и мы имеем прецеденты в различных областях Казахстана, когда памятники археологии с прилегающей территорией без согласования с уполномоченным органом и предварительного исследования были переданы в частную собственность или уничтожены при строительстве.

Исходя из этого, считается, что прикладная археология Казахстана, в первую очередь, должна направить свои усилия на исследование разрушающихся памятников, над которыми нависла угроза полного уничтожения при строительстве или хозяйственном освоении земли. Археологи Казахстана на местах должны проявить всемерное усилие по сохранению нашего культурного наследия совместно с

представителями уполномоченного органа по сохранению памятников археологии. Роль же Института археологии им. А.Х. Маргулана, как головного учреждения в Республике, в этом случае должна быть координационной и рекомендательной.

Впервые в Казахстане в рамках Года историко-культурного наследия государств-участников СНГ, под эгидой и при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ, Институтом археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК с 26 сентября по 10 октября 2011 г., проводилась Летняя школа археологов на базе Туркестанской археологической экспедиции.

В работе школы приняли участие представители из различных научных центров как Казахстана, так и других республик – Азербайджана, Армении, Беларуси, Украины, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана.

В рамках работы школы состоялись лекции, доклады, дискуссии и мастер-классы по темам:

«Методика раскопок и фиксация материалов на памятниках археологии городища Туркестан (Поселение Культобе)»;

«Храмы и культы древней Средней Азии»;

«Древние и средневековые центры религии Средней Азии»;

«Роль Саурана в археологии и истории Центральной Азии»;

«Религии Казахстана»;

«Сайрам – Испиджаб в археологии и истории Центральной Азии»;

«Изучение сакской культуры в археологии Казахстана»;

«Городище Сидак как источник по изучению культовых сооружений раннесредневекового Казахстана»;

«Отырар в истории и археологии Центральной Азии»;

«Округ Кенжида в археологии и истории Центральной Азии»;

«Борижарский некрополь как источник по изучению истории древних культов и религий Центральной Азии»;

«Методика археологической документации».

Участники школы прошли профессиональное обучение новым методам работы по сохранению и реставрации материального историко-культурного наследия; ознакомились с историко-культурным наследием Казахстана, посетили памятники, музеи; обсудили ключевые проблемы сохранения археологического наследия в современном пространстве Содружества; отметили важность комплексного подхода и конструктивного взаимодействия власти, Институтов археологии и СМИ в решении археологических проблем.

Таким образом, археология Казахстана в эпоху независимости прошла достойный путь развития. При этом период с 1991 г. по 1997 г. можно назвать периодом адаптации к новым условиям рыночной экономики, с 1997 по 2004 – годами стабилизации, с 2004 г. по сегодняшний день – периодом прорыва, обеспеченного экономическим ростом Республики Казахстан и Государственной программой «Культурное наследие».

Литература:

Акишев К. Итоги работы Ишимской археологической экспедиции в 1998 г. // Изв. МН и ВО РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. – 1999. – № 1.

Археологическая карта Западно-Казахстанской области. – Актобе, 2009.

Байпаков К.М. Итоги и перспективы развития казахстанской археологии // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 1993. – № 5.

Байпаков К.М. Организация Института археологии в Республике Казахстан // Маргулановские чтения: тезисы. – Петропавловск, 1992.

Байпаков К.М., Петенева Г.Г. Институту археологии им. А. Х. Маргулана – 10 лет // Известия МОН РК. НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2001. – № 1.

Байтанаев Б.А. К вопросу генезиса ранних поселений Испиджабского историко-культурного района // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкента. – Шымкент, 2008.

Байтанаев Б.А. К вопросу о топографии и стратиграфии городища Сайрам // Изв. НАН РК: Сер. обществ. наук. – 2007. – № 1.

Байтанаев Б.А. Поселение эпохи поздней бронзы урочища Бургулюк и керамика Каржантауского типа // Изв. НАН РК: Сер. обществ. наук. — 2010. — № 1.

Бейсенов А.З. Сарыарка — колыбель степной цивилизации. — Алматы, 2011.

Бисембаев А.А., Сдыков М.Н. Исследования памятников раннего железного века в Западном Казахстане в 1991-2011 гг. // Мынжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991-2011): Қазақстан тәуілсіздігінің 20 жылдығына арналған ғылыми мақалалар жинағы. — Алматы, 2011.

Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути: тез. докл. междунар. семинара ЮНЕСКО (Алма-Ата, 15-16 июня 1991 г.). — Алма-Ата, 1991.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Славинский В.С. Каменный век Казахстана: Исследования российско-казахстанской археологической экспедиции в Казахстане (1998-2001). — Новосибирск, 2003.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т. Отчет о работе совместной казахско-российской археологической экспедиции // Изв. МН и ВО РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. — 1999. — № 1.

Зайберт В.Ф. Историко-культурное значение поселения Ботай // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2004 г. — Алматы, 2005.

Постановление Кабинета министров КазССР от 28 августа 1991 г. № 496 «Об организации Института археологии им. А.Х. Маргулана».

Самашев З.С., Туякбаева Б.Т. Работа казахско-французской экспедиции по изучению наскальных изображений Казахстана в 1993 г. // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. — 1993. — № 5.

Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. Берел. — Алматы, 2000.

Самашев З.С., Франкфорт А.-П. Древности Казахского Алтая // Изв. МН и ВО РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. — 1999. — № 1.

Самашев З.С., Франкфорт А.-П., Ермолаева А.С., Жумабекова Г.С., Гий Э., Сунгатай С., Жетибаев Ж.М., Омаров Г.К. Исследование культуры древних кочевников Казахского Алтая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: матер. междунар. археол. конф. — Алматы, 1998.

Чанг К., Савельева Т.В. Итоги исследований по казахско-американскому археологическому проекту // Изв. МН — АН РК. Сер. обществ. наук. — 1996. — № 2.

Түйін

Мақалада автор Қазақстан археология ғылымының 1991 жылдан бүгінгі күнге дейінгі даму жолын көрсетеді. Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының археологиялық экспедицияларының, сонымен қатар аймақтардағы ғылыми-зерттеу орталықтарының жұмысы мен жетістігі бойынша Республикамыздағы негізгі, үйлестіруші және кепілдемелік мекеме ретіндегі рөлі жөнінде маңызды ақпарат береді. Қолданбалы және іргелі зерттеу бағыты бойынша даму жолының келешегін қарастырып, тарихи-мәдени мұраны сақтау жолы мен жаңа инновациялық бағытын бөліп көрсетеді.

Summary

In this article the author points to the development of archaeological science of Kazakhstan from 1991 to the present days. He provides important information about the role of the Institute of archaeology named after Margulan A.H. as a main, coordinating and advisory institution in the Republic, about work and achievements of archaeological expeditions, as well as archaeological research centers in the regions. Author reviews perspective ways of the development of applied and fundamental directions and highlights ways of preservation of historical and cultural heritage and ways of new innovative directions.

Мартынов А.И.

Археология Казахстана в контексте евразийской истории

Достижения археологической науки Казахстана очевидны и широко известны. Это открытие и исследование сотен памятников археологического наследия разных эпох от палеолита до средневековья, ведущая организующая роль Института археологии РК в деле организации археологических исследований (Казахстан и Евразия..., 2010), успешная работа групп археологов в университетах и музеях страны, защиты докторских и кандидатских диссертаций. Широко известные в мире великолепные издания по археологии, музеефикация памятников археологического наследия страны, включение выдающихся памятников в список особо ценных объектов мирового культурного наследия, создание музеев-заповедников (Вопросы археологии..., 2011; Мартынов, 2011а). Все это не случайно: Казахстан стал единственной страной на постсоветском пространстве, где успешно действует Президентская программа по сохранению и использованию материального и нематериального культурно-исторического наследия страны. Археологическое наследие становится национальной ценностью общества и молодого государства, его научным, образовательным и туристическим ресурсом, что соответствует современным требованиям ЮНЕСКО.

Все это заставляет подумать о том, как будет развиваться археологическая наука в XXI веке, какие будут приоритеты и роль науки в обществе. Известно, что XX век в Советском Союзе был отмечен двумя основными тенденциями в археологической науке: накоплением вещественных археологических источников и

обоснованием археологических культур. Археология превращалась в науку фактов и примеров, а исторический процесс в археологии воспринимался как система археологических культур.

В результате, в XX веке на евразийском пространстве накоплено большое количество археологических материалов по неолиту, эпохе бронзы и раннему железному веку, которые позволяют перейти от археологических фактов, их констатации, к реконструкции исторических процессов, к историческим выводам, что, в свою очередь, требует новых методологических и методических подходов и понимания новой роли археологии как исторической науки в XXI веке.

Казахстан в археологическом отношении территория исключительная, будучи значительной, срединной частью евразийского пространства, она сыграла особую историческую роль в начальный период распространения производящего хозяйства в Евразии и в последующие эпохи.

Географическое положение Казахстана и прилегающих горнодолинных территорий Киргизии делает эти территории исключительными в изучении исторических контактов двух основных евразийских цивилизаций – степной оседло-земледельческой и горнодолинной, и степной скотоводческой.

За последние годы археологией, культурологией, географией и другими науками накоплен большой материал о роли геосреды в исторических и культурологических процессах. В результате, можно сделать несколько

важных общих выводов. Во-первых, надо учитывать, что весь археологический период истории человечества – это система взаимоотношений человеческих популяций и природной среды в ее макросистемах (степи, горы, речные системы) и микросистемах (конкретные ландшафтные системы). Мы подошли к пониманию того, что природа, ее особенности являются культурообразующим фактором в истории археологических периодов. Это великолепно прослеживается на территории Казахстана в мезолите-неолите: Прикаспийско-приаральская зона, Приуральско-центрально-казахстанская, Прииртышская, Прибалхашская. Во-вторых, в археологии, особенно при характеристике хозяйственной деятельности, надо шире учитывать действие закона рационального использования природной среды. Он объективно действовал при сложении таких глобальных исторических систем как сакский или скифо-сибирский мир как историческое явление, а также при рассмотрении более мелких историко-культурных образований, отмеченных археологическими культурами эпохи бронзы и раннего железного века. Здесь отмечается роль нескольких природных факторов: роль Уральско-Казахстанского горно-металлургического центра в палеометаллическую эпоху; роль степного евразийского коридора в распространении новаций, скотоводства, колесного транспорта, передвижения групп населения, что хорошо прослеживается по археологическим памятникам, распространению изображений повозок в наскальном искусстве, курганных захоронениях палеометаллической эпохи в степной Евразии. Важен факт появления в степях и горных долинах курганов как архитектурных сооружений, их связь с ландшафтами, новым мировоззрением.

Качественно новое освоение степной и горнодолинной Евразии началось с важнейшего в истории человечества события – с распространения на этой огромной территории производящих форм хозяйства, как основы цивилизационного развития человечества. Его надо расценивать как величайшее событие в истории Евразии и всего человечества, оказавшее влия-

ние на весь дальнейший ход исторического развития вплоть до современности. Для большинства евразийских территорий события освоения земледелия и скотоводства приходятся на палеометаллическую эпоху (энеолит – бронза). Надо признать, что в истории Евразии палеометаллическая эпоха была временем широкого распространения разных типов производящего хозяйства, освоения горнорудного дела и металлургии, разделения производящего хозяйства на два основных направления: оседлое земледелие, связанное с водными ресурсами и по этой причине более ограниченное территориально, и подвижное скотоводство, начавшее освоение огромных пространств Евразии. Это было время активного влияния фактора геосреды на хозяйственную специфику, формирование крупных культурно-исторических макрозон с особенностями материальной и духовной культуры. В Евразии их было четыре: территория оседлого поливного земледелия (от триполья до яньшао); скотоводческо-земледельческая (андроновская, катакомбная общности); зона подвижного скотоводства (степная и горная) и лесная территория присваивающе-производящего хозяйства. Для каждой из культурно-исторических макрозон были характерны диктуемые геосредой особенности производящего или присваивающего хозяйства, культово-мировоззренческий комплекс представлений, духовные ценности, выразившиеся в погребальных комплексах и искусстве. Мировоззрение отражено в сложном орнаментальном искусстве двух первых зон: расписная керамика триполья, кукутени, анау, яньшао, женские скульптуры плодородия, украшения стен глинобитных жилищ и сложный штампованный орнамент культур андроновского и катакомбного круга. В зоне подвижного скотоводства и присваивающе-производящего хозяйства развивается в это время наскальное искусство. Оно стало значительной составной частью этих двух культурно-исторических макрозон Евразии (Мартынов, 2011, с. 27).

В связи с материалами по наскальным изображениям, думается, необходимо обратить внимание на некоторые факты. Памятники

наскального искусства с изображениями оленей в стиле «оленных камней» расположены в Саяно-Алтайском пространстве: на петроглифах Тувы в Монголии и в Горном Алтае. Например, образы и сюжеты, характерные для скифской эпохи, появляются на памятниках наскального искусства там, где уже были изображения предшествующего времени (Мартынов, 2011). Это свидетельствует о том, что священные места воспринимались в новую эпоху как свои, понятные людям новой, сакской эпохи. Они не уничтожались. Видимо, мифотворческая основа, включающая представление о структуре мироздания, идеи реинкарнации, представления о божественных символах (золотом олене-солнце и баране-фарне) не были новыми. Новым была их знаковость, символизм. Скифская эпоха породила в искусстве «читаемые» символы: поза животного, знаковая трактовка рогов и другие аксессуары, например, солярные знаки, крылья на некоторых изображениях оленей, алтари для священного огня и многое другое.

Вероятно, в XXI веке археологи больше внимания будут уделять изучению проблемы социальной структуры, государственности и цивилизации в сакскую и послесакскую эпоху (Альтернативные пути..., 2000; Крадин, 2001). Известно, что в конце прошлого века в Кемерове, Алма-Ате и Бишкеке были проведены научные конференции, посвященные скифо-сибирскому миру, на которых, используя археологические материалы по степной Евразии 1 тыс. до нашей эры, были обоснованы три принципиально важных вывода: скифо-сибирский мир степной и горнодолинной Евразии – это система раннегосударственных образований на стадии вождества; второе, – скифо-сибирский мир как историческое явление – это цивилизация второго типа, основанная на эффективном развитии кочевого и полукочевого скотоводства, как второго основного направления производящего хозяйства; и третье – решать, реконструировать исторические проблемы в данном случае можно только с помощью археологических материалов (Скифо-сибирское единство..., 1980).

Надо отметить, что такой подход оправдал себя при исторической реконструкции рабовладельческих обществ Древнего Востока. Фактически весь Древний Восток был открыт благодаря работам археологов: раскопки Шумера, Аккада, Вавилона, раскопки археологических памятников в Египте, цивилизации хеттов в Турции, Урарту, исследования в Сузах, Персеполе, наконец, открытие археологами памятников эпохи Шан-Инь в Китае и дравидской цивилизации в Индии. Все это – археология. Не будь археологических материалов, – и мы практически ничего не знали бы о Древнем Востоке. Примерно по такому же пути, накапливая археологические факты, идет познание евразийской скотоводческой степной цивилизации: Бесшатыр, Шиликты, Иссык и Берел в Казахстане, Филипповка у савроматов, новые материалы по скифам, Аржан-1, 2, грандиозный Салбык и масса других зафиксированных археологических фактов по структурам обществ у скифов, саков, тагарцев и пазырыкцев, данные об оленных камнях и новые материалы по наскальному искусству сакской эпохи. Значительные материалы накоплены по хозяйственной деятельности: высокоразвитое строительное дело, сложившиеся различные типы продуктивного скотоводства и многое другое, свидетельствуют о степной евразийской цивилизации, представленной раннегосударственными образованиями скифов, савроматов, саков и обществами Южной Сибири и Центральной Азии. Понять все значение новых археологических материалов и данных по территории скифо-сакского мира, думаю, мешает только некоторая методологическая привязанность и однолинейность взглядов на процессы исторического развития. Мы по-прежнему рассматриваем археологические материалы, в основном, с учетом формационного развития истории, согласно которому, как известно, последовательно развивались общественно-экономические формации, а цивилизационное развитие рассматривалось исключительно через развитие оседлого земледельческого хозяйства и выработанных этим направлением культурогенеза ценностей.

При этом не учитывалось основное – что лежит в основе цивилизационного процесса развития истории? Основой, как известно, является производящее хозяйство и только оно. А на евразийском пространстве оно изначально было представлено только двумя основными направлениями – оседлым земледелием с домашним скотоводством и подвижным скотоводством степного и горнодолинного пояса Евразии с подсобной ролью земледелия. Причем, каждый из этих двух направлений исторического развития занимал в Евразии свою макро-территорию, развивая свои особенности хозяйства, диктуемые законом рационального использования природной среды, вырабатывал свои духовные ценности, отразившиеся в погребальных комплексах и искусстве. Надо признать, что это были две параллельно развивающиеся цивилизации. У них разными будут и наборы цивилизационных ценностей (Мартынов, 2011).

В понимании этого многое могут дать исследования археологических памятников в контактных территориях между двумя основными цивилизационными макроразонами в Причерноморье, на юге Казахстана и в предгорных территориях Средней Азии (Роль степных городов..., 2008).

В современной науке, в связи с накопленными в конце XIX в. материалами, приобретает новое качество проблема происхождения степного культурно-исторического единства и отдельных обществ скифо-сакского мира, представленных археологическими культурами. Археологическое единство фиксируется фактами, в основном похожим устройством курганов, общими чертами обряда захоронения, похожим комплексом вооружения, искусством «звериного стиля», неорнаментальной керамикой баночных форм и распространением бронзовых котлов, зеркал, алтарей для священного огня, типов одежды, украшений, конской сбруи. Фиксируемое в археологии единство артефактов явилось, на наш взгляд, результатом влияния целого ряда факторов: природного, хозяйственно-экономического, этнического, мировоззренческого, внеш-

неполитического и социального (Мартынов, Елин, 2009, с. 50-57).

Новые открытия памятников раннего железного века в Казахстане, Монголии, Западном Китае и Алтае-Саянском регионе позволяют решить и другие вопросы истории степной Евразии I тысячелетия до н.э. Материалы ранних курганов (Аржан и др.), оленных камней IX-VII вв. и наскальных изображений с образами летящих стилизованных оленей с вытянутыми (утиными) мордами, комплексы «раннескифских» предметов вооружения, конской сбруи, украшений, подтверждают вывод о том, что наиболее ранние центры формирования культуры сакского мира сложились на востоке степной и горнодолинной Евразии, в Алтае-Саянском регионе и на территории Казахстана. Полученные новые материалы на территории Казахстана позволяют отметить ведущую роль в этом процессе саков (Казахстан и Евразия..., 2010; Роль номадов..., 2008). Скифия и скифы были, вероятно, западной окраиной этого мира, испытавшие к тому же значительное влияние древнегреческой, фракийской и других культур.

При рассмотрении процессов сложения единства в VII-III вв. до н.э. в евразийском степном поясе, очевидно, надо учитывать несколько важных достижений – это распространение новаций на рубеже эпохи бронзы и железа, т.е. в VIII – начале VII вв. до н.э. В их числе можно отметить сложение основных форм скотоводства, тесно связанных с конкретными природными особенностями, развитие транспорта, сооружение общественно значимых грандиозных по трудозатратам курганов, возникновение информативно-знакового искусства образов, роль природных святилищ с образами искусства и многое другое (Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011). При переходе от эпохи бронзы к раннему железному веку, кроме всего прочего, повсеместно произошла смена лидерства. Скифы на западе, саки и другие группы индо-иранцев на востоке образуют этнополитические образования. Очевидно, они были носителями более прогрессивных технологий в материальной культуре, новых идей в миро-

воззрения и распространяли свое лидерство на другие этнические группы территории. Они создавали новые структуры власти, лидерства над другими этническими группами населения на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века.

Понимание системы лидерства как инструмента объяснения глобальных исторических изменений очень важно при изучении исторических процессов в археологические периоды в евразийских степях. С этим явлением мы сталкиваемся и позже.

Почти 600 лет в степной Евразии были отмечены яркой, неповторимой историей обществ скифо-сибирского мира. Они достигли хозяйственного, идеологического, общественного расцвета в VI-IV вв. до н. э.

Археологически прослежены изменения в культурах скифо-сакского мира. Во II-I вв. до н.э. была нарушена хозяйственная, социальная стабильность, меняются ценности, исчезает та сбалансированность, которая была характерна для сакского мира. Почти повсеместно отмечается увеличение подвижности населения, что привело к кочевничеству, смене многоукладного хозяйства скифской эпохи, кочевому укладу жизни в степях. Столкновения, войны, захваты территорий, скота становятся характерным явлением новой эпохи. В то же время это была и смена лидерства индо-иранцев хуннами, создавшими первую империю кочевников Центральной Азии.

В новую эпоху создается новое, более совершенное наступательное и оборонительное вооружение: длинный меч, трехлопастные железные наконечники стрел, усовершенствуется лук. В быту и военной практике первостепенной становится верховая езда, роль коня. Появляется жесткое седло, железные стремяна и многое другое, характеризующее уже новую историческую эпоху.

Новая эпоха привела к изменению бытовой культуры, распространению юрт и многоугольных столбовых жилищ, умению размещать необходимое для жизни в сундуках, кожаных сумках. Особую роль в одежде и снаряжении

приобретает, как известно, пояс. Постепенно меняются мировоззренческие и эпические представления, связанные с воином-героем, героическим конем. Все это нашло отражение в археологических материалах рубежа и первой половины I тыс. н.э. Однако надо иметь в виду, что при смене народа-лидера никогда не происходило полной смены народов. Этого не было в эпоху сакского господства, очевидно, не было и в эпоху гуннского великодержавия. С полным основанием гуннскую эпоху можно назвать эпохой синкретизма, соединения всего положительного, что было достигнуто в предшествующее время и новых начал. Об этом свидетельствуют разные типы погребальных сооружений и обрядов захоронения, продолжавшие существовать предметы скифской эпохи, сохраняются традиции в наскальном искусстве. В евразийских степях происходят изменения и в социальных структурах. Произошла смена лидерства и смена культурных ценностей. В этом процессе значительную роль в новую эпоху сыграли материальные и духовные достижения предшествовавшей скифо-сакской эпохи. Это связано с тем, что значительная часть населения сакской эпохи осталась на местах своего обитания, она была хранителем генотипа, который надо изучать, традиций скифо-сакской эпохи.

Следующий период смены лидерства в степях произошел через 500-600 лет, в середине I тыс. н.э. В недрах гуннской державы, по последним данным, формировались древние тюрки, которые в I тыс. н.э. мощно заявили о себе в процессе, так называемой тюркизации обширных территорий в Восточной Сибири на север по Лене, на Среднем Енисее, в лесостепных и лесных территориях по Томи, Иртышу, в Поволжье и Приуралье. Здесь явно прослеживается еще одна мощная смена народа-лидера, которым в Южной Сибири и на юге Восточной Европы в I тыс. н.э. становятся тюрки.

Литература:

Альтернативные пути к цивилизации. — М., 2000.

Вопросы археологии Казахстана: сб. научн. статей в честь 75-летия Бекмуханбета Нурмуханбетова. — Алматы, 2011.

Казахстан и Евразия сквозь века. История, археология, культурное наследие: сб. научн. тр., посв. 70-летию со дня рождения академика НАН РК Карла Молдахметовича Байпакова. — Алматы, 2010.

Кони, колесницы и колесничие степной Евразии. — Екатеринбург-Самара-Донецк, 2010.

Крадин Н.Н. Империя хунну. — М., 2001.

Мартынов А.И. Наскальное искусство и исторический процесс // Наскальное искусство в современном обществе: матер. междунар. научн. конф. (22-26 августа 2011 г.). — Кемерово, 2011. — Т. 1. — С. 26-31.

Мартынов А.И. Археологический ресурс Казахстана и его реализация в годы независимости // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991-2011). — Алматы, 2011а. — С. 415-422.

Мартынов А.И., Елин В.Н. Скифо-сибирский мир Евразии. — М., 2009.

Роль степных городов в цивилизации кочевников: матер. междунар. науч. конф., посв. 10-летию юбилею г. Астана (2 июля, 2008 г.). — Астана, 2008.

Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана: научные чтения памяти Н.Э. Масанова. — Алматы, 2010.

Самашев З., Чжан Со Хо, Боковенко Н., Мургабаев С. Наскальное искусство Казахстана. — Астана: Астанинский филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2011.

Скифо-сибирское культурно-историческое единство: сб. трудов конф. — Кемерово, 1980.

Түйін

Қазақстан археология ғылымының жетістіктері кеңінен белгілі. Сонымен бірге, елдің археологиялық мұралары қоғамның ұлттық құндылығы, оның қорына айналды. Дегенмен маңызды мәселе ХХІ ғ. археологиясы қалай дамитындығында. Кеңестік кезеңде археология артефактының қорлануы және археологиялық мәдениеттің негізі бойынша дамығандығы белгілі. Археологиядағы тарихи үдеріс археологиялық мәдениеттің жүйесі ретінде көрсетіледі. Қазақстан аумағының Еуразия кеңістігінің орталық бөлігіндегі өзінің қолайлы географиялық жағдайы мал шаруашылығы бағытын таратудың бастапқы кезеңі мен келесі дәуірлерінде, скиф-сақ мәдени-тарихи бірлестігі мен сақ кезеңінде, кейінірек Еуразияның таулы және далалы алқаптарындағы ғұн көшбасшылығы кезеңінде, б.з. 1 мыңжылдықтың ортасында Еуразия кеңістігінің шығыс бөлігі аумағындағы түркілену кезеңінде ерекше рөл ойнады.

Summary

Achievements of Kazakhstani archaeological science are wide known. Moreover, archaeological heritage of the country becomes national value and resource of the society. An important question is how archaeology will develop in the XXI century. It is known that during the Soviet period archaeology evolved towards the accumulation of the artifacts and justification of archaeological cultures. Historical process in archaeology is presented as a system of archaeological cultures. Territory of Kazakhstan by virtue of its geographical location in the central part of Eurasian space has played a special role in the initial period of spread of producing economy of pastoral direction and in subsequent epochs in the period of Scythian-Saka cultural-historical unity and Saka, later Hun leadership in steppes and mountain Eurasia and during the period of Turkization on the territory of Eastern part of Eurasian space in the middle of a millennium AD.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ
АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ
ТҰРҒЫДАН ЗЕРТТЕЛУ
ТАРИХЫ

ИСТОРИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ
КАЗАХСТАНА

Марьяшев А.Н.

Наскальные изображения Казахстана: итоги 20-летнего изучения и проблемы

В первом десятилетии XXI в. в публикациях о наскальном искусстве появилось несколько статей, в которых опытные археологи-исследователи рассматривают проблемы и пути развития наскального искусства на современном этапе. Эти проблемы имеют место и в Казахстане в науке о петроглифах. В статье Я.А. Шера рассматриваются наметившиеся тенденции не только в петроглифоведении, но и в археологии (Шер, 2011, с. 31). Казахские археологи работали и прошли российскую школу, многие из затронутых Я.А. Шером вопросов касаются и казахстанской науки.

Изучение наскального искусства и ранее финансировалось по остаточному принципу, а с 90-х гг. прошлого века сократилось в несколько раз. Система выдачи грантов производилась Министерством науки и образования без участия археологов-специалистов в этой области. Петроглифами в эти годы занималось небольшое количество энтузиастов, для которых история первобытного искусства была не основной, а второстепенной специальностью. Изучение древних рисунков производилось либо за счет зарубежных грантов, либо археологами-энтузиастами, которые самостоятельно изыскивали средства. Поэтому, несмотря на ряд открытий новых памятников, состоящих из нескольких тысяч рисунков, изучение крупных скоплений полностью не завершено: нет полного учета и топопланов, или они несовершенны (представлены только схемы размещения петроглифов), археологи редко используют современные технологии копирования и консервации.

Несмотря на трудности с финансированием экспедиций, в 80-90-х гг. прошлого века были открыты уникальные памятники первобытного

искусства, такие как Ешкиольмес, Баянжурек, Кульжабасы, Ак-Кайнар, Маймак, Жангылшак, Кошкар-Ата и другие.

Произведена периодизация и хронология петроглифов, установлено процентное соотношение рисунков разных эпох. В районе скопления рисунков производились раскопки могильников и поселений с целью уточнить время заселения ущелий и предгорной территории.

В исследованиях принимали участие как сотрудники Института археологии им. А.Х. Маргулана, так и исследователи из других городов Республики и из других организаций. За эти годы опубликовано около 20 книг по петроглифам Казахстана и ряд статей.

На сегодняшний день разработанная периодизация петроглифов уже не удовлетворяет современных специалистов в этой области знаний.

Ряд археологов пытается создать более, детальную периодизацию, выделяя внутри одной эпохи более, древние и более, поздние рисунки. Так, например, в совместной статье Р. Сала выделяют древнюю группу петроглифов эпохи энеолита, при этом, никаких убедительных доводов не приводят, ссылаясь на более архаичный облик быка из Кульжабасы (Сала, 2004, с. 68). Еще одним аргументом для Р. Сала служит указание на то, что в Кульжабасы в наиболее древней группе выбиты фигуры бизонов и зубров. Надо иметь в виду, что бизоны к рубежу III-II тыс. уже вымерли.

А.Е. Рогожинский предлагает пересмотреть хронологию петроглифов Арпаузен и выделить рисунки эпохи ранней бронзы, средней и поздней бронзы. Его статья с методической стороны производит впечатление вполне убедительное,

однако имеет и некоторые недостатки, которые не позволяют верить в некоторых случаях предложенной датировке.

Во-первых, приведенные аналогии маленькой фигуре тигра, выполненной в металле, – автор подбирает аналогии в крупном изображении «тигра» из скопления рисунков у с. Габаевка (Актобе). Автор статьи А.Е. Рогожинский в поисках аналогов тигра, изображенного на втулке копья, подбирает аналогии в петроглифах. Из трех хищников он выбирает одного. Эти изображения объединяет разрисованные вертикальные полосы по туловищу хищников. И если хищник на втулке хотя бы частично похож на тигра, то фигуры на скалах у с. Габаевка вообще трудно различимы. На использованной для аналогий фигуре никто из участников экспедиции 2010 г. не смог увидеть тигра. У хищника просматриваются только торчащие вверх ушки и узкая морда. Возможно, в Габаевке высечен кабан с характерным пятчком, но по этой фигуре очень сложно определить вид животного, тем более, использовать эти петроглифы для удревнения эпохи ранней бронзы.

Кроме проблем, затронутых в этой статье, А.Е. Рогожинский рассматривает вопросы выделения ранней группы рисунков из Арпаузена и влияния южных культур БМАК на наскальное искусство Каратау и Семиречья. Этот вопрос уже рассматривался А.Н. Бернштамом в 1952 году, затем Я.А. Шером. В работе А.Н. Марьяшева и А.А. Горячева отмечено, что в ранних петроглифах ощутимо влияние переднеазиатских и среднеазиатских культур (Бернштам, 1952; Шер, 1980; Марьяшев, Горячев, 2002, с. 65-69). Это влияние выражается в рисунках в битреугольном стиле, в изображениях людей с косицами, а также в изображениях львов.

Уже после издания указанных работ во время работы в Каратау нескольких экспедиций были выявлены у с. Габаевки три фигуры козлов в битреугольном стиле и рисунок льва. В ущелье Жынгылшак обнаружены изображения львов. Многочисленные рисунки с верблюдами имеют аналогии в наскальном искусстве Кызылкумов. Частично эти рисунки опубликованы (Байпаков, Капекова, Воякин, Марьяшев, 2011, с. 537, 566, 567, 568).

А.Е. Рогожинский пишет: «основанием для пересмотра датировки петроглифов Каратау послужила серия выразительных гравюр из урочища Арпаузен, отличающихся совершенством техники исполнения и изысканной манерой передачи на плоскости, по-видимому, объемных моделей, что заставило искать их прототипы в пластике бактрийско-маргианского археологического комплекса (Рогожинский, 2004, с. 90-92).

Однако, уже сопоставление мелких фигур в пластике с крупными петроглифами, когда очень трудно увидеть особенности мелкого предмета, должно бы насторожить исследователя.

Попытки пересмотреть устоявшуюся хронологию можно понять: в археологию пришло новое поколение, развиваются новые технологии, происходит удревнение поселений и могильников по всей Евразии. Но для этого необходимы широкомасштабные исследования, в том числе и раскопки поселений в зоне скопления петроглифов. Пока что на это нет необходимых средств и мало специалистов.

На сегодняшний день в Казахстане и Жетысу основную часть петроглифов составляет изображения эпохи бронзы. Это положение подтверждают и материалы раскопок в зоне гор Баянжурек, Ешкиольмеса, Кульжабасы, Тамгалы и других известных памятников эпохи бронзы. Среди них выделяется достаточно четко рисунки в стиле Тамгалы и более поздние петроглифы эпох поздней и финальной бронзы. Несколько более древними по отношению к таким памятникам, как Тамгалы, могут оказаться петроглифы Кульжабасы, но и они вряд ли старше первой половины II тысячелетия до н. э.

Несмотря на то, что у археологов по отношению к памятникам наскального искусства имеются разные взгляды на их хронологию, в вопросах датировки больших расхождений нет (Советова, 2011 с. 7). Некоторые новые тенденции, характерные для искусства Сибири, типичны и для Казахстана. О.С. Советова отмечает, что в последние годы в теоретическом петроглифоведении наметился скачок в решении вопросов хронологической атрибуции петроглифов. Интерес к этой проблеме заметен и в Казахстане

Одной из проблем является датировка памятников начала I тыс. н. э. К этому времени петроглифов в зверином стиле в его классическом варианте уже нет. В то же время других критериев, чтобы вычленил рисунки этого времени мало, за исключением тех случаев, когда удастся что-либо установить по деталям вооружения. Сложность еще заключается и в том, что в это время появляется значительное количество подновлений, притом многие сделаны в основном строго по контуру древних фигур, что затрудняет определить их время подновления.

Учитывая это, многие изучающие петроглифы на вновь открытом памятнике, чтобы не усложнять себе задачу, определяют хронологию рисунков усуньским либо тюркским временем, не приводя никаких аргументов.

Еще менее аргументированными остаются попытки интерпретации петроглифов. В работе «Семиологические методы изучения наскального искусства» Р. Сала и Ж.М. Деом, опираясь на теорию семиологического анализа и пытаясь углубить некоторые вопросы семантики петроглифов, изложили ряд общих положений, известных в филологии показали образец того, как формализованными методами не следует пользоваться, если не изучен досконально первичный материал — в данном случае петроглифы (Сала, Деом, 2004, с. 68-69).

В статье указанных авторов вызывает возражение раздел об абсурдной конструкции. Как пример приведена фигура лошади с рогами из урочища Тамгалы. Известно, что эти изображения (лошадь, бык и подрисованный всадник) выполнены в разное время, что вполне заметно как по технике выбивки, так и по стилю рисунков.

Схематичная фигура всадника подрисована явно позже, что видно и без оптических приборов. Кроме того, такие композиции вообще не типичны для петроглифов эпохи бронзы.

В свое время П.И. Мариковский в подобных случаях усмотрел юмор древних, но в наше время такое толкование петроглифов вряд ли будет принято. Кроме того, П.И. Мариковский наблюдал за петроглифами более полувека тому назад и не был археологом. Неясно, что авторы

статьи пытались «углубить» (Сала, Деом, 2011 с. 115-119).

В этой статье тоже можно сказать о хвостатых персонажах. Древние скотоводы в данном случае не стремились для большей выразительности прибегнуть к абсурдной ситуации — их мировосприятие было связано с языческими верованиями. Аналогичные фигуры людей с хвостами известны в первобытном искусстве.

С абсурдной ситуацией авторы связывают изображения «лабиринтов», которые часто встречаются в наиболее древних рисунках от Италии до Центральной Азии. Ошибка авторов состоит в том, что они смотрят на перечисленные сюжеты не с позиции древнего человека, а с позиций нашего современника.

В последние 2-3 года одновременно несколько коллег по наскальному искусству вернулись к разработкам проблемы семантики петроглифов с изображением солярных божеств. В опубликованной статье А.А. Горячева и Т.А. Егоровой рассматриваются вопросы функционального назначения всего памятника Тамгалы (Горячев, Егорова, 2011, с. 27-45). Работа представляет собой еще одну попытку определить круг изображенных персонажей из группы рисунков Тамгалы, поскольку все они иконографически различаются между собой. Подробное описание всех деталей в изображении солярных персонажей позволяет проследить их основные особенности и сопоставить с описаниями божеств в религиозных текстах, в частности в «Ригведе», что в дальнейшем может быть использовано для изучения структуры пантеона индийских божеств. Задача не из простых, но не лишена смысла. Слабым местом в поисках тождества в рисунках и в словесных текстах, является невозможность точного сопоставления. Необходимо убедить специалистов в том, что на плитах Тамгалы представлены именно названные солярные персонажи. Если бы репертуар солярных персонажей повторялся бы многократно и иконографически был бы неизменным и имел аналоги, то логично бы было говорить хотя бы о структуре пантеона богов эпохи бронзы. Пока что утверждать это трудно, тем более трудно судить о том, что именно названные персонажи изображены

в Тамгалы. Видимо изучать эту проблему предстоит в перспективе.

Наиболее перспективным является изучение влияния культуры БМАК на наскальное искусство Южного Казахстана. Нельзя сказать, что этот вопрос впервые был поставлен А.Е. Рогожинским (Рогожинский, 2011, с. 88). Еще в работе автора статьи с соавтором А.А. Горячевым были указаны аналогии в росписях на вазах из Шумера и Ирана с битреугольными фигурами животных и людей со свисающими сзади косицами. А.Н. Бернштам в 1952 г. указал на аналогичные фигуры из Суз (Бернштам, 1952; Мартынов, Марьяшев, Абетеков, 1992, с. 35, 36).

Задолго до открытия рисунков в Сауыскандыке и в соседних ущельях экспедицией Института археологии (рук. З. Самашев, а в 2007, 2010 и 2011 гг. – А.Н. Марьяшев) были обследованы петроглифы в ущельях Жангылшак, где были обнаружены фигуры львов, а у с. Габаевка (Актобе) обнаружено изображение льва и хищников. Там же имеются и фигуры козлов в битреугольном стиле. В урочище Арпаузен изображения верблюдов по стилю близки петроглифам из Кызылкумов, многие из перечисленных рисунков опубликованы (Байпаков, Марьяшев, Байтанаев, 2007, с. 64, 98, 99, 100, 108, Байпаков, Капекова, Воякин, Марьяшев, 2011, с. 537, 566, 567, 568).

В вопросах интерпретации нередко встречаются спорные вопросы. Однако многие авторы, выдвигая какое-либо объяснение или совершенно новое прочтение сюжета в петроглифах, не заботятся о том, что у них аргументов либо мало, либо их нет, либо они недостаточно убедительны.

В указанной статье А.Е. Рогожинский не видит противостояния двух групп воинов, вооруженных топорами и палками, а уверяет читателя, что в сцене из Арпаузена запечатлена процессия (Рогожинский, 2011, с. 87-98). Это один из спорных вопросов.

Среди воинов с топорами изображена бегущая собака, что не характерно для культовых сцен и торжественных церемоний.

На рисунке из Габаевки изображен, вероятно, волк, на двух других рисунках – бык и труд-

ноопределимая фигура. Часть петроглифов повреждена. Все три фигуры «полосатых тигров» объединяют линии рассекающие корпус зверей. Аргументов явно недостаточно для каких-либо выводов.

В целом поиск аналогов в пластике среди южных культур можно приветствовать, но вызывает сомнение сам метод, когда из целого ряда рисунков вырываются отдельные фигуры вне связи с группой петроглифов. Вряд ли древние обитатели, заполняя рисунками скальные плоскости, заботились о потомках, оставляя им пустые плиты. Автор указанной статьи не смог назвать, где же расположены более древние группы, а не отдельные фигуры.

Нельзя сказать, что обе названные статьи равноценны: работа А.Е. Рогожинского выполнена вполне профессионально, но выводы его далеко не всегда являются обоснованными и убедительными.

Таким образом, до раскопок поселений, видимо, рано ставить вопрос о пересмотре хронологии петроглифов Арпаузен.

Неубедительны и рассуждения о реалистических изображениях, как об аргументе в пользу датировки ранней группы рисунков – такие петроглифы есть в Тамгалы и в Ак-Кайнаре, где их много, но раскопки показали, что эти ущелья были заселены племенами эпохи бронзы в андроновское время или несколько ранее и вряд ли на рубеже III-II тыс. до н.э. (Марьяшев, Горячев, 2002, с. 65-69; Байпаков, Марьяшев, Байтанаев, 2007, с. 64, 98, 99, 100, 108).

Теперь о самом главном: в петроглифах Каратау достаточно четко прослеживается влияние не только южных, но и северных культур. Примером могут служить прекрасные гравюры «клювовидных» оленей из ущелья Жангылшак. Надо отметить, что это более поздний пласт петроглифов. Близкие по стилю изображения имеются в Аксу-Жабагылы (Байпаков, Марьяшев, Байтанаев, 2007, с. 64, 98, 99, 100, 108). Влияние северных культур прослеживается и в петроглифах с фигурами лошадей с челками в урочище Койбогар в хребте Каратау (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 53, 54, 69). Эти изображения некоторые исследователи связывают с сеймино-

турбинской традицией племен Центрального и Восточного Казахстана. Аналогичные рисунки в большом количестве имеются среди петроглифов Байконура (Новоженов, 2002, с. 87, 97, 98 и др.). Аналогии этим петроглифам имеются в мелкой пластике (Новоженов, 2002, с. 39-42). Более позднюю дату с фигурами лошадей из Байконура приводит В.А. Новоженов. Он обратил внимание на тот факт, что изображение лошадей с челкой соседствует с изображением борющихся верблюдов. В.А. Новоженов, сопоставляет указанную сцену с аналогичными сюжетами из Каратау и Западного Казахстана считает, что подобная традиция продолжала существовать вплоть до эпохи финальной бронзы или даже до начала раннего железа (Новоженов, 2002, с. 50). В Южном Казахстане аналогичные фигуры лошадей с челками чаще встречаются в урочище Койбагар, что видимо, не случайное совпадение. Это урочище ближе каких-либо других памятников расположено к петроглифам Байконура.

Появление сеймино-турбинских бронз часть исследователей связывают с андроновским временем, некоторые с федоровской культурой, некоторые с синташтинско-петровской.

В итоге, большинство археологов считают, что сеймино-турбинская традиция в изображении лошадей сложилась либо в доандроновское, либо в андроновское время и распространилась по всей Евразии.

Таким образом, можно сказать, что в Каратау прослеживается влияние культур Центрального Казахстана, южных культур, связанных с земледельческими оазисами Средней Азии. Не случайно, именно южная оконечность хребта, стала рубежом, где на скалах переплелись несколько изобразительных традиций. В Западном Жетысу такого разнообразия сюжетов и стилей не наблюдается. Уже за Таразом, в петроглифах Карасая, преобладают семиреченские рисунки в Тамгалинском стиле.

Литература:

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Байтанаев Б.А. Новые петроглифы Каратау. — Алматы, 2007.

Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н. Сокровища Древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. — Алматы, 2011.

Бернштам А.Н. Наскальные изображения Саймалы-Тас // СЭ. — 1952. — № 2.

Горячев А.А., Егорова Т.А. Художественное своеобразие и семантический анализ солнцеголовых образов эпохи бронзы Тамгалы в свете материалов письменной и изобразительной традиции древних цивилизаций // История и археология Семиречья. — Алматы, 2004. — Вып. 4.

Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные рисунки хребта Каратау. — Алма-Ата, 1977.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. — Алматы, 2002.

Мартынов А.И., Марьяшев А.Н., Абетеков А.К. Наскальные изображения Саймалы-Тас. — Алма-Ата, 1992.

Новоженов В.А. Петроглифы Сары-Арки. — Алматы, 2002.

Рогожинский А.Е. Образцы и реалии древнеземледельческой цивилизации Средней Азии в наскальном искусстве эпохи бронзы Южного Казахстана и Семиречья // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. — Кемерово, 2011. — Т. 2.

Рогожинский А.Е., Ауельбекова Б.Ж., Сала Р. Памятники Казахстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии. — Алматы, 2004.

Сала Р., Деом Ж.М. Семиологические методы изучения наскального искусства // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. — Кемерово, 2011. — Т. 2.

Советова О.С. Основные тенденции и актуальные проблемы современного петроглифведения // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. — Кемерово, 2011. — Т. 1.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. — М., 1980.

Шер Я.А. Археология, петроглифы и рыночная экономика. // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. — Кемерово, 2011. — Т. 1.

Түйін

Мақалада автор Қазақстанның жартас суреттерін зерттеудің бастапқы нәтижелерін көрсетеді. Еңбек Қазақстан археологтарының жұмыстары бойынша бірқатар ескертпелерден және қазіргі буындағы зерттеушілер алдында тұрған мәселелерді қарастырудан тұрады.

Summary

Researches of Kazakhstan petroglyphs in last years are summed up in A.N. Maryashev's article. There are a number of remarks under articles of the Kazakhstan archeologists contains and science problems about petroglyphs at the present stage are considered.

Бейсенов А.З.

Центральный Казахстан: история археологического изучения региона

Центральный Казахстан – важный в археологическом отношении регион республики. Исследование его древних памятников играют особую роль в археологии Казахстана и степной Евразии. Особенно это касается периода бронзового века, когда на территории Казахстана развиваются культуры с производящей экономикой. Центральный Казахстан, со своими огромными меднорудными ресурсами и богатейшими пастбищными угодьями, в это время представлял собой один из уникальных очагов культур эпохи бронзы Евразии. Здесь находятся многие десятки поселений и могильников, рудных выработок, культово-ритуальных объектов, материалы исследования которых уже давно прочно вошли в научный оборот и ежегодно пополняются новыми открытиями и фактами, новыми научными гипотезами, мнениями.

Четкой очерченной границы региона нет и применяемый в территориальном отношении термин «Центральный Казахстан» в археологических исследованиях обычно обозначается в общем смысле.

В обширной географической литературе, особенно в работах по районированию, однозначного подхода к понятию «Центральный Казахстан» не находим, не всегда исследователи относят сюда одну и ту же территорию. Географы иногда Центральный Казахстан вообще совмещают с областью Казахского мелкосопочника. Геоморфологический термин «Казахский мелкосопочник» был введен в 1902 г. Н.И. Тихоновичем (в дореволюционной литературе – «Киргизский мелкосопочник»). Современными видоизменениями его являются термины «Казахская складчатая страна» (Л.С. Берг), «Центрально-Казах-

станский мелкосопочник» (И.Л. Герасимов), «Казахское нагорье» (Б.А. Петрушевский).

В 1930-1940 гг. геологами К.И. Сатпаевым и Г.Ц. Медоевым было предложено народное казахское название «Сарыарка», который в дальнейшем в геологических, географических изданиях и в исследованиях гуманитарных наук стал заменять термин «Казахский мелкосопочник». Вскоре само по себе стало традицией соотносить Сарыарку не только с Казахским мелкосопочником, но и с Центральным Казахстаном. Казахская страна Сарыарка исторически не

Фото 1. А.Х. Маргулан в горах Желтау в Актогайском районе Карагандинской области

Фото 2. А.Х. Маргулан и А.М. Оразбаев на поселении Шортандыбулак (Шетский р-н, Карагандинская обл.), 1970 г.

ограничивается ни Центральным Казахстаном, ни даже Казахским мелкосопочником и основная проблема, напрямую ведущая к искажению устоявшихся народных традиций, заключается именно в этом пункте. В качестве «памятников Сарыарки», например, описывают памятники Центрального Казахстана (причем, чаще одной только Карагандинской области), тогда как, если исходить из народных традиций, к ним должны относиться памятники и «Приишимья», и «При-тоболья», и «Прииртышья». «Кокшетауское нагорье», «Тургайская столовая страна» — это тоже часть Сарыарки. Народный исторический термин «Сарыарка» (Арка) территориально гораздо шире, чем геоморфологически очерченный район Казахского мелкосопочника, частью которого является территория Центрального Казахстана.

Сарыарка/Арка, Казахский мелкосопочник, Центральный Казахстан — это разные по территории три региона.

Казахская «страна Арка» — это огромная историческая область, куда относились и райо-

ны за пределами современной северной границы Казахстана (Бейсенов, 2001, 139-143 б.).

Поэтому, выбор правильного соотношения и применения разных историко-географических терминов в археологической литературе остается делом будущего.

Если исходить из степени наибольшей применимости, в археологическом отношении к Центральному Казахстану в целом относят территорию Карагандинской области, Баянаульского и Екибастузского районов Павлодарской области, а также нередко части прилегающих районов Северного Казахстана. Нельзя не отметить, что такой подход выработался в ходе исследований Центрально-Казахстанской археологической экспедиции и закрепился с выходом крупных монографий и ряда статей, отразивших результаты работ 1940-1960 гг. (Бейсенов, Варфоломеев, 2008, с. 4).

История археологического изучения Центрального Казахстана — это важная часть общей истории становления казахстанской археологии.

Дореволюционные данные о древностях, об археологических памятниках Центрального Казахстана разбросаны по разным изданиям, отрывочны, не имеют целенаправленного характера и, конечно, методологической базы ни в описании, ни в трактовке материала. Специальные археологические работы в этой далекой степной окраине империи тогда еще не проводились.

После революции, начиная с 1920-х гг., исследованием памятников Центрального Казахстана занимается краевед Л.Ф. Семенов, впоследствии – директор Карагандинского областного историко-краеведческого музея. Он собирает данные, ведет небольшие раскопки, производит фиксацию и описание многих памятников. Он зафиксировал поселение эпохи бронзы Суыкбулак в 1,5 км к югу от г. Каркаралинска, курганы и каменные кольца эпохи бронзы в урочище Мухтарово, где отмечено трупосожжение в каменном ящике, керамика, орудия из кремня, а также могильник эпохи бронзы из 19 каменных оград на берегу ручья Тасбулак, четыре из которых были раскопаны (здесь им выявлены 4 ящика-могилы с погребенными, при которых найдены бусы, бронзовые браслеты, раковины, орнаментированные фрагменты керамики). На территории бывшего колхоза «Комсомол» (ныне с. Кент) Л.Ф. Семеновым были обследованы могильник Енбексуйгуш, состоящий из шести десятков курганов, каменных ящиков и оградок, жертвенных колец, выложенных из крупных камней; могильник Нарбас, где визуально зафиксировано 26 каменных ящиков, из которых 10 были вскрыты и дали орнаментированную керамику эпохи бронзы, каменное антропоморфное изображение («каменная баба») тюркского времени и жертвенное кольцо. В 1940-1950-х гг. в г. Каркаралинске обследованием местности много занимается краевед В.Е. Ясенецкая, которая в это время работала учительницей средней школы. Именно ею были собраны значительные предметы на площади поселений эпохи поздней бронзы Каркаралы-1, Каркаралы-2, Суыкбулак (Каркаралы-3). Среди подъемного сбора керамика, каменные орудия, кости животных (Археологическая карта..., 1960, с. 169-170; Алдажуманов, Курманкулов, Бейсенов, Евдокимов, 2004, с. 13).

Значительные по масштабу и научной значимости археологические раскопки в Центральном Казахстане были проведены в 1933 г. Нуриной экспедицией ГАИМК под руководством П.С. Рыкова. Экспедицией было исследовано несколько групп оград и курганов эпохи бронзы и раннего железного века. Крупным вкладом в науку являлось открытие и раскопки М.П. Грязновым кургана № 11 у аула Дандыбай на реке Шерубай-Нура (Рыков, 1935).

В послевоенное время начинается подлинное археологическое открытие древней культуры Центрального Казахстана. Благодаря научной, общественной деятельности и личному авторитету К.И. Сатпаева в 1946 г. в г. Алматы открывается Академия Наук КазССР, в составе которой функционирует Институт истории, археологии и этнографии.

Важные задачи возлагаются на Отдел археологии ИИАЭ. Для их выполнения в этом же году за кратчайший срок усилиями А.Х. Маргулана организовывается первая республиканская археологическая экспедиция под названием Центрально-Казахстанской (ЦКАЭ). В том же году экспедиция выезжает на полевые исследования под руководством выдающегося ученого, академика А.Х. Маргулана, который бессменно руководит ею в течение 30 лет – до 1976 года. «Необходимость широкого и планомерного исследования богатейших памятников Центрального Казахстана диктовалась тем, что в связи с развертыванием работ на новостройках и организацией крупных совхозов многие уникальные памятники района, особенно эпохи бронзы и раннего железа находились под угрозой полного исчезновения» – отмечает позже исследователь (Маргулан, 1979, с. 11).

Глубокое знание древних письменных источников и широкие разведочные поездки на обширных пространствах, охватывающих бассейны рек Мойынты, Сарысу, Торгай, Жыланшык, Кенгир, Буланты, Байконыр, Нура, Токырауын, Жарлы, Талды, Тундык на территории современных Улытауского, Жанааркинского, Шетского, Каркаралинского, Актогайского районов позволили Алькею Хакановичу создать на многие годы вперед программу из-

Фото 3. К.А. Акишев, 1960-е гг.

учения древней истории региона. В самом начале работ А.Х. Маргулан ставит такие задачи: а) открытие и изучение памятников древнейшей эпохи истории человечества – каменного века; б) открытие и исследование памятников культур эпохи бронзы и раннего железа – периода разложения патриархального-родового строя, с акцентом на изучение рудных разработок; в) изучение истории древних оседлых поселений на территории Казахстана в аспекте чередования оседлости с кочевым скотоводством (Маргулан, 1948, с. 3–32).

Центрально–Казахстанская экспедиция была поистине школой подготовки квалифицированных казахстанских археологов и этнографов.

В составе экспедиции в разные годы работали К.А. Акишев, А.М. Оразбаев, Л.Р. Кызласов, Г.И. Пацевич, А.Г. Максимова, Т.Н. Сенигова, М.К. Кадырбаев, С.М. Ахинжанов, С.Ж. Жолдасбаев, А.С. Загородний, Т.И. Кулик, Ж. Курманкулов, З. Самашев, А.С. Ермолаева, С.У. Жазымбаев и многие другие археологи. Учениками и последователями А.Х. Маргулана были известные этнографы Х.А. Аргынбаев, Е.А. Масанов, М.С. Муканов, С. Акатаев, антрополог О.И. Исмагулов.

За годы работ экспедицией изучены многочисленные памятники эпохи бронзы, в числе которых крупные поселения Каркаралы 1-3, Шортандыбулак, Бугулы 1-2, Атасу 1-2, Мыржик, Улытау, Талдысай, могильники Аксу-Аюлы, Айшрак, Бугулы, Бегазы, Балакулболды, Акмустафа, Мыржик, Шет и др. На обширном материале был определен уровень социального и хозяйственного развития племен развитого и позднего этапов эпохи бронзы, разработаны вопросы периодизации и хронологии. Было установлено, что племена Центрального Казахстана в своем развитии в период бегазы–дандыбаевской культуры достигают особого расцвета. Высоко развивалось скотоводство, земледелие, горное дело, металлургия, домашние промыслы, строительство и искусство. Результаты проведенных исследований были отражены в ряде фундаментальных монографии, в многочисленных статьях и сообщениях (Маргулан, 1979; Маргулан и др., 1966; Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Кузнецова, Тепловодская, 1994).

Наряду с изучением древностей эпохи бронзы, успешно изучались памятники других периодов. М.К. Кадырбаевым на материалах могильников Тасмола 1-5, Нурмамбет, Карамурун, Ботакара, Акбулак I, 2 и других была открыта и охарактеризована культура раннего железного века Центрального Казахстана – тасмолинская (Маргулан и др., 1966, с. 303–433). А.Х. Маргуланом была проведена большая работа по поиску и исследованию средневековых городищ Центрального Казахстана, продолженная затем изысканиями С.Ж. Жолдасбаева и Ж.Е. Смаилова (Смаилов, 1997). Материалы по раннему средневековью и периоду кыпчакского ханства легли в основу монографий С.М. Ахинжанова и Л.Н. Ермоленко (Ахинжанов, 1989; Ермоленко, 2004).

Особо следует отметить большую заслугу А.Х. Маргулана в написании истории изучения древностей Центрального Казахстана (Маргулан, 1979; Маргулан и др., 1966). Ученый начинает разработку проблемы с трудов средневековых авторов, собирает данные русских и европейских ученых начиная с 17-18 вв., попутно делает разные отметки – что не найдено, где,

какая работа лежит неопубликованной и т.д. Истинно маргулановский подход — охватить тематику по возможности шире — делает этот труд почти уникальным. Действительно, именно такая выборка по истории изучения древностей не сделана ни по одному другому региону республики, кроме Центрального Казахстана. Сама эта работа в настоящее время нуждается в продолжении. Уникальной стороной А.Х. Маргулана было исключительное знание местностей Сарыарки и умение замечать этнографические нюансы в топонимике. Это делает его публикации интересными и красочными.

Среди исследователей Центрального Казахстана есть имена ближайших соратников А.Х. Маргулана. Давно сложилась в народе такая традиция — всё связывать с именем Алькея Хакановича, все открытия, все раскопки. На деле эти работы проводились не им одним, очень многое было сделано выдающимися археологами А.М. Оразбаевым, К.А. Акишевым, М.К. Кадырбаевым, работавшими в составе ЦКАЭ, под руководством А.Х. Маргулана.

Абдулманап Медеуович Оразбаев, — замечательный ученый, археолог-профессионал, исследователь культуры бронзы, раннего железного века — немало исколесил широкую Сарыарку, работая с А.Х. Маргуланом или возглавляя отдельный отряд в составе экспедиции. Следует заметить, что именно он исследовал вышеназванные три каркаралинских поселения эпохи поздней бронзы, он работал на Бугулы, Улытау, Аксу-Аюлы, в ряде других мест, проводил исследования в Северном Казахстане.

Кемаль Акишевич Акишев, первооткрыватель «Золотого человека», исследователь Бесшатыра, Отырара, Бозока и других не менее важных памятников, начал свою археологическую деятельность в Центральном Казахстане — сначала рядовым участником экспедиции, затем начальником отряда. В изданном М.К. Хабдулиной сборнике, посвященном 80-летию К.А. Акишева, приводится «Хроника экспедиционных работ», где показан полевой экспедиционный путь ученого длиной в 56 лет, с 1947 по 2003 г. В начале читаем следующее: «1947. Студентом КазГУ принимает участие в работах Центрально-Казах-

станской археологической экспедиции. Разведочные маршруты по Каркаралинскому району. Раскопки андроновских оград в Кентском ущелье. Могильник Бегазы, раскопки плиточных оград №№ 4, 6» (Мобилизованный археологией, 2004, с. 41). Так древняя земля Центрального Казахстана благословила 23-летнего молодого специалиста на большой полет.

Мир Касымович Кадырбаев, — первооткрыватель тасмолинской культуры, исследователь курганов с «усами», археолог, изучивший многочисленные памятники эпохи бронзы, — в те годы сосредоточил свои изыскания в долинах рек Тоқырауын, Атасу, Шерубай-Нура, Шидерты. Особо следует отметить его работы на памятниках Атасуского микрорайона, где были открыты и изучены уникальные медеплавильные комплексы (Кадырбаев, 1983).

Фото 4. А.М. Оразбаев в годы Великой отечественной войны.

Необходимо отметить исследования по каменному веку М.Н. Клапчука и А.Г. Медоева, продолженные затем Ж.К. Таймагамбетовым, В.С. Волошиным, О.А. Артюховой, В.К. Мерцем. Именно М.Н. Клапчук и А.Г. Медоев, начиная с 1960-х гг., заложили основу изучения палеолита Центрального Казахстана, выдвигая ряд научных мнений по материалам тех лет. Детальная научная трактовка и дальнейшая разработка этих суждений относятся к области интересов специалистов по данной тематике. Ж.К. Таймагамбетов и В.С. Волошин в целом убедительно показали содержание и важность работы этих специалистов (Таймагамбетов, 1990, с. 14-16; Волошин, 2002, с. 21-43).

В последнюю четверть века в районе проводит исследования экспедиция исторического факультета Карагандинского госуниверситета им. Е. Букетова. Ведут свои исследования на территории Карагандинской области, а также за ее пределами, большой коллектив археологов КарГУ, в числе которых В.В. Евдокимов, С.У. Жауымбаев, В.В. Варфоломеев, В.Г. Ломан, Э.Р. Усманова, И.А. Кукушкин, М.В. Бедельбаева и др. За истекший период выявлены десятки новых могильников и поселений, древних рудников и др., число их растет с каждым годом. По-новому открываются памятники ущелья Кызылкеныш, где, особенно с начала 1980-х гг., разворачиваются масштабные исследования. Помимо разведочных работ, раскапываются многочисленные могильники, поселения, относящиеся к эпохе бронзы. На этих материалах исследуются проблемы ранней бронзы, андроновского времени, финального этапа бронзового века, изучаются особенности гончарства древних насельников края, а также древней металлургии и горного дела (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 5-6).

Карагандинскими археологами были проведены широкомасштабные раскопки, позволившие создать прочную источниковую базу археологических материалов по эпохе бронзы региона, разработать локальную периодизацию памятников, реконструировать основные черты образа жизни и жизнедеятельности коллективов людей, живших в районе в период первобытно-

общинного строя. Материалы исследованных памятников района использованы участниками экспедиции при написании докторских и кандидатских диссертаций, ряда монографий, учебных пособий, научных статей, положены в основу характеристики культуры бронзы региона и ключевых памятников (Евдокимов, 2001; Ткачев, 2003; Варфоломеев, 1991; Ломан, 1993; Кукушкин, 1993; Рудковский, 2003).

Важное значение для археологии не только Казахстана, но и сопредельных регионов, имеет открытие в Каркаралинском районе курганного погребения эпохи ранней бронзы (конец 3 тыс. до н.э., могильник Караагаш). Впервые в Центральном Казахстане был выявлен и исследован могильник (Сатан) петровской культуры, ранее известной только в Северном Казахстане. В одном из погребений этого могильника обнаружены уникальные и пока единственные на территории Центрального Казахстана остатки деревянной колесницы, свидетельствующие о значительной мобильности андроновских племен, часть которых, как считают исследователи, через степи Центрального Казахстана двинулась в Индию. Весьма существенны результаты исследований последних лет в области изучения памятников эпохи поздней бронзы. Многолетние работы карагандинских археологов на огромном поселении Кент (площадь около 300 тыс. кв.м) дали возможность уточнить относительную хронологию памятников финальной бронзы. Впервые была исследована постройка культового характера с уникальными сакральными предметами из кости и рога, покрытыми тончайшим резным орнаментом. Находки импортной керамики привели к выводу о том, что этот памятник являлся одним из опорных пунктов на древних торговых путях, пролежавших от Западной Сибири до Средней Азии. Десятки жилых и производственных сооружений, развитое ремесло, собственная металлургия, наличие сельской округи позволяют считать Кент протогородом — прообразом зарождающейся городской цивилизации. Следует отметить, что Кент является самым крупным среди всех известных на территории Казахстана поселений эпохи бронзы.

Принципиальное значение для понимания сущности перехода от культур эпохи бронзы к эпохе раннего железа имеет выделение памятников донгальского типа, обладающих своеобразием в керамике и строительной архитектуре. Памятники эти получили название по поселению Донгал (8 в. до н.э.) в Кентских горах (Ломан, Бейсенов, Евдокимов, Тулеуов, 2004, с. 136-137).

В 1986–1987 гг. специализированным студенческим отрядом исторического факультета КарГУ «Эврика» был исследован знаменитый Кызылкентский дворец. Памятник был раскопан и подготовлен к консервационным работам, кроме того, были собраны и проанализированы материалы о нем, включая новые раскопочные данные. Дворец охарактеризован как ламаистский храм, который был построен в XVII в. Раскопки показали наличие лишь незначительного культурного слоя, что говорит о непродолжительном времени существования храма, который, возможно, так и не был по-настоящему обжит. Впоследствии это сооружение превратилось у казахов в священное место (Смаилов, Бейсенов, 1996).

Изучение памятников археологии Центрального Казахстана археологами КарГУ представляет собой особый этап в исследовании древней культуры Центрального Казахстана. Итоги этой напряженной работы без преувеличения можно назвать крупным вкладом в дело изучения древней истории и культуры Казахстана.

Новейшие исследования в Центральном Казахстане, проводимые Институтом археологии им. А.Х. Маргулана и КарГУ им. Е. Букетова, во многом отражают актуальные задачи отечественной археологии на современном этапе.

Квалифицированные специалисты проводят комплексные изыскания по многим научным направлениям. На территории региона ведутся исследования по Государственной Программе «Культурное наследие», а также целый ряд

проектов осуществляется по финансированию областного Управления культуры.

Очень интересными и актуальными представляются работы И.А. Кукушкина по поиску и изучению памятников раннеандроновского времени. Материалы таких памятников, как могильники Нуртай, Аяпберген и, в особенности, Ащису, демонстрируют особенности крайне малоизученного начального этапа андроновской эпохи (Кукушкин, 2007; 2011).

Плодотворные работы ведутся на территории археологического комплекса Талдысай в Улытауском районе. Здесь в течение нескольких лет раскапываются памятники эпохи камня, изучается металлургическое поселение Талдысай (Артюхова и др., 2007; Курманкулов, Ермолаева, Калиева, 2007).

На могильнике Бегазы, а также в районе его расположения, в настоящее время проводится

Фото 5. М.К. Кадырбаев с участниками конференции. Алматы, 1976 г.

научно-исследовательская работа многопланового характера. В ней принимают участие Институт археологии им. А.Х. Маргулана, КарГУ им. Е.А. Букетова (Сарыаркинский археологический институт, кафедра археологии исторического факультета), Управление культуры Карагандинской области, областная Госинспекция охраны памятников истории и культуры. Нельзя не отметить важность этих работ по многим направлениям. Изучается исторический фон могильника Бегазы, в районе которого на протяжении 10 км участка р. Каратал зафиксировано свыше 40 пунктов концентрации памятников разных эпох (Бейсенов, Варфоломеев, 2008). Вокруг могильника Бегазы открыты и исследованы новые поселения эпохи бронзы, раннего железного века. Здесь же найден и исследован первый могильник донгальского времени – могильник Кызыл (Бегазы 3Б) (Бейсенов, Солодовников, 2011). На могильнике Бегазы ведутся консервационные работы (Бейсенов, Касеналин, 2011, 204–207 б.). Исследования могильника Бегазы, памятников района Бегазы-Каратал несомненно дадут новый всплеск в научном процессе изучения древних культур Центрального Казахстана. Консервационные и реставрационные работы на Бегазы – это проблема, остро стоящая на повестке дня, и значение их невозможно переоценить. Материалы, как по могильнику, так и по району Бегазы-Каратал, найдут свое применение в осуществлении таких задач, как создание в перспективе государственных заповедников, выработка мер по развитию туризма и т.д.

В настоящее время начаты работы по созданию на территории Актогайского района Карагандинской области Государственного историко-культурного заповедника-музея «Кызыларай-Бегазы» (Бейсенов, Жамбулатов, Огарь, 2011, с. 402-404) и в данном случае нельзя не признать значение могильника Бегазы и памятников его окружения.

В центральноказахстанской археологии особую остроту принимают новые разработки проблем бегазы-дандыбаевской культуры – хотя,

эта тема не менее актуальна для археологии всего Казахстана и степной Евразии в целом.

В.В. Варфоломеев в результате анализа и нового обобщения источников предложил бегазы-дандыбаевскую и алексеевско-саргаринскую культуры объединить в одну. Эта культура, по мнению ученого, занимала восточный ареал общности культур валиковой керамики и занимала территорию от восточного склона Уральских гор до предгорий Алтая. Эпицентром культуры, наиболее развитым экономически, социально и политически, были пространства Центрального Казахстана, с ее богатейшими пастбищами и мощными меднорудными месторождениями. Согласно правилу научного приоритета, эта культура должна называться дандыбаевской потому, что могильник Дандыбай стал первым памятником валиковой культуры Казахстана, известным науке. Но, поскольку двойное название «бегазы-дандыбаевская культура» давно закрепилось в науке, школьных и вузовских курсах, музейном деле и т.д., то его употребление представляется наиболее приемлемым. Дается новая характеристика культуры, племена-носители которой, в условиях быстрого социально-экономического развития находились на стадии формирования ранней формы государственности (Бейсенов, Варфоломеев, 2008, с. 14, 46-75).

Удивительное открытие сделано недавно в ходе изучения поселения Кент. На этом поселении, являющемся самым крупным среди известных в Казахстане поселений эпохи бронзы, на участке Алат, В.В. Евдокимовым и С.У. Жауымбаевым обнаружена производственная площадка с сыродутными печами для варки железа. Таким образом, выясняется, что племена Центрального Казахстана железо получали уже в конце бронзового века (Евдокимов, Жауымбаев, 2007, с. 127-128).

Значительные успехи достигаются в области керамологических исследований. В.Г. Ломаном проведены технико-технологические анализы керамических комплексов из целой серии памятников древней эпохи, среди которых поселения эпохи бронзы, курганы и поселения раннего железного века. Особо следует отметить

важность результатов, полученных в ходе исследования керамики эпохи раннего железа, — эта работа проводится впервые (Бейсенов, Ломан, 2008, с. 35-41; 2011, с. 405-410).

Открытие поселений — новая веха в изучении культуры раннего железного века Центрального Казахстана. Сейчас на территории Карагандинской области выявлены десятки объектов, открыты они на территории Баянаульского, Экибастузского районов и т.д. Эти памятники отличаются своей привязкой к склонам возвышенностей, малой площадью, скученной планировкой, наличием наземных каменных строений. Согласно данным раскопок, в керамическом комплексе имеются слабопрофилированные горшки, банки, а основными видами малочисленного орнамента являются жемчужины и ямки (Бейсенов, Мерц, 2010, с. 40-45; Бейсенов, Ломан, 2011, с. 405-410).

В Центральном Казахстане начаты исследования крупных курганов сакского времени. Важными оказались результаты исследования раннесакских курганов могильника Талды-2. Здесь были найдены многочисленные уникальные материалы, относящиеся к золотым украшениям костюма сакской элиты. Памятники датированы 7-6 вв. до н.э. (Бейсенов, 2011).

Наряду с важными успехами, есть и проблемные стороны. Наблюдается неравномерность в изучении памятников разных эпох. Так, на протяжении всего периода исследований приоритет был на стороне изучения памятников эпохи бронзы. Изучение памятников археологии здесь остается прежде всего на уровне эпохи бронзы. На это повлияла многочисленность памятников этого периода, а также высокоинформативность поселений и могильников Центрального Казахстана в решении ряда узловых проблем археологии бронзы Евразии. На территории региона малоисследован каменный век, помимо палеолита, очень важными были бы поиски и исследования памятников ботайского типа. Только сейчас начинают возрастать изыскания по раннему железному веку. В изучении средневековья уже явно наметился перерыв, который обещает превратиться в серьезную проблему. Все это ставит задачу внесения определенных

корректив в перспективных исследованиях памятников Центрального Казахстана. Понятно, что во многом это упирается в малочисленность кадров.

В наше время в Центральном Казахстане, как и везде по республике, заметно актуализировались комплексные исследования древних памятников, главной целью которых является обеспечение сохранности объектов. Это — требование современной науки и современного общества. Сегодня, в условиях коренного обновления страны, в условиях рынка форсированными темпами ведутся различные строительные работы, очень быстро растет число фермерских хозяйств, берущих в аренду земельные угодья, диктует новые условия международного туризма. Сегодня и у людей другое отношение к памятникам — все больше хотят видеть свои древности, показать их детям. Все это требует соответствующих обновлений в деле исследования археологических памятников.

Литература:

Алдажуманов К.С., Курманкулов Ж.К., Бейсенов А.З., Евдокимов В.В. Введение // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. — Алматы: Эверо, 2004. — С. 5-21.

Археологическая карта Казахстана. — Алма-Ата: АН КазССР, 1960. — 449 с., табл.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в средневековой истории Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1989. — 293 с.

Артюхова О.А., Бирмуханова А.У., Мамиров Т.Б., Майгельдинов К.У. Каменный век Талдысайского микрорайона // Историко-культурное наследие Сарыарки. — Караганда, 2007. — С. 23-36.

Бейсенов А.З. Ежелгі Сыр өңірі және Сарыарка // Достижения и перспективы археологической науки независимого Казахстана: тр. Междунар. конф. «Маргулановские чтения-2001», посв. 10-летию независимости Республики Казахстан. — Кызылорда, 2001. — Б. 139-143.

Бейсенов А.З. Сарыарка — колыбель степной цивилизации. — Алматы, 2011. — 32 с.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В. Могильник Бегазы. Бегазы-дандыбаевская эпоха Центрального Казахстана. — Алматы: Инжу-маржан, 2008. — 112 с.

Бейсенов А.З., Жамбулатов К.А., Огарь Н.П. О проектируемом государственном историко-культурном заповеднике-музее «Кызыларай-Бегазы» // Маргулановские чтения-2011: матер. Междунар. археол. конф. — Астана, 2011. — С. 402-404.

Бейсенов А.З., Касеналин А.Е. Бегазы зиратындағы зерттеу жұмыстарының барысы // Маргулановские чтения-2011: матер. Междунар. археол. конф. — Астана, 2011. — 204-207 б.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Керамика из курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Изв. НАН РК. — 2008 — СОН — № 1. — С. 35-41.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. — Алматы, 2009. — 264 с.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Керамика раннесакского времени из поселения Шидертинское-2 (Центральный Казахстан) // Маргулановские чтения-2011: матер. Междунар. археол. конф. — Астана, 2011. — С. 405-410.

Бейсенов А.З., Мерц В.К. К изучению памятников района р. Шидерты // Изв. НАН РК. СОИ. — 2010. — № 1. — С. 40-45.

Бейсенов А.З., Солодовников К.Н. К характеристике догальских погребений могильника Кызыл // Маргулановские чтения-2011: матер. Междунар. археол. конф. — Астана, 2011. — С. 208-211.

Варфоломеев В.В. Сары-Арка в конце бронзовой эпохи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Алма-Ата, 1991. — 21 с.

Волошин В.С. К вопросу о истории изучения палеолита Сарыарки // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья: сб. научн. статей. — Павлодар: НПФ «ЭКО», 2002. — С. 21-43.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. — Караганда: КарГУ, 2002. — 137 с.

Евдокимов В.В. Эпоха бронзы степей Центрального и Северного Казахстана: автореф. дис. ... докт. ист. наук. — Алматы, 2001. — 32 с.

Евдокимов В.В., Жаубымбаев С.У. Раскопки на поселении эпохи поздней бронзы Алат в 2005 г. // Историко-культурное наследие Сарыарки. — Караганда, 2007. — С. 123-132.

Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). — Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2004. — 132 с.

Кадырбаев М.К. Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск: ЧелГУ, 1983. — С. 134-142.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сарыарки (по материалам Северной Бетпакалды). — Алматы: Наука, 1992. — 247 с.

Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. — Алматы: Гылым, 1994. — 206 с.

Кукушкин И.А. Культ огня у племен Казахстана в эпоху бронзы: динамика, функции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Алматы, 1993. — 23 с.

Кукушкин И.А. Археологические исследования могильника Ащису. Курган 1 // Историко-культурное наследие Сарыарки. — Караганда, 2007. — С. 40-64.

Кукушкин И.А. Археологические комплексы Казахстана с колесничной атрибутикой. Новый аспект в археологии бронзы Казахстана // Мынжылдыктар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991-2011). Қазақстан тәуелсіздігінің 20 жылдығына арналған ғылыми мақалалар жинағы. — Алматы, 2011. — С. 97-113.

Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Калиева Ж.С. Археологические исследования на поселении Талдысай // Историко-культурное наследие Сарыарки. — Караганда, 2007. — С. 93-106.

Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины 2-го тысячелетия до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1993. — 31 с.

Ломан В.Г., Бейсенов А.З., Евдокимов В.В., Тулеуов Т.С. Археологическая карта Каркаралинского района. — Алматы: ИЛЬ-тех-кітап, 2004. — 256 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1979. — 336 с., прил.

Маргулан А.Х. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Казахстана // Изв. АН КазССР. — Сер. Археология. — 1948. — Вып. 1. — С. 3-32.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1966. — 435 с.

Мобилизованный археологией. К 80-летию Акишева Кималия Акишевича. — Астана: ЕНУ, 2004. — 139 с.

Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // ИГАИМК. — 1935. — Вып. 110. — С. 40-68.

Рудковский И. В. Системообразующие инварианты андроновской орнаментики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 2003. — 18 с.

Смаилов Ж.Е. Памятники археологии Западной Сарыарки (Средневековые городища и поселения). Балхаш: ЖезУ, 1997. — 63 с., табл.

Смаилов Ж.Е., Бейсенов А.З. Исследование Кызылкентского дворца в Центральном Казахстане // Некоторые вопросы истории Казахстана. — Жезказган: ЖезУ, 1996. — С. 58-87.

Таймагамбетов Ж.К. Палеолитическая стоянка им. Ч.Ч.Валиханова. — Алма-Ата: Наука, 1990. — 128 с.

Ткачев А. А. Бронзовый век Центрального Казахстана: автореф. дис. ... докт. ист. наук. — М., 2003. — 34 с.

Түйін

Мақалада Орталық Қазақстан ескерткіштерінің археологиялық тұрғыдан зерттелуі тарихының басты баптары қарастырылып, Археология Институты мен Караганды Мемлекеттік Университетінің осы бағытта атқарған жұмыстарының негізгі қорытындылары берілген. Мыс қорларының орасан зор молдығына байланысты, Орталық Қазақстан көне дәуірде Еуразияның мәдениеті гүлденген ерекше өлкелерінің бірі болған. Археологтардың еңбегі нәтижесінде мұнда андронов, бегазы-дәндібай дәуірлерінің, ерте темір кезеңінің, ортағасырлардың көптеген ескерткіштері зерттеліп отыр.

Summary

The basic moments of a history of archeological studying of monuments of Central Kazakhstan and some results of the long-term works which have been carried out by the Institute of Archeology and the Karaganda State University are reflected in the article. Due to the huge stocks of copper ore, the region of Central Kazakhstan in the ancient times was one of the important regions of development of cultures of the Epoch of Bronze of Eurasia. By the efforts of archeologists here were opened and investigated numerous monuments of Andronov, Begazy-dandybay periods, also monuments of the Early Iron Age, Middle Ages are successfully studied.

Ә.М. Манапова

Академик Ә.Х. Марғұланның археология ғылымындағы орны

Халқымыздың тарихын, мәдени шежіресін жалықпай зерттеп, том-том бағалы кітаптар жариялап, көпшілік санасының өсуіне, білім қорының молаюына ықпал жасаған, сонымен қатар, өзінің мол еңбегімен ғылымда ашқан жаңалықтарымен «Қазақ археологиясының атасы» (Байпақов, Ақышев, 1994, с. 7-10) деп аталып кеткен, қазақ халқының аса көрнекті энциклопедист ғалымы – Әлкей Хаканұлы Марғұланның археология ғылымындағы ролі өте зор.

Ғұлама ғалым 40 жылдардың басынан бастап көне жазба ескерткіштері және қазақ халқының рухани мәдениетін, фольклорын жан-жақты зерттеумен бірге Қазақстан жеріндегі археологиялық ескерткіштер кешенін іздестіру, табу және зерттеу ісін алғашқылардың бірі болып бастады.

Ә.Х. Марғұлан Қазақстандағы археология ғылымының өсуі үшін ол кезде отандық археологтар әлі қалыптасып болмаған кезде Москва, Ленинград сияқты үлкен қалалардан жас мамандар шақырады. Олардың ішінде Е.И. Агеева, А.Г. Максимова, Т.Н. Сенигова, Ф.Х. Арсланова, М.С. Мершиев, Г.И. Пацевич ұзақ жылдар Қазақстан археологиясына жемісті еңбек етіп, отандық маман археологтардың өсуіне игі ықпалын тигізді.

Сонымен қатар ол жас ұлттық археологтар К.А. Ақышев, Ә.М. Оразбаев, М.Қ. Қадырбаев, Х.А. Алпысбаевтарды СССР ҒА Ленинград археология бөліміне аспирантураға түсіп білімін жетілдіруіне жағдай жасады және олардың археологияның әртүрлі салаларын тандап, дамытуына тікелей жетекшілік жасады.

Ә.Х. Марғұлан өз зерттеулерінде кең ауқымды аймақтарды ғана емес, хронологиялық шеңбері мол ескерткіштерді қамтыды. Ол өз зерттеулері шеңберінде неолит дәуірінің тұрағын, беғазы-дәндібай және андрон

мәдениетінің қоныстары мен қоймдарын, ерте көшпенділер археологиялық ескерткіштері мен халықтардың Ұлы қоныс аударуы тұсындағы ескерткіштерді, тас мүсіндер мен тасқа салынған суреттерді, ирригациялық құрылыс пен ежелгі керуен жолдарын, VIII – X ғасырлардағы тастан жасалған архитектураның ескерткіштері және ортағасыр қалаларын, XIII – XIV ғғ. мавзолейлер мен XIV – XIX ғғ. қазақ күмбездерін ашты. Әр жылдардағы жұмыс қорытындылары Ғылым Академиясының хабарламасына үзбей жарияланып отырды. Әлкей Хаканұлының К. Ақышев, Ә. Оразбаев, М. Қадырбаевтармен бірігіп жазған «Орталық Қазақстанның ежелгі мәдениеті» (Марғұлан, Акишев, Қадырбаев, Оразбаев, 1966) атты кітапта қортындыланды. 1967 ж. осы ұжымдық монография Қазақ ССР ҒА Ш.Ш. Уәлиханов атындағы сыйлықты иеленді. Одан кейінгі келелі іргелі зерттеу еңбегі көп жылдар бойғы зерттеу жұмыстарының жемісті қорытындысы «Орталық Қазақстандағы Беғазы Дәндібай мәдениеті» монографиясы 1979 ж. шықты, бұл кітабы археологиялық ғылыми әдебиеттің алтын қорына енді.

Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы үш отрядтан құралды. Біріншісі андронов қоршауларын қазған А.М. Оразбаев басқарған отряд, екіншісі экспедиция басшысы Ә. Марғұлан басқарған кейінгі қола дәуірін және қола дәуірінен ерте көшпенділер дәуіріне өту кезеңін зерттеген отряд, үшіншісі М.Қ. Қадырбаев басқарған ерте көшпенділер мәдениетін зерттеген отряд. Бұлармен қатар экспедиция құрамында әр жылдарда Л.Р. Қызласов (1948), К.А. Ақышев (1951-1952), Г.И. Пацевич, А.Г. Максимова, Т.Н. Сенигова, Г.В. Кушаев, Х.А. Алпысбаев, суретшілер П.В. Агапов, К.А. Власовтар және Қаз МУ, Қаз ПИ және Алматы сурет училищесінің студенттері қатынасты.

Экспедицияның Орталық Қазақстандағы алғаш ашып, осы күнге дейін үзбей тереңдете зерттеп келе жатқан нысаны қола дәуірінің ескерткіштері еді. Бұл ескерткіштер Қазақстан даласында іргелі мәдениет болған жоқ, тек ары-бері көшіп жүрген елдердің жолы болған деп ертеден қалыптасып келген тұжырымды жоққа шығарушы бірден-бір дәлел болды.

Ә.Х. Марғұлан: Орталық Қазақстан – қола дәуірінің шұрайлы мәдениетінің орталығы. Онда ең алғашқы архитектура үлгісіне жататын зәулім қақпа тастан, граниттен салынған құрылыстар бар. Беғазы, Бұғылы, Саңғыру, Ақсу Аюлы, Ұлытауда Айбас дарасы – осының бәрі ежелгі цивилизацияның ең алғашқы архитектураның ғажайып белгілері. Бұл әрине үлкен де күрделі тақырып деп жазды.

1946 ж. экспедицияның алғашқы зерттеуі Мойынты, Сарысу өзендері бойымен, Бетпақ-даладан Ұлытау тауына дейінгі кең алқапты, Торғай – Жіліншік өзендерінің жоғарғы ағысын, Кеңгір, Жезді, Байқоңыр мен Бұланты өзендерінің өңірін қамтыды (Марғұлан, 1946, с. 125-127).

Келесі жылғы экспедиция алдыңғы жылғы экспедиция жұмысының жалғасы болды деген болады. Ал 1948 ж. экспедицияның алдына қойған мақсаты: Жезді және Кеңгір өзендері өңірінде орналасқан жартылай отырықшы жер иеленуші мәдениеті оның ішінде архитектуралық ескерткіштерді тереңдете зерттеу болды. Осы жылы кіші плиталы Беғазы 2-3 мавзолейлері зерттелді.

1949 ж. Ақшатау тауы мен Шерубай – Нұра өзенінің құймасы, Соқыр өзенінің өңіріндегі қола дәуірінің ескерткіштері зерттелді. Кең ауқымды археологиялық қазба жұмыстары 1950, 1951, 1952 жж. Ә.Х. Марғұланның басшылығымен, археология бөлімінің қызметкерлері Г.И. Пацевич, К.А. Ақышев, А.Г. Максимова, Т.И. Сенигова, суретші Агаповтардың қатысуымен жүргізілді.

1963-1967 жж. монументальды архитектуралы Беғазы I қабірі және Саңғыру I кешені түгелдей зерттеліп біршама материалдар жиналды. 1968 жылғы нәтижелі зерттеулердің бірі Беласар, Елшібек кешендері, онда өзіндік мәні бар және әртүрлі керамикалық материалдар орта қола кезеңінен Беғазы-Дәндібай мәдениетіне өтпелі кезеңінің мерзімін көрсетті. 1969ж. Қарағанды далалы алқабынан ең үлкен, әр кезеңнің ескерткіштері бар Балакүлболды

кешені зерттелді. Соңғы қола дәуірінен ерте темір дәуіріне өту кезеңін түсіндіру мақсатында 1971 ж. Тоқырауын өзенінің жоғарғы ағысындағы ерте скифтер кезеңінің қорғандары зерттелді. 1972 ж. 1946 ж. ашылған Беғазы-Дәндібай ескерткіштерінің батыс бөлегі зерттелді.

Ә.Х. Марғұланның ежелгі заман ескерткіштерінің ішінде тас дәуірі ескерткіштерін зерттеуі кешенді болмағанмен Қазақстанда жүргізілген зерттеулерді саралаған еңбектері мол. Оның 1998 ж. жарық көрген шығармалар жинағының I томында тас ғасыры ескерткіштерінің зерттелуіне жан жақты тоқталып, сраптама жасалды. Осы еңбегінде соңғы 40 жыл ішінде Қазақстанда неолит ескерткіштерін ашу мен зерттеуде археологтар көп жұмыс атқарғандығын талдап жазды.

1947 ж. Ә.Х. Марғұлан өзі Қызылжар бекетінен төмен 18 шақырым жерде Сарысу өзенінің екі жағында орналасқан Бөрібас тұрағын зерттеді (Марғұлан, 1949, с. 3-36.). Тұрақтың үстінен ондаған тас заттар, оның ішінде нуклеус, үлкен мөлшердегі пышақ тәрізді пластинка, опал мен кремнен жасалған садақ ұштарының копиясы, көптеген қырғыштар жинады. Мөлшеріне және архаикалық қолапайсыз түріне қарай олар неолит пен энеолит ерте кезеңіне жатқызылды. Осы жылы ғалым Бетпақ Даланың солтүстік және солтүстік батысында барлау жұмыстарын жүргізді. Осы жылы Беғазы комплексін зерттеу басталды.

Академик Әлкей Хақанұлы Марғұланның зерттеулерінің негізгі бағыты қола дәуірі болды. Қола дәуірі ескерткіштері басқа тарихи кезеңдерге қарағанда көбірек зерттелгенімен, көптеген мәселелер әлі де түбегейлі шешіле қойған жоқ. Мұның өзі отандық археология ғылымының үздіксіз дамуын көрсетеді (Құрманқұлов, Байғұнаков, 2008).

Ал 1948 ж. Беғазыда қазба жұмысы жалғасты, екі кезеңнің: андронов және кейінгі қола дәуірінің ескерткіштері табылды. 1949 ж. Құндызды өзенінің Нұраға құяр тұсынан қола дәуірі елді мекенінің белгісі табылды. Бұл жылдың зерттеулерінің қортындысы Ә.Х. Марғұлан мен М.Е. Массонның жұмыстарында көрсетілген.

Ә.Х. Марғұлан қола дәуірінің кезінде Орталық Қазақстан мен кенді Алтай өңірі ел тығыз қоныстанған кен өндіріп, мыс

балқытқан, мал өсіріп егін еккен құтты өлке болғанын атап өтеді. Жалпы дәуір өзіндік белгілерімен Атасу, Нұра, Беғазы-Дәндібай кезеңдеріне бөлінгенімен түбі бір, бірінен-бірі туындап отырған біртұтас мәдениет екенін бірнеше рет өтеді. Осы тұжырым К.А. Ақышев, Ә.М. Оразбаев, М.Қ. Қадырбаев, С.У. Жауымбаев, Ж. Құрманқұлов еңбектерінде жалғасын тапты. Қола дәуірінің соңғы кезеңі кемелденіп ең жоғарғы сатыға жеткен тұсы Беғазы-Дәндібай мәдениеті деп бөлінеді. Ол туралы Әлкей Хақанұлы былай дейді: «Бұл Беғазы-Дәндібай мәдениеті деген ғажайып бір кеніш, сарқылмайтын мәдениет дүниесінің келісті бір түрі. Жалпы қазақ жерінде біздің эрамызға дейінгі мың жылдықтарды қамтыған қола дәуірінің мәдениеті жойқын дамыған. Оның сәулетті бір белгілері – қыстақтар орны, зәулім обалар, биік менгірлер – біздің эрамызға дейінгі XI – VIII ғғ. Орталық Қазақстандағы Беғазы өзенінің бойы мен Дәндібай ауылы деп аталған мекен төңірегінде көп сақталған. Ғылымда Беғазы-Дәндібай мәдениеті деп аталатын бұл сәулет пен өнер үлгілері бір жағынан, көне Қазақстан жерінде қола дәуірінен кейінгі көркейген алғашқы сақ мәдениетімен сабақтасып, ұштасып жатыр. Сақтардың жойқын өнерінің бір төркіні осы мәдениеттің жарқын дәстүрлерінен бастау алады. Кейбіреулердің көне Қазақстанда бағзы замандарда мәдениет ошақтарының болмаған, қала салуды білмеген дейтіні бар. Ол қате. Ежелгі Қазақстанның байтақ жерін мекендеп, мал баққан, егін еккен, кен қазған бабаларымыздың дүние жүзілік цивилизацияға қосқан үлесі орасан зор. Ана жылы Есіктен табылған Алтын киімді адам да сол байтақ мәдениетіміздің сәулетті бір айғағы» (Бейсебаев, 1984, 10 май).

Беғазы-Дәндібай мәдениетінің ғылым жүзіне жария болуына академик Ә. Марғұланның сіңірген еңбегі айырықша. Беғазы-Дәндібай іспеттес қола дәуірінің бай мәдени мұрасы Орталық Қазақстаннан табылуы дүниежүзілік ғылымда өте маңызды болды. Өйткені осы кезге дейін әлемдік археология көне өркениетті тек Жерорта теңізі маңынан ғана іздеп, жер шарының басқа құрылықтарның мәдени салуаттарын жерорта теңіздік мәдениеттің қиыр шеті деп түсіндіріп келген еді. Әлкей Марғұлан

мыс пен жезге негізделген өркениет кенді аймақтарға шоғырланғанын және бұл аудандар қола мәдениетінің провинциясы емес, кіндігі, орталығы екенін айғақтады.

Қазіргі күнде Ә. Марғұланның ғылыми еңбектерінің арқасында сақтар мәдениеті андрон мәдениетінің заңды жалғасы екендігі толық дәлелденсе, бұл екі мәдениеттің арасында Беғазы–Дәндібай мәдениетінің дәнекерлік роль атқаратындығы ғылыми тұрғыда негізделді.

Қола дәуірінің немесе Беғазы-Дәндібай мәдениетінің ескерткіштері шығысы Абралы тауымен Шыңғыс жотасынан батысы Ұлытау тауына дейін созылып жатыр. Орталық Қазақстанның қола дәуірін айғақтайтын этап ескерткіштері өзіндік ерекшеліктерімен бөлініп көрінеді, бұл бізге дейін жеткен алғашқы монументалды құрылыс (XII – X және X – VIII ғғ. б.э.д.) (Маргулан, 1978, с. 26) деп көрсетті Ә.Х. Марғұлан.

Ғұлама ғалым қазақ даласында металлургияның даму тарихына көп көңіл бөліп, ежелгі металлургияның көптеген ескерткіштерін ашты және сипаттамасын берді. Олар: Жезқазған, Саяқ, Алабұға, Үрпек, Имантау, Шақпақ, Суық Бұлақ, Атасу. Ол өзінің еңбектерінде қазақ даласы алтын мен мыс елі екендігі туралы ертедегі Геродот, Әл-Идриси, Әбілғазы т.б. еңбектерінде кездестіретініміз деп атап көрсетеді.

Қола дәуірінен бері қарай келе жатқан тағы бір ескерткіштер тобы, су қоймалары – тоғандар, Ә.Х. Марғұлан еңбектерінде ерекше орын алған көктемгі суы тез сарқылатын далада егін салуға мүмкіндік беретін бұл құрылыстардың маңызы зор. Қарапайым адам мүлдем көңіл аудармайтын жер бетінде нобай ғана сақталған бұл тоғандарды тайып, зерттеп, жобасын сызып алу тек Ә.Х. Марғұлан сияқты қазақ даласын алақанындай оқи білетін, аңғарымпаз кісінің ғана қолынан келеді. Ол кісі оннан аса тоғандардың сипаттамасын беріп, сызбасын жасады.

Ә.Х. Марғұланды «мұртты қорғандарды» зерттеушілердің алғашқыларының бірі деуімізге оның басшылығымен 1946 ж. археологиялық экспедицияның есебі ретінде жазған мақаласы дәлел бола алады. Экспедиция Қарағанды облысының Ұлытау, Жезқазған, Жаңаарқа аудандары территориясында орналасқан қорғандарды зерттеді. Қорғандар Сары-

су, Кеңгір, Жезді, Байқоңыр және Бұланты өзендерінің маңында көптеп кездеседі.

Сары-Арқадағы сақтардың өнер туындылары, дүниетанымын көрсететін тасбетіндегі суреттердің ірі тобын Ә.Х. Марғұлан Байқоңыр, Бұланты бойынан, Теректі әулие бұлағының басындағы таулардан тауып зерттеген. Автордың анықтауынша олардың дүниетанымының биік дәрежеде болғаны, өнерінің жетік екені дәлелденген.

Қазақстанның ортағасырлық археология тарихы өте тереңде жатыр. Ортағасырлық ескерткіштерге археологиялық зерттеулер жүргізу арқылы сол уақыттағы халықтардың тыныс-тіршілігінен, сол уақыттың мәдени және саяси өмірінен мол мағұлматтар аламыз. Отандық ғылымда Ә. Марғұланның ортағасырлық ескерткіштерді зерттеулерде алар орны ерекше. Оның жан-жақты ғылыми-зерттеу еңбектерінде ортағасырлық Қазақстандағы қыпшақтардың этно-мәдени құрылысы мәселесі жоғары орын алады. Ол қыпшақтану саласында да көрнекі із қалдырды. Шығыстанудың ленинградтық классикалық мектебінен алған білім оның мұсылман әлемінің жазбаша ескерткіштерін: араб, парсы, ежелгі түрік жазбаларын түпнұсқадан оқуына мүмкіндік жасады. Ол ортағасырлық: Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих, Гардизи, ал-Идриси, Бируни, Махмуд Кашгари, Зақрия Казвини, Жамал Кашри, Ауфи және басқа да көптеген авторлардың еңбектерін ғылыми айналымға қосты.

Ә.Х. Марғұлан XIV ғ. бірінші жартысы деп танылған — Нұрадағы қыпшақ қабірін ашты. Бұл қыпшақ қабірі жөнінде 1959 жылы жан-жақты зерттей келелі мақала жариялады.

Ә. Марғұлан қазақ жеріндегі тас мүсіндерді де ғылыми тұрғыда түбегейлі зерттеді. Ол тас мүсіндерді тауып, көзімен көріп болжап, қолымен ұстап, бұл жөнінде салиқалы ой айтып, ғылыми тұжырым жасады. Сөйтіп бұл ескерткіштердің қазақ халқының көне замандарда осы өңірді мекендеген ата-бабаларының мұрасы екендігін ғылыми тұрғыда дәлелдеп берді. Сыртқы құрылысы бойынша тас мүсіндер екі түрде кездеседі; бір тобы граниттен жасалған төрт бұрышты тас шарбақтың күншығыс жиегінде, екінші тобы үйген тас обалардың күншығыс жақ етегінде. Ғұлама ғалым ежелгі мал өсіруші тайпалардан қалған жоғарыдағы

тас мүсіндерді егжей-тегжейлі зерттей келе, олардың даму тарихын екі кезеңге бөледі. Ә. Хаканұлының айтуынша, мұның бірі VII — VIII ғғ. Түркі қағанаты дәуірінде орнатылған тас мүсіндер, екіншісі VII — XIII ғғ. Орталық Қазақстанды мекендеген Қыпшақ тайпаларынан қалған ескерткіштер.

Орталық Қазақстанның мүсіндері негізінен түркі қағанаты мен қыпшақ заманының ескерткіштері және бұдан бұрынырақ, үйсін-қаңлы кезінде жасалған тас мүсіндер кездеседі, бірақ олар өте сирек. Түркі дәуірінен қалған тас мүсіндердің ерекшелігі, олар қашан да әскери қарулармен, құты сауытпен бірге суреттеліп отырған. Ал қыпшақ жұртынан қалған тас мүсіндерде бұрынғыға карағанда едәуір өзгешеліктер бар. Біріншіден, мұндай мүсіндер тас шарбақтардың жанына қойылмай, ұзыны мен ені бірдей өлік арулаған үйме тастың жанына (VII — IX ғғ.) не тас обалардың (X-XIII ғғ.) шығыс іргесінде орнатылған.

Академик ғалымның тағы бір басты көңіл бөлген мәселесі Орта ғасырдағы тасқа жазылған таңбалар сыры. Ол өзінің «Тамғалы тас сыры» атты мақаласында өзіне дейінгі зерттеген ғалымдардың байқауынша топталған таңбалар бір замандыкі емес, талай ғасырлар ішінде түсірілген деп жазып, өзіне дейінгі жазылған әртүрлі еңбектерге талдау жасап, тас сырын ашуға тырысты.

Тастағы тамғалармен қатар ол тағы бір археологияға байланыстырып зерттеген тақырыбының бірі тарихи дәуірдегі қазақ тайпаларының жазу мәдениеті тақырыбы болды. «Тарихи дәуірдегі қазақ тайпаларының жазу мәдениеті» (Марғұлан, 2007, с. 264) атты мақаласында ғалым Қазақстанның жазба мәдениеті мәселесін тарихи тұрғыдан қарастырды. Тарихи заманнан, неше ғасыр бойы үсті-үстіне топталып келе жатқан «көк тастағы», «құлпы тастағы» жазулар — қазақ халқының білімді, ой-сананы, жазуды жақсы көргенін, оған аса ынта қойғанын, аса жарқын түрде суреттейтін бір ашық дәлел деп — Ә. Марғұлан өз халқына «жазуы болмаған ел» деген атату еш анықтыққа келмейтінін, үстіртін айтылған пікір екендігін деректермен дәлелдеп көрсетті.

Академик Ә. Марғұлан Қазақстанның ортағасырлық қалаларды зерттеудің негізін қалаушылардың бірі болды. Археолог-ғалым

басқарған Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы (ОҚАЭ) 1946-1950 жж. Орталық Қазақстанда, Оңтүстік Қазақстанда, Талас, Шу өңірлерінде және Батыс Қазақстанда археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізді.

Орталық Қазақстанда жүргізген археологиялық зерттеулердің барысында 60-тан аса ортағасырлық қалалар мен бекіністер т.б. ескерткіштер ашылды. Олардың 10-ға жуығы Есіл өзенінің бассейнінде, 9-ы Нұраның бассейнінде, 10-ы Сарысудың жағасында, 10-ы Кенгірдің өңірінде, 4-і Жезді өзенінің жағасында, 10-ы Ұлытаудың оңтүстік беткейінде, 1-і Ақтауда, 1-« Мойынты өзенінің жоғарғы ағысында, 3-і Қарқаралы тауында, 2-і Баянауыл ауданында орналасқан (Маргулан, 1978, с. 26).

1946 ж. ОҚАЭ ежелгі керуен жолының бойында жатқан отырықшы мәдениет қалдықтарын зерттеу мақсатымен Қаратаудың солтүстік беткейі мен Шу өзенінің төменгі ағысында барлау жүргізіп, Тарсатөбе, Созақ, Бабата, Шолаққорған, Құмкент, Саудакент, Күлтөбе, Ақтөбе, Ақсүмбе қалаларын, Ақсүмбе мұнарасын зерттеді. Ә.Х. Марғұлан қалалардың тарихи-топографиялық жобасын түсіріп, Құмкент қаласын қазба деректегі Кинчат (Кинчат) қаласымен баламалады. Жүргізілген зерттеу кезінде Ә.Х. Марғұлан ежелгі отырықшы мәдениеттің шекарасы Қаратаудың солтүстігінде, Шу, Сарысу өзендерінің төменгі ағысына және Жетіқоңыр төңірегіне дейін созылып жатқанын көрсетті (Маргулан, 1948, с. 109-115).

ОҚАЭ 1948 ж. Шу өзенінің төменгі ағысында барлау жүргізіп Бірлік – Мойынқұм аралығында орналасқан Төрткүл, Көлтабан, Үлкен Ақтөбе, Ақтөбе қалаларын есепке алды және Шудың төменгі ағысы арқылы Бетпақдалаға өтетін керуен жолдарының бағыттарын анықтады (Маргулан, 1949, с. 68-78).

Ә.Х. Марғұлан басқарған Батыс Қазақстан археологиялық экспедициясы Жезқазған, Торғай даласы, Шалқар темір жол бекеті арқылы барлау жұмыстарын жүргізді. 1950 ж. Сарайшық қаласына қазба жұмыстарын жүргізіп, Дешті Қыпшақтың керуен жолдарының қилысында тұрған саяси, сауда орталықтарының бірі Сарайшық қаласының сұлбасын жасады. Бірінші рет Сарайшық қаласынан Үргенші

қаласына, Торғай және Ұлытау далаларына қарай керуен жолдарының іздері табылды. Экспедиция мұнымен қатар Сағыз, Ембі, Хобда, Темір өзендерінің бойынан елді мекендер мен керуен сарайлардың қирандыларын тапты.

Ортағасырлық керуен жолдарын зерттеуде Ә. Марғұланның еңбегі көңіл аударарлық. Оның зерттеген керуен жолдары Бетпақ дала бойымен өтетін бірнеше керуен жолдары. Бетпақ дала – Қазақстанның оңтүстігі мен орталық Қазақстан арасында жатқан байтақ шөл дала. Мұның ішінде белгілілері «Хан жолы», «Қарқаралы жолы», «Уанас жолы», «Жеті қоныр жолы», «Сары су жолы». Бұлардың барлығы бұрын оңтүстік өлкелермен Орталық Қазақстанды, Ертіс бойын, Күнбатыс Сібірді байланыстырып, олардың арасында мәдени, сауда қарым-қатынастарын күшейтуде маңызды болғаны белгілі болған белгілі жолдар (Маргулан, 1949, с. 68-78).

Ғалым Тараздан шыққан керуен жолы Оққұм, Қызылқорғанды басып өтіп Болаттауға барғанда Қарқаралы мен Хан жолдарына қосылған дейді. Бұл пікірді Б.Е. Көмеков те қолдайды. Ал М. Елеуов қолдай отырып, қимақ жолының бағытын былайша көрсетеді: Тараздан солтүстікке бет алған қимақ болы Қоңыртөбе, Шөлтөбе, Кавакеттегі елді мекенде арқылы Қонысбай, Оққұм, Төрткүл, Ынтымақ, Шаруашылық, Байжантөбе қалалары мен елді мекендерінен өтіп Ұланбел өткеліне барғанда, Шу керуен жолын кесіп өтіп Шудың оң жағасына шыққан, онан әрі Қызылтүз шатқалы, Ұзынтау, Ақбастау, Саркөл шатқалдары арқылы өтіп Болаттауға барғанда, Хан жолы мен Қарақаралы жолына қосылған (Елеуов, 1998, 21-б.).

Оның 1950 ж. шыққан «Ежелгі Қазақстан қалалары мен құрылыс өнерінің тарихынан» деген еңбегі ортағасырлық Қазақстанның, нақтылай түссек Жетісудан Оралға дейінгі қалалар жөніндегі бірінші еңбек болды. Осы келелі еңбегінде ғалым: археологиялық материалдар VI – VIII ғғ. Орта Азия мен Қазақстанда қалыптасқан қоныстарды типтерге бөлуге негіз болды. Сонымен қатар осы еңбекте Қазақстандағы құрылыс өнерінің даму тарихы көрсетілген (Маргулан, 1950, с. 88-94).

Қазақтың белгілі энциклопедист ғалымы, Қазақ ССР Ғылым Академиясының академигі, Қазақстан ғылымына еңбегі сіңірген ғылым

кайраткері, филология ғылымының және мәдениеттану ғылымының докторы, профессор Әлкей Хақанұлы Марғұланның ғылыми мұраларын теңдесі жоқ байлық деп айтуға болады.

Археология ғылымының дамуында, Қазақстан археологиясының қалыптасуында Ә.Х. Марғұланның ролі өте зор. Ол археология ғылымның дамуына теңдесі жоқ көп үлес қосты. Ә.Х. Марғұланның ғылыми өмірін Қазақстан археологиясының ажырамас бір бөлшегі деуге болады. Ғұлама ғалымның ғылыми еңбектерін саралау барысында оның еңбектерінен тас ғасырынан бастап ортағасырлар аралығындағы Қазақстан ескерткіштері төңірегінде туындаған барлық сұрақтарға жауап алуға болады.

Ә.Х. Марғұланның 1946 ж. құрған Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы қазіргі уақытқа дейін жұмысын жалғастырып келе жатыр. Бұл экспедиция ғалымның бастап кеткен зерттеулерін ұштастыруда деп айтуымызға болады.

1991 ж. 28 тамызда Қаз ССР Министрлер кабинетінің № 496 «Ә.Х. Марғұланың атындағы Археология институтын құру» жөнінде қаулы шықты. 1991 ж. 6 қыркүйектегі Қаз ССР ҒА Президиумының қаулысымен Археология институтына академик Әлкей Хақанұлы Марғұланың есімі берілді.

1989 ж. бастап Археология институтының ұйымдастыруымен «Марғұланың оқулары» атты ғылыми конференциясы өткізіліп тұрады. 2008 ж. қаңтар айында Ұлттық Ғылым академиясының бас ғимаратының жанына академикке арналған ескерткіш қойылды.

Әдебиет:

Байпақов К.М., Ақышев К.А. Қазақ археологиясының атасы // Қазақ тарихы. — 1994. № 2. — 7-10 — бб.

Бейсебаев М. Кең ойдың кемел биігі // Ленинші жас, 1984, 10 мамыр.

Елеуов М.Е. Шу мен Талас өңірінің ортағасырлық қалалары (VI-XIII ғ. басы) — Алматы: Қазақ Университеті, 1998. — 21-б.

Құрманқұлов Ж., Байғұнақов Д. Орталық Қазақстанның қола дәуірі. — Алматы, 2008. — 192 б.

Маргулан А. Труды по культуре письменности Казахского народа // Библиотека казахской этнографии. — 50 томов. — Астана: Алтын кітап, 2007. — Т. 8.

Маргулан А.Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане 1946 г. // Изв. АН КазССР. — Сер. археол. — 1948. — Вып. 4. — С. 125-127

Маргулан А.Х. Древние караванные пути через пустыню Бетпак — дала // Вестник АН КазССР. — 1949. — № 1(46). — С. 68-78.

Маргулан А.Х. Из истории городов строительного искусства древнего Казахстана. — Алматы, 1950.

Маргулан А.Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1978.

Маргулан А.Х. Отчет о работах ЦКАЭ 1947 г. // Изв. АН Каз ССР. — Сер. археол. — 1949. — Вып. 2. — С.3-36.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1966.

Резюме

А.Х. Маргулан был организатором и руководителем Центрально-Казахстанской археологической экспедиции АН Каз ССР, которая первой исследовала своими маршрутами Сарыарку. Им были обследованы выдающиеся памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана, обнаружена самобытная культура раннего железного века, выявлены следы оседлой и городской культуры в предгорьях Улытау, в долинах Кенгира и Сарысу. Выход в свет таких монографий, как «Бегасы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана», «Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана», явился крупным событием в научной жизни республики и страны. Систематические исследования А. Маргулана позволили сделать заключение о наличии богатой культуры эпохи бронзы в Центральном Казахстане. Благодаря исследованиям А.Х. Маргулана и ряда его учеников, удалось заново открыть Центральный Казахстан, но уже в качестве носителя древнейших культур и крупнейшего очага цивилизации, одного из важнейших центров древнего земледелия и металлургии, который долгое время был, по его образному выражению, «необитаемым Средним морем, наглухо закрытым между древними цивилизациями Алтая и Причерноморских степей». Имя выдающегося казахского ученого — академика А.Х. Маргулана в 1991 г. Постановлением Кабинета Министров РК и Президиума Национальной Академии Наук было присвоено Институту археологии.

Summary

A.Kh. Margulan was the organizer and the head of Central Kazakhstan Archeological Expedition of Kazakh National Academy of Sciences, the first which had covered the routes of Sary-Arka Mountains region. He surveyed outstanding monuments of the Epoch of the Bronze of the Central Kazakhstan, the original culture of the Early Iron Age is found out, traces of settled and urban culture in foothills of Ulutau Mountains, in valleys of Kengir and Sarysu were revealed. Issuing of such monographies as «Begasy-Dandybay culture of the Central Kazakhstan», «From a history of cities and constructing art of the Ancient Kazakhstan», was large event in scientific life of the republic and the country. Regular researches Al'kei Khakanovich have allowed making the conclusion about presence of rich culture of the Epoch of the Bronze in the Central Kazakhstan. Due to A.Kh. Margulan's researches and of some his pupils, it was possible to rediscover the Central Kazakhstan, but already as the carrier of the most ancient cultures and the largest center of a civilization, one of the major centers of ancient agriculture and metallurgy which long time was, on his trope, "the uninhabited Median sea tightly closed between ancient civilizations of Altai and northern Black Sea steppes". The name of outstanding Kazakh scientific — academician Al'kei Khakanovich Margulan in 1991 was given by the decision of the Cabinet of the Republic of Kazakhstan and Presidium of the National Academy of Sciences to the Institute of Archeology.

Сатыбалдиева М.С.

История изучения сако-усуньских древностей по материалам Центрального Государственного музея Республики Казахстан

Центральный Государственный музей Республики Казахстан является одним из крупнейших археологических хранилищ, концентрирующим в своих фондах материалы по древней и средневековой истории. Основой археологического фонда первого казахского музея послужили собрания музея, созданного в 1831 г. по инициативе оренбургского военного губернатора графа П.П. Сухтелена в Неплюевском военном училище (ГАОО, ф.6, оп. 10, д. 385, л. 1, 1об.) и коллекции Семиреченского областного музея, образованного в 1898 г. в городе Верном членами Семиреченского статистического комитета (ЦГА РК, ф. 826, оп. 1, д. 1, л. 7-9). В настоящее время музей обладает коллекцией из более 30 тыс. археологических артефактов, представляющих все периоды древней и средневековой истории Казахстана. Большинство предметов происходят из погребений и поселений с территории Жетысу, Центрального и Восточного Казахстана.

Формирование археологической коллекции музея имеет давние традиции и историю, напрямую связанные со становлением археологической науки в России в XIX – начале XX вв. Во второй половине XIX в. значительно возрастает интерес научных кругов России к археологическим исследованиям в Казахстане. В это время несколько археологических организаций и учреждений начали целенаправленные исследования края.

Особой активностью в это время характеризуется деятельность Оренбургской ученой

архивной комиссии и Туркестанского кружка любителей археологии. Под эгидой Археологической комиссии с восьмидесятых годов были произведены отдельные раскопки на территории Казахстана.

С 1862 г. археологические исследования в Казахстане проводил академик В.В. Радлов. С его именем связаны первые, проведенные на научной основе, раскопки. Он обследовал курганы в окрестностях г. Семипалатинска, вблизи городов Верный, Капал и Сергиополь (Радлов, 1862, с. 22-23). В 1866 г. им были раскопаны пять курганов близ г. Семипалатинска, осмотрены могильники в районе поселков Кокпекты и Бухтарма (Радлов, 1867, с. 22-24), в 1869 г. раскопано несколько курганов около поселка Тургенъ (Радлов, 1871, с. 19-22). «Во время моего путешествия по Южной Сибири и Киргизской степи, – сообщает ученый, я исследовал много могил в разных местах, а именно в продолжение 1862 г. в Кулундинской степи, близ г. Семипалатинска, кверху от г. Капала, к востоку от Коксуйской станицы, на реке Карабар, к востоку от Иссык-Куля, и наконец в долине Или, близ города Верного, в 1865 г. на самом Алтае, в Чуйской степи, в Уйменской степи, в окрестностях деревни Катанда и в Берельской степи, на верховьях Бухтармы. Раскопки всех этих могил ясно доказали, что мы имеем дело с памятниками четырех эпох» (Радлов, 1896, с. 40, 74).

Отдельного внимания требует история изучения культуры и искусства населения Жетысу в сако-усуньское время. Ввиду того, что там

находится большое количество курганных могильников, Жетысу является одним из самых интересных регионов раннего кочевничества.

В 1872-1908 гг. в Жетысу работал один из наиболее ярких представителей русской востоковедческой науки – археолог, этнограф и фольклорист Н.Н. Пантусов (1849-1909). Будучи сотрудником Русского Археологического Общества (ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 375, св. 36, л. 196), он не только выявлял, собирал, описывал, систематизировал материалы, но и являлся постоянным корреспондентом и поставщиком памятников древности Российским научным обществам и музеям. Он и В.Д. Городецкий сообщают о находках медных котлов и жертвенника с рельефными изображениями зверей в Семиреченской области. Н.Н. Пантусов принял бронзовые ножи сакского жертвенника в виде «крылатых драконов» (тигрогрифонов – А. Акишев) и «львиных лап», найденного в мае 1887 г. на окраине Верного (Алматы) за детали «буддийской курильницы» (ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 375, св. 36, л. 132).

В 1887 г. Императорской Археологической комиссии было сообщено о жертвенном столике, найденном Семеном Коршуновым, на левом берегу р. Чу, в 40 км от реки, в урочище Алты-Кудук Аулиеатинского уезда. Это должно быть, жаровня, полагал Н. Пантусов. находка была отправлена в распоряжение Археологической комиссии (ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 375, св. 36, л. 57, 58). Жертвенный стол, названный условно «Большой Семиреченский алтарь», найденный в окрестностях Алматы и пересланный в Эрмитаж в Отчетах археологической комиссии за 1882-1888 гг. был назван «большим буддийским жертвенником» (Отчеты Археологической комиссии за 1882-1888; 1891, с. LVII, XCV–XCVI, CC–CCI, CCCXXXIII). По поручению археологической комиссии Н.Н. Пантусов в 1889 г. раскопал три кургана: два кургана на правом берегу р. Весновки и один между реками Карасу и Большая Алматинка (ПТКЛА, 1899, с. 105-107). В 1890 г., по просьбе археологической комиссии, в целях проверки сведений о курганах и других памятниках древности, осмотренных военным инженером Петром Нечогиным в

1850 г. близ Капала (ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 375, св. 36, л. 181, 181 об., 182, 182 об., 183, 183 об., 184, 184 об., 185), Н.Н. Пантусов раскопал несколько курганов в урочище Кзылагаш к северо-западу от Капала, составил карту местности, а также дал описание и снимки с изображений, “иссеченных на скалах» (петроглифов) (ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 375, св. 36, л. 321, 321 об.).

История сложения, пополнения и изучения коллекции сако-усуньской культуры в фондах ЦГМ РК начинается с отдельных археологических находок, которые стали поступать в начале прошлого столетия в музей при Семиреченском областном статистическом комитете (с 1918 г. Семиреченский областной музей) и была связана с именами многих любителей наук и ученых-испытателей природы Жетысу; члена Туркестанского и Семиреченского статистических комитетов, Туркестанского кружка любителей археологии, сотрудника Русского Археологического Общества, Московского Археологического общества Н.Н. Пантусова (1849-1909); секретаря Семиреченского статистического комитета, одного из основателей музея и организаторов Семиреченского отделения Русского географического общества В.Е. Недзвецкого; действительного члена Туркестанского отдела Русского географического общества (с 1908 г.), заведующего областным музеем (с 1920 г.), председателя, образованного в 1921 г., Общества изучения Семиречья В.Д. Городецкого (Чаушанская, Муканова, 2006, с. 55-59) и других.

Члены «научного подотдела» по устройству осенью 1913 г. в г. Верном сельскохозяйственной и промышленной выставки, на совещании, состоявшемся 7 декабря 1912 г., обсудив по просьбе хранителя музея В.И. Недзвецкого намеченную им программу пополнения музея коллекциями отмечали, что пополнение исторического, археологического, этнографического и других отделов музея, несомненно, будет и в будущем носить случайный характер и пройдет более успешно только тогда, когда музей приобретет сочувствующих делу сотрудников из числа коллекторов-любителей (ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 49114, л. 133, 135).

Одними из первых поступлений в археологическую коллекцию артефактов сако-усуньской культуры были котлы, найденные при случайных обстоятельствах. В числе 79 разных археологических предметов, перечисленных в инвентарной описи имущества Семиреченского областного музея, составленной 10 июня 1918 г. при передаче дел от заведующего музея В.Е. Недзвецкого другому заведующему В.П. Новопашенному имеются 7 котлов. Согласно описи, 5 из них, зафиксированные за порядковыми номерами 33, 50, 52, 53, 57 сданы А.Т. Бендюковым (ГААО, ф. 187, оп. 1, д. 2, св. 1, л. 1,6 об.). Они были найдены им в августе 1912 г. к ЮЗ от г. Верного за рекой Поганкой. На пашне, во время проведения плугом для арыка борозды был обнаружен клад из пяти котлов (ЦМК КП 2283, 2306, ЦМК КП 2293), сложенных один в другой и курильницы (ЦМК КП 2281) (Спасская, 1958, с. 180). В 1902 г. в урочище Койсары на берегу озера Иссык-куль был найден котел за номером 36 (ЦМК КП 2282) (Спасская, 1958, с. 189). В урочище Большой Аксу Пржевальского уезда был найден котел за номером 51 в описи музея (ГААО, ф. 187, оп. 1, д. 2, св. 1, л. 1,6 об.).

В 1913 г. археологическая коллекция музея пополнилась кладом вещей (ЦМК КП 2270), состоящим из пряжки от узды, бляшки в виде скульптурной головы грифона, пронизей ременных распределителей узды в виде усеченного конуса с отверстием в центре (5 штук), пронизей в виде куба с отверстием в нижнем основании и четырьмя боковыми отверстиями. Они были найдены в г. Алматы при рытье подвала севернее Казенного сада (парк культуры и отдыха) (Максимова, 1956, с. 255). На основании имеющихся аналогий весь комплекс предметов клада был датирован А.Г. Максимовой VII-V вв. до н.э.

В 1917 г. на южной окраине Алматы в обрыве Малой Алматинки В.С. Недзвецким были найдены медные удила (Городецкий, 1897-1922).

К числу первых, представляющих сако-усуньские древности, собраний музея относится оружие, датированное VI-V и V-IV вв. до н.э. меч с серповидным навершием (ЦМК КП 2276/26), кинжал с брусковидным навершием (ЦМК КП

2271, место находки их неизвестно); кинжал с навершием в виде голов двух орлиных грифонов, происходящий из Кустанайского уезда бывшей Тургайской области (ЦМК КП 10646); кинжал с навершием в виде лап или когтей грифона соединенных переключиной, найденный в 1897 г. в окрестностях села Воскресенское, Челябинского уезда (ЦМК КП 2276) (Максимова, 1956, с. 256-257, табл. 2, рис. 2, 5, 4, 3), а также меч с серповидным навершием, датируемый II в. до н.э. – I в. н.э. (ЦМК КП 2272).

К раннесакскому периоду относятся случайно найденные бронзовые и железные мечи, кинжалы, акинаки с бабочковидным перекрестием, наконечники стрел ромбовидной формы со втулкой и некоторые другие предметы по аналогии с раннескифскими относятся к раннесакскому периоду.

На протяжении всей своей деятельности Семиреченский (Жетысуйский), Центральный краеведческий музей Казахстана (с июля 1929 г. в городе Алматы, с 13 июля 1929 г. Центральный музей Казахстана) (Вестник Центрального музея Казахстана, 1930, с. 6), чьи материалы легли в основу археологической коллекции ЦГМ РК, собственных полевых исследований не проводили.

В.Д. Городецкий при разъездах по Чимкентскому уезду Сырдарьинской области обследовал расположение курганов и городищ уезда, собирал сведения об археологических памятниках края (ГААО, ф. 187, оп. 1, д. 35, л. 3-4). В 1920-е гг. им были составлены Сводные данные о городищах, курганах, поселениях, рудных разработках, и т.п. с их кратким описанием (Городецкий, рукописный архив ИА МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 4, св. 1). В свод вошли данные почти обо всех известных к тому времени памятниках истории, природы и археологии.

В 20-е – начале 30-х гг. продолжались работы, связанные с накоплением археологического материала. В государственном архиве Алматинской области сохранилось прошение директора музея В.Д. Городецкого от 5 мая 1924 г. в Туркестанский комитет по делам музеев «разрешить музею раскопки, с обязательством руководство

ваться в их производстве правилами, изданными бывшей Императорской археологической комиссией». Комитет счел, что организация раскопок нежелательна (ГААО, ф. 187, оп. 1, д. 21, св. 2, л. 132, 121).

В отчете о состоянии и деятельности Жетысуйского областного музея за время с 01.09.1923 г. по 01.10.1924 г. отмечено что музей «пополнялся двумя способами: пожертвованиями посетителей, служащих музея и специальным сбором во время поездок заведующего музеем» (ГААО, ф. 187, оп. 1, д. 24, св. 2, л. 3, 3 об.).

Начало важнейшего периода изучения культуры и искусства у ранних кочевников Семиречья приходится на 1930-е гг. Среди работ 1930-х гг. ведущее место занимают экспедиционные исследования в Семиречье и Южном Казахстане, организованные ИИМК АН СССР совместно с Казахским филиалом Академии наук под руководством А.Н. Бернштама (Бернштам, 1938, с. 169-184; 1948; 1950, с. 58-71).

К памятникам, характеризующим быт и культуру кочевников первых веков н.э. относится исследованный в 1938-39 гг. Берккаринский могильник, расположенный в 85 км к западу от г. Тараза, под северными склонами Кара-Тау. В 1938-1939 гг. А.Н. Бернштам раскопал более 40 курганов. Погребальный инвентарь состоял из керамических сосудов, золотых, бронзовых и медных сережек, подвесок, бронзовой пряжки в виде головы льва, пластинчатых железных ножей, колец, крючков для подвешивания колчана, двухлопастных и трехлопастных черешковых наконечников стрел, эфеса меча (Бабанская, 1956, с. 255). По материалам Берккары подтверждается установленное для Семиречья предположение о сходстве погребальных сооружений, обряда и основных видов инвентаря сакского времени и части памятников последующего, усуньского периода. Ранние курганы могильника датируются учеными в пределах III-II вв. до н.э.

В 1939 г. коллекция сако-усуньской культуры музея пополнилась уникальным комплексом из свыше 300 золотых украшений, найденных при случайных обстоятельствах западнее г. Ал-

маты, в Каргалинском ущелье на высоте 2300 м над уровнем моря в расщелине скалы. Среди украшений выделяется золотая «диадема» с мифологической композицией, 2 золотых перстня в виде верблюдов, инкрустированные бирюзой, серьга с изображением зверя, напавшего на человека и золотые фигурные пластинки. Первый исследователь диадемы А.Н. Бернштам предположил, что украшение принадлежало шаманке и датировал находку I в. до н.э. – II в. н.э., полагая, что в семантике изображений нашли отражение культовое влияние Ирана и Китая. Последние исследования ученых позволили понять смысл изображений, определить их происхождение и расшифровать весь сюжет в целом. Уточнена датировка Каргалинского захоронения – II-I вв. до н.э. (Байпаков, Таймагамбетов, 2006, с. 20).

Археологические исследования в республике интенсифицировались после организации в 1946 г. в системе АН КазССР Института истории, археологии и этнографии имени Ч.Ч. Валиханова. Первой археологической экспедицией Института была Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция (ЦКАЭ), руководимая академиком А.Х. Маргуланом, которая и сейчас продолжает изучение памятников кочевнической и земледельческой культур. В музейной коллекции материалов раннего железного века имеется комплекс конского снаряжения эпохи ранних кочевников из могильника Ак-Мустафа, датируемый VIII-VII вв. до н.э., артефакты локальной группы памятников Центрального Казахстана, так называемой тасмолинской культуры. В коллекции музея инвентарь из погребений могильников Тасмола V, VI представлен предметами конского снаряжения, бронзовыми стремечковидными удилами, двухперыми втульчатými и трехперыми черешковыми наконечниками стрел, каменными жертвенниками, точильными камнями, поделками из кости. Характерными для тасмолинской культуры являются удила со стремечковидными окончаниями и дополнительным отверстием; со стремечковидными окончаниями, но без дополнительного отверстия; с прямоугольными окончаниями и кольчатые.

В 1947 г. комплексной этнографо-археологической экспедицией музея были обследованы курганы, находящиеся около колхоза Сарыколь Абайского района Семипалатинской области. Было раскопано три кургана, в одном из них в каменном ящике обнаружены обломки керамического сосуда (Маргулан, Агеева, 1948, с. 125).

В 1948 г. С.С. Черниковым были произведены археологические исследования раннекочевнических могильников в ауле Кула-Жорга и в селе Баты Самарского района Восточно-Казахстанской области (Черников, 1951, с. 64-65). В археологическом фонде музея хранится часть материалов, полученных из курганов №№ 6, 29, 42 поселка Баты и инвентарь курганов №№ 4, 18 у аула Кула-Жорга, представленный предметами быта из камня, железа, фрагментами керамики, целыми сосудами и бронзовым зеркалом.

В долине Шиликты Зайсанской котловины сосредоточены большие, так называемые «царские курганы» саков, населявших территорию Восточного Казахстана в VIII – III вв. до н.э. Впервые раскопки шиликтинских курганов проводились в 1949 г. Восточно-Казахстанской экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством С.С. Черникова. Предметы из раскопок кургана № 5 С.С. Черникова хранятся в ГосЭрмитаже. Некоторые изделия из вещевого комплекса кургана № 7 – бляшки с изображением орлов, той же формы, что и в кургане № 5, но грубо сделанные и без вставленных глаз из бирюзовых бусин – 3 экз., горного козла – 1 экз., рыбы – 1 экз. и бляшки сегментовидной формы с пунсонным орнаментом – 2 экз. (Черников, 1965, с. 186-187), выставлены в Открытом фонде ЦГМ РК.

В полевом сезоне 1998 г. Восточно-Казахстанская археологическая экспедиция ИА им. А.Х. Маргулана проводила раскопки могильника Тарасу. В коллекции материальная культура древних кочевников Казахстанского Алтая представлена предметами из ограда № 23 могильника Тарасу (Катонкарагайский р-н, ВКО). Инвентарь памятника оказался необычайно ярким, это – бронзовые колчаные крюки, дисконидное зеркало, нож в колчанном футляре; золотые серьги с навесками усеченно-конической

формы, украшенными ложной зернью; золотые пуговицы с петлей на обороте; бирюзовые и пастовые бусы; золотая фигура кошачьего хищника (Самашев, Франкфорт, Ермолаева, Жумабекова и др., 1998, с. 174-175).

В 2003 г. археологической экспедицией КазНУ им. аль-Фараби под руководством А.Т. Толеубаева на могильнике Шиликты был раскопан еще один «царский курган» – курган № 1 (Шиликты 2), датируемый VII – началом VI вв. до н.э. В некогда богатом, но разграбленном еще в древности погребении, были обнаружены свыше 4000 золотых украшений: инкрустированная вставками лазурита и перламутра бляшка с изображением пятиконечной звезды, бляшка в виде архара, фигурки орлов, медведей (скифской пантеры), горных козлов с птицей в середине и бляшки с изображением геральдической композиции составленной из протом оленей, грибовидные подвески, миниатюрные подвески напоминающие бубенчики, бисер, пронизи с рифленным орнаментом, выполненные в скифо-сибирском «зверином» стиле. Шиликтинские украшения составляют самую обширную коллекцию археологического золота музея.

Существенный вклад в исследование истории кочевников Жетысу в археологическом плане внесли ученые К.А. Акишев, Е. И. Агеева, Г. А. Кушаев, И.И. Копылов, А.Г. Максимова, Б.Н. Нурмуханбетов, А.К. Акишев.

Находки из раскопок поселений и могильников Жетысу, главным образом в Илейской, Таласской и Шуйской долинах, позволяют представить характер материальной культуры усуней, проследить ее эволюцию. История усуней представлена в фондах ЦГМ РК данными Илийской археологической экспедиции 1954 г. под руководством К.А. Акишева. Район, где проводились исследования экспедицией – долина реки Иле – от ущелья Капшагай до с. Борохудзир, по направлению с востока на запад, и от Шолактау до с. Шелек, с севера на юг (Акишев, 1956, с. 5-32; Акишев, Кушаев, 1963, с. 291-292). В археологическую коллекцию музея вошли находки, представляющие все три этапа развития культуры усуней. Это материалы из памятников Кзыл-Ауыз 3, Кзыл-Эспе датируе-

мых III-I вв. до н.э., Тайгак 1, относящегося к I в. до н.э. — I в. н.э., Чулак-Жигиде 1 — II-III вв. и другие. Значительное место в погребальном инвентаре занимает керамика. Столовую посуду характеризуют миски с округлым сферическим дном и вогнутым внутрь венчиком, чаши, имеющие округлое или уплощенное дно и сравнительно узкое устье, кувшины с грушевидным туловом, горшки с узким и широким устьем, уплощенным дном, слегка загнутым внутрь венчиком и котлы с двумя ручками. Судя по материалам фондовой коллекции, излюбленными видами ювелирных украшений усуньских женщин были серьги из свернутой в кольцо бронзовой проволоки, шпильки и булавки, бусы из бирюзы, сердолика, граната и пасты.

Самые ранние произведения сакского искусства, имеющиеся в коллекции музея, происходят из Жалаулинского клада золотых предметов, в котором были так же ранние (VIII в. до н.э.) стремечковидные удила, золотая пектораль, наборный пояс, предметы, декорированные изображениями оленей, пантер, архаров.

К разряду случайных и уникальных находок относится бронзовый ковшик-черпак. Он имеет цилиндрическую форму, круглое дно, длинную ручку в виде кабана, две ручки в форме петель и помещенный в центре тулова слив-носик, также выполненный в виде головы кабана. Ручки-петли выполнены в виде скульптурных фигурок кабанов.

Поселения, остатки храмов и землеобрабатывающие орудия (мотыги) второй половины I тыс. до н.э. — I половины н.э. в последнее время открыты в Жетысу (поселение Сарытогай, Тузусай и др.). Эти материалы свидетельствуют о комплексности хозяйственной деятельности населения Казахстана эпохи ранних кочевников — скотоводство, земледелие, металлургия, ремесло и т.д.

Таким образом, археологические материалы Центрального государственного музея РК представляют собой уникальное историко-культурное наследие, изучение которого внесет существенный вклад в исследование истории древнего населения Казахстана.

Литература:

Акишев К.А. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г. // Тр. Института истории, археологии и этнографии. — Алма-Ата, 1956. — С. 5-32.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. — Алма-Ата: АН КазССР, 1963. — 298 с.+12 табл.

Бабанская Г.Г. Берккаринский могильник // Тр. Института истории, археологии и этнографии. — Алма-Ата, 1956. — С. 189-206.

Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. — Алматы: Казак университеті, 2006. — 356 с., илл.

Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина // Материалы исследований по археологии СССР. — 1950. — № 14. — С. 58-71.

Бернштам А.Н. Археологические работы в Казахстане и Киргизии // ВДИ. — 1939. — № 4. — С. 169-184.

Бернштам А.Н. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье // КСИИМК. — 1946. — Вып. XIII. — С. 110-118.

Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. — Алма-Ата, 1941. — 66 с.

Вестник Центрального музея Казахстана. — Кызыл-Орда, 1930. — № 1. — 76 с., 1 л. карт.

Городецкий В.Д. Древности Семиреченской области (курганы, рвы, кладбища, городища, укрепления, письма и рисунки на скалах и камнях, поля битв, рудные разработки, каменные бабы) // Рукописный архив ИА МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 4, св. 1, л. 1-175.

Городецкий В.Д. Древности Семиречья (Джетысуйской области) Общий каталог по истории, археологии, нумизматике Семиреченского музея 1897-1922 // Рукописный архив ИА МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 3.

Джетысуйский обл. музей. Личное дело Городецкого Владимира Дмитриевича // ГААО, ф. 187, оп. 1, д. 35, св. 2, л.л. 3-4.

Джетысуйский областной музей. Переписка с комитетом по делам музеев и охраны памятников старины // ГААО, ф. 187, оп. 1, д. 21, св. 2, л. 132.

Максимова А.Г. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном Музее Казахстана (г. Алма-Ата) // Тр. Института истории, археологии и этнографии. — Алма-Ата, 1956. — С. 253-261.

Маргулан А.Х., Агеева Е.И. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР // Изв. АН КазССР. Сер. археол. — 1948. — Вып. 1. — С. 125-135.

Материалы об археологических раскопках под руководством Н.Н. Пантусова и сведения об археологических находках в Семиреченской области 1896 — 1892 гг. // ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 375, св. 36, л. 321, 321об.; ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 375, св. 36, л. 132; ЦГА РК, ф.44, оп. 1, д. 375, св. 36, л. 181, 181 об., 182, 182 об., 183, 183 об., 184, 184 об., 185; ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 375, св. 36, л. 57, 58.

О выдаче открытых листов на право производства археологических раскопок. 1888-1892 гг. // ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 375, св. 36, л. 196.

Об учреждении в Оренбурге при Неплюевском училище музеума // ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 385, л. 1, 1об.

Описание раскопок трех курганов, находящихся на западной стороне г. Верного в апреле-мае 1899 г. // ПТК-ЛА, год 4, 1899 г. – Приложение. – С.105-107.

Радлов В.В. Раскопки в Семипалатинской области // Отчеты археологической комиссии за 1866 г. – СПб., 1867. – С. 22-24.

Радлов В.В. Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. Пер. с нем. А.А. Бобринского. – СПб.: Микроафиша, 1896. – 74 с.

Раскопки в Семипалатинской области // Отчеты археологической Комиссии за 1869 г. – СПб., 1871. – С. 19-22.

Самашев З.С., Франкфорт А.П., Ермолаева А.С., Жумабекова Г.С., Гий Э., Сунгатай С., Жетибаев Ж.М., Омаров Г.К. Исследование культуры древних кочевников казахстанского Алтая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: матер. Междунар. научн. конф. – Алматы, 1998. – С. 174-175.

Семиреченский областной статистический комитет // ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 49114, л. 133, 135.

Семиреченский областной музей // ГААО, ф. 187, оп. 1, д. 2, св. 1, л. 1, 6 об.

Семиреченский областной музей. Опись экспонатов // ГААО, ф. 187, оп. 1, д. 2, св. 1, л. 1, 6 об.

Семиреченский областной Статистический комитет. Об устройстве музея при статистическом комитете // ЦГА РК, ф. 828, оп. 1, д. 1, л. 7-9.

Случайные находки из Семиреченской области, доставленные в Археологическую комиссию в 1883-1884, 1885, 1888 гг. // Отчеты Археологической комиссии за 1882-1888, 1891. – С. LVII, XCV–XCVI, CC–CCI, CCCXXXIII.

Смета местных расходов по содержанию Джетсуйского областного музея на 1923 – 24 гг. // ГААО, ф. 187, оп. 1, д. 24, св. 2, л. 3, 3 об.

Сообщение о раскопках В.В. Радлова в Семиреченской и Капальской областях и в районе г. Верного // Отчеты археологической комиссии за 1862 г. – СПб., 1863. – С. 22-23.

Спаская Е.Ю. Находки медных котлов ранних кочевников в Казахстане и Киргизии // Уч. зап. КазПИ им. Абая. – Алма-Ата, 1958. – С. 180-189.

Чаушанская Н.В., Муканова А.А. Краеведение в Жетысу // Туған өлке – Родной край. Историко-краеведческий и архивный журнал. – 2006. – № 2 (7) – С. 55-59.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. – М., 1965.

Черников С.С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. // Изв. АН КазССР. Сер. археол. – 1951. – Вып. 3. – С. 64-65.

Түйін

ҚР Мемлекеттік орталық музейі қорында жинақталған көне дүние тарихын тереңдете зерттеуде дәйекті дерек көзі болып табылатын археологиялық материалдар коллекциясы, Қазақстан Республикасы Мемлекеттік мұрағаты, Алматы облыстық Мемлекеттік мұрағаты, РФ Орынбор облыстық Мемлекеттік мұрағаты құжаттары негізінде жазылған мақалада музейлердің археологиялық коллекциясының қалыптасу дәстүрі мен тарихы ХІХ ғ.-соңы ХХ ғ. басындағы аталмыш ғылымның даму жолымен байланыста қарастырылған. Музей коллекциясындағы құндылықтарға сүйене отырып автор ел аумағында жүргізілген археологиялық ізденістер нәтижесін, үйсіндер материалдық мәдениетінің сақтар мәдениетімен генетикалық байланысын көрсеткен. Сақ-үйсін заманының мәдениеті қалыптасқан орасан зор аумақтан табылған тұрмыстық және әшекей заттар еуразиялық дала белдеуі тарихының бірқатар маңызды мәселелерін шешуде аса мәнді дерек көзі деуге болады.

Summary

The Article dedicated a history of Saka – Wu-sun collection of CSM RK. Strong point of Saka-Wu-sun collection of archeological museum fund is presence of considerable amount of collections and single finds from Zhetysu territory. Traditions and history of formation of archeological collections of museums directly connected with establishment of this science in 19th – the beginning of 20th cc. The most part of the artifact of Saka-Wu-sun culture was discovered in settlements and burial mounds located in Zhetysu, Central and East Kazakhstan. Discoveries from the excavation of settlements and burial mounds in Semirech'e – mainly in the Ili, Talas and Chu Valleys – provide evidence on which to build a picture of the character of the material culture of the Wu-sun and to track its evolution.

**Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н.,
Бидагулов Н.Т., Мамиров Т.Б., Кулмуханов М.Е.,
Шильмагамбетов Н.А.**

Работы Актюбинского областного центра истории, этнографии и археологии в 2006-2011 гг.

Н аучная жизнь нашей области в 2006 г. ознаменовалась новым событием – по решению Акима Актюбинской области Е.Н. Сагындыкова был создан Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии. По сути, это стало новым этапом в истории изучения историко-культурного наследия нашего края. Именно с этого времени, после долголетнего «застоя», были возобновлены широкомасштабные археологические исследования в области.

Первые шаги в полевой деятельности начались в июне этого же года с раскопок могильника Гурюльдек, расположенного в межгорной равнине у небольшой речки с одноименным названием. Работы на объекте проводились совместно с Актюбинским государственным университетом им. К. Жубанова. Раскопом были охвачены находящиеся на склоне возвышения 4 объекта. Снятие грунта показало, что курганы представляют собой не просто насыпи, а сложные архитектурные комплексы. В абсолютном большинстве (курганы №№ 2-4) они являлись каменными кольцами, сооруженными вокруг центральных захоронений. В одном случае, под дерновым слоем кургана № 1, были расчищены хаотично расположенные камни. Погребения, судя по сопровождающему инвентарю (костяные трубочки, браслеты, глиняные сосуды), относятся к эпохе бронзы.

В июле 2006 г. Областной центр проводил совместные работы с Актюбинским государ-

ственным педагогическим институтом по исследованию могильника Талдысай I в Кобдинском районе. Под земляными курганами (№№ 2 и 5) в большинстве оказались подбойно-катакомбные погребения с меридиональной ориентировкой погребенных. Общим для исследуемых курганов признаком является центрически-круговое расположение погребений под одной насыпью, что определяет специфику раннесарматских погребений IV-II вв. до н.э. (Смирнов, 1975). Заупокойная пища, представленная обычно разрозненными костями ребер, нижних конечностей, лопатками МРС и лошади, располагалась на дне погребальных камер и в насыпи кургана. В насыпи кургана № 5 также встречались фрагменты глиняного сосуда и глиняное биконическое пряслице.

Примечательно, что погребения в талдысайских курганах не нарушают друг друга, что позволяет рассматривать их как семейные усыпальницы, функционировавшие на протяжении многих десятилетий. Данная черта погребальной практики в конце IV-III вв. до н.э. становится традиционной. Аналогичные комплексы с круговым расположением погребений известны в синхронных могильниках Башкортостана, левобережья р. Урал. Сходство наряду с погребальным обрядом проявляется и в вещевом материале. Отличительная черта памятников этого района бассейна Илека проявляется в уменьшении погребального инвентаря и заупокойной пищи, представленной в основном лопатками, костями конечностей и ребрами МРС.

Скорее всего, есть смысл говорить о миграции кочевников этого времени из Западного Казахстана в сопредельные регионы (Нижнее Поволжье, Средняя Азия, Приаралье, Устюрт), где появляются памятники по погребальному обряду сходные с «сарматскими». Но, с другой стороны, погребения рассматриваемого могильника и других памятников, таких как Танаберген II, Жаман-Каргала I, Мечетсай и др., еще раз подтверждают, что степи Южного Приуралья отнюдь не опустели.

В 2006 г. согласно договора между Институтом археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК и Областным центром был создан Палеолитический отряд для проведения разведочных работ в Актюбинской области, нацеленный на поиск памятников каменного века. В течение июля – августа под руководством Т.Б. Мамирова проводились разведочные работы по выявлению памятников каменного века в Каргалинском, частично в Хромтауском и в Темирском районах.

Разведочные маршруты проходили в основном по бассейну р. Орь, на ее левых притоках Ойсылкара, Аралтобе, Тикаша, Бакай и др., а также на р. Кокпекты, левом притоке р. Жаксы-Каргала. В результате полевых исследований было обнаружено более 40 местонахождений каменного века с различного рода каменными орудиями. Выявленные памятники расположены на первых и вторых надпойменных террасах, представлены преимущественно эпизодическими стоянками, датируются в большинстве своем неолитическим и возможно энеолитическим временем.

В следующем 2007 г. археологические работы проходили на могильнике Сарытау II, находящемся в Хромтауском районе, в 5 км к ЮЗЗ от пос. Жайлаусай. Могильник состоял из 1 каменного, 4 земляных и каменно-земляных курганов и 3 культово-поминальных сооружений («святилищ»), расположенных на вершине водораздельного плато правого берега р. Жайлаусай. Из раскопанных объектов определенный интерес вызывает «святилище», представляющее собой подквадратное сооружение шириной 30 м, длиной 34 м и высотой вала в 0,4 м. В южной части сооружение имеет вход,

оно фиксируется углублением между концами вала, который, расширяясь, образует насыпь в виде «колпаков». Диаметр «колпаков» 10 м. Комплекс относится к гунно-сарматскому времени, о чем говорят бронзовые колокольчики, глиняная курильница, деревянный гребень, золотые нашивные бляшки и серьга, сопровождавшие погребенного. Соседний курган № 3 (высота 0,4 м, диаметр 12 м) относился к эпохе средневековья. Под ним была обнаружена каменная конструкция округлой формы из грубо обработанных каменных плит, диаметром в среднем 7 м, высотой сохранившейся кладки 0,5 м и толщиной 1 м. Внутренняя оградка состояла из плоских больших плитняков, вероятно, первоначально вкопанных на ребро вокруг прямоугольного каменного перекрытия могильной ямы. Каменное перекрытие состояло из двух слоев плоских плитняков, положенных на торчащие концы каменного ящика. Обращает внимание находящаяся в восточной стороне под уклоном 45° прямоугольная каменная стена, размеры которой составляют 110 x 40 x 11 см. В могильной яме подпрямоугольной формы, оконтуренной вдоль стен каменными плитами, находилась колода, внутри которой покоился погребенный с колчанным набором, железными пряжкой и стременами, удилами и другими вещами воинской амуниции.

В 2007-2008 гг. комплексной экспедицией Областного центра, Орского гуманитарно-технологического института и Актюбинского научно-исследовательского геологоразведочного института производились геоархеологические изыскания и археологические разведки. В результате работ достоянием науки стали десятки пунктов сосредоточения рудников эпохи бронзы, поселений, местонахождений и культовые памятники с петроглифами.

В 2008 г. были раскопаны три кургана могильника Онайбулак в верхнем течении р. Илек. Расположен памятник в Алгинском районе в 12 км к СВ от Есет ата ауылы (пос. Павловка) и в 2,5 км к СВ от зимовки Косем и состоит из семи курганов, размещенных двумя группами. Курганы первой группы (№№ 1-3, 5-6) размещены компактно, занимая южную часть возвышен-

ности. Вторая группа состоит из двух курганов (№№ 4, 7), вытянутых в северной части, по линии ССВ-ЮЮЗ.

Было раскопано три кургана (№№ 1-3), представляющих собой насыпи небольших размеров диаметром до 19 м и высотой до 0,8 м. В конструкции всех трех курганов использовалась камень для создания панциря, ограды. В одном случае каменная ограда сочеталась с земляным валом. Для погребального обряда характерны деревянные перекрытия, кости лошади. Погребения совершались как на уровне погребенной почвы, так и в могильных ямах различной в плане формы с количеством погребенных до трех человек. Погребенных сопровождали различные вещи бытового и воинского назначения. Судя по признакам погребального обряда и сопровождающему инвентарю, исследованные курганы датируются концом VI-IV вв. до н.э.

В 2008 г. согласно договора между Институтом археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК и Областным центром, Мугалжарским отрядом под руководством Т.Б. Мамирова производились разведочные работы в одноименном районе Актюбинской области. Были открыты памятники от раннего палеолита до поздних этапов каменного века.

В 2009 г. были проведены разведочные работы, нацеленные на поиск и исследование палеолитических памятников в предгорьях Мугалжар Актюбинской области. Под руководством д.и.н., профессора Ж.К. Таймагамбетова было открыто более 60 памятников каменного века, относящихся к широкому хронологическому горизонту от ранних этапов каменного века (ранний палеолит – ашель) до позднекаменного века (неолит-энеолит). Основной целью работ являлся поиск и исследование новых памятников каменного века с поверхностным залеганием артефактов, а также поиск стратифицированных стоянок с погребенным культурным слоем, проведение технико-типологической характеристики каменной индустрии стоянок-мастерских Мугалжар, интерпретация и систематизация данных, проведение культурно-хронологических параллелей и аналогий с памятниками близлежащих районов.

Разведочными работами была охвачена площадь более 6 тыс. кв. км в районе г. Эмбы, пп. Кумсай, Кайынды, Терисбутак. Работы были сосредоточены в верховьях рек Жем и Ор, непосредственно у сопочных возвышений вдоль озерной системы Мугалжар.

Данные 2008 – 2009 гг. согласуются с археологическим материалом, полученным в ходе предыдущих работ по поиску палеолитических памятников Мугалжарских гор. Открытие стоянки с погребенным культурным слоем открывает широкие перспективы в области изучения палеолита Казахстана.

В 2009 г. был разработан совместный проект «Ранние кочевники Орь-Илекского междуречья». В рамках реализации проекта Актюбинским областным центром в 2011 г. была организована международная экспедиция. В работе, кроме сотрудников центра, принимали участие специалисты из Института археологии им. А.Х. Маргулана и Германского археологического института (DAI, г. Берлин). Для археологических раскопок был выбран могильник Сапибулак, по занимаемой экологической нише и внешним параметрам вызвавший наибольший интерес. Памятник занимает ровную площадку третьей надпойменной террасы правобережья р. Тамды (правый приток р. Илек). Состоит из 15 объектов, вытянутых широкой полосой с СВ на ЮЗ и представляющих собой каменные ограды и курганные насыпи с каменными конструкциями. В хронологическом отношении курганы делятся на две группы. К объектам первой группы (конец VI-IV вв. до н.э.) относятся курганы №№ 1, 5-7. Немного схожие надмогильные конструкции имеют курганы №№ 1 и 5. Под ними были обнаружены каменные кольцевые ограды из горизонтально уложенных плит. Под курганом же № 6 была выявлена каменная конструкция диаметром 5,8-6,0 м и высотой 1,25 м. С южной стороны в конструкцию вел вход шириной около 1 м. Она была создана в виде лестницы из положенных плашмя одна на другую плоских плит. Курган № 7 был разрушен в результате установки триангуляционного знака. От вертикальной каменной ограды сохранились только две большие глыбы. Под одним из них

были найдены стремевидные удила. Схожий погребальный обряд известен на территории Северного и Центрального Казахстана. Стремевидные удила на территории Южного Приуралья встречаются очень редко, особенно они характерны для юга Восточной Европы и Южной Сибири. Среди объектов второй хронологической группы (II-I вв. до н.э.) вызывает интерес курган № 4 с наземной каменной конструкцией и входом, проделанным с северной стороны.

Не менее интересные материалы были получены в полевом сезоне 2010 г. Согласно проекту были исследованы памятники нижнего Илека. Раскопкам были также подвергнуты аварийные курганы могильников Жиренкопа III и VI. К моменту раскопок эти курганы были разрушены, насыпи некоторых из них отсутствовали почти до половины. Курганы относятся к периоду ранней бронзы. Об этом можно судить по многим признакам погребального обряда, характеризующим данные погребения. Сюда относится расположение могильников на первой надпойменной террасе. Все курганы больших размеров с большими могильными ямами и заплечиками. Погребения объединяет ориентировка могильных ям и погребенных, уложенных скорченно головой в восточную сторону, фиксация красного вещества. В насыпи кургана № 1 могильника Жиренкопа VI были обнаружены три погребения раннего железа. Все они впускные со скудной заупокойной пищей (кости МРС). Вокруг погребенных фиксировались куски мела. Инвентарь немногочислен, представлен только каменными блюдами и бронзовым наконечником стрелы. Четвертое впускное погребение датируется предположительно огузо-печенежским временем. По причине разграбленности его точную хронологию определить достаточно сложно. Покойник сопровождался «чучелом» лошади в виде костей ног и черепа. Одним из культурно определяющих признаков данного погребения является использование в процессе захоронения дерева как конструктивного элемента могильной ямы. В данном случае не ясно – в качестве настила, гробовища или заслона применялось дерево. Жерди имели диаметр 3-4 см, сохранившаяся их длина составляла до 40-50 см, лежали в ряд, практически впри-

тык друг к другу. Между жердями был расчищен органический тлен серого цвета и растительного происхождения. Аналогичная конструкция, использовавшаяся в качестве заслона входа в подбой, была обнаружена в кургане Болгарка I. Здесь было выявлено «чучело» коня с седлом и уздечкой.

Железные стремена арочной формы с круглым и трапециевидным корпусом, плоскими подножками и подпрямоугольными путлицами относятся к раннему типу, получившему распространение в VIII-X вв. Железные наконечники, к сожалению, имеют плохую сохранность, что не позволяет говорить об их типе и хронологической позиции. Костяные кольца на занимаемой средневековыми кочевниками территории – редкая находка.

Была произведена зарисовка каменного изваяния «кайрактас Кобланды», представляющего собой монолитный каменный столб удлиненных пропорций. К моменту зарисовки оно было сломано в трех местах. Его размеры: длина 3,43 м, ширина в нижней части – 0,72 м, в верхней – 0,44 м, толщина – 0,35 м. В сечении верхняя часть столба подквадратной формы, нижняя – подпрямоугольная. Стелу отличает скошенность правого бока в верхней части. Ниже она сужается и приобретает прямое очертание. Морфологически стела мало напоминает фигуру человека и не имеет антропоморфных элементов (голова, руки, ноги и т.д.). Хотя в верхней части лицевой поверхности наблюдается уступ, которым, возможно, мастер обозначил голову. С другой стороны в этом месте и была сломана стела, и он мог образоваться позднее.

В соседнем могильнике Бесоба (курган № 3) было вскрыто интересное погребение конца VI-V вв. до н.э. Курган земляной с органическим настилом на древней погребенной почве, большой прямоугольной ямой и деревянной конструкцией над ней. Могильную яму отличает наличие канавки вдоль стен ямы. Аналогичные погребения в сопредельных территориях известны как в Северном Причерноморье, так и в Приуралье.

В 2011 г. Актюбинская международная экспедиция продолжила исследование памятников нижнего Илека. Для изучения были выбраны

могильники Тортоба и Ешкикырган I. В результате полевых работ были получены очень интересные материалы по погребальному обряду ранних кочевников. В могильнике Тортоба раскапывались своеобразные объекты, представляющие собой длинные курганы, а также зафиксированы наземные сырцовые сооружения. Открыты новые катакомбные погребения конца VI-V вв. до н.э.

Отдельно стоит отметить работы центра на могильнике Кумсай, расположенного в Уилском районе. Памятник относится к одному из крупных объектов Западного Казахстана и включает 162 кургана. За два полевых сезона (2010-2011 гг.) было раскопано 8 курганов. Погребальный обряд исследованных курганов достаточно специфичен. Перед возведением курганов строителями подготавливались погребальные площадки (№№ 1 и 4). Был сооружен вал из серой супеси, образовавший кольцо. Вся внутренняя часть сооружения была усыпана супесью серого и темно-серого цвета. Подсыпка покоилась на погребенной почве. Примечательно, что после снятия насыпи кургана № 1 были выявлены следы ритуальных действий — зольные пятна с прокаленной землей красноватого цвета по низу. Они располагались на погребенной почве и были заглублены в материк. В плане имели округлую форму с диаметром около 40 см. Для позы погребенных характерно разнообразие, но в большинстве случаев погребенные лежали на спине с подогнутыми ногами. Отличается положение костяка основного погребения кургана № 1, где погребенный находился в «сидячей» позе.

Погребальный инвентарь рассматриваемых погребений скудный. С погребения 2 кургана № 15 происходит навершие булавы, редкой находки в курганах ямной эпохи.

Сотрудниками центра ежегодно проводятся разведки. На сегодняшний день разведочными маршрутами полностью изучены Каргалинский, Хромтауский, Мартукский, Хобдинский, Алгинский, Уилский, а также большая часть Айтекебийского и Муголжарского районов. В результате проведенных исследований зафиксированы тысячи памятников от каменного века до этнографической современности. В аб-

солютном большинстве памятники приурочены к речным системам, среди которых, в первую очередь, выделяются крупные реки Илек, Орь, Уил, Жем, Иргиз, являвшиеся в свою очередь основными районами обитания древнего населения. Многообразие, скорее всего, вызвано тем, что в ландшафтном отношении Актыубинская область включает в себя три довольно крупных историко-культурных региона: Южное Приуралье, Северное Приаралье и Северный Устюрт.

Наряду с археологическими исследованиями, сотрудники центра участвуют в этнографических исследованиях. Так, в 2009-2010 гг. изучалось место захоронения хана Младшего жуза Абулхаир хана — могильник Хан моласы на территории Айтекебийского района. В результате было раскопано 10 надмогильных построек, идентифицируемых с мавзолеем хана, взяты кости скелета для антропологического анализа.

Түйін

Мақалада Ақтөбе облыстық тарих, этнография және археология орталығының 2006-2011 жылдардың жұмысы жөнінде қысқаша мәлімет беріледі. Ғылыми зерттеу жұмысы орталықтың келесідей жүргізіледі: археологиялық ескерткіштерге қазба және облыс аудандарында рекогносцировкалық барлау. Археологиялық жұмыстың нәтижесінде тас ғасырынан бастап қазіргі заманға дейінгі этнографиялық мыңдаған ескерткіштері айқындалып тіркеуге алынды. Орталықтың қызметкерлері этнографиялық ескерткіштердің зерттеулеріне қатысады, антропологиялық және остеологиялық материалдарға, ерте және жаңадан шыққан ескерткіштерге камералдық өңдеу жүргізеді. Облыстық орталық ғылыми конференцияларға қатысады және ұйымдастырады, Қазақстан ғылыми институттары және шетелдік мемлекеттерімен қатынасып, байланыс жасасып отырады, өз ғылыми жинақтарын шығарады.

Summary

In article the short review of works of the Aktyubinsk regional center of history, ethnography and archeology for 2006-2011 Scientifically-Research works of the Center is given carry properties of following character: excavation of archaeological monuments, investigations on area areas. As a result of archaeological work thousand monuments from the Stone Age to the ethnographic present have been fixed. Employees of the Center take part in research of ethnographic monuments, spend cameralistic processing of anthropological and osteological materials from earlier and new revealed monuments. The regional Center spends and participates in scientific conferences, cooperates and establishes relations with scientific institutes of Kazakhstan and foreign countries, lets out scientific editions.

Лукпанова Я.А.

Археологическое изучение Западно-Казахстанской области

Западно-Казахстанская область расположена на стыке Европы и Азии, она занимает западную часть Республики Казахстан, ограниченную на западе Приволжскими степями, на востоке отрогами Мугоджар и Общего сырта, на севере долиной р. Урал, на юге – северной окраиной Прикаспийской полупустыни (Кушаев, 1993, с. 6). Территория региона являлась перекрестком исторических путей многих племен и народов с древнейших времен, оставивших после себя многочисленные памятники культуры, исследуемые сегодня археологами.

Первые историко-археологические, этнографические сведения по региону появляются в XVIII в. в трудах П.С. Палласа.

Крупный ученый-натуралист, начальник первого «оренбургского» отряда академической экспедиции, академик П.С. Паллас в 1772 г. в труде «Физические путешествия по разным провинциям Российского государства» описывает древние водоканалы и жилища эпохи средневековья в междуречье Большого и Малого Узеней, в самом узком месте их слияния, а также упоминает о наличии здесь «многих курганов» (Паллас, 1788, с. 108). При этом водоканалы он называет водоводами и пишет об этом следующее: «В сем узком углу между обеими реками Узенями весьма достопамятны следы древних водоводов, каковые наипаче возле большого Узеня и по всей сухой соленой и высокой степи в великом множестве проведены. Они обыкновенно выкопаны в несколько локтей, и выброшенная из оных земля ради сухости и бесплодия своего почти совсем не заросшая лежит подле их.

Из множества таковых рвов и довольно многих курганов и из некоторых древних остатков жилищ явствует, что на Узенях в прежние времена довольно сильный и вероятно Ногайский народ имел свои жилища». Проезжая между Кушумом и Большим Узенем, исследователь обнаружил высокие курганы с каменными изваяниями. «Большие курганы и некоторые с человеческими лицами изваянные камни, коих множество между Кучумом и большим Узенем находится, должно может быть другим кочующим народам приписать» (Паллас, 1788, с. 109).

В 1864 г. первый этнограф Младшего жуза Салык Бабаджанов в статье «О каменной бабе, найденной в Киргизской степи», опубликованной в Этнографическом сборнике Русского географического общества, приводит подробное описание женского каменного изваяния, обнаруженного в местности Жалгызшагыл на территории Нарын песков (Бабаджанов, 1864, с. 113). Автор пишет о непропорциональности статуи, отмечая при этом, что «голова и щеки необыкновенной величины, грудь и плечи несообразно широкие, стан и руки несоответственно тонкие и длинные, ноги тоже тоненькие и несоответственно коротенькие». Из одежды на статуе изображена коническая шапка и на груди статуи небольшое покрывало, а «остальное тело представлено без всяких одеяний». На ее шею ожерелье в виде двух полукругов, «имеющих вид нанизанных на нити маленьких шариков», а на запястьях «по три тоненьких рубца в виде браслетов». Далее автор отмечает о положении статуи, оно сидячее на «пьедестале из четырехугольной плиты». М.-С. Бабаджанов сделал

предположение о принадлежности статуи «к произведениям скульпторов отдаленнейших времен, т.е. давнишних обитателей этой стороны, как-то: монголов, калмыков и других язычников востока» (Бабаджанов, 1864, с. 114-115).

Русский исследователь П.И. Небольсин и востоковед В.В. Григорьев высоко оценили деятельность М.-С. Бабаджанова «по сбору и описанию каменных изваяний, сохранившихся в Букеевской орде» (Кушаев, 1993, с. 10).

С образованием в 1859 г. Императорской археологической комиссии, основной целью которой являлось обнаружение предметов древности, возросло количество специальных учреждений занимающихся археологией. Первые археологические исследования на территории области в 1887 – 1888 гг. по разрешению комиссии проводились известным русским этнографом, археологом, антропологом А.Н. Харузиным. Им было раскопано 36 курганов в трех районах области: Бокейординском, Жангалинском и Казталовском. Суммируя все итоги, полученные экспедицией в фундаментальном труде «Курганы Букеевской Орды», он сделал следующие заключения: «... группу курганов Таловки следует отделить от остальных курганов Букеевской степи, преимущественно основываясь на способе погребения и на найденных вещах. ... курганы Ханской Ставки, а также курганы обеих групп Ново Казанки относятся приблизительно к XIV столетию, принадлежали кочевому народу тюркского типа с незначительно выраженными монгольскими чертами, но племени не чистому, а состоявшему из представителей разных антропологических групп, стоящие то ближе к монгольству, то дальше от него» (Харузин, 1890, с. 118). Курганы, исследованные в Бокейординском и Жангалинском районах, А.Н. Харузин относит к эпохе средневековья, курганы Казталовского района – к эпохе раннего железного века. Поездки 1887 и 1888 гг. в Букеевскую степь, в междуречье Волги и Урала, к казахам Внутренней (Букеевской) орды дали А.Н. Харузину материал для серии работ по этнографии и антропологии казахов. В даль-

нейшем он сопоставляет способы погребения, форму курганов и антропологический тип погребенных Донской степи, Башкирии, Сибири и приходит к выводу, что исследуемый материал не имеет аналогий с ними, сходство «следует ожидать в восточных степях, т.е. собственно в Казахстане, где палеоантропологические исследования в то время не проводились». Выводы о состоянии палеоантропологии основываются на предварительном исследовании А.Н. Харузина в Букеевской Степи, результат которого отражен в труде «Киргизы Букеевской Орды», где он писал: «Если мы бросим взгляд на труды всех вышеупомянутых путешественников, то мы увидим, что большинство исследователей имело в виду геогностические, затем ботанические и исследования скотоводства. Вопрос, который не затрагивался никем в Букеевской Орде, – это вопрос антропологический» (Харузин, 1989, с. 10). Антропологические данные по казахам Букеевской орды он сравнивает с материалами почти по 120 народам, в том числе не только по близким им тюркским народам Средней Азии и Поволжья, но даже по индейцам сиу, которых он в свое время обследовал.

В декабре 1887 г. была создана Оренбургская ученая архивная комиссия (ОУАК) (Археологическая карта, 1960, с. 15). Это было добровольное научное общество, куда входили преподаватели, врачи, этнографы, краеведы. Членами ее проводилась большая работа по учету и охране памятников, а также археологические раскопки в крае.

В 1908 г. в трудах ОУАК Д.Д. Соколовым сообщается о курганах у п. Чилик в Шынгырлауском районе и о древнем кладбище северо-восточнее озера Чалкар (Железчиков, 1998, с. 5).

Одним из ярких и деятельных представителей ОУАК является И.А. Кастанье, французский исследователь, коллекционер, чье имя тесно связано с изучением Западного Казахстана, свою научную деятельность он проводил в двух направлениях: производил раскопки и занимался составлением свода памятников древней культуры казахской степи. Особенно успешной была его

работа по сбору всех археологических сведений. В 1910 г. он подготовил первый свод — «Древности киргизской степи Оренбургского края», где систематизировал сведения о памятниках, которые он начал собирать еще в конце XIX в. (Кастанье, 1920, с. 332). И.А. Кастанье «неустанно» пополнял свою коллекцию, «к формированию которой он приступил еще в XIX в.». В 1911 г. он провел раскопки двух курганов в восточных районах области, относящихся к раннему железному веку (Железчиков, 1998, с. 5).

Таким образом, археологическое изучение до революции в Западно-Казахстанской области носило эпизодический характер, но оно положило начало сбору и накоплению археологического материала, регистрации и описанию памятников старины, археологических исследований на территории области, значительную роль в этом сыграли работы Императорской археологической комиссии и ОУАК.

После революции, в 1920 г., в Оренбурге вместо ОУАК было создано «Общество по изучению Киргизского края», которое в 1925 г. было переименовано в «Общество по изучению Казахстана». В этом же году здесь открылась археологическая секция (Родионов, 1996, с. 11) и возобновились археологические раскопки, организованные Обществом в Западном Казахстане совместно с Нижневолжским научно-исследовательским институтом и Саратовским областным музеем. Экспедиции в 1925-1927 гг. возглавил профессор П.С. Рыков (фото 1). Ими были проведены «обследования района Чижинских и Дюринских разливов, расположенных в северо-западной части области, на территории современных Зеленовского, Таскалинского, Теректинского, Бурлинского районов, а также среднего течения рек Малого и Большого Узней» (Кушаев, 1993, с. 11). П.С. Рыков провел разведку и раскопки курганов вдоль железной дороги Саратов — Уральск от ст. Семиглавый Мар до г. Уральска, а затем вверх по р. Урал до с. Рубежка (Железчиков, 1998, с. 5). В результате раскопок П.С. Рыков сделал выводы о принадлежности археологических памятников в междуречье Волги и Урала к бронзовому, ран-

Фото. 1. Профессор П.С. Рыков

нему железному веку и средневековью. В его экспедиции приняли участие ученики профессора, студенты, П.Д. Степанов, Т.М. Минаева, И.В. Сеницын, которые впоследствии продолжили дело учителя.

Во второй половине 20-х гг. XX века в Уральск из Москвы был выслан краевед Е.М. Тимофеев, здесь он занимался экономикой и археологией, участвовал в Обществе изучения Казахстана. В периодическом сборнике «Урало-Прикаспийская степь», он опубликовал работу «Урало-Прикаспийская степь как объект археологического изучения» по итогам своего исследования в области. Им впервые была обозначена проблема создания «Свода памятников» и сделана определенная работа в этом направлении (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2002, с. 135).

В 1926 г. антропологический отряд Казахской экспедиции, организованный ОКИ-

САР АН СССР под руководством М.П. Грязнова и М.В. Комаровой, выявил и зарегистрировал памятники археологии на территории нынешней Западно-Казахстанской области. По итогам работы М.П. Грязнов в труде «Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане» установил, что на левом берегу Урала расположены памятники андроновской культуры, а между Волгой и Уралом памятники хвалынской культуры» (Грязнов, 1927, с. 172).

В 1926-1930 г. в нынешнем Жангалинском районе были проведены раскопки курганов на могильнике урочища Корпобай профессором Саратовского Университета П.Д. Рау, который на основе обнаруженных материалов отнес эти курганы к скифо-сарматской культуре (Сенигова, 1953, с. 6).

Полученный в довоенные годы материал имел актуальное значение для дальнейшего фундаментального изучения исторических процессов в области.

В период с начала 1930-х до конца 1940-х гг. годов в регионе не проводились археологические исследования. Начиная с 1948 г., в связи со строительством Волжского каскада ГЭС (Железчиков, 1998, с. 6), возобновились археологические раскопки на территории области, организованные Саратовским государственным университетом совместно с Саратовским областным музеем под руководством И.В. Синицына, ученика и преемника П.С. Рыкова.

Он провел масштабные исследования на территории современных Жангалинского, Бокейординского, Акжайкского районов, на памятниках Кара-оба, Корпобай, Жангала, Сары-Айдын, Сайхын. В 1948 – 1950 годы им была разведана территория протяженностью 250 км и раскопано 28 курганов с 55 погребениями, относящихся к разным периодам (Кушаев, 1993, с. 12). Например, в Жангалинском районе И.В. Синицыным были обнаружены дюнные погребения и несколько поселений бронзового века (Сдыков и др. 2007, с. 193). Площадь поселений составляла примерно 100 м в диаметре, здесь были обнаружены кости животных и

значительное количество микролитов. У озер Сорайдын и Райм обнаружены неолитические стоянки. В Бокейординском районе, близ ст. Сайхин раскопано 8 курганов, относящихся к сарматской культуре. И.В. Синицын ввел в научный оборот огромный материал, который «показал не только то, что область была населена с эпохи неолита, но и то, что ее памятники входят в ареал многих давно известных культур», что явилось его «несомненной заслугой» (Железчиков, 1998, с. 6).

В 1953 г. в связи с проектированием Урало-Кушумской оросительной системы Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР направляет экспедицию в Западно-Казахстанскую область под руководством Т.Н. Сениговой. Она, продолжила раскопки курганов на могильниках Кара-оба, Корпобай и провела разведки дюнных поселений, расположенных у Камыш-Самарских озер, по берегам озер Сорайдын, Райм (Сенигова, 1953, с. 2). В экспедиции впервые приняли участие студенты и сотрудники историко-филологического факультета Уральского педагогического института (рук. П.И. Багриков) и Западно-Казахстанский Областной музей в лице научного сотрудника Н.П. Шишкина (Багриков, 1954, с. 4). Членами экспедиции был собран со всех стоянок многочисленный кремневый материал: ножевидные пластины, скребки, проколки, нуклеусы, наконечники стрел. В отчете о проделанной работе Т.Н. Сенигова отмечает, что особый интерес из обнаруженных при разведке материалов поселений представляет керамический материал с оттисками гребенчатого штампа, с ямочным орнаментом. В результате разведок был получен разнообразный материал, который позволил «выявить общность культур Северного Прикаспия, Юго-Западного Приуралья и Приаралья» и подтвердить выводы И.В. Синицына об «этническом единстве племен» (Сенигова, 1953, с. 2, 4). Экспедиция Т.Н. Сениговой провела разведывательные работы и в юго-западной части Жанибекского района, где выявила 9 археологических объектов.

В этом сезоне было раскопано 8 курганов на комплексе Курпебай и 12 курганов на памятнике Кара – оба, при этом первый был полностью завершён. Раскопанные курганы относятся к скифо-сарматской культуре, что еще раз подтвердило мнение А.Н. Харузина, П.Д. Рау, И.В. Сеницына. Полученные результаты раскопок на курганных комплексах Курпебай, Кара – оба в 1953 г., материалы раскопок И.В. Сеницына на вышеназванных памятниках в предыдущие годы при сравнении с материалами сарматских погребений других районов во многом аналогичны с материалами прохоровской культуры Приуралья и Нижнего Поволжья, датированными III – I вв. до н. э.

В 1960 г. была издана «Археологическая карта Казахстана», где были зафиксированы памятники археологии и нанесены на карту более пяти тысяч памятников республики. Карту Западно-Казахстанской области составила Т.Н. Сенигова. На территории Уральской области к тому времени было 211 памятников. Археологическая карта явилась началом картографирования древностей Казахстана (Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 7).

В 1966 г. начинаются первые планомерные археологические исследования организованные Уральским педагогическим институтом им. А.С. Пушкина, под руководством краеведа Г.И. Багрикова. За 2 сезона, 1966-1967 гг. экспедиция раскопала несколько курганов в нынешних Теректинском и Шынгырлауском районах (Железчиков, 1998, с. 6). Примечательным было то, что П.И. Багриков положил начало изучению восточной части области и открыл археологический памятник Лебедевку, состоящий из 8 курганных комплексов (Кушаев, 1993, с. 12) и расположенного в 8 км северо-западнее с. Лебедевка. На некрополе экспедицией под руководством П.И. Багрикова было раскопано 2 кургана из двух комплексов (Багриков, Сенигова, 1968, с. 72), в результате был получен уникальный материал по истории Западного Казахстана. Раскопанный ими большой курган (№ 2), содержал богатое женское погребение позднесарматского времени, оно отличалось конструкцией погребальной камеры и наличием большого ко-

Фото. 2. Г.А. Кушаев

личества импорта. Аналогичным был и второй курган (№ 1) с захоронением воина. В 1968 г. в серии «Известия Академии наук Казахской ССР» вышла статья Г.И. Багрикова и Т.М. Сениговой, где были опубликованы результаты работ на комплексе Лебедевка.

Возникновение и развитие археологической школы в области, организация систематических исследований связаны с именем Г.А. Кушаева (фото 2). С 1968 г. начинает свою работу первая археологическая экспедиция Уральского педагогического института под его руководством, с этого времени на территории области стали проводиться планомерные археологические исследования на протяжении более 20 лет, которые позволили исследовать значительную часть области. Новая экспедиция с одной стороны продолжила изучение памятников, уже затронутых предшествовавшими исследованиями, а с другой стороны существенно расширила охват территории области археологическими раскопками.

Экспедицией была проведена разведка, открыты новые памятники, раскопано 7 курганов на курганном комплексе Шалкар I, II, III, IV, V. По результатам раскопок, курганы были датированы VI в. до н.э. – XIV в. н.э. и отнесены к позднесарматскому периоду и поздним кочевникам (Кушаев, 1993, с. 13; Железчиков, 1998, с. 7).

С 1969 г. по 1975 г. археологические исследования отряда Уральского пединститута под руководством Г.А. Кушаева на территории области проходили совместно с отрядом ИА АН СССР под руководством М.Г. Мошковой.

В первый год работы этой экспедиции проведены исследования памятников Шалкар,

Фото. З. Б.Ф. Железчиков, В.А. Кригер.
Посвящение студентов в археологи.

Лебедевка I, II и раскопано 9 курганов. Параллельно проведены разведки в Шынгырлауском и Бурлинском районах, в результате чего было открыто 68 памятников археологии. В 1970-1971 гг. раскопки были продолжены на комплексе Шалкар и раскопано еще 12 курганов раннежелезного века и средневековья. В 1969 г. был подробно исследован Лебедевский курганный комплекс и раскопан один курган, в результате чего «стала бесспорной необходимостью» (Железчиков, Клепиков, Сергацков, 2006, с. 6) исследования этого памятника.

С 1971 по 1980 гг., в планах девятой и десятой пятилеток, в области намечалось строительство обводнительных каналов, групповых водопроводов в Жанибекском, Фурмановском, Чапаевском, Тайпакском, Каратобинском районах. В соответствии с этим в 1971 г. была проведена разведка памятников в зоне проектируемых объектов. Протяженность маршрута экспедиции составила 4050 км, было выявлено 508 памятников археологии. За 1972 – 1975 гг. Уральским пединститутом были исследованы курганы комплексов Барбастау I-V, Алебастрово III, Кисык – Камыс, Мокринский I и II, Карасу I, Донгелек I. За эти годы было раскопано более 80 курганов.

Таким образом, благодаря систематическим раскопкам в области с 1968 по 1975 гг. увеличилась источниковедческая база, число открытых и зарегистрированных памятников археологии составило 700, появилась целая плеяда молодых археологов (фото 3, 4).

С 1976 г. в области стало работать два отряда. Первый отряд под руководством Г.А. Кушаева работал в зонах строительства гидротехнических сооружений на правом берегу Урала (Кушаев, 1993, с. 17) В 1976-1980 гг. Г.А. Кушаев исследовал курганные комплексы в долине рек Большого и Малого Узеней: Кос-Оба, Мамай, Рыбный Сакрыл I, II, III. С 1981 по 1986 гг. им было раскопано 70 курганов в Акажаикском, Теректинском, Таскалинском районах.

Фото. 4. В археологической лаборатории
Уральского пединститута.

Одним из интересных памятников, раскопанных в этот период, является Володарка I, датированный V-IV вв. до н.э. (Сдыков и др. 2008, с. 200-204). В монографии «Этюды древней истории Степного Приуралья» Г.А. Кушаев представляет результат его 20-летних исследований. В работе даны материалы 300 курганов из всех курганных комплексов, раскопанных автором на территории области.

Второй отряд под руководством Б.Ф. Железчикова вел археологические исследования на левобережье Урала совместно с отрядом ИА АН СССР под руководством М.Г. Мошковой. С 1976 по 1980 гг. ими были проведены раскопки в Жангалинском, Зеленовском, Акжайкском, Жанибекском, Теректинском, Чингирлауском, Бурлинском районах Западно-Казахстанской области, на курганных комплексах Алебастрово II, Белая Гора, Вишневая Балка, Лебедевка, Кос-Оба, Караул тобе I и II, Жарсуат I и II, Тау и исследовано 160 курганов, основная доля которых приходилась на курганный комплекс Лебедевку (фото 5.). Основная часть раскопанных курганов на могильнике Лебедевка принадлежала позднесарматскому времени. (Железчиков, Клепиков, Сергацков, 2006, с. 6; Яблонский, 2009, с. 14). В 1998 г. издана монография Б.Ф. Железчикова «Археологические памятники Уральской области», где опубликованы итоги работ на памятниках, раскопанных под руководством автора с 1976-1980 гг. В своей монографии Б.Ф. Железчиков доказывает о существовании различных материальных культур в глинистой полупустыне Северного Прикаспия с эпохи неолита, энеолита до позднего средневековья (Железчиков, 1998, с 70).

Фото. 5. Б.Ф. Железчиков со студентами во время раскопок курганного комплекса Лебедевка.

Во второй половине 80-х гг. XX века на территории Жангалинского района, близ пос. Жанаказан и оз. Сорайдын, проведено несколько совместных экспедиций Уральского областного музея и Самарского пединститута, под руководством Б.Т. Раимкулова было раскопано несколько курганов, относящихся к раннему железному веку, средневековью и исследовано золотоордынское поселение. Самарскими археологами были собраны фрагменты керамики на развеваемых барханах и установлено, что они имеют прямые аналогии с керамикой полтавской культуры Волго-Уралья (Сдыков и др., 2007, с. 195-196; Кузнецов, 1989, с. 187-188). В Шынгырлауском районе самостоятельный археологический отряд Уральского областного историко-краеведческого музея под руководством Б.Т. Раимкулова, проводил раскопки курганов комплекса Ашысай, аварийно – спасательные раскопки в пос. Рубежка где были обнаружены памятники раннего железного века.

Фото. Б. В.А. Кригер с сахемами.

В 1987 г. экспедиция обследовала поверхность поселения Бауржан–Аяк, открытого в 1986 году Г.А. Кушаевым, и отсняла план памятника (Берденов, Дрожжевский, Марыксин, Тулегенова, 2002, с. 44).

В 1989 г. экспедицией Г.А. Кушаева проведены раскопки могильника Факел, где получены материалы бронзового, раннего железного века и средневековья (Сдыков и др., 2008, с. 205), в 1992 г. исследован курганный комплекс «Турбаза», памятник был отнесен к древнейшей культуре XIII–XII вв. до н.э. (Сдыков и др., 2010, с. 282).

Безусловно, в 1960–1980 гг. сделана огромная работа археологами в Западно-Казахстанской области, благодаря им в области проведены масштабные археологические раскопки и разведки. К началу 1990-х гг. в крае насчитывалось 1500 памятников археологии разных эпох (Железчиков, 1998, с. 8), на учет поставлено 320 памятников археологии. В этом огромная заслуга авторов археологических открытий Г.А. Кушаева и Б.Ф. Железчикова, а также М.Г. Мошковой и В.А. Кригера (фото 6), которые доказали присутствие в Западно-Ка-

захстанских степях многочисленных племен.

В 2001 г. создан археологический центр при областном краеведческом музее под руководством профессора М.Н. Сдыкова, который проводит работы по паспортизации памятников области и после продолжительного перерыва, возобновляет археологические исследования совместно с сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством академика НАН РК К.М. Байпакова. В этот год в области работало 4 отряда под руководством Ж.К. Курманкулова, О.А. Артюховой и

Г.Т. Бексеитова, Е.А. Смагулова, А.А. Бисембаева и С.Ю. Гуцалова. Одновременно шла паспортизация Бурлинского, Казталовского, Зеленовского районов.

Первый отряд под руководством О.А. Артюховой (фото 7) и Г.Т. Бексеитова провел исследования на территории Таскалинского, Жангалинского, Теректинского районов с целью обнаружения памятников эпохи камня, ими было выявлено 23 местонахождения каменных индустрий (Артюхова, Бексеитов, 2002, с. 17). Второй отряд под руководством Ж.К. Курманкулова провел комплексную разведку на территории Бурлинского района и исследовал 3 кургана из комплекса Кырык–Оба, результаты работ на данном объекте показали перспективность исследования этого памятника (Курманкулов, Ишангали, Раймкулов, 2002, с. 88). Третий отряд под руководством Е.А. Смагулова исследует средневековые поселения и городища на территории Зеленовского района и «большого Уральского». Во время обследования трассы трубопровода «Акса́й – Большой Чаган – Атырау», было обнаружено городище Жайык и выявлено несколько жилых, общественных и хозяйственных построек (Байпаков, Смагулов, Ержигито-

Фото. 7. О.А. Артюхова. Сбор материала на развеянной палеолитической стоянке Новая Казанка.

ва, 2002, с. 136). Четвертый отряд под руководством А.А. Бисембаева и С.Ю. Гуцалова провел комплексную разведку в Шынгырлауском районе и раскопки на некрополе Илекшар (Сдыков и др. 2005, с. 234; Гуцалов, 2002, с. 93), где были раскопаны курганы эпохи средневековья.

Результаты археологических работ на территории области в 2001 г. показали, что в области необходимо создание специальной научной организации для продолжения систематических исследований. Поэтому решением Акима области Кыргызбека Елеувича Кушербаева 22 февраля 2002 г. был создан Областной центр истории и археологии, который начинает новый этап археологических исследований в области.

Уже с 2002 г. раскопки на территории области проводились Центром истории и археологии под руководством М.Н. Сдыкова совместно с ИА МОН РК под руководством К.М. Байпа-

кова. В то время Уральская комплексная археологическая экспедиция была образована на базе Актюбинского госуниверситета им. К. Жубанова. В этот год были проведены разведывательные работы в Шынгырлауском, Каратобинском, Жамбейтинском, Бурлинском, Сырымском, Таскалинском (Бисембаев, 2002, с. 185; Сдыков и др., 2008, с. 189; Сдыков и др., 2006, с. 212) районах в результате чего было выявлено более 300 новых памятников археологии. В этом же году проведены раскопки на комплексах Кырык-Оба, Илекшар, Лебедевка под руководством М.Н. Сдыкова, А.А. Бисембаева, С.Ю. Гуцалова. Под руководством О.А. Артюховой разведочные раскопки на стоянке Ешкитау на г. Большая Ичка, в результате раскопок которой в 2001 г. было установлено, что стоянка входит в ареал «леваллуа–ашельских» индустрий и является «связующим звеном между палеолитическими местонахождениями Северо-восточ-

ного Приаралья и Мугоджар с одной стороны и Нижнего Поволжья с другой» (Артюхова, Бексеитов, 2002, с. 17; Артюхова и др, 2003, с. 53). Под руководством К.М. Байпакова проведены разведочные раскопки на поселении бронзового века Бауржан Аяк, в результате которых было выявлено 29 жилищных впадин и была определена предварительная датировка поселения – XV – XIV вв. до н. э (Сдыков и др. 2007, с. 164; Берденов, Дрожжевский, Марыксин, Тулегенова, 2002, с. 45). В декабре 2002 г. Центр истории и археологии провел II Казахстано-Российскую археолого–этнологическую конференцию студентов и молодых ученых (фото 8).

С 2003 по 2005 гг. в области под руководством А.А. Бисембаева проведены исследования курганных комплексов Солянка II, Булдуры I. Археологический памятник Солянка расположен на территории Теректинского района, в результате раскопок, которого были выявлены погребения среднесарматского времени, относящиеся к Сусловской культуре II–I вв. до н.

э. о чем свидетельствуют обрядовые признаки (диагональное положение скелета, сопутствующий инвентарь), а также погребения эпохи средневековья, которые относятся к XIII–XIV вв. (Гуцалов, Тасмагамбет, 2006, с. 251). Курганный комплекс Булдуры находится в Сырымском районе, на данном памятнике было раскопано 5 курганов, которые относятся к V в. до н.э. Наибольший интерес представляют материалы кургана №2, где обнаружен глиняный очажок (Орынбасаров, 2008, с. 215), возле которого находилось ритуальное блюдо, изготовленное из рога лося и массивный каменный пест, на верхней части, которого изображена голова грифона, а в одном из погребений, обнаружен комплекс находок ритуальных предметов (Сдыков и др., 2006, с. 219). Результаты раскопок памятника Булдуры I показали, что раскопанные курганы представляют собой захоронения военно-жреческой знати. В 2005 г. О.А. Артюховой были продолжены раскопки на стоянке Ешкитау (Артюхова, Мамиров, 2005, с. 102), в результате чего были выделе-

ны древнепалеолитический и позднепалеолитический хронологические этапы функционирования мастерской.

С 2004 года Центр истории и археологии под руководством М.Н. Сдыкова активно участвует в реализации единой общегосударственной программы «Культурное наследие», инициированной Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым. По этой программе в области исследовалось два памятника – Кырык-Оба, городище Жайык (Ахатов, 2005, с. 228). А.А. Бисембаевым, С.Ю. Гуцаловым проводились аварийные раскопки на комплексе Кырык-Оба, а также отрядом ИА МОН РК под руководством

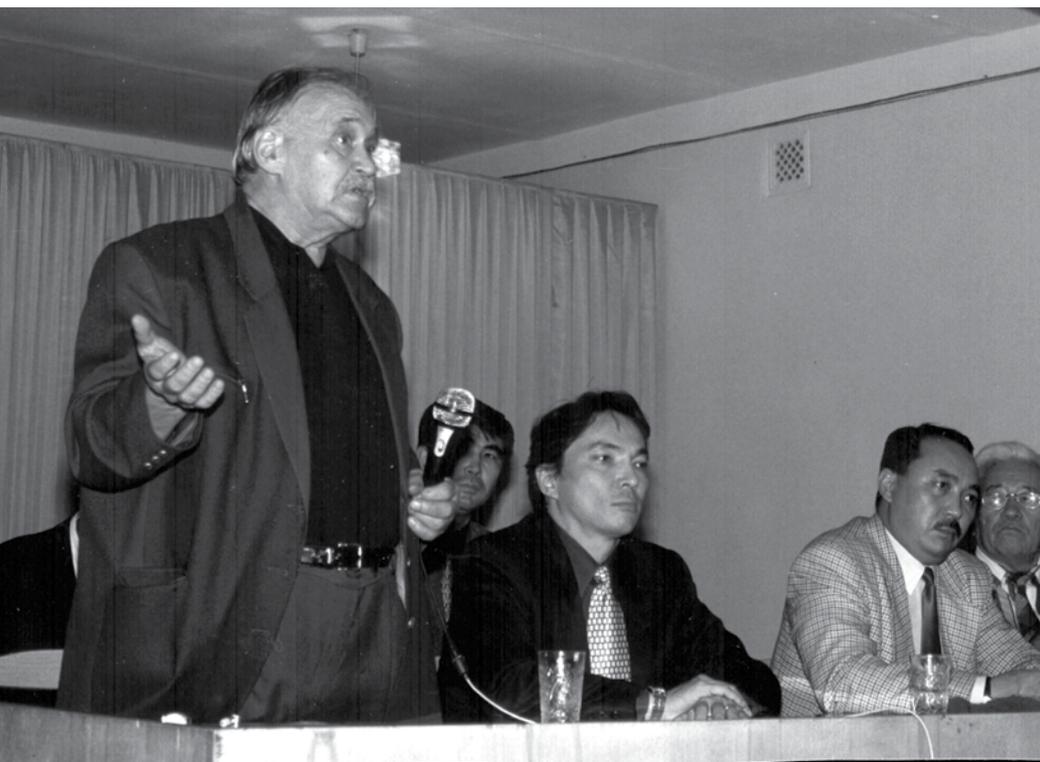

Фото. 8. Б.Ф. Железчиков, М.Н. Сдыков, Х.Х. Капанов на Международной археологической конференции. г. Уральск.

Е.А. Смагулова. В полевом сезоне 2004 г. ими исследованы курганы эпохи раннего железного века, все они относятся к первой половине V в. до н.э. (Сдыков и др., 2008, с. 206–207). В 2005 г. близ пос. Жанаказан, была обнаружена мезолитическая стоянка, исследование которой производила совместная экспедиция Центра истории и археологии и ИА МОН РК, где было обнаружено 2189 каменных артефактов, а также несколько «частично развеянных захоронений», одно из которых относится к средневековью (Сдыков и др. 2007, с. 196).

Таким образом, период с 2001 по 2005 гг. был очень благоприятным для развития археологии Западно-Казахстанской области. Произошли заметные перемены, это выразилось в образовании и деятельности Центра истории и археологии, совместных археологических исследований с научными центрами Республики и соседних стран. Заново сформировалась школа археологов области, за время совместных экспедиций молодые специалисты получили богатейший опыт в полевой практике и начали проводить самостоятельные исследования. На базе Центра начал выпускаться научный журнал «Вопросы истории и археологии», первый номер которого вышел в 2002 г., а в 2005 г. вышел первый том 14-ти томного свода памятников природного и историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области.

С 2006 по 2011 гг. на территории области работают экспедиции под руководством научных сотрудников Центра, молодых археологов: Т.Т. Жусупкалиева, Р.С. Мергалиева, Д.В. Марыксина. Ими была проведена большая работа в изучении и исследовании памятников археологии на территории области.

Научный сотрудник Центра истории и археологии Т.Т. Жусупкалиев продолжил исследование стоянки Ешкитау, в ходе разведочных работ вдоль русла р. Деркул он обнаружил каменные артефакты и фрагментированную керамику. Полученный подъемный материал датирован им от периода позднего палеолита до раннего бронзового века (Жусупкалиев, 2008, с 178).

Р.С. Мергалиевым за этот период проведены раскопки на курганных комплексах Аксай III, Облавка, Достык, Кирово, Асан, Володарка, Кырык-Оба III. В результате был получен значительный материал, который позволил датировать эти памятники эпохой раннего железа (Сдыков и др., 2007, с. 116). На курганном комплексе Тонкерис им были обнаружены погребения раннего железного века и средневековья, на комплексе Утвинка погребения бронзового века и эпохи железа.

Отряд под руководством Д.В. Марыксина исследовал памятник Мокринский, по результатам раскопок он сделал вывод, что на данном могильнике похоронены представители управленческого, либо купеческого сословия Золотой Орды (Марыксин, 2009, с. 255). В 2009 г., отряд Марыксина обнаружил золотоордынское городище Жалпактал, в Казталовском районе, где был заложен разведочный раскоп и обнаружено свыше 2000 фрагментов станковой керамики. В бассейне Камыш-Самарских озер на северной окраине Нарын песков им была проведена археологическая разведка, здесь обнаружено три развеянных погребения, которые видимо, принадлежат представителям огузо-печенежской конфедерации IX–XI вв.

С 2009 по 2011 гг. научными сотрудниками центра истории и археологии Я.А. Лукпановой, Д.В. Марыксиным и У.А. Утепбаевым были проведены разведочные работы в Жанибекском районе, в ходе которых было выявлено около 200 памятников археологии (Сдыков и др., 2009, с. 181). В 2009 г. на курганном комплексе Майтубек, был раскопан аварийный курган № 3, погребения которых относятся к сарматской культуре. В 2010–2011 г. отряд под руководством Я.А. Лукпановой провел раскопки курганного комплекса Акадыр II, за два года на памятнике раскопано 3 кургана сарматского времени (Лукпанова, 2010, с. 174; 2011, с. 302).

Таким образом, археологическое изучение области, начавшееся в XIX в., продолжается, и по сей день. Исследования таких уче-

ных как: П.С. Паллас, А.Н. Харузин, П.Д. Рау, И.В. Сеницын, М.-С. Бабаджанов, П.С. Рыков, Г.А. Кушаев, М.Г. Мошкова, Б.Ф. Железчиков, В.А. Кригер, Т.Н. Сенигова и др., сыграли важную роль в создании, становлении и развитии археологической науки в области в разные периоды истории. Историю изучения края можно разделить на три этапа.

Первый этап – дореволюционный, в котором появилось первое упоминание о памятниках археологии в области, произошло их дальнейшее исследование, в результате чего был накоплен археологический материал. Образовались специальные археологические комиссии, Общества по изучению памятников археологии в крае.

Второй этап охватывает период с 1917 по 1991 гг. и определяется образованием и развитием Советской археологической школы, в том числе и казахстанской. За этот период археологические раскопки в области проходили систематически, в результате чего увеличилась источниковедческая база, число открытых и зарегистрированных памятников, повысился уровень квалификации молодых археологов. Ими были проведены масштабные археологические раскопки и разведки, подготовлена археологическая карта области. К началу 1990-х гг. в крае уже насчитывалось 1500 памятников археологии.

Третий этап связан с деятельностью Центра истории и археологии под руководством М.Н. Сдыкова, образованного в 2002 г., и относится к периоду Независимости Республики Казахстан. Это первая специализированная научная организация, которая продолжила археологическое изучение Западно-Казахстанской области.

Результатом двухвекового археологического исследования на территории области открыто более 6000 тысяч объектов археологии, поставлено на учет 1966 памятников, что отражено в изданной центром «Археологической карте Западно-Казахстанской области» 2008 г., а в 2010 г. завершена работа над сводом памятников

истории, археологии области. Накопленный исследователями материал пополнил фонды музеев, позволил сделать немало открытий по древней истории края. Анализ результатов работы исследователей позволяет сделать вывод о серьезных успехах в археологическом изучении прошлого Западно-Казахстанской области и указывает на высокую научную значимость области и перспективность дальнейшего изучения края.

Литература:

Артюхова О.А., Бексеитов Г.Т. Древнейшие памятники Западно-Казахстанской области (палеолит) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2002. – Вып. 1. – С. 17 – 42.

Артюхова О.А., Бексеитов Г.Т., Першикова Т.Н. Полевые исследования палеолитического отряда УКАЭ в 2002 г. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2003. – Вып. 2. – С. 51 – 63.

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Исследования палеолитического памятника Ешкитау в 2005 г. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2005. – Вып. 4. – С. 89 – 102

Археологическая карта Казахстана. – Алма-Ата, 1960. – 450 с.

Ахатов Г.А. Археологические работы на городище Жайык // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 г. – Алматы, 2005. – С. 228 – 231.

Бабаджанов М.С. О каменной бабе, найденной в киргизской степи (Из письма члена – сотрудника Географического общества Ходжи Салиха Бабаджанова) // Этнографический сборник. – СПб., 1864. – Вып. IV, Сиб., – С. 113 – 115.

Багриков Г.И. К археологическим работам в Западном Казахстане // Рукописный архив ИА МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 288, св. 20, л. 1-21.

Багриков Г.И. Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. – 1968. – № 2. – С. 71-90.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Исследование средневекового города в окрестностях г. Уральска // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2002. – Вып.1. – С. 135 – 167.

Берденов С.А., Дрожневский Н., Марыксин Д.В., Тулегенова Н.И. Первые результаты работ 2002 г. на поселении Бауржан-Аяк // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2002. – Вып. 1 – С. 43 – 47.

Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Сдыков М.Н. Исследования курганов могильного комплекса Кырык-Оба // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 году. – Алматы, 2005. – С. 231 – 235.

Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Запад-

ном Казахстане // «Казакы». – Л., 1927. – Вып. II – С. 172 – 215.

Гуцалов С.Ю. Новые памятники древних кочевников на территории Уральского левобережья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2002. – Вып. 1 – С. 93 – 107.

Гуцалов С.Ю., Тасмагамбет Г. Могильник Солянка II. Курган 2 (среднесарматская культура) // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культуругенеза). Сер. «Этногенез уральских народов». – Челябинск, 2006. – С. 251 – 255.

Железчиков Б.Ф. Археологические памятники Уральской области. – Волгоград, 1998. – 136 с.

Железчиков Б.Ф. Древности Лебедевки (VII-II вв. до н.э.) // Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. – М., 2006. – 159 с.

Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Катакомбные захоронения в Уральской области // СА. – 1978. – № 4. – С. 218 – 228.

Жусупкалиев Т.Т. К вопросу об изучении каменного века в Западном Казахстане // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2008. – Вып. 9, № 2. – С. 178 – 180.

Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды ОУАК. – Оренбург, 1910. – Вып. 22. – 332 с.

Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области // Памятники кочевников Южного Урала. – Уфа, 1984. – С. 102 – 116.

Кузнецов П.Ф. Полтавкинские памятники низовьев реки Малый Узень // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1989. – С. 181 – 190.

Курманкулов Ж.К., Ишангали С., Раймкулов Б.Т. Исследования курганного отряда № 2 УКАЭ в 2001 г. на могильнике Кырык Оба 2 // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2002. – Вып. 1. – С. 87 – 92.

Кушаев Г.А. Этюды древней истории Степного Приуралья. – Уральск, 1993. – 171 с.

Лукпанова Я.А. Поселение Прохоровской культуры у с. Майтубек // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: матер. III Междунар. археол. конф. – Астрахань, 2010. – С. 174 – 178.

Лукпанова Я.А. Катакомбные захоронения комплекса Акадыр 2 // Маргулановские чтения – 2011. матер. Междунар. арх. конф. – Астана, 2011. – С. 302 – 305.

Марыксин Д.В. Могильник эпохи Золотой Орды Мокринский I (по материалам работ 2008 года) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2009. – Вып. 9, № 1. – С. 246 – 255.

Марыксин Д.В. Могильник эпохи Золотой Орды Мокринский I (по материалам работ 2008 года) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2009. – Вып. 10, № 1 – С. 246 – 272.

Мергалиев Р.С. Исследования на курганном могильнике Аксай III // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2006. – Вып. 5, № 1 – 2. – С. 151 – 159.

Орынбасаров Е.Е. Глиняные очаги в ритуальной практике кочевников Западного Казахстана // Вопросы

истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2008. – Вып. 9, № 2. – С. 215 – 218.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. – СПб., 1788. – Кн. 2, ч. 2 – 216 с.

Радионов В.В. Очерк истории археологических исследований в Актюбинской области // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Самара, 1996. – С. 5 – 22.

Сдыков М.Н., Бисембаев А.А. Исследования на могильнике Кырык-Оба: некоторые итоги и перспективы // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сб. статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. – Уфа, 2006. – С. 114 – 116.

Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Бекназаров Р.А., Ерназаров Ж.Т., Джубанов А.А., Рамазанов С.К., Мергалиев Р.С., Жусупкалиев Т.Т., Марыксин Д.В. Памятники природного и историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области. – Уральск, 2005. – Т. I. – 370 с.

Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Бекназаров Р.А., Ерназаров Ж.Т., Джубанов А.А., Рамазанов С.К., Мергалиев Р.С., Жусупкалиев Т.Т., Марыксин Д.В., Амангалиев Г.З. Памятники природного и историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области. – Уральск, 2006. – Т. II – 320 с.

Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Бекназаров Р.А., Ерназаров Ж.Т., Джубанов А.А., Рамазанов С.К., Мергалиев Р.С., Жусупкалиев Т.Т., Марыксин Д.В., Амангалиев Г.З. Памятники природного и историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области. – Уральск, 2006. – Т. III. – 288 с.

Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Джубанов А.А., Рамазанов С.К., Мергалиев Р.С., Жусупкалиев Т.Т., Марыксин Д.В., Амангалиев Г.З. Памятники природного и историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области. – Уральск, 2008. – Т. IV. – 276 с.

Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Джубанов А.А., Рамазанов С.К., Мергалиев Р.С., Жусупкалиев Т.Т., Марыксин Д.В., Амангалиев Г.З. Памятники природного и историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области. – Уральск, 2007. – Т. V. – 232 с.

Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Джубанов А.А., Рамазанов С.К., Мергалиев Р.С., Жусупкалиев Т.Т., Марыксин Д.В., Амангалиев Г.З. Памятники природного и историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области. – Уральск, 2007. – Т. VI. – 270 с.

Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Джубанов А.А., Рамазанов С.К., Мергалиев Р.С., Жусупкалиев Т.Т., Марыксин Д.В., Амангалиев Г.З. Памятники природного и историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области. – Уральск, 2008. – Т. VII – 324 с.

Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Ажигали С.Е., Гуцалов С.Ю., Джубанов А.А., Рамазанов С.К., Мергалиев Р.С., Жусупкалиев Т.Т., Марыксин Д.В., Амангалиев Г.З. Памятники природного и историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области. – Уральск, 2007. – Т. VIII. – 276 с.

Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Джубанов А.А., Рамазанов С.К., Мергалиев Р.С., Жусупкалиев Т.Т., Марыксин Д.В., Амангалиев Г.З., Орынбасаров Е.Е., Утепбаев У.А. Памятники природного и истори-

ко-культурного наследия Западно-Казахстанской области. – Уральск, 2008. – Т. IX. – 180 с.

Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Джубанов А.А., Рамазанов С.К., Мергалиев Р.С., Жусупкалиев Т.Т., Лукпанова Я.А., Марыксин Д.В., Орынбасаров Е.Е., Утепбаев У.А. Памятники природного и историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области. – Уральск, 2009. – Т. X. – 238 с.

Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Джубанов А.А., Рамазанов С.К., Мергалиев Р.С., Жусупкалиев Т.Т., Марыксин Д.В. Памятники природного и историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области. – Уральск, 2008. – Т. XI – 180 с.

Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Джубанов А.А., Рамазанов С.К., Мергалиев Р.С., Жусупкалиев Т.Т., Марыксин Д.В., Амангалиев Г.З. Памятники природного и историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области. – Уральск, 2008 – Т. XII – 236 с.

Сенигова Т.Н. Краткий отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции за 1953 год (Большой и Малый Узени – Джангалинский район) // Рукописный архив ИА МОН РК, ф. 11, оп. 2, д. 278, св. 20, л. 1 – 13.

Синицын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане // Тр. Института истории, археологии и этнографии. – Алма-Ата, 1956. – Т. 1. – С. 87 – 139.

Тимофеев Е.М. Урало-Прикаспийская степь как объект археологического изучения // Урало-Каспийская степь. Период. сб. – Уральск, 1930. – № 4. – С. 110 – 124.

Харузин А. Курганы Букеевской степи. – Изв. ИО-ЛЕАЭ, т. 64 // Труды антропологического отдела. – М., 1890. – Т. 11, вып. 2. – 118 с.

Яблонский Л.Т. К юбилею Марины Глебовны Мошковой // Нижневолжский археологический вестник – Волгоград, 2009. – С. 13 – 19.

Түйін

Мақалада Батыс Қазақстан облысындағы археологиялық ғылымының қалануы, даму тарихы қаралған. XIX ғасырдан бастап тарих және археология орталығының құрылғанға дейін белгілі ғалымдардың өлкенің археологиялық зерттеуге қосқан үлестері туралы баяндалады. Батыс Қазақстан аумағы ежелден көптеген тайпалар мен халықтардың мекендеген жері. Олар өздерінің артынан, қазір археологтар зерттеп жүрген, көптеген мәдени ескерткіштер қалдырған. Археологиялық зерттеулер нәтежесінде палеометалмен оратағасыр дәуіріне жататын 6000 мыңнан астам археологиялық ескерткіштер ашылды. Зерттеушілердің жұмыс нәтежелерін сараптай отырып Батыс Қазақстан облысындағы археологиялық зерттеулер үлкен табысқа жеткен деп қортындылауға болады.

Summary

In the given article we can examine the History of formation and development of archeological science in Western Kazakhstan Oblast. It is told about the contribution of the scientists into the archeological studying of our land which began in the XIX century and is going on to this day, with the foundation of the Centre of History and Archeology. The territory of Western Kazakhstan Oblast was the crossing of the historical ways of many ancient tribes and peoples who had left numerous monuments of culture which are researched by archeologists today. During the archeological studying of our oblast more than 6, 000 thousand objects of the Paleolithic period and the Middle Ages were discovered due to the contribution of the scientists. The analysis of the results of their work allows to make a conclusion about the serious success in archeological studying of past of Western Kazakhstan Oblast.

Мартынюк О.И., Плешаков А.А.

Вклад ученых Северного Казахстана в историческую науку Республики

Инициированная Президентом страны государственная программа «Культурное наследие» стала сегодня одним из главных приоритетов национального развития. Н.А. Назарбаев постоянно подчеркивает, что культура – это отражение нации, ее души, ума и благородства. Цивилизованный народ гордится ходом своей истории, развитием культуры, великими людьми, прославившими страну и внесшими огромный вклад в золотой фонд мировых достижений мысли, искусства. Именно посредством культуры, традиций нация становится известной.

До середины 60-х годов XX века территория Северного Казахстана оставалась белым пятном в истории страны, хотя в то время северные области республики – Целинный край – были охвачены изучением археологическими экспедициями АН КазССР на предмет наличия древних памятников истории и культуры, в ходе освоения целинных и залежных земель. Одним из отрядов под руководством К. Акишева был открыт, частично исследован и паспортизирован ряд памятников первобытной истории и средневековья. Более скрупулезно изучить эту территорию помешали узкие временные рамки и срочность выполнения экономических задач, поставленных правительством в 1954 году. В 1960 году, в издательстве Академии наук Каз. ССР вышла в печати «Археологическая карта Казахстана», где был также опубликован список и нанесены на карту республики основные обнаруженные археологические объекты Северо-Казахстанской области. В издании были учтены сведения собранные историками XVIII – нача-

ла XX века (С. Ремезов, П. Рычков, П. Паллас, И. Шангин, А. Левшин, А. Гейнс, И. Кастанье, А. Добросмыслов, И. Пославский, В. Радлов, Чокан Валиханов, Ю. Аргентовский).

В 1967 году, по инициативе Г. Здановича, на базе Петропавловского педагогического института (ныне Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева) и Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея была организована Северо-Казахстанская археологическая экспедиция. В 1972 г. экспедицию возглавил его первый ученик – В. Зайберт. С этого момента начались не только крупномасштабные исследования археологических объектов северных регионов республики, но и стала активно проводиться работа по паспортизации, сохранению, изданию и пропаганде памятников археологии как части культурного наследия страны. За сорок лет активной деятельности Северо-Казахстанской и Кокшетауской экспедиций были открыты, паспортизированы, частично раскопаны и введены в научный и учебный оборот обширные материалы более 2 тысяч объектов древности от каменного века до средневековья. О перспективе научных поисков свидетельствовали ряд памятников и культур в регионе.

На материалах каменного века Северного Казахстана, В. Зайбертом, была выделена своеобразная атбасарская культура конца мезолита и неолита. Это позволило подробно описать жизнь древних рыболовов и охотников, реконструировать жилища и, в целом, поселки в которых они проживали. Были открыты места добычи сырья для изготовления каменных

Рис. 1. – Реконструкция поселения Ботай.

орудий, а по их набору определены функции и назначение многих хозяйственно-бытовых предметов, позволивших древним насельникам достойно выживать в суровых условиях сухого климата эпохи каменного века. Древнейшее население активно использовало благоприятную для существования широкую и благодатную долину Ишима. Стоянки, поселения и мастерские сконцентрированы, как правило, в местах, наиболее удобных для обитания и ведения производственной и хозяйственной деятельности древнего человека.

В конце каменного века между природой и человеком устанавливаются сложные взаимоотношения, основанные на все более активном использовании ее ресурсов, обусловленных поступательным развитием общества. Это время характеризуется не только приспособлением

человека к окружающей среде, но и завоеванием им определенной независимости, которая проявлялась в значительном совершенствовании образа жизни и методах хозяйствования. На поселениях наблюдается широкий набор каменных орудий и инструментов. Это говорит о разнообразии производственных операций и предполагает развитость промыслов, в частности, по обработке больших партий шкур животных, которые, несомненно, предназначались для изготовления надежной теплой одежды, столь необходимой для человека в этих широтах. Опираясь на результаты исследований экспедиции, сделан однозначный вывод о переходе населения, более шести тысяч лет назад, от собирательства, охоты и рыболовства к производящим формам хозяйства. Однако, оставались нерешенными вопросы исторического перехода

носителей степных культур от каменного века к эпохе бронзы.

В 1980 году было открыто поселение Ботай, ставшее эталонным памятником энеолитической эпохи обширного региона. Это послужило началом комплексных, многолетних исследований памятников конца каменного века в северных широтах Казахстана, которые во многом пролили свет на протекавшие в степях Евразии исторические процессы в IV – III тыс. до н.э.

Многолетние и плодотворные раскопки этого уникального поселения позволили, основному его исследователю – В. Зайберту, обоснованно выделить особую ботайскую энеолитическую культуру (поселения Ботай, Красный Яр, Васильковка, Баландино, Рошинское, Сергеевка). Многопрофильными научными исследованиями феномена культуры занимались ученые из Алма-Аты (специалисты по древним млекопитающим Т. Нурумов, Л. Макарова), Санкт-Петербурга (специалист по ископаемым животным Н. Ермолова, трасолог Г. Коробкова), Екатеринбурга (остеолог П. Косинцев), Москвы (почвовед И. Иванов), Челябинска (археологи В. Мосин, С. Григорьев), Англии (М. Левине), США (С. Олсен), Петропавловска (А. Кисленко, В. Зайтов, Т. Даниленко, А. Плешаков, Н.С. Татаринцева, Е. Тетюхин, О. Мартынюк, Н. Ковшова, И. Паламарчук, Р. Попович, В. Расстегняев, А. Шалагин, С. Миллер). В рамках изучения проблем ботайской культуры было проведено несколько международных симпозиумов с участием ведущих ученых Великобритании, Германии, Ирана, Канады, США, Чехии, Финляндии, Японии, России, Казахстана и Украины, которые в известной степени поставили вопрос о времени и степени одомашнивания лошади в степной зоне Евразии.

На поселении Ботай, за весь период его существования, длившийся несколько столетий, древними людьми было построено не менее 250 жилищ. Площадь полуземляночных жилищ составляла от 20 до 70 кв. м. Они располагались группами, часто примыкали друг к другу, а некоторые попарно соединялись между собой пе-

реходами. Все постройки разделены на жилые и хозяйственные. Как правило, в каждом ботайском жилище был один очаг, расположенный на полу, в центре. Не исключено, что в таких спаренных жилищах жили родственные семьи, представлявшие одну хозяйственную ячейку. Она могла насчитывать до 40 человек. Коллективные разнополюе захоронения подтверждают вероятную возможность существования семейно-хозяйственных общин, состоящих, в свою очередь, из трех-четырех малых семей.

Если в неолитическое время на территории Северного Казахстана преобладали орудия, характерные для охоты и рыболовства, то в эпоху энеолита, на этой же части лесостепи, ведущее место стали занимать инструменты, используемые в деревообработке, скорняжном деле и других видах домашних промыслов. Широко использовалась разнообразная керамическая посуда, применявшаяся как в быту, так и в производственных целях.

Примечателен набор костяных орудий: костяные серпы и косы, землеройные орудия, инструменты по обработке дерева, иглы, шилья, ткацкие инструменты, гарпуны. Это свидетельствует о наличии земледельческих навыков и развитой системы домашних промыслов. Некоторые орудия и предметы имеют на своей поверхности орнаментальные рисунки, пиктографические знаки и линии.

Но главной особенностью находок на поселении Ботай, является наличие огромного количества костных остатков. Подавляющая масса этого материала, определена специалистами как остатки различных частей скелетов лошади, что может быть одним из составных признаков вовлечения этого животного в хозяйственный оборот, как системообразующего начала. На современном этапе, ученые, в силу объективных причин, не имеют эталонных морфологических признаков скелета дикой лошади. Сложность определения, в первую очередь, связана с образом жизни коня. Общеизвестно, что лошадь, до момента приручения (объездки), является практически диким животным, ибо это стадное

Рис.2. – Евразийская Срединная этническая артерия.

млекопитающее круглый год находится в вольном поиске корма — даже зимой оно самостоятельно его добывает и, вдобавок ко всему, имеет относительно высокую подвижность.

Разноплановый же анализ массового костного материала, происходящего из раскопок памятников ботайской культуры, позволяют некоторым специалистам высказывать предположения о том, что именно в данное время древний человек приступил к одомашниванию

этого животного, а территория области являлась одним из основных мировых центров приручения лошади. Об этом же свидетельствуют данные, выявленные в химико-биологической лаборатории Бристольского университета, о наличии на древней посуде ботайцев остатков процесса ферментации молока степных кобылиц — кумыса.

Орнаментальные мотивы, фиксируемые В. Мосиным и О. Мартынюком на керамике и

костяных орудиях, в большей своей части, являются иконографической основой развитой знаковой системы, обнаруживаемой в эпоху бронзы, которая по многим параметрам признана временем сложения глобальной индоевропейской общности.

А. Плешаков и Т. Даниленко, применив метод изучения функций орудий по следам работанности, разработанный академиком С. Семеновым, провели глубокое экспериментально-трассологическое обследование артефактов. Результаты исследований позволили до мельчайших подробностей интерпретировать функциональное назначение костяных, каменных и кремневых орудий древних племен, что привело к достоверной их реконструкции, и явилось новой составляющей в процессе изучения древнейшей истории Казахстана.

В. Заитов подверг тщательной типологизации класс каменных и кремневых орудий, что позволило дробно и достоверно реконструировать технико-технологический ряд процесса их изготовления.

Г. Зданович и С. Зданович провели скрупулезную работу по детальной хронологизации и периодизации культур эпохи бронзы, которые, по мнению большинства современных ученых, явились основой для сложения древнейшей мировой арийской цивилизации. Исследователями выделена начальная ее фаза формирования. В поисках следов проживания древних племен индо-иранцев на территории Северного Казахстана большой вклад внесли сотрудники Северо-Казахстанской археологической экспедиции (В. Зайберт, А. Плешаков, Т. Бойко (Бухонина), А. Бухонин, Н. Иванова, Д. Зданович, М. Хабдулина, А. Кисленко, Т. Даниленко, О. Мартынюк, Н. Татаринцева, В. Заитов, С. Заев, И. Паламарчук, В. Растегняев, Р. Попович, В. Мосин, С. Боталов, Э. Усманова).

Проведение работ по вскрытию археологических объектов широкими площадями позволило более скрупулезно и достоверно интерпретировать этническую, социальную и хозяйственную составляющие древнейших обществ региона.

В пределах Ишимской равнины были исследованы укрепленные поселки эпохи бронзы, обнаружены захоронения рядовых и знатных воинов-колесничих. Боевая колесница и система упряжи, разработанные в евразийских степях четыре тысячи лет назад, широко и глубоко внедрились на всем ареале распространения индоевропейской цивилизации (Троя, Микены, Греция, Малая Азия, Балканы). Укрепленные поселки, впервые обнаруженные у североказахстанских сел Петровка, Явленка, Покровка, Ильинка, Новоникольское Г. Здановичем, объединены в своеобразную протогородскую цивилизацию, «Страну городов». В нее включены древние городища Северного Казахстана и Южного Зауралья (Аркаим, Синташтинское, Аландское, Андреевское). У этих тщательно укрепленных крепостей детально реконструированы оборонительные стены, рвы, систематическая (квартальная) застройка, конструкции жилых и производственных помещений, общественные присутственные места (центральная площадь), сложные входы и выезды из городищ, система канализации. Это время было одним из этапов зарождения индо-иранской общности со сложившейся социальной и мифологической структурой, достаточно развитой металлургией, достойным земледельческим и скотоводческим потенциалом, многоотраслевой инфраструктурой племенных промыслов, заложивших основу этнолингвистического самосознания населения Евразийских степей. Это, впоследствии, привело к рождению скифо-сакского (скифо-сибирского) феномена и явилось главной составляющей в формировании кочевого образа жизни степей.

С конца 60 гг. XX в. ведутся планомерные исследования культур раннего железного века края. В окрестностях города Петропавловска раскопано городище Ак-Тау. На территории Северо-Казахстанской области исследованы сотни курганов, относящихся к скифо-сакскому времени. В конце 90-х годов XX века совместной Казахстанско-Германской экспедицией (Г. Парцингер, А. Наглер, В. Зайберт,

А. Плешаков) было раскопано и реконструировано святилище сакского времени – Байкара. Эти материалы значительно расширили представления по данному периоду древней истории региона. С 2004 года начаты планомерные работы по обследованию археологического объекта Ак-Ирий – городище у с. Долматово (О. Мартынюк, А. Плешаков, Н. Ковшова).

На основании исследованных североказахстанских памятников раннего железного века, М. Хабдулиной, смоделированы культурно-исторические процессы Великой Степи номадов.

Укрепленные городища скифо-сакского периода, зафиксированные в виде великолепно сохранившихся остатков городищ Ак-Тау и Ак-Ирий, а также ряда других памятников с величественными крепостными сооружениями, являлись своеобразными форпостами, отделяющими формирующийся мир номадов от насельников лесной зоны и четко помечающие северные границы степей.

Культурно-исторические процессы, протекавшие в степной Евразии, характеризовали не только особенности северной ойкумены, но и отражали общий ход развития истории и культуры Средней и Передней Азии, где четко просматривается роль Великого Шелкового пути. Последний, как трансгрессивная структура, довольно продолжительное время функционировала для организации торговых сношений между достаточно удаленными друг от друга экономическими областями древнего мира, несомненно, постоянно эволюционировал. Традиционные караванные маршруты могли изменяться, исчезать старые и возникать новые пути, в зависимости от складывавшейся на текущий момент военной, политической и экономической ситуации как в целом на евразийском континенте, так и в отдельных его регионах. Одно из ответвлений Великого Шелкового пути (Евразийская Срединная этническая артерия) проходило по северной кромке степной зоны евразийского континента, что подтверждают многочисленные артефакты, свидетельству-

ющие о включении кочевых племен степной зоны в этот беспрецедентный хозяйственно-этнокультурный исторический феномен.

Территория Северного Казахстана с древнейших времен была активно вовлечена в общеисторические процессы, протекавшие в Евразийских степях. Начиная с эпохи каменного века, край был интенсивно заселен человеком. Новые природные зоны, сформировавшиеся после исчезновения ледника, предоставили населению не только благоприятные природные условия, но и довольно мощный прожиточный потенциал в виде разнообразной и многочисленной флоры и фауны. Это, в конечном счете, позволило древним неолитическим и энеолитическим племенам региона, а затем насельникам эпохи бронзы, раннего железного века и раннего средневековья, поэтапно перейти от рыболовства, охоты и собирательства к многоотраслевой экономике.

Сохранение и изучение культурного наследия, совершенствование законодательной базы по обеспечению охраны памятников, позволяет перейти от традиционных форм пропаганды исторического наследия в виде статичных музейных экспозиций к современным интерактивным методам демонстрации исторических и этно-культурных явлений. Музеефикация археологических объектов, создание сети экскурсионных маршрутов, развитие туристического бизнеса позволит активно вовлечь граждан республики, подрастающее поколение в процесс воспитания исторического сознания и казахстанского патриотизма.

Удачное географическое расположение, концентрация археологических объектов, добротная и детальная изученность североказахстанских памятников могут стать основой для создания исторического музейного парка Евразийской Срединной этнической артерии. Опираясь на мировой опыт создания музеев под открытым небом, на базе археологических объектов Ботай и Ак-Ирий начаты работы по введению в структуру будущих природоохранных археолого-этнографических музейных ком-

плексов туристско-сервисных подразделений и экспозиций научно-познавательного характера.

Главная цель проектов – сохранение естественно-географического и исторического ландшафтов региона, их углубленное научное изучение, направленное на детальную реконструкцию древней истории края. “Живые” археологические памятники и среда их бытования могут стать объектами регионального и международного туризма, что позволит, активизируя отдых, на определенное время погрузить туристов непосредственно в ту или иную историческую эпоху. Достигается это созданием центров по возрождению традиционных промыслов и ремесел, в которых народные мастера передают свой опыт и навыки молодому поколению.

В свете концепции устойчивого развития, подобное направление туристической деятельности приобретает все большую популярность в мире, как способ экологически безопасного использования природных и культурных ресурсов. Объектами историко-экологического туризма могут стать типично степной ландшафт и памятники истории, включенные в интерактивный отдых.

Издание Сводов памятников истории и культуры Республики Казахстан по Северо-Казахстанской области (2006 г.) и Акмолинской (2008 г.) явилось конкретным шагом по формированию научной и информационной базы данных не только для реконструкции древней истории Казахстана, но и созданию перспективных проектов в сфере туристической индустрии республики.

Литература:

Историко-культурное наследие Акмолинской области. Свод памятников. – Алматы, 2008.

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область. – Алматы, 2006.

Түйін

Республикалық туристік индустрия жүйесіне аймақтағы тарихи құнды ескерткіштерді енгізу, археологиялық нысандағы мәдениетті талдау, Солтүстік Қазақстан ғалымдарының тарихын дамыту және Солтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының 40 жылдығына арналған мақала.

Summary

The article deals with the 40-year-long history of the North-Kazakhstan Archaeological Expedition, the analysis of the contribution that the North-Kazakhstani scientists made to the development of the historical thinking, to the cultural interpretation of archaeological objects and to the introduction of the memorials of the regional historic heritage into the travel industry of the Republic.

Алехин Ю.П.

Исследования 1988-1993 гг. Семипалатинской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета

В соответствии с договором о сотрудничестве между Институтом истории, археологии¹ и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР и Кемеровским государственным университетом, в 1988-1993 гг. в бывшей Семипалатинской области под руководством автора проводились работы Семипалатинской археологической экспедиции КемГУ.

Целью работ экспедиции было: выявление, паспортизация и исследование памятников археологии; подготовка материалов к Своду памятников археологии. В этой работе, кроме учреждений археологии, были заинтересованы: Министерство культуры Казахстана, республиканское Общество охраны памятников истории и культуры, Семипалатинское областное управление культуры, музеи, в которые передавались археологические находки. Финансирование экспедиционных работ производилось Семипалатинским областным управлением культуры и Семипалатинским облсоветом республиканского Общества охраны памятников истории и культуры. Планировалось последовательное проведение археологических исследований во всех районах бывшей Семипалатинской области.

До 1993 г. экспедиция успела обследовать Новошувальбинский, Бородулихинский и Беска-

---

¹ Пользуясь случаем, автор выражает свою благодарность академику НАН РК Карлу Молдахметовичу Байпакову за всемерное содействие в работах экспедиции, казахстанским коллегам и всем, кто содействовал его работам, и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество в интересах казахстанской и российской археологии.

рагайский районы, было начато обследование Жанасемейского района. Работы экспедиции были прекращены в 1994 г. ввиду отсутствия финансирования.

В результате проведенных Семипалатинской археологической экспедицией КемГУ работ было открыто и обследовано более 100 неизвестных ранее археологических памятников, часть из которых была паспортизирована. Кроме сданных в Министерство культуры Казахстана паспортов на археологические памятники, в связи с прекращением финансирования, остались недоработанными паспорта на некоторые уже выявленные и обследованные памятники археологии.

Кроме разведочных работ, экспедицией постоянно проводились раскопки многих курганов, находившихся под угрозой уничтожения, а также сборы на аварийных поселениях. Археологический материал, полученный в ходе этих работ, пополнил фонды и экспозиции семипалатинских областных (краеведческого и изобразительных искусств) музеев – нами по актам было сдано в эти музеи 1114 древних и средневековых предметов.

Стоит также отметить показательный пример инициирования нами в 1990 г. возбуждения уголовного дела и следствия по нему по факту разграбления двух курганов (курганная группа Красный Яр IV) в Новошувальбинском районе современными бугровщиками.

В целом же, исследования Семипалатинской археологической экспедиции КемГУ привели

к важным научным открытиям, позволившим в значительной степени дополнить древнюю и средневековую историю Восточного Казахстана, реконструировать этнополитическую ситуацию и мировоззрение тюркоязычных народов, населявших регион в IX-X вв. Несомненно, что работы экспедиции способствовали делу охраны и использованию историко-культурного наследия Казахстана, популяризации этого наследия и пополнению музейного фонда.

Кратко характеризуем наиболее значимые научные результаты экспедиционных работ.

Были выявлены и обследованы энеолитические (конец IV-III тыс. до н.э.) поселения и стоянки: Новая Шульба IX и X в Новошкульбинском районе; Дюны III, IV, V в Бородулихинском районе. Также были выявлены и обследованы поселения и стоянки эпох развитой и поздней бронзы в указанных районах (Новая Шульба VI, VII, VIII; Аул; Дюны I, II) и в Бескарагайском районе (Семиярка IV, V). Материал с этих поселений, кроме фрагментов керамической посуды, каменных наконечников стрел и дротика, орудий, представлен обильными остатками переработки медной руды и медеплавильного производства (медная руда; медно-бронзовые шлаки, сплески и слиточки; литейный брак, каменные рудодробильные песты, обломки плавильных тиглей и форм, одна целая литейная формочка). Эти находки ещё раз подтверждают выводы С.С. Черникова (1949) о том, что Восточный Казахстан с эпохи энеолита и до конца скифского времени являлся крупным центром горного дела и металлургии цветных металлов.

Стоит также отметить открытие средневековой стоянки Лесной III в Бескарагайском районе, т.к. поселенческие памятники эпохи средневековья в Восточном Казахстане почти неизвестны. На этой кратковременной стоянке собран подъёмный материал: обломок чугунового предмета (вероятно, котла), фрагменты керамических толстостенных неорнаментированных сосудов, скребок из гальки, фрагменты костей животных.

Подавляющее большинство выявленных и исследованных памятников археологии явля-

ются курганными погребениями. Далее кратко остановимся на наиболее важных и интересных исследованиях этих курганов.

В Новошкульбинском районе экспедиционным отрядом А.М. Илюшина в 1988 г. было исследовано несколько курганов могильника Акчий I, открытым Ю.И. Трифоновым в 1977 г. Среди исследованных курганов один (№ 3, земляной, диаметром 16 м) был сооружен в эпоху раннего металла (III – нач. II тыс. до н.э.). Курган не был ограблен, что позволило реконструировать погребальные конструкции и обряд, датировать его. В центре кургана под насыпью находилась могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная с запада на восток глубиной 1,4 м, перекрытая обожженными деревянными плахами, на которых находилась челюсть КРС. Пожилой мужчина был погребен в скорченном положении с вытянутыми вдоль туловища руками, лицом к земле и был ориентирован головой на восток. Кости скелета погребенного и стенки могилы были обожжены. Погребенный подвергся неполному трупосожжению в самой могиле. В могиле были найдены: сломанный пополам костяной наконечник стрелы; каменная зернотёрка диаметром 25 см с углублениями в центре как с нижней, так и с верхней её стороны, каменный пест со следами сработанности с двух сторон, рядом с ним находились два округлых камня, еще один округлый камень со следами обработки находился рядом с зернотёркой; у бедренной кости погребенного находились бронзовый втульчатый кельт и обломок бронзового предмета. Во втулке кельта сохранились обугленные остатки деревянного черешка. В насыпи кургана найдены фрагменты керамического сосуда баночной формы с гребенчатым орнаментом по всей площади его стенок, подобным орнаменту на керамике поселений этого времени. Исследование этого кургана имеет важное значение, т.к. выявленные погребения эпохи энеолита и раннего металла в Восточном Казахстане единичны.

Скифская эпоха является одним из самых ярких периодов древней истории Евразии. В это время происходит становление государственности, получает дальнейшее развитие со-

циальная стратификация. Эти социальные явления получили свое выражение и в погребальном обряде: появляются грандиозные царские курганы и крупные курганы знати. В ходе наших работ были выявлены могильники скифского времени, состоящие из десятков, а иногда и более чем из сотни курганов (Семярка VII, Грачи I, IV, Лесной II, Кривинка II в Бескарагайском районе; Кондратьевка IX в Новошувльбинском районе и другие). Среди общего количества курганов различных эпох, относящихся к скифскому времени — большинство. Это указывает, что плотность населения в скифское время была выше, чем в другие эпохи. Несмотря на ограбленность всех раскопанных нами курганов скифского времени, по погребальным сооружениям и обряду этих курганов удалось проследить смешение погребальных традиций, характерных для саков казахстанских степей и пазырыкцев Горного Алтая, с преобладанием сакских элементов. Восточный Казахстан был своеобразной контактной зоной между саками, горноалтайскими скифами (пазырыкцами) и большеереченцами лесостепного Алтая с доминирующим положением саков. Поселений немного и их материал немногочислен, что указывает на преобладающий полукочевой и кочевой образ жизни населения региона в это время.

Особо стоит отметить исследование в 1989–91 гг. кургана I курганной группы Кондратьевка IX в Новошувльбинском районе. Этот курган по всем данным идентифицируется как известный «Золотарь» или «Пудовик», в котором русскими бугровщиками в XVIII в. было добыто более 20 кг золотых вещей. Диаметр «Золотаря» — 82 м, первоначальная его высота была около 8 м (к моменту наших раскопок — 6,5 м). Основу кургана составляла глинистая насыпь, покрытая сверху каменной наброской в виде «панциря» мощностью до 1,4 м. Вокруг насыпи имелась

Курган «Золотарь» в процессе раскопок. Вид с юга на север.

кольцеобразная ограда из крупных камней. Вокруг кургана сохранились задернованные котлованы, из которых бралась земля (глина) для сооружения кургана. В центре кургана на уровне древней поверхности зафиксированы остатки надмогильной конструкции из бревен и каменных плит, разрушенной грабителями. Могила глубиной около 8 м от древней поверхности была полностью ограблена. Найдены фрагменты черепа пожилого мужчины, вероятно, погребенного царя, выброшенные грабителями из могилы. Курган «Золотарь» датирован методом радиоуглеродного датирования рубежом VI–V вв. до н.э.

В результате нашего исследования в 1993 г. раннескифского кургана Кондратьевка XXI (Новошувльбинский район) П.И. Шульгой было реконструировано сложное снаряжение верхового коня конца VII — начала VI вв. до н.э.

В 1992 г. было раскопано 3 кургана аварийной (интенсивно распахивалась) курганной группы Саргамыс I в Бескарагайском районе. Два крупных сакских кургана этого памятника, имевшие по одной могиле в центре, были полностью разграблены, а расположенный вдали от них более поздний курган оказался почти нетронут грабителями. Под его земляной насыпью исследовано 12 могил и кенотаф. Юго-западный сектор кургана остался невскрытым и

также содержал погребения. По характерным особенностям погребальных конструкций и обряда, сопроводительному инвентарю, этот курган соотносится с сарматскими погребальными комплексами, именуемыми в Сибири каменной и саргатской культурами.

Другой тип погребальных памятников хунно-сарматского времени был выявлен в Новошувльбинском районе. Это каменно-земляной курган диаметром около 10 м, разрушенный при рытье котлована. В могиле глубиной 2,5–3 м был сооружен каменный ящик с перекрытием из плит. Погребенный знатный воин был уложен на спине в вытянутом положении. Его сопровождал железный кинжал с рукоятью, обложенной серебряными пластинами, серебряные обоймы и пряжка от поясного ремня, бронзовые втульчатые пулевидные наконечники стрел, бронзовое зеркало с рукоятью, известковое точило и другие предметы из золота и серебра, похищенные местными жителями (нам удалось собрать лишь небольшую часть сопроводительного инвентаря). Это самое богатое дошедшее до нас погребение конца скифской эпохи — начала хунно-сарматского периода (рубеж эр).

В IX — нач. XI вв. территория современного Восточного Казахстана входила в состав Кимаковского каганата. В IX–X вв. сюда проникали енисейские кыргызы и, бежавшие на запад после своего разгрома от енисейских кыргызов в 840 г., уйгуры. Эти события отразились на этнополитической ситуации в регионе, способствовали распространению мировых религий (буддизма и манихейства) среди представителей знати.

Кимаковский каганат включал в себя различные племенные объединения (до 12 крупных племен ко второй половине IX в.). Часть уйгурских племен (эймгор, баяндур, татар) приняла участие в сложении кимаковского государственного объединения. У Ал-Масуди (вторая пол. X в.) упоминается сложный этноним «кимак-югур», в котором можно видеть собирательное наименование уйгурских племен, вошедших в состав государства кимаков.

Исследование большого количества курганных погребений этого времени позволило нам выделить среди них немногочисленные древнеуйгурские погребения знати. Уйгурские курганы на Рудном Алтае малочисленны и характеризуются небольшими земляными насыпями округлой формы с кольцеобразными каменными выкладками под ними или же сплошной каменной наброской. Могилы ориентированы с запада на восток (СВВ), имеют бревенчатые обкладки стенок и перекрытие. Северные стенки могил с подбоями, где находился погребенный с сопроводительным инвентарем и заупокойной пищей (мясо барана). Умершие укладывались на спине в вытянутом положении и ориентировались головой на восток (СВВ). Дно и стенки подбоя обкладывались тонким дощатым покрытием. Выше подбоя, на уступчике южной стенки могилы в мужских захоронениях укладывалась взнузданная лошадь, ориентированная аналогично погребенному. В заполнении могил встречаются древесные угольки. Почти всегда имеются сопроводительные погребения зависимых людей, вероятно рабов, в т.ч. целые их семьи, включая детей. Эти погребения рабов и зависимых людей безинвентарные, часто без заупокойной пищи, их могилы неглубокие и без подбоев. После погребения совершалась поминальная тризна. У восточного края кургана вкапывался деревянный шест (столбик). Во всех уйгурских погребениях встречены предметы с буддийско-манихейской символикой (в синкретичном виде). Найденная бляшка в виде головы медвежонка имеет аналогии лишь в Тыве периода уйгурского владычества.

Погребения кимаков IX–X вв. многочисленны, отличаются от уйгурских отсутствием подбоев и сопроводительных захоронений рабов. Основная масса кимаковских курганов содержит погребения рядовых членов общества, но встречаются и большие курганы знати с богатым сопроводительным инвентарем и несколькими захоронениями лошадей в сбруе. Кимаковская знать находилась под значительным влиянием культуры проникавших в регион енисейских кыргызов, что отражено в сопроводительном инвентаре погребений и в заимствовании буд-

дийско-манихейской идеологии. Рядовые представители кимакского общества не испытывали сколько-нибудь значительного инокультурного влияния и в основном оставались шаманистами

На металлических предметах из погребений знати нередко встречаются изображения основных символов буддизма — ваджры, чинтамани, спирали, спаренные рыбы, а также распространенные в буддизме бурханчики и колокольчики. Изображения фениксов, лотосов, виноградных лоз также нередки и характерны как для буддизма, так и для манихейства.

В целом же, исследование раннесредневековых курганов в Восточном Казахстане позволило в значительной степени реконструировать этнополитическую ситуацию и мировоззрение народов, населявших регион в IX-X вв.

По большому количеству курганов очевидно, что плотность населения в регионе была сравнительно высокой для того времени.

С XI в. происходит значительный отток населения Рудного Алтая на запад. В первой трети XI в. Кимакский каганат распался и кимакских погребений, датированных позже этого периода не выявлено.

Литература:

Алехин Ю.П. Отчет об археологических исследованиях Семипалатинской археологической экспедиции Кемеровского университета 1989-1990 гг. в Семипалатинской области // Рукописный архив ИА КН МОН РК.

Алехин Ю.П. Рудный Алтай как горнометаллургическая область // Ползуновские чтения 1991 г.: тез. докл. к конф. — Барнаул, 1991. — С. 42-44.

Алехин Ю.П. Исследования 1989 г. в Семипалатинской области // Маргулановские чтения. — М., 1992. — С. 124-128, 250.

Алехин Ю.П. Исследования 1991 г. в Семипалатинской области // Маргулановские чтения. — Петропавловск, 1992. — С. 12-15.

Алехин Ю.П. Уйгуры на Рудном Алтае // История и культура народов Евразии: древность, средневековье и современность (Первые Валидовские чтения): тез. междунар. научн. конф. — Уфа, 1992. — С. 96-98.

Алехин Ю.П. К вопросу об этнополитической ситуации на Рудном Алтае в IX-X вв. // Этническая история народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии): матер. Всерос. конф. — Омск, 1992. — С. 8-13.

Алехин Ю.П. К вопросу о религиозных представлениях населения Рудного Алтая в IX-X вв. // Сакральное в

культуре: матер. III междунар. Санкт-Петербургских религиозно-научных чтений. — СПб, 1995. — С. 11-12.

Алехин Ю.П. Исследования в Семипалатинской области Казахстана (по материалам 1992 г.) // АО 1995 года. — М., 1996. — С. 385-387.

Алехин Ю.П. О религиозных представлениях народов Южной Сибири в VIII-X вв. (По материалам из Рудного Алтая) // Россия и Восток: Филология и философия: матер. IV Междунар. научн. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». — Омск, 1997. — С. 212-216.

Алехин Ю.П. Социальная организация населения лесостепного и предгорного Алтая в V-I вв. до н.э. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: матер. Всерос. научн. конф. — Барнаул, 1997. — С. 126-128.

Алехин Ю.П. Мировые религии и мировоззрение народов Южной Сибири в VIII-X вв. (По материалам из Рудного Алтая) // Сибирь в панораме тысячелетий: матер. Междунар. симпозиума. — Новосибирск, 1998. — Т. I. — С. 12-20.

Алехин Ю.П. Курган кимакской знати на Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: матер. научн.-практич. конф. — Барнаул, 1998. — Вып. IX. — С. 201-203.

Алехин Ю.П. Лесостепной и Рудный Алтай в скифскую эпоху // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: матер. междунар. научн. конф. — Барнаул, 1999. — С. 13-16.

Алехин Ю.П. Мировые религии и мировоззрение народов Южной Сибири в VIII-X вв. (по материалам из Рудного Алтая) // Мартъяновские краеведческие чтения (1989-1999 гг.). — Минусинск, 1999. — С. 139-143.

Алехин Ю.П. Аварийные поселения эпохи бронзы в Новошуйбинском районе Семипалатинской области (Рудный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. — Барнаул, 2000. — Вып. XI. — С. 140-144.

Алехин Ю.П., Дёмин М.А. Охранные работы 1991 г. на Рудном Алтае

// Охрана и изучение культурно-исторического наследия Алтая: тез. конф. — Барнаул, 1993. — Ч. II. — С. 235-238.

Алехин Ю.П., Дёмин М.А., Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Охранные работы 1990 г. на Рудном Алтае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: тез. докл. к конф. — Барнаул, 1991. — С. 18-23.

Алехин Ю.П., Дёмин М.А., Илюшин А.М. Некоторые результаты исследований на Рудном Алтае // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992. — С. 135-140, 229-233.

Алехин Ю.П., Илюшин А.М. Отчет о полевых работах 1988 г. Семипалатинской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета в Новошуйбинском и Бородулихинском районах Семипалатинской области КазССР // Рукописный архив ИА КН МОН РК.

Алехин Ю.П., Илюшин А.М. Исследования в Семипалатинской области // Маргулановские чтения: сб. матер. конф. — Алма-Ата, 1989. — С. 212-214.

Алехин Ю.П., Илюшин А.М. Уйгурские курганы IX-X вв. на Рудном Алтае // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. — Кемерово-Гурьевск, 1998. — С. 207-219.

Алехин Ю.П., Шульга П.И. Кондратьевка XXI – новый памятник раннескифского времени на Рудном Алтае // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – № 10. – С. 62-70.

Демин М.А. Курган «Золотарь» // Археология Сибири: Историография. – Омск, 1995. – Ч. I. – С. 67-74.

Трифонов Ю.И., Илюшин А.М., Алехин Ю.П. Новые археологические материалы по истории кыпчаков Казахстана // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово-Гурьевск, 1998. – С. 220-233.

Түйін

Кемерово мемлекеттік университетінің Семей археологиялық экспедициясының жұмыстары автордың жетекшілігімен 1988–1993 жж. Қазақстан Ғылым академиясы Ш:Ш: Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнография институты мен Кемерово мемлекеттік университеті арасындағы ынтымақтастық жөніндегі келісімшартқа сәйкес бұрынғы Семей облысында жүргізілді. Новошұльба, Бородулихин және Бесқарағай аудандары зерттелді. Осы жұмыстардың нәтижесінде бұрын белгісіз болып келген 100 астам, көпшілігі құжатталған археологиялық ескерткіштер ашылып, зерттелді. Көптеген обаларға қазба жүргізіліп, энеолит, қола, ерте темір және орта ғасыр дәуірлерінің қоныстары зерттелді. Бұл зерттеулер Шығыс Қазақстанның ежелгі және орта ғасыр тарихын жаңа мәліметтермен едәуір толықтыратын маңызды ғылыми ашылулар жасауға мүмкіндік береді. Тұрғындары түсті металл өндірісі мен одан бұйым жасаумен маманданған энеолит дәуірінің (б.з.д. IV мыңжылдықтың соңы – III мыңжылдық) қонысы ашылды. Материалдары бойынша б.з.д. VII ғ. соңы – VI ғ. басындағы күрделі ат-әбзелді жылқысы қалпына келтірілген ерте сақ уақытының обасы зерттелді. Новошұльба ауданынан XVIII ғ. орыстың төбе қазғыштары 20 кг алтын бұйым тапқан атақты «Золотарь» («Пудовик») патша обасы екінші қайтара ашылып, қазылды. Бұл обаның алғашқы бийіктігі шамамен 8 м, ал диаметрі – 82 м болған. IX–X ғғ. жататын ерте ортағасырлық обаларды зерттеу жерлеу құрылымының сипаты, дәстүрі мен мүлкі бойынша қимақ обаларының арасынан ежелгі ұйғыр жерлеу орындарын бөлуге мүмкіндік берді. Дәл осы нақты археологиялық материалдар ортағасырлық жазба деректердегі 840 ж. енесей қырғыздары қағанатын талқандағаннан кейін батысқа қашқан ұйғырлардың (қимақ-югур) бірқатар бөлігі кірген Қимақ қағанаты халықтарының этникалық құрамы біртекті еместігі жөніндегі мәліметтерді дәлелдей түседі. Қимақ және ұйғыр ақсүйектерінің қабірін зерттеуде будда және манихей символикасы (синкретикалық түрдегі) сипатындағы заттардың табылуы қазіргі Шығыс Қазақстан аумағына IX–X ғғ. осы әлемдік діннің таралғандығын көрсетеді. Осы уақытта Қимақ қағанатының бұқара халқы шамандық ілімде қалған. Шығыс Қазақстанның ерте ортағасырлық обаларын зерттеу IX–X ғғ. аймақта қоныстанған халықтардың дүниетанымы мен этносаяси жағдайын қалпына келтіруге мүмкіндік береді. Автор қазақстандық әріптестеріне оның жұмысына барынша көмектескені үшін алғысын айтады және ары қарайғы жемісті ынтымақтастыққа үміт артады.

Summary

The works of the Semipalatinsk archeological expedition of the Kemerovo State University were conducted under the direction of the author in the former Semipalatinsk area in 1988-93 in accordance with agreement on cooperation between Institute of the history, archeology and ethnography im. CH.CH. Valikhanov Academies of Sciences of Kazakhstan and Kemerovo State University. Novoshulba, Borodulikha and Beskaragai districts were researched. As a result of these works more than 100 of archeological monuments were discovered and examined, the most of them were given passports. Many burials mound were excavated and settlements of copper-stone, bronze, early iron and muddle ages were explored. These explorations permitted to make important scientific discoveries, to add new information to ancient and medieval history of East Kazakhstan. The settlements of copper-stone age (the end IV-III millenniums BC), specialization of the population of these settlements was a production of the non-ferrous metals and product of them, were discovered. A barrow of early Scythian time was explored, the materials of that exploration permitted to reconstruct the complicated harness of the saddle-horse of the end of the VIIth to the beginning of the VIth century BC. In Novoshulba district the famous «Zolotar» («Pudovik») tsarist burial mound was discovered and excavated for the second time; russian excavators of the XVIIIth century had extracted more than 20 kgs of gold things. The initial hight of this burial mound was beside 8 metres, and its diameter was 82 metres. The exploration of early medieval burial mounds of the IX-X centuries, especially the exploration of their burial constructions, rites and stock permitted distinguish ancient Uygur interments among Kimak burial mounds. Thus the concrete archeological material has corroborated the data of medieval written sources about the heterogenous ethnic structure of the population of the Kimak Kaganat and about the entry of some part of Uygurs (Kimak-Uygurs) into; took to flight to the west after Yenisey Kyrgyzes routed their kaganat in 840. In explored burials of Kimak and Uygur aristocracy some items with characteristic buddhistic and manikhey symbols were found religion on the territory of present East Kazakhstan in the IXth-Xth centuries. At the some time the common population of the Kimak Kaganat remained shamanists. The exploration of early medieval burial mounds in East Kazakhstan has permitted to reconstruct the ethnopolitical situation and worldoutlook of peoples, inhabiting the region in the IXth-Xth centuries. The author thanks the Kazakhstan,s colleagues for every kind of assistance and expresses his hope for subsequent fruitful cooperation.

Полякова Е.А.

Наследие А.Х. Маргулана в современном изучении культовых памятников эпохи бронзы

Более 30 лет назад увидела свет работа А.Х. Маргулана «Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана», в которой отдельная глава была посвящена культовым камням, отнесенных автором к эпохам от неолита до поздней бронзы. Эту главу можно рассматривать как обобщающие данные многолетних полевых исследований. Фактически, после этой публикации А.Х. Маргулана не выходило системных археологических исследований, посвященных менгирам, аллеям и комплексам менгиров, относящихся к эпохе бронзы нашего региона. Вероятно, это связано, в первую очередь, с их малой информативностью: практически полностью отсутствующие следы художественной подработки, бедный культурный слой, сложность хронологической и культурной атрибуции. Все перечисленные причины привели к тому, что этот интереснейший вид степных древностей оказался незаслуженно обойден вниманием археологов. А между тем, изучение культовых камней дает нам новое представление о понятии «площадки памятника», как поселения, так и могильника, служа своеобразным репером освоенного пространства, об эстетике и мировоззрении древнего населения наших степей. А.Х. Маргуланом были сделаны ценные наблюдения и о своеобразной топографии и морфологии степных менгиров.

В настоящий момент накоплен значительный материал по данному виду древностей, собранный, в основном, в степных районах Южного Зауралья, а также Оренбуржья и Башкортостана. Полностью исследована лишь небольшая часть. Аллеи менгиров: Степное (Рубе, 1982); Утяганская (Таиров, 1988); Симбирская (Любчанский, 1990); Наровчатская (Григо-

рьев, 1996); Черкасинская (Петров, 2001); Чека I (Петров, 2002); комплекс менгиров Ахуново (Петров, 2003); одиночные менгиры: Черкасинский (Куприянова, 2002); Система VIII (Петров, 2001); Лисьи горы (Петров, 2003); Каменный Амбар (Епимахов, 2001). С 2009 г. ведутся раскопки аллеи менгиров Чека II в Кизильском районе Челябинской области. Это исследование еще не завершено, но материал, полученный нами, заставляет снова обратиться к работам Алькея Хакановича и по-новому взглянуть на материалы исследований, полученные более полувека назад. Проведенное сравнение позволяет еще раз подтвердить уже высказывавшийся вывод о том, что культовые камни Казахстана и степного Зауралья имеют единую хронологическую и культурную атрибуцию. Сходство прослеживается и в морфологии, и в топографии, и в обрядовой составляющей памятников. Можно много спорить об интерпретации культовых камней эпохи бронзы, однако, некоторые наблюдения, сделанные А.Х. Маргуланом, находят свое дальнейшее подтверждение, и многие его гипотезы обнаруживают новые аргументы.

На некоторых хотелось бы остановиться подробнее.

1. Назначение. По-мнению А.Х. Маргулана, менгиры являлись языческими святилищами. Свой вывод он обосновывает материалами раскопок – наличием «следов поклонения огню в виде кострища» (Маргулан, 1979, с. 277). До последнего времени достоверные следы обрядов с использованием огня были зафиксированы на 7 памятниках – одиночных менгирах Черкасинский (Куприянова, 2002), Система VIII (Петров, 2002), Каменный Амбар (Епимахов, 2003); аллеях менгиров Симбирская (Поляко-

ва, Любчанский, 2004), Песчанская (Алаева, 2002), Наровчатская (Григорьев, 1996), Степное (Рубе, 1982). На 4 памятниках зафиксированы фрагменты трупосожжения или неопределимые кальцинированные кости, 3 памятника содержали угли или фрагменты обожженного грунта (Песчанская). На остальных ранее раскопанных памятниках следов огненных ритуалов обнаружено не было.

В 2011 г., нами были получены неожиданные и интересные результаты. В ходе раскопок аллеи менгиров Чека II было расчищено несколько стел и их фрагментов, а также камней, вероятно, обработанных с целью придания антропоморфной или зооморфной формы. Некоторые крупные камни уложены плашмя. При внимательном изучении было установлено, что все камни были сильно обожжены. Следы огня были установлены археологами и геологами. Первоначально предположение об утилитарном характере термической обработки (с целью облегчить раскалывание камней) было отмечено, так как камни обожжены со всех сторон, в том числе и на гранях сколов, а также в раскопе обнаружены каменные изделия, побывавшие в огне. Почвенный слой, в котором расположены камни, также содержит визуальные следы огня, однако, более точно это можно будет сказать после проведения соответствующих анализов.

Однако уже сейчас можно высказать предположение, что незначительные следы огненных ритуалов могли быть не зафиксированы в силу бедного культурного слоя, а также топографических особенностей расположения памятников: практически везде на территории степного Зауралья, также как и в Казахстане (Маргулан, 1979, с. 277), они устанавливались на склоне холмов – приподнятых участках вблизи древних поселков. Воды, сходящие весной по склону холма, вероятно, вымывали следы ритуальных действий.

2. Морфология. А.Х. Маргуланом было выделено несколько морфологических особенностей степных менгиров. Эти особенности встречаются и на Зауральских культовых камнях: «округлые, не имеющие четких геометрических очертаний; высокие четырехгранные

стелы, в сечении близкие к квадратной форме; высокие уплощенные стелы с зачатками стилизации морды животных, обращенной к небесам; уплощенные стелы средних и малых размеров с полуциркульным завершением». Четвертый тип культовых камней Центрального Казахстана автор определяет по внешним признакам как наиболее ранний: «Менгиры ранней эпохи (неолит, энеолит) очень грубы, ставились из натуральных глыб камня, без какой-либо обработки, причем массивным концом вверх. Вследствие этого они дошли до нас в наклонном положении» (Маргулан, 1979, с. 278) При этом А.Х. Маргулан прослеживает изменение формы камней от более простой – к более сложной, от геометрической, с грубой подтеской, к сложной, фактически скульптурной обработке камня, с приданием ему зооморфных черт (Маргулан, 1979, с. 294). Еще одной любопытной чертой является саблевидная, скошенная форма наверхней стел, однако, эту особенность подмечают многие исследователи культовых камней разных эпох, усматривая в ней и антропоморфные, и фаллические черты (например, Килуновская, Семенов, 1999; Кореневский, 1999, др.). А.Х. Маргулан высказал предположение, что такая форма имеет зооморфный характер, являясь как бы начальных этапов развития традиции установки более сложно обработанных «бараньих камней».

Учитывая, что памятники, открытые в Южном Зауралье, можно с известной долей уверенности датировать эпохой поздней бронзы, попробуем осуществить попытку сравнения их с поздним типом стел, выделенным А.Х. Маргуланом. Принимая во внимание выводы как предыдущих исследователей, например, М.П. Грязнова и В.И. Мошинской, так и самого А.Х. Маргулана, о характерной для эпохи бронзы условности и стилизации изображений (при этом геометризм выделяется как черта, характерная именно для андроновского населения), многие из видов обработки зауральских менгиров, несомненно, можно рассматривать как условно антропоморфные или зооморфные. Такая обработка камней наблюдается на памятниках Симбирская, Чека II, Ахуново и других. При раскопках, в частности, аллеи менгиров

Чека II, были расчищены обожженные камни, явно подвергнутые обработке, с целью придать зооморфный облик. Однако следует оговориться, что для зауральских памятников также характерно встречаемость в одном комплексе (например, аллее менгиров) нескольких морфологически различных камней – это могут быть и грубообработанные стелы, и плиты, и камни с явными следами обработки и стилизации. Не останавливаясь подробно, можно сказать, что и этот аспект изучения культовых камней ждет своего дальнейшего изучения.

3. Топография. Выделенная А.Х. Маргуланом такая особенность, как местонахождение менгиров на возвышенных площадках, вблизи поселений и некрополей, в полной мере относится и к зауральским памятникам. К сожалению, в обобщающей работе А.Х. Маргулана отсутствуют более точные данные о расстоянии, высоте и ориентировке стел относительно поселенческих и погребальных памятников в Казахстане. В настоящий момент в Южном Зауралье накоплен достаточный материал, который позволяет, во-первых, в полной мере подтвердить выводы о непосредственной связи менгиров с памятниками поздней бронзы, во-вторых, уточнить характер этого расположения. См. диаграммы 1 и 2.

Диаграмма 1

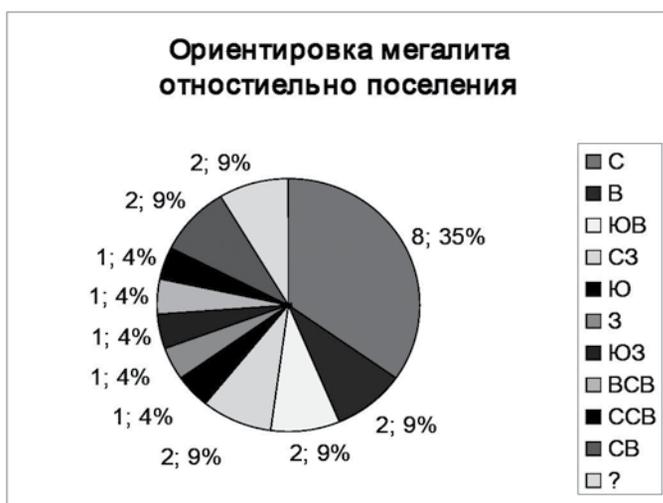

Диаграмма 2

Эти данные позволяют по-новому взглянуть на взаимоотношение древнего населения наших степей с пространством, более широко рассматривать понятие «площадка памятника». Менгиры можно рассматривать как маркеры границ, освоенной человеком территории. Также можно высказать предположение об особой сакральности той или иной стран света. Таким образом, эти материалы дают дополнительную информацию для изучения мировоззрения населения степей в эпоху бронзы. И, конечно, выделенные А.Х. Маргуланом особенности построения аллей менгиров – вереницей запад-восток, при встречающихся также «незамкнутых колец». В Южном Зауралье подобная разновидность аллей менгиров была выделена как выгнутые к северу аллеи менгиров.

Все перечисленные параллели между памятниками Казахстана, опубликованными А.Х. Маргуланом, и зауральскими культовыми стелами, дают нам возможность сделать вывод о том, что работы Алькея Хакановича остаются актуальными и в настоящее время, и ждут своего продолжения. Возможно, совместное изучение российскими и казахскими археологами такого интереснейшего вида памятников как менгиры, аллеи и комплексы менгиров, позволит полноценно ввести их в научный оборот и получить новые материалы для изучения духовной и материальной жизни степных племен в эпоху бронзы.

Литература:

Григорьев С.А. Отчет «Аварийно-спасательные раскопки могильников Наровчатский I, II, Агаповский I, поселения Наровчатское, Аллеи менгиров, каменоломен». – Архив ГНПЦ Челябинской области. – Челябинск, 1996. – Т. 1.

Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы // АВ. – 1998. – № 5.

Корневский С.Н. Культ стопы у племен юга Восточной Европы и Предкавказья в эпоху энеолита и бронзы (археологические источники и некоторые вопросы развития древних верований) // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М., 1999.

Любчанский И.Э. Отчет «Археологические исследования в зоне строительства Ильясского водохранилища в Кизильском районе Челябинской области в 1990 г.». – Архив ЛАИ ЧелГУ. – Челябинск, 1991.

Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1979.

Петров Ф.Н. Раскопки мегалитических памятников в южных районах Челябинской области // Вестник Общества открытых исследований древности. – Челябинск, 2002. – Вып. 1.

Полякова Е.Л., Любчанский И.Э. Аллея менгиров у поселка Симбирка // Этнические взаимодействия на Южном Урале: матер. II региональной научн.-практич. конф. – Челябинск: ООО «Рифей», 2004. – С. 113-116.

Рубе А.А. Отчет о раскопках менгира у с. Степное. – Архив ЛАИ ЧелГУ. – Челябинск, 1983.

Таиров А.Д. Раскопки Утяганского менгира. Полевые материалы. – Архив ЛАИ ЧелГУ.

Түйін

Қола кезеңіне жататын менгирлер, менгирлер кешені мен аллеясы Еуразияның далалық аймақтарына айтарлықтай тараған ескерткіштердің түрі, бірақ, өкінішке орай, осы уақытқа дейін аз зерттеліп келеді. XX ғ. 70-жылдары ескерткіштің осы түріне аналитикалық шолу жасап зерттеген А.Ә. Марғұлан. Оның көптеген қорытындылары Орталық Қазақстан материалдарына жасалған. Бүгінде соңғы 10 жылда «Аркаим» тарихи-мәдени қорығының жүргізген кешенді экспедициясы діни тастарды жүйелі зерттеу барысында осыған ұқсас ескерткіштерді Орал даласынан тапты.

Summary

Menhirs, alleys and assemblages of menhirs related to the Bronze Age are pretty widespread types of monuments in the Eurasian Steppe but, unfortunately, types that remain poorly explored. A vivid analytical review of the study of this type of antiquity was made by Alkei Margulan in the 1970s. Many of his conclusions, based on materials from Central Kazakhstan, are now similarly repeated in the Trans-Ural steppes, following the regular explorations of cult stones by a comprehensive expedition organized by the Arkaim Historical and Cultural Reserve over the last 10 years.

Лагуткина Е.В., Мойкина Е.Г.

Наследие Ф.Х. Арслановой и А.А. Чарикова в Тверском государственном университете и Тверском музее

Каждый человек оставляет свой след в истории. Каждый археолог делает за свою научную жизнь множество открытий. Но только самые талантливые ученые, подвижники, учителя и наставники, несмотря на все испытания и тяготы, могут оставить богатое творческое наследие, куда бы они не были заброшены судьбой. Такими удивительными людьми, которые вызывали глубокое уважение, стали для тверских коллег и учеников Фирая Хабибулловна Арсланова и Алексей Алексеевич Чариков.

Воспоминания о них очень богаты, идеи их продолжают жить, их наследие на Тверской земле развивается и крепнет. Данная работа не только дань памяти этим прекрасным людям, но и возможность оценить тот вклад, который они сделали, в науку, образование, музейное дело и воспитание нескольких поколений специалистов.

Фирая Хабибулловна Арсланова родилась 10 марта 1934 года в г. Темир Актюбинской области Казахской ССР. После окончания школы в 1952 году поступила на исторический факультет Казахского Государственного университета им. С.М. Кирова в г. Алма-Ате. С 1956 года стала работать младшим научным сотрудником отдела археологии Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, где в 1960 году поступила в аспирантуру. Научным руководителем Ф.Х. Арслановой был академик АН Казахской ССР А.Х. Маргулан. В 1964

году Фирая Хабибулловна успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Археологические памятники Среднего Прииртышья» (Арсланова, 1964) В этот момент формируется особый интерес молодого ученого к изучению археологии эпохи средневековья, что станет научной темой Ф.Х. Арслановой на всю жизнь.

Проработав год в г. Кокчетаве, Фирая Хабибулловна переезжает в г. Усть-Каменогорск. Там с 1965 года началась педагогическая деятельность Ф.Х. Арслановой. В должности доцента кафедры истории СССР педагогического института ею были разработаны курсы «История Казахской ССР», «Основы археологии», спецкурс «Археология Казахстана» (Личный листок по учету кадров). С 1965 по 1973 гг. Фирая Хабибулловна возглавляла археологическую экспедицию Усть-Каменогорского пединститута. Были проведены масштабные раскопки погребальных памятников кимаков-кипчаков Восточного Казахстана (Азовка, Бобровка, Ждановка, Зевакино, Камышинка и др). Богатейшая коллекция, собранная в результате данных исследований, составила основу экспозиции отдела археологии Центрального государственного музея РК и Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея.

В 1974 году Ф.Х. Арсланова приехала в г. Калинин (Тверь), где на кафедре истории СССР исторического факультета Тверского госуниверситета начался новый этап ее творческой деятельности. Фирая Хабибулловна преподает курс «Основы археологии», руководит археоло-

гической учебной практикой, разрабатывает спецкурсы по славянской и финно-угорской археологии, истории древнерусской деревни. Фирая Хабибулловна стремилась совершенствовать преподавание археологии, повышать уровень подготовки специалистов историков и археологов. Ф.Х. Арсланова проходила неоднократно стажировки в Государственном Эрмитаже, МГУ, ИА РАН. Для педагогической работы на историческом факультете ТвГУ Фирая Хабибулловна привлекала ведущих археологов – В.В. Седова (спецкурс «Происхождение славян»), Ю.Л. Щапкову (спецкурс «Морфология древностей»), А.В. Успенскую, С.А. Плетневу, И.П. Русанову, А.Х. Халикова и др. (открытые лекции).

Преподавательская работа заняла особое место в жизни Ф.Х. Арслановой. За 35 лет педагогической деятельности Фираи Хабибулловны свыше 5000 студентов прослушали ее лекции и спецкурсы. Отзывы учеников и коллег единодушны: «Человек огромного трудолюбия, строгая и дисциплинированная в отношении к своему делу, она и от учеников требовала того же. Для многих Фирая Хабибулловна «открыла» археологию. Археологи, прошедшие «школу» Арслановой, работают теперь в разных городах и, волею судеб, в разных странах» (Памяти Ф.Х. Арслановой, с. 275).

Получили научную известность и значимость раскопки Избрижского могильника в Калининском районе Тверской области, которые проводила экспедиция Тверского государственного университета под руководством Ф.Х. Арслановой с 1975 по 1992 г. К выбору данного памятника как базового для проведения археологической практики студентов-историков Фирая Хабибулловна подошла очень тщательно. Хорошая

Торжественное вручение знака «Заслуженный работник культуры РСФСР» А.А. Чарикову (сидит третий слева). Награждение в помещении музея М.Е. Салтыкова-Щедрина – филиала ТГОМ. 1989 г.

сохранность памятника (140 курганов), близкое расположение от г. Твери, яркие материалы предыдущих раскопок, и интуиция ученого стали основанием для принятия решения.

Фирая Хабибулловна проявила себя как прекрасный организатор, талантливый начальник экспедиции, археолог-полевик, наставник, педагог. Уровень полевой методики, дисциплинированность, отточенность научных приемов, тщательность организации работы сделали археологическую практику ТвГУ при Ф.Х. Арслановой самым лучшим образцом научных археологических экспедиций на многие поколения.

Ф.Х. Арсланова сама следила за соответствием уровня полевой методики всем современным требованиям, и учила этому своих учеников. За время раскопок Избрижского некрополя произошли изменения приемов раскопок – от раскопок курганов по секторам и выявления рвов в траншеях до изучения подкурганных и межкурганных напластований эпохи неолита-бронзы и раннего железа (с 1977 г.) и полного исследования погребальных ровиков (с 1982 г.).

А.А. Чариков (сидит слева) с сотрудниками отдела фондов и музея М.Е. Салтыкова-Щедрина после награждения знаком «Заслуженный работник культуры РСФСР». 1989 г.

Фи́рая Хабибулло́вна ввела в археологическую практику работы охранного характера. В 1985 г. были исследованы памятники у д. Климово и д. Рогово в районе строительства Ржевского гидроузла. Новым было также проведение археологических практик в составе совместных экспедиций с другими образовательными и научными учреждениями: в 1979-1980 гг. — раскопки Маяцкого городища в Воронежской области в составе комплексной Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции, 1983 г. — экспедиция у горы Клин-Яр Ставропольского края.

Важной заслугой Ф.Х. Арслановой стало формирование научной (специальное оборудование, приборы) и хозяйственной (снаряжение полевого лагеря) базы археологической экспедиции ТвГУ, которая отсутствовала в 1974 г. полностью. Не было у первых участников экспедиций и необходимого опыта полевой работы. В данной ситуации, как и всегда, Фи́рая Хабибулло́вна не боялась доверять молодым, обучала и сплачивала вокруг себя заинтересованных студентов и сотрудников.

Постепенно формировалась группа студентов разных курсов, которые стали лаборантами археологической экспедиции и основой первого оформленного коллектива археологов в ТвГУ — «Археологического кружка». Студенты проводили обработку полевых материалов, полученных в ходе практики, осваивали различные приемы консервации и реставрации, описания и научного анализа археологических находок. Материалы полевых исследований становились основами докладов на конференциях, курсовых и дипломных работ, кандидатских диссертаций. Студенты перенимали передовой опыт исследований разнообразных вещей у самых ведущих специалистов-археологов, так как Фи́рая Хабибулло́вна часто привлекала их для определений и анализа полевых материалов. Специалисты ИА РАН проводили определения пола и возраста погребенных (Т.В. Томашевич, Н.А. Гончарова), монет (А.С. Беляков, Т.В. Равдина и др.), дерева (Н.Б. Черных), железных предметов (М.М. Толмачева), текстиля (А.К. Елкина), специалисты

МГУ – определения бус (Ю.Л. Шапова), монет (Г.А. Федоров-Давыдов) и др.

Первые результаты научной работы члены археологического кружка представляли на открытое обсуждение в другие подобные коллективы. Совместные заседания археологических кружков проходили в Псковском государственном пединституте (научный руководитель кружка – И.К. Лабутина), в Ярославском пединституте (руководитель кружка – Я.В. Станкевич). Знакомство между студентами разных ВУЗов переросло в дальнейшем в крепкую дружбу и длительное научное сотрудничество.

Многие члены археологического кружка влюбились в археологию на всю жизнь и стали профессиональными археологами: А.Н. Хохлов – директор Тверского научно-исследовательского историко-археологического и реставрационного центра), Е.В. Лагуткина (Скукина) – заведующая Лабораторией по археологии ТвГУ, П.Д. Малыгин – руководитель Новоторжской археологической экспедиции, А.А. Момбекова – старший научный сотрудник ТНИИР-Центра, О.Н. Хохлова – директор центра Дополнительного образования ТвГУ, Е.Г. Мойкина – заведующая отделом фондов ТГОМ и др. Они развивают те направления работы, которые определила Ф.Х. Арсланова. Они прошли настоящую «школу» командной работы, получили методические навыки и опыт организации учебного процесса и научной деятельности, которые были поставлены у Ф.Х. Арслановой на самый высокий уровень.

В науке и жизни Фирая Хабибулловна придерживалась тех позиций, в правоте которых была убеждена сама. В основании этой убежденности всегда была незаметная посторонним большая черновая работа. Коллег поражала широта ее интересов в науке. В научной деятельности Фираи Хабибулловны удивительным образом соединялось изучение двух средневековых культур – кочевнической и славянской. Активно работая над изучением древнерусских погребальных памятников, Фирая Хабибулловна продолжает публиковать материалы и исследования по археологии Казахстана, а также работы, посвященные истории древнерусской

деревни. Эти два направления объединились интересом прежде всего к этнической истории, методикой исследования, а также кропотливым, тщательным анализом источников (Памяти Ф.Х. Арслановой, с. 275).

Этому она также учила своих дипломников. Совместно со студентами было начато апробирование новых методов формализовано-статистического анализа источников, унифицированного описания, создание компьютерных баз данных памятников археологии, развитие этноархеологии. Многие из этих начинаний нашли продолжение в кандидатских диссертациях ее учеников (Скукина, 1997; Степанова, 2003), тематике спецдисциплин по археологии («Этногенез народов Восточной Европы: проблемы интерпретации историко-археологических объектов» – спецкурс в магистратуре исторического факультета (доцент Е.В. Лагуткина).

В списке опубликованных научных работ Ф.Х. Арслановой 73 названия. (Жукова, Степанова, 2003, с. 397-400). Среди наиболее значимых – исследование материальной культуры тюркоязычных племен VII-XII вв. н.э. на территории Прииртышья (Арсланова, 1968) и проблем раннесредневековой истории Тверского Поволжья (Арсланова, 1991).

«Археология Верхневолжья и история археологических исследований в Тверском крае» стали еще одной важной научной темой в деятельности Ф.Х. Арслановой (Арсланова, Скукина, 1999) и также была продолжена ее учениками (Лагуткина, 2003; Жукова, 2002; Жукова, Степанова, 2010). Большой вклад в систематизацию информации по изучению памятников Верхневолжья внесла публикация библиографического указателя археологической литературы в 1990 г. (Указатель литературы, 1990). Данное издание стало продолжающимся также силами учеников Ф.Х. Арслановой (Указатель литературы, 2004).

Фирая Хабибулловна была человеком исключительной энергии, которая проявлялась в ее организационной деятельности. Ф.Х. Арсланова устанавливала и развивала тесные связи с университетами и научными центрами страны. Она принимала участие в международных экс-

педициях, являлась руководителем межвузовских научных студенческих конференций, работала на семинарах славяно-русского сектора Института археологии РАН, была редактором научных изданий, в которых участвовали ведущие археологи столичных и региональных институтов (Археологические памятники, 1993; Керамика, 1991).

В последние годы жизни все ее силы были направлены на создание Кабинета археологии и Музея археологии на историческом факультете Тверского госуниверситета. Большой фонд специальной литературы, собранный Ф.Х. Арслановой, давал необходимую основу для качественной подготовки студентов по различным направлениям археологической деятельности. Кабинет археологии был создан в 1994 г. Коллекция, собранная Ф.Х. Арслановой в результате многолетних экспедиций, включала 6000 археологических предметов, потребность оформить хранение и экспонирование археологических древностей была обозначена Фираей Хабибулловой перед администрацией ТвГУ в начале 1990-х гг. (Жукова, Степанова, 2003). Благодаря практичности и деловым контактам Фирай Хабибулловой, энергичности и преданности ее помощников, работа по созданию музея (выделение финансирования, ставок персонала, оформление документов, помещения, выставки и др.) была завершена и 19 января 1995 г. был официально открыт Археологический Музей ТвГУ (Приказ, 1995). 25 марта 1995 г. Ф.Х. Арслановой не стало, а Археологический музей университета назван ее именем.

Таким образом, при Ф.Х. Арслановой археология из одной дисциплины учебного плана исторического факультета ТвГУ стала одним из наиболее развитых учебных и научных направлений. Совершенствование преподавания археологии, развитие учебной археологической практики, организация Кабинета археологии сделали возможным открытие в 1998 г. на историческом факультете нового направления подготовки археологов по дополнительной образовательной программе – Специализация «Археология» (11 спецдисциплин).

Результаты деятельности Ф.Х. Арслановой в Тверском госуниверситете являются серьезным научным вкладом в археологию, вплоть до настоящего времени оказывающим влияние на развитие ее отдельных направлений (изучение погребальных средневековых памятников, археологии Верхневолжья, этнической истории, вещеведения).

Наиболее яркое наследие Ф.Х. Арслановой в Тверском госуниверситете – это ныне действующий Музей археологии. Он востребован как научно-образовательный центр студентами, школьниками, специалистами – историками, археологами, краеведами. Яркие материалы о культуре тверских кривичей из раскопок Ф.Х. Арслановой могли бы стать украшением экспозиции любого музея и являются уникальными экспонатами Музея археологии ТвГУ.

Важнейшей заслугой Ф.Х. Арслановой является то, что она смогла воспитать из студентов ТвГУ учеников и последователей, для которых археология стала также делом всей жизни. «Эмоциональный, порой импульсивный человек, в отношениях с коллегами и учениками она старалась быть терпеливым, добрым другом. С необычайной стойкостью она переносила выпавшие на ее долю трудности. Энтузиазм, подвижничество «горение», с которыми Фирая Хабибуллова вела свою работу, вызывает глубочайшее уважение к ней, как к ученому, учителю и человеку» (Памяти Ф.Х. Арслановой, с. 275).

В 2002 г. в Тверском госуниверситете была создана Лаборатория по археологии. Заведующей лабораторией стала ученица Ф.Х. Арслановой доцент, к.и.н. Елена Викторовна Лагуткина (Лагуткина, Свиринов, 2008). Лаборатория проводит археологические разведки, раскопки, надзор и экспертизу во всех районах Тверской области и других регионах РФ. Лаборатория сотрудничает со всеми ведущими научными и образовательными учреждениями по археологии, Администрацией Тверской области, хозяйствующими субъектами. В лаборатории работают 3 кандидата исторических наук по специальности «Археология», ежегодно в экспедициях лабо-

А.А. Чариков с сотрудниками отдела фондов. 1998 г.

ратории принимают участие более 200 студентов. Сейчас лаборатория по археологии – бренд Тверского госуниверситета, один из ведущих археологических центров Тверского региона, это коллектив единомышленников – студентов и сотрудников ТвГУ, который развивает дело, начатое Ф.Х. Арслановой, всегда помнит своего учителя и наставника.

В трудных жизненных ситуациях, при решении сложных организационных вопросов, в период научных исканий и сомнений на помощь Фирае Хабибулловне всегда приходил самый надежный друг и соратник – муж Алексей Алексеевич Чариков.

Начиная с первых самостоятельных экспедиций в Восточном Казахстане и до последнего полевого сезона в 1992 г. в Избрижье, Алексей Алексеевич помогал жене: участвовал в организации экспедиций, обучал студентов и сотрудников, проводил фотофиксацию, создавал благоприятный микроклимат в коллективе. Его очень хорошо знали студенты и сотрудники

исторического факультета Тверского госуниверситета. Его опыт музейного работника особенно помог при создании Музея археологии в ТвГУ (консультации по первичному учету, ведению документации, организации фондов, реставрации, созданию экспозиции). Фирая Хабибулловна и Алексей Алексеевич глубоко понимали научные проблемы друг друга. Хорошее знание изучаемых супругами памятников археологии и музейных коллекций делают их полноправными соавторами многих идеи и решений (Арсланова, Чариков, 1974, 1978). Они жили интересами друг друга, у них были общие коллеги, друзья, ученики.

Алексей Алексеевич Чариков родился 21 марта 1929 г. в г. Зарайске Московской области. Свою трудовую биографию начал в 1945 г. в г. Зарайске на фабрике «Перо-пух» и кирпичном заводе. С 1949 по 1954 гг. проходил срочную службу в Приморском крае в рядах ВМФ (на Тихоокеанском флоте) в должности радиотелеграфиста. В 1955 г. переехал в Казахстан.

До 1963 г. работал в г. Алма-Ата лаборантом Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, а также реставратором археологических материалов, участвовал в экспедициях. С целью повышения квалификации реставратора проходил стажировки в реставрационных мастерских Эрмитажа и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Затем по семейным обстоятельствам переехал сначала в г. Кокчетав, а затем в г. Усть-Каменогорск, где с 1964 по 1967 г. работал на Свинцовоцинковом комбинате. В этом же городе с 1967 по 1974 г. работал главным хранителем областного краеведческого музея. Занимался выявлением, постановкой на учет и организацией охраны памятников, комплектованием фондов, созданием экспозиций, а также руководил школьным кружком «Юный археолог». Участвовал в совместных археологических экспедициях Восточно-Казахстанского музея и Усть-Каменогорского пединститута. Публиковал статьи по археологии и краеведению в научных журналах и областных газетах. Заочно окончил в 1974 г. исторический факультет Усть-Каменогорского педагогического института и получил диплом историка (Архив производственный, оп. 3).

Алексей Алексеевич Чариков приехал в Калинин (ныне Тверь) вслед за своей женой в 1974 г. Уже имея опыт музейной работы, он пришел работать в Калининский областной краеведческий музей на должность научного сотрудника отдела фондов (отдел состоял из трех человек), а в 1975 г. назначен главным хранителем. Любой музейщик знает и понимает, что фонды это, безусловно, главная составляющая музея. От их состояния, учета, комплектования и сохранности во многом зависит, какие в музее будут выставки, экспозиции. Алексей Алексеевич начал планомерную работу по систематизации и учету фондовых коллекций.

В 1977 г. было создано объединение музеев Калининской области и музей получил свое новое название Калининский государственный объединенный историко-архитектурный и

литературный музей, а с 1991 г. – Тверской государственный объединенный музей (ТГОМ). Тверской музей является Главным музеем объединения (численность фондов около 700 тыс. единиц хранения), в которое другие музеи вошли на правах филиалов. В настоящее время ТГОМ насчитывает 33 филиала по всей области. Одной из задач централизации музейного дела в Тверской области стало не только построение в районных музеях принципиально новых в научном и художественном отношении музейных экспозиций, но и организация качественного учета новых поступлений. К созданию экспозиций в филиалах были привлечены сотрудники всех научно-экспозиционных отделов и фондов Тверского (Главного) музея, тверских художников и реставраторов.

В 1970-х гг. состояние фондов Тверского музея было крайне тяжелым: музейные коллекции располагались в холодном здании, без какой-либо систематизации, документация велась от случая к случаю. Была налажена система документирования новых поступлений с легендой о предметах, передача в экспозиционные отделы стала осуществляться с актами выдачи, была создана тематико-хронологическая и предметная картотеки. Была создана экспертная фондовая комиссия, которую возглавил директор музея И.М. Бружеставицкий. В нее вошли наиболее опытные сотрудники, в том числе и Алексей Алексеевич. Он боролся против «захламленности фондов малозначительными предметами и документами». В 1982 г. фондовые коллекции окончательно переехали во флигель Путевого дворца, где была система отопления и водоснабжения. Появились условия для отдельного хранения различных групп музейных собраний.

В 1984 г. Министерство культуры СССР разработало «Инструкцию по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР» с целью создания единой системы учета, научной инвентаризации, хранения и реставрации музейных предметов, входящих в состав музейного фонда. Она пол-

ностью регламентировала деятельность музея и, в частности, фондовой работы. В 1986 г. Алексей Алексеевич организовал и осуществил передачу на ответственное хранение сотрудникам отдела фондов музейных предметов по определенной системе. Были выделены крупные группы хранения, внутри которых было более дробное деление по видам материалов (например, коллекция «Дерево», «Изобразительное искусство», «Нумизматика», «Ткани. Кожа», «Редкая книга. Документы досоветского периода» и т.д.).

Основу современной археологической коллекции Тверского музея (400 тыс. единиц хранения) составляют предметы, полученные в ходе работ различных археологических экспедиций на территории Тверской области. Значительную часть коллекции составляют материалы, полученные в ходе разведок и раскопок, проведенных Верхневолжской экспедицией ИА под руководством Д.А. Крайнова и Л.В. Кольцова, Калининского отряда экспедиции (Ю.Н. Урбан, И.Г. Портнягин) в различных районах области. Результаты работы экспедиций ТГОМ, ТвГУ (группа по составлению Свода памятников археологии Тверской области), ТНИИР-Центра (рук. А.Н. Хохлов), экспедиций ИА РАН под руководством Л.В. Кольцова, М.Г. Жилина, И.В. Ислановой, В.А. Бурова также нашли свое место в фондах Тверского музея.

Реорганизация отдела фондов, связанная с передачей коллекций на ответственное хранение сотрудниками, позволила хранителям тщательнее изучать свою коллекцию, специализироваться в узкой области, начать научную инвентаризацию – вторую степень учета. Известно, что «научная инвентаризация музейных собраний неразрывно связана с первичным учетом, ибо уже на стадии комплектования устанавливаются основополагающие принципы научного документирования» (Лашкевич, 1978). Квалификация научных сотрудников отдела фондов позволяла выполнять в полной мере поставленные перед ними задачи.

Алексей Алексеевич всегда предоставлял своим сотрудникам возможности для повышения квалификации и профессионального роста.

Особой заслугой А.А. Чарикова было введение обязательного документального оформления передвижения музейных предметов не только в Тверском музее, но и внутри объединения. Вот выдержка из воспоминаний бывшего директора музея Израиля Моисеевича Бружеставицкого (1922-2006): «Коренное улучшение фондовой работы в объединении, которого мы все же добились, – результат, в первую очередь, деятельности А.А. Чарикова... Ранее начатая фиксация поступлений и выдачи актами приема-передачи, при Алексее Алексеевиче приобрела характер четкой системы... В отделе фондов постепенно укрепилась группа преданных ему фондовиков» (Бружеставицкий, 1998).

Именно при А.А. Чарикове в отделе фондов был сформирован сектор учета, главной задачей которого было наладить учет поступлений в Тверском музее и в филиалах объединения. Особенно это касалось музеев, где изначально сложились свои фондовые коллекции. Принцип единого учета осуществлялся за счет сводной учетной картотеки и сличительных ведомостей. Картотека была необходима для полного представления о составе музейного фонда объединения в целом. Была разработана форма карточки, с обязательным фотоснимком. Ход формирования картотеки был на контроле не только у директора музея, но и в областном Управлении культуры, отчеты по фондам регулярно заслушивались на коллегии Управления. А.А. Чариков начал организационную и методическую подготовку к проведению плановых сверок в филиалах объединения. В комиссиях по сверкам работали все сотрудники музея, но возглавляли их исключительно сотрудники отдела фондов. Методика отработывалась на практике, результаты были обобщены и сформулированы в виде Инструкции.

А.А. Чариков был требовательным главным хранителем, придирчиво оценивал работу сво-

их сотрудников. Результатом всей его работы стала отлаженная система первичного учета музейных предметов, что обеспечивало их сохранность и широкие возможности для использования в создаваемых экспозициях и выставках.

Администрация музея оказала значительную помощь в организации работы отдела фондов, увеличив штат до 22 человек, включив в него 8 реставраторов. Алексей Алексеевич не только по должности стал одной из центральных фигур в коллективе музея, но и пользовался всеобщим уважением. За заслуги в области культуры и музейного дела и многолетнюю плодотворную работу Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР» в 1988 г.

После выхода на пенсию в 1989 г. он продолжает работать в отделе фондов, становясь хранителем коллекции «Афиши. Плакаты. Карты. Планы». Уже в 1988 г. началась практическая работа по созданию Унифицированного паспорта музейного предмета для ЭВМ. Одним из первых он оформил унифицированные паспорта на свою коллекцию, сделал подробные описания и сфотографировал предметы. Выступал с докладами на совещаниях и конференциях, посвященных внедрению новых информационных технологий и компьютеризации фондов. Занимается составлением списков и справочных материалов по своей коллекции. Всегда помогает новым сотрудникам в овладении навыками фондовой работы, консультирует экспозиционеров объединения. Много пишет и публикует материалы по музееведению и археологическим исследованиям в Казахстане и Тверской области.

Внезапная смерть Алексея Алексеевича 10 сентября 2001 г. стала сильным ударом для всех сотрудников фондов. Из воспоминаний коллег: «Выходя на работу после летних отпусков, мы всегда живо интересовались и обсуждали, что произошло нового в отделе, делились радостным и горьким, были настоящей семьей.

На всех капутниках он был заводилой — пел и вальсировал со всеми женщинами отдела, читал стихи, никогда не отказывался «сыграть костюмированную роль». Невозможно себе представить, что этого статного, голубоглазого, седого и всегда веселого «морячка» уже нет».

Сегодня в отделе фондов работает 25 научных сотрудников, это хранители коллекций и сотрудники сектора учета, выделено 14 самостоятельных фондов и научный архив музея. Многие из тех, кто работает сейчас, окончили исторический факультет ТвГУ в разные годы, проходили археологическую практику у Ф.Х. Арслановой и начинали работать в отделе еще при А.А. Чарикове. После его ухода на пенсию Главным хранителем стала Н.И. Мишенькина, ранее хранившая коллекцию «Керамика. Стекло», заведующая сектором учета В.А. Михалева, старший научный сотрудник М.В. Сбитнева и заведующая сектором хранения вещественных памятников Е.А. Снегирева работают более 25 лет в отделе. Заведующей отделом фондов стала Елена Геннадьевна Мойкина, дипломница Ф.Х. Арслановой, ученица и коллега А.А. Чарикова. Отрадно, что в музей и отдел фондов продолжают приходить молодые специалисты — выпускники истфака ТвГУ и ГАСК. Наша задача сохранить преемственность поколений, сделать из них таких же преданных музейному делу специалистов, каким был Алексей Алексеевич Чариков.

Союз Фираи Хабибулловны Арслановой и Алексея Алексеевича Чарикова был не только семейным, но и творческим союзом ученых и единомышленников. Они внесли неоценимый вклад в развитие науки, образования и музейного дела. Вырастили несколько поколений специалистов, которые стали хранителями и продолжателями их научного наследия. Память о них мы всегда будем хранить в наших сердцах.

Литература:

Арсланова Ф.Х. Археологические памятники Средне-го Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1964.

Арсланова Ф.Х. Некоторые проблемы раннесредневековой истории Тверского Поволжья // Историческое краеведение: вопросы преподавания и изучения. – Тверь, 1991. – С. 54-65

Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII-XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1968. – С. 98-112

Арсланова Ф.Х., Скукина Е.В. Роль Тверской ученой комиссии в археологическом изучении Тверского края // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Тверь, 1999. – Вып. 3. – С. 249-253.

Арсланова Ф.Х., Чариков А.А. Исследования у д. Избрижье // АО-1977. – М., 1978. – С. 47-48.

Арсланова Ф.Х., Чариков А.А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. – 1974. – № 3. – С. 220-235.

Археологические памятники на Верхней Волге. – Тверь, 1993.

Архив производственный ГУК ТГОМ. Д. 147, св. 6, оп. 3.

Бружеставицкий И.М. Воспоминания бывшего директора (1967-1983). На правах рукописи. – Тверь, 1998. – С. 362. Тв.М КП 25765.

Жукова Е.Н. Деятельность А.Н.Вершинского по археологии Тверского Поволжья // Из архива тверских историков. – Тверь, 2002. – Вып. 3. – С. 56-64.

Жукова Е.Н., Степанова Ю.В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Серия «Археология Верхневолжья». – Тверь, 2010. – Вып. 1.

Жукова Е.Н., Степанова Ю.В. К 70-летию Ф.Х.Арслановой // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Тверь, 2003. – Вып. 5. – С. 389-400.

Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и сопредельных территорий. – Калинин, 1991.

Лагуткина Е.В. Проблема эволюции погребальных памятников Тверского Поволжья XI-XIII вв. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Тверь, 2003. – Вып. 5. – С. 17-27

Лагуткина Е.В., Свириной К.М. Учебно-научная лаборатория по археологии // Вестник Тверского государственного университета. – Тверь, 2008. – Вып. 1. – С. 28-32.

Лашкевич Л.В. Актуальные проблемы фондовой работы музеев. – М., 1978.

Личный листок по учету кадров // Архив кафедры отечественной истории ТвГУ.

Памяти Фираи Хабибулловны Арслановой // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Тверь, 1996. – Вып. 1. – С. 274-275.

Приказ о создании археологического музея при историческом факультете от 19.01.85 № 14-0 // Архив кафедры отечественной истории ТвГУ.

Скукина (Лагуткина) Е.В. Погребальные памятники Тверского Поволжья X-XII вв: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997.

Степанова Ю.В. Комплекс погребального костюма сельского населения Верхневолжья X-XIII вв: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003.

Указатель литературы по археологии Тверского Поволжья: библиографический указатель для студентов исторического факультета и учителей. Сост. Ф.Х. Арсланова, И.С. Маликова. – Калинин, 1990.

Указатель литературы по археологии Тверской области. – Сост. Е.Н. Жукова, Ю.В. Степанова. – Тверь, 2004. – Вып. 2.

Түйін

Мақалада Қазақстанның ғалым-зерттеушілері Ф.Х.Арсланова мен А.А.Чариковтың мұралары зерттеледі. Олардың ғылыми биографиялары, жетістіктері мен айыулары, олармен жасалған Твер жеріндегі археология мен музей ісі қарастырылады. Ұжымдастары мен шәкірттерінің естеліктері келтіріледі. Мақалада осы ғалымдар жасаған еңбектерінің ғылым, білім, музей ісіне қосқан үлесінің бағасы беріледі.

Summary

In article the heritage of scientists – researchers from Kazakhstan F.H.Arslanova and A.A.Charikov is studied. Their scientific biographies, achievements made them on the Tver region in Russia on archeology and museum business are considered. Memoirs of colleagues and pupils are used. In article the estimation of the contribution to a science, education, museum which was made by these scientists is given.

СДЫКОВ М.Н.

Средневековые города Западного Казахстана

Проблематика городской культуры средневековья в Казахстане с каждым годом становится все более актуальной. Это происходит и при изучении исторических процессов на территории Казахстана. О том, что города были на Волге историкам хорошо известно. О том есть ли города на Урале, или Яике, в XVIII–XV вв. до последнего времени существовали только упоминания на картах того времени и отдельные сведения в письменных источниках европейских и восточных авторов, как современного, так и более позднего времени. Но реального подтверждения эти сведения не получали до не давнего времени ни в исторических, ни в археологических изысканиях.

В книге известного исследователя Золотой Орды В.Л. Егорова «Историческая география Золотой Орды», приведена **карта – схема, в которой мы видим только один город на Урале – город Сарайчик**, или Сарайшык (Егоров, 2010, с. 242, карта 1).

Поиск городов на Урале стал одним из основных направлений работы нашего центра. Мы исходили из того, что бассейн Урала с его богатыми водными ресурсами и природно-климатической средой был благоприятным местом для создания оседлых поселений. Люди здесь жили давно и вели в основном кочевой образ жизни, подтверждением чему являются многочисленные курганы и курганные комплексы, раскинувшиеся по всему Западному Казахстану. Но существовали торговые и караванные маршруты, зафиксированные в письменных источниках, здесь проходили участки Великого шелкового пути, которые не могли обходиться без постоянных мест торговли и товарообмена,

с одной стороны, а с другой, именно степняки были основными потребителями всех благ, представляемых торговлей.

Кочевая цивилизация в развитой ее форме предполагает постоянный контакт степи с городской культурой. Поэтому ведение кочевого скотоводческого хозяйства, как установлено, не отрицает, а предполагает наличие городов, как центров ремесла и тор-говли, как мест зимовок и баз – убежищ в стратегически важных местах.

Первые сведения о городах в Западном Казахстане относятся к домонгольскому периоду, во времена существования огузской, а затем кыпчакской конфедераций. В сочинении Ахмеда ибн-Фадлана «Путешествия в Волжскую Булгарию» (X в.) и в труде Абу-Хамида аль-Гарнати «Путешествие в Восточную и Центральную Европу» (XII в.) содержатся сведения о городах, торговых и караванных маршрутах, проходивших через Западный Казахстан.

Арабский путешественник и писатель ибн-Фадлан в 921-922 г. побывал с посольством халифа в Волжской Болгарии, и путь его пролегал вдоль реки Урал. Советский исследователь-востоковед А.П. Ковалевский, известный переводом книги ибн – Фадлана, приводит карту маршрута посольства. Он указывает место переправы с левого берега на правый, то есть из Азии в Европу, ибн-Фадланом у слияния рек Чаган и Урал, в том месте, где находится современная старая часть Уральска. В X в. по утверждению ибн-Фадлана на этом месте находилось городское поселение.

В начале II тыс. связи между арабскими странами и народами междуречья Урала и

Волги стали постоянными. Географы Востока были неплохо осведомлены об этом далеком крае. В 1154 г. арабский географ ал-Идриси описал реку Руза, скорее всего тождественную Жаику – Уралу, хотя есть и другие мнения об отождествлении Рузы, тогда как с Уралом сопоставляется р. Даранда. Более отрывочные сведения о существовании городов даны в сочинениях Рашид-ад-Дина, ибн – Сайда, Абул – Фида и других арабо-персоязычных авторов. О расселении и занятиях народов в XI веке писал Махмуд Кашгарский в своем труде «Дивану лугат-ат -тюрк».

В эпоху Золотой Орды европейские исследователи и путешественники неоднократно пересекали и отмечали в своих путевых записках реку Жаик. Среди них выделим посла папы римского Иннокентия IV Джовани Плато Карпини (1249), а также посла французского короля Людовика IX Гильома де Рубрука (1253).

О дороге, которая вела из Крыма через Жаик и далее на восток, пишет в своем сочинении «Практика торговли» Франческо Бальдучи Пегалотти, отмечая при этом особенности дороги из Таны в Сарайчик, описывая ходовые товары и деньги, которыми удобнее всего расплачиваться с местными жителями. В 1333 г. реку Урал пересек известный арабский путешественник из Марокко, странствующий купец Ибн Баттута.

В XIV в., в эпоху расцвета Золотой Орды, территорию Западного Казахстана посещают ряд посольств, направленных сюда и в Монголию для проведения миссионерской деятельности и налаживания торговых связей. Это посольства во главе с Джованни Мариньолли (1338-1353 гг.), священником Пасхалия (1335 – 1339 гг.), купцами братьями Франциско и Доминико Пизигани (1367 г.). По их свидетельствам на реке Урал находились два города. Так, испанский священник Пасхалия в 1336 г. указывает на город Сарайчик и еще севернее на второй, безымянный город. Почти через 30 лет об этих же городах пишут братья купцы, указывая на два этих города, при этом второй – безымянный, распо-

ложенный выше и севернее Сарайчика вверх по реке Урал.

Об этом же свидетельствует знаменитая карта Антония Дженкинсона 1562 г. Здесь в нижней части течения реки Урал на западном, правом, берегу указан город Сарайчик, а севернее него на этом же берегу помещен город Шакафни. Академик Б.А. Рыбаков, исследовав и карту, и текст описания путешествия англичанина, пришел к следующим выводам. Карта Дженкинсона представляет собой один из вариантов более старой карты 1497 г., а оба города, Сарайчик и второй безымянный, отмечены на карте одинаковыми условными знаками – «мечети татарские каменные» (Кушаев, 1993, с. 12-26).

Следовательно, время существования северного города уже можно датировать XIV в., а его значение и масштаб вполне сопоставимы с более известным Сарайчиком.

Таким образом, во всех исследованиях и сочинениях путешественников, купцов и миссионеров X-XIV веков указывается на наличие целой сети городов, как в междуречье Волги и Урала, так и вдоль реки Урал. Их количество колеблется от 8 до 30 городов. В сочинениях прямо указано, что в XIV в., помимо известного Сарайчика, на Урале выше и севернее него находился еще один город, имевший каменные здания и располагавшийся в районе современного Уральска.

Исследования русских ученых XVIII–XIX вв. подтверждают наличие средневековых городов на Урале.

Одна из самых первых русских карт, известная под названием «Большой Чертеж», была составлена в конце XVI в. и изображала территорию всего государства. Со временем эта карта пришла в негодность и было решено составить по нему новый чертеж в том же масштабе и дать подробное объяснение. Так была подготовлена известная «Книга Большому Чертежу». Сама карта не дошла до нас, но объяснение сохранилось в нескольких списках, и представляет собой единственное географическое сочинение о России допетровских времен. В ней дано описание среднего и нижнего течения Урала.

И карта, и ее описание были неполными и имели большие погрешности. К тому же с нее в разные времена снимался ряд копий, каждая из которых вносила новые неточности. Так, северный и восточный берега Каспийского моря относились к числу неизвестных. На одних картах Урал изображался как большая река с многочисленными притоками, на других – как незначительная речка. На нескольких картах изображался неизвестный ныне город Ризань, а севернее его – Шакашик. Был также отображен город Сарайчик, к этому времени уже разрушенный.

В одной из поздних копий карты, подготовленной Аврилем и изданной в 1692 г., на месте нынешнего Уральска указано селение с неизвестным ныне названием Метжет, а севернее его, при слиянии Илека с Уралом, другое селение – Солянское. В описании сказано, что «по правой стороне Яика живут Ногаи и Золотая Орда, а по левой – Калмыки», о казаках же совершенно не упомянуто. То же изображено и на карте французского астронома Делиля, изданной в 1700 г. Таким образом, несмотря на несовершенство «Книги Большого Чертежу», характерным для данного источника является отображение значительного количества городов и поселений в Западном Казахстане.

П.И. Рычков в своей знаменитой «Топографии Оренбургской губернии», написанной в 1748 г., приводит многочисленные факты и примеры существования городов на Урале. В частности – «1. В киргиз-кайсацкой меньшей орде, от Илецкой защиты, где ломают илецкую соль, с день верховою ездою, на той стороне реки Илека видно немалое строение кирпичное. 2. От того строения в одном дне по речке, называемой Большая Кобда, при урочище Байтаке, есть признаки старинного города, где поныне еще видны рытые каналы, хлебопахотные и огородные места. Тут же одно старинное здание со сводами... 3. От тех мест в расстоянии одного дня по реке Ати – Уилу, на урочище, кое киргизы называют святого Мавлюм – Берды, признак старинного ж города, где донныне кирпичных зданий от 30 до 40 видно, тут же поднесь каналы, хлебопахотные и огородные

места значатся. 4. Оттоль с день езды по речке Сагызу видны многие ж старинные строения, тако ж в урочище, именуемом Бакчи, от речки Сагыза дня с два, от Бакчи вверх до вершин реки Зины, коя выпала из устья реки Мугалджара, и на оном устье старинных городков, рытых каналов и рвов, тако ж и насыпных бугров весьма много, из коих бугров часто вырывают людские кости отменной величины, а также золото, серебро и разные орудия. 5. По Хивинской дороге на высокой горе, которая именуется Ирняк,.. при урочище Гурук видны могилы весьма длинные,... там же сделаны два покоя больших и не низко, а наверху оных положены столь великие каменя, что один камень десять или пятнадцати человеках едва можно поднять. 6. На той же горе, при урочище Билюли – Атай, поныне имеется двор, у которого портал или ворота большие, в нем мечеть и несколько небольших покоев. Все оное строение из кирпича. Подле ворот глубокий колодезь, в коем воды от 30 до 40 сажен.

О сем месте сказуется,.. будто бы в прежние времена из Астрахани езживали на кораблях по Каспийскому морю к тому месту и выгружаясь тут, переезжали сухим путем чрез сие место на Аральское море, где паки грузили суда и ездили в Хиву и в другие тамошние места для торгу» (Рычков, 1999, с. 193-194).

Ценность данных сведений несомненна. П.И. Рычков упоминает о сети городов, к тому же достаточно развитых. Здания в них построены из кирпича, обладают ирригационной системой, расположены у рек, а наличие и характер культовых строений говорит об их принадлежности к восточному типу городов. Можно сделать вывод о том, что города выполняли функции торгово-ремесленных центров и очагов оседлой культуры. Они расположены поблизости друг от друга, как пишет автор, в одном или двух днях пути (по мнению специалистов, расстояние в день пути – это 30-40 современных км). Количество и расположенность городов свидетельствуют о наличии связей между ними, что позволяет предположить их существование в рамках какого-то единого государства. Таким государством, в недалеком прошлом, учиты-

вая сохранность зданий данных городов, могла быть Золотая Орда.

П.И. Рычков указывает источник информации, это – переводчик канцелярии Оренбургского губернатора Яков Гуляев, « в обеих киргиз-кайсацких ордах и далее оных многократно бывший». Кроме того он использовал официальные данные, находящиеся в Оренбургской губернской канцелярии, сведения от людей бывалых, купцов и приезжих. Много видел и наблюдал сам П.И. Рычков. Достоверность данных достаточно высока, зная научную щепетильность П.И. Рычкова к отображению фактов, и указание им конкретных источников.

Среди других российских ученых отметим П.С. Палласа. Он трижды побывал здесь, объездив весь Урал от Гурьева до Уральска, исследовал северную часть региона, изучал Букеевскую орду. Собранный материал П.С. Паллас включил в свой обширный труд – «Путешествие по разным провинциям Российской империи», в котором дал достаточно полное описание территории края, его этнографии и истории.

В своем сочинении П.С. Паллас описывает обнаруженные им два городища. В первом случае это остатки древнего укрепления на Урале, обозначенные им следующим образом: «близ устья реки Киндели в 12 верстах от Кинделинского форпоста. Укрепление состоит из двойного в виде греческого П к южной стороне берега, вала и рвов; внешняя часть оною имеет в окружении более полверсты, но едва с локоть вышины; напротив того внутренняя сторона, которая почти 20 сажен в окружности, имеет по крайней мере 2,5 локтя в вышину, и обнесена рвом в сажень глубиной. От жилища внутри сего укрепления ни малейшего следа бывшего строения не видно, но пространство совершенно равно» (Кушаев, 1993, с. 27-29).

Второе городище расположено между Большим и Малым Узенем в самом узком месте их слияния. Здесь П.С. Паллас нашел следы множества арыков, в несколько футов глубиной, и довольно много курганов и остатков жилища, из чего сделал вывод о том, что места эти были некогда населены народом. Одна из развалин

состояла из 5 жилищ, сложенных из квадратного кирпича.

Кроме того, исследователь неоднократно обращает внимание на большое количество остатков памятников более древней истории. «Между Кушумом и Большим Узенем также встречались большие курганы и камни, с высеченными на них человеческими лицами, но они принадлежали, кажется, другому народу» – писал Паллас в своих «Путешествиях».

Таким образом, П.С. Паллас, как и все исследователи до него, обратил внимание на многочисленные памятники прошлого, отнеся их к материалам городской культуры.

К сожалению, ни в дореволюционной российской, ни в советской исторической науке данные сведения не использовались. Поэтому в учебниках прямо писали о незаселенных «ничейных» территориях вдоль реки Урал, которые как магнит притягивали к себе беглых крепостных, а также разбойный люд.

До недавнего времени конкретных подтверждений существования городов не было. Это продлевало жизнь домыслам и ненаучным рассуждениям. Последние археологические находки и открытия, начиная с 90-х гг. прошлого века, убедительно свидетельствуют о правоте наших предшественников. Многолетние поиски увенчались успехом, когда в 2001 г. уральскими и алматинскими учеными было обнаружено городище недалеко от Уральска. Археологические работы, которые ведутся здесь уже на протяжении 8 лет, убедительно свидетельствуют – это город XIII – XIV вв. (Сдыков, 2009, с. 4-18).

Таким образом, сведения средневековых авторов, а также заключения ученых XVIII – XIX вв., писавших о городах на реке Урал, оказались верными. А мнение археолога Г.А. Кушаева о более древнем возрасте города на месте современного Уральска получило реальное подтверждение.

В начале XXI в. автор этих строк доказывал наличие города близ Уральска, когда выступал в СМИ с требованием археологической экспертизы трубопровода «Аксай -Атырау». Именно на уральском участке трассы и был открыт этот

город – самое крупное и сенсационное открытие в регионе за весь последний период. Первые результаты этих исследований были опубликованы в научном журнале «Вопросы истории и археологии Западного Казахстана», выпускаемом Западно-Казахстанским центром истории и археологии. Ученые Института археологии им. А.Х. Маргулана К.М. Байпаков, Е.А. Смагулов и Г.А. Ахатов подготовили специальное издание «Средневековое городище Жайык».

О том, что сведения древних авторов достоверны, свидетельствуют современные открытия ученых Уральска и Алматы. За последние три года обнаружены городище Жайык, расположенное южнее г. Уральска на берегу р. Урал, и еще два города – городище Узени в Жангалинском районе и городище Жалпактал в Казталовском районе, датируемые XIII–XIV вв.

Городище Жайык. С юга и юго-востока территорию городища ограничивают склон речной террасы, а с других сторон – естественные овраги. Следов каких либо искусственных ограждений по периметру не обнаружено. Площадь, на которой прослеживаются явные следы застройки, составляет около 8 га. На поверхности прослеживаются отдельно стоящие холмики высотой от 0,3 до 0,6 м различной планировки и размеров.

В 2 км западнее городища на вершине Свистун-горы располагалось городское кладбище-некрополь, на котором обнаружены многочисленные захоронения, имеющие отношение к самому городищу. Встречаются и более ранние памятники (Сдыков, 2008, с. 7-11).

Полученные материалы и наблюдения по домостроительству городища Жайык могут быть обобщены следующим образом. Жилые постройки города возводились из сырцового кирпича прямоугольной и квадратной формы. Жилые помещения отапливались канами, топкой которых обычно являются тандыры. Дополнительно к ним в «большой усадьбе» и одном из жилищ «малой усадьбы» имеются печи прямоугольной формы, сложенные из жженого кирпича. Жилые помещения имеют обычно П-образные суфы, в хозяйственных – ямы-хра-

нилища, мусорные ямы, ташнау. Основные стены построек имеют толщину 70-80 см, кирпич уложен в перевязку. Малая сохранившаяся высота стен не позволяет окончательно ответить на вопрос – на всю ли высоту стены возводились методом сырцовой кладки. При исследовании жилищ поволжских городов золотоордынского времени были выявлены домостроения «монгольского типа». Для этих домов характерен квадратный план, сырцовая кладка цокольной части стен на высоту 50-70 см, на которые устанавливался деревянный каркас стен. Но скорее всего, ввиду отсутствия древесного тлена и кусков дерева стены домов городища Жайык возводились только из сырцового кирпича (Ахатов, 2002, с. 175-177).

Сопоставление планов, технических приемов домостроительства поволжских городов и городища Жайык показывает, что на строительную культуру бассейна р. Урал "оказали преобладающее влияние традиции домостроения Хорезма и Сырдаринских оазисов. Планы жилищ, исследованных на городище «Жайык», совпадают с планами жилищ Ургенча, Отырара, Туркестана XIII-XIV вв. Разница наблюдается в расположении некоторых деталей интерьера, суф, системы отопления, строительной технике и материалах (Ерзакович, 1979, с. 72-74).

Об участии хорезмийских и южно-казахстанских мастеров в формировании синкретичной золотоордынской городской культуры неоднократно писали исследователи. Возможно, в дальнейшем изучении городища Жайык можно будет выделить и детально охарактеризовать «сырдаринскую струю» влияния. Пока же стоит обратить внимание на чрезвычайную близость планировок городского жилища Отырара XIV-XV вв. и жилищ городища Жайык. Тот же анфиладный принцип компоновки трех помещений, П-образные суфы в жилых помещениях, каны, тандыры, ташнау в интерьерах помещений.

Но есть и отличия достаточно существенные. Отопление жилищ городища Жайык осуществлялось специальными двухканальными канами, устроенными вдоль одной стороны суфы. «Каны» послемонгольских жилищ Юж-

ного Казахстана в большинстве своём таковы-ми могут называться лишь с большой натяжкой. Усадьбы, по всей видимости, имели дворы с надворными постройками, которые строились из облегченных конструкций (деревянно-каркасные, плетневые).

Таким образом, археологические раскопки показали, что городище Жайык является остатками развитого города золотоордынской эпохи.

Городище Жалпактал расположено на границе Казталовского и Жангалинского районов Западно-Казахстанской области. Инструментальная съемка городища показала, что его площадь достигает 68 га. В центральной части городища наблюдается несколько крупных холмов высотой до 2 м и диаметром до 50 м, на остальной части городища наблюдается несколько десятков всхолмлений меньшего размера.

В 2010 г. в центральной части городища был разбит разведочный раскоп размером 10 x 10 м, который показал наличие культурного слоя. В раскоп попала часть постройки, выполненная из сырцового кирпича. По-всей видимости, обнаруженная постройка представляет собой усадьбу. В раскопе обнаружено свыше 2000 фрагментов гончарной красноглиняной керамики с волнистым и линейным орнаментом (лишь один фрагмент лепной керамики). Также обнаружено свыше 2000 фрагментов костей животных, часть из которых имеют следы обработки. Особый интерес представляет серебряная монета XIII в., обнаруженная на поверхности городища (Марыксин, 2009, с. 29-35).

Вопрос о наличии золотоордынского поселения в междуречье Большого и Малого Узеня поднимался давно. В сочинении П.С. Палласа есть сведения об остатках средневекового города и системы арыков. Как известно Волго-Уральское междуречье являлось доменом ханов Золотой Орды и должно было быть достаточно освоенным. Подтверждением этому является наличие большого количества золотоордынских некрополей в окрестностях городища Жалпактал.

Наиболее изученным погребальным комплексом является Мокринский I, расположен-

ный в 7 км севернее поселения. Большая часть раскопанных 32 курганов представляет собой сырцовые оградки, которые распространены в окрестностях крупных городов Золотой Орды. Отсутствие погребального инвентаря номадов также говорит об оседлом характере хозяйства.

Также вблизи городища раскопаны комплекс Мокринский III и некрополь в окрестностях поселка Жанаказан, датирующиеся XIV в.

Сейчас пока трудно определенно ответить на вопрос: что явилось причиной разрушения и последующего запустения этих городов – природные или внешнеполитические причины. Предположительно, можно связать это событие с походом эмира Тимура в 1391 г., разрушившим города Золотой Орды.

Не исключено так же, что гибель городов произошла под воздействием природно-географических факторов. Местность эта на каком-то этапе перестала устраивать горожан, и они предпочли перенести город на более удобное место. На берегах Яика это обычное дело. Близкая и документированная история возникновения городов на Яике подтверждает это. Как известно, при своем зарождении такие города как Оренбург и Уральск, каждый трижды менял свое местоположение, пока окончательно не утвердились на одном месте, где они и стоят до сих пор. К тому же надо отметить, что речная терраса, на которой расположено городище Жайык, во время очень сильных паводков затопливалась водой.

Конец XIII в.-первая половина XIV в. исследователями истории Золотой Орды характеризуются как годы наибольшей стабильности и расцвета городской культуры. Возрождаются некоторые важнейшие торгово-экономические центры, пострадавшие в период завоевания, появляются десятки новых городов и крупных поселений. Этот период интенсивного роста приходится в основном на время правления ханов Узбека и Жанибека (1312-1357 гг.). Время характеризуется ростом территорий «старых» городов и возникновением большого числа новых крупных поселений. Зачастую в старых урбани-зированных оазисах на ведущее место

в экономическом и политическом отношении выдвигаются прежде незначительные поселения, которые переживают период бурного роста. Старые же столицы регионов теряют свое значение.

Центральный Поволжский регион почти сплошь застраивается новыми оседлыми поселениями и городами. Они образуют, как это обычно и бывает в процессе оседания и урбанизации, своеобразные микрорегионы с соответствующей внутренней иерархией поселений. Надо полагать, что благоприятные условия способствовали появлению и росту поселений и городов золотоординского времени и на Волге и на Днестре, и на берегах Урала. Примером этому может служить исследуемое городище Жайык, которое является исторической предтечей Яицкого городка – Уральска.

Во время раскопок на территории современного города нами неоднократно обнаруживались квадратные кирпичи, полностью совпадающие по своим характеристикам с теми кирпичами, которыми выстроены городище Жайык и мавзолеи на некрополе. Таким образом, более поздние поселенцы – казаки использовали для своего строительства кирпичи из Жайыка, тем самым окончательно разрушив его. В результате на долгие годы была предана забвению, а потом и извращена реальная история нашего края.

Литература:

- Ахатов Г.А., Байпаков К.М. Некрополь Уральского городища // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Вып. 1. – Уральск, 2002. – С. 168 – 184
- Бисембаев А.А. К вопросу об исламизации средневекового населения Западного Казахстана (археологический аспект) // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: матер. междунар. научн. конф. – Актобе, 2006 – Ч. 1. – С. 112 – 123.
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. – М., 2010. – 244 с.
- Ерзакович Л.Б. О южноказахстанском компоненте в материальной культуре Золотой Орды // По следам древних культур Казахстана – Алма-Ата, 1979 – С. 67 – 83
- Кушаев Г.А. Этюды древней истории степного Приуралья. – Уральск, 1993. – 120 с.
- Марыксин Д.В., Пачкалов А.В. Монеты Золотой Орды. – Уральск, 2009. – 62 с.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Уфа: Китап, 1999. – 312 с.

Сдыков М.Н. Городище Жайык. – Уральск, 2008. – 65 с.

Сдыков М.Н. История населения Западного Казахстана. – Алматы, 2005 – 404 с.

Сдыков М.Н., Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Инночкин В.А., Кривобокова С.С. Уральск древний и современный (очерки по истории Уральска и городской культуры Западного Казахстана) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2009. – Вып. 10 – С. 3-123.

Сдыков М.Н., Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Инночкин В.А., Кривобокова С.С. Уральск древний и современный (очерки по истории Уральска и городской культуры Западного Казахстана) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2009. – Вып. 11. – С. 3-119.

Түйін

М.Н.Сдықовтың мақаласында Батыс Қазақстан облысының аймақтарындағы соңғы археологиялық қазба жұмыстарының нәтижелері берілген. Мақала авторының жетекшілігімен жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары таңғаларлық нәтижелерді көрсетті. Егер осы кезге дейін Жайық өзені бойында Алтын Орда дәуірінің бір қала орны бар болатын болса, ал қазір үш қалашық орны табылып отыр. Осы қалашықтардың алғашқы орнын анықтаған мамандар, оларды шартты түрде Жайық, Жалпақтал және Сарыөзен деп атаған. Осы мақала қазба жұмыстарының нәтижелерін және жаңадан анықталған қалашық орындарын талдауға арналған.

Summary

The article is representing the results of the latest archeological surveys made on the territory of the Western-Kazakhstan Oblast. Conducted under the guidance of the author of this article, the excavations brought to the sensational results. If before only one settlement of the Golden Horde Age on the Ural River was known after the archeological finding three more settlements joined the group. The discoverers called them Zhayik, Zhalpaktal and Saryuzen. The detailed analysis of findings and conclusions is given in the article.

Бахтыбаев М.М.

В.А.КАЛЛАУРДЫҢ ПЕРОВСК УЕЗІНІҢ ТАРИХИ-ТОПОГРАФИЯСЫН ЗЕРТТЕУГЕ ҚОСҚАН ҮЛЕСІ

Археология әуесқойлары Түркістан үйірмесінің мүшелері Перовск уезінде орналасқан көне ескерткіштерді зерттеуге үлкен мән беріп, оның тарихи топографиясына кеңінен тоқталды. Солардың бірі 1898-1901 жылдар аралығында Перовск уезі басшысы қызметін атқарған В.А.Каллаур болды.

В.А.Каллаур осы өңірде орналасқан тарихи ескерткіштерді зерттеуге белсене кірісіп, XIX ғ. соңына дейінгі Сырдария бойында орналасқан көне қалашықтар туралы басылымдарда жарық көрген деректерді жинақтап, оларды саралай отырып, ортағасырлық жазба деректерінде кездесетін қалалармен баламалау мәселесіне үлкен назар аударды (Бахтыбаев М.М., 2010, 187-191- бб.).

В.А.Каллаурдан кейін осы өңірдің ортағасырлық қалаларды баламалау мәселесін Г.И.Пацевич, К.М.Байпаков, С.П.Толстов және т.б. талдаған болатын.

1899 жылдың 12 маусымында В.А.Каллаур Скобелево селосынан 18 верст шығыста, Сунаката керуен жолының бойында орналасқан Сунаката қалашығында болып, оның топографиясын зерттеді. В.А.Каллаур қалашық ілгеріде Төменарық арқылы суландырылғанын, оның айналасында орналасқан көптеген арықтар бұл жерде егіншіліктің дамығанын көрсетеді деп пайымдайды. В.А.Каллаур өлкетанушылар Н.Лыкошин мен Е.Т.Смирновтың пікірлерін қолдап, Сунаката қалашығын ортағасырлық Сығанақ қаласымен баламалады (Каллаур В.А., 1900-а, с. 11).

Сығанақ қалашығы Сунаката ауылынан 1,5 км солтүстік-батыста, Түркістан-Қызылорда тас

жолының оң жағында орналасқан. Қалашықты 1867 жылы П.И. Лерх ашқан. 1899 ж. В.А.Каллаур қалашықты сипаттап жазып, оның жобасын түсірді. 1907 ж. И.А.Кастанье, 1927 ж. А.Ю.Якубовский, 1947 ж. ОҚАЭ-сы (А.Н.Бернштам), 1970 ж. ОАЭ-сы (К.А.Ақышев) қайта зерттеп, 2003 ж. бері ХҚТУ САЭ-сы (С.Ж.Жолдасбаев) тұрақты қазба жұмыстарын жүргізуде.

1927 жылы Материалдық мәдениет тарихы академиясының қызметкері А.Ю.Якубовский мен Табиғат және көне ескерткіштерді қорғау жөніндегі комитеттің төрағасы Б.П. Тризна, Шымкент облыстық музейінің меңгерушісі И.К.Шпота Сығанақ қалашығында болып топографиясын зерттеп, төбе үстінде бояулы және бояусыз ыдыстар сынықтары кездесетінін атап, оларды XVI-XVII ғғ. мерзімдеді (Якубовский А.Ю., 1929, с. 123-159).

1947 ж. ОҚАЭ-сы (А.Н.Бернштам) Сығанақ қаласында зерттеу жүргізіп, оның жобасын қайта түсірді. Қалашық жобасында бесбұрыш тәрізді болып келген, көлемдері: солтүстік жағы – 275 м, солтүстік-батыс жағы – 175 м, оңтүстік-батыс жағы – 190 м, оңтүстік жағы – 175 м және оңтүстік-шығыс жағы – 320 м. Қалашықты айналдыра жал қоршаған, онда 15 мұнара құландыларының іздері байқалады, жалдың биіктігі 6-7 м, ал мұнаралар құландыларының биіктігі 1,5 м. Қалашықтың ішкі алаңының биіктігі 4-5 м. Шахристанның үш жағында (солтүстік, батыс және оңтүстік) рабад орналасқан. Рабад шахристан алаңымен бірге жобасында бесбұрышты, солтүстіктен оңтүстікке қарай бағытталған көлемдері: солтүстік жағы – 250 м, батыс жағы – 650 м,

оңтүстік жағы -250 м, оңтүстік-шығыс, шығыс жағы — 450 м, шығыс — солтүстік-шығыс жағы — 350 м. Рабадты қоршаған жалдың биіктігі 0,5-1 м, ені 3-4 м (Агеева Е.И., Пацевич Г.И., 1958, с. 96-97; Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 228, №3342).

Кейінгі зерттеушілер А.Н.Бернштам, Г.И.Пацевич және К.М.Байпақов В.А.Каллаурдың баламалауын қолдап, К.М.Байпақов Сығанақтың типологиясына қарай, оны Оңтүстік Қазақстанда орналасқан қалалар бойынша көлемі жағынан бірінші типіне жатқызды (Байпақов К.М., 1981, с. 31).

В.А.Каллаур ортағасырлық жазба деректерге сүйене отырып, Жошы хан Сығанақты жаулап алған соң Өзгентке, онан соң Бархалыгкентке, Ашнасқа және Жентке қарай бет алғанын алға тартып, ортағасырлық Бархалыгкент Өзгенттен төмен, Ашнасқа барар жолда орналасуы тиіс деп пайымдайды. В.А.Каллаур В.В.Бартольдтің «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» атты еңбегіндегі Бархалыгкенттің “Барчинлыгкент” деп аталатынына сүйеніп, Өзгент пен Сырлытам арасында және онан әрі қарай ағатын өзен (ескі арна) ілгеріде Баршындария деп аталғанын алға тартып, бұл өзен де Барчиндария деп оқылуы мүмкін екендігін айтып, ортағасырлық Барчинлыгкент Барчиндарияда орналасқан болуы мүмкін дейді. В.А.Каллаур жоғарыда аталған мәліметтерге сүйене отырып, ортағасырлық Барчинлыгкент Төбесі ойық қалашығы болуы мүмкін деген жорамал айтты (Каллаур В.А., 1901, с. 76-77).

К.М.Байпақов ортағасырлық Баршынлыгкент (Барчкент) қаласы Сырдарияның сол жағында, Жент қаласының маңында орналасқандығын атап, оны Қызылорда қаласынан 25 км оңтүстік-батыста орналасқан Қызқаламен баламалауға болады деген пікір айтты (Байпақов К.М., 2005, 264-б.).

1899 жылдың 12 тамызында В.А.Каллаур Сырдарияның сол жағасындағы Ақарықтың төменгі жағында, Бірқазан станциясынан 25 верст жерде, Асанасөзектің бойында орналасқан Асанас қалашығында болып, оны сипаттап жазды. В.А.Каллаур Асанас қалашығының топо-

графиясын зерттей отырып, оны ортағасырлық Ашнас қаласымен баламалады (Каллаур В.А., 1900-а, с. 14-15).

Асанас қалашығы да Кеңес дәуірінде қайта зерттелді. Қалашық Қызылорда қаласынан 48 км оңтүстік-шығыста, Айдарлы ауылынан 8 км оңтүстік-батыста орналасқан. 1960-1961 жж. ХАЭЭ-сы (С.П.Толстов) Асанас қаласын қайта зерттеп, ол В.В.Бартольд пен А.Н.Бернштамның Сырдария даласындағы сауда жолының бойындағы қалаларды, соғды саудагерлері салған деген пікір жаңсақ дей келіп, былай жазады: «Вопреки этому мнению итоги нашего обследования свидетельствуют, что Асанас был городом, построенным теми же местными при-сырдарьинскими полуоседлыми племенами, которые воздвигали в раннем средневековье своеобразные укрепленные торгово-ремесленные города в бассейне Инкар-Дарьи. Это подтверждают и характерная планировка городища, и многие черты фортификации, в особенности же подъемный керамический материал» (Толстов С.П., 1962, с. 282). 1968 жылы ХАЭЭ-ның археологиялық тобы (Н.Н.Вактурская) Асанас қалашығының цитаделінен 75-80 м батыста және 20-25 м солтүстік-батыста екі стратиграфиялық кесік салды. Көлемі 3x4 м, тереңдігі 1,9 м келетін бірінші кесік, екі құрылыс қабатын ашып, онан шыққан керамика кешенді XII-XIV ғғ. мерзімдеді. Ал, екінші кесікте бес құрылыс қабаттары ашылып, төртінші және бесінші қабаттардан шыққан ыдыстар VII-IX ғғ. мерзімделіп, Н.Н.Вактурская Асанас қаласы «батпақтағы қалалармен» қатар өмір сүрген қала, онда өмір XV ғ. дейін жалғасқан деп пайымдайды (Вактурская Н.Н., 1974, с. 132).

1989 жылы Қызылорда педагогикалық институты Тарих факультеті мен Қазақ КСР ҒА ТАЭИ-ның археология бөлімінің археологиялық барлау экспедициясының тобымен (П.Қаратаев) бірлескен экспедициясы Асанас қаласының шахристанында қазба жұмыстарын жүргізіп, екі мұнара құландылары және шахристан сыртында қыш күйдіретін пеш пен белгісіз мазар орнын ашты. Ал, 2002 жылы Қорқыт ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университеті экспедициясы (Т.Мәми) Аса-

нас қаласын қайта зерттеп, өлшемдерін алды. Қала аумағы 450x400 м, шахристан айналдыра қамалмен қоршалған, оның орташа биіктігі 3 м, ені 5 м. Цитадель көлемі 40x35 м, биіктігі 4 м. Қалаға кіретін қақпалар солтүстік, оңтүстік және батыс жағында болған (Мәми Т., 2007, с. 65-66). Т.Мәми Асанастың шахристанында екі (бесінші және алтыншы қазба) стратиграфиялық кесік салып, шыққан барлық жәдігерлерді сараптай келіп, қала өмірін төрт кезеңге бөлді, олар: 1. Жетіасар мәдениеті. Қаңлы мемлекеті дәуірі (б.з.б. VII – б.з. VII ғ.); 2. Батпақтағы қалалар мәдениеті. Оғыз мемлекеті дәуірі (VIII-X ғғ.); 3. Түркілер мәдениеті. Қарахан, Қыпшақ, Хорезм мемлекеттері дәуірі (XI-XIII ғғ.) және 4. Алтын орда мәдениеті. Моңғолдар билеген дәуірі (XIII-XV ғғ.) (Мәми Т., 2007, с. 68).

К.М. Байпақов Оңтүстік Қазақстан мен Жетісу өңірлерінде орналасқан ортағасырлық қалалардың типологиясына қарай (Деректердің интерактивтік өзі құрастырушы талдау әдісі негізінде) Оңтүстік Қазақстанда орналасқан қалашықтарды үш класқа бөлді. Осы әдіс негізінде Асанас қаласын топографиясына қарай екінші класс типіне жатқызды (Байпақов К.М., 1981, с. 31), ал С.П. Толстов: «Развалины Асанаса уже давно отождествлены исследователями, в том числе и В.В. Бартольдом, со средневековым городом Ашнаса (или Эснаш), который, по свидетельству Джувейни, был захвачен в 1219 г...» дей келе, В.В. Бартольд пен В.А. Каллаурдың пікіріне қосылды (Толстов С.П., 1962, с. 282).

Соңғы жылдардағы зерттеулер Асанас қалашығының өмір сүрген уақытын толық анықтады, алайда Асанас қалашығы белгісіз себептермен 1960 жылы жарық көрген «Археологическая карта Казахстана» (АКК) атты реестрге және 2007 жылы шыққан «Свод памятников истории и культуры республики Казахстан. Кызылординская область» (ҚР ТМЕЖ ҚО) жинағына еңбеген.

Осы сапарында В.А. Каллаур Сырдарияның сол жағында Перовск қаласынан 25-30 верст қашықтықта, Тұмарөткел деп аталатын жерде орналасқан Қышқала қаласында болып, оны сипаттап жазып, жобасын түсірді. В.А. Каллаур Қышқаланың орналасу жеріне

қарай ортағасырлық Жент қаласымен баламалады (Каллаур В.А., 1900-а, с. 16). 1946 жылы С.П. Толстов басқарған ХАЭЭ-сы Қызылорда қаласынан 115 км жерде, Жанадария өзенінің оң жағасында орналасқан Жанқала қалашығын зерттеп, оның жазба деректерде кездесетін ортағасырлық Жент қаласы екенін анықтады (Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 225, №3309; Толстов С.П., 1962, с. 60-61).

В.А. Каллаур 1899 жылы ашқан Қыштөбе (Қышқала) қалашығы (Каллаур В.А., 1900-б, с. 85-86) Қызылорда қаласынан 30 км оңтүстікте орналасқан. АКК атты реестрде №3318 нөмірмен енген «Қызқала құрылыс құландылары» және №3321 – «Тұмарөткел құрылыс құландылары» атты мақалаларда Қызқала Қызылорда қаласынан 25 км оңтүстік-шығыста, ал Тұмарөткел – Қызылорда қаласынан 30 км оңтүстікте орналасқандығы жазылған. Екі ескерткіштің орналасу жері мен берілген қысқаша сипаттамаларын саралай отырып, В.А. Каллаур ашқан Қыштөбе ескерткіші Тұмарөткел құрылыс құландыларына сәйкес келеді деп пайымдаймыз.

1903 жылдың 17 желтоқсанында өткен үйірме отырысында В.А. Каллаурдың «Древние города и селения (развалины) в Перовском уезде в долине р.р. Сыр-Дарьи и Яны-дарьи» атты баяндамасы тыңдалып, уезд жерінде орналасқан ескерткіштерді жазба деректеріндегі қалалармен баламалау мәселесіне кеңінен тоқталды. Ол Сырдарияның төменгі ағысы бойында орналасқан Сығанақ, Ашнаса, Жент, Өзгент, Бархалыгент және Жанкент қалашықтары туралы баяндама жасағанын атап, сонымен қатар аталған қалалардан басқа В.В. Бартольдтің «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» атты еңбегінде, Сырдарияның төменгі ағысы бойында моңғол шапқыншылығына дейін басқа да қалалардың болғандығын айтады (Каллаур В.А., 1903, с. 59). Олардың қатарында әл Макдиси бойынша Сауранның арғы жағында: 1) Тұрар қаласы, оның аймағында Зерах елді мекені, бір аймақта орналасқандықтан, бұл қала Тұрар-Зерах деп аталған; 2) бай әрі бекінісі мықты Шагильджан қаласы; 3) шағын Баладж қаласы; 4) ірі Берукет

қаласы; 5) Яныкент пен Жент жанында – Хува-ра қаласы; 6) Жент қаласынан 20 фарсах жерде, Сырдарияның бойында орналасқан Сагдере; 7) Жентке жақын жерде орналасқан Хайрабад қаласы; 8) Барчынлыгкент аймағындағы ірі елді мекендердің бірі Рабат-туганин (Бартольд В.В., 1963, с. 234-235).

В.А.Каллаур Рабат-туганин елді мекені ортағасырлық Рабатат елді мекені болуы мүмкін деген пікір айтты (Каллаур В.А., 1903, с. 59).

В.А.Каллаур Перовск уезінде орналасқан қазіргі атауымен белгілі қалашықтардың жоғарыда аталған қалалармен байланысы бар-жоғын анықтау мақсатында іздестіру жұмыстарын жүргізді. Ол ең алдымен өзі зерттеген, көріп шыққан қалаларының тізімін келтіреді:

– Сырдарияның сол жағында: Қаратөбе, Раздыата, Құмиян, Мейрам, Аққорған, Абызтөбе (Құтлықент), Балапантөбе, Алғыр-салғыр, Молда қорған;

– Сырдарияның оң жағында: Ордакент, Ақтөбе, Қызылқала, Бестам, Көпрабат;

– Қызылқұмда: Сырлы там;

– Жаңадарияда: Жанкала, Құмқала, Чавек-қала, Ширик-қала (Шірік-қала). Олардың ішіндегі Жанқала мен Құмқала Романовский мен Мушкетовтың геологиялық картасында көрсетілген. Ал, Чавек-қала, Ширик-қала (Шірік-қала) көрсетілмеген. Сонымен бірге, бұл картада Жаңадария бойында бір-біріне жақын арақашықтықта орналасқан Бұзық-қала мен Ширик рабат (Шірікрабат), олардан төмен Қарақалпақ бекінісі және Сырдарияның сол жағында, Сарышығанақ станциясынан 30 верст қашықтықта орналасқан Шахрабад көрсетілген. В.А.Каллаур Чавек-қаланы Бұзық-қаламен немесе Шірікрабатпен, ал Шірік-қаланы Қарақалпақ бекінісімен баламалауға болады деген пікір айтады (Каллаур В.А., 1903, с. 60).

Сонымен бірге В.А.Каллаур жергілікті тұрғындардан жиып алынған мәліметтерге сүйене отырып, келесі қалашықтардың қай жерде орналасқанын және оларға қысқаша сипаттамасын берді:

– Шиелі арықтың ескі арнасы бойында: 1) Қызылқала – жергілікті тұрғын А. Ниязовтың айтуынша, бұл төбенің тағы бір аты бар – Шегедек қорған; 2) Қараүйік ақтөбесі – ескі бекініс, Жүлектен 10 верст жерде, Жүлек-Скобелево жолынан 3 верст жерде орналасқан; 3) Окше ата (Оқшы ата) қалашығы – Жүлектен 7 верст жерде орналасқан, онда Оқшы ата мазары (кесенесі) бар;

– Сырдарияның сол жағында: Келінтөбе – Келінтөбе арығы бойында орналасқан;

– Сырдарияның оң жағында: 1) Шорнақ – Саураннан 13 верст, Сырдарияға қарай барар жолдан 2 верст жерде орналасқан; 2) Сидаката – Қосмезгіл ауылына қарама-қарсы жерде, Сырдарияға барар жолдан 1,5 верст жерде орналасқан; 3) Көпрабат – Жүлек ауылынан 40 верст солтүстікте орналасқан.

В.А.Каллаурдың тапсырмасымен, Көпрабатты жергілікті қызметкер Губанов көріп шығып, оның жобасын түсірді. Губановтың айтуынша Көпрабат Сарышығанақ станциясынан 40 верст солтүстікте, Құмкөл көлінен 80 верст жерде орналасқан. Бүкіл «рабаттар» бұзылып, тек құландылары қалған. Оның шығысындағы рабат – “Мұртық-рабат”-деп аталады. Онан 1,5 верст батыста орналасқан рабат – Қосрабат, онан 1 верст батыста мұнара құландысы, онан 1 верст батыста тағы бір рабат құландысы орналасқандығын жазды (Каллаур В.А., 1903, с. 62). В.А.Каллаур Қуандарияның бастауы болған Шіркейлі өзенінің сол жағасында Қосасар құландылары барын атап, ол Перовск қаласынан 35 верст жерде, Далакөлдің шығысында орналасқанын жазып, оның сипаттамасын берді. Қосасар бір-бірінен 200 сажень ара қашықтықта орналасқан Қостөбе, жобасында төртбұрышты болып келген, әрқайсысының айналдыра ұзындығы 1000 қадамға жуық (Каллаур В.А., 1903, с. 63).

В.А.Каллаур жоғарыда аталған қалашықтар мен елді мекендер жайлы деректерді сараптай отырып, олардың кейбірін В.В.Бартольд келтірілген жазба деректеріндегі ортағасырлық қалалармен баламалады.

В.А.Каллаур Көпрабат пен Рабататтың орналасуы мен олардың сипаттамасына сүйене оты-

рып, бір-бірімен баламалайды (Каллаур В.А., 1903, с. 63). Осы пікірін дәйектеу үшін ол Рабататты Барчынлыгкент аймағындағы Рабат-туганинмен баламалау күмәнді. Себебі, егер менің Барчынлыгкентті (Бархалыгкент) Төбесі ойықпен (Қасыматамен) баламалауым дұрыс деп санасак, менің Сырдарияның оң жағындағы, Жүлектен 40 верст солтүстікте орналасқан Копрабатты Рабататпен баламалағанымды ескерсек, Рабататтың Барчынлыгкент аймағында орналасуы мүмкін емес. Себебі, Төбесі ойық Сырдарияның сол жағында орналасқан деп пайымдайды. Сонымен қатар, В.А.Каллаур Рабат-туганин картада Төбесі ойық (Барчынлыгкент) пен Асанас (Ашанас) ортасында орналасқан етіп көрсетілгендіктен, ол Шахрабат болуы мүмкін деп пайымдайды (Каллаур В.А., 1903, с. 64).

В.А.Каллаурдың бұл мақаласында бір-біріне қайшы келетін пікір бар, бастапқыда ол Барчынлыгкент аймағындағы ірі елді мекендердің бірі Рабат-туганин орналасқан. Ол ортағасырлық Рабатат елді мекені болуы мүмкін деген пікір айтты (Каллаур В.А., 1903, с. 59). Бірақ осы мақаласында бұл баламалау күмәнді деп, алғашқы баламалауынан бас тартып, Рабат-туганинді Шахрабатпен баламалады.

В.А.Каллаур, В.В.Бартольдтің еңбегінде Тұрар-Зерах туралы тек Сауранның арғы жағында орналасқанын айтқанын, Саураннан оңтүстікте ме, батысында ма ол туралы мәліметтің жоқ екенін ескере келіп, ол Тұрар-Зерахты Сырдарияның оң жағында орналасқан болса, Шорнақ пен Сидак төбелерімен, ал Сырдарияның сол жағында болса, Аққорған мен Келінтөбе болуы мүмкін деп жорамалдайды. Ал, Шагильджан, Баладж және Берукет (Барукет) қалаларын В.А. Каллаур деректерде келтірілген мәліметтерге сүйене отырып, олардың суландыру жүйесі дамыған көне мәдениет құландыларының ортасында орналасқанын және олардың Сауранның арғы жағында орналасқанын ескере отырып, оларды Мейрамтөбе, Құмиян, Алғыр-салғыр немесе Молдатөбе болуы мүмкін деген пікір айтты (Каллаур В.А., 1903, с. 64).

Кейінгі зерттеушілер ортағасырлық Шагильджанды Шаға I қаласымен, Баладжды

Бабаатамен, ал Берукетті Тамды қаласымен баламалайды (Байпаков К.М., 1977, с. 87, 91-92; Елеуов М., 1998, 172-б.; Свод памятников, 1994, с. 312,234). Ал, Сидак пен Шорнақ төбелерді 1947 ж. ОҚАЭ-сы (А.Н.Бернштам), 50-шы жылдары Е.И.Агеева мен Г.И.Пацевич, 1966 жылы ХАЭЭ-сы (С.П.Толстов) зерттеп, Г.И.Пацевич пен Е.И.Агеева Шорнақтөбені ортағасырлық Қарнақпен, ал, әл Макдиси атап өткен Тұрарды Сауран маңындағы Міртөбемен баламалады (Агеева Е.И., Пацевич Г.И., 1958, с. 102,105). Ал, К.А.Ақышев, К.М.Байпаков және Л.Б.Ерзакович әл Макдиси атап өткен Тұрар жайлы: «Если согласиться с тождеством Турар-Отрар, тогда селение Зерах, видимо, должно соответствовать селению Зернук...» деп тұжырымдайды (Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с. 28).

В.А.Каллаур жазба деректерде ортағасырлық Хувара Яныкенттен жақын жерде, ал Хайрабад қаласы Жент аймағында орналасқанын атап, бұлардың нақты орналасқан жерін анықтау үшін, біріншіден, Яныкент пен Женттің орналасқан жерін анықтау керек деп пайымдайды. В.А.Каллаур, бұрынырақ Жент қаласын Қышқаламен баламалаған болатын, ал Яныкент Жент қаласына жақын жерде орналасуы мүмкін деп жазады.

В.А.Каллаур В.В.Бартольд пен П.И.Лерхтің келтірген жазба деректерін салыстыра отырып, Яныкент атауымен белгілі екі қала болған деген тұжырымға келеді (Каллаур В.А., 1903, с. 64-66). Оның бірі П.И.Лерх жазған Сырдарияның төменгі ағысындағы, ал екіншісі Сырдарияның оңтүстігінде Жаңадария бойындағы. В.А. Каллаур Жаңадария бойында орналасқан Жанқаланы Яныкентпен баламалап, Женттен ең жақын төбелер Сырлытам 45 верстте, Құмқала – 70 верстте, ал Жанқаладан Сырлытам 30 верстте, Құмқала 25 верст жерде орналасқанын алға тартып, Құмқала мен Сырлытамды ортағасырлық Хувара мен Хайрабадпен баламалауға болады деп пайымдайды (Каллаур В.А., 1903, с. 68).

1899 ж. В.А. Каллаур хабарлаған (Каллаур В.А., 1904, с. 56) Сырлытам (Сырлытамқала) қалашығы Қызылорда

қаласынан 70 км оңтүстік-батыста, Инкәр дарияның солтүстік және оңтүстік ескі арналарының ортасында орналасқан. 1960 ж. ХАЭЭ-сы (С.П.Толстов) екінші рет ашып, қайта зерттеді. Қалашық жобасында шеңбер тәрізді, аумағы 250 м жуық. Оның солтүстік бөлігінде жобасында төртбұрышты келген цитадель орналасқан, оның көлемі 70х70 м. Цитадель қақпасы оңтүстік қабырғасында орналасқан. Қалашықты айналдыра қоршаған жалдың биіктігі 3 м, онда 26 мұнара іздері бар. Қалаға кіретін қақпа оңтүстік-батыс қабырғасында орналасқан. Қалашықтың солтүстігінде қамалмен қоршалған рабад орналасқан. Қалашық Х-ХІІІ ғғ. мерзімделеді (Толстов С.П., 1962, с. 278-281).

Сырлытам қалашығы ҚР ТМЕЖ ҚО жинағына №24 нөмірмен енген (Свод памятников, 2007, с. 318).

Ал, Құмқала ІІ қалашығы Қызылорда қаласынан 110 км батыста, Аққолқа ауылынан 15 км оңтүстік-батыста орналасқан. В.А.Каллаур орналасқан жерін атап өткен бұл қалашықты 1946-1948 жж. ХАЭЭ-сы (С.П.Толстов), 1952 ж. Н.Н.Вактурская мен М.Г.Воробьева, 1995 ж. Т. Мәми қайта зерттеген.

Құмқала ІІ қалашығында жүргізілген зерттеулер барысында төбе үстінен жиналып алынған ыдыс сынықтарын сараптай келіп, С.П.Толстов қалашықты ХІІ-ХІІІ ғғ. мерзімдеді (Толстов С.П., 1962, с. 284-286). Ал, Т.Мәми 1995 жылы Құмқала ІІ қалашығында жүргізілген зерттеу жұмыстары барысында табылған ыдыс сынықтары мен темірден жасалған бұйымдарды ХІІ-ХІІІ ғғ. мерзімдеді (Мәми Т., 2007, с. 72-73).

Құмқала ІІ қалашығы АҚК реестрге №3311 нөмірмен енген (Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 225), ал ҚР ТМЕЖ ҚО жинағына белгісіз себептермен еңбей қалған.

В.А.Каллаурдың Жентті Қышқаламен және Жанқаланы Яныкентпен баламалауы қате екенін ескерсек, жоғырыда айтылған пікірлер жаңсақ болып табылады. Сонымен қатар, В.А.Каллаурдың жазба деректеріндегі Сырдарияның бойында, Женттен 20 верст жер-

де орналасқан Сағдере, Қармақшы бекінісінен 25 верст жерде, Сырдарияның сол жағасында орналасқан Төрткүл болуы мүмкін деп жазады (Каллаур В.А., 1903, с. 68).

1904 жылдың 12 қарашасында өткен үйірме отырысында В.А.Каллаурдың «Развалины древних крепостей по р. Яны-Дарье» атты баяндамасы тыңдалып, онда В.А.Каллаур И.Беляевтің «Поперек Кызыл-Кумской пустыни» атты мақаласында Оренбай мен Шерикрабат бекіністері туралы жазылғанын алға тартып, үйірме мүшелеріне осы мақаладан үзінді келтірді (Каллаур В.А., 1904, с. 56-57).

И.Беляев Шерикрабат жайлы былай жазады: «У колодца Шерик-рабат существует драгоценный археологический памятник, большая крепость» (Каллаур В.А., 1904, с. 58). Шерикрабат жобасында төртбұрышты, қабырғаларының биіктігі 2 саженьге жуық, ені 1 сажень. Олар айналдыра 10-12 десятин келетін жерді қоршап тұр. Қамал қабарғаларының көп жері жақсы сақталған, тек мұнаралары ғана бұзылған. Ең ірі мұнаралары оңтүстік жағында орналасып, бекініске кіретін жалғыз қақпаны қорғап тұрған. Оның ішкі жағының орталық бөлігінде қамалмен қоршалған цитаделі орналасқан.

В.А.Каллаур И.Беляевтің келтірген деректеріне сүйене отырып, Оренбай (Орынбай) төбені Қарақалпақ бекінісімен, ал Шерикрабатты Шірікрабат және Шірік қаламен баламалады (Каллаур В.А., 1904, с. 59). Бұл жерде бір айта кететін мәселе, В.А.Каллаур алдыңғы мақаласында Чавек-қаланы – Бұзық-қаламен немесе Шірікрабатпен, ал Шірік қаланы – Қарақалпақ бекінісімен баламалауға болады, -деген пікір айтқан болатын (Каллаур В.А., 1903, с. 60).

В.А.Каллаур Шерик, Чирк, Чирик және Черык атауларының айырмашылығы тек әр түрлі аталғанында, негізінде бұл бір атау дейді. Ал оларға қосылған «рабат» немесе «қала» қосымшалары жергілікті тұрғындардың берген атаулары деп, олардың бірі орталық бөлігінде орналасқан бекініске көңіл бөліп, оны «рабат» десе, ал басқалары көне бекініспен, оны айналдыра орналасқан құрылыс құландыларымен

бірге «қала» деп атағандығын атап өтті (Каллаур В.А., 1904, с. 59).

В.А.Каллаурдың жоғарыда келтірілген пікіріне сүйенсек Шірікрат пен Шірік қала бір ескерткіш екендігін көрсетеді.

Шірікрат қалашығы Қызылорда қаласынан 300 км батыс, оңтүстік-батыста, Жаңақала ауылынан 90 км оңтүстік-батыста, Жаңадария өзенінің ескі өзегі бойында орналасқан. В.А.Каллаур орналасқан жерін атап, И. Беляев ашып, сипаттап жазды (Бахтыбаев М.М., 2010, с. 191). Қалашықты 1946-1949 жж. ХАЭЭ-сы (С.П.Толстов), 2004-2009 жж. ШАЭ-сы (Ж.Құрманқұлов) зерттеді. Қалашықта 1957-1959 жж. С.П.Толстов тұрақты қазба жұмыстарын жүргізіп, оны б.з.б. IV ғ. – б.з. XIII ғ. мерзімдейді (Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 223). 2004-2006 жылдар аралығында, «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасы аясында ШАЭ-сы (Ж.Құрманқұлов) қалашықта кең көлемді қазба жұмыстарын жүргізіп келеді (№1-4 қазбалар). Ж.Құрманқұлов қалашықты б.з.б. V-II ғғ. және екінші рет IX-XII ғғ. мекендеген деп тұжырымдайды.

Шірікрат қалашығы АКК реестріне №3289 (Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 223) және ҚР ТМЕЖ ҚО жинағына №1 нөмірлермен енген (Свод памятников, 2007, с. 198-203).

Орынбай қала (С.П.Толстов бойынша – Қарақалпақ) қалашығы Қызылорда қаласынан 270 км оңтүстік-батыста, Шірікрат қалашығынан 40,7 км оңтүстік-батыста, Жаңадария өзенінің сол жағында орналасқан. Ескерткішті 1946-1948 жж. ХАЭЭ-сы (С.П.Толстов), 2005 ж. ШАЭ-сы (Ж.Құрманқұлов) қайта зерттеді.

С.П. Толстов қалашықты XIX ғ. мерзімдейді (Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 224). Ал, ШАЭ-сы (Ж.Құрманқұлов) қалашықтың географиялық координатарын анықтап, суретке түсірді.

Орынбай қала қалашығы АКК реестріне №3299 (Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 224) және ҚР ТМЕЖ ҚО жинағына №9 нөмірлермен енген (Свод памятников, 2007, с. 225).

Қорыта келгенде, В.А. Каллаур Перовск уезінде аз уақыт қызмет атқарса да осы өңірдің ескерткіштерін жан-жақты зерттеп, оларды ортағасырлық жазба деректерінде кездесетін қалалармен салыстыра отырып, Сунақатаны ортағасырлық Сығанақпен, Төбесі ойықты Барчинлыгкентпен (В.В.Бартольд бойынша Бархалыгкент), Асанасты Ашанаспен, Қышқаланы Жентпен, Чавек-қаланы Бұзық-қаламен немесе Шірікратпен, Шірік-қаланы Қарақалпақпен, Көпрататты Рабататпен, Шахрабатты Рабат-туганинмен, Жанқаланы Яныкентпен, Құмқаланы Хуварамен және Сырлытамды Хайрабадпен баламалады.

Сонымен қатар, В.А.Каллаур кейінгі зерттеулерінде Чавек-қаланы Бұзық-қаламен немесе Шірікратпен, Шірік-қаланы Қарақалпақпен баламалауынан бас тартып, Орынбай төбені Қарақалпақ бекінісімен, ал И. Беляев сипаттап жазған Шерикратты Шірікрат пен Шірік қаламен баламалады.

В.А.Каллаур жазба деректерде кездесетін Тұрар қаласы мен оның маңында орналасқан Зерах елді мекені – Сырдарияның оң жағында орналасқан болса, Шорнақ пен Сидак төбелер, ал Сырдарияның сол жағында болса, Аққорған мен Келінтөбе, ал ортағасырлық Шагильджан, Баладж және Берукет қалаларын ол жазба деректерде келтірілген мәліметтерге сүйене отырып, Мейрамтөбе, Құмиян, Алғыр-салғыр немесе Молдатөбе болуы мүмкін деп тұжырымдайды.

Кенес дәуірінде Оңтүстік Қазақстанда орналасқан ескерткіштер жаңа әдістер негізінде қайта зерттеліп, осы өңірдің қала мәдениетінің қалыптасуы мен дамуы жайлы жаңа деректермен толықтырылды. Кейінгі зерттеулер В.А.Каллаур ұсынған баламалаулардың бір бөлігі қате болғандығын көрсетті.

Әдебиет:

Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии. – Т. 5. – Археология. – Отдельный оттиск. – Алма-Ата: Изд. Академии наук Казахской ССР, 1958. – 215 с.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). – Алма-Ата: изд. «Наука» КазССР, 1972. – 215 с.

Археологическая карта Казахстана. – Реестр. – Алма-Ата: Изд. Академии наук Казахской ССР, 1960. – 485 с. + 45 цв. карт, 13 вклеек.

Байпаков К.М. О локализации средневековых городов Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1977. – 144 с.

Байпаков К.М. Типология средневековых городищ Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.) // Известия Академии наук Казахской ССР. – Серия общественных наук. – № 3. – 1981. – С. 26-34.

Байпаков К.М. Қазақстанның ежелгі қалалары. – Алматы: «Аруна ltd.», 2005. – 316 – б. – Қазақстан балалар энциклопедиясы.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения в 9-ти томах. – Т. I. – Москва: изд. «Наука» гл.ред. Восточной литературы, 1963. – С. 234-235.

Бахтыбаев М.М. В.А.Каллаур еңбектеріндегі Перовск уезінің археологиялық ескерткіштерінің баламалау мәселелері // Ахмет Ясауи атындағы ХҚТУ-нің Хабаршысы. – Қоғамдық ғылымдар сериясы. – № 1 (69). – 2010. – 187-191- бб.

Вактурская Н.Н. Новые данные о городище Асанас // Этнография и этнология Средней Азии. – Москва, 1974. – С. 127-132.

Елеуов М. Шу мен Талас өңірлерінің ортағасырлық қалалары (VI-XIII ғ. басы). – Алматы: Қазақ университеті, 1998. – 210 – б.

Каллаур В.А. Древние города Саганакъ (Сунакъ), Ашнасъ или Эшнасъ (Асанасъ) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингисъ-ханом в 1219 году // ПТКЛА (1899-1900), V. – Ташкент, 1900-а. – С. 6-16. (прил. к прот. от 07.02.1900 г.).

Каллаур В.А. О следах древняго города «Джень» в низовиях реки Сыр-Дарьи // ПТКЛА (1899-1900), V. – Ташкент, 1900-б. – С. 78-89. (прил. к прот. от 11.09.1900 г.).

Каллаур В.А. Древние города, крепости и курганы по реке Сыр-Дарье, в восточной части Перовского уезда // ПТКЛА, VI. – Ташкент, 1901. – С. 69-78. (прил. к прот. № 2 от 18.09.1901 г.).

Каллаур В.А. Древние города и селения (развалины) в Перовском уезде в долине рр. Сыр-Дарьи и Яны-дарьи // ПТКЛА (1902-1903), VIII. – Ташкент, 1903. – С. 59-69.

Каллаур В.А. Развалины древних крепостей по р. Яны-Дарье // ПТКЛА (1903-1904), IX. – Ташкент, 1904. – С. 56-59.

Мәми Т. Кейінгі орта ғасырдағы Арал өңірінің қалалары (XIII-XVIII ғғ.). – Қызылорда: «Принт» баспаханасы, 2007. – 252 б.

Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. – Том I. – Алма-Ата: Гл.ред. «Қазақ энциклопедиясы», 1994. – 368 с.

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Кызылординская область. – Алма-Ата: Аруна, 2007. – 376 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – Москва: изд. Восточной литературы, 1962. – 324 с.

Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака (Сугнака) // Сообщения ГАИМК. Т.11. – Л., 1929. – С.123-159.

Резюме

В статье рассматриваются изыскания В.А. Каллаура по изучению исторической топографии Перовского уезда Сырдарьинской области. Вопросы отождествления и локализации средневековых городов Сыганак, Барчинлыгкент, Ашанас, Озгент, Жент, Бузык, Каракалпак, Ширикрат, Рабатат, Рабат-туганин, Яныкент, Хувара, Хайрабад, Турар и поселения Зерах предложенные В.А. Каллауром.

В статье также приводятся исследования средневековых городищ данного региона проведенные в Советский период и отождествления их со средневековыми городами приведенных в письменных источниках.

Summary

The article deals with surveys of V.A. Kallaur during his study of the historical topography of the county Perovsk and questions of localization of medieval cities Syganak, Barchinlygkent, Ashanas, Ozgent, Gentil, Buzyk, Karakalpakstan, Shirikrabat, Rabatat, Rabat-tuganin, Yanykent, Huwara, Hayrabad, Turar and Zerah proposed by V.A. Kallaur.

The article also contains studies of medieval settlements in the region conducted in the Soviet period and localization of their medieval towns listed in the written sources.

Малдыбекова Л.Ж.

Археологические исследования В.В. Бартольда

Ученый широкого кругозора и необычайной эрудиции, В.В. Бартольд, будучи в первую очередь историком стран Среднего Востока, включал в круг своих научных интересов также вопросы археологии и нумизматики, этнографии и эпиграфики, глубоко понимал значение археологических памятников для познания прошлого. Он писал: «история, археология и этнография захватывают сопредельные области знания, эти три науки строго не делимы, одна другую восполняют». Это определение роли археологии и ее места в исторической науке не потеряло своего значения и в наше время. Только дважды ему лично пришлось проводить полевые археологические исследования. Впервые это было в 1893 г., когда он был направлен в Туркестан Санкт-Петербургским университетом в качестве начальника маршрутной экспедиции. Как писал сам В.В. Бартольд, «исследование памятников искони культурной и оседлой Трансоксианы на этот раз не входило в круг задач экспедиции; я предполагал начать свои изыскания с окрестностей Чимкента, где обыкновенно начинались владения кочевников. Согласно инструкции факультета, я должен был обратить главное внимание на долины Чуйскую и Илийскую» (Бартольд, 1966, с. 21). В написанном после археологической экспедиции в Среднюю Азию «Отчете о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг.» автор, на основе восточных средневековых письменных источников, впервые составил исторический очерк региона Испиджаб – Талас – Чу – Нарын – Иссык-Куль – Или. Побывав на развалинах древних крепостей и городищ и используя данные средневековых

авторов, В.В. Бартольд дал этим историческим памятникам развернутую характеристику, не утратившую своего значения и в наши дни, лишь обогатившуюся за прошедшее время новыми фактами истории.

Район работы экспедиции, как уже отмечалось выше, – юг Казахстана и Жетысу/Семиречье, т.е. территория владений кочевников. Задача, поставленная перед В.В. Бартольдом заключалась в том, чтобы «в дополнении к письменным источникам о прошлом страны собрать на месте сведения о следах, оставленных прежними обитателями ее, и по возможности дать краткое описание развалин городов, укреплений и т.п.» (Бартольд, 1966, с. 24).

Экспедиция началась для В.В. Бартольда весьма неудачно, упав с лошади и повредив ногу, он вынужден был остаться в Аулие-Ате, а затем вернуться в Ташкент. Лишь через год в 1894 г. он смог продолжить свою поездку в долины Таласа, Чу, к озеру Иссык-куль и далее вдоль реки Или. Сотрудником экспедиции был художник-этнограф С.М. Дудин, составлявший описания памятников. Раскопок в ходе этих работ не производилось, и полевые исследования ограничились внешним осмотром городищ, курганов и отдельных объектов, точная хронология которых при тогдашнем уровне археологических знаний не могла быть установлена.

Прежде всего В.В. Бартольд остановился в Сайраме, отметил, что особенно древних построек теперь в Сайраме нет, но в период монгольского владычества Сайрам был значительным городом (Бартольд, 1966, с. 111.). Важно и его указание на то, что вся местность между Сайрамом и Чимкентом была густо населена в

древности (Бартольд, 1966, с. 111). По пути следования В.В. Бартольд осмотрел развалины Кабал-булак на реке Аксу, селение Тюльку-баш, особо отметив, что все древности Чимкентского уезда находятся «несколько восточнее нынешней почтовой дороги, только от селения Тюльку-баш развалины и курганы начинают встречаться у самого тракта» (Бартольд, 1966, с. 34). Далее он отметил после селения Тюльку-баш плоскогорье под названием Мын-булак («Тысяча ключей»), бывшее главным кочевьем древнетюркских ханов. В.В. Бартольд приурочил Мын-булак к ключам Чакпак недалеко от одноименного селения. Около ключей выявил большое число древних курганов и других памятников древности. Далее по пути следования он осмотрел мавзолей Айша-биби с сожалением указав, что этот выдающийся памятник архитектуры Средней Азии ежегодно все больше и больше разрушается.

Кроме описаний памятников, В.В. Бартольд в своем «Отчете» приводит и извлечения из Макдиси о городах бассейна р. Талас, специально оговаривая, что в горной части Таласской долины находились четыре города: Шельджи, Куль, Сус и Текабкет (Бартольд, 1966, с. 34). Но только один из них – Шельджи – он локализует на месте городища Садыр-Курган (Бартольд, 1966, с. 115), это подтвердилось впоследствии раскопками А.Н. Бернштама, датировавшего существование города в период VIII-XV вв. (Бернштам, 1963, с. 115-123).

В Отчетах В.В. Бартольда содержится характеристика другого крупнейшего памятника верхней части долины р.Талас – городища Актюбе. Так же как и в Садыр-кургане, он отметил вокруг него глинобитный вал длиной около 10 км, окружавший городище, на территории которого находились остатки прежних построек, кирпичи, керамика и др. В ходе раскопок А.Н. Бернштама в 1939 г. и М.А. Бубновой в 1956-1957 и 1960 гг. (Бернштам, 1938, с. 178; Бубнова, 1963, с. 125-143), на городище собран многочисленный материал, относящийся ко времени VII-XII вв. Кроме того, В.В. Бартольдом недалеко от Актюбе на правом берегу р. Кумуштаг указано существование небольшого укрепления

типа «тортколь», впоследствии обследованного П.Н. Кожемяко (Кожемяко, 1963, с. 213-214). К северу от ущелья Капка В.В. Бартольдом отмечено поселение Кутумиш, к сожалению не сохранившееся до наших дней.

Особенно важно было для В.В. Бартольда определить местоположение древнего Тараза. На основании тщательного анализа письменных средневековых источников В.В. Бартольд совершенно уверенно заключил, что Тараз находился на месте Аулие-Аты. Интенсивные археологические работы на остатках городища проводились в наше время М.Е. Массоном (1925-1927 гг.) (Умняков, 1928, с. 268-269); А.Н. Бернштамом 1936-1939 гг. (Бернштам, 1941, с. 18-65), который выяснил топографию и стратиграфию города и основные периоды его жизни; Е.И. Агеевой, Т.Н. Сениговой (Сенигова, 1972, с. 218); М.Е. Мершиевым и К.М. Байпаковым, которым удалось уточнить стратиграфию города, определить начальный этап существования города. В настоящее время Тараз относится к числу наиболее полно исследованных средневековых городов Казахстана.

В Чуйской долине им были осмотрены городища близ Чалдывара (Каинское), Шиш-Тюбе, Ново-Николаевское, Ак-Тюбе (Сретенское), Толекское, Ключевское, Кара-Джигач, Ак-Бешим, Бурана и Кара-Булак. Посетил В.В. Бартольд пишпекское и буранинское несторианские кладбища. Упоминает в своем «Отчете» Степнинское городище и древности между р. Иссык-Ата и Токмаком.

Ценные наблюдения приводит В.В. Бартольд и о памятниках кочевого населения Чуйской долины. Так он отмечает как закономерность, что курганы в Чуйской долине в большинстве своем находятся у входа в ущелья и это является характерной особенностью для всего Жетысу/Семиречья. Крупные курганы расположены как одиночно, так и рядами по 3 и 7 насыпей в ряду. Также ряды тянутся от гор в долину, т.е. с юга на север. Каменные изваяния В.В. Бартольдом встречены в разных местах Чуйской долины. Особенно ценно его известие о существовании в Кебинской долине «целого кладбища из каменных баб» (Бартольд, 1966, с. 46).

Интерес представляют и сведения о могильнике, расположенном к северу от Иссык-Атинского ущелья. В.В. Бартольд указывает на него как на кыргызское кладбище, но вместе с тем он отмечает, что оно служило местом захоронения и различных народов в древности, на что по его мнению указывают различного рода надмогильные камни: соответствующие по своей форме камням на некоторых орхонских могилах; камни, в форме усеченного конуса, с отверстием посередине, по виду напоминающие «друидические камни» в Вогезах; камни с арабской надписью; камни в виде фигур человека и др. (Бартольд, 1966, с. 44).

Подробно рассматривает В.В. Бартольд в своем «Отчете» средневековый караванный путь, идущий по Чуйской долине и другим районам Кыргызстана. Если в своей работе, вышедшей в 1893 г., он освещает этот вопрос только на основе письменных источников, то в «Отчете» он привлекает и данные своих полевых исследований 1893-1894 гг., локализуя отдельные города средневековых письменных источников на трассе этого пути (Бартольд, 1966, с. 46-50).

Значительное место уделяет В.В. Бартольд истории города Баласагуна. Им приводится подробнейшая сводка извлечений из различных письменных источников об этом городе. Помещая его в Чуйской долине вопрос о локализации этого города В.В. Бартольд тем не менее оставляет открытым (Бартольд, 1966, с. 50-57).

Древности Тянь-Шаня В.В. Бартольд осмотрел по тракту Кочкорка-перевал-Долон-Нарын-Атбашинская долина. Говоря о Кочкорской долине он отмечает, что прежде долина имела «гораздо более значительное население, чем теперь; повсюду видны следы древних могил», наиболее интересные из них находятся в верховьях долины, там же имеются и следы древнего города (Бартольд, 1966, с. 60). Кроме развалин на Атбаше В.В. Бартольд отмечает остатки древнего укрепления еще в местности Мынбулак. Около впадения Оттука в Он-арчу, кроме древних могил, замечены следы вала. В.В. Бартольд указывает на местонахождение еще двух поселений: в устьях рек Он-Арча и Лайли-Су (правые притоки реки Нарын). Близ

самого Нарына, по замечанию В.В. Бартольда, нет никаких памятников древности, кроме нескольких камней с выбитыми на них рисунками, изображающими охотников с луками и животных: верблюдов, лошадей, козлов (Бартольд, 1966, с. 60). Кроме того, В.В. Бартольдом отмечены здесь только древние могилы и стоящие рядом с некоторыми из них каменные бабы (точнее, две каменные бабы); каменные изваяния по определению В.В. Бартольда «обычного типа», стояли на запад от могил, обращены лицом на запад. Второе изваяние имело некоторые особенности — «на правом боку у нее был кисет, по форме напоминающий кисеты кошоцайдамских изваяний на Кокшин-Орхоне; голова по-видимому была украшена шлемом; по спине шел ряд бороздок, имевших вероятно целью передать полосатость материи» (Бартольд, 1966, с. 61).

В Атбашинской долине В.В. Бартольдом были зарегистрированы ряд каменных изваяний и могильников (Бартольд, 1966, с. 61), причем в могильниках он отмечает наличие разнотипных курганов: крупных по 7-10 в ряду и вытянутых в направлении север-юг и мелкие курганы с каменно-земляными насыпями или захоронения, имеющие на поверхности наброски из камней, имеющие до 10 шагов в поперечнике, или круги (кромлехи), выложенные из камня, величиной от 4-5 шагов в диаметре. Все могильники В.В. Бартольд разделил на два типа: «1) большие — четырехугольные с сильно закругленными углами, высотой от 2-х до 4-х аршин, в диаметре имеют до 30 шагов; 2) маленькие — круглые, высотой до 2-х аршин, в диаметре имеют до 15 шагов» (Бартольд, 1966, с. 61).

Значительное внимание В.В. Бартольд уделяет средневековому городу Атбаш, приводит сведения письменных источников о нем и уверенно локализует Атбаш в месте расположения развалин Кошой-Коргон (Бартольд, 1966, с. 58-60). Показывает он его значение на караванном пути, идущем из Ферганы через перевал Яссы, долину Атбаш и далее в Верхний Барсхон (Иссык-Куль). Из расспросных сведений В.В. Бартольд упоминает крепость Ширдакбек на реке Ала-Бука и развалины поселе-

ния на Сусамыре и здесь же камень с крестом, похожий на камни с бурачинского и пишпекского христианских кладбищ, заключая впрочем, что эта единственная находка может быть основана на каком-либо недоразумении (Бартольд, 1966, с. 48).

Что касается Тянь-Шаня, то даже кратковременное посещение этого района позволило В.В. Бартольду прийти к правильному выводу, что этот район Кыргызстана «всегда имел большое значение в жизни кочевников, чем в жизни оседлых народов» (Бартольд, 1966, с. 48).

Археологические памятники Иссык-Кульской котловины экспедицией В.В. Бартольда были обследованы более полно, чем предшествующих районов. Часть из них была известна по работам предшествующих исследователей, но в интерпретации В.В. Бартольда они получают несколько иное обоснование.

По северному берегу были осмотрены памятники старины в следующих местах: в районе Тору-Айгыр – «кирпичный завод», к северу от него развалины поселения; у станций Чоктал и Чолпон-Ата – наскальные изображения; мусульманское кладбище в ущелье Долоноту, в котором собрано девять плит с арабскими надписями; мусульманское кладбище на левом берегу р. Аксу, где было собрано 70 камней с арабскими надписями. Могилы были расположены рядами параллельно, причем один отстоит от другого на 1,5 м. Направление рядов – с востока на запад. Здесь отмечены могилы «двух типов: 1) плоские, окаймленные одним рядом камней; 2) слегка возвышенные, окаймленные массой камня». Неподалеку от этого кладбища – небольшое укрепление четырехугольной формы. Ряд курганов отмечены В.В. Бартольдом около речки Чон-Урюхты. Курганы эти имеют ту особенность, что «у некоторых из них на вершине, обыкновенно плоской, находится значительное воронкообразное углубление» (Бартольд, 1966, с. 62). Возможно эти курганы разграблены, тем не менее если это и так, то, видимо, они разграблены еще в древности, так как по замечанию В.В. Бартольда на дне многих воронок уже успел вырасти густой кустарник. Также В.В. Бартольд отметил по берегам р.

Чон-Урюкты ряд курганов и здесь же укрепление; курганы около р. Орто-Урюхты; каменное изваяние близ станции Ой-Тал; курганы по берегам рек Кутурга, Дженаты, Курменты (Бартольд, 1966, с. 63). На берегу озера, против Курментинского ущелья, на восток от русского монастыря В.В. Бартольдом осмотрены развалины значительного укрепления, окруженного четырехугольным валом. Сохранившаяся высота вала «1½ сажени, длина каждой стороны – 200 сажений». В.В. Бартольд отметил, что в противоположность обычным торткулям площадь укрепления покрыта множеством небольших возвышений, по-видимому, следы каких-то построек (Бартольд, 1966, с. 67-70).

Перечисленные группы курганов в большинстве своем сохранились до настоящего времени. Далее В.В. Бартольд кратко характеризует Курментинское городище и каменные изваяния, находящиеся на нем.

В восточной части Иссык-Кульской котловины в районе перевала Кызыл-Кия В.В. Бартольдом осмотрены два торткуля, древние могилы, курганы в Сан-Ташской долине и курганы в долине Каркара (Бартольд, 1966, с. 67-70). В долине р. Джергалан отмечены курганы и каменные изваяния в районе с. Джергес; к югу от г. Пржевальска – курганы и наскальные изображения (Бартольд, 1966, с. 70).

На южном побережье от г. Пржевальска до р. Тоссор зарегистрированы группы курганов, каменные изваяния и тибетские надписи в бассейнах рек Ирдык, Джуука, Тамга; два поселения – одно в местности Тоссор, другое – к западу от него на берегу реки Каджи-Сай.

Для Тонской долины дается характеристика длинной стены, городища Кан-Дюбе, групп курганов, каменных изваяний, арабских надписей и торткулей (Бартольд, 1966, с. 77).

В Ак-Сайской долине отмечено небольшое «глинобитное сооружение»; в долине реки Ак-Терек обнаружены «два холма, известные под названием Ак-Тюбе», сложенные из сырцовых кирпичей. К одному из холмов примыкает четырехугольное сооружение с длиной сторон

в 110 шагов. С южной стороны обоих холмов были замечены многочисленные глинобитные постройки и здесь же обнаружены два каменных изваяния (Бартольд, 1966, с. 71-74) К западу от долины реки Ак-Терек за рекой Уй-тал «отмечены два значительных могильника» (Бартольд, 1966, с. 74).

Кроме того, В.В. Бартольд сообщает подробные сведения о подводных развалинах озера Иссык-Куль в районах Тору-Айгыр, Чон-Кой-Суу и урочище Кой-Сары, описывая и ряд предметов, поднятых со дна озера (Бартольд, 1966, с. 63-67). Приводит он и сведения из письменных средневековых источников об озере Иссык-Куль и городах, расположенных на его берегах (Бартольд, 1966, с. 74-76).

Вторично В.В. Бартольд производил археологические работы по заданию Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии уже десять лет спустя. На этот раз он выехал в 1904 г. в Самарканд с целью изучения топографии до-тимуридского города и производства раскопок на развалинах городища Афрасиаб, опираясь на выбранные им сведения из письменных первоисточников. В работе принимал участие В.Л. Вяткин. В первом сезоне работ были начаты раскопки на самом городище к западу от цитадели, где удалось обнаружить руины соборной мечети. В 1905 г. раскопки В.В. Бартольд продолжать не стал, а дальнейшее ведение работ на площади соборной мечети было поручено В.Л. Вяткину, в распоряжение которого поступали небольшие средства, выделяемые Русским комитетом, одним из двух секретарей которого был В.В. Бартольд. С тех пор, по-прежнему интересуясь и всячески способствуя производству небольших по масштабу эпизодических археологических работ в Туркестане, он сам уже больше никогда не принимал в них участия, убедившись, что археология — не его призвание. Об этом он писал в своей краткой автобиографии: «Каждая новая попытка в этом направлении лишней раз показывала мне, что я лишен необходимых качеств для так называемых работ «в поле» над вещественными памятниками истории. Впол-

не в своей сфере я чувствовал и чувствую себя только во время кабинетной работы над письменными источниками. Из всех моих поездок в Среднюю Азию самой успешной была поездка 1902 г., когда передо мной не было других задач, кроме ознакомления с рукописными памятниками» (Автобиография В.В. Бартольда, 1927). Это обстоятельство, однако, не умаляет значения В.В. Бартольда как разностороннего ученого, всегда стремившегося использовать археологические материалы, хотя бы и не добытые им лично. Именно историческая проблематика является наиболее сильной стороной в его работах и статьях, посвященных археологии. Труды В.В. Бартольда долгое время оказывали значительное воздействие на направленность многих археологических работ в Средней Азии.

В 1919 г. на смену императорской Археологической комиссии учреждается Российская академия истории материальной культуры и В.В. Бартольд на протяжении многих лет занимает пост зам.председателя. Прекрасно осознавая необходимость проведения планомерных и систематических раскопок, он настойчиво рекомендовал воздерживаться от проведения самостоятельных, кустарных раскопок, был искренне убежден, что вести раскопки археологических объектов могут только археологи-профессионалы, вооруженные специальными знаниями, приемами и методами работы «в поле» (Бартольд, 1966, с. 126).

Среди работ В.В. Бартольда, связанных с археологической тематикой, значительное место занимают статьи о Самарканде, Мерве. В связи с интерпретацией средневековой терминологии, употреблявшейся для обозначения отдельных частей города, он изложил свою концепцию истории среднеазиатского города, которая оказала большое внимание на последующих исследователей.

Сам В.В. Бартольд с присущей ему скромностью и самокритичностью очень невысоко расценивал результаты своей экспедиции в Среднюю Азию в 1893—1894 гг., однако его работы, связанные с ней, представляют большой

и важный этап в изучение истории и археологии Кыргызстана и юга Казахстана. По словам В.М. Массона, чрезвычайно обстоятельный и добросовестный отчет В.В. Бартольда продолжает оставаться образцовым и сохраняющим свое значение по заключенным в нем многочисленным историческим данным, извлеченным из исторических источников... подборка сведений по исторической географии края и их скурпулезный анализ привели к тому, что «Отчет» В.В. Бартольда на долгие годы остается источниковедческой базой всех последующих изысканий в области исторической топографии этих областей для поры средневековья (Массон, 1965, с. 9-10).

В.В. Бартольд постоянно проявлял внимание и оказывал содействие в деле развертывания археологических работ и охраны памятников на территории Туркестана. При его помощи осуществлялось финансирование как раскопок В.Л. Вяткина в Самарканде, так и ряда работ, проведенных членами Туркестанского кружка любителей археологии, одним из членов-учредителей которого он был. Заботился В.В. Бартольд о расширении археологических работ в Средней Азии, а также их финансировании и после октябрьской революции. В ряде своих статей и заметок он ставил вопросы организации охраны памятников.

Результаты полевых исследований В.В. Бартольда 1893-1894 гг. и его труды, созданные на основе этих исследований, сохраняют свое значение и в наши дни. Особенно важным является и то, что его поездка в большей степени способствовала оживлению археологических работ в Средней Азии, придала новый импульс усилиям исследователей, что проявилось в трудах членов Туркестанского кружка любителей археологии.

Литература:

- Автобиография В.В. Бартольда // Огонек. — 1927. — № 4.
 Бартольд В.В. К вопросу об археологических находках. — Соч. — М., 1966. — Т. IV. — С. 126-129.
 Бартольд В.В. Отчет о командировке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894. — Соч. — М., 1966. — Т. IV. — С. 111-115.
 Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894. — Соч. — М., 1966. — Т. IV. — С. 21-91.
 Бернштам А.Н. Археологические работы в Казахстане и Киргизии // ВДИ. — 1938. — № 1.
 Бернштам А.Н. Городище Садыр-курган // Археологические памятники Таласской долины. — Фрунзе, 1963. — С. 115-123.
 Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. — Алма-Ата, 1941. — С. 18-65.
 Бубнова М.А. Средневековое поселение Ак-Тобе I у с. Орловки // Археологические памятники Таласской долины. — Фрунзе, 1963.
 Кожемяко П.Н. Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. — Фрунзе, 1963. — С. 145-224.
 Массон В.М. Предисловие к IV тому сочинений // В.В. Бартольд. Соч. — М., 1965. — Т. IV. — С. 9-10.
 Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. — Алма-Ата, 1972. — 218 с.
 Умняков И.И. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 г. // Изв. Средазкомстариса. — Ташкент, 1928. — Вып. 3. — С. 268-269.

Түйін

Белгілі шығыстанушы-ғалым В.В. Бартольд археологиялық ескерткіштердің өткен тарихты зерттеуде маңызын ескере отырып, еңбектерінде археология, нумизматика, этнография деректерін кең пайдаланған. Мақалада В.В. Бартольдтің жүргізген археологиялық зерттеулері жайлы айтылады.

Summary

This article deals with the archeological investigations made by V.V. Bartold.

Бобомуллоев С.

Некоторые особенности развития археологической науки в Таджикистане в годы независимости

1990-х годов и вплоть до настоящего времени археологические исследования в Таджикистане были осложнены различными социальными проблемами, связанными со строительством нового независимого Таджикистана. Несмотря на объективно сложившиеся трудности, в период начала 90-х годов XX в. получает активное развитие международная научная деятельность сотрудников отдела археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии АН РТ. Она выражалась в участии в различных международных форумах, симпозиумах, конференциях, посвященных вопросам археологии, непосредственном проведении исследовательской работы в зарубежных научных центрах, включая чтение лекций, работу в архивах и т.д. Активизировалось совместное с зарубежными партнерами проведение археологических исследований на территории Таджикистана на основе их финансовой помощи. Фактически большинство проводимых археологических работ в период обретения независимости и образования суверенного государства – Республики Таджикистан – осуществлялось на спонсорские средства зарубежных исследовательских центров. Важным аспектом сотрудничества стало непосредственное участие зарубежных специалистов в работе отдела археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ. В этот период значительно возросла роль хозяйственных отрядов. С назначением в мае 1989 г. заведующим отделом археологии и нумизматики Ю.Я. Якубова была сформулирована программа действий на ближайший период (Отчет заведующего отделом археологии Якубова Ю. за 1989-1993 гг.).

На городище раннего средневековья Кафрыкала проводились раскопки три полевых сезона – в 1989, 1990 и 2004 годах. Были получены данные, которые характеризуют последний этап в истории города, дважды захватываемого арабами (Соловьев, 2005, с. 224-227).

Работа Кулябского хозяйственного археологического отряда проводилась в 1991 году на раскопках городища Калаи Мир (Якубов, 2000, с. 284-286). Получены важные данные, которые во многом прояснили вопросы истории Куляба в раннесредневековый и кушанский периоды, уникальные материалы, свидетельствовавшие о том, что истории этого города более двух тысяч лет.

Продолжены раскопки на Кангурттуте, которые дали возможность впервые связать неолитическую гиссарскую культуру с эпохой бронзы.

На раскопках в начале 1990-х годов с палеолитической стоянки у кишлака Магмуруд Вахдатского района получен материал, который определен как относящийся к леваллуа-мустьерскому техническому варианту (Радилюловский, Филимонова, Лим, 2004, с. 121-130).

В 1992 году проведена международная археологическая экспедиция в верховьях долины р. Ширкент, в которой принимали участие американские студенты из университетов США (Отчет... за 1992 г.).

В 1994 году проводилась совместная экспедиция отряда по изучению каменного века, организованная Институтом истории, археологии и этнографии АН РТ и Немецким археоло-

гическим обществом ФРГ, которое полностью взяло на себя финансирование (В.А. Ранов, И. Шефер). Экспедиция работала в Ховалинском районе на разрезах Лахути (Оби Мазар) и Хонако. Впервые в Южном Таджикистане найдены орудия мустьерской культуры во второй палеопочве.

В 1995 году деятельность археологических отрядов финансировалась зарубежными коллегами (Отчет... за 1992 г.). Основной задачей таджикско-российско-бельгийской экспедиции (руководители В.А. Ранов и П. Хазарец) являлось изучение стратиграфии лёссово-почвенной формации разреза Тагиджар в Ховалинском районе с целью проведения корреляции палеопочв Таджикистана и Китая.

В 1996 году совместная таджикско-германская археологическая экспедиция (Институт истории, археологии и этнографии АН РТ, Немецкое археологическое общество, Германский фонд научных исследований) проводила исследование в Ховалинском районе, на лёссово-почвенных разрезах Хонако 3 и Оби-Мазар.

В этом же году отряд по бронзовому веку был занят работами на памятнике Тошгузаре (под руководством Н. Виноградовой). Здесь был выявлен богатый керамический материал. К югу от поселения Тошгузар 1 обнаружено поселение Тошгузар 3. Получены данные о могильнике поселений. Работы Кангурттутского отряда в 1996-1997 гг. (под руководством Н.М. Виноградовой) проводились на могильнике эпохи поздней бронзы Кангурттут. Характер погребения и антропологические данные сближают это захоронение с погребениями гиссарской культуры (Виноградова, 2004, с. 193-223).

С финансовой помощью зарубежных коллег в Южном Таджикистане в 1997 году работал отряд по изучению памятников каменного века, проводивший работы в Ховалинском (Оби-Мазар, Хонако) и Гиссарском (Худжи) районах. В этом же году отрядом по изучению бронзового века были продолжены исследования на памятнике Кангурттут, где раскапывались поселение и могильник.

В 1998 году Таджикско-Германская экспедиция продолжила свою работу в Ховалинском районе (Отчет... за 1998 г.). Были выявлены новые данные в верхних палеопочвах лёссово-почвенной формации, которые датируются возрастом от 600 до 100 тыс. лет. Было отмечено 25-летие исследований отдела археологии в лёссах Южного Таджикистана, которые представляют собой уникальный объект по изучению развития каратауской нижнепалеолитической культуры почти за миллион лет.

После семилетнего перерыва, в октябре 1998 года, были возобновлены раскопки на городище Тахти-Сангин. Они финансировались Фондом "Меценос" (Швейцария). Новые исследования, проводимые на городище Тахти-Сангин, находятся в своей начальной стадии. Археологические работы ведутся в трех направлениях: 1) изучение динамики развития городища в различные исторические периоды; 2) исследование структуры цитадели, ее составных частей; 3) доисследование и документирование уже открытых объектов в храме и исследования в пределах храмовой ограды (Дружинина, 2000, с. 240-242).

В Южном Таджикистане в 1999 году проводились археологические изыскания при содействии международных научных структур — Таджикско-Китайская экспедиция по изучению каменного века (Отчет... за 1999 г.) и при поддержке Института археологии Германии осуществлялась работа Тахтисангинского отряда.

В 2000 году исследования вели три экспедиции, две из которых финансировались немецкими коллегами (Отчет... за 2000 г.). В Ховалинском районе продолжила свою деятельность Таджикско-Германская археологическая экспедиция. На городище Тахти-Сангин полевые исследования проводились в трех направлениях — продолжение раскопок на цитадели городища, на восточном и северном участках.

Тахтисангинским отрядом в 2000-2001 гг. было продолжено изучение неолита Приамударинской зоны, начатое в 1973 году (стоянка Макони-Мор) (Дружинина, Худжагелдиев, 2004, с. 131-160).

В 2001 году работали три отряда. Два из них – Ховалингский отряд каменного века и Тахтисангинский отряд античного периода – функционировали на средства германских спонсоров, третий отряд – Кулябский – являлся хоздоговорным археологическим отрядом, который работал на средства, выделенные из фонда Президента РТ (Отчет... за 2001 г.).

По инициативе Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ, Кулябского государственного педагогического университета и Кулябского хукумата в 2001 году была организована археологическая экспедиция для изучения и производства раскопок на территории города Куляба. Основной задачей экспедиции стало определение этапов развития Куляба на основе археологических раскопок.

В Южном Таджикистане в 2002 году трудились 7 археологических отрядов, свои изыскания они вели на спонсорские средства, выделенные в целевом порядке из бюджета республики (Отчет... за 2002 г.). В том же году была продолжена работа Таджикско-Германской экспедиции по исследованию палеопочв юга Таджикистана. Совместно с университетом А. Гумбольта проводились раскопки на плато Харгушон. Было открыто 8 новых пунктов с 9 находками мустьерского времени. Возобновлены археологические исследования на Душанбинском городище, обследована крепость периода позднего средневековья – Хисорак в Кафирниганском районе (Филимонова, Абдуллаев, 2004, с. 343-368), проведены исследования на объектах эпохи бронзы Гелот в Восейском районе и Обкух в Московском районе.

В 2003 году на территории города Душанбе была произведена археологическая разведка по выявлению стоянок каменного века (Отчет... за 2003 г.). Были возобновлены работы на цитадели одного из замечательных средневековых памятников Средней Азии – Хульбуке (Якубов, Довутов, Кулемин, 2004, с. 334-342).

Таджико-Китайской археолого-геологической экспедицией в 2004 году основное внимание было уделено изучению стратиграфии

лессово-почвенной формации Таджикистана в связи с корреляцией этого региона с лёссовым плато Китая (Отчет... за 2004 г.). В том же году были продолжены работы на городище Тахтисангин Тахтисангинским археологическим отрядом. Было произведено дальнейшее изучение территории участка храма Окса.

Кулябским археологическим отрядом в мае-июле 2005 года проводились исследования на территории города Куляба и его окрестностей (Отчет... за 2005 г.). В самом городе было заложено 11 раскопов на территории Пионерского парка, прилегающего к крепости Чармгарони поён. Во всех раскопах были зафиксированы культурные слои, содержащие большое количество керамического материала, относящегося к греко-бактрийскому времени (III-II вв. до н.э.). В раскопе впервые были выделены слои и часть помещения, относящиеся к V-VIII вв. н.э. – эфталитскому периоду.

В последние годы происходит перестройка ведения археологических работ. Экспедиции проводятся в международном составе. Благодаря сотрудничеству таджикских археологов с научными центрами России, Германии, Франции, Италии, Японии, Китая, возобновляются археологические исследования в Таджикистане.

Литература:

Виноградова Н.М. Работы Кангуртского отряда Южно-Таджикостанской археологической экспедиции на поселении Кангуртут в 1996-97 гг. // АРТ. – Душанбе, 2004. – Вып. 29. – С. 193-223.

Дружинина А., Худжагелдиев Т. Открытие неолитической стоянки под зданием храма Окса на городище Тахти-Сангин (Южный Таджикистан) // АРТ. – Душанбе, 2004. – Вып. 29. – С. 131-160.

Дружинина А.П. Раскопки на городище Тахти-Сангин. Предварительный отчет 1998-1999 года о работах на восточном участке цитадели // АРТ. – Душанбе, 2000. – Вып. 27. – С. 240-242.

Отчет заведующего отделом археологии Якубова Ю. за 1989-1993 гг. // Архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ. Ф. 1, Оп. 3. Ед. хр. 11.

Отчет о научно-исследовательской работе отдела археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша за 1992 г. // Архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша. Ф. 1, Оп. 3. Ед. хр. 12.

Отчет о научно-исследовательской работе отдела археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша за 1998 г. // Архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ. Ф.1, Оп.3. Ед.хр. 19.

Отчет о научно-исследовательской работе отдела археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша за 1999 г. // Архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ. Ф. 1, Оп. 3. Ед. хр. 20.

Отчет о научно-исследовательской работе отдела археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша за 2000 г. // Архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ. Ф. 1, Оп. 3. Ед. хр. 21.

Отчет о научно-исследовательской работе отдела археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша за 2001 г. // Архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ. Ф.1, Оп. 3. Ед. хр. 22.

Отчет о научно-исследовательской работе отдела археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша за 2002 г. // Архив Института истории. Ф. 1, Оп. 3. Ед. хр. 23.

Отчет о научно-исследовательской работе отдела археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша за 2003 г. // Архив Института истории. Ф. 1, Оп. 3. Ед. хр. 24.

Отчет о научно-исследовательской работе отдела археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша за 2004 г. // Архив Института истории. Ф. 1, Оп. 3. Ед. хр. 25.

Отчет о научно-исследовательской работе отдела археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша за 2005 г. // Архив Института истории. Ф. 1, Оп. 3. Ед. хр. 26.

Радилюловский В., Филимонова Т., Лим С. Открытие палеолитической стоянки в южных предгорьях Гиссарского хребта // Арт. – Душанбе, 2004. – Вып. 29. – С. 121-130.

Соловьев В.С. Раскопки на городище Кафыркала в 1990 г. // АРТ. – Вып. 30. – Душанбе, 2005. – С. 224-227.

Филимонова Т., Абдуллаев А. Раскопки крепости Хисорак в верховьях Рамитского ущелья // АРТ.– Душанбе, 2004. – Вып. 29. – С. 343-368.

Якубов Ю. Я. О работе Кулябского хоздоговорного археологического отряда на городище Калаи Мир осенью 1991 г. // АРТ.- Вып. 27. – Душанбе, 2000.- С. 284-286.

Якубов Ю., Довутов Д., Кулемин А. Раскопки на городище Хульбук в 2003 г. // АРТ. – Душанбе, 2004. – Вып. 29. – С. 334-342.

Түйін

Мақалада Тәжікстан археологиясының қазіргі жағдайы сипатталады. 1990 жылдардан бүгінгі күнге дейінгі жаңа тәуелсіз Тәжікстанның құрылысымен байланысты елдегі археологиялық зерттеулер әртүрлі әлеуметтік мәселелермен қиындап кеткендігі айтылады. Соңғы жылдары археологиялық жұмыстардың жүргізілуінде қайта құру болды. Тәжік археологтарының Ресей, Германия, Франция, Италия, Жапония, Қытай ғылыми орталықтарымен ынтымақтастық орнатуында экспедиция халықаралық құрамда жүргізілуде.

Summary

The article describes modern condition of the archaeology of Tadzhikistan. It is noted that from 1990 to present time archaeological research in the country were complicated by different social problems, connected with building of new independent Tadzhikistan. In the late years rebuilding of archaeological works is being done. Thanks to cooperation of Tajik archaeologists with scientific centers of Russia, Germany, France, Italy, Japan, China, expeditions are held in international staff.

Левицкий О.Г., Кашуба М.Т.

Археология в республике Молдова: становление, современное состояние, перспективы (предварительный обзор)

Географическое положение и общая характеристика

Республика Молдова расположена на юго-западе Русской (Восточно-Европейской) равнины, на стыке с Восточными Карпатами на западе и Добруджским массивом на юге. В геологическом отношении территория занимает юго-западный край Добайкальской (Восточно-Европейской) платформы. Почти вся территория республики имеет равнинную, густо расчленённую речными долинами и балками поверхность, где выделяются орографические единицы: Молдавское плато, Северо-Молдавская и Южно-Молдавская равнины, Нижнеднестровская равнина, Центрально-молдавская и Приднестровская возвышенности, Тигечская возвышенность. Узкая полоса вдоль левобережья Днестра представляет собой западную окраину Подольской возвышенности.

Климат Молдовы умеренно-континентальный и, в целом, носит переходный характер между морским Западной Европы и континентальным Восточной, отличаясь обилием солнца, тепла и мягкой зимой. Характерной чертой климата является непостоянство амплитуд температур и осадков. Молдова пересечена довольно густой сетью речных долин, балок и оврагов. Большинство местных рек и ручьёв впадает в реки Днестр и Прут. Лишь территория южной и юго-восточной Молдовы дренируется реками, стекающими в лиманы бассейна Чёрного моря. В целом, на территории Республики Молдова

насчитывается 3739 постоянных и временных пересыхающих водотоков. Наиболее крупная транзитная река Днестр охватывает своими притоками большую часть водосборной площади междуречья. Более распространены и протяжённые правые притоки Днестра – Чёрная, Рэут, Икель, Бык, Ботна. Вторая по величине река Прут напоминает по характеру питания и течения Днестр, но значительно уступает ему по водности, его основные левобережные притоки – Раковэц, Чугур, Каменка, Сэрата.

Основным богатством края является его земля. В сложном и разнообразном почвенном покрове края выделяются три большие по площади и неоднородные группы: чернозёмы и близкие к ним почвы (80% площади), бурые и серые лесные почвы (11,5%) а также пойменные, аллювиально-луговые почвы (8,5%). В региональном плане Молдова расположена на стыке четырёх ботанико-географических областей: Восточно-Европейской широколиственно-лесной, Европейской широколиственно-лесной, Средиземноморской лесной и Евразийской степной. Сочетание этих компонентов привело к образованию сравнительно крупных и однородных в природном отношении районов. На северо-востоке республики расположена лесостепь, к западу переходящая в луговую степь. Центральная часть Молдовы занята лесными Кодрами, юг – обширными степными пространствами с небольшими включениями гырнецовых дубрав.

Флора Молдовы насчитывает более 1700 ви-

дов растений, среди которых много западноевропейских и редких средиземноморских (17%). Здесь находят свои ареалы бук, чёрный тополь, грабинник, пушистый дуб, дикий виноград, лихостая груша, которые не встречаются восточнее в пределах Русской равнины. Площадь лесов, располагающихся на водораздельных плато и склонах, преимущественно, в северной и центральной Молдове, занимает сейчас не более 10,7% территории. Они состоят из широколиственных пород, среди которых насчитываются 76 видов деревьев и кустарников с преобладанием дуба черешчатого и скального с примесью береста, граба, ясеня и др. В поймах Днестра и Прута имеются леса из дуба, тополя и ивы.

Современная фауна Молдовы окончательно сформировалась при воздействии антропогенных факторов и пополнилась выходцами из фаун западной островно-лесной и восточной степной зон. Состав её численно не богат, но таксономически разнообразен с сохранением некоторых реликтовых форм со времён плейстоцена. В наземной фауне позвоночных представлено около 460 видов гетерогенного происхождения: земноводные (12), пресмыкающиеся (14), птицы (281) и млекопитающие (73). В лесах обитают косуля, кабан, волк, лисица, барсук, ласка, 270 видов птиц. В плавнях водятся кабан, дикий кот, ондатра, гнездятся лебеди и пеликаны. Интродуцированы благородный и пятнистый олени, лани, фазан. Промысловыми видами рыб являются карп, белый толстолобик и белый амур (Republica Moldova 2009, p. 6–12, 27, 36–39, 43–51, 66, 67, 86–89).

Гармоничное сочетание всех физико-географических факторов, чередование лесных и лесостепных возвышенностей с равнинными степными просторами, благоприятное сочетание солнечной радиации, влаги, плодородия почвы, разнообразный растительный и животный мир, а также разветвлённые речные пути, как естественное условие для развития транспортных коммуникаций, благоприятствовали интенсивному заселению территории современной Республики Молдова с древнейших времён. Это представляло подходящие условия

для жизни, как для собирателей первых доисторических эпох, так и для древних сообществ земледельцев и скотоводов более развитых эпох неолита и энеолита, а также поздних периодов античности и средних веков.

Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья

Карпато-Поднестровье является относительно самостоятельным природно-географическим регионом, который соответствует крайней юго-западной оконечности Восточно-Европейской равнины. На западе он ограничен Восточными Карпатами, на юге – северо-западным побережьем Чёрного моря, а с северо-востока – Подольской возвышенностью. Он полностью включает бассейны рек Днестр, Прут и Сирет. В административном отношении Карпато-Поднестровье соответствует территориям Запрутской Молдовы (Румыния), Республики Молдова и приднестровским районам областей Украины.

Специфичность культурной ситуации и особенности культурно-исторического развития территории современной Республики Молдова, как составной части Карпато-Поднестровья, в первую очередь определяются взаимосвязью природно-географических и исторических факторов.

Природно-географические факторы, определяющие особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья (Дергачёв 1999, с. 169–221; и др.), в целом, обусловлены географическим положением региона и сводятся к нескольким основным:

– сравнительно южное местоположение Карпато-Днестровского региона в пределах Европы, что благоприятствовало его заселению с самых древнейших времен: в четвертичном периоде сюда проникают и постепенно обосновываются первые группы антропоидов. С наступлением голоцена и установлением более благоприятных жизненных условий (всеобщее потепление, формирование современной флоры и фауны, начало процесса образования аллювиальных отложений и чернозёмов) по-

явились предпосылки для успешного развития форм присваивающего (охота, рыболовство, собирательство) и производящего (земледелие и скотоводство) хозяйства, что, в итоге, привело к росту численности населения;

– полная открытость региона бескрайним просторам лесостепной и степной зон юга Восточной Европы. Это способствовало тому, что регион выступал в качестве своего рода связующего звена между Восточной Европой и близлежащими областями Юго-Восточной и Средней Европы. На юге и юго-западе, через коридор, образованный побережьем Чёрного моря и Южными Карпатами (вверх по Нижнему Дунаю), Карпато-Поднестровье соединяется со Средним Подунавьем, Балканами и далее вплоть до Восточного Средиземноморья и приальпийской зоны. Целая сеть межгорных путей связывает Карпато-Поднестровье с различными областями Внутрикарпатской котловины. Наконец, через верховья Днестра Карпато-Поднестровье соединяется и с восточными областями Средней Европы;

– расположение региона в двух природно-ландшафтных зонах: лесостепной и степной, разделенных незначительным по высоте Центрально-Молдавским плато. Степная зона (на юге) является естественным продолжением Евразийских степей, простиравшихся узкой полосой от Алтая до Дуная и далее вплоть до Венгерской низменности. Лесостепная зона (в среднем междуречье Прута, Днестра и более восточного Поднепровья) составляет своего рода переходную область между западной оконечностью степей Восточной Европы и лесными (в прошлом) массивами Восточной и Средней Европы. При общих благоприятных природно-климатических условиях обитания, лесостепная зона Карпато-Поднестровья с её плодородными почвами была более эффективной для развития земледельческого хозяйства, а степная зона с её богатым разнотравьем – для развития скотоводства;

– исключительное богатство Восточных Карпат и Прикарпатья полиметаллическими (в частности, меднорудными) сырьевыми ресурсами, а также залежами поваренной соли,

имевшими большое значение, особенно, в преистории. Их добыча и переработка стимулировали технический и социально-экономический прогресс, а также развитие обмена и торговли с весьма отдалёнными территориями. Однако для обществ, лишенных этих жизненно важных богатств, источники металла и поваренной соли всегда оставались зонами большого экономического значения, объектами завоеваний и военных походов.

Исторические факторы. На начальных фазах истории особенности развития Карпато-Поднестровья были непосредственно связаны с общим процессом миграции и заселения доисторическими человеческими обществами европейского континента. Распространение шло с юга на север, поэтому регион был заселён позднее южных областей Европы, но намного раньше центральных и северных её частей. В этой ситуации Карпато-Поднестровье выступало в качестве своеобразного трамплина (Bozias, Chirica, 2005).

Процесс дифференциации социально-исторических факторов начался только в эпоху неолита, одновременно с переходом к производящему способу хозяйствования, который в Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европе имел место в течение VIII–VI тыс. до н.э. С этого времени Карпато-Поднестровья становится зоной постоянного взаимодействия **трёх главных культурно-исторических факторов: юго-восточноевропейского, восточноевропейского и средневропейского.** Их совокупность и взаимосвязь, в конечном итоге, характеризуют своеобразие культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья как самостоятельного историко-географического региона.

Приоритетное значение в культурно-историческом развитии Карпато-Поднестровья, бесспорно, принадлежит **юго-восточноевропейскому фактору**, который находился под сильными импульсами со стороны передовых культурных центров Передней Азии и Средиземноморья. Воздействием этого фактора в Карпато-Поднестровье были обусловлены многие процессы: проникновение первых элементов производящего хозяйства и за-

тем носителей древнейшей земледельческой культуры Старчево-Криш (Маркевич, 1974; и др.); формирование и последующее развитие общностей Прекукутень-Кукутень-Триполье (Пассек, 1961; Sorochin, 2002; и др.); распространение раннеземледельческой культуры Гумельница, представленной здесь памятниками типа Алдень-Болград (Бейлекчи, 1978); передачей навыков обработки металла, металлического сырья и готовых металлических изделий (Dergačev, 2002; и др.); начиная с периода перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку Карпато-Поднестровье постепенно почти полностью включается в ареал фракийских культурных общностей (Мелюкова, 1979; Levițki, 1992, p. 119-121; 1994, p. 159-214; 2003; Кашуба, 2000, с. 241-488; и др.); в античное и позднеантичное время регион подвержен влияниям греческой и римской цивилизаций (Никудица, 1987; Самойлова, 1988; Охотников, 1990; Рикман, 1975; Arnăut, 2003; Mateevici, 2007; и др.).

Практически все культурные общности, восходящие к юго-восточноевропейским традициям, имели в своей основе, преимущественно, земледельческий уклад хозяйства и развивались путём диффузии, постепенного осваивая и присоединяя новые районы к исходному ареалу.

Вторым по значимости для культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья был **восточноевропейский фактор**, связанный с общностями степных районов Восточной Европы. Благодаря природным условиям степей уже на ранних этапах производящее хозяйство обретает характер специфичного полуподвижного, а позже и подвижного (кочевого) скотоводства. В силу экстенсивности хозяйства и под давлением демографических процессов мобильные скотоводческие племена начинают расселяться на запад, в Карпато-Поднестровье и более отдалённые районы Юго-Восточной Европы, начиная с ранних этапов среднего энеолита. Этот процесс, периодически активизируясь и затухая, протекал вплоть до позднего средневековья.

Конкретным проявлением действенности восточноевропейского фактора было расселение энеолитических скотоводческих племен в

степном Северо-Западном Причерноморье (памятники Суворовской культурной группы), что привело к почти полной блокировке влияния юго-восточноевропейского фактора на южные районы Восточной Европы. Ситуация полностью повторилась на этапе перехода от энеолита к эпохе бронзы, когда очередная волна скотоводческого населения ямной культуры распространяется на весь регион (Днестровский и Буджакский варианты ямной культуры). Затем последовали носители другой волны восточного степного населения – катакомбной культуры, а в периоды средней и поздней бронзы – носители культур Бабино (или КМК), Сабатиновка (Дергачёв, 1986; Савва, 1992; Manzura, Sava, 1994, p. 143–192; Яровой, 1985). Роль восточного фактора сохраняется и в последующие периоды железного века, о чём наглядно свидетельствуют известные в Карпато-Поднестровье памятники культур Белозерка, «киммерийской», а затем комплексы скифской, сарматской и других восточноевропейских культур (Ванчугов, 1990; Levițki, 1994, p. 159-214; Kaşuba, Levițki, 2010, p. 313–329; Андрух, 1995; Vârcă, Symonenko, 2009).

Расселение степных скотоводов осуществлялось не столько путём постепенного расширения ареала обитания, сколько за счёт кратковременных глубинных экспансий в инокультурные ареалы. Этот процесс чаще сопровождался возникновением военной ситуации и приводил к дестабилизации культурно-исторической обстановки.

Третьим, определившим культурно-историческое развитие Карпато-Поднестровья, был **среднеевропейский фактор**. Роль этого фактора сводилась к более или менее интенсивным влияниям на общности Карпато-Поднестровья. Наиболее интенсивное среднеевропейское воздействие демонстрируют культура линейно-ленточной керамики, носители которой в эпоху неолита распространились на всю территорию лесостепного Карпато-Поднестровья (Ларина, 1999, с. 10–140), а также культура шаровидных амфор, носители которой проникли вплоть до Среднего Попрутья (Dumitroaia, 2000, p. 68–81). В целом, влияния среднеевропейских общностей распространялись на периферийные и, из-

редка, на глубинные внутренние районы региона. Так, влияния культуры шнуровой керамики оказали сравнительно сильное воздействие на формирование Днестровского и Буджакского вариантов ямной культуры Карпато-Поднестровья, а носители комаровской культуры, в определённой мере, повлияли на культуру Ноуа, особенно в районах их непосредственного контакта (Дергачёв, 1986). Однако значение средневропейского фактора в развитии этой территории всё же сохраняется и для последующих периодов раннего железного века (Levički, 2003).

Взаимодействие перечисленных факторов образует единый культурно-исторический контекст, характеризующий специфику и особенности развития Карпато-Поднестровья. Отличительная черта культурно-исторического развития этих земель состоит в том, что для каждой отдельной исторической эпохи неолита, энеолита, бронзы, железа, раннего и позднего средневековья в регионе одновременно сосуществовали две или более культурные общности, относящиеся, как правило, к различным по своему происхождению культурным традициям.

Из истории археологического изучения Молдовы

Первые шаги археологии Молдовы уходят в далёкие годы конца XVIII, всего XIX и начала XX вв., когда она носила характер краеведческих изысканий. Выявление и интерпретация археологических памятников территории входило тогда в компетенцию самых разных специалистов, служащих и чиновников, стараниями которых был накоплен довольно большой фактический материал. Достойная оценка всех накопленных к середине XX в. (времени становления археологии как науки в Молдове) знаний относительно археологического «освоения» территории Молдовы (Бессарабии), деятельности преданных делу археологии представителей науки и культуры, а также деятельности научных обществ Бессарабии и других центров Российской империи дана в целом ряде специальных работ Н.А. Кетрару (2005), В.А. Дергачёва (1994) и др.

В контексте настоящей небольшой статьи отметим лишь наиболее значимые для археологии края события:

- полное картографирование Бессарабии в 1816–1828 гг., осуществлённое специальной военно-топографической комиссией при русской армии совместно с гражданской межевой комиссией, в результате чего на военные карты было нанесено большое количество курганов с указанием их высоты и местоположения;

- обширные археологические разведки, проводимые членами созданного в 1839 г. Одесского Общества Истории и Древностей. В разное время здесь побывали Т. Олофсон, Н. Мурзакевич, Н. Надеждин, В.И. Григорович и А.П. Чирков, П.О. Бурачков, В.Я. Ястребов, Ф. Брунн;

- целенаправленные раскопки курганов у с. Сарата и Павловка Ф.И. Кнауэром в 1888–1889 гг., в окрестностях Тирасполя супругами И.Я. и Л.П. Стемповскими в 1896–1911 гг. и у пос. Каменка и Кузьмин Н.Е. Бранденбургом в 1899–1900 гг.;

- научная деятельность первого молдавского археолога И.К. Суручана и основанного им в середине 70-х гг. XIX в. «Музея древностей Понта Скифского», в коллекциях которого находились египетские древности, античные амфоры, греческая и римская посуда, различные изделия из стекла, бронзы, серебра и золота, античные и генуэзско-татарские монеты, ольвийские монеты-дельфинчики и др.;

- специально составленная к открытию XI Археологического съезда в Киеве в 1899 г. БГУАК подробная «Археологическая карта Бессарабской губернии», снабжённая таблицами с различными категориями древностей;

- раскопки поселения с богато расписной керамикой (трипольской культуры) у с. Петрень Э.Р. Штерном в 1901–1902 гг.;

- находка Бородинского клада эпохи бронзы на юге Бессарабии в 1912 г.;

- научная деятельность археолога Н.Н. Морошана, открывшего и исследовавшего начиная с середины 20 по 40-е гг. XX в. в Среднем Попрутье и Поднестровье множество памятников, особенно стоянок эпохи палеолита.

Начиная с середины XX в., на территории Молдовы проводятся обширные археологические исследования, охватившие самые различные памятники эпох палеолита и мезолита, неолита и энеолита, бронзы, раннего железного века, памятники гетов и скифов, сарматов и черняховской культуры, славян, золотоордынского времени, поздних кочевников и молдавского средневековья. Значительные успехи в области археологических исследований края были достигнуты только благодаря бескорыстной помощи на протяжении всего послевоенного периода высококвалифицированных специалистов из других республик и, прежде всего, России и Украины. В становлении археологии Молдовы ведущая роль принадлежит Институту истории материальной культуры, затем Институту археологии АН СССР и его Ленинградскому отделению, а также Институту археологии АН УССР.

Основоположниками молдавской археологической науки вправе можно считать академика АН УССР П.П. Ефименко, местных археологов Г.Д. Смирнова и Г.П. Сергеева, а также докторов наук Т.С. Пассек и С.Н. Бибилова. Весьма ощутимый вклад в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. внесли такие известные археологи, как А.П. Черныш, Г.Б. Фёдоров, Э.А. Рикман, А.И. Мелюкова, Е.К. Черныш и др.

В те годы, наряду с открытием и исследованием огромного количества памятников различных эпох и идентификации их культурной принадлежности, осуществлялась и целенаправленная подготовка местных археологов, что привело к формированию в 1961 г. Сектора археологии при Институте истории АН МССР. Благодаря тесным связям между археологами Молдовы (П.П. Бырня, Г.Ф. Чеботаренко, Н.А. Кетрару, В.И. Маркевич, И.Г. Хынку, И.А. Рафалович, чуть позднее, В.Л. Лапушнян, В.А. Дергачёв, И.А. Борзияк, И.Т. Никулицэ) и сотрудниками других археологических институтов бывшего СССР, к середине 70-х гг. XX в. стало возможным издание «Археологической карты Молдавской ССР» в восьми томах, а также многочисленных монографий и статей, охватывающих все эпохи и культуры, известные на территории Молдовы.

С середины 70-х гг., в связи с массовыми раскопками в зонах новостроек, начинается интенсивное накопление источниковедческой базы, продолжается количественный и качественный рост коллектива специалистов подготовка которых, традиционно осуществлялась в научных центрах Ленинграда, Москвы, Киева и др. Усилиями старшего поколения археологов и ряда сформировавшихся специалистов (Н.П. Тельнов, О.В. Ларина, Г.И. Постикэ, В.Я. Сорокин, Е.Н. Сава, И.В. Манзура, О.Г. Левицкий, О. Мунтяну, С.М. Агульников, В.П. Хахеу, С.И. Курчатова, А. Городенко, Р.А. Рабинович, А. Заноч, Т. Арнэут, М.Т. Кашуба и многие др.) проводятся разведки и раскопки множества археологических памятников в различных зонах Молдовы, конкретизируется характерная для различных эпох культурная ситуация, разрабатываются хронология и периодизация известных здесь культурных образований, изучается культурно-историческое развитие региона и сопредельных территорий и т.д.

Археология Молдовы на современном этапе (краткий обзор)

Начиная с 90-х гг. XX в., одновременно с провозглашением независимости и образования Республики Молдова, национальная археологическая наука, как и другие научно-исследовательские направления общественных наук, потерпела глубокие преобразования и, в первую очередь, организационного характера. Создание профильного академического института (Институт археологии и древней истории) сопровождалось ощутимым уходом специалистов в другие, существующие государственные и вновь созданные частные структуры, деятельность которых включает археологические исследования. В результате последней оптимизации структуры Отделения общественных наук в 2006 г. Институт археологии получил статус Центра в составе Института культурного наследия АН Молдовы. Одновременно с этим полностью прекратилось государственное финансирование целевых археологических раскопок памятников, необходимых для фундаментальных исследований.

Из-за несовершенства законодательной базы не проводятся разведки и раскопки памятников в зонах новостроек, в результате чего многие археологические памятники были разрушены.

Вместе с тем, несмотря на трудности, археологическая наука Молдовы за период 1991–2011 гг. достигла весомых результатов. В рамках сотрудничества с зарубежными профильными институтами полевые исследования проводились на памятниках практически всех исторических эпох: палеолита и мезолита – в сотрудничестве с коллегами из Англии, Канады, Бельгии; неолита – из Германии и Бельгии; энеолита, бронзы, железа – из Румынии и Германии. Результаты этих исследований и другие обобщающие исследования были сравнительно широко освещены в профильных зарубежных журналах Англии, Германии, Бельгии, Румынии, тем самым археологическое наследие Молдовы введено в международный научный оборот, а археологи Молдовы получили международное признание. Признаны и востребованы на международном уровне и издаваемые в Молдове журналы археологического профиля: «Revista Arheologică» (издатель – Центр археологии ИКН АНМ), «Tyragetia» (издатель – Национальный Музей Археологии и Истории Молдовы) и «Stratum plus» (издатель – университет «Высшая антропологическая школа»). Определённые успешные шаги сделаны и в области законодательства: в 2010 г. опубликован регистр памятников Молдовы, принят Закон об охране археологических памятников и постановление правительства о создании Национального агентства археологии.

В настоящее время археологические исследования в Молдове и научная верификация их результатов осуществляется многими специалистами в их плодотворном сотрудничестве. Среди них специалисты основной профильной структуры (Центр археологии ИКН АНМ – 30 исследователей), а также специалисты Отдела археологии Национального Музея Археологии и Истории Молдовы, преподаватели кафедры Государственного университета Молдовы, специалисты из Государственного педагогическо-

го университета им. И. Крянгэ, университета «Высшая антропологическая школа», Свободного интернационально университета и Тираспольского государственного корпоративного университета. Исследования также проводятся в рамках научного сотрудничества с зарубежными профильными институтами, включая страны СНГ (Украина, Российская Федерация).

В ближайшей перспективе усилия археологической науки в Республике Молдова будут направлены на:

исследование этнокультурных процессов на территории Молдовы в контексте генезиса и развития европейского и евроазиатского культурного пространства с древнейших времён и до конца средних веков;

внедрение европейских методологических стандартов (интеграция в GIS; и др.) в археологические исследования в Молдове;

адаптацию норм и практики инвентаризации, охраны и использования археологического наследия Республики Молдова к опыту стран Европейского Союза.

Эти и многие другие цели и задачи будут способствовать дальнейшему определению места археологических находок из Пруто-Днестровского региона в контексте европейских и в широком смысле евроазиатских этнокультурных процессов с древнейших времён до позднего средневековья.

Литература:

- Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I вв. до н.э. – Запорожье, 1995. – 205 с.
- Бейлекчи В.С. Ранний энеолит низовьев Прута и Дуная. – Кишинев: «Штиинца», 1978. – 154 с.
- Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. – Киев: Наукова думка, 1990. – 163 с.
- Дергачёв В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. – Кишинев: «Штиинца», 1986. – 222 с.
- Дергачёв В.А. Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья. К проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы // Stratum plus, Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса. – 1999. – № 2. – С. 169–221.
- Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) //

Stratum plus, Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест. – 2000. – № 3. – С. 241–488.

Кетрару Н.А. Очерки истории археологии Молдовы. – Кишинев; Tyragetia, 2005. – 88 с.

Ларина О.В. Культура линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского региона // Stratum plus, Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест. – 1999. – № 2. – С. 10–140.

Маркевич В.И. Буго-Днестровская культура на территории Молдавии. – Кишинев: «Штиинца», 1974. – 174 с.

Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. – Москва: «Наука», 1979. – 273 с.

Никулицэ И.Т. Северные фракийцы VI–I вв. до н.э. – Кишинев: «Штиинца», 1987. – 270 с.

Охотников С.Б. Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н.э. – Киев: «Наукова думка», 1990. – 85 с.

Пассек Т.С. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1961. – № 84. – 228 с.

Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. – Москва, 1975. – 336 с.

Савва Е.Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. – Кишинев: «Штиинца», 1992. – 226 с.

Самойлова Т.Л. Тира в VI–I вв. до н.э. – Киев: «Наукова думка», 1988. – 158 с.

Яровой Е.В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. – Кишинев: «Штиинца», 1985. – 122 с.

Arnăuț T. Vestigii ale sec. VII–III a. Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați. – Chișinău, 2003. – 407 p.

Bărcă V., Symonenko O. Călăreții stepelor. Sarmatii în spațiul Nord-Pontic. – Cluj-Napoca: „MEGA”, 2009. – 502 p.

Borziac I., Chirica V. Le Paléolithique inférieur et moyen entre le Dniestr et la Tissa. – Iași, 2005. – 385 p.

Dergaciov V. Arheologia Republicii Moldova. Retrospectivă istorică // Thraco-Dacica. – București, 1994. – Vol. XV, nr.1-2. – P. 7–18.

Dergačev V. Die äneolithischen und bronzzeitlichen Metallfunde aus Moldavien. – Stuttgart, 2002. Prähistorische Bronzefunde. – Abt. XX. Bd. 9. – 227 S., 137 Taf.

Dumitroaia Gh. Comunități preistorice din Nord-Estul României. De la cultura Cucuteni până în bronzul mijlociu. – Piatra-Neamț: Memoriae Antiquitatis VII, 2000. – 335 p.

Kașuba M., Levițki O. Primă epocă a fierului (sec. XII – VIII/VII î.Hr.). Începuturile relațiilor de clasă. Considerații generale // Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică. – Chișinău „Tipografia centrală”, 2010. – P. 313–329.

Levițki O. La situation culturelle et historique dans l'espace Carpato-Dniestrien a l'époque du Hallstatt // Symposia Thracologica. – București, 1992. Nr. 9. – P. 119–121.

Levițki O. Culturile din epoca Hallstattului timpuriu și mijlociu // Thraco-Dacica. – București, 1994. – Vol. XV, nr.1-2. – P. 159–214.

Levițki O. Lumea tracică și masivul cultural nord-pontic în perioada hallstattiană timpurie (secolele XII–X î.e.n.). – București: Bibliotheca Thracologica XL, 2003. – 430 p.

Manzura I., Sava E. Interacțiuni „est-vest” reflectate în culturile eneolitice și ale epocii bronzului din zona de nord-vest a Mării Negre (schită cultural-istorică) // Memoria Antiquitatis. – Piatra-Neamț, 1994. Vol. XIX. – P. 143–192.

Mateevici N. Amfore grecești în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI – începutul sec. II a. Chr. – Chișinău: „Tyragetia” XIV, 2007. – 284 p.

Republica Moldova. Enciclopedia Moldovei. – Chișinău, 2009. – 735 p.

Sorochin V. Aspectul regional cucutenian Drăgușeni-Jura. – Piatra-Neamț: Memoriae Antiquitatis XI, 2002. – 401 p.

Түйін

Тезис түріндегі мақалада Карпат-Днестр аймағының құрамдас бөлігі ретінде Молдованың географиялық жағдайы мен жалпы сипаттамасы қарастырылады. Физикалық-географиялық факторлары ежелгі уақытта аймаққа адамдардың қарқынды қоныстануына жағдай туғызған. Оңтүстік-шығыс еуропалық, шығыс еуропалық және орта еуропалық мәдени-тарихи фактор ортасында тарихи келешегі бойынша аймақ дамуының негізін құраушы акцент бар. Молдованың (Бессарабия) XVIII ғ. соңы, XIX және XX ғғ. археология ғылымының қалыптасуындағы маңызды оқиғалар қысқаша айтылады. Бүгінгі уақыттағы Молдова археологиясының жағдайы қысқаша беріліп, оның ішінде бірінші кезекте міндеттері мен келешегі айтылады.

Summary

The article gives a brief discussion of geographic location and general description of Moldova as a part of Carpathian-Dniester region. Physiographic conditions favored the high population density since the most ancient time. The article focuses attention on the key components in the development of the region in historical perspective, including the South-East European, Eastern European and Central European cultural and historical factors. The most important events in the development of archaeological science in Moldova (Bessarabia) at the end of XVIII, XIX and XX centuries are briefly listed. The state of archeology at the present stage of Moldova, including outlines the priorities and perspectives, are described in general lines.

ҚАЗАҚСТАН МЕН
ТӨҢІРЕКТЕС
АЙМАҚТАРДЫҢ
ТАС ДӘУІРІ

КАМЕННЫЙ ВЕК
КАЗАХСТАНА И
СОПРЕДЕЛЬНЫХ
РЕГИОНОВ

Артюхова О.А.

Алан Георгиевич Медоев и палеолит Мангышлака

В последние годы произошел качественный скачок в наших знаниях о происхождении человечества в целом, о становлении человека современного типа и его расселении по поверхности планеты. Получен огромный массив новых данных о процессах адаптации человеческих популяций к изменяющимся природным условиям ледниковых эпох и межледниковий, о стратегиях питания разных человеческих видов, о влиянии древнего человечества на растительный и животный мир, о возникновении искусства и религиозно-этических представлений. Очень остро обсуждается проблема взаимоотношений человека разумного с другими современными ему представителями человеческого рода — с неандертальцами, эректусами и недавно открытыми алтайскими или денисовскими людьми на основе изучения их геномов и материальной культуры.

Казахстан в целом, и полуостров Мангыстау в особенности, в географическом плане находятся в центре всех этих процессов. Это четко показал еще 30 лет назад выдающийся исследователь А.Г. Медоев. Однако Мангыстау в научной литературе упоминается очень редко, потому что полученные им материалы практически не введены в научный оборот.

Алан Георгиевич Медоев был многогранной личностью. После обретения Казахстаном независимости, его имя неоднократно упоминается в воспоминаниях и эссе общественных деятелей, художников, архитекторов, писателей

Так, Мурат Ауэзов, размышляя о пути к становлению независимости Казахстана, вспоминает о созданном в 1963 г. молодежном движении «Жас тулпар», в котором огромную роль сыграл А.Г. Медоев. «Алан Медоев — абсолютный аристократ по духу и эстет, был мастером спорта по штыковому бою, тренером казахстан-

ской сборной по фехтованию, великолепно знал лошадей. Душой он был абсолютный казах, потому что в нем было высоко развито нравственное начало. Он видел, как несправедливо то, что происходит с казахами, и глубоко за это переживал» (На пути к обретению...).

Еще раньше, в 2001 г., в одном из интервью М. Ауэзов сказал об А.Г. Медоеве более эмоционально: «Осетин по крови, казахстанец высшей пробы по своей духовности. Великий человек. Нашу алма-атинскую интеллигенцию, включая самых ярких ее представителей, он приучил осмысливать сегодняшний день в контексте больших, едва ли не геологических эпох. Сам он был геолог и в то же время прекрасный историк. Беседы с ним подтолкнули многих из нас к серьезному изучению источников, значительную часть которых он же нам и предоставлял. Мы вышли на осевую эпоху, на эру пророков, феномен кочевых цивилизаций, увлеклись гуманитарными размышлениями неортодоксального свойства. Государство, его идеологические службы воспринимали все, что мы делали, как нечто абсолютно антагонистичное и неприемлемое. Поэтому наша коллективная монография «Эстетика кочевья», в которой была и великолепная статья Медоева, хотя и была высоко оценена в Институте философии в Москве, была сожжена по решению Бюро ЦК Компартии Казахстана» (The Panorama, 2001)

В своем блоге С. Мастеров вспоминает встречу с А.Г. Медоевым на Мангышлаке: «Алан Медоев, гениальный археолог и историк, руководитель археологической экспедиции Института геологии АН КазССР. Первый раз видел его в аэропорту Шевченко. Мы ждали посадки... Я улетал, а он прилетел. Его встречали. Показали... По трапу стремительно спустился высокий, стройный, в светлом плаще. Широ-

Фото 1. А.Г.Медоев – аспирант К.А. Акишева, ИИАЭ АН КазССР.

кий плащ, широкополая шляпа. Красавец. Не то испанский гранд, не то Петр Первый на картине Ге...» (Интернет-ресурс).

В журнале «ADAM Reader's» за ноябрь 2010 г. помещена подборка материалов об А.Г. Медоеве. Назипа Еженова, Рустам Хальфин,

Марат Сембин, Мурат Ауэзов делятся своими воспоминаниями об А.Г. Медоеве как об историке, искусствоведе, одном из первых исследователей казахстанской петроглифики. Биография реального человека обретает мифические черты.

Вот личный листок по учету кадров, заполненный рукой А.Г. Медоева 15 марта 1976 г.

Медоев Алан Георгиевич. Дата рождения – 16.IV.1934. Место рождения – Ленинград. Национальность – осетин. Образование высшее. Название учебного заведения и его местонахождение – КазГМИ (г. Алма-Ата). Факультет – геолого-разведочный (РМ). Год поступления – 1952. Год окончания или ухода – 1956. Если не окончил, то с какого курса ушел – 3-ий.

Следующая строка. Соответственно: КазГУ им. С.М. Кирова. Филологический. 1953 – 1959. Филолог.

Третья строка: аспирантура Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Первобытная археология. 1962 – 1965. Археолог.

Английский со словарем.

На другой странице, пункт 13. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности [включая учебу в высших и средних специальных учебных заведениях, военную службу, участие в партизанских отрядах и работу по совместительству]:

Сентябрь 1952 – ноябрь 1956 – студент КазПТИ

Декабрь 1956 – июль 1959 – студент КазГУ

Январь 1960 – ноябрь 1962 –

старший лаборант ИИАЭ АН КазССР

Ноябрь 1962 – апрель 1965 –

аспирант (очник) ИИАЭ

Май 1965 – сентябрь 1966 –

ст. инж. ИГН им. К.И.Сатпаева

Сентябрь 1966 – МНС.

Семейное положение в момент заполнения личного листка:

Скуина Рита Артуровна – жена

Медоева Заира – дочь (1961 г.).

К этим скупым строкам следует добавить, что Алан Георгиевич Медоев родился в 1934 году в г. Ленинграде в семье выпускника Горного института Г.Ц. Медоева и студентки Института востоковедения Зарифы Васильевны Хетагуровой. Вскоре после рождения сына семья Медоевых переехала в Казахстан, где Георгий Цараевич Медоев работал с 1927 г. и прошел путь от коллектора до члена-корреспондента АН КазССР и профессора Казахского Политехнического института. Практически все современные казахстанские геологи считают его своим учителем.

Родители Зарифы Васильевны были репрессированы, все родные находились под пристальным вниманием КГБ. Ее матери только после войны разрешили переехать в Казахстан. Зарифа Васильевна всю жизнь посвятила семье.

С 1960 г. А.Г. Медоев работал в составе геологических экспедиций ИГН, а затем самостоятельно руководил археологическими полевыми отрядами и экспедициями. Уже в первые годы своих исследований он открыл и исследовал палеолитические памятники мирового значения: Семизбугу, Туранга, Хантау, Чингиз и др. в Центральном Казахстане, Кудайколь и Карасор – в Северном Казахстане.

В 1966-1969 гг. под его началом проведены исследования на Мангыстау, в результате которых был открыт и исследован ряд памятников палеолита широкого хронологического диапазона – начиная с древнейшего этапа заселения полуострова первобытным человеком до позднего палеолита. Комплексы каменной индустрии

локализованы на сравнительно небольшой площади в заливе Сарыташ (север полуострова Тюб-караган) на плато, морских террасах и террасах сухих долин Шахбагата и Кумакапа. В горной части Мангыстау были исследованы стоянки у родников Тушибек, Онды, Шаир и др., давшие многотысячные коллекции каменных артефактов эпохи мезолита и неолита.

Одновременно он занимался изучением первобытного искусства (петроглифов, скульптуры), проблемами кочевых цивилизаций, казахского изобразительного искусства и архитектуры.

Всего А.Г. Медоеву принадлежат 40 научных и научно-популярных работ. Монография «Геохронология палеолита Казахстана», представляющая собой тезисы большого исследования, вышла посмертно. Казалось бы немного. Но каждая публикация становилась событием. Каждая работа тщательно выписана. Каждое слово выверено, занимает единственно возможное место. Не признавал публикаций в соавторстве, сам отвечал за свои слова.

К сожалению, А.Г. Медоев не успел опубликовать все собранные им материалы. Особенно это касается материалов с Мангышлака.

В статье «Радиальная система изготовления нуклеусов леваллуа в древнем палеолите Сары-Арки и Мангышлака» он характеризует мангышлакский материал очень тезисно: «Предварительная схема последовательности культур каменного века на Мангышлаке (исследования 1966-1969 гг.): протолеваллуа-ашель, леваллуа-ашель I-II, шахбагата I (поздний палеолит), шахбагата II (эпипалеолит) неолитические индустрии микролитов. Автор имел возможность изложить ее в докладе «Каменный век Казахстана» на расширенном заседании Сектора археологии Института истории, филологии и философии СО АК СССР 7 мая 1967 г., сопроводив демонстрацией образцов каменных индустрий» (Медоев, 1972, с. 140).

Следующее упоминание — в монографии «Гравюры на скалах»: «Мечеть Шахбагата находится на полуострове Тюб-Караган у залива Сарыташ. Полуостров представляет собой пустынное каменистое плато (гамада), сложенное осадочными породами мезозоя и кайнозоя.

Со стороны моря оно ограничено высокими отвесными уступами от 70 до 190 м (чинки) и серией морских террас. Поверхность плато и высоких террас интенсивно расчленена субмеридиональными глубокими долинами и логами с крутыми, нередко вертикальными бортами. Некоторые из них, например, Капам... — типичные каньоны. В коренных породах (известняки) отвесного правого борта долины Шахбагатасай над третьей надпойменной террасой высечена мечеть Шахбагата. Ее открытую фронтальную часть составляют портал с входным проемом и ряд искусственных гротов, расположенных на разных уровнях слева и справа от портала. Площадка третьей надпойменной террасы бронирована образцами каменных индустрий древнего и позднего палеолита (стоянки открытого типа)... Эта терраса служит платформой громадного некрополя...» (Медоев, 1979, с. 11). И далее: «Каменная индустрия, перекрывающая рыхлые отложения третьей надпойменной террасы долины Шахбагатасай, представлена леваллуа-ашельским и шахбагатинским (поздний палеолит) комплексами. Материалом этих индустрий служили кремнистые конкреции датского яруса..., обнаженные в логах и долинах, начиная от каньона Капам на западе и далее на восток до долины Кумакапе. В пределах этой полосы на верхней морской абразионной террасе также обнаружены аналогичные комплексы. Кремни залегают на террасах в непереотложенном состоянии, образуя местами плотные скопления (до 10-15 экз. на 1 кв.м.)...» (Медоев, 1979, с. 25).

В этой же монографии он описывает раскопанную им пещеру у южного берега залива Кочак (Медоев, 1979, с. 25-26).

В монографии «Геохронология палеолита Казахстана» приведены несколько важных наблюдений А.Г. Медоева по Мангышлаку. Так, говоря о редкости остатков териофауны антропогенного периода на территории Казахстана, он делает вывод: «... На Мангышлаке и Устюрте их не удастся обнаружить и при самых упорных целенаправленных поисках, за исключением раскопок пещерных стоянок...» (Медоев, 1982, с. 5.).

Особый интерес представляет индустрия протолеваллуа-ашель, которую А.Г. Медоев

считает аналогом олдувая. «Состав индустрии культуры протолеваллуа-ашель: нуклеусы протолеваллуазского типа; крупные и массивные сколы леваллуа (в основном отщепы прямоугольной формы); различные бифасы из краевых отщепов, обработанные сколами по краям; кливеры, изготовленные бидорзальной техникой; колуны из отщепов; сколы техники комбева (бивентральные), представляющие собой готовые, практически без вторичной обработки колуны, и т.д. У некоторых вещей этого типологического ряда обнаруживается разительное сходство с орудиями олдувайской культуры» (Медоев, 1982, с. 15). «Коллекции культуры протолеваллуа-ашель получены с двух основных местонахождений: русло безымянного лога с колодцем Шахбагата и фрагмент четвертой надпойменной террасы долины Шахбагатасай. Единичные, но очень представительные образцы извлечены из-под рыхлого чехла, прикрывающего здесь абразионную морскую поверхность» (Медоев, 1982, с. 17). «Для индустрии протолеваллуа-ашель в производство шло сырье пластов и линз (как исключение можно указать на использование в качестве исходной формы для орудий очень сильно окатанных морских галек из кремнистой породы серого цвета, из которой сделаны вещи типа чоппер и чоппинг-тул), а для всех остальных – конкреции» (Медоев, 1982, с. 18).

«Образцы леваллуа-ашеля I и II, шахбагаты I и II залегают на древних береговых валах, морской абразионной террасе, третьей надпойменной террасе долины Шахбагатасай и частично на плато, а также ступенчатых склонах плато Тюбкараган» (Медоев, 1982, с. 17-18).

В последние годы существенно изменились представления о возрасте морских террас Каспия (См., например: Dolukhanov P.M., and a., 2009). Иначе выглядит и история возникновения и расселения первобытных гоминид и человека современного типа по Земному шару. Но материалы, полученные А.Г. Медоевым в 1966-1969 гг. на

Мангышлаке, не потеряли своей научной значимости. Не утратило своей злободневности и замечание А.Г. Медоева о значении пещерных памятников для исследований каменного века Мангышлака и Казахстана в целом.

Карбонатные породы играют исключительно большую роль в сложении поверхности Мангышлака и Устюрта. В них происходят интенсивные процессы карстообразования, приводящие к образованию пещер, гротов, ниш и других убежищ, которые человек интенсивно использовал на всем протяжении своей истории. В разные годы геолого-геоморфологическим строением пещер Мангыстау занимались С.Е. Петров, А.Н. Слюсарев, Б.М. Клейнер, Э.И. Нурмамбетов, Г.М. Потапова, Ф.Ж. Акиянова и др. В настоящее время изучением карста Западного Казахстана занимаются сотрудники Института географии под руководством д.г.н. Ф.Ж. Акияновой. По их данным, пещеры в пределах равнинного Мангыстау встречаются в уступах плато и на его поверхности. По своему происхождению пещеры делятся на карстово-абразионные, карстовые и искусственные. Карстово-абразионные пещеры в известняках сарматского, мэотического и понтического яруса неогена развиты по всему побережью Каспийского моря от северной части полуострова Тюбкараган до южной границы республики. Пещеры обычно приурочены к нижней части береговых уступов плато, высо-

Фото 2. "Широкий плащ, широкополая шляпа...", 1966-1969 гг. (Шахбагата)

той от 30 до 100 м, но встречаются и в верхней их части. Образуются они в наиболее податливых к разрушению пористых, кавернозных и интенсивно трещиноватых известняках.

Размеры пещер различные. В верхней части береговых уступов преобладают небольшие пещеры длиной 5-7 м, в нижней — более крупные, длиной от 10 до 50 м. Наиболее крупные карстово-абразионные пещеры наблюдались в районе поселков Аралда и Акшукыр, а также у мысов — Мелового и Жыланды.

Одну из пещер, Ушауз, А.Г. Медоев исследовал в 1967 г. Пещера находится у южного берега залива Кочак. Имеет длину 22 м при ширине 4,2 м в 5 м от входа и высоте 3 м. Находится на значительной высоте над нижнехвалынской террасой. Разведочный шурф, заложенный в широкой части пещеры вскрыл культурные отложения с остатками кострищ, обломками костей, среди которых имеются зубы крупных млекопитающих, фрагментами керамических сосудов, осколками и отщепами кремня, костяными изделиями и т.д. Ниже 1,6 м обнаружено парное погребение в сильно скорченном положении на правом боку, ориентированное на север. Погребение не содержало сопровождающих материалов. Череп и скелеты сохранились в анатомическом порядке. Кости фоссилезованы, поверхность их имеет красноватую окраску. Над погребением находились лежащие горизонтально небольшие плиты известняка (Медоев, 1979, с. 25-26). По предварительному заключению антропологов, эти останки имеют сравнительно молодой возраст и не выходят за рамки середины голоцена.

На территории Казахстана до сих пор не обнаружено никаких антропологических останков эпохи палеолита, хотя каменных артефактов этого времени известно огромное количество. По этой причине казахстанские археологи пока остаются в стороне от решения узловых проблем антропогенеза. Это досадное отставание необходимо устранить, чтобы поднять престиж казахстанской археологии в глазах мировой научной общественности. Необходимые ступени в решении этой проблемы — описание и издание мангышлакских коллекций А.Г. Медоева, обследование территории полуострова с целью выявления пещерных палеолитических памят-

ников, их комплексное исследование совместно с представителями естественнонаучных дисциплин. Изучение мангыстауских пещер сулит много ярких и ценных научных открытий.

Литература:

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Каменный век // Большой атлас истории и культуры Казахстана. — Алматы: АО «АБДИ Компании», 2008. — С. 76-81.

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б., Таймагамбетов Ж.К. Каменный век Казахстана (Карта м-ба 7500000) // Национальный атлас РК. — Алматы, 2006. — Т. II. Социально-экономические карты. — С. 95.

Интернет-ресурс // Режим доступа: blogs.mail.ru/mail/masterovs/6CFEF5FFO40C1852.html#

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1982. — 64 с.

Медоев А.Г. Гравюры на скалах. — Алма-Ата: Жалын, 1979. — 174 с.

Медоев А.Г. Радиальная система изготовления нуклеусов леваллуа в древнем палеолите Сары-Арки и Мангышлака // Поиски и раскопки в Казахстане. — Алма-Ата, 1972. — С. 139-153.

На пути к обретению духовного единства // Страна и мир. Казахстанский общественно-политический еженедельник. — 2011. — № 38 (429). — Автор: Редакция, 11.12.2010.

Dolukhanov P.M., Chepalyga A.L., Shkatova V.K. and Lavrentiev N.V. Late Quaternary Caspian: Sea-Levels, Environments and Human Settlement // The Open Geography Journal. — 2009. — № 2. — P. 1-15.

The Panorama, № 37, 28, September, 2001.

Түйін

А.Г. Медоев (1934-1980 жж.) Қазақстан тәуелсіздігін алу жолында көпшілік қазақстандықтардың санасезімінің жоғарылауына тарихқа, өнерге, сәулеттік өнерге арналған еңбектерімен өз үлесін қосты. Оның Мангышлақтың тас дәуірін зерттеулері адамзат дамуы жөніндегі қазіргі кезеңдік түсініктерді айқындауда ерекше өзекті болып отыр және ол зерттеулер нәтижелерін жедел ғылыми айналымға енгізу қажет.

Summary

A.G. Medoev (1934-1980) his publications on history, art, architecture has inserted the great contribution to become of public consciousness kazakhstan that assisted assuming of independence of Kazakhstan. His researches of the Stone Age of Mangyshlak have got a special urgency in the light of modern representations about evolution of the person and demand the prompt preamble in a scientific turnover.

Мамиров Т.Б.

История изучения палеолита Западного Казахстана и историография проблемы

Вплоть до 60-х XX в. палеолит в Западном Казахстане не был исследован, о чем свидетельствует изданная в 1960 г. археологическая карта Казахстана (Археологическая карта, 1960), в которой были учтены все имеющиеся сведения об археологических находках, памятниках Казахстана. Открытые памятники преимущественно относятся к неолиту, энеолиту, многие из памятников имеют предварительную датировку (табл. 1).

В 60-80-е гг. XX вв. был проведен ряд крупных археологических исследований, как на территории Западного Казахстана, так и в соседних регионах. Работы, проведенные в 1958 г., впервые в Казахстане выявили по хребту Малый Каратау типичные раннепалеолитические местонахождения с многочисленными орудиями, характерными для ранней поры палеолита (Алпысбаев, 1979).

На территории Западного Казахстана район исследования палеолита стал Манкыстау, в этом большая заслуга принадлежит А.Г. Медоеву. За три года (1966-1969) им исследованы побережье залива Сарыташ на полуострове Тупкараган, долины Шахбагатасай и Кумакапе (Северный Манкыстау). Были открыты стоянки, начиная от раннего палеолита заканчивая неолитом. Результаты его работ были опубликованы в итоговом труде ученого «Геохронология палеолита Казахстана» (Медоев, 1982).

А.Г. Медоев впервые составил хронологическую шкалу палеолита Казахстана на основе археологических материалов, но с учетом данных геологии, геоморфологии и других естественных наук. Для Западного Казахстана он выделил следующие культуры: протолеваллуа-ашель

(ранний палеолит), леваллуа-ашель I (ранний ашель), леваллуа-ашель II (средний ашель-мустье), шахбагата I (поздний палеолит), шахбагата II (эпипалеолит) (Медоев, 1982, с. 14).

В культуре протолеваллуа-ашель автор находит аналогии в олдувайской культуре, и ставит в один ряд с культурой арыстанды Южного Казахстана. В один ряд с манкыстаускими памятниками А.Г. Медоев возводит, палеолитические памятники хребта Каратау, Борыказган и Танирказган. Эти памятники, по А.Г. Медоеву, самые древние на территории бывшего СССР и Азии. Выдвигает гипотезу о заселении территории Азии с Африканского материка. Также он указывает на специфический путь развития палеолита в Казахстане отличный от Африки и Европы, но значительно опережающий прогресс в Западной Европе (Медоев, 1982, с. 41).

Позднепалеолитические материалы А.Г. Медоев сравнивает с материалами Сарыарки, указывает на их схожесть и эволюцию по «единому сценарию» (Медоев, 1970, с. 213, 216). Сопоставляет материалы Сарыарки и Манкыстау с памятниками сибирско-монгольского круга (Медоев, 1979, с. 7).

Труд А.Г. Медоева – первая работа теоретического характера, посвященная палеолиту Казахстана в целом и Западного Казахстана в частности. Работа и в настоящее время не потеряла своей научной ценности и значимости.

В эти же годы археологические изыскания на Манкыстау проводит Астраханская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Так в 1967-1969 гг. она обнаружила на плато Манкыстау, у южного края песков Туесу, неподалеку от пос. Сенек,

кремневые артефакты верхнепалеолитического времени. На п-ове Тупкараган была открыта стоянка Сарыташ «...так называемого, «зубчато-го мустье»» (Мелентьев, 1972, с. 194-197).

Исследования палеолита на Манкыстау продолжил в середине 80-х гг. Ж.К. Таймагамбетов, открывший ряд палеолитических памятников Онежек 1-7, близких индустрии шахбагатинских стоянок. Для индустрии Онежек характерно наличие нуклеусов с площадкой, симметричных пластин различных форм (треугольных, прямоугольных) и малое количество хорошо обработанных орудий (Таймагамбетов, 1987а, с. 244-245).

Также Ж.К. Таймагамбетовым были вновь обследованы местонахождения Шахбагата 1. Палеолитические артефакты залегали на поверхности абразионной террасы в неперемещенном состоянии, об этом свидетельствует залегание *in situ* призматических нуклеусов и лежащих рядом сколотых с них ножевидных пластин (Таймагамбетов, 1987б, с. 581).

Интересно отметить, что в бассейне Каспийского моря в 1959-1963 гг. Л.Н. Гумилевым в составе Хазарской экспедиции Эрмитажа проведены работы по изучению климата региона. Собраны сведения о сменах периодов увлажнения и усыхания гумидной и аридной зон. В ходе работ на территории современной Калмыкии были найдены фрагменты керамики эпохи бронзы, а также палеолитические отщепы (Гумилев, 1998, с. 381).

Б.Ж. Аубекеровым был собран массовый и достаточно представительный в типологическом отношении материал в долине р. Аулие (верховья реки Жем), где около останца Жалпак (плоская гора) найдены стоянки палеолита, располагающиеся непосредственно около выходов кварцевых песчаников. «На террасах долины Аулие, протекающей около горы Жалпак, наблюдается на II террасе стоянка позднего палеолита (леваллуа-ашель II), на I террасе – эпилеолита, а у родников и на пойме – неолит» (Аубекеров, 1990, с. 46).

Автор приводит обоснование геологического возраста стоянок открытого типа, ис-

следованных А.Г. Медоевым, и подтверждает, в общем, правильность периодизации культур каменного века Казахстана, разработанного А.Г. Медоевым.

«Культура протолеваллуа-ашель и арыстанды – плиоцен – первая половина нижнего плейстоцена, ашельская, мустьерская и позднепалеолитическая культура не выходят за рамки среднего и верхнего плейстоцена, эпилеолит датируется ранней порой голоцена или самым концом послеледниковья, ... культура микролитов отнесены к голоцену. Возраст отдельных памятников требует дальнейшего изучения» (Аубекеров, 1990, с. 47).

В своей докторской работе Б.Ж. Аубекеров, развивая представление А.Г. Медоева о двух провинциях палеолита, предлагает новое районирование Казахстана для каменного века, выделяя две провинции: А – Каспийско-Аральско-Иртышская; Б – Сарыарка-Тяньшаньская с областями: А.1. Мангышлакская, А.2. Устюртская, А.3. Аральская, А.4. Мугоджарская, А.5. Иртыш-Шидертинская, Б.1. Каратауская, Б.2. Североприбалхашская-Ерементауская, Б.3. Тяньшаньская, Б.4. Алтайская, Б.5. Сарысу-Тениз-Ишимская. В пределах областей выделены районы (Аубекеров, 1992, с. 28). Также автор предлагает районирование по типу сырья и предлагает свою методику для поиска памятников каменного века (Аубекеров, 1992, с. 26-29).

Однако Л.В. Вишняцкий в своей работе, которая представляет собой обобщение того, что было сделано за советский период изучения палеолита Средней Азии и Казахстана, к периодизации А.Г. Медоева подходит несколько настороженно.

По поводу памятников эпохи палеолита на Манкыстау, Л.В. Вишняцкий говорит о том, что «имеющиеся публикации дают лишь предварительное представление о палеолите этого района» (Вишняцкий, 1996, с. 36). Это местонахождения Шахбагата, Кумакапе, Онежек. Он выражает также сомнения по поводу выделения для Манкыстау хронологических комплексов. «Материалы обоих местонахождений, количественно очень значительные, нуждаются в се-

ръемном изучении. Просмотр части коллекций приводит к убеждению, что некоторые находки действительно могут иметь нижнепалеолитический возраст (в первую очередь, отдельные рубила), но большая часть изделий, видимо, гораздо моложе. В частности, крупные, треугольные в сечении заготовки нуклеусов с продольным ребром, иногда определявшиеся как нуклеусы леваллуа, относятся к концу каменного века, скорее всего, к неолиту. Шахбагата и Кумакапе – это, прежде всего, мастерские по первичной обработке сырья, расположенные у мест выхода кремня, и эту особенность памятников обязательно следует иметь в виду, решая вопрос об археологическом возрасте материалов» (Вишняцкий, 1996, с. 36). Геологический возраст находок также ставится под сомнение. Ученый говорит об определенной трудности в определении достоверного возраста памятников Средней Азии и Казахстана, в том числе Манкыстау. К нижнему палеолиту (ашель) отнесена часть находок Шахбагата, где имеются рубила.

Автор полевые работы в регионе не проводил, но он имел возможность ознакомиться с палеолитическими материалами Западного Казахстана. Работа Л.Б. Вишняцкого теоретического характера, очень информативна и ценна в научно-практическом значении.

Большой вклад в открытие местонахождений палеолита Актюбинской области внесли геологи В.В. Родионов и Р.А. Сегедин. За период с 1978-1981 гг. Р.А. Сегедин, проводя геологическое обследование Мугалжарских гор, собрал большое количество кремневых орудий. Обнаруженные местонахождения он разбил на несколько районов. В бассейне р. Жаман-Карагала: Домбар II и Жалгыз-оба; в бассейне р. Ор – Каражар, Аралтобе II и Кожасай; в Мугалжарском районе – Борлы, Буртебай и Донгелек. Все артефакты, собранные с памятников хранятся в фондах Актюбинского областного историко-краеведческого музея (АОИКМ) (Сегедин, 1981, с. 3-4).

К палеолиту отнесено местонахождение Каражар 2, где было найдено два грубо обработанных орудия. По определению Р.А. Сегеди-

на одно из них, служило в качестве роющего и ударного орудия.

Геологом В.В. Родионовым совместно с АО-ИКМ за период с 1975-1983 гг. было накоплено большое количество материалов по каменному веку. Так в 1975 г. было обнаружено первое местонахождение палеолита в Актюбинской области, у разезда Шаруа Мартукского района. Были намечены пути поиска следов палеолитического человека в местах находок костей мамонтовой фауны (Родионов, 1976, с. 28).

Определены следующие районы: ж/д. станция Караул-Кельды; песчаный карьер Акжар; ж/д. станция Темир; правый берег р. Жем против городка Жем; пересохшее русло ручья у ж/д. станции Каир, Шалкарского района; обрыв берега р. Елек у устья р. Тамды; долина р. Елек ниже пос. Мартук; берег р. Кобды в районе одноименного поселка.

В последующем к эпохе палеолита В.В. Родионовым и С.Ю. Гуцаловым были отнесены случайные находки с местонахождений Каражар 3, Дуберсай, Шандашинское (Гуцалов, Родионов, 1976, с. 11). Надо отметить, что в зоне затопления водами Актюбинского водохранилища, проводил в 1972 г. поиск памятников каменного века Х.А. Алпысбаев, который открыл ряд неолитических стоянок (Алпысбаев, 1972).

Таким образом, в период с 1960-1990 гг. палеолит исследовался специалистами периодически на Манкыстау. Пополнялись коллекции областных музеев случайными находками (табл. 2).

С момента обретения Казахстаном независимости и созданием Института археологии им. А.Х. Маргулана исследованию палеолита Западного Казахстана было уделено большое внимание. С 1992 г. на территории Казахстана начала работу по исследованию каменного века совместная Российско-Казахстанская археологическая экспедиция (СРКАЭ), которую с Российской стороны возглавил д.и.н., академик РАН А.П. Деревянко, с Казахстанской стороны д.и.н. Ж.К. Таймагамбетов.

Для Западного Казахстана приоритетными районами были названы Манкыстау, Мугалжа-

ры. На Манкыстау исследования проводились в 1998-1999 гг. СРКАЭ в 1998 г. в ходе разведочных работ было обнаружено 6 палеолитических местонахождений с поверхностным залеганием артефактов. В 1999 году были обследованы западные уступы плато Устюрт, пески Бостанкум, уступ Куланды, территория в районе озера Карашек. Было выявлено 11 новых местонахождений, относящихся к эпохе палеолита. Наиболее перспективным для дальнейшего изучения был выделен пункт 13, где археологические материалы отличаются повышенной концентрацией, разнообразием и большой типологической выраженностью. Местонахождение было определено как мастерская с элементами поселенческого комплекса (Деревянко и др., 1999, с. 44).

По материалам палеолитических местонахождений с пунктов Мангышлак 1-7, 9-14 и пунктов Узень 11, 12, 15, 15а, 16-21, 23 и 25 была защищена кандидатская диссертация А.К. Абдыкановой (Абдыканова, 2007).

Мугалжарские горы исследовались в течение трех полевых сезонов (1999-2001). В ходе полевых исследований было обнаружено более 60 памятников эпохи палеолита в верховье р. Жем и Ор. Памятники охватывают значительный хронологический отрезок (от раннего до позднего палеолита).

Палеолиту Мугалжарских гор посвящено было несколько публикаций. В книге «Каменный век Казахстана: Исследования Российско-казахстанской археологической экспедиции в Казахстане (1998-2001)» представлены материалы археологических исследований памятников в условиях аридной зоны. Раскрывается методика исследования археологических объектов с поверхностным залеганием артефактов, дается подробное описание археологических находок и технико-типологический анализ всей совокупности каменного инвентаря (Деревянко и др., 2003, с. 4).

Отдельная коллективная монография посвящена ашельским памятникам Мугалжар. Мугалжары с обильной ашельской индустрией был включен в зону распространения ашеля с

бифасами (Деревянко и др., 2001). Эти памятники показывают единую линию развития на протяжении палеолита. Аналогии ашельским комплексам Мугалжар приводят на Южном Урале. Это стоянка Мысовая, территориально наиболее близкая. Также аналогии прослеживаются на памятниках Манкыстау, Южного Казахстана (Борыказган, Танирказган), где также характерно наличие бифасов в раннем палеолите и схожей леваллуазской техники первичного расщепления.

Но наиболее близкие параллели указаны на Кавказе. Это памятники Сатани-Дар, Яштух, Кударо 1 (слой 5в), Кударо 3 (слой 8а) и др. Технико-типологический характер индустрии Мугалжарских гор близок с кавказскими объектами, для которых были получены абсолютные даты. Возраст памятников лежит в пределах 550-350 тысяч лет назад. Мугалжарские памятники по аналогии с памятниками Кавказа датированы этим возрастом. Предполагают, что заселение территории Западного Казахстана в плейстоцене шло с Кавказа.

В монографии поднимаются актуальные вопросы, связанные с изучением памятников с поверхностным залеганием артефактов. Данному вопросу была посвящена отдельная статья (Деревянко и др., 1999, с. 50-55).

На основе имеющихся материалов предложена была точка зрения по поводу раннего палеолита Средней Азии и Казахстана. Судя, по имеющимся на данный момент археологическим материалам выделяют несколько линий развития: а) каратауская галечная (Оби-Мазар, Каратау, Лахути); б) микроиндустриальная (Кульдара, Кошкурган, Шоктас); в) зубчатая (Кульбулак, Сельунгур); г) мугалжарский ашель с бифасами (Мугалжары, Шахбагата, Танирказган, Бориказган) (Деревянко и др., 2001, с. 30-32).

Исследования Мугалжарских гор за эти годы внесло большую практическую ценность в понимании палеолита не только Западного Казахстана и Казахстана в целом, но и всего Евразийского пространства.

Палеолит ЗКО в 2001-2003, 2005 гг., исследовал отряд по изучению каменного века в составе Уральской комплексной археологической экспедиции (УКАЭ) Института археологии им. А.Х. Маргулана НАН РК. В 2001 г. было выявлено 23 местонахождения каменных индустрий. Особенно были интересны находки изделий эпохи палеолита (Шалкар 1-4, Родники 1-3) (Артюхова, Бексеитов, 2002, с. 17-42).

Местонахождения Шалкар 1-4 представляют собой остатки стоянок-мастерских древне- и позднепалеолитического возраста. Памятники свидетельствуют о заселении территории Прикаспийской низменности до и после затопления ее водами Раннехвалынского моря.

Стоянки-мастерские Родники 1-3 приурочены к выходам кварцитовидных песчаников на северном берегу Раннехвалынского моря. Разведочные сборы показали присутствие древне- и позднепалеолитического населения на древних берегах Каспия.

В 2002-2003, 2005 гг. были проведены раскопки стоянки-мастерской Ешкитау (Большая Ичка). Артефакты представлены, преимущественно, нуклеусами, заготовками нуклеусов, отходами их производства. Небольшой процент составляют орудия – скребла, бифасиальные наконечники листовидной или подтреугольной формы, зубчато-выемчатые орудия, резцы и др. Сырье – кварцитовидные песчаники светло-серого цвета разного качества (Артюхова, Мамиров, 2005, с. 89-102). Данный памятник выделен как перспективный для дальнейшего изучения, существует возможность находки органических остатков (костей, древесины, кострищ), а также наличие погребенных орудий, что для аридной зоны не характерно.

В 2006 г. согласно договору между Институтом археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК и «Областным центром истории, этнографии и археологии управления культуры Актыубинской области» был создан Палеолитический отряд для проведения разведочных работ в Актыубинской области, нацеленный на поиск памятников каменного века. В 2006 г. разведкой были

охвачены Хромтауский и частично Каргалинский и Темирский районы. За исключением местонахождения Абай 4 и отдельных предметов с местонахождения Сарымурза 1, имеющих палеолитический облик, все памятники относятся к разным эпохам голоцена – мезолиту, неолиту и энеолиту (Артюхова и др., 2006).

В 2008 – 2009 гг. Мугалжарским отрядом под общим руководством д.и.н., Таймагамбетова Ж.К. производились разведочные работы в одноименном районе Актыубинской области. Было открыто более 60 памятников палеолита, от ранних этапов до поздних (Таймагамбетов, Мамиров, 2010).

В настоящее время работы по исследованию палеолита Западного Казахстана продолжают-ся. В последние годы был сделан большой задел в изучении каменного века в регионе, происходит переосмысление взглядов на историю региона, создаются региональные центры (табл. 3-4). Однако многие районы еще до сих пор являются на карте «белым пятном».

Кратковременные работы в конце 60-х гг. XX в., проведенные А.Г. Медоевым в Манкыстау, требуют более детального пересмотра. Археологические работы были эпизодическими, и тот задел, который был заложен А.Г. Медоевым практически остался неизменным для Манкыстау. Многие положения устарели и не соответствуют истине, крайне актуальной является соотношение ранних комплексов протолеваллу-ашель, которые по типологии являются несколько поздними и не согласовываются с результатами последующих работ.

Работы в Мугалжарских горах позволили выделить ашель с бифасами, в палеолите Казахстана и Средней Азии. Открытые памятники с «поверхностным культурным горизонтом», стратифицированных объектов не было обнаружено, возможность открытия таких памятников существует. Разведочные работы 2009 г. показали наличие артефактов в красноцветных глинах.

Большинство памятников представлены стоянками «открытого» типа, многие сборы

на памятниках были выборочными, что препятствует созданию полноценной картины прошлого региона. Открытие стратифицированной стоянки-мастерской Ешкитау в Северном Прикаспии позволило получить каменные артефакты, залегающие инситу. Небольшие площади раскопок в 2002, 2003 и 2005 гг. дали большой материал, однако необходимо проведение дополнительных разведочных работ в Манкыстау и Мугалжарах с целью выявления палеолитических объектов с погребенным культурным слоем.

Литература:

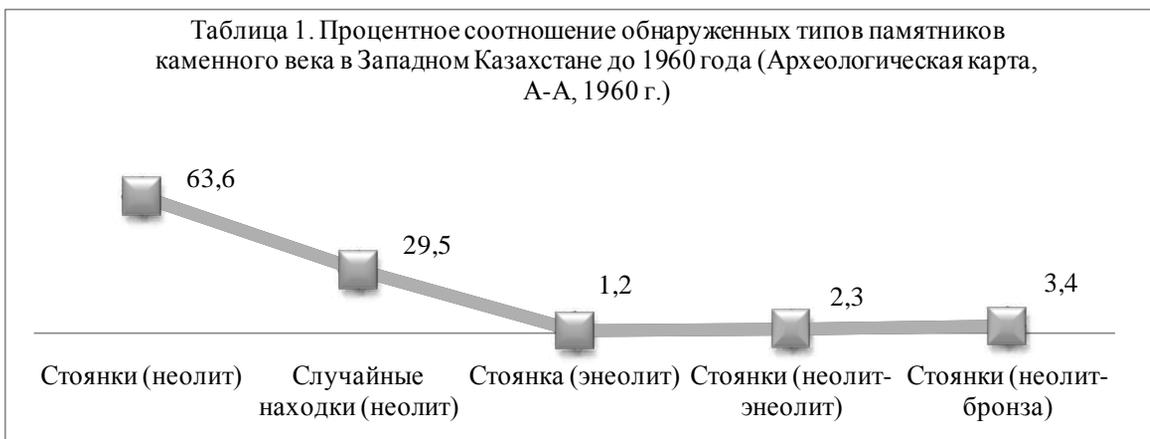
- Археологическая карта Казахстана. – Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1960. – 487 с.
- Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 208 с.
- Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1982. – 64 с.
- Медоев А.Г. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. – С. 200-216.
- Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. – Алма-Ата: «Жалын», 1979. – Ч. 1. – 171 с.
- Мелентьев А.Н. Разведка памятников древности в Западном Казахстане // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, 1972. – С. 194-197.
- Таймагамбетов Ж.К. Проблемы палеолита Западного Казахстана // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: тез. докл. Всесоюзн. археол. конф. – М.: Наука, 1987а. – С. 244-245.
- Таймагамбетов Ж.К., Нуркабаев М.С. Исследование на Мангышлаке // АО 1985 года. – М.: Наука, 1987б. – С. 581.
- Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1998. – 592 с.
- Аубекеров Б.Ж. Геологический возраст палеолита Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. – Новосибирск, 1990. – С.44-47.
- Аубекеров Б.Ж. Континентальные четвертичные отложения Казахстана: Автореф. дисс. на соискание докт. геол.-минер. наук. – А-А, 1992. – 52 с.
- Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб: Изд-во «ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ», 1996. – 213 с.
- Сегедин Р.А. «Археологические находки, сделанные в 1978-1981 гг. в Актыбинской области» Бассейн реки Ор // Фонды АОИМК. КП – 9374.
- Петров Н.П., Родионов В.В. Отчет об археологической разведке в Актыбинской области летом 1975 года // Фонды АОИМК. – Актыбинск, 1976. КП – 9380.
- Гуцалов С.Ю., Родионов В.В. Отчет об археологической разведке в Актыбинской области 1983 года. Актыбинск, 1984. Рукопись. Фонды АОИМК. № 2000.
- Алпысбаев Х.А. Отчет Актыбинской археологической экспедиции в зоне Актыбинского водохранилища на реке Илек. А-А, 1972. Рукопись. Фонды ИИАЭ. № 264.
- Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Г., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Исакаев Г.Т. Исследования памятников эпохи палеолита на плато Мангышлак в 1999 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт. СО РАН, 1999. – Том 5. – С.42-45.
- Абдыканова А.К. Палеолитические комплексы полуострова Мангышлак (Западный Казахстан): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2007. – 32 с.
- Деревянко А.П., Петрин В.Г., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт. СО РАН, 2001. – 136 с.
- Деревянко А.П., Петрин В.Г., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Славинский В.С. Каменный век Казахстана: Исследования Российской-казахстанской археологической экспедиции в Казахстане (1998-2001). – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт. СО РАН, 2003. – 184 с.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Палеолитические комплексы поверхностного залегания Мугоджарских гор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 1999. – С. 50-55.
- Артюхова О.А., Бексеитов Г.Т. Древнейшие памятники Западно-Казахстанской области (палеолит) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2002. – Вып. 1. – С. 17-42.
- Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Исследования палеолитического памятника Ешкитау в 2005 году // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2005. – Вып. 4. – С. 89-102.
- Артюхова О.А., Таймагамбетов Ж.К., Мамиров Т.Б., Жусупкалиев Т.Т., Майгельдинов К.У. О поисках памятников каменного века в Актыбинской области в 2006 г. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2006. – Вып. 5. – С. 138-150.
- Таймагамбетов Ж.К., Мамиров Т.Б. Новые палеолитические памятники в Мугалжарах // Кадырбаевские чтения – 2010: матер. II Междунар. научн. конф. – Актобе, 2010. – С. 33-37.

Түйін

Мақалада Батыс Қазақстанның палеолит дәуірі кезеңіндегі ескерткіштердің зерттелу тарихы берілген. Палеолиттің зерттелуі 60-жылдардың ортасында Маңғыстау өңірінен бастау алады. Әрбір жылда А.Г. Медов, Ж.К. Таймағамбетов, О.А. Артюхова, А.П. Деревянко, В.Т. Петрин өз кезегінде палеолиттің зерттелуіне үлкен үлестерін қосты. Батыс Қазақстан үшін палеолитті зерттеуде қолайлы аймақ болып табылатындар Маңғыстау, Мұғалжар, Солтүстік Каспий. Осы өткен жылдар аралығында аймақтардағы палеолит дәуірін зерттеу Батыс Қазақстан үшін мол тәжірибелік еңбек болды. Қазіргі уақытта палеолитті зерттеу жұмысы аймақтарда жүріп жатыр. Қосымша барлау жұмысын Маңғыстау мен Мұғалжарда жүргізуді қажет етеді себебі мәдени қабатта көмілген палеолиттік объектілерді шығару мақсатында.

Summary

In article the review of history of research of monuments of a paleolith of the Western Kazakhstan is given. Studying of a paleolith of region has begun with the middle of 60th years on Mankystau. In different years A.G.medoveym, Z.K.Tajmagambetovym, O.A.Artjuhovoj, A.P.Derevjanko, V.T.Petrinym is brought the big contribution to studying of a paleolith of region. For the Western Kazakhstan priority areas in paleolith research are Mankystau, Mugalzhar, Northern Prikaspy. Researches of the given areas for these years has brought the big practical value in understanding of a paleolith of the Western Kazakhstan. Now works on research of a paleolith of region proceed. Carrying out of additional prospecting works in Mankystau and Mugalzharah for the purpose of revealing of Paleolithic objects with a buried occupation layer is necessary.

Палеолитические памятники Западного Казахстана открытые в 60-80 гг. XX в.

Таблица 2.

Памятники	Годы работы	Исследователь	Место
Шахбагата, Кумакапе, Сарыташ	1966-1969	А.Г. Медоев	Манкыстау побережье залива Сарыташ на полуострове Тупкараган и долина Кумакапе
Сенек	1967-1969	А.Н. Мелентьев	Манкыстау, возле пос. Сенек
Сар-Таш	1970	А.Н. Мелентьев	п-ов Тюбкараган
Онежек 1-7 Шахбагата 1.	1985, 1989	Ж.К. Таймагамбетов	Манкыстау
Жалпак		Б.Ж. Аубекеров	Мугалжары, в долине р. Аулие, около останца Жалпак
Каражар 2	1978-1981	Р.А. Сегедин	Мугалжары
Шаруа	1975	В.В. Родионов	Актюбинская область, правый берег р. Елек
Каражар 3, Дуберсай, Шандашинское	1983, 1986	В.В. Родионов, С.Ю. Гуцалов	Актюбинская область

Таблица 3. Интенсивность полевых исследований палеолита в регионе в ходе целенаправленных экспедиционных работ

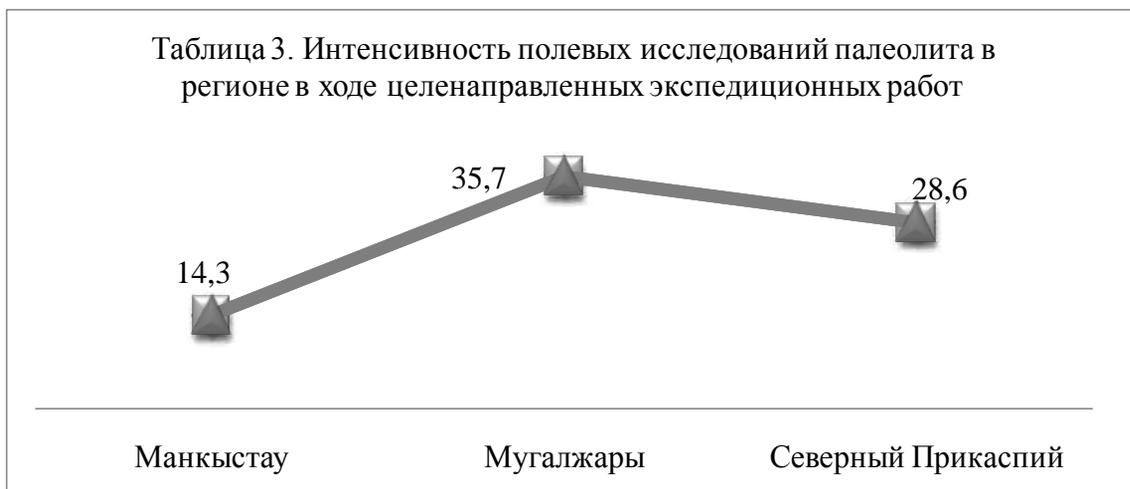

Палеолитические памятники региона открытые в с начала 90-х гг. XX вв

Таблица 4.

Памятники	Годы работы	Исследователь	Место
Мангышлак 1-7, 9-14 и пункты Узень 11, 12, 15, 15а, 16-21, 23, 25	1998-1999	СРКАЭ	Манкыстау
Мугалжарская группа стоянок	1999-2001	СРКАЭ	Мугалжарские горы, в верховье р. Жем и в окрестности села Родники
Шалкар I-IV, Родники I-III стоянки – мастерской Ешкитау.	2001-2003, 2005	УКАЭ	ЗКО, бассейн р. Деркул, побережье оз. Шалкар
Эмба мазар 1-7, Ушкатгысай 1-3, Миялыколь 1-3, Терисбутак, Камыстыколь 1-2, Караколь 1-8, Кокеу 1-4, Сорколь 1-2 и др.	2008 – 2009	Таймагамбетов Ж.К., Мамиров Т.Б.	Мугалжары

Волошин В.С.

Новые памятники палеолита с галечным инвентарём в бассейне Сарысу

К памятникам палеолита с галечной индустрией в бассейне Сарысу ранее были отнесены Музбель 1-2 (Клапчук, 1970) и Обалысан 1 (Клапчук, 1971). Во время разведок 2000-2003 гг. здесь были обнаружены новые памятники — Когалайжар, Жаркум/Джаркум, Азат 4, Сюргута, Музбель 3. Первые два памятника находятся на высоком правом берегу — коренном склоне долины р. Сарысу на месте пересечения ею песков Моинкум. Археологический материал здесь найден среди довольно редких россыпей кварцитовых галек и обломков окаменелой древесины на эродированных склонах песчаных пород палеогена и, вероятно, нижнего миоцена. В небольшой коллекции из Когалайжара, насчитывающей немногим более 40 в различной степени эолово коррадированных предметов, преобладают гальки и обломки со следами сколов — часть из них можно отнести к классу архаичных ядрищ. Среди орудий имеется сильно сглаженный унифасный концевой чоппер с ровным выпуклым лезвием, выделенным широкой боковой выемкой от лицевого скола (рис. 1, 1). Другое, столь же сильно сглаженное орудие, представляет тип остроконечного частично бифасного чоппера (рис. 1, 2). Третий предмет, аналогично сглаженный, несколько напоминает грубо приготовленный одноплощадочный нуклеус, с фронта которого сняли боковой фас (рис. 1, 3). Ещё один тип представляет орудие из расколотой гальки с пологими инверсионными фасетками на краях (рис. 1, 4). Имеется также орудие с оформленным фасетками массивным выступом на конце расколотой гальки (рис. 1, 5). К выемчатым орудиям относятся два образца, в том числе небольшая галечка с клетонской выемкой (рис. 1, 6). Остальные

орудия представлены фрагментами (рис. 1, 7). Отличительная черта коллекции — отсутствие сколько-нибудь выразительных отщепов. Материал из Жаркума, столь же незначительный, аналогичен описанному и представляет собой тип архаичной галечной индустрии раннего палеолита. Памятник Азат 4 находится примерно в 20 км к юго-востоку от горы Азат в северной части пустыни Бетпакдала и приурочен к днищу широкой аллювиальной долины эоплейстоцена (Малиновский, 1967). Археологический материал был собран на поверхности мелкого кварцитового галечника, покрывающего породы перми. Галечник, очевидно, является базальным для аллювиальной формации эоплейстоцена. В коллекции всего 19 предметов из кварцитовых галек. Все они отмечены значительной степенью эоловой корразии. Среди орудий имеются боковой бифасный чоппер, сильно повреждённый десквамацией (рис. 2, 1), концевой унифасный чоппер (рис. 2, 2), концевой бифасный чоппер, оформленный распространёнными пологими фасами (рис. 3, 3), довольно архаичные орудия с оформленным выступом из галек и отщепов (рис. 2, 3-5; рис. 3, 5-8), выемчатые орудия из галек (рис. 2, 8; рис. 3, 1), архаичные нуклеусы из галек (рис. 2, 6-7; рис. 3, 2, 4, 9). Материал относится, вероятно, к типу несколько более продвинутой галечной индустрии раннего палеолита. Памятник Сюргута расположен на левобережье Сарысу в районе устья р. Кара-Кенгир, приурочен к днищу плиоценовой аллювиальной равнины. Находки собраны среди россыпей кварцитового галечника-валунника поверх красноцветных глин верхнего миоцена, возвышающихся над поверхностью аллювиальных террас р. Сарысу. В отличие от памятника

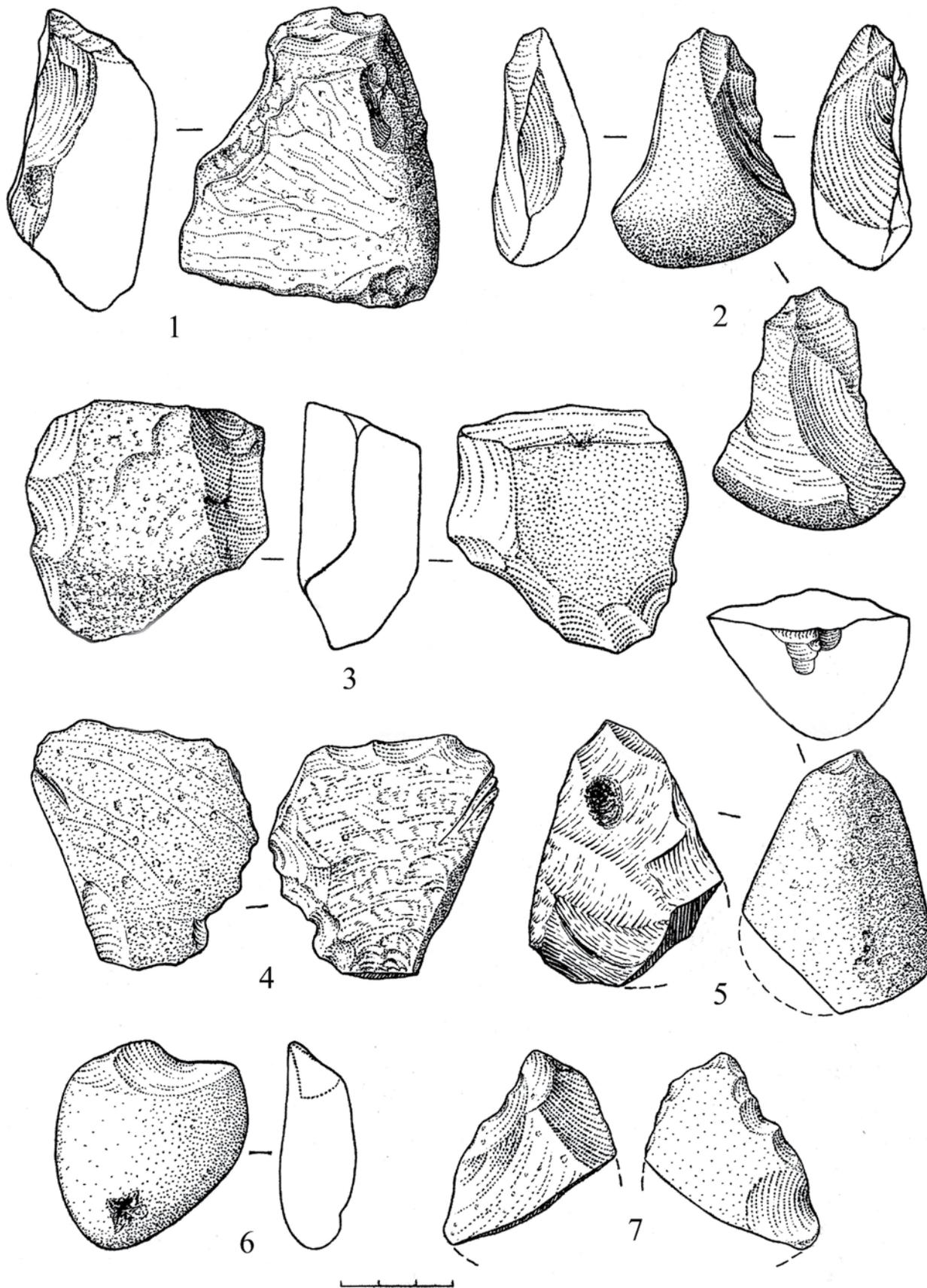

Рис. 1. Каменные изделия с памятника Когалайжар.

Музбель 1-2, в Сяргуте толща плиоценового галечника-валунника была полностью разрушена — на поверхности верхнемиоценовых глин сохранились лишь редкие образцы желтоватых галек и валунчиков. При сборах было получено 18 предметов из кварцитовых галек. Все они отмечены сильной степенью эоловой коррозии. Среди орудий имеются концевые струги, изготовленные как из целых плоских галек (рис. 4, 1), так и грубо оформленные фасетками на краях (рис. 4, 2). Найден также частично-бифасный обушковый нож, изготовленный из плоской гальки (рис. 4, 4). Имеется также своеобразная форма бокового обушкового ножа с лезвием, оформленным широкими пологими фасадами, подобно колуну (рис. 4, 5). Представлен ещё один тип ножа — из отщеп с транкированным окончанием (рис. 4, 8). Орудия дополняются плоскими отщепами, внешне напоминающими леваллуазские (рис. 4, 6-7), а также небольшим одноплощадочным приготовленным нуклеусом с фасетированной скошенной площадкой (рис. 4, 3). Коллекция Сяргуты, по сравнению с описанными выше памятниками, отмечает, вероятно, тип ещё более развитой галечной индустрии раннего палеолита. Памятник Музбель 3 расположен на правом берегу Сарысу в 2,5 км к северу от Музбеля 1-2 и вблизи возвышающейся толщи палеогеновых конгломератов. На месте памятника толща плиоценового галечника-валунника и, частично, подстилающие красноцветы верхнего миоцена подверглись разрушению от склоновой эрозии — галечный материал оказался рассеянным на поверхности маломощного четвертичного делювиального суглинка, выполняющего ложбину стока. Галечный археологический материал в своём положении на плане тяготеет больше к южному борту ложбины, смыкающемуся с толщей плиоценового галечника-валунника. По северному борту ложбины, примыкающему

к палеогеновым конгломератам и песчаникам, рассеяны артефакты, изготовленные преимущественно из обломков сливного алевритистого песчаника. В отличие от галечных артефактов, последние демонстрируют широкий спектр изношенности поверхностей — от сильной сглаженности до почти «свежего» состояния. Галечные артефакты всегда несут на себе признаки сильной степени эоловой коррозии. Эта группа насчитывает всего 16 предметов. Среди них — небольшой боковой унифасный чоппер с сильно выпуклым лезвием (рис. 5, 4) и более крупный остроконечный чоппер с долотовидным лезвием (рис. 5, 1). Интересен изготовленный из гальки частичный бифас с боковым

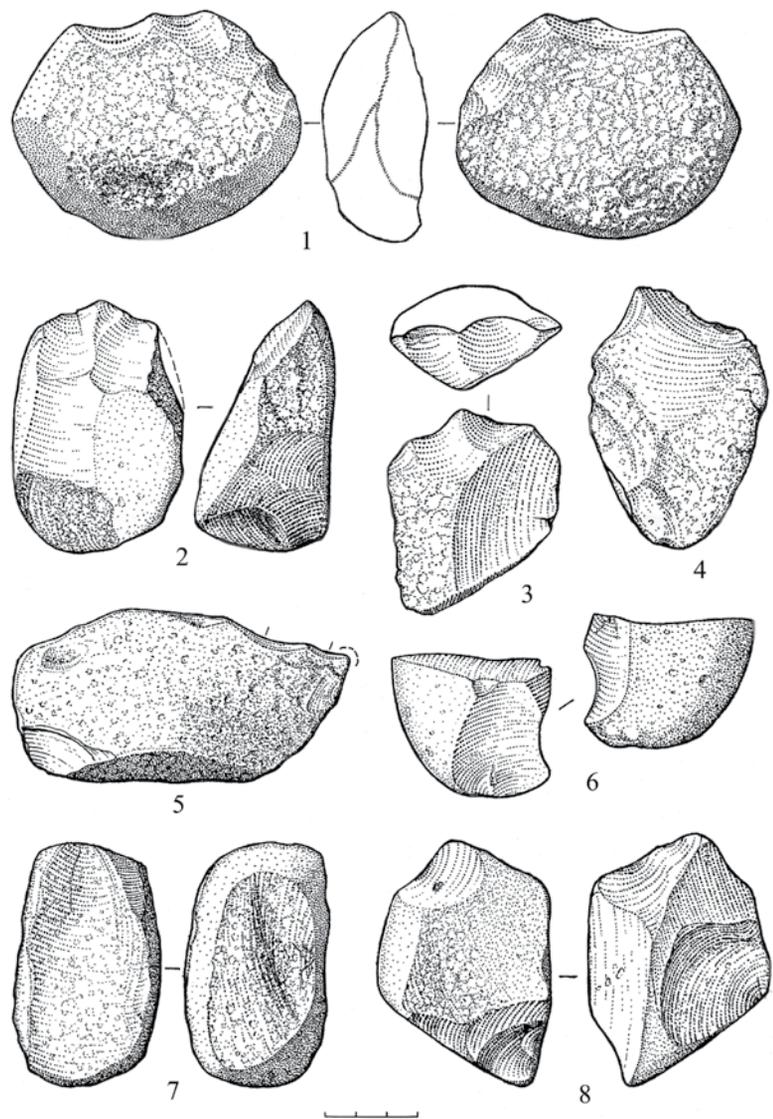

Рис. 2. Каменные изделия с памятника Азат 3.

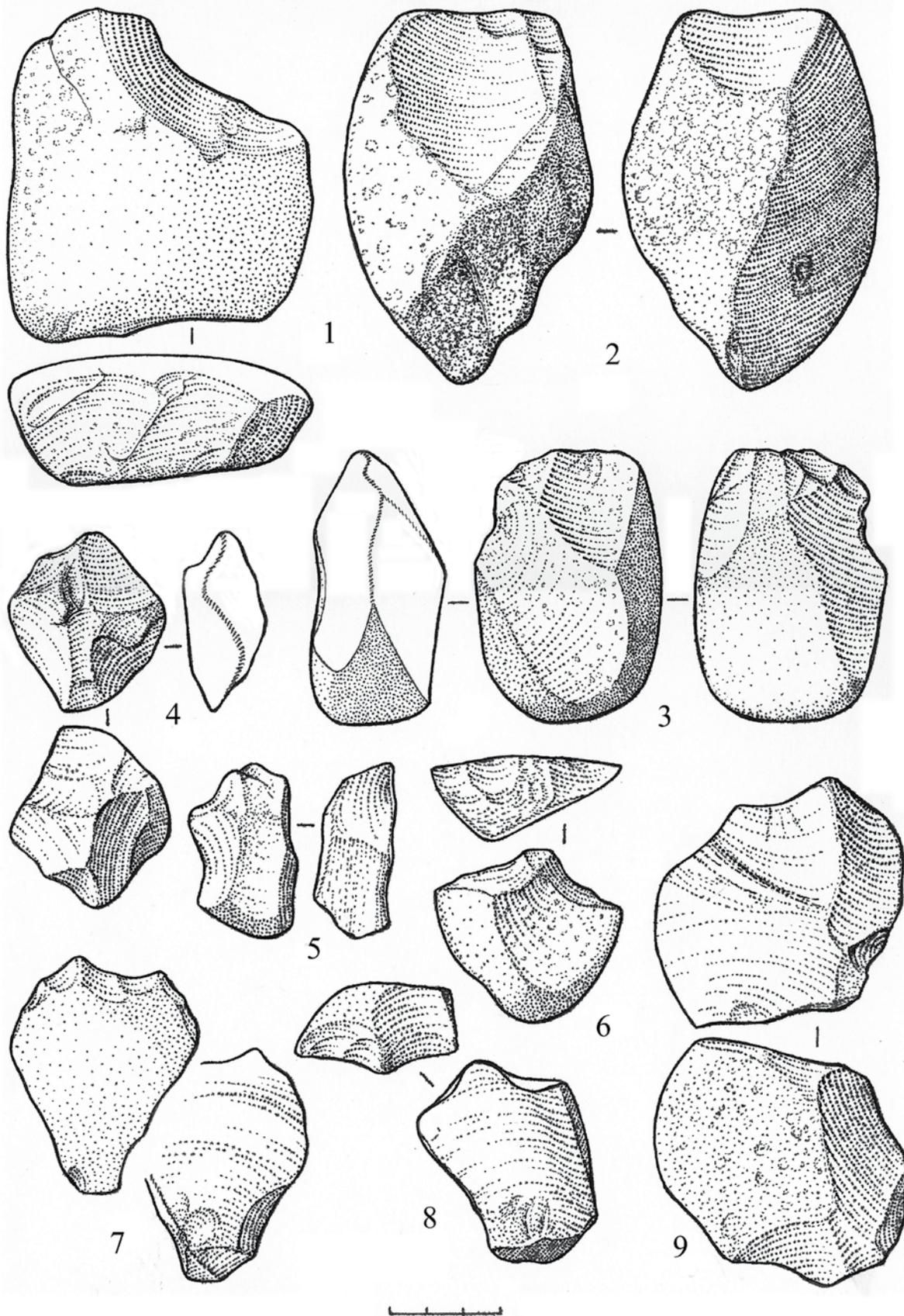

Рис. 3. Каменные изделия с памятника Азат 3.

натуральным обушком (рис. 5, 6). Имеется несколько орудий с лезвием в форме выемки (рис. 5, 5), зубчатого края (рис. 5, 2, 7) и выступа (рис. 5, 3). На данных орудиях использовался приём утончения основания одним или несколькими пологими фасадами. Ещё одним типом орудий является нож из отщеп с боковым сечёным обушком (рис. 6, 5). Признаки намеренного расщепления отщепов зафиксированы ещё на одном образце (рис. 6, 3) — здесь с помощью небольших смежных сечений была сформирована угловая резцевидная кромка. В коллекции имеется 5 нуклеусов. Среди них представлены достаточно выразительные одно-двухплощадочные формы со скошенными, в том числе, специально подготовленными площадками и плоскими фасадами на рабочем фронте (рис. 6, 2, 6, 7). Имеются и более архаичные формы нуклеусов (рис. 6, 1) и соответствующие им отщепы (рис. 6, 4).

Материалы Музбеля 3, как и сходные с ними находки из Сюргуты, фиксируют, вероятно, тип наиболее развитой галечной индустрии раннего палеолита данной территории. Можно предполагать, что памятники Азат 4 и ещё более явно Когалайжар и Жаркум относятся к более раннему времени. К сожалению, геологический возраст галечных индустрий бассейна Сарысу сейчас установить невозможно. М.Н. Клапчук, впервые выделивший здесь подобные индустрии, относил небольшую коллекцию действительно архаичных изделий из Обалысана 1 условно к концу минделя (нижнего неоплейстоцена). Столь же небогатая коллекция из Музбеля 1 датировалась им (также условно) верхним плейстоценом и соотносилась со средним палеолитом Средней Азии (Кара-Бура). В случае с Музбелем 1 допускалась ошибка — маловыразительные образцы изделий средней степени эоловой коррадированности, вполне вероятно верхнеплейстоценовые, смешивались в коллекции с более древним сильно коррадированным материалом, содержащим выразительные раннепалеолитиче-

ские формы чопперов. Наши последующие сборы инвентаря в Музбеле 1-2, принёсшие сотни образцов галечных орудий, позволили выделить здесь среднепалеолитическую и две раннепалеолитических хронологических серии — раннюю без признаков техники леваллуа и позднюю с наличием таковых признаков. Каждая из этих двух раннепалеолитических серий, вероятно, охватывает здесь очень большой временной интервал. Эту позднюю серию с наличием технических признаков леваллуа — к ней теперь можно отнести и памятники Музбель 3 и Сюргуты, мы склонны вообще соотносить не только со средним, но и со всем нижним неоплейстоценом. Соответственно, ранняя серия (к ней можно отнести материал памятников Азат 4, Когалайжар и Жаркум) должна принадлежать эоплейстоце-

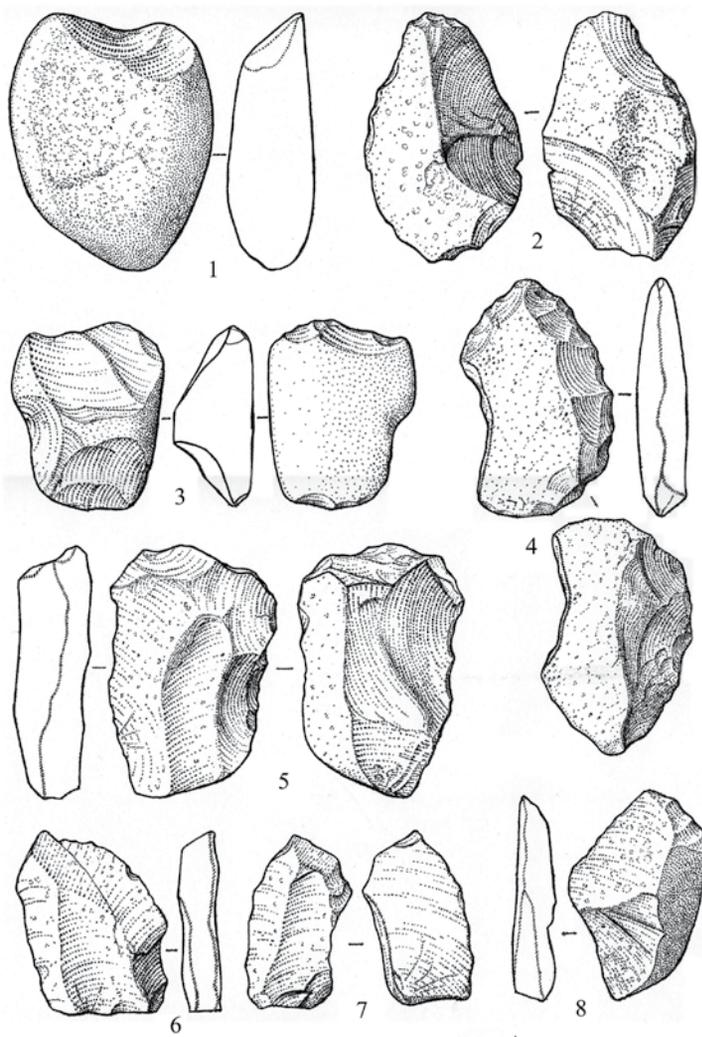

Рис. 4. Каменные изделия с памятника Сюргуты.

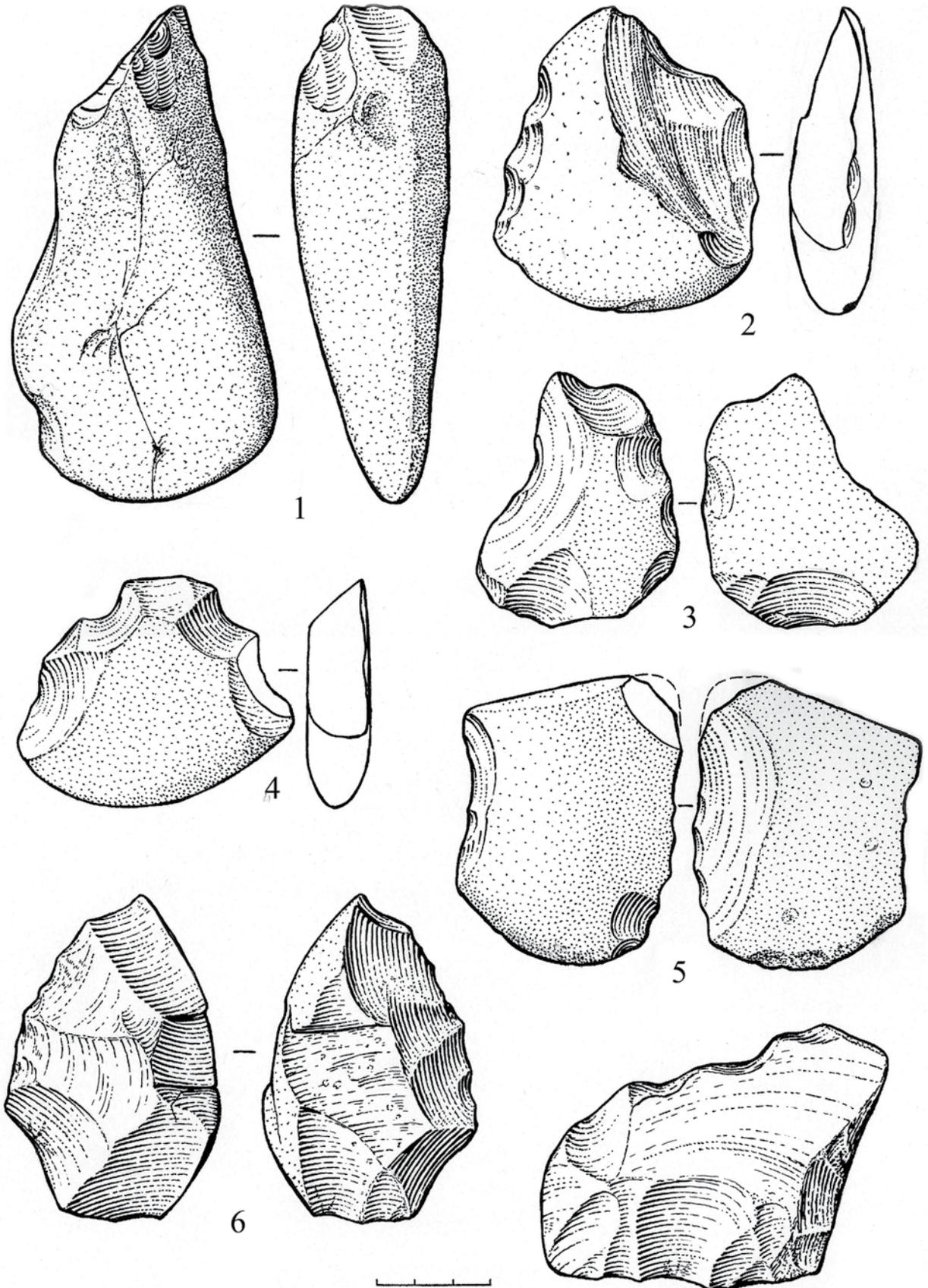

Рис. 5. Каменные изделия с памятника Музбель 3.

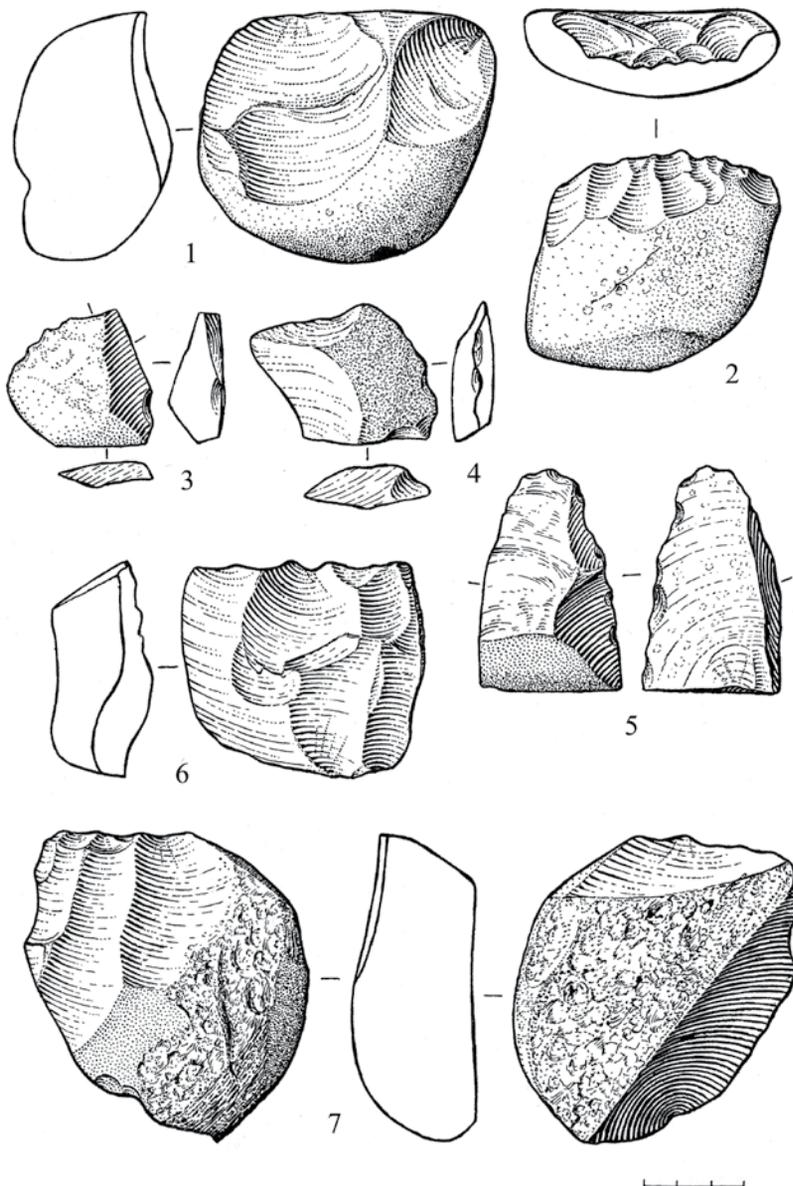

Рис. 6. Каменные изделия с памятника Музбель 3.

ну (Волошин, 2003) и даже верхнему плиоцену, если учесть феномен Лебяжье на Иртыше (Мерц, 2008), где очень архаичная индустрия раннего палеолита с галечными чопперами происходит из низов фаунистически обоснованной толщи подпуск-лебяжьиных слоёв.

Литература:

Волошин В.С. Проблема первоначального освоения человеком Сары Арки // Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи. – Астана, 2003. – С. 28-32.

Клапчук М.Н. Галечные орудия местонахождения Музбель 1-2 в Центральном Казахстане // По следам

древнейших культур Казахстана. – Алма-Ата, 1970. – С. 217-226.

Клапчук М.Н. Местонахождение галечных орудий Обалысан 1 в Центральном Казахстане // СА. – 1971. – № 1. – С. 193-195.

Малиновский В.Ю. Кайнозой центральной части Казахского щита. – М.: МГУ, 1967.

Мерц В.К. Палеонтолого-археологические местонахождения и перспективные изучения стратифицированного палеолита Павлодарского Прииртышья // Палеонтологические памятники природы – природное наследие: изучение, перспективы исследований и проблемы сохранения: матер. междунар. научн.-практич. конф. – Павлодар, 2008. – С. 78-86.

Түйін

Мақалада Сарысу өзені алқабындағы ерте палеолиттік Қоғалайжар, Жарқұм, Азат 4, Сұрғыты, Мұзбел 3 атты малта тас индустриялық ескерткіштердегі жаңа археологиялық материалдар сипатталған. Өндірістегі техникалық-типологиялық әртүрлілік ескерткіштердің екі мерзімдік тобын бөлуге мүмкіндік берді: леваллуа техникасының белгілері бар, шартты түрде төменгі – орта неоплейстоценге жатқызылатын кейінгі және леваллуа белгілері жоқ, шартты түрде эоплейстоценмен және үстіңгі плиоценмен мерзімделетін ерте кезең. Жас шамасына қатысты малта тас құралдарын топтастыруды негіздеуде техникалық-типологиялық белгілерден басқа кварциттік бұйымдардың эолдық коррозиясының белгілері және ескерткіштердің геоморфологиялық орны ескерілді.

Summary

The article describes archaeological material from new earlypaleolithic sites with pebble industry in the basin of Sarysu-Kogalayzhar, Dzarkum, Azat 4, Syurguta, Muzbel 3. Techno-typological variability among industries lets to distinguish here two chronological groups of monuments: the later containing technical features of Levallois and conditionally attributable to the lower-middle Neopleistocene and earlier – with no signs of Levallois, dated conventionally Eopleystocene and upper Pliocene. In justifying the division of pebble stock into age groups (series) in addition to techno-typological characteristics were used as evidence of Eolian corrosion of quartzite products, as well as geomorphical position of the monuments.

Абдыканова А.К.

Палеолитическая мастерская Ак-Олон: исследования 2010 года (Кыргызстан)*

Е леды жизнедеятельности древних популяций на территории Кыргызстана встречаются почти во всех регионах страны и датируются всеми тремя периодами палеолита: нижним, средним и верхним. Общее количество палеолитических памятников зафиксированных на сегодняшний день в стране составляет более двадцати. Большая часть их представлена местонахождениями древних каменных орудий, другая часть открытыми стоянками, пещерами и мастерскими.

Одним из наиболее интересных объектов является памятник Ак-Олон, близ г. Балыкчи, в Тонском районе Ысыккульской области. Уникальность памятника объясняется не только огромными размерами площади распространения артефактов, Ак-Олон является пока единственным зафиксированным памятником на территории Кыргызстана, который по всем признакам можно отнести к «памятникам с поверхностным залеганием культурного горизонта» (Деревянко и др., 2001, с. 10). Данный термин в литературе обозначает памятники с разрушенным культурным слоем, но так как во многих регионах Центральной Азии пункты находок следов древнего человека данного типа являются едва ли не единственными, то естественно, что их планомерное и тщательное исследование имеет огромное значение для археологии древнекаменного века.

За последние два десятилетия были открыты и исследованы по специальной методике мно-

гие памятники с поверхностным залеганием культурного горизонта, обнаруженных в основном в аридных областях Центральной Монголии, Западного и Южного Казахстана.

Основными задачами исследования памятника Ак-Олон в 2010 г. были: 1) сбор поверхностного археологического материала с территории памятника, в 2010 г. с использованием методики изучения «памятников с поверхностным залеганием артефактов»; 2) технико-типологический анализ индустриальных комплексов; 3) периодизация и корреляция памятника с памятниками Кыргызстана и сопредельных территорий.

Памятник Ак-Олон расположен на высоте около 1600 м над уровнем моря и имеет следующие координаты: 42°19'16,1" с.ш., 076°11'06,1" в.д. В 2000 г. отрядом совместной Российско-Казахстанско-Кыргызстанской археологической экспедиции на памятнике был осуществлен сбор поверхностного материала (Деревянко и др., 2000, с. 79). Исследования были продолжены в следующем 2001 г. Собранный археологический материал по результатам предварительного анализа был охарактеризован как «...один из вариантов среднепалеолитической технологии» (Деревянко и др., 2001, с. 67). Артефакты экспонированы на слабонаклоненной к побережью озера равнине в 6 км от озера, образованной отложениями делювиально-пролювиального генезиса, поверхность которой расчленена неглубокими временными водотоками. Площадь распространения артефактов составляет около 5 кв. км, условной северной границей памятника можно назвать трассу Балыкчи-Кочкорка. Археологические находки к

* Исследование было проведено при финансовой поддержке Американского университета в Центральной Азии в рамках проведения археологической полевой практики студентов департамента антропологии, а также в виде исследовательского гранта в форме кредит-часов.

Рис. 1. Ак-Олон. Вид с юга.

северу от дорожной трассы редко встречаются. Южная часть памятника вплотную прилегает к северной оконечности небольшой горной гряды Ала-Бель, где зафиксированы места выхода на поверхность кремнистых рассланцованных пород голубоватого оттенка, образующих подпрямоугольные плитчатые отдельности длиной до 40 см. Под воздействием природных факторов сырьё с течением времени покрывалось патиной, придающей ей темно-коричневый, почти черный цвет. Помимо данного сырья, который был основным, на памятнике также встречаются галька и кремнистые породы с более плотной структурой, скорее всего привнесенные извне (устное сообщение геолога С.Т. Обонбаева).

В 2008 г. во время ознакомительного осмотра памятника с поверхности были собраны артефакты, а также зафиксированы два искусственных рва, образованных в результате деструктивной деятельности людей. Первый, наиболее крупный, расположен в восточной части, второй в юго-западной части памятника. С целью выявления стратиграфической

информации была проведена зачистка южной стенки рва, расположенного в восточной части памятника. Глубина рва составляет около 2 м. Была зачищена поверхность, ширина которой составила 1 м. Анализ стратиграфической ситуации не выявил четко зафиксированной стратиграфической колонки. Обнаруженные горизонты были созданы в результате циклических водных потоков, артефакты, перемещаясь в основном по склону и по горизонтали, располагались на определенном участке поверхности и перекрывались при следующем цикле осадко-накопления. Таким образом, предварительные исследования стратиграфических отложений памятника выявили бесперспективность дальнейшего его стационарного изучения.

В итоге было решено исследовать памятник, используя методику исследования «памятников с поверхностным залеганием горизонта».

В ходе исследований 2010 г. были выбраны три пункта для систематического сбора артефактов. Пункт 1 локализован у трассы близ следов деструктивной деятельности человека,

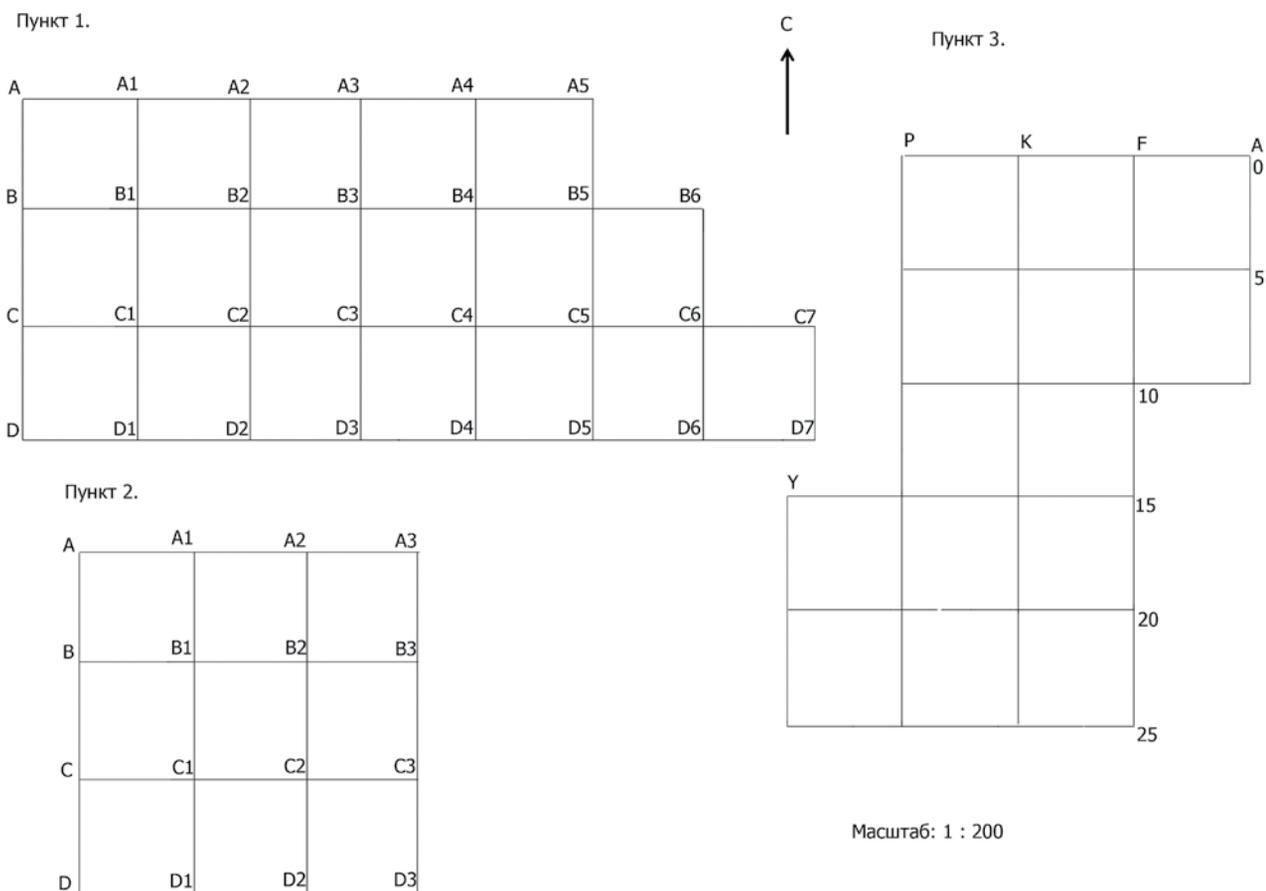

Рис. 2. Ак-Олон. План площади сборов (пункт 1-3).

а именно с южной стороны огромного рва, образовавшегося в процессе получения щебнистого материала. Площадь сборов составила 375 кв. м.

Пункт 2, расположен южнее и выше пункта 1. Площадь распространения сборов – 225 кв. м. И последний пункт 3 прилегает вплотную к горной гряде Ала-Бель и находится в непосредственной близости к источнику сырья. Площадь сборов составила 350 кв. м. Территория пунктов 1-2 была поделена на квадраты, каждая сторона которого была равна 5 м, из-за редкой встречаемости артефактов на поверхности. Высокая концентрация каменных орудий на территории пункта 3 позволила разбить квадратную сетку. Сетки ориентировались по сторонам света. Находки фиксировались индивидуально, но с учетом специфики памятника, координаты находок регистрировались в двух измерениях, а не в трех.

Пункт 1 расположен в непосредственной близости от автотрассы на высоте 1664 м над уровнем моря и имеет следующие координаты: $42^{\circ}19'16,1''$ с.ш., $076^{\circ}11'06,1''$ в.д. В общем, коллекция предметов из камня составляет 61 экз. и может быть поделена на среднедефлированную, слабодефлированную и недефлированную группы.

Пункт 2 локализован на высоте 1664 м над уровнем моря и имеет следующие координаты: $42^{\circ}19'11,1''$ с.ш., $076^{\circ}11'10,6''$ в.д. Коллекция пункта насчитывает 29 каменных артефактов и в целом носит слабодефлированный характер.

Пункт 3 расположен южнее, близ выходов сырья, у подножья южной оконечности горного массива Ала-Бель на высоте 1690 м над уровнем моря и имеет следующие координаты: $42^{\circ}18'49,9''$ с.ш., $076^{\circ}11'18,4''$ в.д. Коллекция пункта насчитывает 2628 каменных артефактов.

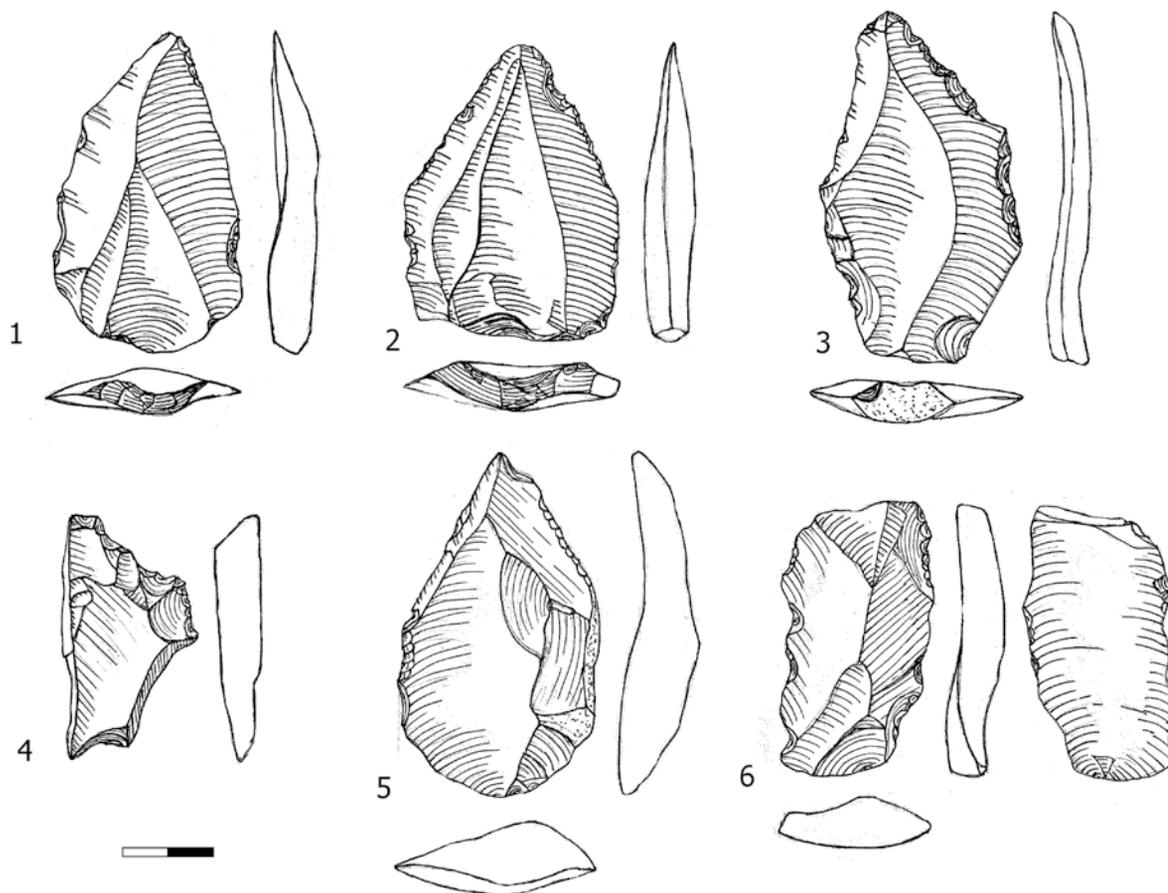

Рис. 3. Каменные артефакты с памятника Ак-Олон.

Внутри коллекции выделяются среднедефлированная, слабодефлированная и недефлированные группы.

Анализ материалов пунктов 1-3, полученных в результате исследования памятника Ак-Олон в 2010 г., свидетельствуют о том, что памятник является мастерской, расположенной на выходах сырья. Наличие выходов сырья, большое количество преформ, нуклевидных форм и малочисленность орудий укрепляют типологическую позицию памятника, на территории которого происходил отбор сырья и его опробирование. Присутствие леваллуазской технологии расщепления также свидетельствует в пользу определения памятника как мастерской на выходах сырья (Нехорошев, 1999, с. 32; Dibble, 1985, р. 393). Памятник Ак-Олон, на основе первичного ознакомления с техническими характеристиками каменной индустрии, предыдущими исследователями

был датирован среднепалеолитическим периодом (Деревянко и др., 2002, с. 67).

В силу малочисленности и относительной однородности, выделенных среднедефлированной и слабодефлированной групп в пунктах 1, 2 и 3, все полученные материалы рассматривались в совокупности.

В целом, описание каменных индустрий памятника демонстрирует все основные компоненты, иллюстрирующие стратегии первичного расщепления и особенности орудийного набора. Общее количество каменных артефактов, включая дефлированные группы пунктов 1-3 памятника Ак-Олон, составляет 2718 экз., из них 150 экз. орудия, изделий, иллюстрирующих первичное расщепление – материалы со следами апробации (11 экз.), преформы (2 экз.), нуклеусы (114 экз.), нуклевидные формы (169 экз.), а также индустрия сколов, не имеющая следов вторичной обработки (табл. 1-2).

Морфологический и технологический облик коллекции Ак-Олона реконструируется следующим образом.

Техника первичного расщепления преимущественно параллельная (71 экз.), встречаются также радиальные (3 экз.) и ортогональные нуклеусы (5 экз.). Появляются подпризматические (6 экз.), торцовые (18 экз.), конусовидный (1 экз.), протоклиновидный нуклеус (1 экз.), призматический (1 экз.), как логическое продолжение технологической цепочки утилизации плоскостного параллельного принципа скалывания. Присутствие леваллуазской техники незначительно. Показатели фасетированности низкие. Большинство нуклеусов демонстрируют процесс реализации пластин и удлиненных отщепов, что соответствует количественному доминированию отщепов удлиненных пропорций в индустрии сколов.

Техника вторичной обработки представлена широким спектром модифицирующей, чешуйчатой, параллельной и отжимной ретуши, встречается вентральная подтеска. Техника резцового скола фиксируется только в одном случае.

В орудийном наборе ведущими сколами-заготовками являются отщепы, в основном удлиненных пропорций. Широко представлены выемчатые и зубчато-выемчатые формы, скребла и скребки различных вариаций, ретушированные сколы. Изделия других типов: ножи, проколки, остроконечники, перфораторы, орудия с «шипом», тесла, различного рода комбинированные изделия в целом не определяют лицо индустрии.

Параллельная и леваллуазская стратегия расщепления, доминирование отщепов в качестве основных заготовок, большая часть которых была получена с использованием твердого отбойника, относительно высокая доля скребел в орудийном инвентаре, а также общий облик индустрии, характеризующийся крупными размерами реализуемых заготовок, свидетельствует в пользу среднепалеолитического возраста памятника. Отмечается преобладание плоскостного принципа скалывания, но не следует забывать

о характере первичного сырья, представленный относительно плоскими плитчатыми конкрециями, который мог существенно отразиться на морфологии нуклеусов. Часть коллекции представлена нуклеусами параллельного принципа скалывания с дополнительным фронтом скалывания на торце, протопризматическими, призматическими, торцовыми.

Столь длительные хронологические рамки присутствия следов человеческой деятельности на одном месте объясняется действием ряда факторов. Первый из них – наличие исходного сырья, которое является одним из важных факторов обитания людей в той или иной местности. На фоне острого дефицита источников сырья в Ысыккульской области, выходы пород, ставших основой каменной индустрии Ак-Олона, несомненно, привлекали группы древних людей с момента их появления в регионе. Сырье это очень хорошего качества, из которого можно было получить прекрасные удлиненные заготовки для орудий. Доля брака из-за внутренней погрешности структуры камня незначительна. Сырье под воздействием водных потоков, по большей части дождевых и снежных размывалось по всей территории памятника, четко очерчивая его границы. Судя по отдельным каменным горизонтам, выявленным в стратиграфической позиции памятника, мощные водные потоки тающего снега и льда были основной причиной периодических смывов сырья по всей территории памятника, сформировав, таким образом, современный рельеф территории памятника. Второй фактор – пищевые ресурсы. Топография памятника такова, что с юга территория ограничена невысокой горной грядой Ала-Бель, и занимает промежуточное положение между двумя ущельями, сырье и артефакты покрывают огромную площадь, которая имеет слегка наклоненную позицию с юга на север, что предполагает хороший обзор долины и контроль передвижения животных. Немаловажно, что памятник находится на пересечении путей ведущих с южного и северного берегов озера Ысыккөл в Кочкорскую долину, а так-

же через Боомское ущелье в Чуйскую долину. В частности, в коллекции каменных артефактов верхнепалеолитической стоянки Калмак-Таш (Кочкорская долина), исследованной в 2009 г., были найдены артефакты, сделанные из импортного сырья, идентичного ак-олонскому. Что касается третьего фактора – относительной комфортности условий обитания, можно сказать, что сильная ветровая активность, по направлению с юго-запада на северо-восток и наоборот, отсутствие источников родниковой воды и постоянных водотоков в непосредственной близости к памятнику, не располагали развитию тенденции долговременного проживания древних людей. Скорее всего, памятник периодически посещался группами древних людей в течение долгого времени. Посещения носили кратковременный характер и предпринимались с целью опробирования сырья, подготовки преформ, получения необходимых заготовок для орудий.

Эпохой среднего палеолита на территории Кыргызстана датируются стоянки Тосор, Георгиевский Бугор, мастерские Капчыгай, Юташ-Сай, а также серия местонахождений Охна и Айырбаз. Согласно предложенному делению памятников среднего палеолита (мустье) на территории Средней Азии на локальные группы археологом В.А. Рановым, Тосор и Капчыгай относятся к леваллуа-мустьерской группе. Техническая основа леваллуа-мустье характеризуется параллельным принципом расщепления и наличием изделий леваллуазской морфологии. Георгиевский Бугор относится к группе мустье зубчатое, которая включает в себя также индустриальный комплекс Кульбулака (Узбекистан) (Ранов, Несмеянов, 1973, с. 22-23). Мустье зубчатое характеризуется радиальным и параллельным принципами скалывания, доминированием зубчато-выемчатых форм, присутствием двухстороннеобработанных изделий в орудийном наборе и большим процентом укороченности сколов-заготовок.

Археологические материалы Юташ-Сая и местонахождения Охна и Айырбаз типоло-

гически очень близки к каменной индустрии Капчыгай (Чаргынов, 2010, с. 180). Согласно классификации В.А. Ранова, каменная индустрия Ак-Олона укладывается в рамки леваллуа-мустьерской группы. В тоже время следует отметить, что на фоне вышеперечисленных памятников облик каменной индустрии памятника Ак-Олон представляется достаточно своеобразным. В ак-олонских материалах технология первичного расщепления в основном ориентирована на получение удлиненных заготовок в виде пластинчатых отщепов и пластин. Другая характерная отличительная черта – крупные размеры сколов-заготовок. Также достаточно высок процент торцовых нуклеусов, которые наряду с присутствием монофронтальных двухплощадочных с дополнительным фронтом скалывания на торце, конусовидным, протоклиновидным и подпризматическими и призматическим нуклеусами могут рассматриваться как более продвинутые в техническом отношении формы.

Ярко выраженных и хорошо изученных переходных индустрий в Кыргызстане пока не выявлено. Но почти все мустьерские комплексы (Капчыгай, Юташ-Сай, Тосор, Георгиевский Бугор) включают в себя в той или иной пропорции позднепалеолитические элементы (Абдыканова и др., 2009, с. 6).

В целом можно утверждать, что каменная индустрия Ак-Олона развивалась на основе местных леваллуа-мустьерских традиций, что свидетельствует о достаточно высокой активности коммуникационных связей в регионе. На стадии первичного расщепления и элементов орудийного набора можно проследить определенные изменения, которые могут рассматриваться как индикаторы финала среднего палеолита или переходного этапа к верхнему палеолиту.

Литература:

Абдыканова А.К., Чаргынов Т.Т., Чемаева Н.П. Результаты исследования местонахождения Георгиевский Бугор в 2008 году // Материалы по истории и археологии Кыргызстана. – Бишкек, 2009. – Вып. 4. – С. 3-6.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П. Палеолитическая мастерская Ак-Олон (побережье Иссык-Куля, Республика Кыргызстан) // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск, 2002. – С. 61-67.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 136 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Табалдиев К.Ш., Зенин А.Н. Поиски памятников палеолита на территории Кыргызстана в 2000 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 79-83.

Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. – СПб., 1999. – 173 с.

Чаргынов Т.Т. Памятник Юташ-Сай (Үйташ-Сай) в палеолите Кыргызстана. – Бишкек, 2010. – 312 с.

Dibble H.L. Raw material variation in levallois flake manufacture // Current Anthropology. – 1985. – Vol. 26, № 3. – P. 391-393.

Түйін

Мақала 2010 жылы алынған археологиялық материалдар негізінде Ак-Олон палеолиттік ескерткішінің тас индустриясын саралауға арналады. Ак-Олон Орталық Азия, оның ішінде Қазақстан мен Моңғолияның аридтік аймақтарына тән «мәдени қабаты бетінде орналасқан ескерткіштер» түріне жатады. Қырғызстан аумағында осы түрдегі ескерткіштің кездесуі алғаш рет. Коллекцияның негізгі бөлігі леваллуа-мустьер дәстүрінің жергілікті нұсқасы ретінде қарастырылады. Коллекцияның осы уақыттағы бірқатар бөлігі орта палеолиттің аяғына және орта палеолиттен жоғарғы палеолитке өту кезеңінің басына жатуы мүмкін. Зерттеулердің нәтижесі Қырғызстан аумағына орта палеолит дәуірінде адамдардың қоныстануының бірішама толық көрінісін қалпына келтіруге мүмкіндік береді.

Summary

The article is devoted to the analysis of Ak-Olon lithic industry based on collected archaeological data in 2010. Ak-Olon belongs to the sites with “a surface cultural horizon” which are typical for the arid zone of Central Asia, especially Mongolia and Kazakhstan. Ak-Olon is the first site of such type on the territory of Kyrgyzstan. The major part of industrial complexes can be classified as a local variation of levallois-moustier traditions. At the same time, some artifacts of lithic industry can be dated as the final stage of Moustierian Epoch and the beginning of the transitional period from the Middle to the Upper Paleolithic Age. The results of the research give us information to understand more fully the processes of the human distribution in Kyrgyzstan during the Middle Paleolithic Age

Ветров В.С., Скориков В.А.

Предварительные результаты исследования раннепалеолитического местонахождения Вишневы Дол

Открытия в последние годы ашельских местонахождений (рис. 1) Богатыри/Синяя Балка и Родники на Тамани (Щелинский, Кулаков, 2007), дополнительные исследования выявленных ранее местонахождений Герасимовка, Михайловское и Хрящи (Матюхин, 2007) говорят о большом внимании к проблемам первоначального заселения территории Приазовья, бассейна рек Дон и Северский Донец (Праслов, 1968). В этой связи поиск ашельских местонахождений в среднем течении Северско-го Донца приобретает особую актуальность, в

том числе и потому, что достоверных местонахождений такого рода в этом регионе до последнего времени не было выявлено. Единичные находки крупных рубил и скребел не являются бесспорным доказательством заселения этой территории в ашельскую эпоху, а отсутствие представительных комплексов породило скепсис в отношении самой возможности существования здесь ашельских местонахождений (Колесник, 2008). Тем интереснее представленный в настоящей работе материал, дополняющий предварительную публикацию раннепалеоли-

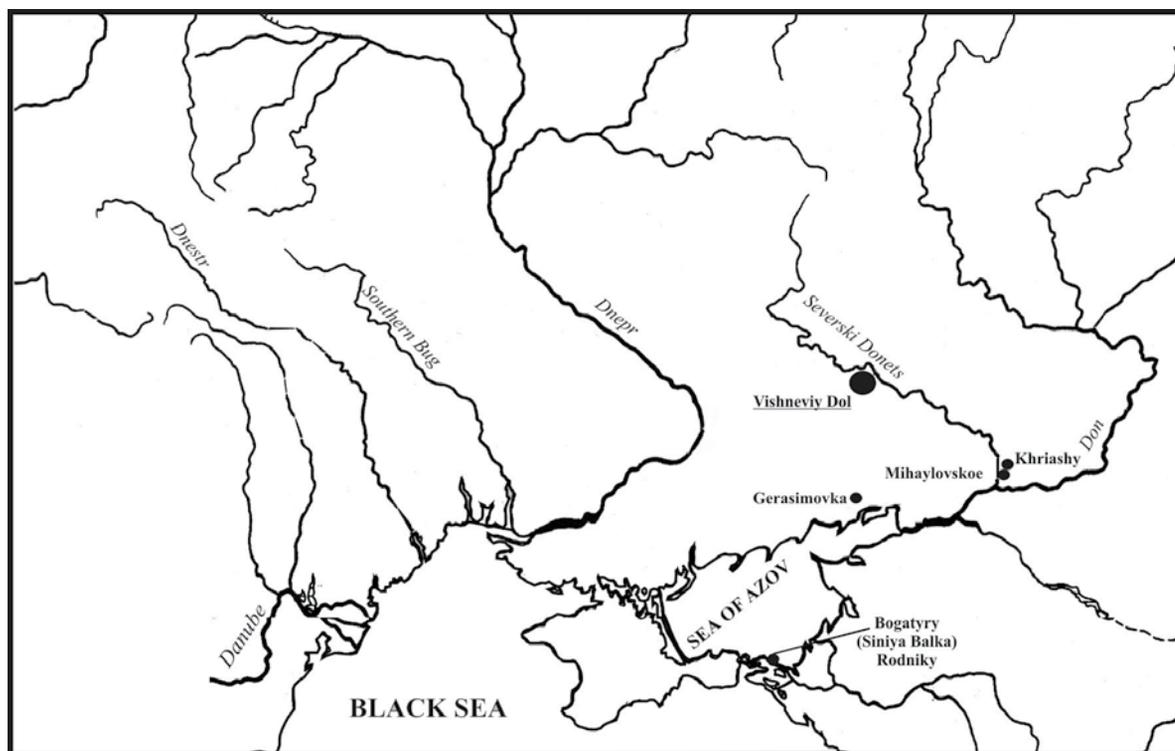

Рис. 1. Карта ашельских местонахождений.

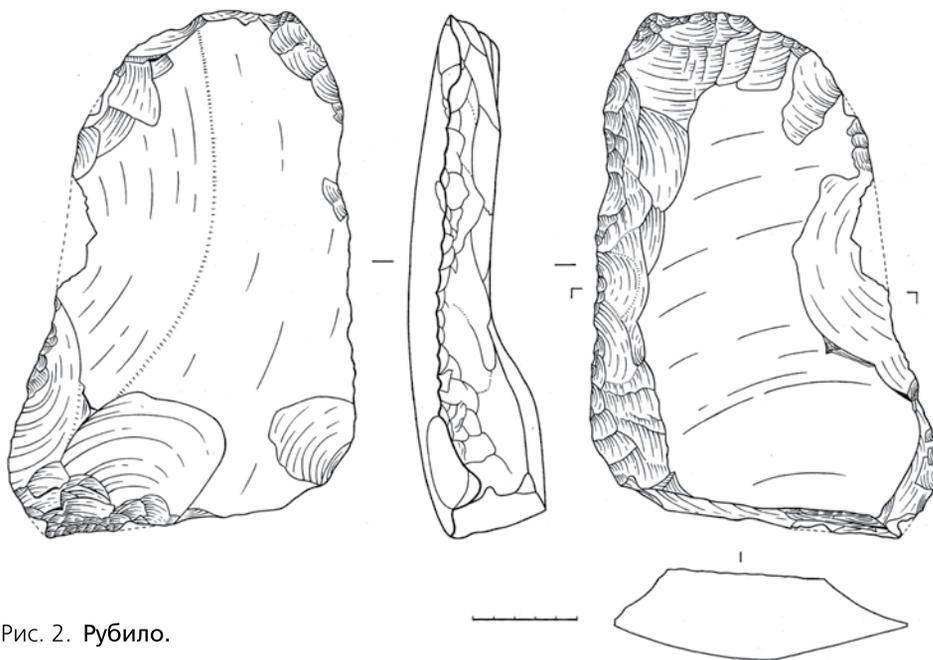

Рис. 2. Рубило.

тического местонахождения Вишневый Дол (Ветров, Скориков, 2010).

Местонахождение было обнаружено в 3 км западнее пос. Вишневый Дол В.А. Скориковым в 2006 г, обследовано В.С. Ветровым в 2008-2011 гг. Оно расположено на высоком плато, почти в верхней его точке, открывая панорамный обзор на разветвленную балочную систему, простирающуюся в юго-восточном направлении к р. Северский Донец и приурочено к небольшим известняковым гривам, в верховьях двух оврагов. Вероятно, первоначальное местоположение части древнего поселения на поверхности выходов известняка, впоследствии практически не перекрытых почвой, обеспечили попадание орудий на поверхность с началом распахки этой местности.

Материал, из которого изготовлены обнаруженные предметы, представлен преимущественно средне и мелкозернистым кварцитом коричневого цвета, изредка трещиноватым. Также встречается коричневый и красный крупнозернистый песчаник, серый мелкозернистый песчаник в виде небольших плиток и мелкозернистый кварцит серого цвета.

Техника расщепления крайне примитивна, ориентирована на получение широких крупных отщепов из кварцита и грубых угловатых сколов

(меньшего размера из-за особенностей сырья) из песчаника. Нуклеусов немного, в основном монофронтальные, кубовидные и бессистемного скальвания. Техника расщепления кварцита и песчаника преимущественно долечная, для части песчаника, вероятно, применялось дробление. Пластинчатые и левалуазские отщепы отсутствуют.

Изделия со вторичной обработкой. Набор изделий со вторичной обработкой, в основном, представлен рубящими (рубила,

секачи, чопперы), скребковыми (скреблами, скребками), зубчатыми орудиями, изготовленными из обломков кварцита и песчаника, первичных или вторичных отщепов размером от 30 до 5 см. Рабочий край орудий, как правило, сформирован грубой обивкой, иногда подправлен более мелкими регулярными сколами.

Рубящие орудия. Рубило (рис. 2) 24,5 x 16 x 4,6 см изготовлено на подовальном массивном отщепе коричневого кварцита. Рабочий край лицевой плоскости орудия по всему периметру (кроме пятки) сформирован крупными уплощающими сколами, подправленными мелкой регулярной обивкой. Обратная плоскость орудия практически не обработана, за исключением нескольких негативов сколов подправки рабочего края и пятки орудия.

Чопперы: 14,2 x 17,6 x 6,3 см (рис. 3, 1); 13,7 x 15,5 x 6,2 см (рис. 3, 2); 13,3 x 15,6 x 5,2 см (рис. 3, 3); 13,4 x 11,7 x 3,7 см (рис. 3, 4); 8,7 x 11,6 x 4,7 см (рис. 3, 5) изготовлены на плоских массивных отщепах или обломках. Уплощенный или полукрутой рабочий край орудий сформирован крупными нерегулярными сколами и местами подправлен мелкой обивкой. Орудия имеют массивную пятку, являющуюся самой толстой частью орудия.

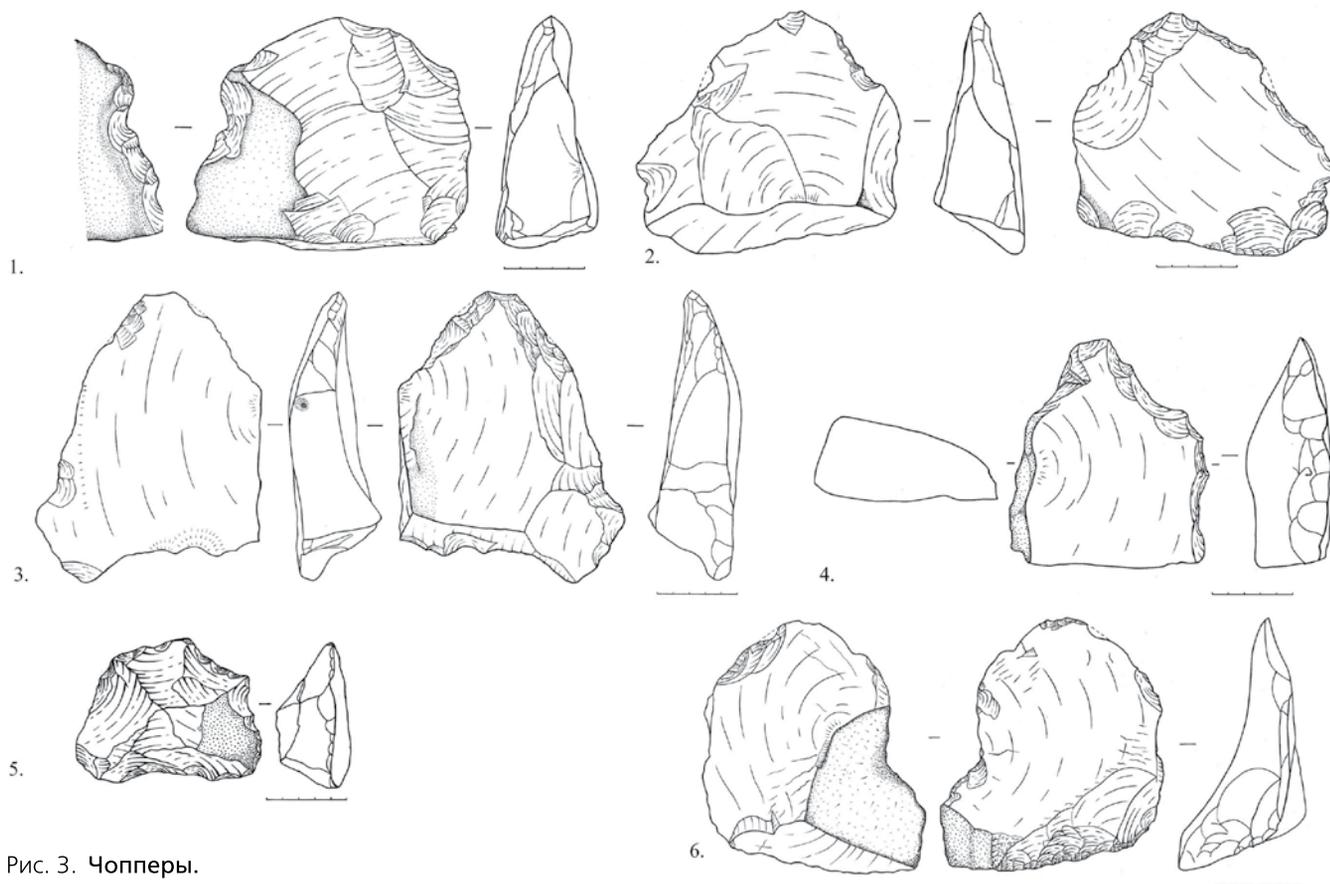

Рис. 3. Чопперы.

Чоппер (рис. 3, 6) 16,2 x 14,2 x 5,1 см изготовлен на массивном отщепе коричневого кварцита. Полукруглый рабочий край слегка подправлен несколькими средними и мелкими сколами. Пятка орудия оформлена средней и мелкой регулярной оббивкой.

Серия из двенадцати небольших по размеру (5-10 см) чопперов изготовлена на отщепах и плитках серого мелкозернистого песчаника. Рабочий край сформирован грубой нерегулярной оббивкой.

Секач (рис. 4, 1) 25,1 x 24,3 x 7,2 см изготовлен на массивной плитке коричневого кварцита. Приостренный рабочий край сформирован двумя крупными и несколькими средними сколами и подправлен мелкой регулярной краевой оббивкой. Пятка орудия подправлена несколькими крупными сколами.

Секач (рис. 4, 2) 18,8 x 14,6 x 5,7 см изготовлен на массивной плитке коричневого кварцита. Ровный широкий рабочий край сформирован несколькими средними сколами и подправлен

мелкой краевой оббивкой. Пятка орудия подправлена одним крупным сколом.

Секач (рис. 4, 3) 19,5 x 20,4 x 6,5 см изготовлен на массивной плитке крупнозернистого коричневого кварцита. Широкий рабочий край сформирован несколькими крупными и средними сколами. Пятка орудия подправлена несколькими крупными и средними уплощающими сколами.

Секач (рис. 4, 4) 18,9 x 14,6 x 5,5 см изготовлен на массивной плитке коричневого крупнозернистого кварцита. Широкий рабочий край сформирован несколькими средними сколами и подправлен мелкой краевой оббивкой.

Секач (рис. 4, 5) 17,1 x 9,2 x 5,7 см изготовлен на массивном отщепе крупнозернистого серого кварцита. Поперечный участок рабочего края сформирован одним крупными и несколькими средними сколами, скругленный участок рабочего края сформирован средней и мелкой регулярной краевой оббивкой.

Рис. 4. Сечачи.

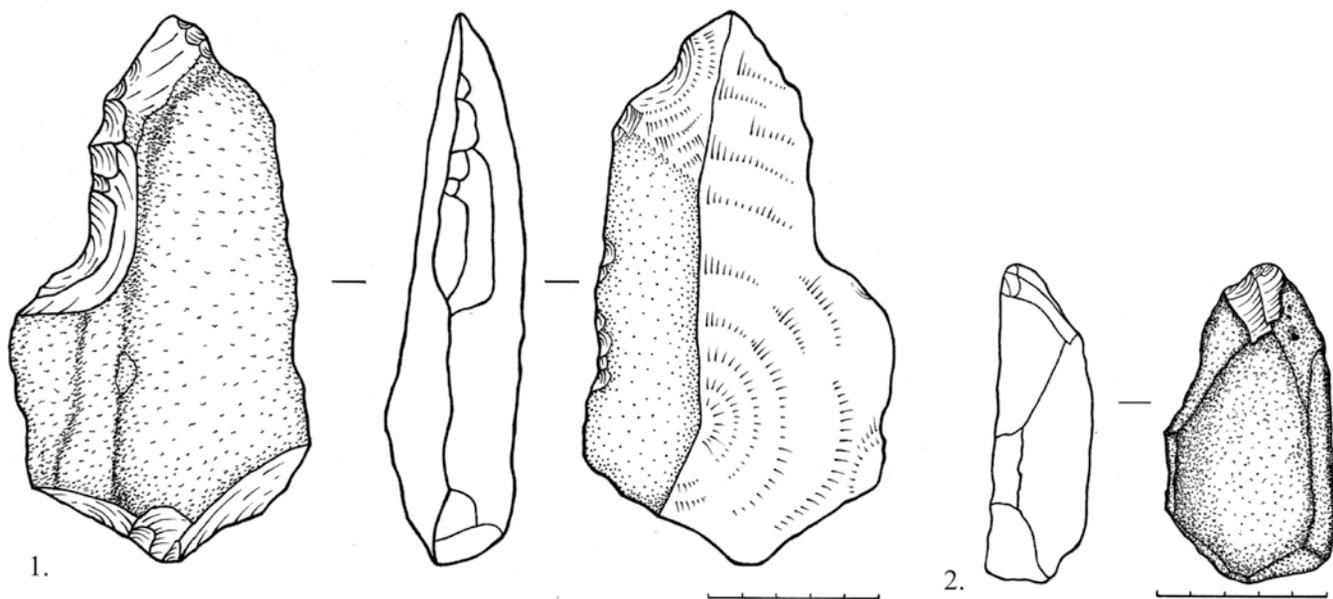

Рис. 5. Проторубила.

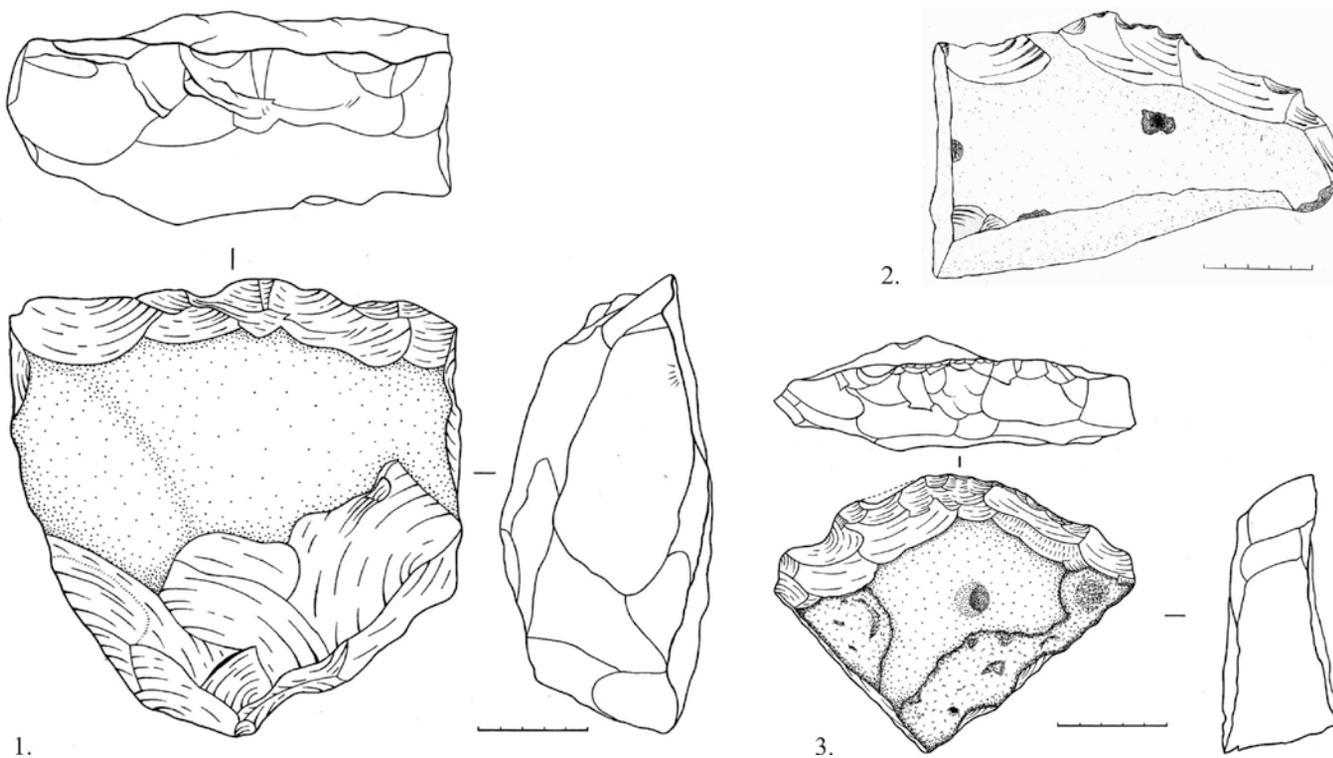

Рис. 6. Скребла.

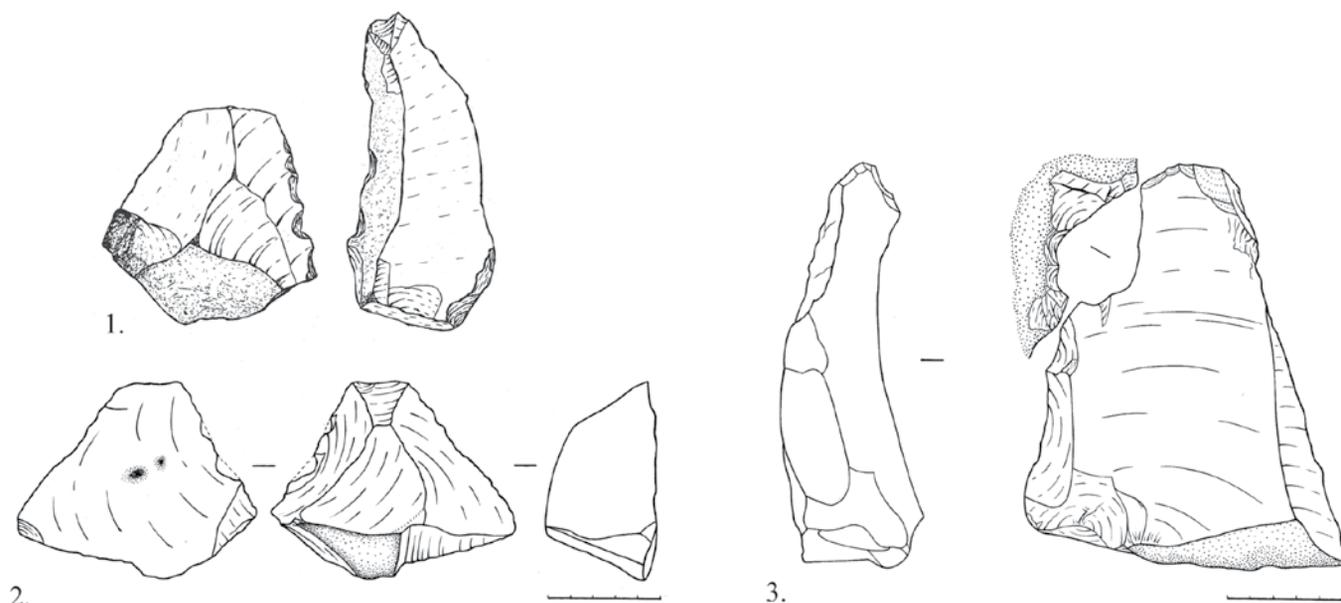

Рис. 7. Отщепы с ретушью.

Секач (рис. 4, б) 15,8 x 16,5 x 8,5 см на массивном отщепе коричневого кварцита. Рабочий край сформирован нерегулярной уплощающей дорсальной оббивкой.

Проторубило (рис. 5, 1) 9,2 x 5 x 2,2 см на небольшом обломке кварцита со следами сильной эрозии. Естественный тонкий рабочий край орудия приострен двумя сколами.

Проторубило (рис. 5, 2) 15,7 x 8,6 x 4,1 см на массивном отщепе коричневого кварцита. Рабочий край сформирован крупной и средней регулярной уплощающей вентральной оббивкой, острие с противоположной стороны подправлено небольшим дорсальным сколом. Пятка подправлена несколькими сколами.

При изготовлении рубящих орудий периодически использовался характерный прием заужения боковой стороны орудия одним крупным или несколькими средними краевыми сколами, что приводило к формированию плечика орудия (рис. 3, 4; 4, 1; 4, 2; 4, 3; 5, 2).

Скребла. Скребло (рис. 6, 1) 21,3 x 19,8 x 8,6 см изготовлено на массивном обломке коричневого кварцита. Прямой рабочий край орудия сформирован крупной полукрутой и крутой оббивкой, подправлен средними и мелкими краевыми сколами образующими несколько небольших зубцов и выемок.

Скребла: (рис. 6, 2) 19 x 10,4 x 5,4 см; (рис. 6, 3) 13,2 x 10,2 x 5 изготовлены на плоских плитках коричневого кварцита. Полукруглый рабочий край сформирован не крупной крутой и подправлен мелкой регулярной оббивкой. В целом ровный рабочий край имеет небольшие неровные зубчато-выемчатые участки.

Зубчатые и выемчатые орудия. Серия орудий небольшого размера изготовлена на отщепах и обломках серого мелкозернистого песчаника. Рабочий край десяти зубчатых орудий сформирован грубой оббивкой образующей зубцы разного размера. Рабочий край трех выемчатых орудий оформлен краевой ретушью, образующей пологую выемку размером 2-4 см.

Отщепы с ретушью: (рис. 7, 1; 7, 2) изготовлены из коричневого кварцита. Участки рабочего края оформлены крупной крутой и полукрутой, а местами невыразительной зубчато-выемчатой ретушью.

Массивный отщеп (рис. 7, 3) 17,7 x 14,4 x 6,2 см коричневого кварцита с мелкой регулярной противоположной, приостряющей краевой оббивкой по стороне, прилегающей к краевой выемке, имеющей следы утилизации.

Атипичное орудие (рис. 8) 15,1 x 13,7 x 4,4 на плитке коричневого кварцита. Рабочий край орудия сформирован одним массивным упло-

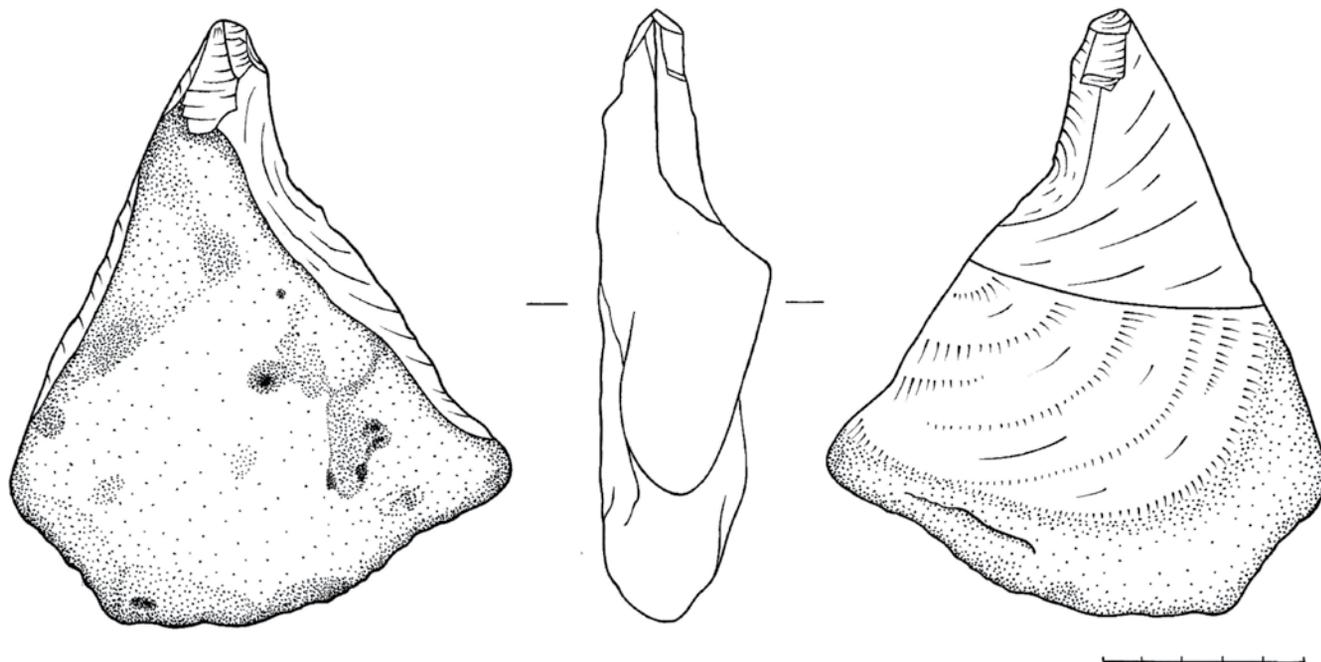

Рис. 8. Атипичное орудие.

шающим и оформлен несколькими продольными утончающими и приоштраивающими сколами.

Хронологическая интерпретация материала небольшого, но типологически выразительного местонахождения Вишневый Дол, на наш взгляд, вполне может быть связана с ранними этапами палеолитической эпохи. Массивность орудий, архаичность техники обработки, дает нам возможность предполагать домустьерский возраст местонахождения. Безусловно, малочисленность ашельских материалов в Донбассе и Приазовье не дает нам четкой типологической привязки местонахождения Вишневый Дол. С другой стороны практическое отсутствие массивных рубящих орудий в сочетании крупными скреблами в материалах мустьерских памятников нашего региона, позволяет нам предположительно относить местонахождение Вишневый Дол к ашельской эпохе.

Литература:

Ветров В.С., Скориков В.А. Местонахождение каменного века Вишневый Дол // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. – Луганск: Глобус, 2010. – С. 265-271.

Колесник А.В. Проблема поиска следов раннего палеолита в Донбассе // Ранний палеолит Евразии: новые проблемы и открытия. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 61-63.

Матюхин А.Е. Палеолитические памятники в бассейне Северского Донца (Россия) // РА. – 2007. – № 4. – С. 82-94.

Праслов Н.Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. – Л.: Наука, 1968.

Шелинский В.Е., Кулаков С.А. Богатыри (Синяя Балка) – раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове // РА. – 2007. – № 3. – С. 7-18.

Түйін

Мақалада Украинаның шығысында орналасқан Донның орта ағысынан табылған кейбір ерте палеолиттік деректер жарияланған. Құралдар кешенінің типологиялық құрамы ірі (15-30 см) шапқылардың сайман түрлерімен (шапқылар, чопперлер, жарғыштармен) және қырғыштармен ұсынылған. Құралдардың өңдеу техникасының архаикасы және типологиясы ашельдік уақытпен мерзімдеуге мүмкіндік берді.

Summary

In this work the preliminary information about the Paleolithic site in territory of Lugansk area Vishneviy Dol is submitted. Archaisms form of massive instruments, engineering of stone processing and typological parallel allow to assume the Low Paleolithic dating of the found subjects.

Мерц В.К.

Новые материалы по неолиту Северо-Восточного Казахстана

Неолитические памятники Северо-Восточного Казахстана начали изучаться более 40 лет назад, но представление о неолите региона до сих пор формируется по материалам стоянок Пеньки 1, 2 (Чалая, 1972) и Железинского неолитического могильника (Агеева, Максимова, 1959). Эту информацию существенно дополнили материалы многослойной стоянки Шидерты 3, Нурманбет 1, Мичурино 2 (Мерц, 1995, 1998, 2004) и некоторых других памятников. В результате их изучения расширились представления о неолите региона и обозначились определенные культурно-хронологические различия между памятниками, расположенными в разных его частях имеющих свои особенности рельефа и ландшафтного зонирования, по которым его можно разделить на мелкосопочник и равнинную часть, степь и лесостепь. Крупнейшая водная артерия Казахстана и Западной Сибири, р. Иртыш, разделяет ее на правобережную и левобережную части, по которой проходит контактная зона различных культурных образований. Особую экологическую нишу, исключавшуюся ранее из археологического изучения, представляет иртышская пойма, ширина которой варьирует на различных участках от 7 до 12 км, а длина, в пределах Павлодарской области, около 500 км.

Если первые неолитические памятники региона были изучены на крайнем северо-востоке, расположенном в лесостепной зоне южной части Барабинской низменности, то наиболее существенные стратифицированные объекты, такие как стоянка Шидерты 3, располагались в его юго-восточной части, на территории мелкосопочника. Промежуточное положение между ними занимает стоянка Мичурино 2, располо-

женная на Иртыше севернее г. Павлодара. Таким образом, памятники юго-восточной части региона, расположенные на мелкосопочнике, оказались лучше изученными, но они, как и другие неолитические стоянки Северного и Центрального Казахстана, обладают одной особенностью, не позволяющей получить более полное представление о материальной культуре неолитических племен из-за отсутствия на них таких важных ее элементов, как остатки жилищ, погребений, костяных орудий и даже полноценных образцов керамики, связанных с тем или иным комплексом каменных орудий, что не позволяет до конца решать проблему их происхождения и культурной принадлежности.

В этой связи возникает необходимость поиска на территории мелкосопочника более информативных источников, представленных памятниками, содержащими вышеназванные элементы материальной культуры, которые пока не выявлены здесь, но перспектива их обнаружения еще не исчерпана. Кроме того, в решении данной проблемы уже сейчас важную роль могут сыграть более перспективные в этом плане промежуточные памятники, расположенные на Иртыше и на его правобережье. В частности памятники Борлинского археологического комплекса, открытого в 2008 г. (Мерц, 2009, 2011), который расположен в Лебяжинском районе, в 100 км к юго-востоку от г. Павлодара. Здесь выявлен целый ряд стратифицированных поселений эпохи камня и бронзы, начало исследования которых открывает новую страницу в изучении неолита Казахстана.

Наиболее интересным памятником комплекса, который начала исследовать в этом году

экспедиция ПГУ им. С. Торайгырова, является неолитическое поселение Борлы. Оно приурочено к ровной площадке западного берега озера, расположенной между двух родников, заросших лиственным лесом. В разрезе озерной террасы фиксируются очажные пятна, две погребенные почвы и костеносный горизонт. Наиболее мощный культурный слой с большим количеством фаунистических остатков и археологического материала обнаружен в северной части участка берега на протяжении 150 м, который активно размывается волновым прибоем, в результате чего значительная часть памятника уже разрушена. Учитывая опасность этих процессов для его сохранности, вдоль этого участка обрыва был заложен раскоп, разбитый по сторонам света на квадраты 3 x 3 м общей площадью около 180 кв. м и проведены первые раскопки памятника ².

Вскрытие культурного слоя проводилось путем зачистки поверхности квадратов лопатой с широким поперечным лезвием, срезающей грунт толщиной по 1-2 см. На участках наиболее плотного скопления находок культурный слой разбирался с помощью шпателей и кистей с последующим просеиванием грунта через сито с ячейкой до 4 мм. Все артефакты и крупные определимые кости фиксировались на плане квадратов по слоям с присвоением им индивидуального номера, всего зафиксировано таким образом около 3500 единиц, а общее число артефактов, куда входят предметы, найденные в сите, которые складывались в отдельные пакеты с указанием общей глубины и подъемный материал, пока не установлено.

В результате проведенных работ был получен богатый вещевой инвентарь, фаунистические и палеоантропологические материалы, проведены стратиграфические наблюдения, которые позволили выяснить, что жилища представляла собой неровную поверхность. Это хорошо заметно по рельефности профиля погребенной почвы, глубина залегания которой варьирует от 20 до 60 см, по-

этому культурный слой, связанный с мощным костеносным горизонтом, также залегает на различной глубине, что создает определенные сложности в его изучении. Однако в целом мы можем констатировать наличие на памятнике 6 литологических слоев, вмещающих культурные остатки:

слой 1 приурочен к дерновому горизонту и залегающей под ним современной почве, мощность которой варьирует от 0,5 до 20 см. К нему приурочена керамика раннего железного века, переотложенные фрагменты керамики эпохи бронзы и редкие кости мелких животных;

слой 2 – светло-серая супесь мощностью от 5 до 40 см (бровка 4-Г-Д) содержит керамику эпохи бронзы и переотложенные каменные орудия отщепно-пластинчатой индустрии из патинированного кварцита, местами этот слой полностью отсутствует (бровки 1-А-Б, 1-2-Б, 2-Б-В);

слой 3 – темно серая с коричневатым оттенком супесь – погребенная почва мощностью от 10 до 25 см, которая содержит тонкостенную керамику с волнистым и геометрическим орнаментом и без орнамента с наклепными и формованными валиками, костяные и каменные орудия отщепно-пластинчатой индустрии из патинированного кварцита, приуроченные к костеносному горизонту;

слой 4 – светло-серая, местами светло-коричневая супесь мощностью от 10 до 0, 25 см. Содержит ямочно-гребенчатую и лощенную с гладкой качалкой керамику, каменные орудия микропластинчатой индустрии из серой яшмовидной породы и кремня, приуроченные к нижней части костеносного горизонта;

слой 5 – темно-серая супесь – погребенная почва мощностью от 5 до 15 см с разрушенной поверхностью. Местами фиксируется лишь по остаточному горизонту трещин усыхания и корней, спускающихся косыми языками клиньев, пробивающих нижележащий слой светло-желтой карбонатной супеси. Содержит редкие артефакты;

слой 6 – светло-желтая карбонатная супесь рыхлой структуры подстилает почвенные слои. В верхней части содержит неорнаментирован-

² Работы проводились за счет специальных средств выделенных Университетом на эти цели.

ную керамику, каменные орудия пластинчатой индустрии из патинированного микрокварцита и единичные кости животных, залегающих на глубине до 75 см.

Как мы видим, довольно сложная стратиграфическая ситуация, в которой еще предстоит разбираться. Она не позволяет однозначно определить связь некоторых предметов, которые, к тому же, могут быть переотложенными, с тем или иным культурным слоем. За счет неровной поверхности террасы, фиксируемой по рельефности погребенной почвы, местами отсутствуют некоторые слои и под современной почвой в квадратах 1-3-А-Б, сразу идет погребенная почва – слой 3, а под ней светло-серая супесь, представляющая остатки второй погребенной почвы слоя 5 или заполнение какого-то углубления. Разобраться в этом позволят лишь дальнейшие исследования участка и стратиграфические наблюдения.

На памятнике получено множество различных типов неолитической керамики, из которых пока можно выделить несколько основных:

Первый тип тонкостенной керамики с большим содержанием в тесте мелкого песка и слюды делится на два подтипа: 1) с налепным и формованным валиком представлен небольшим круглодонным сосудом без орнамента с ровной шейкой и отогнутым венчиком, по которому с внутренней стороны сделаны косые насечки, в качестве внешнего декора на шейке сосуда имеется небольшой налепной валик, рассеченный вертикальными полосками (рис. 1, 5); крупным тонкостенным сосудом шаровидной формы без орнамента с короткой шейкой и прямым венчиком с формованным валиком на его верхней части, рассеченным редкими косыми штрихами и аналогичными элементами по верхнему срезу венчика (рис. 1, 1); фрагментом небольшого тонкостенного сосуда с формованным валиком, декорированным по верхней, средней и нижней части рядами округлых вдавлений (рис. 1, 2).

Ближайшие аналогии неолитической керамики с налепными и формованными валиками широко представлены в материалах боборыкинской культуры лесостепного Зауралья (Ко-

валева, Зырянова, 2010, с. 154-155).

2) крупным тонкостенным сосудом с ровной, слегка отогнутой шейкой и мелкими перпендикулярными насечками по ровному срезу венчика, верхняя часть сосуда покрыта горизонтально-линейным орнаментом, занимающим одну треть его поверхности, средняя часть не орнаментирована, нижняя отсутствует (рис. 1, 9); аналогичным по форме сосудом меньшего размера и более массивными стенками с закругленным, слегка отогнутым венчиком, покрытым косыми насечками с наружной стороны и похожим линейным орнаментом в верхней части (рис. 1, 8); этот тип керамики представлен еще несколькими фрагментами от других сосудов (рис. 1, 3).

Некоторые аналогии данному типу керамики мы видим в материалах поселения Иня 11 в лесостепном Присалаирье (Зах, 2003, с. 36, 149), в новых, еще неопубликованных материалах с Семипалатинских Дюн, и кельтеминарских материалах Лявлякана 120 (Виноградов, Мамедов, 1975, с. 68, 70) и Космолы 5 (Виноградов, 1981, с. 92).

Второй тип керамики представлен фрагментами сосудов средних размеров с более толстыми стенками с плотным, но слоющимся черепком, округлым туловом и сильно отогнутым венчиком с косыми насечками по его верхней части, по шейке – декорированных округлыми вдавлениями и геометрическим орнаментом в виде горизонтального зигзага, нанесенного жирной линией и рядами более крупных зигзагов, нанесенных тонкими линиями по верхней части тулова, по средней части сосуда проходит горизонтальный пояс, заштрихованный наклонными линиями, параллельно ему проходит зигзаг, вдоль которого нанесен ряд мелких вдавлений (рис. 1, 4). Аналогии данному типу керамики мы видим только среди боборыкинских комплексов (Ковалева, Зырянова, 2010, с. 144) и некоторое сходство по принципу геометрического орнамента и форме сосуда – с кельтеминарскими материалами Лявлякана 120, 121 (Виноградов, Мамедов, 1975, с. 68, 70, 89). К этому типу керамики, видимо, относятся и некоторые фрагменты с сильно отогнутым венчи-

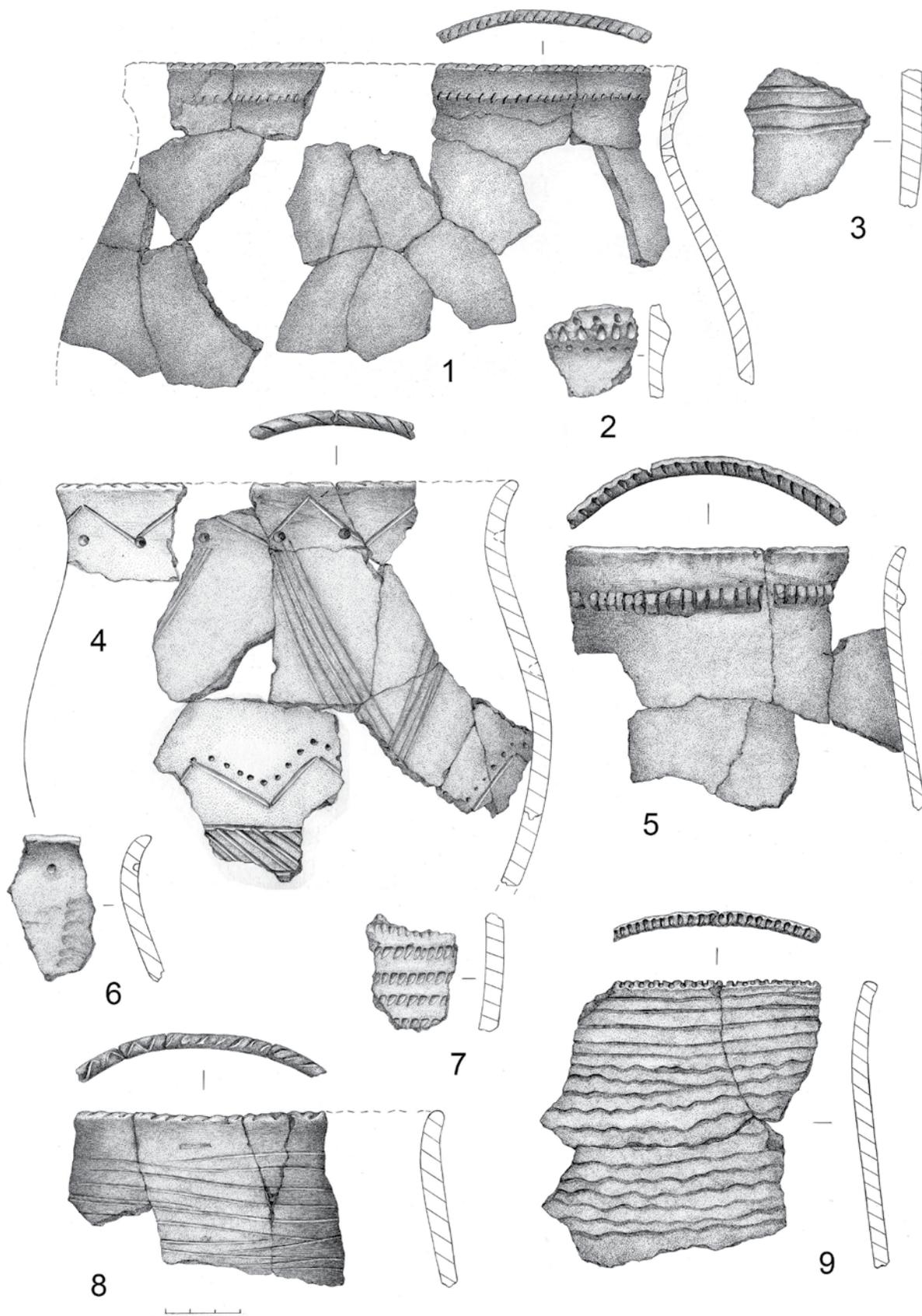

Рис. 1. Поселение Борлы, керамика позднего неолита.

ком, округлыми вдавлениями и рядами гладкой вертикальной качалки (рис. 1, б).

Третий тип керамики представлен ямочно-гребенчатыми образцами с толстыми расслаивающимися стенками. Керамика этого типа пока еще слабо исследована ввиду ее состояния, и требует дальнейшего изучения.

Четвертый тип керамики представлен сосудами с прямыми стенками, полностью покрытыми горизонтальными рядами оттисков уголка мелкой лопаточки (рис. 1, 7), который, видимо, не связан с основным комплексом и является инородным.

Пятый тип керамики с плотным слоющимся черепком и большим содержанием органики представлен тонкостенными и толстостенными сосудами с прямым и слегка отогнутым венчиком с продольными вдавлениями по его верхней части и декорированными горизонтальными и вертикальными рядами гладкой качалки (рис. 2, 1-9). Один фрагмент (рис. 2, 2) совершенно идентичен сосуду со стоянки Мичурино 2 (Мерц, Ткачев, 1998, с. 38, рис. 1, 1), где керамика также декорирована в основном гладкой качалкой, что позволяет считать ее аналогичной данному комплексу поселения Борлы.

В комплексе есть также керамика с гребенчатой качалкой и мелкими вдавлениями по шейке сосуда и жемчужинами, но она не многочисленна и еще слабо изучена. Керамика, полученная из нижнего слоя с остатками раннеолитической индустрии, без орнамента, имеет черный цвет и содержит в тесте большое количество песка. Она также представлена немногочисленными образцами и требует дальнейшего изучения. Сделать определение культурной принадлежности полученных на памятнике образцов керамики пока затруднительно, однако по некоторым признакам, таким как разряженный орнамент в верхней части сосудов, геометризм, нарезной способ его нанесения с помощью гладкого штампа, налепные и формованные валики на шейке, часть фрагментов, напоминают посуду боборыкинского типа, среди которой преобладает плоскодонная керамика. У нас пока нет плоских донцев, но памятник только начал из-

учаться, поэтому их обнаружение в дальнейшем не исключено. Ближайший памятник, содержащий плоскодонную керамику соотносимую авторами с боборыкинским типом, поселение Автодром 2 в Новосибирской области (Бобров и др., 2010) находится на расстоянии более 400 км к северу от оз. Борлы.

Каменные орудия, найденные на стоянке, также представляют остатки нескольких индустрий, использовавших разнообразное приносное сырье. Позднеолитический комплекс представлен крупными призматическими и плоскостными, двухплощадочными нуклеусами бочонковидной формы для получения широких пластин и орудиями из них: вкладышами с двусторонней обработкой по краю, ножами, скреблами, концевыми скребками, скреблами и скребками из отщепов, небольшими овальными бифасами, мелкими наконечниками стрел на пластинах и отщепах с выемкой в основании, плиточными ножами и скреблами, шлифованными теслами, утюжком, абразивами из песчаника, отбойниками и наковальнями. Хотя связь макролитов с данным комплексом окончательно не установлена, но весьма вероятна. В качестве основного сырья для индустрии использовался микрокварцит в изломе светло-зеленоватого цвета, покрытого белой патиной.

Данный тип индустрии близок позднеолитическим комплексам региона с крупными пластинами и изделиями из них, типа стоянки Шарбакты 1 и шидертинского слоя 2 (Мерц, 2004, 2006). Нуклеусы данного комплекса по своему типу также напоминают архаичные ядрища с поселения боборыкинского типа на Андревском озере ЮАО XII (Ковалева, Зырянова, 2010, с. 78).

Среди каменных изделий отчетливо выделяется комплекс из светло-серой яшмовидной породы, широко применявшейся в памятниках атбасарской культуры (Зайберт, 1992, с. 99) и аналогичных комплексах типа слоя 2а стоянки Шидерты 3 и других памятников, датируемых нами средним неолитом (Мерц, 2004, с. 25-27). Он представлен коническими нуклеусами для микропластин и орудиями из них: прямоугольными вкладышами, трапециями, угловыми и

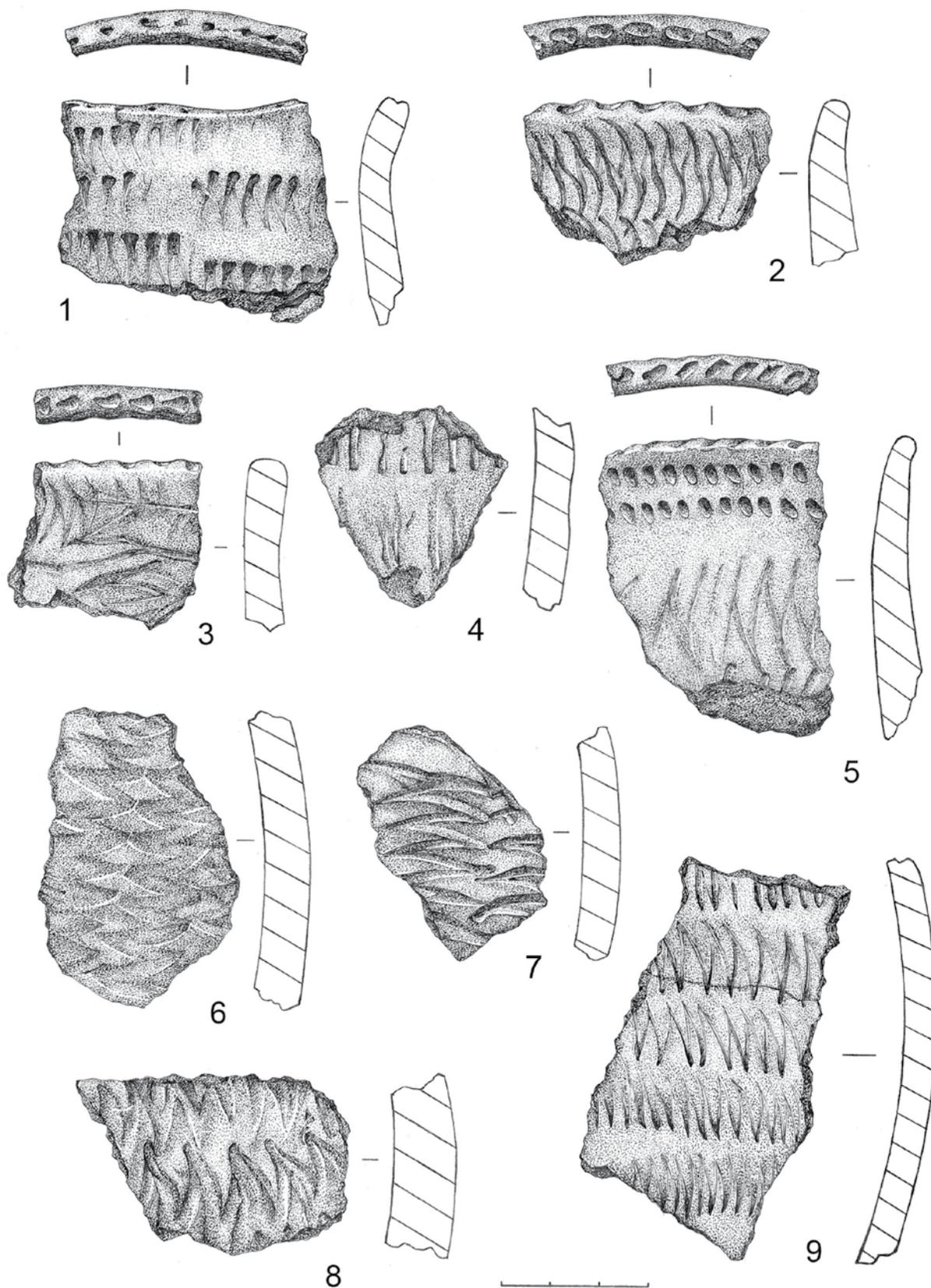

Рис. 2. Поселение Борлы, керамика среднего неолита.

боковыми резами на пластинах с фасетированными торцами, проколками, развертками, симметричными наконечниками стрел на пластинах, скребками из отщепов, скребками и скобелями из пластин.

Менее представительна раннеолитическая индустрия, выполненная из серого микрокварцита, покрытого молочной патиной. Она сопоставима с раннеолитическим комплексом третьего слоя стоянки Шидерты 3. Комплекс представлен плоскостными нуклеусами конической формы, коническими и подклиновидными нуклеусами, ровными призматическими пластинами с вентральной и дорзальной ретушью по одному или двум краям, иногда очень глубокой двухрядной ретушью, пластинками с притупленным краем и скошенным торцом, скребками на отщепе.

На памятнике также впервые найдены костяные предметы, связанные с неолитическим слоем. Они представлены рядом проникающих орудий: проколок, шильев (рис. 3, 2-6), некоторые из них могли использоваться в качестве орнаментов для керамики, которыми наносились округлые вдавления. Особый интерес среди них представляет тонкий длинный предмет в виде шила или крупной иглы длиной 17 см (рис. 3, 5). Найден также обломок костяного стержня с насечками в нижней и средней части, обломок небольшой лопаточки для обработки керамики и обломки двух вкладышевых ножей (рис. 3, 7-8). Несколько крупных предметов из сточенных с двух сторон или по бокам метаподий лошади и крупного парнокопытного представляют, по-видимому, заготовки каких-то изделий. Все они происходят из костеносного горизонта, который, скорее всего, нужно связывать с комплексами позднего — среднего неолита. С ними, вероятно, связаны также небольшая лопаточка — орнамент из шлифованного сланца, каменная подвеска с изображением змеи, выполненная из аналогичного материала и просверленные раковины.

Важной находкой являются палеоантропологические материалы, представленные коронкой коренного зуба, резцом и фалангой пальца, происходящие из того же костеносного

горизонта. Происхождение этих находок может быть связано с разрушением, в результате хозяйственной деятельности какой-то группы поселенцев, более древнего могильника, существовавшего на этом месте, что позволяет надеяться на открытие в дальнейшем какой-либо его части.

Необходимо отметить, что из всех стоянок каменного века, обнаруженных на территории Северного и Центрального Казахстана за последние десятилетия, это поселение и другие памятники Борлинского археологического комплекса являются наиболее значительными и перспективными для изучения неолита Казахстана. Они содержат информацию совершенно нового типа, которая позволит определить связи древнего населения Правобережного Прииртышья, представляющего западную часть Кулундинской равнины, с племенами юга Западной Сибири, Алтая и Сарыарки и разобраться в неолите Прииртышья, где пока много непонятого. Здесь наблюдается смешение культурных традиций неолита Северного и Центрального Казахстана с кельтеминарским влиянием. Важным представляется выяснение пути этого влияния, видимо, проникавшего в Прииртышье и далее на Восток, на территорию Алтая, Монголии и Синьцзяна через Юго-Восточный Казахстан. Но представление о неолитических памятниках этого региона, к сожалению, отсутствует в современной науке из-за не изученности его территории, через которую, по всей вероятности, проходили важнейшие миграционные пути.

Таким образом, открытие и начало изучения нового многослойного поселения эпохи неолита на оз. Борлы имеет большое научное значение, так как оно относится к типу памятников, которые содержат богатый кремневый и костяной инвентарь, остатки керамической посуды, предметы искусства из камня и кости, остатки жилищ, хозяйственных ям и захоронений. Это такие, уже хорошо изученные в других регионах по всей периферии Казахстана, памятники, как, например, Варфоломеевская стоянка в Поволжье (Юдин, 2004). Первые раскопки поселения Борлы также дали новые уникаль-

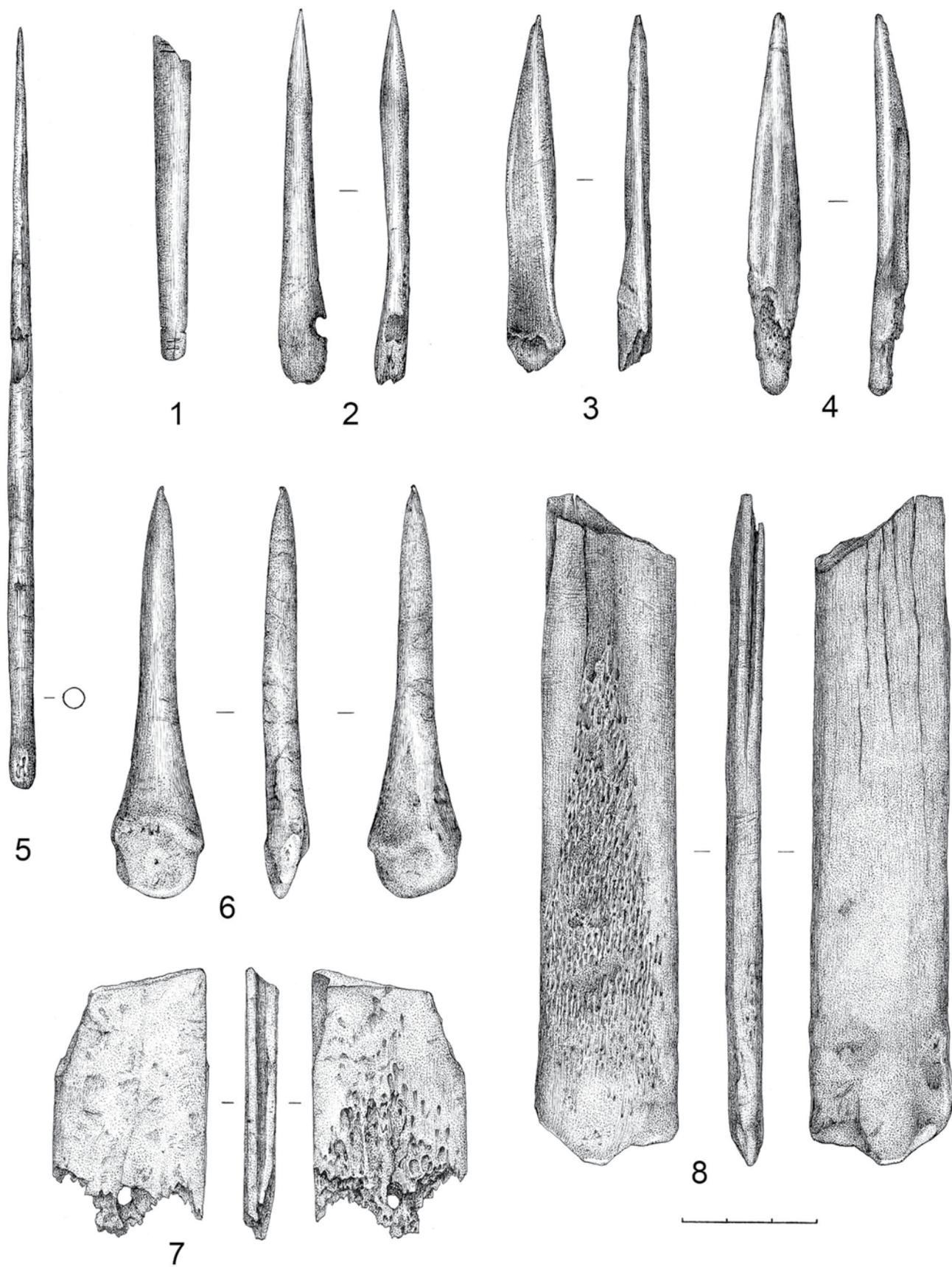

Рис. 3. Поселение Борлы, костяные орудия позднего – среднего неолита.

ные материалы по неолиту Северо-Восточного Казахстана, которые дополняют информацию о материальной культуре и хозяйственной деятельности неолитических племен региона и подтверждают результаты исследований, проведенных на многослойной стоянке Шидерты 3 относительно последовательности развития аналогичных комплексов каменных индустрий. Дальнейшие результаты его исследований могут иметь ключевое значение для реконструкции древнейших периодов истории страны и культурно-исторических процессов, приведших к сложению неолитических культур Казахстана, Западной Сибири и Алтая.

Литература:

- Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчёт павлодарской экспедиции 1955 г. // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – Т. 7. – С. 33-58.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Исследования поселения Автодром -2 в Барабинской лесостепи в 2010 г. (предварительные результаты) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: матер. итоговой сессии ИАЭ СО РАН. – Новосибирск, 2010. – Т. XVI. – С. 9-14.
- Виноградов А. В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявьякан. – М., 1975. – 278 с.
- Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М., 1981. – 174 с.
- Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. – Екатеринбург, 1992. – 222 с.
- Зах В. А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень, 2003. – 168 с.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья. Боборыкинская культура. – Екатеринбург, 2010. – 308 с.
- Мерц В.К. Работы на стоянке Нурмамбет 1 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1995. – С. 42-47.
- Мерц В.К., Ткачѳв А.А. Неолитические материалы могильника Мичурино 2 // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998. – С. 34-38.
- Мерц В.К. Об изучении голоценовых комплексов северо-восточного Казахстана // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2004. – № 1. – С. 23-33.
- Мерц В.К. Основные результаты изучения памятников каменного века Северо-Восточного Казахстана // Вестник КазНУ. Сер. историч. – 2006. – № 2 (41). – С. 147-153.
- Мерц В.К. Некоторые результаты исследований по Своду памятников Павлодарской области // Маргулановские чтения-2009. – Петропавл, 2009. – С. 167-171.
- Мерц В.К. Некоторые вопросы изучения неолита Казахстана // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы, 2011. – Вып. 3. – С. 217-231.

Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки 1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алматы, 1972. – С. 163-181.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. – Саратов. – 2004. – 200 с.

Түйін

Мақалада Ертіс өңірінің оң жағалауында орналасқан Бөрлі өзеңі маңында орналасқан неолит дәуірінің көп қабатты жаңа мекенін зерттеу барысында алынған материалдарға сипаттама беріледі. Ескерткіш күрделі стратификацияланған, оның құрамында жерленген құмдар және тас пен сүйек құралдары, керамика, антропологиялық, палеозологиялық материалдарды қамтитын бірнеше мәдени қабаттар орналасқан. Бұл ескерткіштің Қазақстанда ерте кейіңгі неолит дәуірінің аналогтары жоқ сипатымен ерекшеленеді.

Summary

The article describes the material obtained as a result of learning a new multi-layered Neolithic settlement, located on the right bank of the Irtysh river, near the Borly lake. The monument has a complicated stratigraphy, which includes several buried soils and cultural layers containing large amounts of stone and bone tools, pottery, anthropological and paleozoologic materials of the Early – Late Neolithic Age which have no analogues in Kazakhstan.

Калиева С.С., Логвин В.Н.

Терсек и Ботай: общее и особенное

Ситуация с изучением эпохи энеолита в Торгайском прогибе к началу наших работ выглядела следующим образом. В 1937 г. школьниками Цеге и Фроловым на берегу озера Коль в 15 км от Кустаная в результате сборов с поверхности были получены первые энеолитические материалы (Агеева и др., 1960, с. 32). В 1945 г. сотрудниками руководимой А.Н. Формозовым зоологической экспедиции обнаружена стоянка в урочище Терсек-Карагай. Судя по всему, в этом же году материалы этой стоянки были переданы А.А. Формозову, который уже в 1946 году ознакомил с ними научную общественность, опубликовав в вестнике КазФАН статью «Памятники древности Наурзумского заповедника» (Формозов, 1946). Позднее, в основном на материалах стоянок Коль и Терсек-Карагай с привлечением материалов орских стоянок и стоянки Кысы-Куль, им был поставлен вопрос о выделении особой южно-приуральской, терсек-карагайской культуры (Формозов, 1951, с. 11 – 13; Формозов, 1951а, с. 117). В течение длительного времени, вплоть до начала наших работ в 1975 г., основным источником информации по энеолиту Торгайского прогиба оставались несколько статей А.А. Формозова, написанных им в конце 40-х – начале 50-х годов (Формозов, 1946; 1950; 1951; 1951а). Статья А.Я. Брюсова «О происхождении андроновской культуры», построенная на торгайских материалах и опубликованная им в 1963 г. в Мехико, советским исследователям осталась практически неизвестной (Vijussoff, 1963). Выделение А.А. Формозовым терсек-карагайской культуры не встретило особых возражений, только К.В. Сальников выступил против включения в нее Кысы-Куля. Не отрицая сходства материалов кысыкульского поселения и стадиальную близость их с опубликованными к тому

времени материалами торгайских памятников, он склонен был выделять последние в особую от Кысы-Куля группу (Сальников, 1962, с. 28-30).

Возобновив исследование энеолитических памятников Торгайского прогиба раскопками в 1975 г. стоянки Каинды 3, а в 1978 г. поселения Солёное Озеро 1, мы получили комплексы материальных остатков, полностью сопоставимых с таковыми поселений Коль и Терсек-Карагай А.А. Формозова (Логвин, 1976; 1979; 1981). Новые материалы позволили существенно расширить наши представления о терсекских древностях, но все сказанное в свое время А.А. Формозовым без каких либо исключений вошло в их современную характеристику. В этих условиях представляется естественным принятие нами решения сохранить для обозначения изучаемого нами круга памятников в несколько усеченном виде одного из предложенных А.А. Формозовым названий. Так появился термин «терсекская культура». Поскольку выявленные нами памятники не только были близки памятникам А.А. Формозова, но и располагались на той же территории, необходимости в новом названии культуры не было, более того, такое предложение выглядело бы странно.¹

В Казахском Приишимье первые энеолитические материалы, судя по всему, были

¹ В этом плане вызывают недоумение высказывания С.В. Захарова: «Культурное обособление С.С. Калиевой и В.Н. Логвина памятников Торгайского прогиба в качестве самостоятельной археологической культуры – терсекской – верифицируется слабо. Их апелляция к исследованиям А.А. Формозова неоправданна. ...Апелляция С.С. Калиевой и В.Н. Логвина в деле выделения терсекской культуры к исследованиям А.А. Формозова неубедительна» (Захаров, 2009, с. 7, 22). Верифицировать сами эти высказывания невозможно, так как они голословны, не подкреплены анализом материалов (Захаров, 2010). Автору их неизвестно и такое понятие как научная этика, в соответствии с которым неприлично небрежно относиться к предшествовавшим исследованиям. Это своего рода манкуртизм от науки. Уже в силу этого, мы не могли игнорировать терсек-карагайскую культуру А.А. Формозова.

получены в 1958 г. на стоянке, позднее обозначенной Л.А. Чалой как Иман-Бурлук 2 (Чалая, 1973, с. 188). В 1980 г. в той же местности на правом берегу реки Иман-Бурлук было обнаружено поселение Ботай (Зайберт, 1981). В 1982 г. материалы, однотипные иманбурлукским и ботайским, были получены на поселении у села Рошинское (Зайтов, 1984). Эти открытия позволили В.Ф. Зайберту поставить вопрос о выделении ботайской культуры (Зайберт, 1983). В первой статье, в которой в основном по материалам Ботая была представлена развернутая характеристика выделяемой культуры, круг входящих в нее памятников был расширен за счет поселений Баландино и Кенеткуль VIII. Здесь же определялась зона «обитания носителей ботайской культуры бассейном реки Ишим, начиная от его верховьев до среднего течения в пределах лесостепной зоны» (Зайберт, 1985, с. 9). Поскольку к этому времени, помимо стоянок Коль и Терсек-Карагай, нами были опубликованы материалы стоянки Каинды 3 и поселения Соленое Озеро 1 (Логвин, 1979; Логвин, 1981; Логвин, Калиева, 1984), то отсутствие торгайских памятников в перечне объектов ботайской культуры нельзя трактовать иначе как осознание В.Ф. Зайбертом в тот момент определенной культурной обособленности терсекских и ботайских групп памятников друг от друга. Об этом же говорит и следующая фраза: «Не исключено, что ботайская культура часть большой этнографической общности, существовавшей в энеолите на широкой территории азиатской лесостепи. Об этом свидетельствуют довольно близкие ботайским материалы Притоболья, Центрального Казахстана, Южного Урала» (Зайберт, 1985, с. 12). При этом дается прямая ссылка на северо-торгайское поселение Бестамак. Здесь четко зафиксировано диалектическое сочетание, с одной стороны, родственности, а с другой – обособленности терсекских и ботайских древностей. Позднее он резко меняет свою позицию и включает терсекские памятники в состав ботайской культуры. При этом «отличительные особенности» ботайской культуры остались те же, что и прежде (Зайберт, 1985, с. 9; Зайберт, 1989, с. 174; 1993, с. 141; 2009, с. 227-

243). Более того, и в том и в другом случае он базируется на определении археологической культуры И.С. Каменецкого: «Археологическая культура – это группа памятников, занимающих сплошную территорию... и обладающих объективно существующим сходством материальных и нематериальных признаков, образующих внутренне связанную систему, единообразно изменяющуюся во времени и ограниченно варьирующую в пространстве, существенно отличающуюся от аналогичного типа систем, характеризующих другие культуры. ... культуру характеризует весь комплекс материальных и нематериальных черт; ... выбор признаков для выделения культур диктуется в каждом конкретном случае имеющимся материалом, причем для разграничения двух культур достаточно выделить только отличительные их черты» (Каменецкий, 1970, с. 25, 27, 29; Зайберт, 1985, с. 8; 1993, с. 134; 2009, с. 227).

Популярное в среде археологов определение требует проведения детального анализа, в первую очередь, материальных аспектов, поскольку они, с одной стороны, сами по себе являются важнейшим компонентом характеристики археологической культуры, а с другой – дают возможность реконструировать нематериальные. К сожалению, В.Ф. Зайберт, вводя торгайские памятники в ботайскую культуру, не приводит такой анализ. Вся аргументация заключена в одной фразе: «Сходство, например, керамики, наконечников стрел, скребков и других изделий между Ботаем и кустанайскими стоянками свидетельствует об однокультурности» (Зайберт, 1993, с. 142; 2009, с. 249).

Предпринятое нами сопоставление терсекских и ботайских древностей показало, что наиболее полное сходство обнаруживается по каменной индустрии. Общий облик кремневой индустрии обеих групп древностей определяется господством отщепов и орудий из отщепов. Техника скалывания заготовок характеризуется малым числом кондиционных нуклеусов, служивших для скалывания отщепов, при огромном числе последних (Зайтов, 1985, с. 22; 1988; 2007, с. 32). Набор орудий также очень близок. Ведущими группами орудий являются

скребки, скребла, ножи, наконечники. На Ботае скребки, скребла и ножи составляют более 60% всех орудий, на Соленом Озере 1 они составляют 68,7%, в Евгеньевке 2 – 46,3%, Каиндах 3 – 52,9%, в кладе Аксу – 39,7%, на Кумкешу 1 – 67,9% и на Кожае 1 – 66,5% (Логвин, 1981, с. 76; Логвин, Калиева, 1984, с. 237; Калиева, 1988; Калиева, 2004). Конкретные типы этих орудий, включая и такие достаточно сложные варианты, как коленчатые ножи, в большинстве случаев одинаковы. Однако на Ботае, судя по всему, не представлен тип двусторонне обработанных ножей «с пуговкой» – специфическим расширением в рукояточной части. Они хорошо известны в энеолите лесного Приуралья, а у нас встречены на Кожае 1 и Кумкешу 1 (Бадер, 1961, с. 43 – 44, рис. 18, 5 – 7, 9; Калиева, Логвин, 1997, с. 51 – 53, рис. 7, 3). Следующую по численности группу орудий составляют наконечники. Все отмеченные на Ботае типы наконечников: листовидные, подтреугольные, с приостренным, прямоусеченным, вогнутым основанием или с черешковым насадом, имеются и в коллекциях торгайских памятников (Зайтов, 1985, с. 23 – 26; Калиева, 1998). Размерные характеристики также близки.

Номенклатура рубящих орудий на торгайских памятниках, судя по всему, несколько уже, чем на Ботае. В основном это треугольные и трапециевидные разновидности их. Однако эти два типа являются основными и для Ботая (Плешаков, Зайберт, 1985, с. 54 – 59; Калиева, 1988; Калиева, Логвин, 1997, с. 61 – 64, рис. 13). Очень выразительной группой находок являются так называемые «диски» или дисковидные орудия. Так же как и на Ботае, они довольно разнообразны по форме, размерам, ornamentации и, видимо, по назначению (Зайтов, 1985, с. 27-30; Калиева, 1988).

Среди остальных каменных орудий обращает на себя внимание коллекция шаровидных предметов, обнаруженная на Ботае. По данным В.И. Зайтова, часть их естественного происхождения, но часть – искусственного, что заставляет предполагать возможность использования их как орудий (Зайтов, 1985, с. 30-31). То же можно сказать и о «каменных столбиках» Ботая,

часть которых представляет собой естественные конкреции высотой 8 – 12 см с минимальной подправкой, а часть изготовлена в технике пикетажа с пришлифовкой (Зайтов, 2007, с. 64). Специфичны для Ботая и каменные поделки геометрически нечетких форм размером 5 – 7 см с орнаментом в виде линий, треугольников, ромбов (Зайтов, 2007, с. 86). Эти три категории находок не встречены на терсекских памятниках. На Кожае 1, в свою очередь, обнаружены изделия, похожие, отсутствующие в ботайской коллекции, во всяком случае, в той же степени тщательности изготовления. Они представляют собой плоские ромбической или подпрямоугольной формы бруски с одним или двумя продольно расположенными желобками. У одного из них продольный желоб приподнят над основной плоскостью орудия, спинка сплошь украшена высверленными ямками, а на боковые плоскости нанесены косые нарезки (Калиева, 1998, с. 32 – 43; рис. 23, 4, 6; 30, 18).

Коллекции костяных изделий также близки, но не идентичны. В терсекских материалах отсутствуют наконечники гарпунов и изделия, трактуемые В.Ф. Зайбертом как скрепы лошадиных пут (Даниленко, 1985, с. 34-47; Зайберт, 2009, с. 497; рис. 97, 4). Это также свидетельство присутствия аналогичной демонстрируемой каменными шарами обособленности. Обособленность фиксируется и в такой интересной категории находок, как гравированные фаланги животных. На фалангах сайги в обеих группах памятников гравировка выполнялась в виде поперечных штрихов по тулову. Путовые кости лошади на терсекских памятниках также обычно украшены по тулову поперечными штрихами. Только на одной кости нанесен узор в виде одиночного зигзага (Калиева, 1998, с. 149, рис. 113, 4). В противоположность этому путовые кости Ботая по тулову обычно украшались сложными геометрическими композициями (Зайберт, 2009, с. 494-496, рис. 87-91). На Ботае не встречены орнаментированные венечные кости лошадей, тогда как для терсекских памятников они обычны (Калиева, 1998, с. 212, рис. 150, 5, 10, 11; Логвин, 1988, с. 232, рис. 2). В отличие от путовых, у венечных костей украшалось

не тулово, а головка. Узор может быть простым в виде поперечных штрихов, но может быть и сложным геометрическим, как в случае с венечными косточками со стоянки у села Ливановка (Логвин, 1988, с. 232, рис. 2) (Фото. 1). Украшение головок на Ботае вообще не отмечено, тогда как на терсекских памятниках оно зафиксировано не только для венечных, но и для путовых косточек (Калиева, 1998, с. 212, рис.150, 13). В одном случае орнамент отмечен одновременно на головке и на тулове (Калиева, 1998, с. 42, рис. 31, 7). Отмеченные особенности коллекций орнаментированных фаланг лошадей весьма значимы при решении вопроса культурной принадлежности терсекских и ботайских памятников, так как, помимо фиксации своеобразия в материальных остатках, они заставляют предполагать достаточно существенные и судя по всему осознаваемые различия в связанных с ними представлениях идейной сферы.

Коллекции керамики Ботая и торгайских памятников также имеют много общего, однако и различия весьма существенны. Одним из признаков, определяющих общий фон терсекских и ботайских керамических коллекций, является полужайцевидная или близкая к ней форма основной массы сосудов. Однако есть одно принципиальное исключение. На терсекском поселении Кумкешу 1 найдены фрагменты четырех плоскодонных сосудов, характер орнаментации которых не оставляет сомнений в принадлежности их к основному комплексу. Особенностью довольно большого числа сосудов поселения Кожай 1 и по крайней мере одного сосуда Дузбая 3 является также приближающаяся к конусу форма днища (Калиева, Логвин, 1997, с. 77, рис. 19, 5; 22, 4). В коллекции Ботая такие формы отсутствуют (Мосин, 2003, рис. 45-71). Существенные различия фиксируются в технологии изготовления керамики. На Ботае довольно много текстильной керамики. Наличие текстильных отпечатков на фрагментах ботайских сосудов одни исследователи объясняют формовкой сосуда внутри тканевой формы (Мартынюк, 1985, с. 60; Чернай, 1985), а другие – выбивкой стенок сосуда в процессе его формования лопаточкой обмотанной ве-

речкой и прокатыванием палочки опять-таки обмотанной веревочкой (Глушков, 1996, с. 99-101). В терсекских коллекциях текстильной керамики нет. На Ботае по данным О.И. Мартынюка она составляет 15% всей керамики. В.С. Мосин также сообщает, что среди гребенчатой керамики Ботая 21% фрагментов с отпечатками текстиля, а среди неорнаментированной 67% (Мосин, 2003, с. 55). Это весомая часть керамической коллекции.

В орнаментации керамики терсекские и ботайские древности имеют много общего. Близость проявляется как в элементах орнамента, так и в орнаментальных композициях, включая сложные геометрические узоры, в том числе и с вертикальным членением орнаментального поля. Однако в технике нанесения орнамента отмечаются значительные различия. На общем фоне преобладания в орнаментации отисков веревочного и зубчатого штампов ботайская, в отличие от терсекской, выделяется значительной ролью ямочных вдавлений. В.Ф. Зайберт, противопоставляя суртандинские памятники Ботаю, указывает, что для последнего характерна «гребенчато-ямочная» и «веревочно-ямочная» керамика (Зайберт, 1993, с. 150). В.С. Мосин сообщает, что в группе гребенчатой керамики Ботая наибольший «процент употребления ямочных поясков по венчику у керамики с простыми мотивами без отпечатков текстиля – до 37%, у текстильной – не более 20%», а в группе веревочной керамики ямки встречены в 40% случаев (Мосин, 2003, с. 58, 62). В терсекских коллекциях сосуды с ямками единичны. Отмеченные различия в приемах формовки сосудов и технике нанесения орнамента трудно интерпретировать иначе, чем свидетельство определенной этнической обособленности обществ оставивших нам ботайские и терсекские древности.

Кардинально отличаются терсекские и ботайские древности в сфере домостроительства и планировки поселений. Для Ботая характерна сотовая структура организации поселения, когда оно составляется из ячеек, включающих в

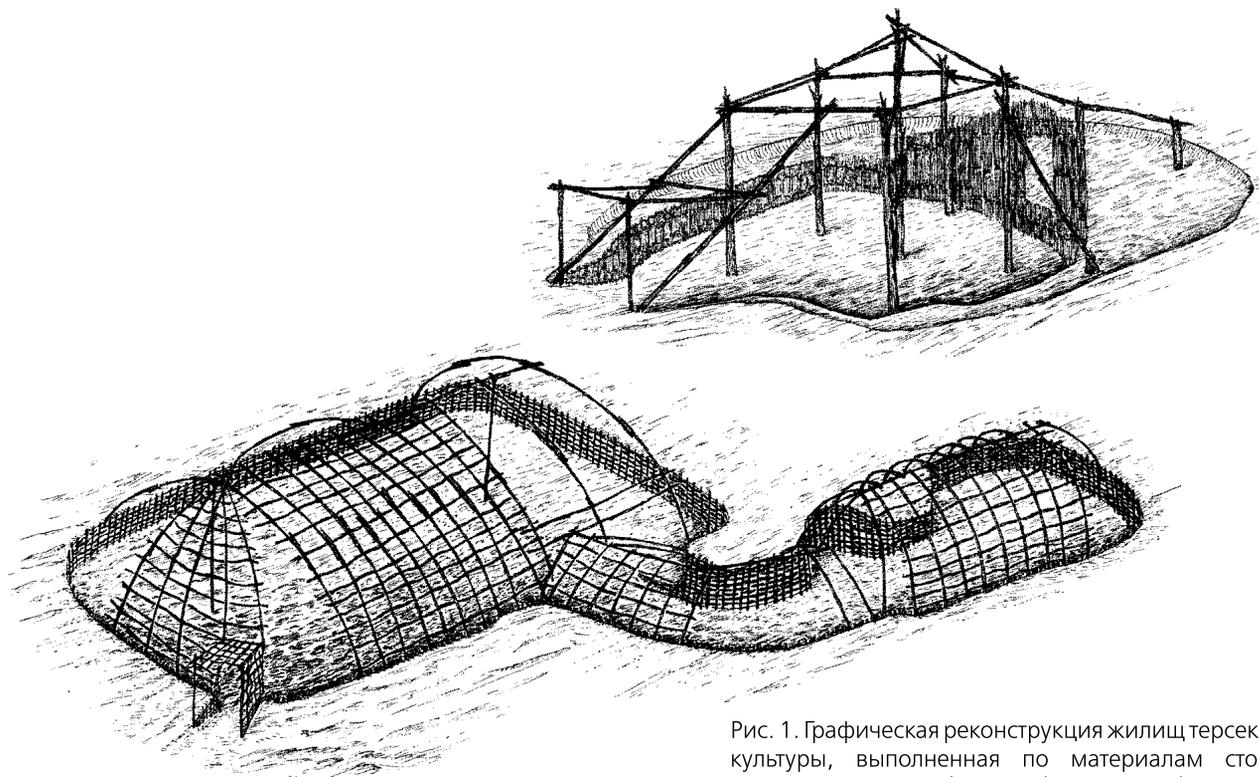

Рис. 1. Графическая реконструкция жилищ терсекской культуры, выполненная по материалам стоянок Солёное Озеро 1 (верхнее) и Кожай 1 (нижнее).

себя несколько соединенных друг с другом переходами сооружений. Одиночные сооружения также имеются, но облик по-селка определяли сотовые конструкции (Зайберт, 1993, с. 21-35; 2009, с. 71-170; Кисленко, 1993, с. 117-122). На терсекских памятниках структуры такого рода не отмечены (Калиева, Логвин, 1997, с. 16-39; Калиева, 1998, с. 6-9). Кардинальные отличия и в реконструкции наземной части жилищ. По мнению исследователей Ботая для него характерна «глинобитно-древесная архитектура». По В.Ф. Зайберту на краю котлована сооружались стены из глиняных блоков высотой 60 – 100 см. «По периметру стен укладывали деревянную обвязку и на ней возводили коническое шатровое перекрытие с дымовым отверстием в центре» (Зайберт, 1993, с. 21, 141). А.М. Кисленко дает несколько другую реконструкцию: «Выкапывался котлован 4 – 8-ми угольной формы глубиной до 1 м и площадью от 20 до 70 м. Вынутая при рытье глина укладывалась по периметру в виде вала высотой до 1 м. На выстроенные таким образом стены укладывались бревна в виде сужающегося сруба» (Кисленко, 1993, с. 122-129;

История Казахстана, 1996, с. 96). По данным почвенного анализа предполагается возможность обмазки кровли принесенным со стороны тяжелым суглинком (Зайберт, 2009, с. 173-177). На терсекских памятниках известны два варианта конструкции наземной части жилищ (Рис. 1). Один из них хорошо представлен на поселении Кожай 1. Здесь зафиксированы следы пожаров в виде обугленных макроостатков тальника диаметром до 3 – 4 см. Стратиграфия жилища № 7 показывает, что оно горело и вновь восстанавливалось не менее трех раз. Следы пожара хорошо фиксировались в плане в виде углистой полосы по всему периметру котлована. Отсюда следует, что остов наземной части жилища сооружался из тальника. Такому остову наземной конструкции должна была соответствовать легкая кровля (камыш, трава, шкуры и т.д.). Можно уверенно говорить, что при сооружении наземной части технологический прием обмазки не применялся, поскольку в процессе раскопок не были обнаружены куски спекшейся во время пожара глины или земли (Калиева, 1998, с. 97-99). На Кумкешу 1 котлованы жилищ

и ямы фиксировались очень четко, но только во втором жилище среди обнаруженных здесь пяти ям одна может быть интерпретирована как столбовая. Следовательно, конструкция наземной части сооружений здесь, скорее всего, была близка кожайской. В отличие от Ботая, можно говорить уверенно об отсутствии на обоих памятниках каких-либо следов наличия глиняных стен. Второй вариант конструкции наземной части представлен жилищем поселения Солёное Озеро 1. Большая часть зафиксированных здесь шестнадцати столбовых ямок расположена в центральной части котлована. Это заставляет предполагать здесь столбовую конструкцию наземной части сооружения. Так же как и в предыдущем случае никаких следов глиняных стен нет (Логвин, 1992, с. 110-113).

Данных о погребальных практиках терсекского и ботайского населения пока немного, но известные говорят об их несопоставимости. Для Ботая известны коллективные погребения в заброшенных жилищах, один череп на краю ямы и отдельные разрозненные кости человека из различных мест (Рыкушина, Зайберт, 1986; Рыкушина, 2009, с. 387-398). Известные погребения терсекской культуры одиночные. Погребение покойника про-изводилось не на площади поселения, а на могильнике, расположенном за его пределами, на высоком месте. Фиксируется трупоположение вытянутое на спине головой на север, северо-восток и северо-запад. Часть погребений безинвентарные, в других покойников со-проводжает типичный для терсекской культуры инвентарь и украшения. Костяки посыпались охрой (Колбина и др., 2006, с. 396-398). Разная погребальная обрядность однозначно свидетельствует об обособленности этнокультурного порядка.

Подведем итог. Сопоставление коллекций каменных находок Ботая и торгайских памятников показывает большую степень их сходства. Общий облик индустрии идентичен, идентичны большей частью и основные типы орудий труда. Но можно ли на этом основании объединять ишимские и торгайские памятни-

ки в одну культуру? Думается, что нет, хотя бы уже потому, что например волосовские и гаринско-борские древности имеют такую же, вплоть до конкретных типов орудий, каменную индустрию, и по этой логике ботайские и терсекские памятники должны быть объединены с ними в одну, видимо, волосовскую культуру. Абсурдность этого очевидна. Следовательно, сходство в данном случае свидетельствует, прежде всего, о стадильной близости всех этих древностей. Форма орудий труда, в силу обусловленности ее в значительной мере функциональной целесообразностью, во все времена имела сильный налет «интернационализма». «Национально» окрашенными могут быть только некоторые не связанные с функцией детали оформления орудий. В нашем варианте отмеченные выше особенности оформления деталей некоторых орудий (ножи «с пуговкой», продольно-желобчатые «утюжки»), жестко не связанные с функцией, видимо свидетельствуют об определенной культурной обособленности терсекских и ботайских древностей. В этом же ключе следует трактовать присутствие на Ботое и отсутствие в терсекских комплексах каменных шаров, каменных поделок с орнаментом и столбиков. В последнем случае речь может идти либо об отсутствии у терсекцев каких-то присущих ботайцам сфер жизнедеятельности, либо о принципиально разной их организации, то есть опять-таки приходится предполагать определенную обособленность терсекской и ботайской групп населения друг от друга. Отмеченные выше различия в приемах формовки сосудов и технике нанесения орнамента также являются свидетельством этнокультурного своеобразия. Более того, текстильная керамика, равно как и значительная роль ямок в орнаментации сосудов, по сути дела, демонстрируют со стороны ботайского населения наличие в их обществе этнического самосознания, противопоставленности другим, в том числе и терсекскому, сообществам.

В этом контексте неоднократно высказывавшееся утверждение, что терсекские памятники (Кожай 1, Солёное озеро 1, Терсек-Карагай

и др.) являются летними отгонами ботайцев, не выдерживает критики (Зайберт, 1993, с. 142 – 143, 172; 2009, с. 238, 297). Приемы формовки сосудов весьма консервативны. Мастера, меняя место жительства, на новом месте всегда их воспроизводят. Отсутствие текстильной керамики на терсекских поселениях однозначно свидетельствует о том, что ботайских мастеров не было среди их обитателей. Об отсутствии ботайцев среди обитателей терсекских поселений в сколь-нибудь значимом числе говорит и очень незначительная роль ямок в терсекской орнаментальной традиции. Об этом же свидетельствует и кардинальное отличие терсекских и ботайских древностей по таким важнейшим этноопределяющим сферам жизнедеятельности оставивших их обществ, как погребальная и домостроительная практика. Если в отношении домостроительства еще можно попытаться предположить, что его специфика определена отгонным образом жизни, то в отношении погребений это исключено. На терсекской части могильника у поселения Бестамак хоронили явно не ботайцев. *Таким образом, места обитания ботайцев на летних отгонах надо искать где-то за пределами Торгайского прогиба.*

В заключение можно отметить, что терсекские и ботайские памятники безусловно близки, но близость эта такого рода, которая позволила в свое время одному из авторов объединить памятники огромной территории от северо-таежной реки Конда до реки Торгай в зауральскую общность энеолитических культур геометрической керамики. В рамках этой общности терсекские и ботайские древности, так же как суртандинские, аятские, волончинские и др., фиксируются в качестве вполне обособленных археологических культур (Калиева, 1990, с. 16; Калиева, 2001).

Литература:

Агеева Е.И., Акишев К.А., Кушаев Г.А., Максимова А.Г., Сенигова Т.Н. Археологическая карта Казахстана. – Алма-Ата: АН Каз.ССР, 1960. – 449 с.

Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. – 1961. – № 99. – 196 с.

Зайтов В.И. Разведочные работы в Северном Казахстане // АО – 1982. – М., 1984. – С. 454–455.

Зайтов В.И. Характеристика каменных орудий поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1985. – С. 17–33.

Зайтов В.И. Развитие каменной индустрии в эпоху неолита–энеолита на территории Северного Казахстана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1988. – 25 с.

Зайтов В.И. Каменная индустрия заключительных этапов каменного века Северного Казахстана. – Без указания: ООО «Рифей», 2007. – 256 с.

Зайберт В.Ф. Исследования в Северном Казахстане // АО – 1980. – М., 1981. – С. 435–436.

Зайберт В.Ф. Сложение энеолитической ботайской культуры в Урало-Иртышском междуречье // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. – Барнаул, 1983. – С. 88–90.

Зайберт В.Ф. Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1985. – С. 3–17.

Зайберт В.Ф. Динамика взаимодействия природно-экологических и социально-экономических факторов в процессе становления и развития производящего хозяйства в степях Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: Наука, 1989. – С. 171–179.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука, 1993. – 246 с.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. – Алматы: КазАкпарат, 2009. – 576 с.

Захаров С.В. Изучение энеолита Северного Казахстана и Южного Зауралья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2009. – 31 с.

Захаров С.В. История и содержание вопроса культурной интерпретации памятников энеолита Северного Казахстана // Кадырбаевские чтения – 2010: матер. II междунар. конф. – Актобе, 2010. – С. 44–50.

Калиева С.С. Клад Аксу в Степном Притоболье // СА. – 1988. – № 3. – С. 240–243.

Калиева С.С. Энеолит Тургайского прогиба: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1990. – 18 с.

Калиева С.С. Поселение Кожай 1. – Алматы: ИА МН-АН РК, 1998. – 255 с.

Калиева С.С. О зауральской общности энеолитических культур геометрической керамики // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2001. – С. 154–156.

Калиева С.С. Стоянка Каинды 3 по раскопкам 1989 года // Сборник научных трудов. Вып. 18. Гуманитар-

ные науки: в 2 ч. Ч. I. История. Философия. – Сургут, 2004. – С. 10-23.

Калиева СС, Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. – Кустанай: КустГУ, 1997. – 179 с.

Каменецкий И.С. Археологическая культура ее определение и интерпретация // СА. – 1970. – №2. – С. 18-36.

Кисленко А.М. Опыт реконструкции энеолитического жилища // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. – Петропавловск, 1993. – С. 117-137.

Колбина А.В., Логвин А.В., Шевнина И. В., Калиева С.С. Доандроновские погребения могильника у поселения Бестамак // Современные проблемы археологии России. Т. I. – Новосибирск, 2006. – С. 396-398.

Логвин В.Н. Работы Тургайского музея // АО – 1975. – М., 1976. – С. 521-522.

Логвин В.Н. Работы в Наурзумском заповеднике // АО – 1978. – М., 1979. – С. 537-538.

Логвин В.Н. Еще раз об энеолитических стоянках Кустанайской области и их связи с ландшафтом // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. – Томск, 1979. – С. 54-55.

Логвин В.Н. Энеолитические памятники р. Каинды // ВАУ. 1981. – Вып. 15. – С. 74-77.

Логвин В.Н. Энеолитические находки у села Ливановка // СА. – 1988. – № 1. – С. 232-234.

Логвин В.Н. Поселение терсекского типа Соленое Озеро I // СА. – 1992. – № 1. – С. 110-121.

Логвин В.Н., Калиева С.С. Стоянка Евгеньевка 2 (Северный Казахстан) // СА. – 1984. – № 1. – С. 235-241.

Мартынюк О.И. Керамика поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1985. – С. 59-72.

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: ЮУрГУ, 2003. – 220 с.

Рыкушина Г.В. Характеристика антропологических материалов с поселения Ботай // Зайберт В.Ф. Ботайская культура. – Алматы: КазАкпарат, 2009. – С. 387-398.

Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф. Предварительные сообщения о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1984. – С. 121-136.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. // АЭБ. – 1962. – Т. I. – С. 16-58.

Формозов А.А. Памятники древности Наурзумского заповедника // Вестник Каз.ФАН СССР. – Алма-Ата. – 1946. – № 4 (13). – С. 50-52.

Формозов А.А. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане // КСИИМК. – 1950. – Вып. XXXI. – С. 141-147.

Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. – 1951. – Вып. XXXIX. – С. 3-18.

Формозов А.А. Археологические памятники в районе Орска // КСИИМК. – 1951а. – Вып. XXXVI. – С. 115-121.

Чалая Л.А. Позднеэнеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1973. – С. 188-203.

Чернай И.Л. Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита-бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1985. – С. 93-110.

Brjusoff A.J. Sur L'origine de la cultura D'andronovo // A Pedro Bosch-Gimpera en el septuagésimo aniversario de su nacimiento. – Mexico, MCMLXIII. – P. 59-66.

Түйін

Мақалада автор терсек пен ботай ескерткіштерінің өзара ұқсастықтарын атап өте отырып, олардың жақындығы солтүстік тайгалық Конда өзенінен Торғай өзеніне дейінгі аралықтағы ескерткіштерді геометриялық қыш ыдысты энеолиттік мәдениеттің оралдың арғы бетіндегі қауымдастығына біріктіреді деген (Калиева, 1990, 16 б.; Калиева, 2001). Бұл қауымдастық аясында аталған екі мәдениет жеке көрсетіледі және бұл этномәдени әртүрлілік кейбір құралдардың («түймелі» пышақтар, ұзынша науа тәрізді «үтіктер») бөліктерін жасау ерекшеліктерінен, Ботайда кездесетін, ал терсек кешенінде жоқ тас шарлар, өрнекті тас ұсақ бұйымдардан, қоныс кеңістігін ұйымдастыру мен құрылыстардың құрылымындағы ерекшеліктерден, әртүрлі жерлеу салтынан және ыдыстарды қалыптау мен өрнекті салу техникасындағы әртүрлі тәсілдерден байқалады.

Summary

It was noted that there is no doubt Tersek and Botai sites are similar in many respects. Yet it is the kind of similarity that permitted merging sites from the vast area between Konda River in North Taiga and Torgai River into Trans-Ural Chalcolithic community of cultures with geometric pattern pottery. Tersek and Botai antiquities are registered within this community as completely separated archaeological cultures (Kalieva, 1990, p.16; Kalieva, 2001). Ethnocultural isolation of Tersek and Botai antiquities appeared in:

- 1. peculiarities of detail design of some implements (knives "with button", longitudinally grooved smoothers);*
- 2. occurrence of stone balls, stone articles with ornamentation and small columns in Botai, and lack of it in Tersek complexes;*
- 3. peculiarities of structures and settlement area arrangement;*
- 4. different burial practices;*
- 5. difference of pottery modelling and ornamentation technique.*

Итоги изучения энеолита Северного Казахстана

Яркой страницей истории казахстанской археологии последних десятилетий является изучение энеолитической эпохи на материалах Северного и Северо-Восточного Казахстана. По сути дела — ее открытие и максимально полная характеристика. В задачи настоящей статьи входит краткий обзор истории изучения этой эпохи и подведение ее основных итогов.

Впервые материалы энеолитической эпохи в качестве таковой на территории Северного Казахстана изучал А.А. Формозов. Однако он оперировал энеолитическими материалами, находившимися в составе подъемных смешанных и типологически им нерасчлененных комплексах. Материалы кустанайских стоянок Терсек-Карагай и Коль А.А. Формозов объединил в одну группу под названием «терсекские» (Формозов, 1950, с. 72). Однако это слово он использовал не для обозначения самостоятельной культуры, как на этом настаивают С.С. Калиева и В.Н. Логвин (Калиева, Логвин, 1997, с. 13), а для расчленения известных ему памятников Кустанайской области на две однокультурные группы по характеру инвентаря и ландшафтной локализации: озерные стоянки с микролитическим (Аксуат, Светлый Джаркуль, Затобольская, Садчиковка, стоянок у оз. Убаган) и лесные стоянки с отщеповым инвентарем (Терсек-Карагай и Коль). Но на основе аналогий в смешанных керамических комплексах обеих групп стоянок А.А. Формозов устанавливал их культурную общность (Формозов, 1950, с. 74), то есть, объединял их в одну культуру.

Культурные реконструкции А.А. Формозова практически сразу же были подвергнуты В.Н. Чернецовым обоснованной критике как основанные на смешанных и неоднородных матери-

алах, относящихся к разным эпохам (Чернецов, 1953, с. 56-58). Против объединения стоянки Кысы-Куль (Южное Зауралье) вместе с притобольскими стоянками Коль и Терсек-Карагай в состав одной культуры выступил и К.В. Сальников (Сальников, 1962, с. 29, 30). Поэтому апелляция костанайских ученых к выводам А.А. Формозова в деле культурного обособления энеолитических памятников Торгайского прогиба выглядит неубедительно.

Впервые самостоятельные энеолитические комплексы в Северном Казахстане на основании авторских раскопок стратифицированного памятника были выделены Л.А. Чалой на материалах двухслойной стоянки Иман-Бурлук (Иман-Бурлук 1 и 2) (Чалая, 1973) и Пеньки (Пеньки 1 и 2) (Чалая, 1972). Она проследила стратиграфическую и типологическую обособленность материалов верхнего и нижнего слоя памятника на р. Иман-Бурлук. В поисках аналогий материалам стоянки Иман-Бурлук 2 она ориентировалась, прежде всего, на синстадиальные комплексы стоянки Терсек-Карагай и поселений суртандинского типа (Кысы-Куль, Сабакты III и др.) (Чалая, 1973, с. 201), к началу 1970-х уже надежно относимых исследователями конца каменного века Южного Зауралья к эпохе раннего металла (Сальников, 1962, с. 30; Матюшин, 1970, с. 57-58). Керамика стоянки Пеньки 1 (в русле представлений 1970-х гг.) была отнесена исследовательницей к позднему неолиту (Чалая, 1972, с. 171-172). Комплекс стоянки Пеньки 2 ею был признан энеолитическим (Чалая, 1972, с. 180). Однако опора лишь на планиграфическое выделение комплексов и состояние знаний того времени не позволило эффективно типологически расчленить разновременные материалы, в первую очередь, кремневые.

Исследования ни А.А. Формозова, ни Л.А. Чалой продолжения не имели. Поэтому, фактически, широкомасштабное изучение энеолита в Северном Казахстане, как и создание современного представления об эпохе, связываются с деятельностью В.Ф. Зайберта, В.Н. Логвина, С.С. Калиевой и целого ряда работавших с ними археологов. Первые энеолитические материалы были исследованы ими в середине-второй половине 1970-х гг. в ходе разведок. Однако основная полевая деятельность по изучению энеолитических памятников приходится на 1980-е гг., когда были открыты и подвергнуты раскопкам опорные памятники – поселения Ботай, Красный Яр, Васильковка IV, Кожай 1, Кумкешу 1. На материалах этих поселений были выделены две близкородственные культуры – ботайская и терсекская. Причем первая включает в себя все энеолитические памятники Северного Казахстана (Зайберт, 1993, с. 149-151). Костанайскими учеными памятники Тургайской ложбины выделяются в самостоятельную терсекскую культуру (Логвин, 1986; Калиева, 1990). На материалах энеолитического слоя стоянки Шидерты 3 В.К. Мерцем поставлен вопрос о выделении самостоятельной археологической культуры в Павлодарском Прииртышье (Мерц, 2002).

Изучение нескольких локальных групп памятников, производимое самостоятельными научными коллективами, позволило расширить географию энеолитической культуры, дать ее разностороннюю характеристику, сформировало полемику по ключевым вопросам, стимулирующую процесс научного познания.

В выделении энеолитических материалов в особый комплекс североказахстанские археологи первоначально ориентировались на те их признаки, которые были выявлены учеными, изучавшими эпоху раннего металла в Южном Зауралье в силу хронологического приоритета их исследований (Логвин, 1981). Однако открытие и исследование таких ярких памятников, как поселения Ботай, Красный Яр, Васильковка IV, Кожай 1 и Кумкешу 1, сделало исследование энеолита Северного Казахстана самодостаточным. И более того, именно к североказахстанским ученым перешла научная

инициатива. Этому способствовала как сама динамика изучения энеолитической культуры петропавловскими и костанайскими учеными, так и характер изучаемых ими источников. В Южном Зауралье на сегодняшний день не известно ни одного энеолитического памятника, который мог бы сравниться по научной значимости с североказахстанскими поселениями.

Материалы части энеолитических памятников были подвергнуты изучению традиционными методами: трасологии, типологии, статистико-комбинаторными, остеометрии, радиоуглеродного датирования и т.п. (Зайберт, 1993; Ахинжанов, Макарова, Нурумов, 1992). Применение трасологического метода исследования послужило более точной верификации функциональной и морфологической типологии каменных орудий ботайской культуры.

Новые методики были применены, в основном, для поиска дополнительных доказательств скотоводческого характера хозяйства терсекцев и ботайцев. К их числу относится анализ пригара на керамической посуде, выявление следов применения удил (Outram Alan K. и др., 2009), анализ ростовых слоев цемента на корнях зубов (Гайдученко, Калиева, Логвин, 1989). Произведено дистанционное исследование поселений Ботай, Красный Яр и Васильковка IV методом геомагнитной съемки.

Основной акцент в изучении энеолитической культуры Северного Казахстана был сделан на изучение хозяйственной стороны жизни ботайцев и терсекцев. Больших успехов в изучении хозяйства североказахстанским ученым позволило добиться их научное сотрудничество с палеозоологами. Остеологический материал продолжает оставаться объектом пристального внимания палеозоологов. Определения костных остатков лошади в качестве принадлежавших одомашненной ее форме, произведенные такими палеозоологами, как Л.Н. Макарова, Т.Н. Нурумов, Л.Л. Гайдученко (Макарова, Нурумов, 1989; Гайдученко, 1989; Ахинжанов, Макарова, Нурумов, 1992), подтверждаются посредством изучения других категорий источников и применением новых методик. Ряд костяных изделий интерпретирован как приспособления для управления

лошадью (псалии, пути) (Зайберт, Даниленко, Горбунов, 1990), на зубах лошадей выявлены следы стертости от применения удила, анализ пригаров на керамике показал использование молочной пищи (Alan K. Outram и др., 2009), выявлена аномалия в направлении естественной эволюции древней лошади (Гайдученко, 1998).

С.С. Калиева и В.Н. Логвин основное внимание уделяли только скотоводству. Вопросы домостроения кустанайскими учеными решались в тесной связи с изучением экономики неолитического населения (Логвин, Калиева, Гайдученко, 1989а, с. 79-80; Гайдученко, Калиева, Логвин, 1989, с. 33). Остальные сферы жизни общества и экономики удовлетворительного освещения не получили. В.Ф. Зайбертом, в силу его стремления реконструировать функционирование ботайского социума как системы, рассмотрены такие ее подсистемы, как экологическая ниша, палеоэкономическая структура, элементы социального устройства и духовного мира (Зайберт, 1993). В целом, для исследований В.Ф. Зайберта древней истории Северного Казахстана (и энеолита, в частности) характерен интерес к вопросам культурогенеза, которые он рассматривает в рамках адаптации населения к вмещающей экологической нише.

Общим для исследователей энеолита Северного Казахстана является интерес к палеоклиматической ситуации, к состоянию экологической ниши. Поэтому исследования содержат специальный блок, посвященный реконструкции природы эпохи энеолита. Общим в их взглядах является и представление о более благоприятных природных условиях в энеолите по сравнению с современными, а также о сильном их влиянии на формирование энеолитической культуры и типа хозяйства. Эти выводы подкреплены исследованиями специалистов с применением методов естественных наук (Иванов, 1983; Белецкая, 1983).

Были подняты вопросы происхождения энеолитической культуры Северного Казахстана. Происхождение энеолита на местной основе, постулируемое В.Ф. Зайбертом на приишимских материалах (Зайберт, 1985, с. 13), данными костанайских ученых не подтверждается.

Выдвинутая В.Ф. Зайбертом идея генетической преемственности атбасарской и ботайской посуды, как считает В.С. Мосин, пока слабо аргументирована малой информативностью непредставительной коллекции неолитической керамики (Мосин, 2003, с. 75).

Восточноевропейское воздействие на формирование энеолитической культуры Северного Казахстана, предположенное В.Н. Логвиным (Логвин, 1986, с. 23), в определенной степени подкрепляется рядом аналогий в археологическом инвентаре (раковины *Unio*, утюжки, гравированные фаланги, предложенный Л.Л. Гайдученко вариант формирования казахстанского типа энеолитической лошади). В то же время взаимодействие культур геометрической керамики именно с культурами ямной общности (Логвин, Калиева, 1997, с. 162), предполагаемое костанайскими учеными (хотя и в виде противостояния), не находит своего подтверждения в археологическом материале. Среднеазиатское влияние, возможность которого предполагает В.Ф. Зайберт (Зайберт, 1985, с. 14-15), археологически обосновывается использованием глиняной технологии в домостроении.

Специалистами дана представительная характеристика рецептур формовочных масс керамики крупнейших терсекских памятников – Кумкешу 1 и Кожай 1 (Кузнецова, Тепловодская, 1994; Тепловодская, 1998). Г.М. Ковнурко исследован состав теста небольшой коллекции ботайской керамики (Мосин, 2003, с. 54). Это является существенной предпосылкой для успешного решения проблемы этнокультурных контактов. Однако керамические коллекции памятников Приишимья необходимо подвергнуть более массовому и дифференцированному спектральному анализу. В целом, вопросы происхождения энеолитической культуры Северного Казахстана далеки от своего разрешения.

Не подтверждается тот вариант модели ботайской культуры В.Ф. Зайберта, который предполагает включение в ее состав всех памятников Южного Зауралья, Северного, Восточного и восточной части Центрального Казахстана (Зайберт, 1993, с. 143, 149). В Южном Зауралье существование скотоводства не подтверждается,

существуют и серьезные различия в археологическом материале. Большее право на существование имеет второй (в рамках только Северного Казахстана) вариант реконструкции ботайской культуры (Зайберт, 1985, с. 8-10).

Созданы различные варианты реконструкции энеолитического жилища, основанные на полевых наблюдениях и этнографических материалах. Костанайские ученые не согласны с вариантом реконструкции ботайского жилища, представленного В.Ф. Зайбертом и А.М. Кисленко (Зайберт, 1993; Кисленко, 1993). С.С. Калиева и В.Н. Логвин сомневаются в применении на поселении Ботай при строительстве стен жилищ глинобитной техники, как это утверждают их петропавловские коллеги. Неубедительно признание кожайских жилищ с легким каркасом исключительно в качестве летних (Логвин, Калиева, Гайдученко, 1989, с. 79-80; Гайдученко, Калиева, Логвин, 1989, с. 33). Практически все этнографически засвидетельствованные зимние жилища таежных жителей также имели легкую конструкцию.

Общим во взглядах В.Ф. Зайберта и С.С. Калиевой на домостроение является реконструкция сферической формы перекрытия жилища. Есть согласие в вопросе направленности эволюции энеолитического жилища от прямоугольной формы к округлой либо многоугольной (Калиева, 1990, с. 5; Зайберт, 1993; Кисленко, 1993, с. 134-136). Такая форма жилищ подтверждается наблюдениями во время раскопок, экспериментальными работами, результатами геомагнитных исследований на поселениях Ботай, Красный Яр, Васильковка IV.

Тщательной разработке подверглись вопросы хронологии и периодизации. Датировки ботайской и терсекской культур базируются на серии абсолютных радиоуглеродных дат, полученных независимым путем и в разных лабораториях. Опубликованные в 2004 г. В.С. Мосиным в сводной таблице (со ссылкой на В.Н. Логвина) оксфордские даты, даны в некалиброванном виде (Мосин, 2003а, с. 109). Калиброванные даты дают возраст поселений Ботай, Красный Яр, Васильковка 4 в пределах 3600-3050 гг. до н.э. (Levine, Kislenco, 2002).

Вызывает сомнения реальность схемы трехступенчатой периодизации энеолита степного Притоболья, предложенной В.Н. Логвиным (Логвин, 1986, с. 14, 21). Уверенно судить о существовании дотерсекского энеолита не позволяет непредставительность соответствующих материалов и их типологическое выделение.

Более обоснована двухступенчатая периодизация собственно терсекской культуры, основанная на техниках орнаментации (Калиева, 1990, с. 15). Стратиграфические данные не позволяют решать этот вопрос однозначно. Вместе с тем, сторонников более ранней хронологической позиции комплексов с веревочной орнаментацией (С.С. Калиева, В.Н. Логвин, В.С. Мосин) больше, чем с гребенчатой (О.И. Мартынюк). Археологически это подтверждается более ранним возрастом стоянок Агаповка I и шувакишского типа в Зауралье, содержащих в комплексе веревочную керамику и пластинчатые изделия из камня (Мосин, 2003, с. 74-77), а также более ранним возрастом ложношнуровых липчинских древностей в сравнении с чисто гребенчатыми аятскими в Среднем Зауралье.

Двухступенчатая схема периодизации ботайской культуры, разработанная В.Ф. Зайбертом, подтверждается четким делением поселений культуры на две группы по облику инвентаря, а также значительной разницей в радиоуглеродных датировках обеих групп памятников (Зайберт, 1993, с. 153-156).

С начала 1990-х гг. изучение энеолита Северного Казахстана замедлилось. От исследований энеолита отошел целый ряд специалистов. Т.А. Даниленко, С.С. Калиева, А.М. Кисленко, В.Н. Логвин, Н.С. Татаринцева, занимаются археологической либо музейной деятельностью за пределами Казахстана. Полностью отказались от исследований энеолита В.И. Заитов, О.И. Мартынюк, Е.Е. Тетюхин, В.В. Худяков. А.А. Плешаков занимается трасологическим исследованием каменных орудий эпизодически.

В то же время, в конце 1990-х – 2000-х гг., по договору с зарубежными специалистами было произведено дистанционное исследование по-

селений Ботай, Красный Яр, Васильковка IV геомагнитным методом. В английских лабораториях был произведен анализ пригаров на керамических сосудах с целью выявления жирных следов молочных продуктов.

В изучении энеолита Северного Казахстана целый ряд проблем остался нерешенным. Ряд направлений в изучении энеолита северо-казахстанскими учеными был не реализован. Е.Е. Тетюхиным не было завершено исследование «утюжков». Логического завершения не нашли исследования домостроения (А.М. Кисленко), индустрии кости (Т.А. Даниленко) ботайской культуры, проблемы культурных контактов ботайцев (В.В. Худяков).

В исследовании материалов терсекских памятников не сложилось системности исследований. Ввиду ограниченного количества занятых специалистов, исследования узких тем (керамики, домостроения, изделий из кости, типологии, трасологии каменных изделий) не производилось.

Для терсекских памятников не разработана детальная типология (исключение составляет поселение Кожай 1) и трасология каменных изделий. Конечно, учитывая тождественность характера каменной индустрии терсекских и ботайских памятников, разработанную типологию и трасологию каменных изделий последних, можно проецировать и на торгайские комплексы. Но поскольку костанайские ученые отстаивают культурную автономность терсекских материалов, то задача самостоятельной типологической и трасологической обработки каменных орудий остается актуальной.

Сформулированные в кандидатской диссертации С.С. Калиевой нерешенные проблемы в изучении терсекской культуры: 1) проблема реконструкции процесса формирования терсекской культуры, а в более широком плане и всех родственных ей культур; 2) проблема реконструкции дальнейших судеб терсекского и родственных ему групп населения; 3) реконструкция народонаселения и социального устройства терсекского общества; 4) продолжение изучения экономики терсекского общества (Калие-

ва, 1990, с. 17-18), — до сих пор не нашли своего исследователя.

В энеолитоведении Северного Казахстана не преодолены противоречия по поводу выделения культур.

Выводы В.К. Мерца о характере формирования энеолитических памятников в Павлодарском Прииртышье (в том смысле, что районы р. Шидерты и Экибастуза могли быть районами, куда за каменным сырьем приходило население из равнинных территорий Западносибирской низменности) находят полное подтверждение в открытых им материалах. Однако частные выводы, как и стремление выделить здесь самостоятельную археологическую культуру, опираясь лишь на синкретичные материалы энеолитического слоя гетерохронной стоянки Шидерты 3 (Мерц, 2002), слабо аргументированы вследствие недостаточного их источникового обоснования. Мнение В.К. Мерца о непрерывности существования до энеолита местной палеолитических отщеповой индустрии (Мерц, 2002, с. 94) пока является гипотезой, не подкрепленной конкретными исследованиями.

Для Павлодарского Прииртышья актуальной остается проблема источника. Особенности отложения энеолитического слоя на стоянке Шидерты 3 значительно снижают его научную ценность. Сама история исследования энеолитического слоя стоянки Шидерты 3 как нельзя лучше показывает ту огромную разницу в ценности исторических выводов в зависимости от масштаба раскопок и качества исследуемого памятника.

Чрезвычайно мало материалов по погребальной обрядности энеолитического населения. А полученная серия ботайских черепов неоднородна. Вместе с тем, эти материалы привлекаются В.К. Мерцем в качестве источника в деле реконструкции этнокультурных контактов (Мерц, 2002). В шидертинском погребальном обряде В.К. Мерцем выявлены черты двух культурных зон леса эпохи конца каменного века — Урала и Северного Казахстана, с одной стороны, и Иртышско-Верхоленско-Прибайкальской области, — с другой.

Актуальной новостью полевого сезона 2011 г. является обнаружение В.К. Мерцем³ на территории Павлодарской области стратифицированного поселения Борлы 4 (см. статью в настоящем сборнике). По сообщению автора раскопок, поселение содержит слои среднего неолита, энеолита и ранней бронзы. Общий характер залегания костей в культурном слое, массовость остеологических остатков, залегание ряда костей в ненарушенных сочленениях практически идентичны той картине, что мы наблюдаем в раскопах поселения Ботай. Не исключено, что здесь мы увидим специфический энеолитический комплекс, в котором возможно найдут отражение контакты с культурными мирами Западной и Южной Сибири, удастся уточнить синхронизацию с ними и относительную хронологию. Энеолитический слой поселения Борлы 4 расширяет до Прииртышья включительно территорию обитания населения ботайско-терсекского круга, наполняя конкретным содержанием схему Урало-Иртышской КИО В.Ф. Зайберта. Те каменные орудия отщепово-бифасного облика, которые встречаются на многослойных стоянках Восточного Казахстана, получают, таким образом, свою культурную привязку к поселениям ботайско-терсекского типа. И, следовательно, можно прогнозировать их обнаружение не только в Павлодарском Прииртышье, но и в других регионах Казахстана, вплоть до Приаралья. Напомню, что двусторонне-обработанные наконечники стрел и копий из кремня, кварцита и яшмы (яшмокварцита) значительными сериями получены в сборах со стоянки Саксаульская II, с участков Тампи, Шулукум I, II, III, Баскудук, Маймак и с других памятников конца каменного века Приаралья (Формозов, 1949, с. 53, рис. 16, 16, 17, 19, 21; Виноградов, 1959, с. 77, рис. 1; Виноградов, Кузьмина, Смирин, 1973, с. 88, рис. 2, 25, с. 89, рис. 3, с. 90, рис. 4, 15-18, 29). Они сильно выделяются из, в целом, пластинчатых комплексов этих стоянок. На стоянке Саксаульская обнару-

жена и ботайско-терсекская веревочная керамика (Формозов, 1950).

Культурные и экономические реконструкции в изучении энеолита Северного Казахстана в своей массе строятся эмпирически. Это характерно для исследований С.С. Калиевой, В.Н. Логвина, В.К. Мерца. Наглядный пример — отсутствие теоретического обоснования выделяемых ими культур и реконструируемых ХКТ. Исключением, как показано выше, являются исследования В.Ф. Зайберта.

Как показывает предпринятое нами исследование, преемственности в изучении энеолита Северного Казахстана не сложилось. А.А. Формозов и Л.А. Чалая прекратили изучение памятников позднекаменного века, не оставив последователей или учеников. С.С. Калиева и В.Н. Логвин выехали на постоянное место жительства в Россию и в настоящее время производят археологические исследования за пределами Казахстана. Прежний коллектив петропавловских исследователей энеолита распался. Фактически, исследование энеолита в Северном Казахстане сегодня осуществляется только В.Ф. Зайбертом и В.К. Мерцем.

Литература:

Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. К истории скотоводства и охоты в Казахстане (по остеологическому материалу из археологических памятников энеолита и бронзы). — Алма-Ата: Гылым, 1992. — 218 с.

Белецкая Н.П. О геоморфологии Северо-Казахстанской области // Вопросы региональной географии Казахстана. — Алма-Ата: КазПИ, 1983. — С. 59-63.

Виноградов А.В. Археологическая разведка в районе Аральска-Саксаульской в 1955 г. // Труды института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. — Алма-Ата, 1959. — Т. 7. — С. 75-85.

Виноградов А.В., Кузьмина Е.Е., Смирин В.М. Новые первобытные памятники в Северо-Восточном Приаралье // Проблемы археологии Урала и Сибири. — М., 1973. — С. 85-103.

Гайдученко Л.Л. Домашняя лошадь и крупный рогатый скот поселения Кожай I // Калиева С.С. Поселение Кожай I. Приложение 5. — Алматы: Институт археологии им. А. Маргулана МН-АН РК, 1998. — С. 234-254.

Гайдученко Л.Л., Калиева С.С., Логвин В.Н. О хозяйстве энеолитического населения Тургайского прогиба // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. — Караганда: КарГУ, 1989. — С. 27-33.

Зайберт В.Ф. Поселение Ботай и задачи исследования

³ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить уважаемого Виктора Карловича Мерца за возможность ознакомиться с еще неопубликованными материалами раскопок и за разрешение сослаться на них.

энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: межвузовский сборник. – Челябинск: БГУ, 1985. – С. 3-17.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск, 1993. – 246 с.

Зайберт В.Ф., Даниленко Т.А., Горбунов В.С. К вопросу о реконструкции элементов конской сбруи по материалам энеолита-бронзы урало-казахстанской лесостепи // Археология волго-уральских степей. – Челябинск: ЧелГУ, 1990. – С. 61-65.

Иванов И.В. Особенности изучения природных условий степной зоны в голоцене // Известия АН СССР. Серия географическая. – М., 1983. – Вып. 2. – С. 17-24.

Калиева С.С. Энеолит Тургайского прогиба: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1990. – 18 с.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. – Кустанай: Кустанайский печатный двор, 1997. – 180 с.

Кисленко А.М. Опыт реконструкции энеолитического жилища // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии: сборник научных трудов. – Петропавловск: Отдел «Археология Северного Казахстана» ИА НАН РК, 1993. – С. 117-137.

Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. – Алматы: Гылым, 1994. – 168 с.

Логвин В.Н. Неолит и энеолит степного Притоболья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1986. – 26 с.

Логвин В.Н. Энеолитические памятники р. Каинды // ВАУ. – Свердловск: УрГУ, 1981. – С. 74-77.

Логвин В.Н., Калиева С.С., Гайдученко Л.Л. О номадизме в степях Казахстана в III тыс. до н. э. // Маргулановские чтения: материалы конференции. – Алма-Ата, 1989. – С. 78-81.

Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. К проблеме коневодства в неолите-энеолите Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. – С. 122-149.

Матюшин Г.Н. К проблеме энеолита Южного Урала // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: ТомГУ, 1970. – С. 52-68.

Мерц В.К. Погребение каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: НПФ «ЭКО», 2002. – С. 75-102.

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья (сер. Этногенез уральских народов). – Челябинск: ЮУрГУ, 2003. – 220 с.

Мосин В.С. Зауралье и Северный Казахстан в III тыс. до н.э. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана: сборник научных статей. – Уральск: Западно-Казахстанский Центр истории и археологии, 2003а. – Вып. 3. – С. 104-124.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. – Уфа, 1962. – Т. 1. – С. 16-58.

Тепловодская Т.М. Результаты анализа технологических признаков // Калиева С.С. Поселение Кожай 1. Приложение 2. – Алматы: Институт археологии им. А. Маргулана МН-АН РК, 1998. – С. 232.

Формозов А.А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК. – Вып. XXV. – 1949. – С. 49-58.

Формозов А.А. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. – М.-Л., 1950. – № 15. – С. 64-75.

Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области. Пеньки 1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, 1972. – С. 163-181.

Чалая Л.А. Позднеэнеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1973. – С. 188-203.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. – 1953. – № 35. – 359 с.

Outram Alan K., Stear Natalie A., Bendrey Robin, Olsen Sandra, Kasparov Alexei, Zaibert Victor, Thorpe Nick, Evershed Richard P. The Earliest Horse Harnessing and Milking // Science. – 2009. – Vol 323. – P. 1333-1335.

Levine M., Kislenko A. New Eneolithic and Early Bronze Age Radiocarbon Dates for North Kazakhstan and South Siberia. In the book: Katie Boyle, Colin Renfrew & Marsha Levine. Ancient Interactions: East and West in Eurasia. – Cambridge: McDonald Institute Monographs, 2002. – P. 131-134.

Түйін

Мақалада Солтүстік Қазақстан энеолитінің тарихы және зерттеу нәтижелері қарастырылады. Алғашқы энеолит мәліметтері мамандармен емес 1937-1945 ж.ж. ашылды және А. Я. Брюсовпен және А.А. Формозовпен ғылым жезінде түсіндірілді. Бірақ та Солтүстік Қазақстанның энеолит мәдениеті жөніндегі қазіргі заманғы ұғымдар 1980-1990 жылдардың басында В.Ф. Зайбертпен, С.С. Калиевамен, В.Н. Логвинмен, В.К. Мерцпен өткізілген зерттеулер нәтижесінде қалыптасты. Энеолит көпжақта сипаттама алған, көне Қазақстан тарихының ерекше дәуіріне бөлінді. Маңызды жетістік ретінде, бұл кезеңде Солтүстік Қазақстан аумағында мол бағудың басымдылығы негізіндегікешенді көп салалық шаруашылықтың болу дәлелдемесін айтуға болады. 1990-2000 жылдардың басы қарыстыру аумағындағы энеолит ескерткіштерін зерттеудің төмендеуімен сипатталады.

Summary

Such questions like history and results of Eneolithic study of North Kazakhstan are described in this article. The first eneolithic materials were discovered by nonexperts in 1937-1945 and they were interpreted by A. Ya. Bryusov and A.A. Formozov. Eneolithical complexes were educed by L.A. Chaloy in the beginning of 1970. But modern notions about eneolithical culture of North Kazakhstan were formed in the results of investigations of 1980-1990 which were conducted by V.F. Zaibert, S.S. Kalieva, V.N. Logvin, V.K. Merz. Eneolithic was emphasized as a special Kazakhstan primordial history, which received multi-sided characteristics. Evidentiary existing of complex diversified agriculture with the dominant of cattle on the territory of North Kazakhstan achievement. Period of 1990-2000 was decline in study of eneolithic monument of investigated district.

Корвин-Пиотровский А.Г.

Археология поселений: к интерпретации объектов

(по материалам жилищ трипольской культуры)

Вопросы, связанные с пониманием строительных принципов у древнего населения, которые реконструируются на основе раскапываемых археологических объектов, всегда были в зоне пристального внимания исследователей. При этом, следует отметить, что чем сложнее изучаемые объекты, тем разнообразнее становятся варианты реконструкций доходя до диаметрально противоположных.

Примером тому могут служить реконструкции построек Трипольской культуры (энеолит, V-IV тыс. до н.э.) (Корвин-Пиотровский, 2007), остатки которых на научном сленге называют «площадками». В настоящее время все исследователи сходятся во мнении, что это остатки трипольского жилища (дополняя его, в зависимости от находок, хозяйственными и культовыми функциями).

Трипольский дом своеобразная визитная карточка, или символ самой культуры. Именно его картинка, в тех или иных вариациях (графические реконструкции; воспроизведенные хатки в натуральную величину и модели построек) наиболее часто украшают разнообразные издания о Трипольской культуре. Все, что сейчас имеется в наличии для реконструкции трипольского жилища, — это огромное количество раскопанных «площадок», с десятков, проведенных (по большей части неудачно) экспериментов по домостроительству, модели трипольских построек и этнографические аналогии в сельском домостроении. Также источниками по изучению этих древних домов являются косвенные данные, такие как климатические условия, физические свойства строительных материалов, и

т.д. На сегодняшний день можно уверенно говорить о том, что исходя непосредственно из материалов остатков трипольских домов, исследователи не могут прийти к пониманию базовых принципов присущих трипольскому домостроительству в целом.

Характеризуя наземные сооружения, следует отметить, что все они строились с применением дерева и глины с примесями песка и половы. Во время раскопок их остатки выглядят как куски обожженной глины, залегающей на прямоугольной в плане площади. Известны они уже в самых ранних поселениях трипольской культуры. Строились как большие (многосемейные, имевшие по несколько комнат), так и малые (односемейные) дома.

Остатки трипольских зданий — «площадки» — являются одним из основных объектов полевых археологических исследований. Существуют разные точки зрения по объяснению строительных принципов. Диаметрально противоположные концепции вытекают еще со времени открытия трипольской культуры, когда возникла проблема функционального объяснения назначения «площадок» и реконструкции их первоначального облика и технологии строительства.

Изначально взгляды исследователей разделились: В. Хвойко и Э. Штерн считали их «домами мертвых» (типа «мастаба»), а М. Беляшевский, В. Городцов и А. Спицын — жилыми зданиями (Куренной, 1926). Однако эти точки зрения еще не были достаточно обоснованы и имели вид гипотетических предположений (Гамченко, 1926). В 1920 — 1930 гг. благодаря переходу к масштабным исследованиям широкими

площадями исследователи пришли к единому выводу – "площадки" являются остатками зданий бытового и хозяйственного назначения, из которых состояли поселения трипольцев (Пассек, 1938).

Неоценимый вклад в изучение вопроса о трипольских домах внесла Татьяна Пассек еще в 30 – 40 гг. 20 в. и описала их на примере поселения Коломыйщина 1 (этап С/1). Именно в это время была выдвинута первая обоснованная концепция домостроительных принципов (по Е. Кричевскому и Т. Пассек), которая сводилась к:

– Пол здания представлял собой слой глины с примесью полой, который был нанесен либо на предварительно подготовленный настил из плах, уложенных на землю (поперек длинной оси дома) или непосредственно на землю, после чего пол обжигался посредством костров;

– На полу размещались внутренние конструкции: печи, жертвенники, лежанки, возвышения и др. Их элементы или делались и обжигались за пределами жилища, а затем встраивались на определенное место, или строились одновременно с полом;

– После возведения пола с конструкциями и его обжига строились стены и простенки в виде плетня, обмазанного с двух сторон глиной;

– Крыша была двускатной, и покрывалась соломой (Пассек, 1940).

В этой концепции следует отметить 2 основных элемента:

1) технологическое использование огня в процессе постройки дома

2) одноэтажность здания

Эта концепция была единственной до середины 1960-х годов.

Вторая концепция, о существовании двухэтажных домов, была выдвинута В. Маркевичем в результате наблюдений во время раскопок поселения Варваровка-8 (Маркевич, 1964). Впоследствии данная концепция нашла поддержку у многих исследователей. Эта гипотеза получила вид аргументированной концепции

уже в 1970 – 1980-х гг., причем утверждалось, что "здание с вертикальным развитием можно считать основным типом застройки на поселениях трипольской культуры" (Зинковский, 1976). Суть этой концепции в следующем: здания (как одно-, так и двухэтажные) были глинобитными, в процессе их возведения огонь как технологический фактор не использовался, он был деструктивным элементом при разрушении жилищ.

Реконструкция жилища представлена тремя вариантами:

А – Пол первого этажа – тонкий (2 – 5 см) слой глины с полой, нанесенный на грунт. На полу находится печь, возвышения, располагается инвентарь. Стены одноэтажных домов имели плетень деревянный каркас, обмазанный слоем глины. Межэтажное перекрытие и потолок выглядели как платформа возложенных поперек расколотых деревянных плах и горбылей, обмазанный сверху слоем глины, иногда с примесью песка. Толщина последнего, в зависимости от того, как ровно было положено деревянное перекрытие, колеблется от 5-7 до 20 см. В таких перекрытиях встречаются лазы, ведущие с первого на второй этаж (Брынзены III). На перекрытиях часто находится по одному возвышению (диаметром до 1 м, высота до 10 см), а также некоторое количество посуды. Крыша считается двускатной, покрытой соломой. В. Маркевич, который предложил такую реконструкцию для жилищ поселений Варваровки 8, 15, Бринзен III, Костешт 4 и называет такой второй этаж "чердаком" (Маркевич, 1964).

В – Второй вариант конструкции жилищ связан с остатками тех зданий, основную часть которых составляет так называемая "платформа". Первый этаж, пол которого определяется как земляной, служил хозяйственным помещением, о чем свидетельствуют находки разных вымоستков, которые, возможно, отвечали рабочим местам, скоплений зернотерок, оттяжек от вертикального ткацкого станка, ям-хранилищ. Стены реконструировались или как глинобитные, или как сложенные из сырцовых блоков. Межэтажным перекрытием служит "платфор-

ма" – то есть положенные поперек расколотые бревна, обмазанные глиной, толщиной до 20 см. На полу второго этажа расположены печи, лежанки, жертвенники, возвышения, основной хозяйственный и бытовой инвентарь. Дальше опять возводились стены, потом опять строилось перекрытие чердака – глина с половой, но значительно тоньше, чем межэтажное перекрытие. Крыша была крыта соломой или глиной с соломой. Такой тип зданий реконструируется для Майданецкого, Тальянок и других поселений (Зиньковский, 1976).

С. – Третий вариант реконструкции трипольских построек был предложен не так давно (Круц, 2003). Он служит альтернативой варианту "В". Главной его особенностью является то, что первый (хозяйственный) этаж построен в виде деревянного сруба из цельных бревен. Такая реконструкция была предложена В. Круцом для поселений-гигантов. Необходимо только отметить, что основные конструктивные элементы в таком доме такие же, как и в модели «В» (за исключением конструкции стен первого этажа) (Чабанюк, 2008).

Таким образом, есть целый ряд существенных расхождений между первой (выдвинутой в 1930-е гг.) и второй (выдвинутой в 1960 – 1970 гг.) концепциями. Важнейшим является вопрос о функции огня (конструктивной или деструктивной). Исследователи, придерживающиеся второй точки зрения предъявляют 2 основных аргумента:

- Наличие остатков огня на орудиях труда, костях, керамике
- Сильный обжиг деревянно-глиняного настила, который мог осуществиться лишь при горении снизу и сверху.

Относительно второго аргумента, то существуют разногласия в понимании технологии осуществления пожара: К. Зинковский считает, что нужно было дополнительное топливо, которым помещения заполнялось практически до потолка, что обеспечивало постепенное оседание перекрытия и сохранения четырехугольной формы площадки. По мнению В. Круца, дополнительным топливом заполнялся только

первый этаж, как погребальный костер. (Круц, 2003).

Исследователи не представляли, как без доступа кислорода снизу слой обмазки мог равномерно обжечься. К. Зиньковский, критикуя первую концепцию, выдвинул ряд последовательных тезисов:

- 1) деревянный настил обязательно выгорал бы при обжиге
- 2) в результате выгорания деревянной основы глиняный слой пола обязательно должен был растрескаться, его поверхность была бы неровной
- 3) неровный потрескавшийся пол не мог бы выполнять функцию по охране дома от влаги (Зиньковский, 1983).

В своё время нами был сформулирован ряд тезисов в защиту концепции одноэтажности (Колесников/Корвин-Пиотровский/, 1993):

- a) Процентное соотношение инвентаря со следами огня составляет от 100 до 15%, а в некоторых случаях предметов со следами огня вообще нет. Естественно допустить, что пол дома обжигался, прежде чем на него попадал инвентарь, т.е. на стадии строительства.
- b) Наличие инвентаря со следами обжига может свидетельствовать об обычных пожарах, или о вторичном, уже «ритуальном сожжении» дома.
- c) Необоженный пол нуждался бы в почти ежегодном ремонте, после сожжения пол имел бы несколько слоев глины. При обжигании пола при строительстве необходимость в частых ремонтах отпадает, и видно 2 – 3 подмазки за 50 – 75-летний период существования дома.
- d) Наличие посуды, орудий труда, ям под полами жилищ наблюдается как под "платформой" с отпечатками плах снизу так и под полами действительно первого этажа, т.е. под глиняным слоем, нанесенным непосредственно на землю.
- e) Может быть несколько версий для объяснения находок и конструкций под полами жилищ: 1) жилища строились в местах с насыщенным культурным слоем, и это не мешало строительству; 2) перед началом строительства могли проводиться культовые церемонии риту-

альных захоронений (людей, животных и их частей, сосудов и др.) под пол.

f) Построение стен базировалось на безфундаментной основе, а это может свидетельствовать против наличия многоэтажного строительства.

g) Подсчет веса глины («платформы» толщиной 0,14 м. на примере стандартного дома — 70 кв. м.) показал, что пол будет весить порядка 15 т, не считая веса печей, лавы и других элементов интерьера. К этому следует добавить вес деревянного настила, на котором находился этот слой глины. Если обратить внимание только на вес сооружения, то очевидным является то, что плетеные стены без фундамента не могли выдержать такой конструкции.

h) "Платформа" является специфически выполненным полом трипольского здания, распространение этой традиции не связывается с населением всей культуры, а присуще лишь некоторым этническим группам.

Наконец, огромный материал в рассмотрении вопроса о внешнем виде трипольского дома дают модели построек. Такие модели есть закрытые — с крышей, и открытые — с внутренним убранством дома. Закрытых моделей дошло до наших дней мало. Однако и они информативны, и уникальны, поскольку передают тот дом, который видели трипольцы. Нет оснований не доверять этому источнику, поскольку древние не могли выдумать несуществующие элементы конструкций домов. Подробные примеры конструктивных элементов на моделях рассмотрены далее, хотелось бы только заметить, что все известные домики одноэтажны, поднятые на «ножки». Единственной моделью с «двумя этажами» является модель из Россоховатки (Зиньковский, 1983). Но она едва ли может так трактоваться — скорее всего, это модель одноэтажного дома с погребом. На остальных моделях все детали показаны пропорционально, и эта не исключение, построить такой первый этаж, даже с трипольскими технологиями, не представляется возможным.

Таким образом, в настоящее время все исследователи сходятся только в одном — что глиняные обожженные фрагменты «площадок» это остатки трипольского жилища. В свете разнобоя во взглядах и в интерпретации остатков построек необходимым является поиск новых подходов для изучения трипольского домостроительства. Как видно из незатухающих дискуссий, вариации реконструкций обусловлены различным пониманием того артефактного слоя, который фиксируют исследователи в процессе раскопок.

В качестве методологического подхода к реконструкции представляется необходимым выйти на общее понимание условий формирования остатков поселенческих объектов, с которыми исследователи непосредственно имеют дело. Без преувеличения можно говорить о том, что в процессе раскопок древнего сооружения мы одновременно получаем картинку, где в компрессированном виде представлены многочисленные виды деятельности на протяжении достаточно большого отрезка времени. Различного рода находки, строительные слои, отдельные конструкции и отображают эти виды деятельности, независимо от их характера и продолжительности (Корвин-Пиотровский, 2006).

Можно выделить следующие этапы \ слои \ фазы в формировании исследуемого поселенческого объекта:

1. Культурный слой поселения до строительства дома (если это не первоначальной постройки в случае однослойного поселения) или действия, связанные с выравниваем предшествующего культурного слоя в случае многослойности поселения.

2. Материализованные действия ритуального \ культового характера, связанные с последующим строительством жилища.

3. Строительство дома, фиксирующееся в основных конструкциях, деталях, элементах, технологических узлах и т.п.

4. Фаза функционирования жилища. Это самое долговременное «действие», которое на-

ходит отображение: в ремонтах, перестройках и достройках самого жилища (если они имели место); в находимых остатках бытовой, хозяйственной и культовой деятельности обитателей дома на протяжении как минимум одного поколения.

5. Материализованные действия ритуально-культового характера, связанные с последующим оставлением дома и поселения вообще (обряды «наведения порядка», «разбивания печи», сожжение поселения, etc.).

6. Природное и антропогенное воздействие на остатки постройки от момента его оставления и до «встречи» с исследователем (например, атмосферное воздействие, землетрясения, работа тяжелой землеобрабатывающей техники, ...).

Если признать такой порядок формирования археологического объекта «площадка» справедливым и сквозь его призму рассматривать трипольское домостроительство, следует обратить внимание на следующие моменты. Каждое из «действий» в той или иной мере (может быть кроме первого) влияет на все материальные свидетельства других. Следы всех их вместе взятых лежат в основе имеющихся на сегодня разных до диаметральной реконструкций и, собственно, обеспечивают в своем нерасчлененном виде означенный разнобой.

На наш взгляд, разделение материалов исследования «площадок» по названным фазам, может привести к более конструктивному подходу в определении базовых принципов трипольского домостроительства: обжигали ли они свои дома в процессе строительства или жили в «мазанках», строили они одноэтажные или двухэтажные постройки.

Так, например, наличие археологического материала под основным жилищно-хозяйственным модулем трипольского дома может говорить о том, что оно попало туда в результате «действий» как фазы 1 (до строительства объекта, например глиняная вымостка "рабочее место"), так и фазы 2 (в результате культовых действий перед строительством дома, как на-

пример, захоронение головы быка или закладка ритуальных сосудов). В иных случаях такие археологические материалы могут соотноситься с фазами №3 и 4 – строительство и функционирование жилища (здесь подразумевается интерпретация их как фрагментов интерьера и наполнения т.н. хозяйственного этажа). Правда в последнем случае следует в обязательном порядке оговаривать конструкцию стен и их фундаментов, материальное отображение которых до нас еще ни разу, за более чем столетнюю историю исследования культуры, так и не дошли, хотя их реконструкциями изобилует научная литература.

«Действия» фазы № 5, возможное ритуальное сожжение поселения при его оставлении, к строительству отношения не имеет, но может серьезно видоизменить результаты фазы № 3 – строительства – превратив «мазанку» в обожженный дом, части которого обрушились и даже поспекались. Однако, с таким же успехом «трипольцы» могли сжечь и свои, обожженные в процессе строительства дома – результат был бы подобен. В таких условиях задача определения – обжигался дом в процессе строительства или нет, лежит в плоскости анализа материалов фазы № 4. Наличие на обожженных полах жилища материалов, не имеющих следов обжига, убедительно говорят о том, что они попали в дом после процесса строительства и обжига и не попали в зону высоких температур в случае ритуала сжигания.

Примеров перекрестного анализа материалов в контексте обозначенных фаз можно привести большое количество.

Думается, что использование предложенного подхода позволит детализировать реконструкции исследуемых остатков построек трипольской и других культур и поможет ставить задачи для проверки идей в области моделирования домостроительных процессов.

Литература:

Гамченко С. Спостереження над даними дослідів Трипільської культури 1909 – 1913 рр. // Трипільська культура на Україні В. І. – Київ, 1926. – С. 31 – 41.

Зиньковский К.О. методах изучения домостроительства племен трипольской культуры // МАСП. – Одесса, 1976. – Вып. 8. – С. 36-49.

Зиньковский К.К. процедуре исследования проблемы домостроительства трипольских племен // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – Киев, 1983. – С. 16 – 22.

Колесников О. (Корвин-Пиотровский О.) Трипільське домобудівництво // Археологія. – 1993. – № 3. – С. 63 – 74.

Корвин-Пиотровский А. The problem of artefact's level in context of the tripolian housebuilding // Магістеріум. – Київ, 2006. – Вып. 21. – Р. 14-19.

Корвин-Пиотровский О. Україна в епоху енеоліту. Трипільська культура на Україні // Україна: хронологія розвитку. – Київ, 2007. – С. 110-125.

Круц В. Трипольские площадки – результат ритуального сожжения домов // Трипільські поселення-гіганти: матер. міжнар. конф. – Киев, 2003. – С. 74 – 76.

Курінний П. Монументальні пам'ятки Трипільської культури // Трипільська культура на Україні В. І. – Київ, 1926. – С. 67 – 95.

Маркевич В. Трипольское поселение Варваровка VIII // Первый симпозиум по археологии и этнографии Юго-Запада СССР и РНР: тез. докл. – Кишинев, 1964. – С. 15-16.

Пассек Т. Трипольские модели жилища // ВДИ. – 1938. – № 4 – 5. – С. 235 – 246.

Пассек Т. Отчеты о раскопках жилья (площадок) №№ 1, 2, 4, 11 // Трипольская культура. – Киев, 1940. – Т. 1. – С. 43-177.

Чабанюк В. Новые экспериментальные данные по проблеме трипольского домостроительства // Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки. – Киев, 2008. – С. 211-218.

Түйін

Трипольдік үй осы мәдениеттің символы іспеттес. Триполье мәдениетінің үй-жайлары туралы көптеген мамандардың зерттеулері белгілі. Оның тұрғын үй, шаруашылық және ғұрыптық аспектілері қарастырылған. Көзқарастар арасындағы кейбір айырмашылықтар құрылыс технологиясының жаңғыртпасы мәселелері бойынша қалыптасқан. Бір немесе екі қабатты, құрылыс барысында арнайы өртелген немесе қонысты тастап кеткен кезде ғұрыптық шаралар барысында өртеп жіберілген балшықты-ағаш үйлер деген пікірлер бар. Мүмкін, мұндай сауалдардың шешімі логистикалық және эксперименталды-модельдеу тәсілдері ауқымында жатқан болар.

Summary

A tripilian house is an original visiting-card, or symbol of culture. In the last decades, an intense debate has revolved around the reconstruction of the remains of tripilian buildings. At the present time, most researchers agree that these are the remains of tripilian dwellings (additionally indicating household or ritual functions, depending on the finds). When it comes to replicating the construction technologies, divergent views emerge. Did these dwellings have one or two stories? Where they burned in the process of construction or burned down (as a result of ritual actions linked with abandoning the settlement)? To some extent, a resolution of these questions (including analyze of artifact's level) lies in the reign of logistic's and experimental modeling.

Қола дәуіріндегі
мәдениет, өзара
қатынастар мен
байланыстар

Культура,
взаимодействия и
контакты в эпоху
бронзы

Варфоломеев В.В.

Бегазы-дандыбаевская культура степей Центральной Евразии

Е о второй половине II тыс. до н.э. в зоне степей и пустынь Евразии от низовий Дуная до предгорий Алтая распространяются культуры, примечательным и характерным компонентом которых стала посуда с налепным или формованным валиком на шейке сосуда (рис. 1; 2, 1,2,4; 3, 4, 5). Эти культуры объединяют в огромную общность культур валиковой керамики (ОКВК), существование которой аргументировано обосновал Е.Н. Черных (1983). На территории Восточной Европы в эту общность включают культуры ноа, белогрудовскую, чернолесскую, сабашиновскую, белозерскую, позднесрубную (срубно-хвалынскую) и другие. В степи восточнее Урала и Каспия вплоть до предгорий Алтая памятники с валиковой керамикой представлены, в основном, поселениями, их объединяют в рамках саргаринско-алексеевской культуры, занимавшей степи Казахстана и Алтая (Зданович, 1988; Зданович, 1974; Потемкина, 1985; Ситников, 2002; Ткачев, 2002; Федорук, 2006; и др.).

Однако, в Центральном Казахстане (традиционное казахское название — Сарыарка) с 30-х гг. XX в. известны могильники со специфичной керамикой, отличной от посуды валикового типа. В 1933 г. М.П. Грязнов раскопал курган 11 могильника Дандыбай в 60 км к ЮЗ от г. Караганды. Автор раскопок так описывает знаменитое погребение: «В яме глубиной 1,2 м устроено квадратное в плане массивное сооружение площадью свыше 27 кв. м (5,2 x 5,2 м). Стены его толщиной до 60 см и высотой около 70 см сложены из бутового камня. Основа крыши представляла собой пирамидальный

бревенчатый сруб в 4 звена, накрытый сверху бревенчатым же накатом из 12-14 бревен. Пирамидальная форма сруба достигалась тем, что бревна каждого нового звена укладывались на 15-20 см ближе к центру сооружения. Так как в месте соединения бревен друг с другом пазов не вырубалось, наклонные стены сруба имели просветы шириной в толщину бревна. Бревна накатника были уложены, по-видимому, вплотную. Крыша была затем обложена по бокам камнями и, вероятно, засыпана вынутой из могильной ямы землей. Так получился холм более 1 м высотой, под которым находилось просторное помещение площадью 16 кв. м (4 x 4 м) с потолком на высоте немного менее 2 м от пола. Вокруг холма была сооружена ограда формой, также близкой к квадрату со сторонами длиной от 8 до 9 м. Стены ограды сложены из крупного бутового камня. Толщина их была, вероятно, 40-50 см, высота неопределима... она не могла быть высокой: 40-50 см наиболее вероятная высота ограды». В могиле были найдены два бронзовых наконечника стрелы, бронзовый предмет в форме якоря, роговая застежка, каменное орудие для разминания кожи и 12 глиняных сосудов. Но, вероятно, в момент погребения с покойным было положено больше вещей. Часть их была похищена грабителями, проникшими в погребальную камеру еще до окончательной скелетизации тела человека» (Грязнов, 1952, с. 129-136).

Длительное время материалы из Дандыбая оставались уникальными. Но с началом работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции АН КазССР в конце 1940-х гг. были открыты новые могильники с ярким,

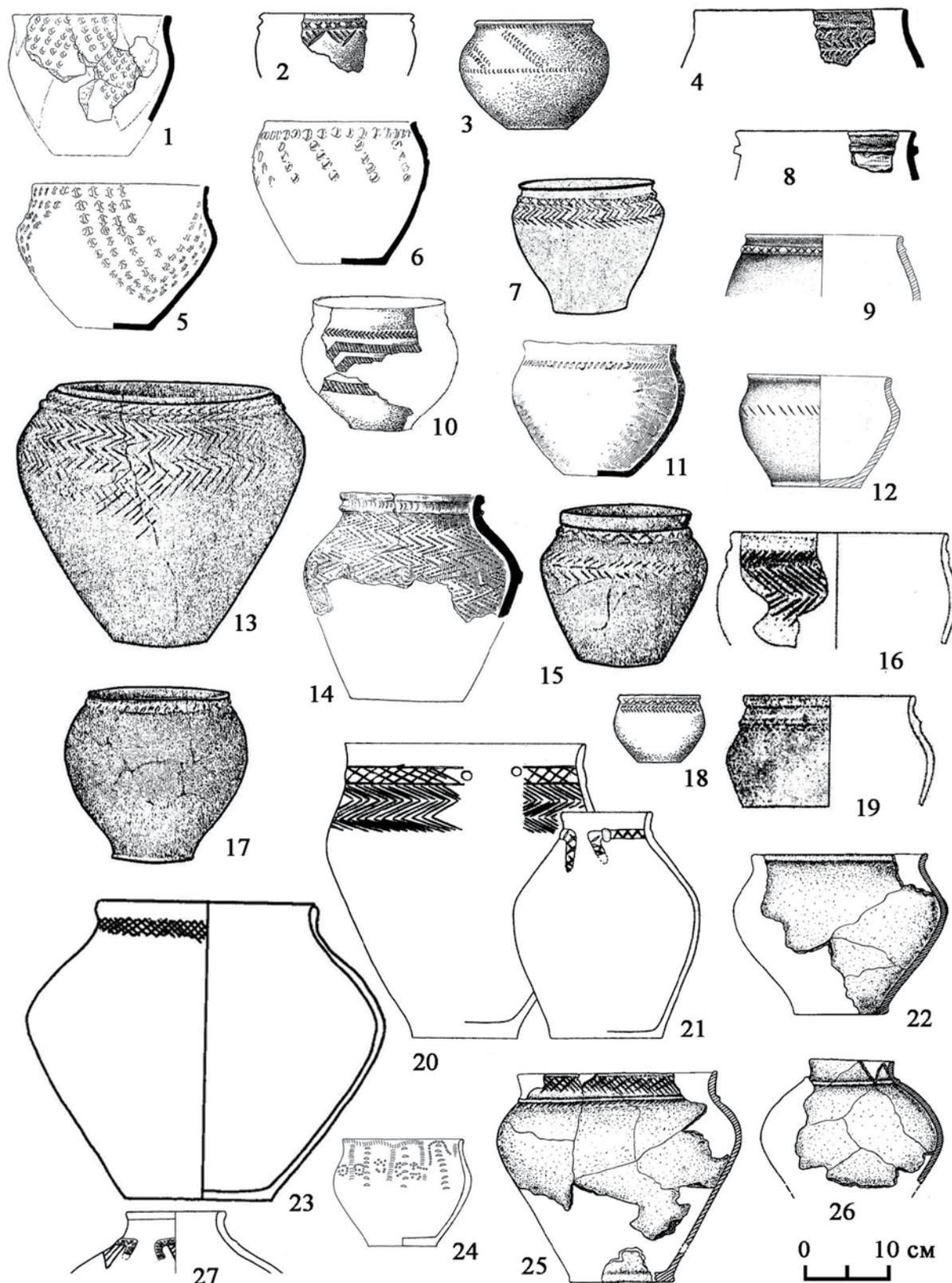

Рис. 1. Бегазы-дандыбаевская культура. Керамика валикового типа из памятников Казахстана (1-8; 10, 11; 13-21; 23, 24, 27), Западной Сибири (22, 25, 26) и степного Алтая (9, 12). 1, 5, 6 – мог. Дандыбай; 2, 3 – Бегазы; 4, 8 – пос. Тургенъ II; 7 – мог. Алексеевский; 9, 12 – Суслово I; 13, 15, 17 – пос. Алексеевское; 14 – Трушниково; 16, 19 – Энтузиаст I; 18 – мог. Айбас-Дарасы; 20, 21 – Петровка II; 22, 25, 26 – Камышное II; 23 – пос. Майоровка; 24 – мог. Измайловка; 27 – Новоникольское I. По: Грязнов М.П., 1952; Ермолаева А.С., 1987; Зданович Г.Б., 1988; Иванов Г.Е., 2004; Кривцова-Гракова О.А., 1948; Маргулан А.Х., 1979; Марьяшев А.Н., Горячев А.А., 2001; Потемкина Т.М., 1985; Ткачев А.А., 2002; Черников С.С., 1960.

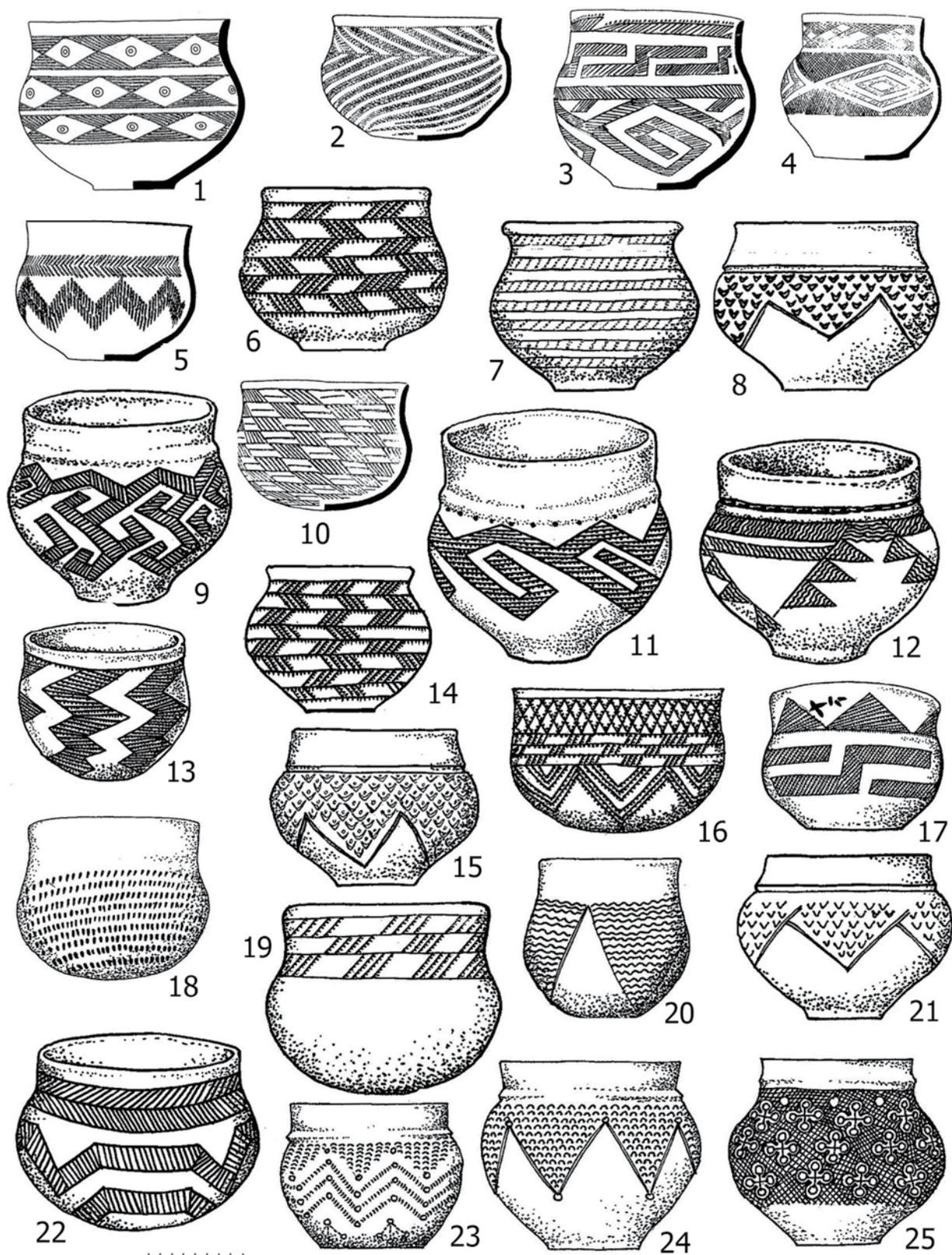

Рис. 2. Бегазы-дандыбаевская культура. Импортная керамика. 1 – Измайловка; 2-5, 10 – мог. Дандыбай; 6-8, 14-16 – Айбас-Дарасы; 9, 11-13, 17-19, 22, 25 – Сангру I; 20, 23, 24 – Бегазы. По: Грязнов М.П., 1952; Ермолаева А.С., 1987; Маргулан А.Х., 1979.

оригинальным материалом. В 1947 г. начались раскопки каменных гробниц могильника Бегазы, получивших название мавзолеев. Мавзолей 1 имел размеры 9,6 х 9,6 м, т. е. был квадратной формы. Его стены были выложены из гранитных плит, уложенных на глиняном растворе. Ширина стены 2 м, сохранившаяся высота — 2,3 м. По внешнему периметру стены были облицованы вертикальными плитами, достигавшими высоты 3,5 м. Вход в усыпальницу находился с восточной стороны, а к нему вел коридор длиной 9 м, шириной 4 м. Стены коридора были сложены из камня и имели высоту до 2 м. Внутри мавзолея между внешними стенами и стенами погребальной камеры находилась обходная галерея, в которой было найдено более 40 глиняных сосудов. В погребении находился подиум-алтарь, на котором стояли 4 керамических сосуда и лежал бронзовый кинжал-копье. Были найдены также изделия из камня и кости, остатки мясной пищи в виде костей лошади, коровы, барана, марала, архара (Маргулан, 1979). Раскопки этого и других мавзолеев в могильнике Бегазы поставили проблему существования оригинальной и яркой культуры эпохи поздней бронзы Казахстана. Большинство керамических сосудов из Дандыбая и Бегазы имели некоторое сходство с посудой из погребений карасукской культуры Южной Сибири. На этом основании С.В. Киселев предположил, что памятники Бегазы и Дандыбай оставлены переселенцами карасукского культурного круга Южной Сибири (Киселев, 1951, с. 143, 178). Эта концепция была раскритикована А.Х. Маргуланом, который писал: «Бегазы-дандыбаевская культура возникла не в результате переселения племен карасукской культуры..., а в результате прогрессивного и последовательного развития культуры атасукского этапа»... «она развивалась совершенно самостоятельно, независимо от карасукской культуры Южной Сибири» (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с.68, 69; Маргулан, 1979, с. 333). Однако, до сегодняшнего дня гипотеза миграционного

происхождения населения, оставившего погребения типа могильников Дандыбай и Бегазы, имеет много сторонников. Учитывая синхронное существование в Центральном Казахстане поселений с валиковой керамикой и могильников бегазинского типа, приверженцы миграционной гипотезы считают возможным существование в Сарыарке в период поздней бронзы двух культур. Одна из них известна по поселениям с валиковой керамикой (саргаринско-алексеевская культура), другая — бегазы-дандыбаевская, представленная только могильниками (См., например, Исмагил, 1998, с. 3-6; Ткачев, 2003, с. 371-378).

Следует отметить, что мнение о карасукском импульсе в генезисе памятников бегазинского типа возникло в период первых открытий и продолжает повторяться как аксиома, не имея аналитической аргументации. Однако, еще в начале 50-х гг. XX в. М.П. Грязнов разделил посуду из Дандыбая на две группы. Первая группа — плоскодонные, толстостенные, грубые сосуды (3 экз.) с орнаментом в виде пальцевых защипов. Вторая группа — тонкостенных сосудов, среди которых два в виде кубков (рис. 2, 3, 5-12). Орнаментация на сосудах второй группы — геометрическая, выполненная в резной технике или фигурного штампа. В процессе интерпретации мавзолейных материалов (могильники Дандыбай и Бегазы) М.П. Грязнов пришел к выводу о принадлежности посуды 2-й группы к продукции одного из вариантов карасукской общности, еще ранее актуализированное С.В. Киселевым. На этом мнении, собственно, и построены гипотезы сторонников южно-сибирского происхождения бегазы-дандыбаевской культуры (далее — БДК). Но насколько они обоснованы?

Ответить на этот вопрос можно только в результате анализа артефактов, прежде всего керамики. Автором этих строк из 28 памятников поздней бронзы Сарыарки было выделено 3418 сосудов. Выяснилось, что проанализированная коллекция представлена тремя группами.

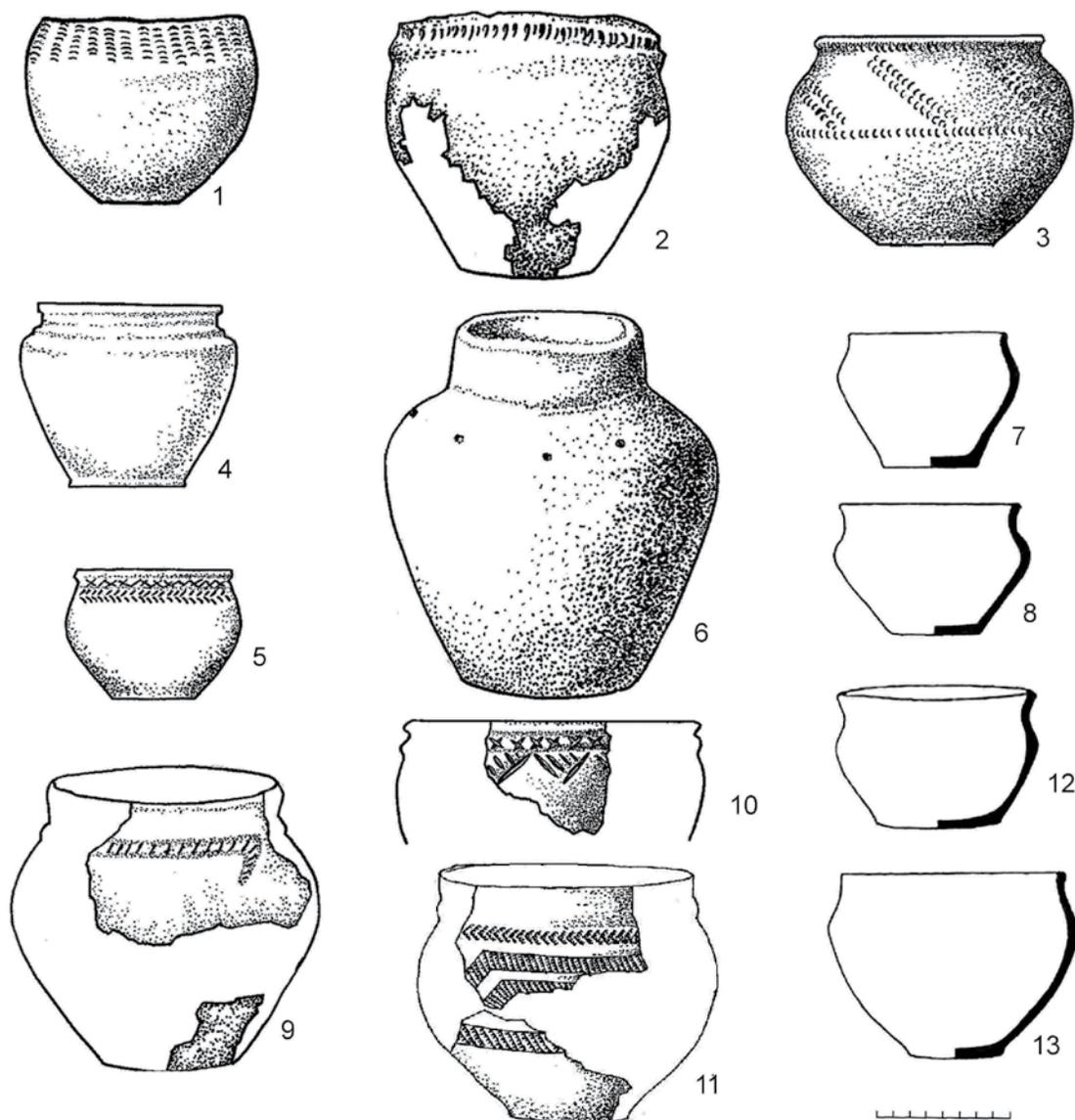

Рис.3. Керамика валикового типа из могильников бегазы-дандыбаевской культуры. 1, 3, 6, 10 – Бегазы; 2, 11 – Сангру I; 4, 5 – Айбас-Дарасы; 7, 8, 12, 13 – Айдарлы; 9 – Бала-Кусболды. По: Маргулан А.Х., 1979; Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. 1966.

Группа 1. Посуда валикового типа или саргаринско-алексеевская. В нее включено 3209 сосудов или 93,3% всего анализируемого массива.

Группа 2. К ней отнесена андронидная керамика (рис. 6-8), форма и орнамента которой демонстрируют многочисленные параллели с керамическими компонентами еловской, ирменской, сузгунской, бархатовской и пахомовской культур Западной Сибири. Собственно карасукской керамики в центрально-казахстанских памятниках нет,

но в могильнике Бегазы есть круглодонные горшки, подобные найденным в памятниках лугавской культуры Южной Сибири.

Группа 3. Керамика станковая; лепная, но подправленная на круге; и просто лепная (рис. 9; 10). Она найдена на поселениях Мыржик, Павловка, в Кентских горах на поселениях Кент, Домалактас, Байшура, могильниках Тасырбай и Актопрак. В Сарыарке не обнаружено следов местного производства станковой керамики и ее происхождение следует связывать с теми

территориями, где подобная посуда была обычной. Впрочем, известная стандартизация форм посуды при массовом ремесленном производстве с использованием гончарного круга затрудняет локализацию очага происхождения. Эта группа хронологически соответствует посуде поздней фазы Намазга 6 и памятникам моллалинского этапа культуры Сапаллитепа и является импортом из Средней Азии; есть фрагменты сосудов, имеющих аналогии в Иране (рис. 10, 3).

Таким образом, анализ керамики из бегазы-дандыбаевских памятников позволяет сделать несколько выводов. Посуда второй и третьей групп немногочисленна (менее 7%) и неоднородна по происхождению. Посуда первой группы – валикового типа – в поселениях составляет основу керамического «сервиса» их обитателей. На самых крупных поселениях ее дополняет небольшое количество импорта в виде сосудов второй и третьей группы. Другое соотношение групп керамики в могильниках. Андронидная керамика преобладает в крупных погребальных сооружениях, но почти отсутствует в небольших и простых могилах. Трактовка культурной принадлежности бегазы-дандыбаевских комплексов мавзолейного типа, исходя из облика керамики, не может претендовать на объективные результаты. Следуя принципу «миграционистов», следовало бы предполагать приток в Центральный Казахстан носителей нескольких культурных традиций – среднеазиатского населения с керамикой станкового производства; андронидного – еловского, лугавского, сузгунского и ирменского. Такая картина представляется маловероятной и не аргументированной. К тому же, керамика – единственный след, который, как будто бы, оставили «мигранты». Причем, как правило, привнесенная керамика имеет аналогии почти исключительно в погребальных комплексах Сибири. В бегазы-дандыбаевских памятниках практически отсутствует поселенческая андронидная

посуда культур Сибири, что опровергает гипотезу миграционного происхождения строителей мавзолеев. Посуда групп 2 и 3 имеет импортное происхождение и свидетельствует о контактах казахстанского населения с носителями других культур. А формы этих контактов могли быть различны. Выделяя общность культур валиковой керамики, Е.Н. Черных в свое время отметил двухкомпонентный состав керамики в памятниках западной и контактной зон общности культур валиковой керамики. Первый и самый многочисленный компонент – керамика валикового типа, второй компонент – посуда лучшего качества из хорошо отмученной глины (Черных, 1984, с. 251, 252). Вероятно, в эпоху культур валиковой керамики существовала распространенная традиция иметь два комплекта посуды – повседневную и нарядную, столовую. В Сарыарке керамика суперстратного облика и выполняла функцию столовой нарядной посуды, которую использовали семьи знатных и влиятельных кланов, имевших контакты с инокультурными обществами. Эта посуда ставилась и в могилы в качестве погребальной, что сформировало особый облик керамических комплексов в погребениях из мавзолеев.

Мавзолеи – погребения лиц высокого социального ранга, отличавшихся от рядового населения и при жизни и после смерти. Но в каких культурах Сибири есть подобные сооружения? Источники погребального характера Сибири указывают на социально однородный и эгалитарный характер обществ андронидного и карасукского круга.

Карасукское население, которое, по мнению некоторых авторов, мигрирует в казахстанские степи, должно было оставить хотя бы некоторые элементы собственных традиций. Так, в карасукской культуре погребальные камеры выполнялись в виде прямоугольных каменных ящиков, в которых ширина и длина соотносятся примерно 1:2. Бегазы-дандыбаевские погребения совершались в грунтовых овальных ямах

и каменных камерах квадратных или почти квадратных пропорций. В отличие от карасука, в центрально-казахстанских могильниках отсутствуют ограды с коллективными погребениями. Некоторые параллели в культуре бегазы-дандыбаевцев и карасукцев демонстрируют лишь отдельные типы ножей. Но эта категория изделий не может быть аргументом в пользу миграций, так как мелкие предметы могли передаваться любыми носителями. Имеющиеся материалы из Центрального Казахстана не содержат доказательств миграции группы карасукского населения в эту часть евразийских степей. Во всех бегазы-дандыбаевских мавзолеях есть валиковая керамика и расположены они непременно у поселений с такой керамикой.

И поселения, и могильники Центрального Казахстана принадлежат одной культуре. Более того, население степей Казахстана и Алтая в период поздней бронзы было культурно однородно и археологическую культуру, исходя из правила научного приоритета, следует называть дандыбаевской. Устоявшаяся форма названия — бегазы-дандыбаевская культура. Будет справедливым понимать под этим термином культуру валиковой керамики, занимавшую пространство юга Западной Сибири и Казахстана, включая Восточный Казахстан и Семиречье/Жетысу (Марьяшев, Горячев, 2001, с. 112-123), т.е. центральные районы Евразийского материка.

Бегазы-дандыбаевская культура на основании датировок по методу аналогий и по данным радиоуглеродного метода датируется XIV-IX вв. до н.э. Поселения — наиболее многочисленный вид памятников этой культуры. В Костанайском Притоболье известно 6 поселений, в Приишимье — 46, в Центральном Казахстане — 42 поселения с культурными слоями, содержащими валиковую керамику. Поселения валиковой керамики известны в Казахстанском Прииртышье и алтайских степях. Жилища этого времени нередко возводились на местах посёлков, оставленных в андроновскую

эпоху. В таких случаях откладывались разновременные культурные слои. К многослойным памятникам относятся Новоникольское I, Петровка II, Конезавод III, Алексеевское, Садчиковка в Северном Казахстане; Атасу I, Мыржык, Ак-Мустафа, Бугулы II, Усть-Кенетай в Центральном Казахстане, Трушниково и Малокрасноярка в Восточном, Тасты-Бутак — в Западном. Эталонные материалы происходят из однослойных поселений Саргары, Петровка IV в Приишимье, Копа I, Упаис, Донгал, Кент, Домалактас в Сарыарке. Поселения располагались на надпойменных террасах рек, на излучинах и мысах, непременно рядом с участком поймы. По площади и количеству жилищ их можно разделить на три группы: 1 — малые поселения площадью до 5000 м² с 2-9 жилищами (Садчиковка, Тагибай-Булак, Петровка III, Владимиро-Борисовка I); 2 — посёлки средних размеров, где на площади в 7000-20000 м² фиксируются остатки 10-30 сооружений (Новоникольское I, Саргары, Алексеевка, Атасу I, Суук-Булак, Донгал, Трушниково); 3 — поселения, насчитывающие более 40 построек площадью от 30000 до 300000 м² (Мыржык, Бугулы I, Кент). По особенностям планировки можно выделить следующие типы посёлков. I. Поселения скученной планировки со сплошной застройкой — Саргары, Атасу I, Донгал и др. II. Селища с линейно-уличной планировкой, обычно вытянутые вдоль берега, — Мийлыбулак, Каркаралинское I. III. Поселения круговой планировки со свободной внутренней площадью — Новоникольское I, Виноградовка VI, Шортанды-Булак. Конструкции жилищ и материал для их построек определялись природно-географическими условиями, но при любых экологических и строительных особенностях жилые и хозяйственные постройки возводились в котлованах. Наземные постройки очень редки. Глубина котлованов обычно от 0,5 до 1 м. Размеры котлованов от 36 до 200-400 м². Они чаще всего прямоугольной формы. Стены

котлованов укреплялись плетнём (Саргары) или каменными вертикальными плитами (Атасу I). Жилища без каменных конструкций преобладают в северном ареале культуры, где для постройки жилищ использовалось дерево. Основу каркасных конструкций составляли ряды опорных столбов, вкопанных внутри котлована. Существовали и срубные постройки. В Центральном Казахстане деревянные стены обычно понизу обкладывали каменными плитами, развалы которых часто принимают за остатки или фундаменты стен.

Жилища имели наклонные стены и плоскую или пирамидальную кровлю. Пол в жилищах был утрамбован или обмазан глиной. В полах находились хозяйственные ямы. Внутри домов устраивали очаги открытого типа. Это могли быть простые костры на полу, ямы с каменной обкладкой, каменные выкладки четырёхугольной или пятиугольной формы без углубления. На поселении Шортанды-Булак один очаг был ограждён бортиками из глины. Выходы из жилищ оформлялись в виде тамбура и обычно направлены к реке или на запад. Нередко смежные жилища соединялись коридором, остатки таких двухкамерных построек на поверхности не раскопанных поселений фиксируются как восьмёркообразные западины. На поселении Атасу I исследованы округлые и овальные котлованы диаметром 6-14 м и

небольшой глубины. В них находились лёгкие юртообразные жилища наземного типа. На полах жилищ были каменные очаги открытого типа. Обнаружены также колодцы, стены которых облицованы кладкой из каменных плиток. Колодцы имеют конусообразную форму и расширяются ко дну.

В бегазы-дандыбаевскую эпоху произошли существенные изменения в жизни людей. На смену комплексному скотоводческо-земледельческому хозяйству андроновцев пришло отгонное (яйлажное) скотоводство. При этой форме скотоводства пастбища распределяются на зимние и летние, либо зимой скот находится на стойловом содержании в поселке, а летом отгоняется на летовки. Бегазы-дандыбаевцы разводили коров, лошадей, мелкий рогатый скот, держали собак. Объектами охоты были сайга, архар, кулан, марал, лось, волк, корсак, заяц, медведь, крупные птицы. Основу остеологических коллекций поселений составляют кости крупного и мелкого рогатого скота и лошади. Остатки дикой фауны не превышают 2%, следовательно, охота имела подсобное значение. Мясо-молочной пищей бегазы-дандыбаевцев обеспечивала скотоводческая экономика. Соотношение разных видов домашнего скота приведено в таблице 1.

Соотношение видов скота в стаде (по находкам костей, %)

Таблица 1

Поселение	Виды животных			Итого
	КРС	МРС	Лошадь	
Кент	34,4	38,6	27	100
Домалактас	32,7	53,3	14	100
Копы-1	37,1	22,2	40,7	100
Донгал	34,9	31,4	33,7	100
Бугулы-2	19,3	71,7	9	100
Каркаралы-2	36,4	35,1	28,5	100
Шортандыбулак	21,4	52,9	25,7	100
Акимбек	39,3	44,8	15,9	100

Данные в таблице 1 свидетельствуют о преобладании лошади и овцы (81,6 – 57,6 %), т.е. животных, приспособленных к добыванию корма из под снега. В то же время, еще достаточно много коровы (от 19,3 до 39,3%), что не характерно для кочевого скотоводства. В бегазы-дандыбаевских поселениях кости верблюда найдены в минимальном количестве. Кости одной особи верблюда были обнаружены на поселении Атасу I и 14 костей в Мыржике в Северной Бетпакдале, кости этого животного происходят из поселения Алексеевского. Но эти поселения многослойные, содержат материал как андроновского, так и бегазы-дандыбаевского времени, и определить, какому населению принадлежали верблюды невозможно. Но можно уверенно утверждать, что дандыбаевцы знали верблюда. Его кости найдены на поселении Кент (одна особь), как остатки погребальной пищи были обнаружены в мавзолеях 2 и 5 могильника Бегазы. Однако, роль верблюда в эту эпоху еще не была столь значительна, как в более поздние периоды.

Скотоводство обеспечивало людей не только мясом и жиром, но и молочными продуктами. Употребление пищи из молока коров и овец жителями поселения Кент установлено в результате специальных исследований пищевых остатков в керамике. Анализ нагаров пищи в сосудах, проведенный в рамках проекта «Пастушество и коневодство степей древней Евразии»¹ оказал наличие молекул молочных жиров жвачных животных в кентских сосудах (Alan K. Outram, Alexei Kasparov, Natalie A. Stear, Victor Varfolomeev, Emma Usmanova and Richard P. Evershed, в печати). Вероятно, уже в те времена из коровьего молока готовили разнообразные продукты.

Из шерсти овец ткали одежду. О существовании ткачества свидетельствуют отпечатки шерстяных тканей на глиняных

горшках и пряслица-утяжелители для веретен. На поселении Кент найдено каменное грузило, которое было частью ткацкого станка

Кости и рога домашних и диких животных были сырьем для изготовления наконечников стрел, пуговиц, различных инструментов и орудий труда (рис. 11-18). Из шкур и кож шили одежду и обувь, вырезали ремни, изготавливали мешки и сосуды для жидкостей.

Лошади и быки служили транспортными животными. Лошадей издавна использовали в колесной запряжке, а с конца 2 тыс. до н.э. верховая езда повсеместно распространилась в Евразийских степях. Находка бронзовых удилов на поселении Кент (рис. 19) свидетельствует о существовании всадничества. Мощь быков и волов требовалась при перемещении значительных тяжестей, особенно в процессе строительства каменных гробниц бегазинского облика.

На поселениях, а иногда в могильниках археологи находят орудия, которые расцениваются как земледельческие – бронзовые серпы (рис. 20), каменные зернотерки (рис. 21) и мотыги. Вероятно, земледелие существовало у бегазы-дандыбаевцев и отдельные общины практиковали выращивание хлебных злаков. Однако удельный вес земледелия в экономике в целом был незначителен.

Хозяйство бегазы-дандыбаевцев было, в основном, натуральным, самодостаточным. В ремесленное производство выделилось горное дело и металлургия, которые обеспечивали потребности населения в бронзовых изделиях: оружии, инструментах, украшениях (рис. 22-25). Высокой степени специализации достигло косторезное дело. Из костей и рогов животных мастера вырезали великолепные вещи – парадные псалии, бляшки, пуговицы, застежки и многое другое (рис. 12-18).

Накопленные археологические источники позволяют дать характеристику социального

¹ Руководитель программы Alan K. Outram, Университет г. Эксете́ра, Англия. Авторы анализа керамики Natalie A. Stear и Richard P. Evershed, Университет г. Бристоль, Англия.

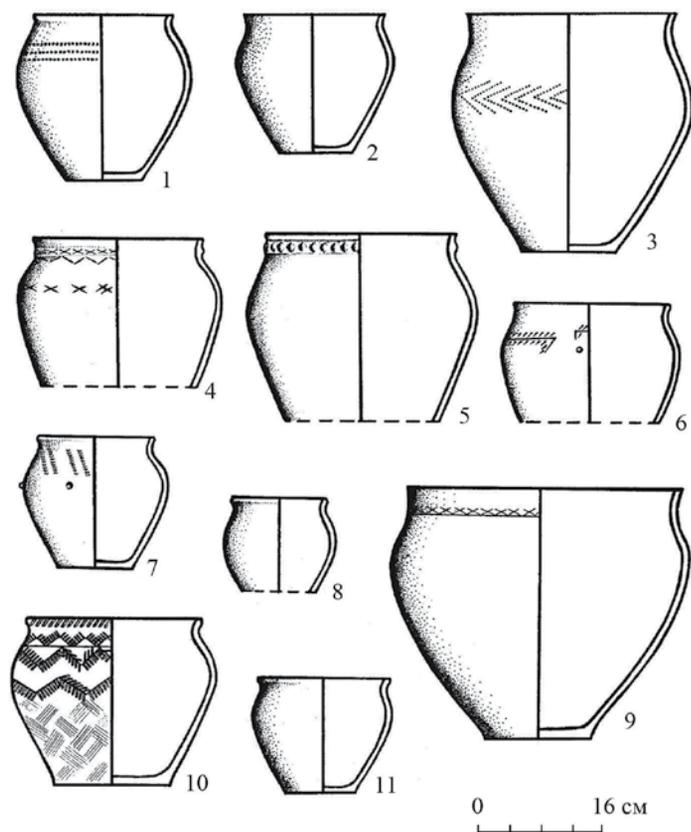

Рис. 4. Бегазы-дандыбаевская керамика. 1, 3, 4, 6–8, 10, 11 – поселение Кент; 2 – могильник Шоиндыколь; 5 – поселение Домалактас; 9 – поселение Акимбек.

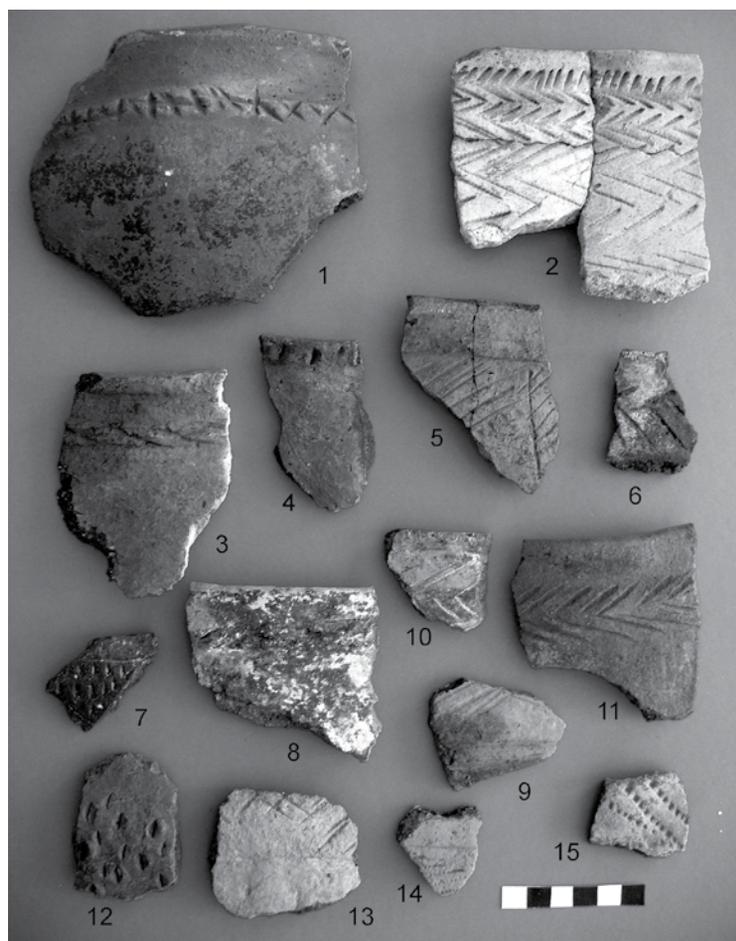

Рис. 5. Бегазы-дандыбаевская керамика. Поселение Кент.

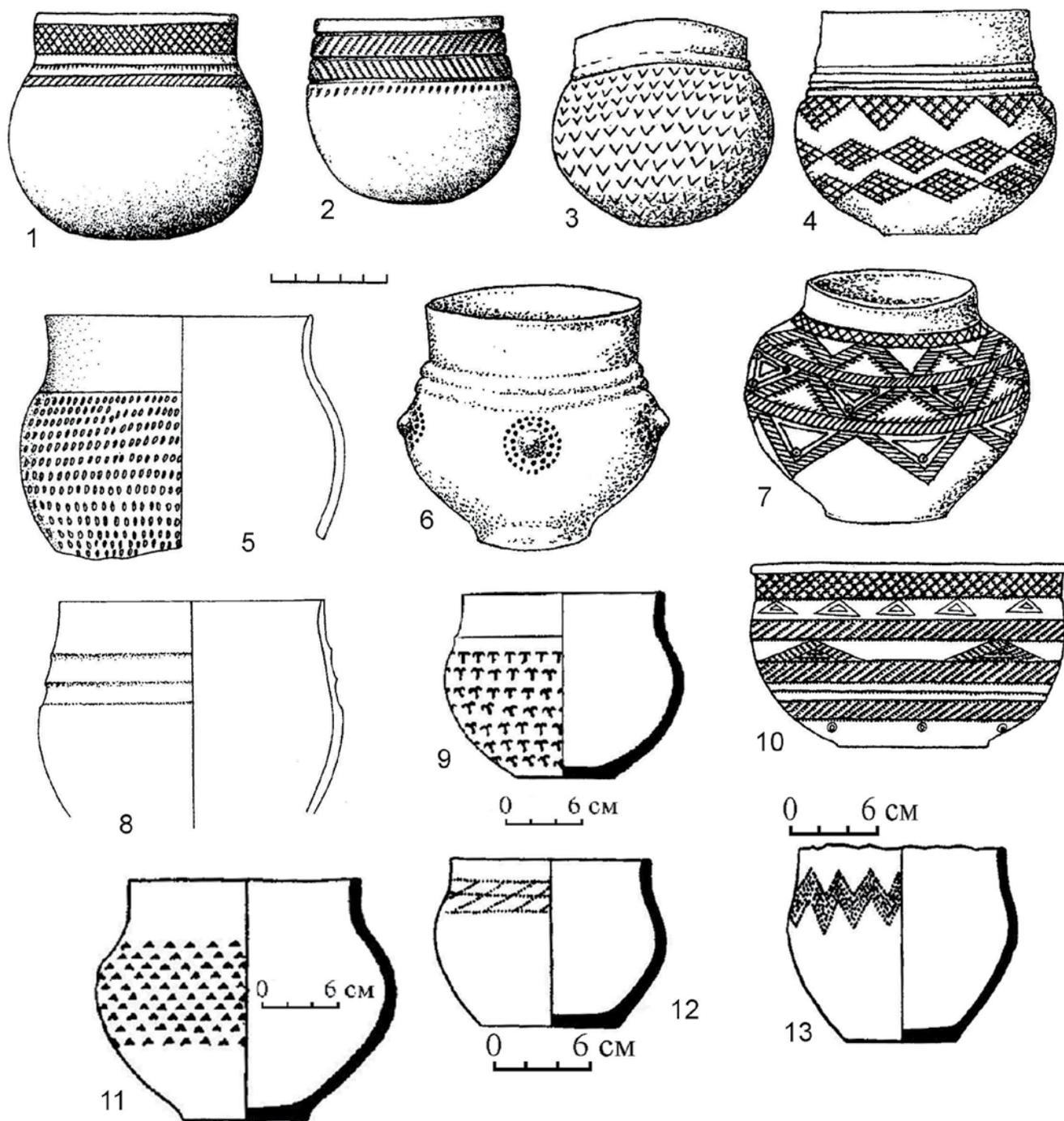

Рис. 6. Бегазы-дандыбаевская культура. Импортная керамика. 1-4, 6, 7, 10 – могильник Бегазы; 5, 8 – могильник Донгал; 9, 11-13 – могильник Бугулы II.

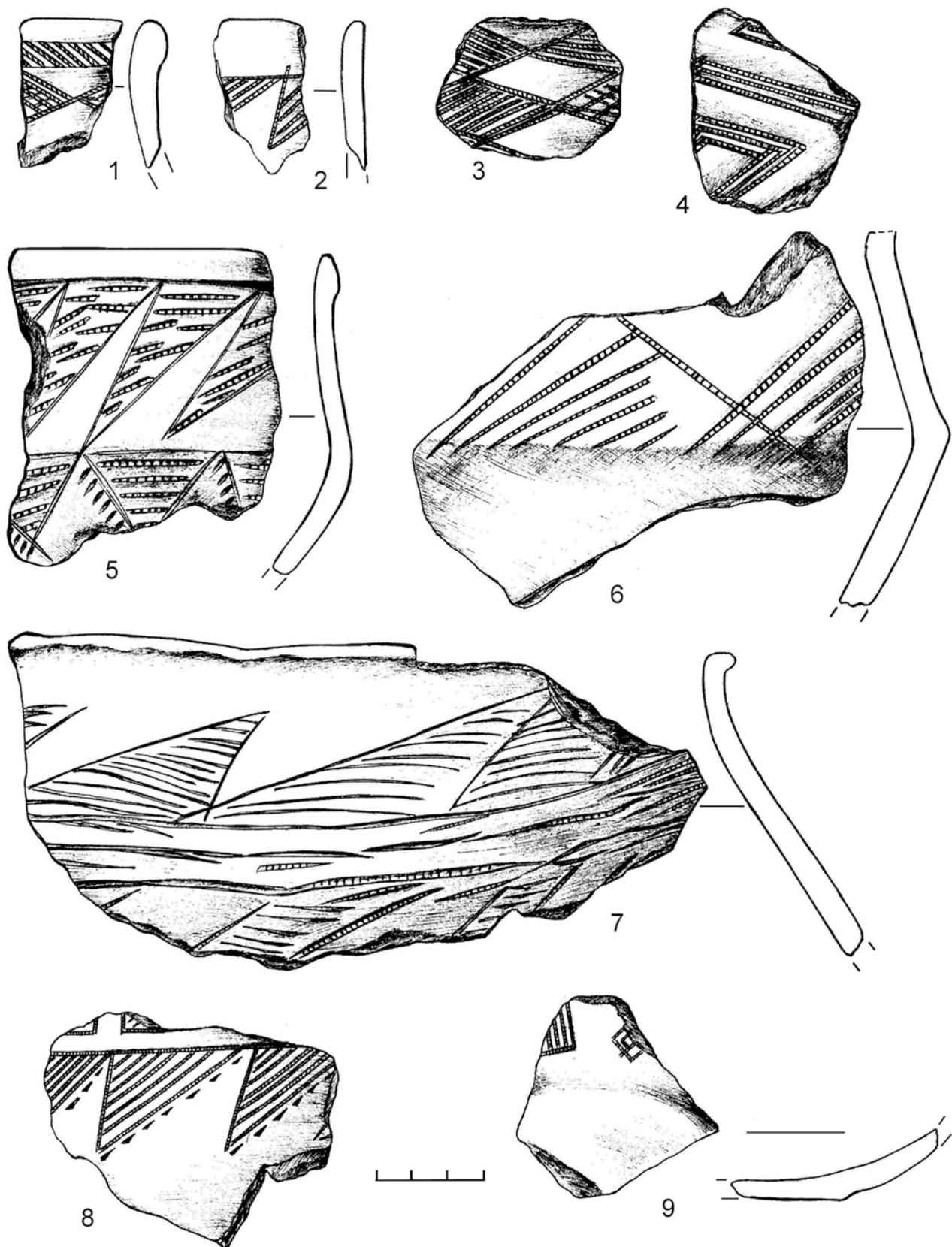

Рис. 7. Бегазы-дандыбаевская культура. Импортная андронидная керамика. Поселение Кент.

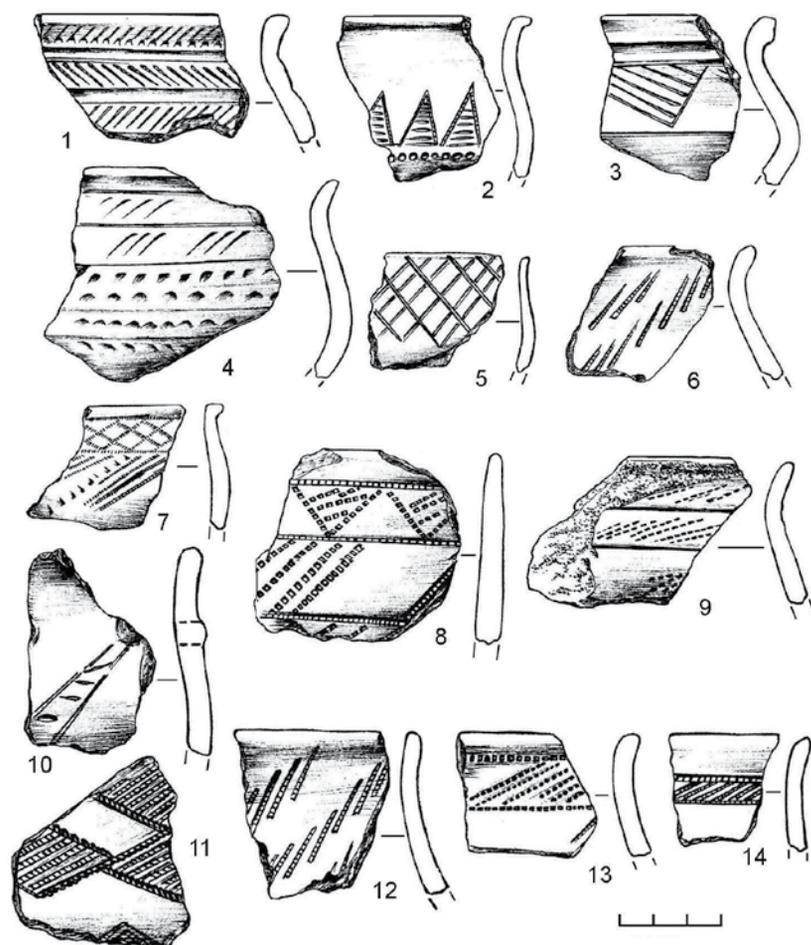

Рис. 8. Бегазы-дандыбаевская культура. Импортная андронидная керамика. Поселение Кент.

и цивилизационного развития бегазы-дандыбаевского населения.

По материалам могильников выделяются 5 основных типов (видов) погребальных сооружений. Самым многочисленным типом погребальных построек являются ограды из гранитных плит, уложенных плашмя в один или несколько слоев (рис. 26). Ограды имеют квадратную форму. Размеры оград колеблются от 1,2 x 1,4 м до 4,0 x 4,1 м. Внутри ограды устанавливалась каменная квадратная или прямоугольная погребальная камера из 4 вертикальных плит (каменный ящик). Современная высота таких могильных ящиков — от 0,1 до 0,8 м. Размеры от 0,6 x 0,8 м до 1,4 x 1,6 м. В малых ящиках, видимо, хоронили детей, в крупных — взрослых. Поскольку длина могил

небольшая, следует предполагать скорченное труположение, как это было у андроновского населения. К сожалению, такие могилы уже с древних времен подвергались ограблению. Кости захороненных людей разбросаны по всему пространству каменного ящика. Многие части скелета отсутствуют, а черепа никогда не встречаются. Из находок бывают чаще всего разбитые глиняные горшки. Бронзовые вещи встречаются редко.

Ко II типу каменных могил относятся сооружения больших размеров (рис. 27). Самой крупной постройкой среди погребений бегазы-дандыбаевской культуры является мавзолей Бугулы III. Он представляет собой каменную гробницу квадратной формы со сторонами длиной 15 м. Из гранитных блоков выкладывалась внешняя и внутренняя стена, а пространство между ними заполнялось мелким камнем и глиняным раствором.

Толщина всей такой стены — 1,5 м. Внутри гробницы находилась погребальная камера из каменных плит. Ее размеры — 4,1 x 4,1 м. Все сооружения и гробница внутри ориентированы стенами по сторонам света. От СВ угла гробницы к северной стене был построен коридор длиной 3,3 м, шириной 0,8 м, высотой 1,72 м. В северной стене напротив коридора находился вход в этот каменный мавзолей. Дно погребальной камеры находилось на глубине всего 0,3 м. К сожалению, эта монументальная гробница была ограблена. В ней были найдены разбросанные кости человека, лошади, барана, разбитые глиняные сосуды и две бронзовые иглы. Признаком погребального ритуала являются остатки поминальных костров внутри мавзолея Бугулы III.

Бугулинскому мавзолею близка гробница из могильника Енбек-Суйгуш. Ее размеры 9 x 8,5 м, стены двойные с забутовкой. Внутри находился погребальный ящик размером 3 x 2,7 м. Между ящиком и внутренней стенкой ограды зафиксированы остатки поминальных костров.

Углубленные могилы в виде каменных ящиков с наклонными стенками (III тип) (рис. 2, ящиков с вертикальными стенками (IV тип) и земляных ям (V тип) встречаются редко. Могилы III-V типов (глубиной до 0,9 м от современной поверхности) устраивали для покойников из числа тех, кто в летнее время оставался в поселках.

По таким важным показателям как размеры, архитектурные особенности, количество и качество погребального инвентаря все бегазы-дандыбаевские погребения делятся на две группы. Группу I составляют могильные сооружения типов I, III-V. Они не отличаются большими размерами и количеством погребального инвентаря. В них хоронили рядовых взрослых общинников, женщин, детей.

Ко второй группе погребальных построек относятся мавзолеи, которые предназначались для захоронения знатных персон. Высокий социальный статус, который эти персоны занимали при жизни, закреплялся посмертно. Показатели погребений лиц высшего социального ранга — не только большие размеры мавзолеев, но и обилие погребальных приношений. В бегазы-дандыбаевских мавзолеях стояли десятки глиняных сосудов, были оставлены предметы престижного значения в виде бронзовых кинжалов, зеркал, резных костяных изделий.

Очень важные результаты были получены при исследованиях памятников в Кентском горно-лесном массиве в 220 км восточнее г. Караганды, где было открыто грандиозное поселение Кент.

Кент по функциональным характеристикам — город эпохи поздней бронзы. Городской статус древних поселений

проявляется в ряде археологически фиксируемых признаков: 1 — площадь не менее 15 га; 2 — численность населения не менее 5000 жителей; 3 — монументальная (храмовая) архитектура; 4 — сельскохозяйственная округа; 5 — ремесленное производство; 6 — торговля и обмен; 7 — социальная стратификация у обитателей города и его округа. Остатки построек, составлявших древний Кент занимают площадь в 30 га по обоим берегам р. Кызылкенеш. Обычно поселки скотоводов Сарыарки имеют размеры от 0,1 га до 2 га.

Кент существенно превосходит их по размерам и количеству жилищных хозяйственных построек. А предполагаемая численность его обитателей — более 1500 человек.

На поселении Кент открыты три так называемые «Большие ограды», построенные из камня. Они расположены на восточной периферии памятника. Раскопаны две такие ограды. Ограда 1 размером 57 x 42,5 м, площадью 2422,5 м². Она вытянута в направлении СВ-ЮЗ. Ограда 2 тоже прямоугольной формы, размером 26,5 x 55 м, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. В западном углу ограды 1 имелись выложенные из камня прямоугольные камеры. В камере А, размером 6 x 13-16 м, находилось кольцо диаметром 1,25 м из 9 камней. Внутри кольца в ямке сохранилось основание деревянного столба. К северу от кольца над слоем золы на площади около 1 кв. м были разбросаны обломки резных изделий из кости и рога, глиняные бусины, бронзовые обоймы, бляшки, скобы. Неподалеку были найдены нож, шило, наконечник стрелы, втульчатое тесло, два роговых псаля, обломки зернотерок. Каменные кольца из 8-9 камней известны в Центральном Казахстане как жертвенные круги. Вероятно, в ограде 1 проводились какие-то культовые, обрядовые или религиозные церемонии, а сама ограда по функциональному назначению адекватна храмовым постройкам.

Сельскохозяйственную округу Кента могли составлять синхронные ему небольшие поселения Акимбек, Домалактас, Кызылтас,

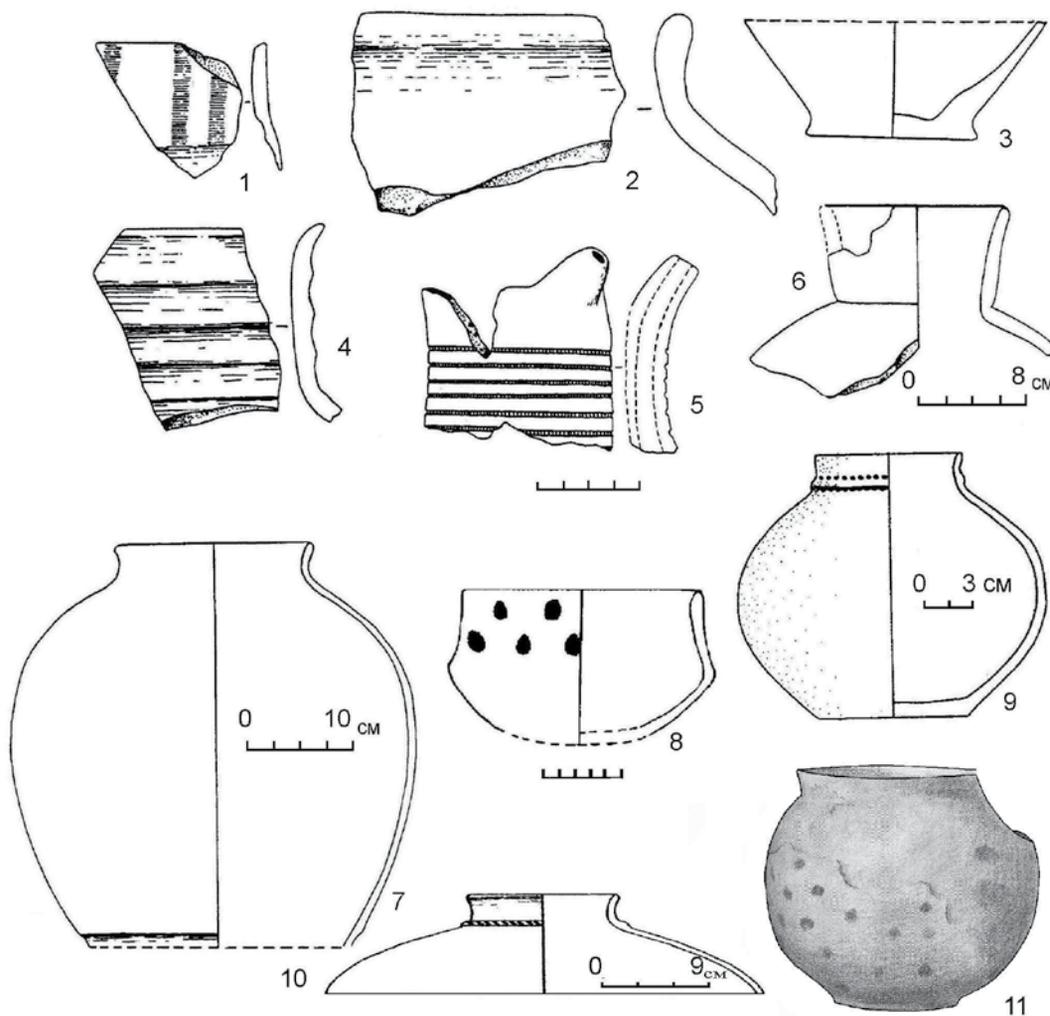

Рис. 9. Бегазы-дандыбаевская культура. Импортная станковая и лепная керамика. 1-7, 10 – поселение Кент; 8 – мог. Актопрак; 9 – мог. Донгал; 11 – мог. Енбек-Суйгуш.

Кызылтас I, Найза, Байшура, Нарбас. На них в зимний период содержался скот под присмотром нескольких семей.

На Кенте найдены великолепные резные изделия из кости и рога, украшенные филигранным орнаментом. Назначение многих предметов не выяснено. Но все изделия производились именно кентскими мастерами, поскольку найдены многочисленные заготовки, отходы косторезного ремесла и косторезные инструменты. Косторезное дело достигло уровня ремесленного производства, рассчитанного на реализацию продукции заказчикам или на рынок. На левом берегу р. Кызылкеныш, на которой находится Кент, открыты металлургические печи. В них не только плавил медь и бронзу, но и

пытались получить железо. Здесь был квартал металлургов и мастеров-косторезов.

Как и в мавзолеях, на Кенте имеется посуда инокультурного облика, которая составляет около 5% всей керамической коллекции, полученной в ходе раскопок. Найдены фрагменты сосудов, изготовленных на гончарном круге. Это явно привозная посуда. Основной регион нахождения такой керамики – Южный Узбекистан и Туркмения, отдельные экземпляры идентичны иранским прототипам. Другая линия сопоставлений кентской привозной посуды указывает на Восточное Приаралье. Еще один компонент импортной посуды имеет аналогии в керамике еловской и ирменской культур Западной Сибири. Появление импортной посуды на

Кенте объясняется торговлей металлом. Многие районы Средней Азии и Западная Сибирь не имеют месторождений медной руды. Но потребности в металле заставляли население безрудных районов приобретать его на стороне. Огромные запасы медных руд Центрального Казахстана позволили бегазы-дандыбаевским горнякам и металлургам производить большое количество металла. Контроль над производством и распределением металла осуществляли вожди объединений, обитавших в горах Кент, Бугулы, Кызыларай и других горнолесных оазисах. Поселения Кент, Бугулы II, Шортандыбулак были одновременно ставками вождей и торговыми центрами. Наряду с многочисленным скотом, торговля металлом служила средством обогащения правящих кланов. Не случайно Кент, Шортандыбулак, Бугулы II, как и памятники Атасуского микрорайона (Мыржык, Акмустафа, Сангру III) и Улытауских гор (могильник Айбас-Дарасы) – самые богатые по количеству находок². На малых поселениях, где и проживали рядовые пастухи, металлические изделия встречаются редко, нет резной кости и импортной керамики. Напротив, на поселениях городского значения много металла, резной кости, есть привозная посуда. А рядом с этими городскими центрами находились гробницы правящей элиты – мавзолеи. Богатые кланы обеспечивали спрос на предметы роскоши и престижа в виде резной кости, каменных сосудов, предметов из бронзы.

Характеризуя уровень развития бегазы-дандыбаевского общества, следует говорить о культуре традиционной, общенародной и субкультуре или культуре элиты.

Традиционная (крестьянская) культура бегазы-дандыбаевцев характеризуется

² Могильник Северный Тагискен с великолепным набором керамики из 777 сосудов (по культурному составу эта коллекция близка кентской посуде) и сложными погребальными постройками (Итина, Яблонский, 2001) вероятно, был оставлен какой-то мощной южной популяцией носителей валиковой традиции. Эта группа бегазы-дандыбаевского населения играла важную роль в контактах центрально-казахстанских и алтайских бегазы-дандыбаевцев со Средней Азией.

следующими компонентами. Поселения площадью от 0,1-0,2 га до 2-3 га. Жилища полуземляночного типа, обычно от 3-5 до 20-25 жилищ на поселении. Керамика валикового облика, сосуды 4-х типов горшечных форм. Металлические изделия – продукция восточной зоны Евразийской металлургической провинции: кинжалы и ножи-кинжалы с кольцевым упором, втульчатые наконечники стрел нескольких типов, серпы сосново-мазинского типа, ножи-бритвы, втульчатые и плоские долота, шилья и иглы. Изделия из рога и кости: тупики, наконечники стрел, рукояти шильев, роговые трехдырчатые псалии, пряслица, «коньки». Каменный инвентарь: орудия труда. Надмогильные сооружения: овальная каменная выкладка над могилой, прямоугольная или овальная каменная ограда. Они низкие и едва заметны на поверхности. Погребальная камера – грунтовая яма или широкий каменный ящик (из четырех плит – прямоугольный, из плит и брусьев – овальный). Глубина могил – до 1 м. Обряд погребения: скорченно, на правом или на левом боку. В изголовье погребенным ставили 1-3 сосуда. В заполнении могил встречаются угли. Керамика валиковая, посуда «бегазинская» встречается как исключение.

Субкультура, включая почти весь комплекс традиционной культуры, отличается по целому ряду параметров. Поселения площадью от 5-7 до 30 га. Они, как правило, расположены в обводненных лесистых низкогорьях и обладают характерными городскими отличиями. Основа экономики элитных общин – отгонное скотоводство. Археологический комплекс категориально и типологически обширнее, чем на памятниках типового ряда. Традиционный комплекс керамики (группа 1) содержит 9 типов сосудов и дополнен посудой импортного происхождения (группа 2 или бегазинская посуда). На поселениях кентского типа последняя составляет от 2 до 7% всего количества сосудов. Этот процент существенно

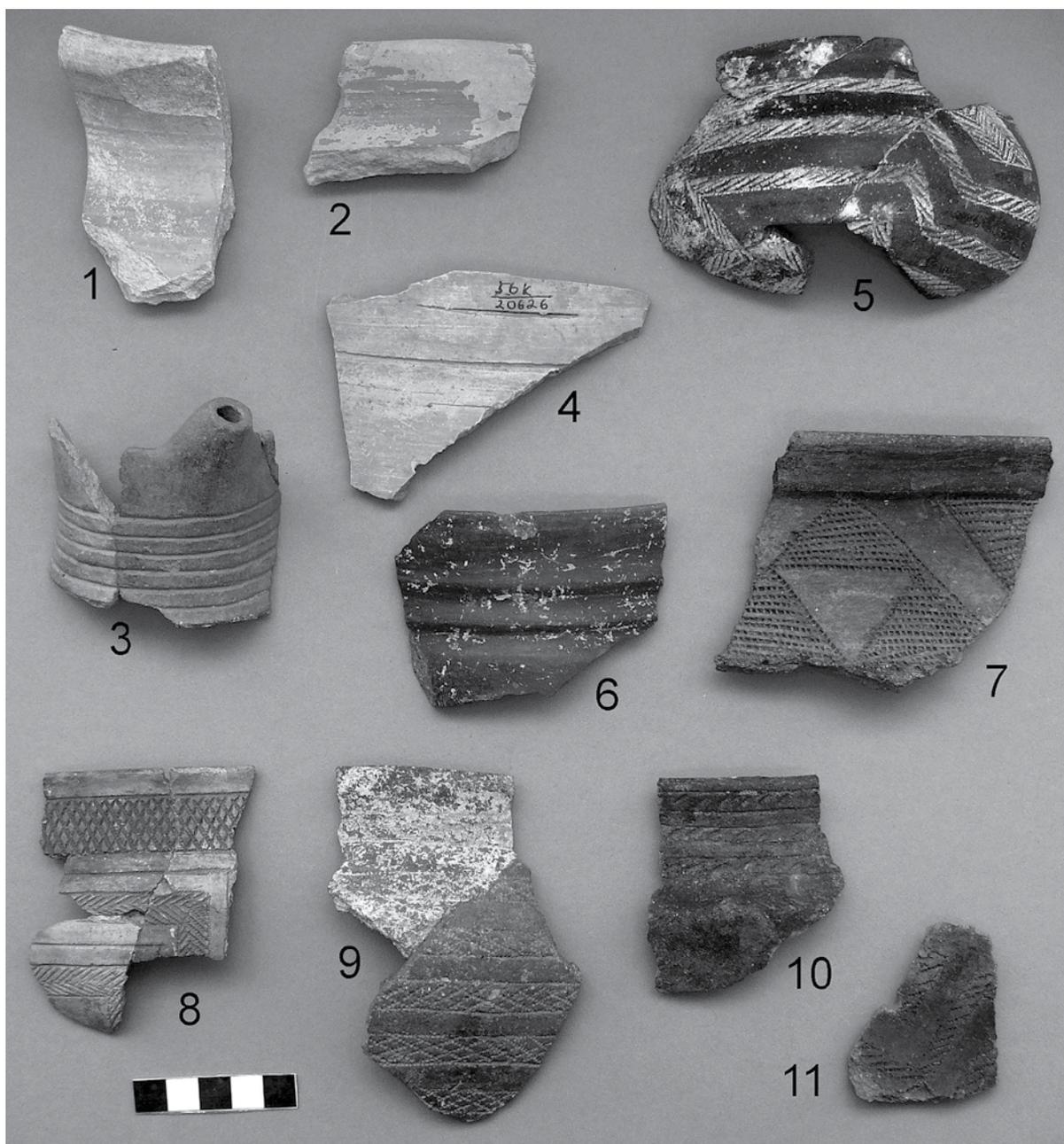

Рис. 10. Бегазы-дандыбаевская культура. Импортная среднеазиатская (1-4, 6) и андронидная (5, 7-11) керамика. Поселение Кент.

увеличивается в могильниках элиты. Металл из памятников субкультуры, как и керамика, отличается расширенным типологическим рядом и дополнительными категориями: втульчатые базисные и черешковые шипастые наконечники стрел, прорезное копьё, кельты сибирского типа, косторезный инструмент, зеркала, изделия из золота, сферические бляшки на шпенье, пряжки, ювелирный инструмент. Те категории костяного инвентаря, которые известны в рядовых

памятниках, присутствуют и на памятниках элиты. Но на поселениях кентского типа найдены резные изделия из кости и рога, причем не утилитарного применения. Только на этих поселениях обширна номенклатура каменного инвентаря, встречаются каменные сосуды и пращевые ядра.

Погребальные сооружения — мавзолейного типа в виде почти квадратных оград площадью до 225 м², иногда с каменной облицовкой стен и входами-тамбурами.

Рис. 11. Бегазы-дандыбаевская культура. Костяные наконечники стрел. Поселение Кент.

Высота мавзолеевых стен – до 2-3,5 м. По количеству трудозатрат мавзолеи в 20-200 раз превосходят рядовые могилы бегазы-дандыбаевцев. Вероятно, разница в размерах и высоте рядовых и элитных гробниц являлась выражением намеренной регламентации социальных признаков. Могильная камера – широкий прямоугольный или квадратный каменный ящик с погребением на уровне материка. Захоронения по способу ингумации, но встречаются остатки кремированных тел. Поза и ориентация погребенных не определяются из-за разграбленности. Внутри оград – кострища и зола. Количество сосудов – до 40-50. Кроме металлических предметов стандартных типов встречаются каменные орудия труда. Возрастает количество предметов вооружения. Кости животных в мавзолеях – овца, лошадь, корова, верблюд, собака, архар, марал.

Таким образом, целый ряд аргументов позволяет предполагать высокую степень социального ранжирования бегазы-дандыбаевцев. Бегазы-дандыбаевское общество состояло из крупных объединений племен – вождеств с сильными вождями во главе и находилось на стадии формирования государственности. Экономическими, административными, политическими и идеологическими центрами объединений вождеств были крупные поселения в ранге города – Кент, Бугулы II, Шортандыбулак, Мыржык.

Физический облик бегазы-дандыбаевцев можно представить по графическим реконструкциям, сделанным по черепам двух мужчин из могильника Енбек-Суйгуш, расположенном рядом с поселением Кент³.

3 Автор реконструкций старший научный сотрудник Лаборатории пластической антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН Т.С. Балуева. Реконструкции экспонируются в постоянно действующей музейной экспозиции «Лики предков» Карагандинского ОИКМ.

Рис. 12. Бегазы-дандыбаевская культура. Псалии из рога. Поселение Кент.

Это европеоиды северного варианта большой европеоидной расы.

Совершенно неопределенной является лингвистическая принадлежность носителей бегазы-дандыбаевской культуры, однако, допустимо ставить эту проблему. К настоящему времени в Средней Азии, на севере Афганистана и Ирана открыто множество стоянок с керамикой валикового облика (Кузьмина, 1994; 2008). Такие стоянки, оставленные зачастую на развалинах местных земледельческих поселков и городов, принадлежали степнякам с культурой бегазы-дандыбаевского типа на путях их миграций на юг. Датировка стоянок – конец II тыс. до н.э. Чуть позже, к IX в. до н.э., историко-лингвистическими реконструкциями зафиксировано широкое распространение иранцев в Передней Азии (Грантовский, 2007, с. 383). Убедительно

доказав отсутствие предполагаемой ранее связи западных иранцев с культурой «серой» керамики, Э.А. Грантовский предположил существование их прародины в северных (т.е. казахстанских — В.В.) степях. Соглашаясь с гипотезой миграции западно-иранских групп населения из юго-восточной Европы через Кавказ, он не исключал возможность продвижения предков западных иранцев восточнее Каспия (Грантовский, 1998, с. 121, 122). Как мы знаем теперь, на территориях к востоку от Каспия до предгорий Алтая существовала бегазы-дандыбаевская культура. Этот этнокультурный массив мог генерировать те миграционные волны, которые привели к появлению нового населения Иранского нагорья «эпохи варварской оккупации» и формированию авестийского ареала племен.

Литература:

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. — Ташкент: Изд-во «Фан», 1991. — 200 с.
- Аскаров А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. — Ташкент, 1973. — 231 с.
- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В. Могильник Бегазы. Центральный Казахстан в бегазы-дандыбаевскую эпоху. — Алматы, 2008. — 111 с.
- Бобров В.В. Бегазы-дандыбаевские памятники и андронидные культуры Западной Сибири // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. — Барнаул, 2002. — С. 9-13.
- Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального Казахстана. — Караганда, 1987. — С. 56-68.
- Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевская эпоха // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. — Алматы, 2004. — С. 148-173
- Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен в Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. — М., 1986. — С. 126-151.
- Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Поселения Черноозерье I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века Лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург, 1993. — С. 67-111.
- Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. — М., 1998. — 343 с.
- Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2007. — 510 с.
- Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. — № XVI. — 1952. — С. 129-162.
- Евдокимов В.В. Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол // СА. — 1975. — № 4. — С. 163-172.
- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. — Караганда, 2002. — 138 с.
- Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. — Алма-Ата, 1987, — С. 64-94.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей: основы периодизации. — Свердловск, 1988. — 176 с.
- Зданович С.Я. Культура финальной бронзы Северного Казахстана // Сборник научных трудов по гуманитарным наукам. — Караганда, 1974. — С. 317-321.
- Иванов Г.Е. Керамический комплекс поселения Суслово I // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. — Барнаул, 2004. — С. 49-56.
- Исмагил Р. Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели // Уфимский археологический вестник. — Уфа, 1998. — Вып. 1. — С. 3-6.
- Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. — М.: Наука, 1977. — 237 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. — М., 2001. — 295 с.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. — Алматы, 1992. — 248 с.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — 635 с.
- Клейн Л.С. Миграция: археологические признаки // Stratum plus. — СПб.-Кишинев-Одесса, 1999. — № 1. — С. 52-71.
- Коренько В.А. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа) // СА. — 1990. — № 2. — С. 28-40.
- Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. — 1948. — Вып. XVII. — С. 57-181.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии: материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. — М., 1994. — 464 с.
- Кузьмина Е.Е. Арии — путь на юг. — М., 2008. — 558 с.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1979. — 358 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1966. — 435 с.
- Марьяшев А.Н. Горячев А.А. Поселения эпохи бронзы в верховьях устья Тургень и на плато Асы // История и археология Семиречья. — Алматы, 2001. — Вып. 2. — С. 112-123.
- Матюшенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 1. Еловский I курганный могильник. — Омск, 2001. — 62 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск, 1985. — 200 с.
- Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Тр. ИИАЭ. — 1958. — Т. 5. — С. 216-294.

Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Находки бронзовых предметов с территории Кулундинской степи // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул. 2006. – С. 83-96.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобья. – М., 1985. – 376 с.

Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // ИГАИМК. – 1935. – Вып. 110. – С. 40-48.

Ситников С.М. Саргаринско-алексеевская культура лесостепного и степного Алтая. Автореф. дис... канд. ист. наук. – Барнаул, 2002. – 21 с.

Сорокин В. С. Жилища поселения Тасты-Бутак // КСИА. – 1962. – Вып. 61. – С. 51-61.

Ткачев А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – Ч. 1. – 289 с.

Ткачев А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – Ч. 2. – 243 с.

Ткачев А.А. Дандыбаевская культура: проблемы происхождения и датировки // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул, 2003. – С. 371-378.

Ткачева Н.А. Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1997. – 19 с.

Федорук А.С. Этнокультурное взаимодействие древнего населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2006. – 22 с.

Федорук А.С. Культурогенез древнего населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Изв. АлтГУ. – 2008. – № 4-2 (60). – С. 202-209.

Хлопин И.Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. – Л., 1983. – 250 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. – 1960. – № 88. – 276 с.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валяковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983. – С. 81-99.

Черных Е.Н. Общность культур валяковой керамики (к постановке проблемы) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. – М., 1984.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи // МИА. – 1972. – 182. – 248 с.

Alan K. Outram, Alexei Kasparov, Natalie A. Stear, Victor Varfolomeev, Emma Usmanova and Richard P. Evershed // Patterns of pastoralism in later Bronze Age Kazakhstan: new evidence from faunal and lipid residue analyses. В печати.

Түйін

Мақалада беғазы-дәндібай мәдениетінің басты мәселелерімен байланысты – кесене типтес қорымдарымен білік қыш ыдыстары бар тұрақтардың арақатынасының негізгі сипаттамалары беріледі. Бірқатар археологтардың пікірлері бойынша ескерткіштедің бұл екі топтары екі әртүрлі синхронды мәдени дәстүрді көрсетеді. Бірінші дәстүр – сарғары-алексей – білік қыш мәдениетінің қоғамымен байланысты және тұрақтар материалдарымен танымал. Екінші – беғазы-дәндібай мәдениетінің – дәстүрдің пайда болуы Оңтүстік Сібірден келген қарасук күшімен көрсетеді. Бұл гипотезаның жақтасарына қарсы шыға отырып, автор қыш ыдыстардың субстрат және суперстратты кешендерін анықтайды және Қазақстанның андрон дәуірінен кейінгі ескерткіштердің барлығын Еуразияның білік қыш мәдениетінің қоғамына кіретін беғазы-дәндібай мәдениетіне жататындығы жайлы қорытындыға келеді. Мәдениет территориясы – Қазақстанның далалы және орман-даласы, Жетісу, далалы Алтайды қоса Батыс Сібірдің оңтүстігі. Мәдениеттің хронологиялық шегі – б.д.д. XIV-IX ғғ. Шаруашылықтың жетекші бөлігі – мал шаруашылығы. Этно-лингвистикалық қатынасында беғазы-дәндібайлықтар батыс ирандықтардың ата тегімен салыстырылады.

Summary

This article discusses the characteristics of the Begazy-Dandybay culture in relation to an underlying problem- the ratio between the burials and settlements and the presence of garlanded ceramics. According to some archaeologists, two different groupings of gravestones represent two different yet synchronous cultural traditions. The first traditional definition, the Sargary-Alekseyevka, is linked to the presence of garlanded ceramics in the material culture of settlements. The origin of the second traditional definition of the Begazy-Dandybay is based on the influence from the Karasuk culture in Southern Siberia. The author opposes this separation and identifies the substrate and supersubstrate ceramic complexes and identifies the origin of all post-Andronovo sites in Kazakhstan to be from the Begazy-Dandybay culture, which is part of a larger garlanded ceramic culture of Eurasia. This larger garlanded ceramic culture covers the steppe and forest steppe of Kazakhstan, the Semirechye, and the area south of Siberia including the Altaic steppe. This culture stretches from the 14th to 9th centuries B.C. and was economically based on cattle. Ethno-linguistically this culture is associated with the ancestors of the Western Iranian.

Рис. 13. Бегазы-дандыбаевская культура. Псалии из рога и другие изделия. Поселение Кент.

Рис. 14. Бегазы-дандыбаевская культура. Изделия из рога и кости. Поселение Кент.

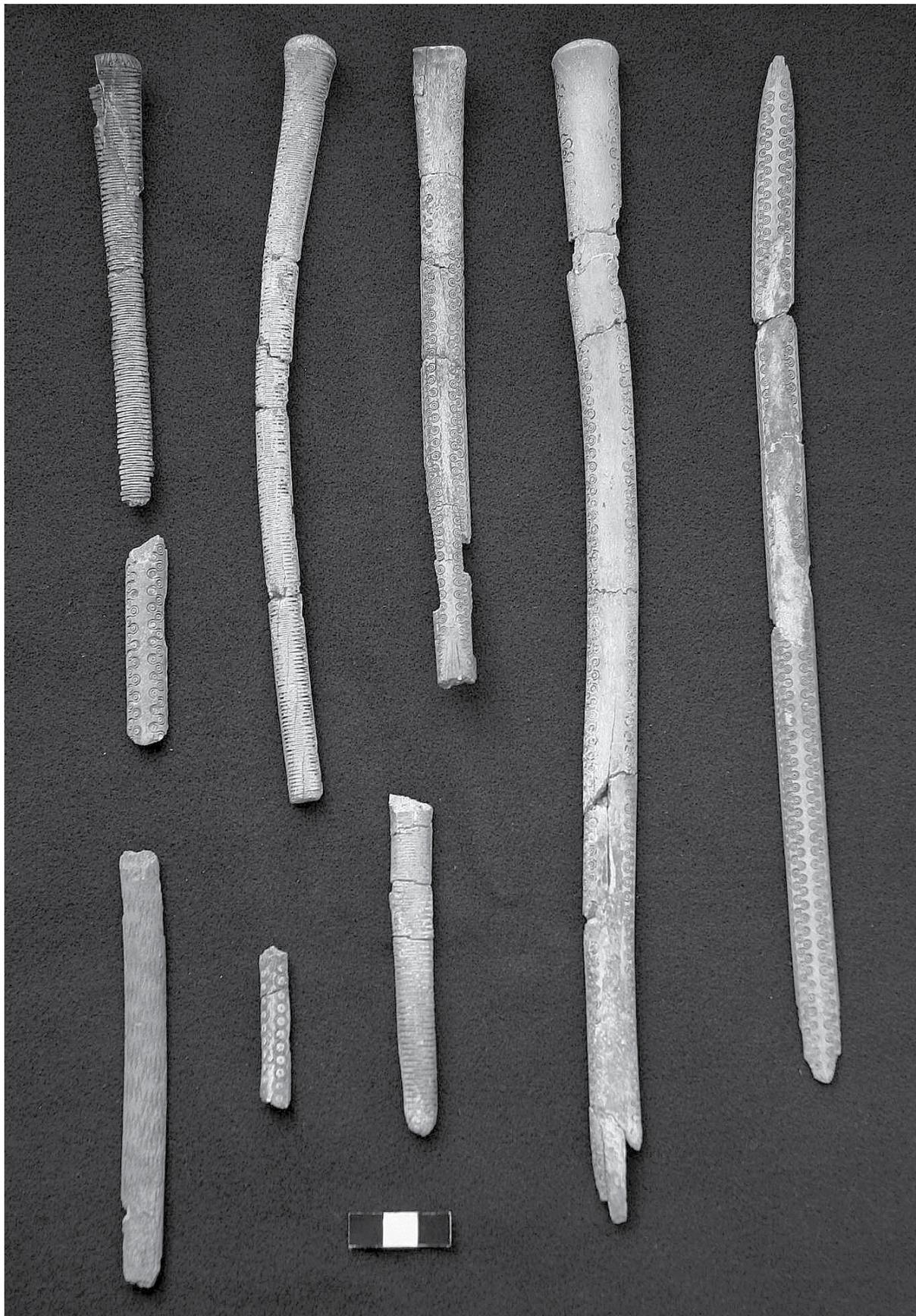

Рис. 15. Бегазы-дандыбаевская культура. Изделия из рога и кости.
Поселение Кент.

Рис. 16. Бегазы-дандыбаевская культура. Костяные броши. Поселение Кент.

Рис. 17. Бегазы-дандыбаевская культура. Гребень. Кость. Поселение Кент.

Рис. 18. Бегазы-дандыбаевская культура. Резной диск из рога. Поселение Кент.

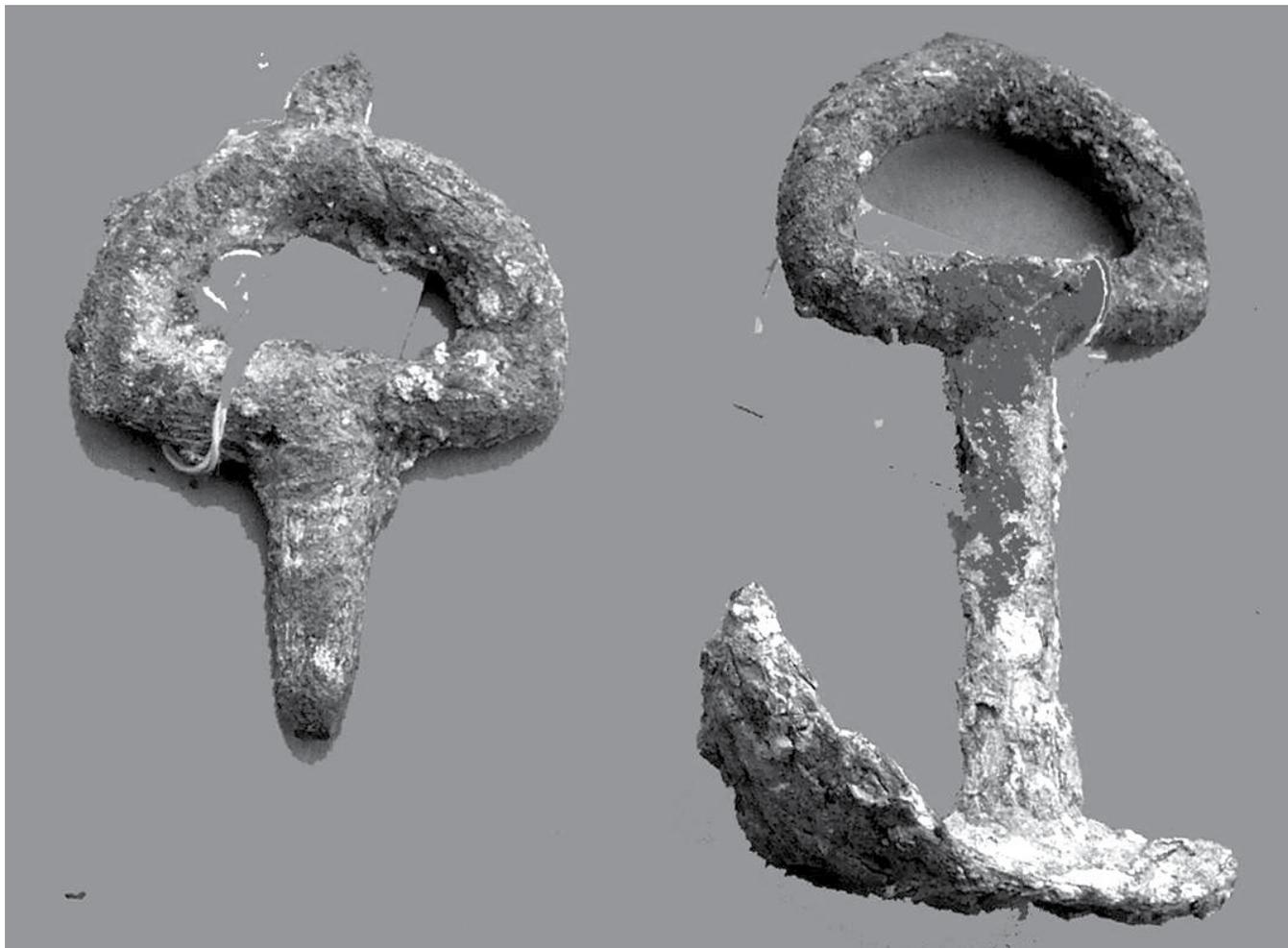

Рис. 19. Бегазы-дандыбаевская культура. Бронзовые удила. Поселение Кент.

Рис. 20. Бегазы-дандыбаевская культура. Бронзовые серпы-косари. Поселение Кент.

Рис. 21. Бегазы-дандыбаевская культура. Орудия из камня. Поселение Кент.

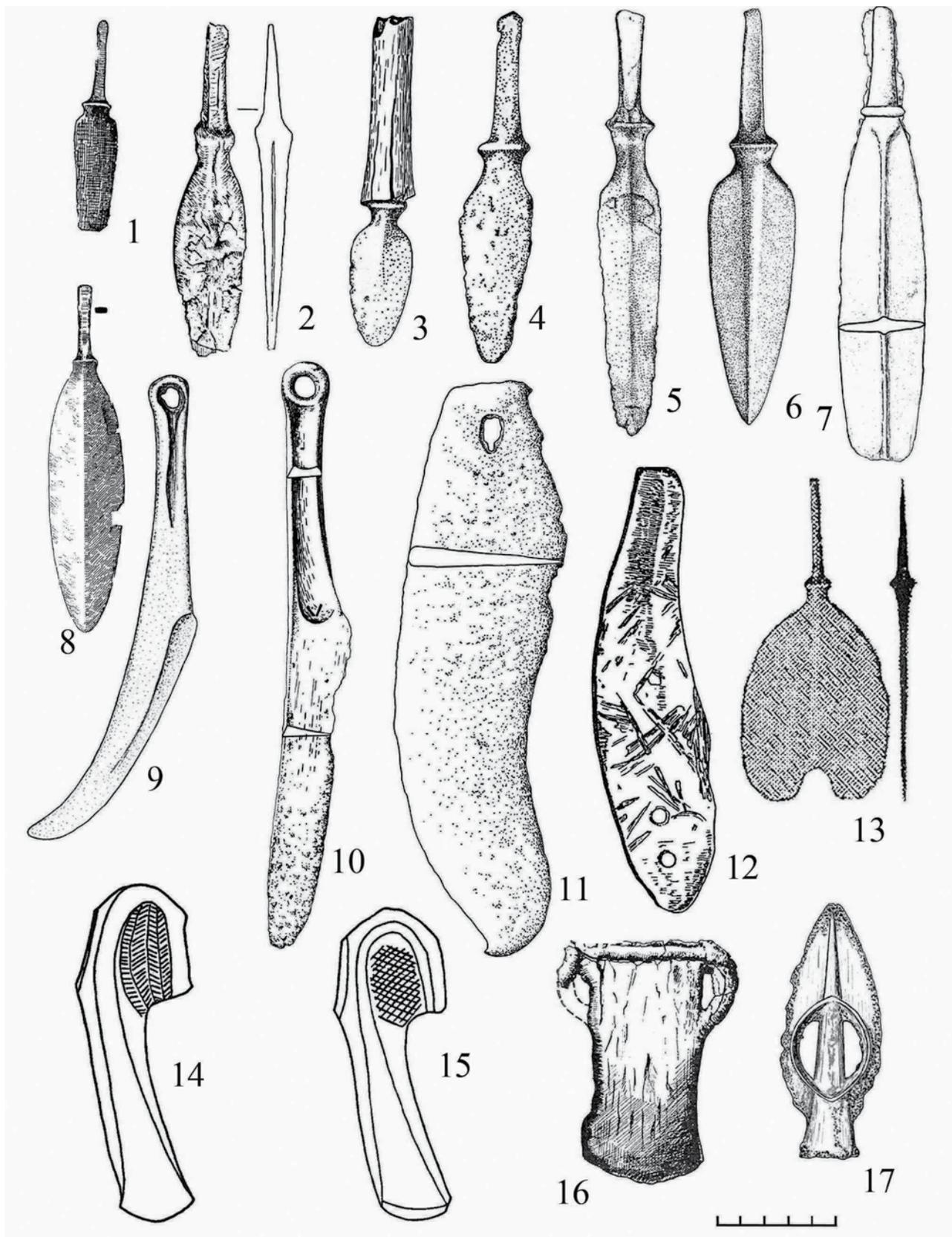

Рис. 22. Бегазы-дандыбаевская культура. Металлические изделия. Ножи-кинжалы (1-8), ножи (9, 10), серпы-косари (11-12), нож-бритва (13), топоры (14, 15), кельт (16), наконечник копья (17). 1 – Боровое; 2 – Атасу I; 3, 4, 7-11, 17 – Кент; 5, 6 – случайные находки из Кулунды; 8 – Тагискен; 12 – Малокрасноярка; 13 – мог. Саргары; 14 – Змеиногорск; 15 – Сукулук I; 16 – пос. Акмуштафа. По: Аванесова Н.А., 1991; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2002; Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992; Маргулан А.Х., 1979; Оразбаев А.М., 1958; Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б., 2006; Черников С.С., 1960.

Рис. 23. Бегазы-дандыбаевская культура. Бронзовые изделия. Поселение Кент.

Рис. 24. Бегазы-дандыбаевская культура.
Бронзовый наконечник копья.
Поселение Кент.

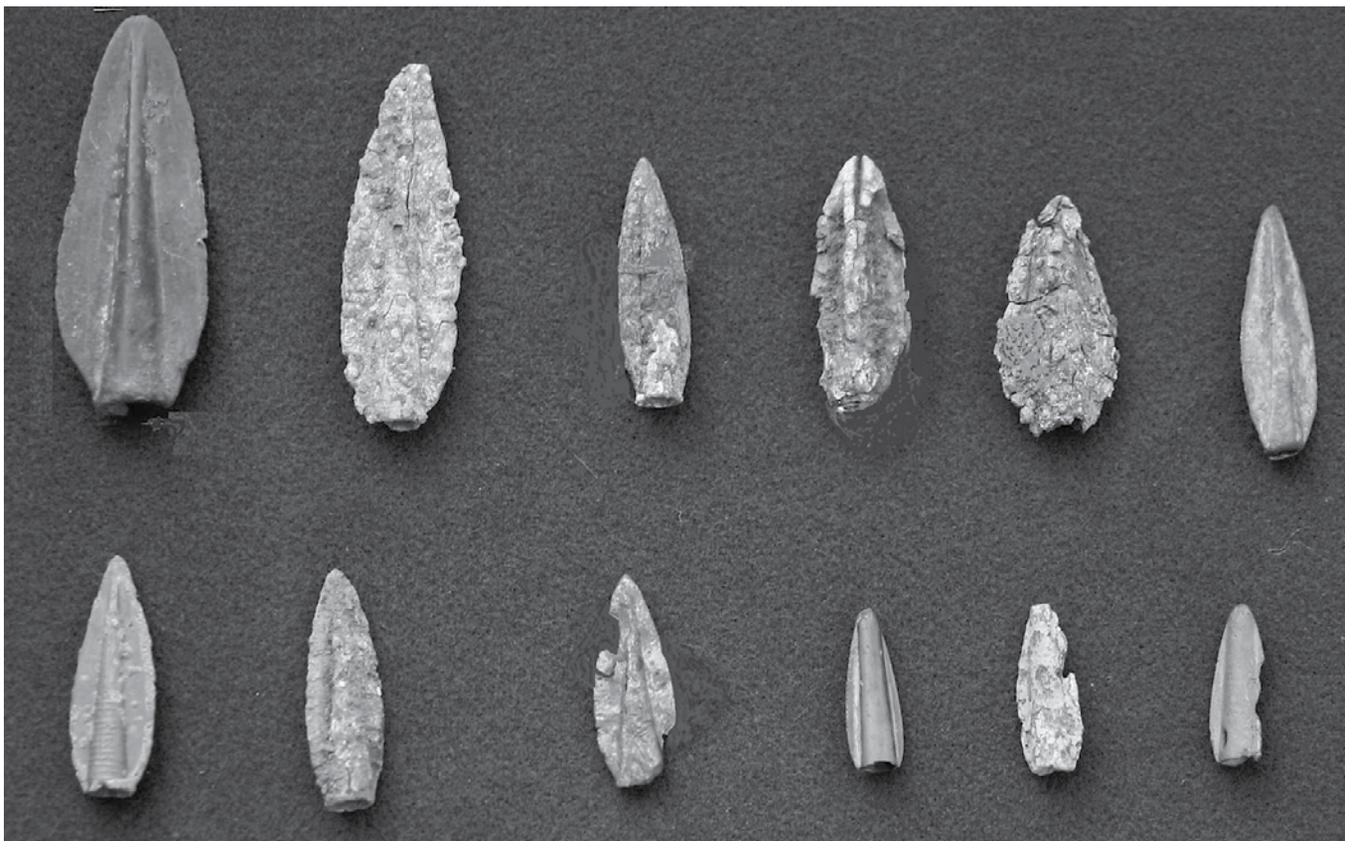

Рис. 25. Бегазы-дандыбаевская культура. Бронзовые наконечники стрел. Поселение Кент.

Рис. 26. Бегазы-дандыбаевская культура. Погребальные сооружения первого типа. Могильник Кент I (Тасырбай). Раскопки 2011 г.

Рис. 27. Бегазы-дандыбаевская культура. Погребальные сооружения второго типа. Могильник Бегазы. Вид после реставрационных работ.

Рис. 28. Бегазы-дандыбаевская культура. Погребальные сооружения третьего типа. Могильник Тегисжол.

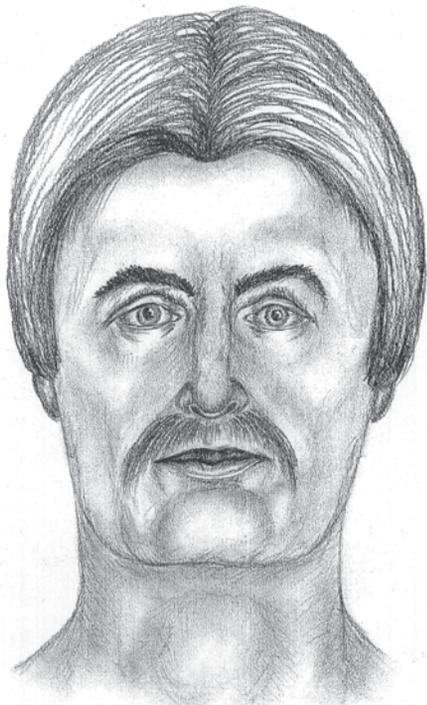

Рис. 29. Бегазы-дандыбаевская культура. Графическая реконструкция лица по черепу (антрополог Т.С. Балуева). Могильник Енбек-Суйгуш.

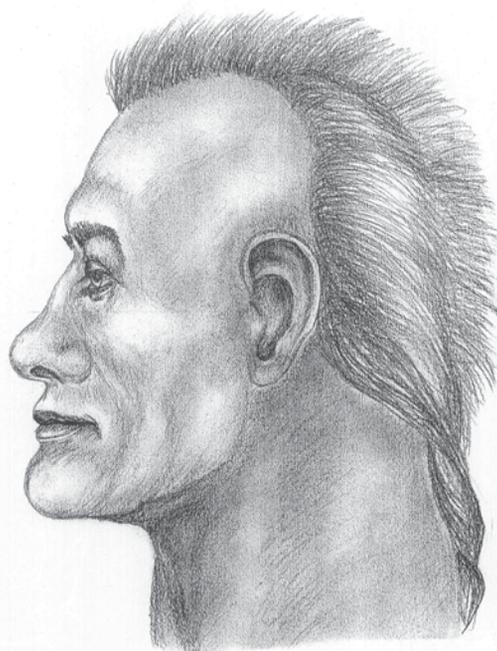

Рис. 30. Бегазы-дандыбаевская культура. Графическая реконструкция лица по черепу (антрополог Т.С. Балуева). Могильник Енбек-Суйгуш.

Древнее горное дело Центрального Казахстана

Богатейшая меднорудная сырьевая база, задействованная в полной мере металлургами племен, населявших во II тыс. до н.э. Центральный Казахстан, – вот источник их расцвета и богатства. Медь и бронза были востребованы, был спрос внутри региона и далеко за его пределами. Спрос рождает предложение – основной принцип обмена, зародившегося в глубокой древности, обмена товара с натуральными свойствами. Таким первостепенным товаром племен региона, начиная со II тыс. до н.э., являлся металл и, в первую очередь, медь, бронза, железо, серебро и изделия из них.

На протяжении многих лет казахстанскими археологами были исследованы древние медные месторождения, которые можно условно

систематизировать в три группы по местонахождению: Жезказганские, Успенской зоны и Саякские (рис. 1).

Жезказганский меднорудный район расположен в западной части Сарыарки, в южных предгорьях Улытауских гор.

Более 90% запасов меди в недрах Жезказгана приходится на сульфидные руды, остальные 10% составляют окисно-сульфидные и окисленные руды. Зона окисления, в основном, характерна для залежей, имеющих выход на дневную поверхность. Наибольшая глубина зоны окисления достигает 60 м, в большинстве же случаев она не превышает 30-40 м, а иногда и 10 м (Сатпаев, 1961, с. 12-13).

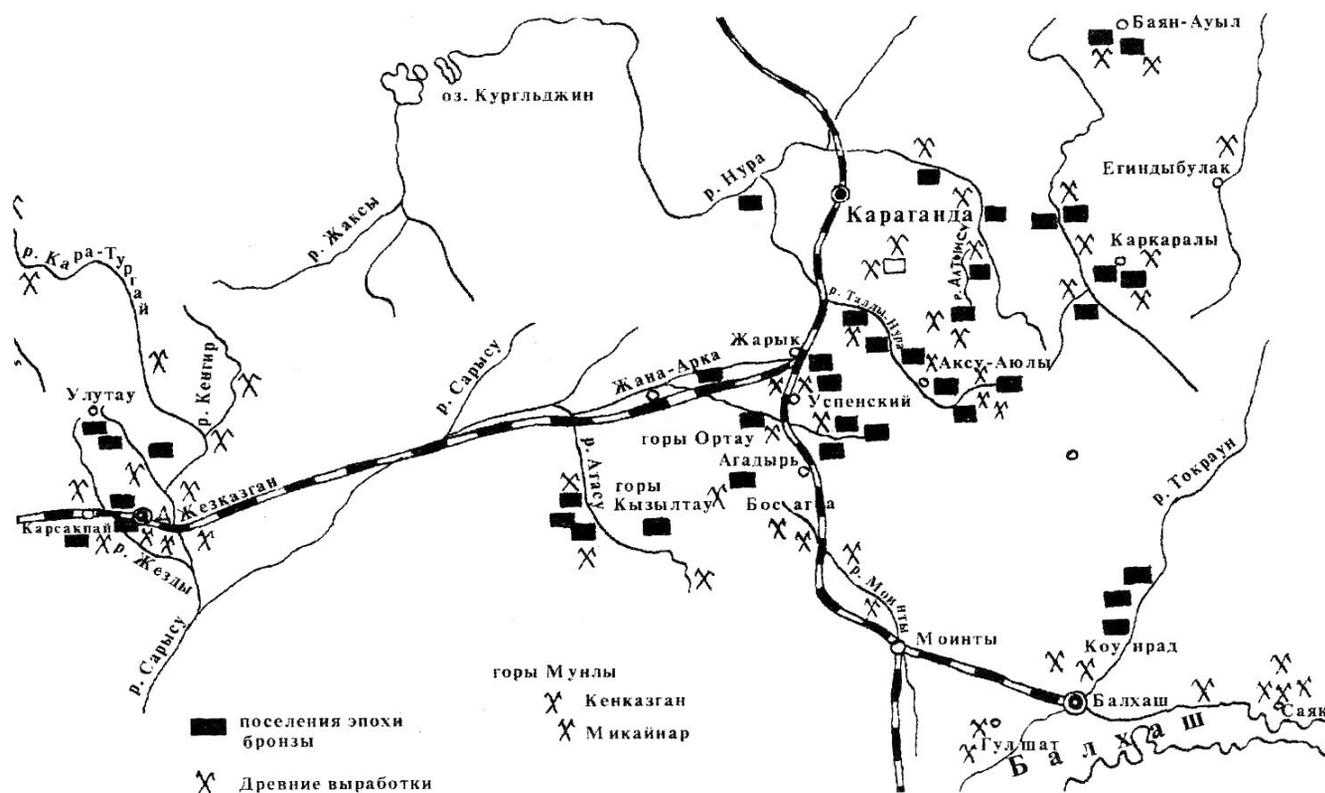

Рис. 1. Древние рудники и поселения Центрального Казахстана

Среди древних разработок Жезказгана наибольший интерес представляют следующие рудоносные районы: «Петро», «Покро», «Златоуст», «Раймунд», «Спасский», «Никольский», «Анненский», «Кресто-Восток», «Кресто-Центр», «Кресто-Запад», «Кресто-Юг» и др.

Наиболее богатый по запасам и составу рудник «Кресто» расположен недалеко от поселения металлургов эпохи бронзы Милыкудык, исследован в 1950-х гг. А.Х. Маргуланом и Н.В. Валукинским. Среди других рудных районов Жезказгана месторождение «Кресто» обладает наиболее расчлененным, холмистым рельефом. На этой холмистой местности рудоносный район делится на четыре микрорайона: Кресто-Восток, Кресто-Центр, Кресто-Запад и Кресто-Юг.

Во второй половине XX в. были исследованы древние медные месторождения и рудники Успенско-Спасской зоны, находящиеся на территории Шетского района Карагандинской области. К ним относятся медно-свинцовое месторождение Бешоки, месторождения Алмалинской группы (Ольгинское, Алмалы, Алмалы, Акбиик, Жаманкойтас, Сарыадыр, Сырганак, Караоба), Кайрақты, а также рудники Спасской группы и Жетымшоки Босага, Сарыбулак (Ильинское), Кенказган, Огызтау, Алтынтобе, Саяк I-V, Молдыбай, Берккара, Жамбас, Тастау, Конрат, Соқыркой, Гулшат, Бешоки, Алмалы I-II, Куздеадыр, Акбуйрат, Жетымшоки, Нельды (Успенское) и многие другие, относящиеся к Успенской зоне (Жауымбаев, 1985, с. 113-121).

В 1977 г. поисковая партия Центрально-Казахстанской археологической экспедиции исследовала древний медный рудник Босага, находящийся в 3 км к юго-западу от железнодорожной станции Босага Шетского района Карагандинской области.

При осмотре местности зафиксировано 18 карьеров небольших размеров и одна шахта. Древние разработки расположены у подножья небольшой сопки, направлением СВ-ЮЗ.

Выработка № 1 самая большая среди всех карьеров, длиной 19,5 м, шириной 10 м, при глубине — 6-8 м. На дне карьера имеется геологический шурф. Отвал только на северо-западной стороне имеет в ширину 7 м, в высоту 1,2 м.

Выработка № 2 небольшого размера в виде прямоугольника, длина его — 7 м, ширина — 4 м, глубина — 9,4-9,5 м. Поскольку все карьеры расположены у подножья горы, отвалы повсеместно встречаются только на северо-западной ее стороне.

Выработка № 3 продолговатой формы, длиной 11,5 м, шириной 4,5 м, при глубине 0,4 м. Выработка № 4 среднего размера, длиной 8 м, шириной 5 м и незначительной глубиной.

Выработка № 5 овальной формы, длиной 8 м, шириной 4,5 м, глубиной 0,8 м. Остальные зафиксированные выработки также представляют собой открытый карьер средней и малой величины.

Древняя шахта расположена между карьерами №№ 2 и 3 наверху сопки. Глубина шахты 3 м, при ширине устья — 1 x 1,2 м. На дне имеются две камеры по направлению медоносной жилы. Длина одной камеры — 6,5 м, другой — 4 м, при высоте от 0,5 до 0,8 м. Дно завалено. Вокруг шахты имеются отвалы, шириной до 7 м, состоящие из небольших кусков малахита и азурита (рис. 2).

Древний рудник на медь Сарыбулак, находящийся в 18 км к СВ от поселения металлургов Атасу I, в районе поселка им. К. Мынбаева Шетского района Карагандинской области. Из шести исследованных карьеров Сарыбулака, три (выработки №№ 2-4) были раскопаны. В результате раскопок найдены фрагменты керамики (21 экз.), каменные орудия. Горловины

Рис. 2. Древние выработки Центрального Казахстана

большинства сосудов широкие, плавно переходящие в едва раздутое тулово. На двух орнаментированных фрагментах керамики встречаются каннелюры, в одном случае – двухрядный каннелюр по шейке. На других фрагментах нанесены косые насечки и горизонтальные штрихи по тулову. Остальные фрагменты керамики составляют боковые стенки баночного сосуда, который не имеет орнамента.

Спектральный анализ пород из рудника Сарыбулак показал, что состав руды неоднородный. Содержание меди – 3,5%, свинца – 0,8%, цинка – 1,0%.

Раскопки отвалов других карьеров дали каменные орудия древних рудокопов. В отвале карьера № 2 на глубине 40 см найдено рубящее орудие с сохранившейся рабочей частью. При раскопках отвала карьера № 3 извлечен обломок крупного каменного молота из эффузивной породы.

Вполне вероятно, что рудник Сарыбулак и поселение металлургов Атасу I функционировали одновременно.

Древняя разработка Кенказган расположена в 18 км южнее горы Мунлы Жанааркинского района Карагандинской области. Здесь был исследован большой карьер длиной около 500 м, в северо-западной части которого сохранилось пять выработок небольшой площади. В том же году были изучены: древняя шахта на медь Огызтау, находящаяся в 5 км к юго-западу от поселения Мыржык; рудник Алтынтобе, где были найдены многочисленные фрагменты керамики эпохи бронзы.

Успенско-Спасский рудный пояс прослеживается в северо-восточном направлении от Атасуского рудного района на западе до района Карагайлы на востоке, имеет общую протяженность свыше 400 км и 150-200 км.

На окисленных участках Успенско-Спасского рудоносного пояса имеется множество медных, медно-свинцовых и медно-свинцово-цинковых месторождений, которые разрабатывались еще в глубокой древности.

Среди них в Атасуском рудном районе сконцентрированы Сарыбулакское (Ильинское),

Кенгазганское, Босагинское, Огызтауское медные месторождения. В 1978 г. поисковой группой обследована древняя шахта Огузтау. Она находится на южной подошве одноименной горы, в 4 км к ССЗ от поселка им. К. Мынбаева Шетского района Карагандинской области. В 5 км на запад от поселения эпохи бронзы Мыржык и в 15 км от поселения Атасу I находится древняя шахта.

Шахта напоминает большой котлован длиной 10 м, шириной 9 м, при глубине 5 м. Проходка велась по направлению меднорудной жилы. На глубине 3 м имеется камера длиной 3 м, шириной 2 м, высотой 1,4 м. Дно завалено. В западной части шахты в двух местах заложены геологические шурфы, глубиной около 1 м. На стенах шахты и шурфа хорошо видны мощность и направление рудной жилы. Мощность жилы около 2 м. Вся поверхность вокруг шахты сопровождается небольшими отвалами, состоящими из кусков малахита и азурита.

Самый юго-западный куст Спасско-Успенской зоны – медное месторождение Кенказган. Оно находится в северной Бетпакдале в 18 км к юго-востоку от горы Мунлы Жанааркинского района Карагандинской области.

С поверхности рудник отмечен крупным заброшенным карьером, который имеет протяженность в 500 м, ширину до 100 м и высоту стенок над современным дном 5 -10 м.

Успенская тектоническая зона включает в себя также множество древних разработок: медно-свинцовое месторождение Бесшоки (Бес-чеку), месторождение меди Алмалинской группы (Ольгинское-Алмалы, Алмалы-Акбиик, Жаман Койтас, Сары Адыр, Сырганак, Караоба), медно-свинцово-цинковое месторождение Кузде Адыр (Кузю-Адыр), медно-баритовое месторождение Кайракты и медные месторождения вокруг Успенского рудника (Жауымбаев, 2001, с. 113).

Спасская зона включает в себя древние медные месторождения Спасской группы (Спасские и Воскресенские рудники), месторождение меди Жетым Шоки (Жетым-Чоку), медное месторождение Алтын Тобе на реке Алтынсу.

Успенское медное месторождение находится на территории Жанаркинского района Карагандинской области, близ ст. Нельды в слабо всхолмленной степи. Рудник относится к типу жильных месторождений, подчиненных песчанникам и сланцам. Орудноносность окисленной зоны представлена прожилками, вкрапленной медной зеленью (малахит), медной лазурью (азурит) и самородной медью. Окисленные руды распространены до глубины 30 м, с содержанием меди в руде до 16%.

Развалины Спасского завода и заброшенные рудники находятся в урочище Акбюйрат Адыр, на небольшой р. Кок озек, притоке р. Сокур, в 42 км к югу от г. Караганды.

Спасский медный рудник расположен в 1,5 км к востоку от завода. Местность слабохолмистая. Воскресенский рудник находится в 6 км к северо-востоку от Спасского завода. Представлен он сильно осветленными порфиритами, густо окрашенными медной зеленью и синью. Разработки велись здесь, в основном, глубокими разрезами, теперь завалившимися.

Месторождение Бес Шоки (Бес-Чоку). Рудник расположен среди мелкосопочника, в урочище Кеншоки, к югу от конусообразной сопки того же названия, в 12 км к ЮЮЗ от поселка «Кеншокинский» Шетского района Карагандинской области. Урочище Кеншоки и горы Бесшоки находятся в 3-5 км к западу от месторождения. К месторождению Бесшоки с севера тяготеют месторождения Алмалыкской группы и Сарыоба, еще севернее – Алабуга. На востоке от Бесшоки известны месторождения Куздеадыр и Караоба. В зоне окисления встречаются гипергенные минералы – азурит, вад, малахит и другие. Наиболее распространены малахит и церуссит. Общая длина рудоносной жилы Бесшоки равна 220 м.

Алмалинская группа медных месторождений находится в Центральной части Успенской зоны смятия к северу в 20 км от Бесшоки, в 3 км к востоку от участка Кабанбай Шетского района Карагандинской области. В этой группе объединены месторождения Ольгинское-Алмалы (Ольгинское-Акбиик), Сарыадыр, Жаман Койтас, Новая жила, Сырганак, Караоба.

Свинцово-медное месторождение Куздеадыр лежит в урочище Куздеадыр в 20 км к северу от пос. Акчатау и в 17 км к западу от поселка Акчатау Шетского района Карагандинской области.

Оруденение представляет собой 8 параллельных между собой кварцево-рудных жил, образующих целую систему.

На восьми жилах нами зафиксировано 49 выработок открытого типа. Жила № 1 является самой восточной с 11 выработками, расположенными по направлению рудной жилы длиной 250 м.

Медное месторождение Алтынтобе находится на правом берегу р. Алтынсу (левый приток реки Нуры), у подножья горы, в 20 км к югу поселка «Пролетарский» Бухаржырауского района Карагандинской области.

В 1980-х гг. поисковой группой ЦКАЭ обнаружены и исследованы на Алтынтобе 24 древние выработки разного размера и глубины. По технике разработки эти выработки относятся к типу открытых карьеров овальной и круглой формы, размерами от 2 до 33 м длиной, от 1 до 20 м шириной, 0,2-5 м глубиной. Здесь же была обнаружена частично заваленная шахта глубиной 2 м, с размерами устья 2 x 1 м.

Саякская группа (древние рудники Молдыбай, Саяк I-V, Беркара-жильная, Тастау, Жамбас) находится к востоку от г. Балхаша на расстоянии 180 км, а месторождение Конрат – в 17 км к северу от города. Полиметаллическое месторождение Гулшат расположено в 50 км к юго-западу от г. Балхаша. На этих рудниках были исследованы сотни разработок.

Месторождение Саяк находится в Северовосточном Прибалхашье в 45 км на север от оз. Балхаш и в 170-180 км к востоку от г. Балхаш. Группа сопки Саяк (сюда входят месторождения Малдыбай, Саяк I-V, Тастау, Беркара, Жамбас) занимает площадь около 200 кв. км.

В результате исследования нами обнаружены сотни древних разработок Саяк I-IV, Молдыбай, Тастау, Беркара-жильная и Жамбас, которые находились недалеко друг от друга.

Месторождение Молдыбай расположено в 12 км к СВ от поселка Саяк, в 200-250 м от современного карьера Саяк I. Рельеф местно-

сти – слабохолмистый. Выявлены 13 древних выработок открытого типа, которые расположены с севера на юг по направлению медного оруденения (рис. 2, 3). Рудопоявление небольшое, длиной 400 м. На этой площади расположены древние выработки разного размера. Наименьшие – это закопушки и разведочные ямы длиной 3-4 м, незначительной (0,3-0,4 м) глубины. Выработки среднего размера от 15 до 28 м длиной, при ширине 8 м и глубине 0,5-1,2 м. Большие разработки размерами от 30 до 60 м длиной, 10-20 и более метров шириной, при глубине до 4 м, окружены высокими отвалами и в нескольких местах прорезаны геологическими канавками и траншеями. Основной гипергенный минерал окисленной зоны – малахит, реже – азурит.

Месторождение Саяк I находится в 200-250 м севернее от рудника Молдыбай. На местности прослеживается несколько групп древних разработок разной величины и конфигурации. Размеры зафиксированных разработок от 7-8 м до 80-90 м длиной, 40-50 м шириной и 0,5 м глубиной. Многие карьеры прорезаны разведочной геологической канавкой, которые дают возможность проследить глубину и толщину отвала. Самый распространенный медный минерал зоны окисления составляет малахит. Нижняя граница окисленной зоны расположена, по геологическим данным, на глубине 15 м, содержание меди в окисленной руде – 6-8%.

Основная масса древних выработок расположена по линии северо-юга и занимает участок длиной 500-550 м, шириной 300-350 м. Карьеры расположены группами. Южная группа состоит из пяти выработок. Из них самая большая выработка № 4 – длиной 90 м, шириной 5-35 м. В 4 м к западу от нее расположена выработка № 3 округлой в плане формы размером 15 x 17 м.

Центральная группа находится севернее южной группы. Здесь насчитывается 39 выработок открытого типа. Самые большие длиной от 55 до 65-70 м, шириной от 5 до 30 м. Средние по размерам выработки составляют преобладающее большинство. Размеры их 5-10 x 35-40 м, глубина от 0,5 до 2 м.

Северная группа насчитывает 11 разработок, которые по размеру и форме соответствуют

средним карьерам южной и центральной группы. Кроме того, на всей площади рудника прослеживаются закопушки с небольшими, задернованными отвалами.

Месторождение Саяк II находится в 1,2 км западнее рудника Саяк I, среди небольших холмов. В настоящее время фиксируется 58 разработок типа открытого карьера, расположенных группами. В западную группу входят 12 выработок, из них одна большого размера: 85-90 м длиной, 25-27 м шириной. Глубина карьера – 2-3 м. На дне прослеживаются две ямы, глубиной 0,5 м. Остальные карьеры примерно одинакового размера.

В центральной группе 3 больших, 10 средних, около 10 малых выработок. Большие разработки размерами от 25 до 100 м длиной, от 15 до 35 м шириной, при глубине 1,2-3 м. По форме на плане одна из них круглая, две продолговатые.

В восточной группе 24 выработки, из них только одна большая: длиной 55-60 м, шириной 30 м. Остальные выработки одинакового размера: 10-15 м длиной, 5-8 м шириной. Глубина выработок восточной группы – 0,3-2,7 м.

Саяк III расположен в 3,5 км северо-западнее рудника Саяк II.

Зона, вмещающая меденосную кварцевую порфиру, насыщена древними разработками по направлению с запада на восток. В зоне меденосных кварцевых порфирах зафиксированы 23 разработки по направлению рудной жилы. По размерам выработки делятся на три группы:

Рис. 2. Древние выработки Центрального Казахстана

самые большие разработки типа карьера, размерами от 25 до 55 м длиной, от 3 до 12 м шириной, 0,9-1,9 м глубиной.

Разработки среднего размера составляют большинство. Малые закапушки размерами от 2 до 6 м длины, незначительной ширины и глубины встречаются на всей площади оруденения.

В параллельной известковисто-песчаниковой жиле расположено 28 разработок открытого типа, расположенных в широтном направлении. Разработки здесь, в основном, среднего размера, длиной от 10 до 22-25 м, при ширине 4-8 м.

Саяк IV жильный находится в 2-3 км западнее рудника Саяк III.

Медное месторождение Саяк V находится в 2 км южнее рудника Саяк IV среди мелкосопочника.

Медное месторождение Гулшат расположено в мелкосопочной местности на расстоянии 50 км к юго-западу от г. Балхаш.

Зона распространения окисленной руды небольшая: 400 м длиной, 200 м шириной. На этой площади расположены тремя группами древние разработки в широтном направлении. Всего зафиксировано 12 карьеров разного размера. Выработка № 8 наиболее мощная. Глубина ее – 6,5-7 м. Окисленные руды представлены охрами и малахитом.

Таким образом, характеризуя древние разработки Сарыарки, можно делать следующие выводы:

– отличительной чертой древних рудников Жезказганского региона является то, что выработки располагаются на небольшом промежутке друг от друга, создавая как бы огромный по масштабу металлургический куст. В состав окисленной руды и шлака входит в качестве важнейшего компонента редкий металл – рений;

– состав окисленных медных руд Успенско-Спасского пояса несколько отличается неоднородностью. Если в рудах Алтынтобе встречаются элементы аширита, то Бесшокинское месторождение отличается повышенным содержанием свинца, а Кузде адыр – свинцо-

во-цинком. Спектральный анализ руд из Кенказгана, Босага, Сарыбулака показал высокое содержание свинца, цинка, бария и железа (до 5-10%);

– что касается рудных источников Прибалхашья, то только Саякский куст окисленных руд делится на две зоны: восточная (Молдыбай, Саяк II) медно-мышьяковистая, западная (Саяк IV, Беркара) медно-кобальтовая. Гулшатское же месторождение относится к полиметаллическим и содержит в руде 6-9% цинка.

Литература:

Жауымбаев С.У. Древние медные рудники Центрального Казахстана // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1985.

Жауымбаев С.У. Горное дело и металлургия бронзового века Сарыарки. – Караганда, 2001.

Сатпаев К.И. Геология и металлургия // Большой Жезказган. – Алма-Ата, 1961.

Түйін

Орталық Қазақстанды б.з.д. II мыңжылдықтарда қоныстанған металлург тайпалардың бай мыс рудалы шикізат қорын толық шамада іске асыруы – олардың гүлденуі мен байлығының көзі. Мыс пен қоланы алу аймақ іші мен шалғай аудандардың сұранысы. Сұраныс ұсыныстан туындайды – ежелде тауарды таза сапасына айырбастаудан пайда болған айырбастың негізгі принципі. Аймақ тайпаларының осындай ең бірінші тауары б.з.д. II мыңжылдықта металл, бірінші кезекте мыс, қола, темір, күміс және олардан жасалған бұйымдар болды. Қазақстандық археологтардың көп жыл бойғы ежелгі мыс кен орындарын зерттеуі шартты түрде үш топқа: Жезқазған, Успенск аймағы және Саяк деп жүйеленді.

Summary

The richest copper ore raw material base was fully utilized by metallurgists tribes inhabiting Central Kazakhstan in the II millennium – that is the source of their prosperity and wealth. Copper and bronze were in demand, a demand within the region and far beyond. Demand creates supply – the basic principle of exchange, which originated in ancient times, the exchange of goods with natural properties. In this primary commodity tribes of the region, starting from the II century BC, was the metal and, above all copper, bronze, iron, silver and articles thereof. For many years archaeologists have studied Kazakh ancient copper deposits, which can be divided into three groups according to their location: Zhezkazgan, Uspenskaya and Sayanskaya zones.

Новоженев В.А.

Азиатские колесницы

(к проблеме выделения азиатского колесничного комплекса)

Открытие Аркаима и Синташты в 70-е годы прошлого века значительно стимулировало интерес археологов к колесничной проблематике. Некоторые результаты и современное состояние проблемы описаны в недавней коллективной монографии (Кони, колесницы..., 2010), в которой подробно рассмотрены вопросы domestikации лошади; лингвистики; антропологии; этнической истории; палеодемографии; реконструкции оголовья колесничных лошадей, деталей упряжи (эволюция псалиев) и анализа памятников с колесничной атрибутикой путем выделения блоков колесничных культур в степной Евразии или колесничных комплексов, что представляется наиболее удачной мерой.

Настоящая статья посвящена сравнительному анализу урало-казахстанского и древнекитайского колесничных комплексов.

К началу 2 тыс. до н.э. в степных обществах Евразии сложились все необходимые предпосылки для использования легких, быстрых и маневренных конных экипажей — колесниц. Они разрабатывались, при несомненной боевой и ритуальной функции, еще и как средство управления огромными стадами домашних животных, прежде всего — очень мобильных и малоправляемых табунов лошадей, и для охоты, которая служила важным источником пополнения ресурсов этих социумов. Функция разведки — поиска новых плодородных пастбищ и обследования новых степных территорий, также была актуальной. Кроме того, парная запряжка сама по себе уже была самым эффективным этапом и действенным средством приручения лошади.

Эволюция транспортных средств в степи предшествующего периода свидетельствует о серьезных попытках модернизации тяжелой четырехколесной повозки в направлении ее облегчения и повышения маневренности с целью приспособления к физиологическим особенностям нового, в сравнении с быком и верблюдом, упряжного животного — лошади. Какими бы спорными не были реконструкции двуколки из Тягуновой могилы, факт ее находки есть яркое доказательство таких попыток (Чередниченко, Пустовалов, 1991; Новоженев, 1994).

Домestikация лошади. Древнейший центр domestikации лошади в европейской части континента представлен остеологическими материалами культуры Средний Стог II (Деревка, Репин Хутор). Существование крупного центра domestikации лошади предполагалось теоретически и в азиатской части степной Евразии (Бёкёни, 1984, с. 9-11) и блестяще подтвердилось находками из поселения Ботай в Северном Казахстане (Зайберг, 1987, с. 63-64; 2009).

Здесь 99% остеологического материала составили кости лошади. Статистический сравнительный анализ показывает сходство биометрических параметров с аналогичными материалами из Деревки, Восточной Европы, а так же синхронными энеолитическими находками из поселений Солёное Озеро I, Рошинское и из поселений эпохи бронзы Казахстана (Атасу). Это сходство дало основание отнести ботайских лошадей к одомашненной форме (Нурумов, Макарова, 1988, с. 12-20), что оспаривается многими исследователями (Косинцев, 2002). Поселение Ботай датируется финальной фазой атбасарской культуры, которая развива-

ется на местной неолитической основе с конца 4 и в 3 тыс. до н.э.

Судя по находкам из поселения Ботай, процессы доместикировки лошади в европейской и азиатской частях степной Евразии — явления синстадиальные и свойственные исключительно населению степного сообщества скотоводов.

Развитие всадничества сдерживал устойчивый стадный инстинкт лошадей, преодоление которого требовало очень длительной селекции. Кроме того, копыта лошади стирались бы под весом всадника значительно быстрее, а никаких приспособлений для их сохранения в археологических материалах пока не зафиксировано.

Прирученные лошади служили важным средством обменов степных скотоводов с оседло-земледельческими обществами. Более того, степняки в 3-2 тысячелетиях до н.э. обладали монополией на селекцию, разведение и поставку обученных лошадей.

Степные колесницы. Значительных успехов в изучении колесничных комплексов добились уральские исследователи А.В. Епимахов и И.В. Чечушков (2006, с. 168-182; 2008, с. 205-211; Кони, колесницы..., 2010, с. 182-229). В понятие «колесничный комплекс» авторы включают: собственно остатки колесниц и их частей в могилах; остатки узды — находки псалиев; комплекс вооружения колесничного, а также письменные и изобразительные источники — рисунки на сосудах и соответствующие петроглифы.

В азиатской части степной Евразии исследована теперь уже большая серия могильников и группа курганов с остатками деревянных колесниц. Памятники урало-казахстанского колесничного комплекса известны в Южном Зауралье (Синташта, Николаевка II), в Северном (Кенес, Улубай, Берлик II, Новоникольское), Западном (Танаберген 2) и Центральном Казахстане (Сатан, Ащису, Нуртай, Аяпберген, Бозинген и др.) (Зданович, 1988, с. 71-76, 138-140; Генинг и др., 1992; Евдокимов, 1981, с. 434; Ткачев, 2002, с. 161-165; Ткачев, 2007; Епимахов, Чечушков, 2006; 2008; Кукушкин, 2007; 2011). Все известные к настоящему времени находки колесниц происходят из синташтинских,

петровских и алакульских памятников Южного Зауралья, Западного, Северного и Центрального Казахстана. Опубликована информация о более 20 колесницах.

Интерес также представляет погребальный комплекс Бестамак, расположенный в пределах Торгайской ложбины, где, кроме щитковых псалиев, были зафиксированы парные и непарные конские захоронения, причем, в одном случае, три костяка в стоячем положении (Калиева, Логвин, 2008, с. 32-58).

В ранних колесничных комплексах экипаж боевых колесниц имел защитный панцирь, щит, шлем, стрекало, булаву-дубинку, копье, нож-кинжал, топор, метательное оружие дистанционного боя — сложный лук и стрелы с крупными кремневыми наконечниками.

Имитация погребения колесницы в могильнике Ащису (Казахский Мелкосопочник) демонстрирует превосходные образцы оружия — бронзовые копье сейминско-турбинского типа, нож-кинжал, крюк-багор и кремневые наконечники стрел. Из предметов колесничного комплекса выделяется костяной орнаментированный псалий и костяная орнаментированная муфта с бронзовым наконечником стрекала. К числу редких и уникальных находок относится найденный в этом могильнике острореберный медный сосуд на кольцевом поддоне. Радиоуглеродная датировка этих находок по костям погребенных лошадей определена в пределах конца 3—начала 2 тысячелетий до н.э. (Кукушкин, 2007, с. 40-65; 2011, с. 110-116).

Аналогичные стрекала найдены в синташтинских памятниках Большекараганский и Каменный Амбар—5 на Южном Урале (Епимахов, 2005, с. 114, рис. 85, 9), в могильниках Танаберген 2 (Западный Казахстан, Ткачев, 2007, с. 30, 193-194, рис. 11, 8, 9) и Бозенген (Центральный Казахстан, Ткачев, 2002, с. 230, рис. 96, 9, 12). Бронзовые крюки подобного типа также известны в синташтинских поселениях и могильниках (Кукушкин, 2007, с. 46), а более ранние — в могиле 32 с повозкой в катакомбном Ипатовском кургане, датированной по радиоуглероду второй половиной 3-го тысячелетия до н.э. (Belinskij,

Kalmykov, 2004, s. 201-220, abb. 14). Видимо, такие багры стали образцом для более поздних топоров-чеканов с крюком на длинной ручке, хорошо известных по китайским находкам из «северного комплекса».

Остатки защитного панциря обнаружены в сейминско-турбинском могильнике Ростовка, где расчищены костяные пластинки длиной до 40 см, которые покрывали этот доспех (Матюшенко, Синицына, 1988, с. 11-12, рис. 9-10). В могильнике Каменный Амбар – 5, курган 2, мог. яма 1, также найдены аналогичные костяные пластины от защитного панциря (Епимахов, 2005, илл. 13, фото 9).

Поскольку колесницы сохранились в степных могилах фрагментарно, то наибольший интерес представляет их реконструкция (Генинг и др., 1992, с. 218-219; Anthony, Vinogradov, 1995). Первые реконструкции по материалам могильников Синташта и Кривое Озеро подверглись справедливой критике (Littauer, Crouwel, 1996, p. 934, 939).

Более объективная реконструкция предпринята на основании математического анализа всей серии погребений и компьютерного моделирования (Епимахов, Чечушков, 2006, с. 168-182; 2008; Чечушков, 2011, в печати).

Другой важный вывод, сделанный этими авторами на основании анализа погребального обряда всей серии погребений с колесницами, состоит в том, что явно выделяется группа из 7 могил с «имитацией», когда «установка колесницы в погребальную камеру лишь имитировалась, обозначалась наиболее яркими чертами (колесными ямками, псалями, конями), либо колесница находилась в могиле лишь во время совершения погребального обряда, после чего извлекалась, а на дне оставались только колесные ямки. В некоторых случаях, когда размеры погребальной ямы заведомо больше, а комплекс содержит псалии и лошадей, колесница могла быть установлена без углубления колес в дно, либо в разобранном виде, как это предполагается для доно-волжской традиции» (Кони, колесницы..., 2010, с. 191-192; см.: Виноградов, 2001).

Древнекитайские колесницы. Уточнить конструкцию степных колесниц позволяют находки в чемакынах – могилах с колесницами периодов Шан-инь и раннего и позднего Чжоу, Чюнсю и Чжанго.

Наиболее полная и подробная сводка и анализ всех погребений с колесницами из Китая, опубликованы недавно Ву Сяоюнь. В этой работе она анализирует более 230 образцов реальных колесниц из погребений от эпохи Шан-инь до колесниц императора Цин Шихуана, а также особенности погребального обряда и топографии могильников, в которых они найдены. Автор также выделяет значительную серию могил, в которых зафиксирована «имитация» или установка колесниц в разобранном состоянии (Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 49-59). Автор подробно рассматривает типологию повозок, основанную на эволюции некоторых технических приемов их изготовления и практического применения (Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 22-42).

Шан-иньские чемакыны обнаружены в районе г. Аньяна, в местностях Дасыкуньцун, Сяоминтунь, а также в памятниках Гоцзячжуан, Сяотун, Цяобэй, Байдзяфын, Мейюаньджуан, Люцзяджуан, Цяньчжанда и других.

Чжоуские колесницы раннего периода происходят из чемакынов северных и, реже, центральных провинций Китая, из таких памятников как Байцяопо, Чжанзяопо, Люлихэ, Чжаогу, Чантайгуань, Шанцуньлин, Фэньшуйлин, Юиндун, Цайцзяган, Наньшангэнь, Байоцзы, Сикун, Сяохешигоу и других (Кучера, 1977; Комиссаров, 1980, с. 156-163; 1988, с. 54-56; Варенов, 1984; Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 211-231). Всего известно около 30 памятников этого периода. В общей сложности, на территории современного Китая известно более 60-ти памятников ранних периодов с колесницами.

Во всем многообразии чемакынов совершенно четко прослеживаются две традиции: установка реальных колесниц в могилу и «имитация» ее установки. Если для шань-иньского времени характерны одиночные могилы с одной колесницей (или ее имитацией), парой лошадей, одним-двумя погребенными колесничными, то в

раннежозуское и более позднее время количество разнообразных вариантов и их сочетаний существенно возрастает.

Сходство обряда и продвижение ранних андроновцев на восток. Многие исследователи китайских колесниц предполагают их заимствование из степных районов Евразии, о чем недвусмысленно свидетельствует сходство технических параметров, погребального обряда и данные письменных источников – надписи на гадательных костях и древнекитайские хроники (Кожин, 1977; 1990; Васильев, 1976; Watson, 1978, p. 1-32; Piggott, 1978, p. 32-52; vonDewall, 1986, s. 168-186; Варенов, 1980, с. 164-169; Комиссаров, 1980, с. 156-163; 1988, с. 54-56). Из степной среды заимствованы и отдельные китайские мифы, связанные с представлениями о колеснице (Евсюков, Комиссаров, 1984, с. 52-67; 1985).

В степном и китайском колесничных комплексах обнаруживаются значительные совпадения фрагментов погребального обряда: специальные канавки для колес; культовые захоронения собак; культ рыбы; отдельные жертвоприношения коней; изготовление культовых бронзовых сосудов; пара лошадей укладывается вместе с частями колесничного снаряжения – псалями; курганы с колесницами имеют особое расположение, в них похоронены только мужчины, что свидетельствует о наличии особого сословия – колесничих.

Отмечаются также следующие особенности: отсутствие в могилах вооружения (за редким исключением); украшение бортов и значимых деталей кузова повозки и наличие на дне могилы специальных канавок для колес, которые однако не использовались – колесница помещалась рядом и ее колеса не вставлены в эти канавки (Кучера, 1977, с. 135-140). Таким образом, присутствует зафиксированная в степной традиции аналогия «имитации» погребения колесницы.

Наблюдается сходство основных технических параметров иньских и жозуских колесниц со степными, при этом первые превосходят вторые по размерам колес и ширине колесной базы.

В Китае традиция изготовления колесных повозок в синхронных и более ранних памятниках не зафиксирована: не случилось и эволюции на уровне инноваций или изобретения четырехколесных повозок в более позднее время, за исключением появления грозных боевых колесниц с «серпами» и представительских экипажей с зонтами, а также увеличения кузова колесницы и превращение ее в грузовую или грузопассажирскую двухколесную крытую повозку (арбу) к концу I тысячелетия до н.э.

Во всех ранних китайских династиях письменные источники фиксируют кровавый обычай человеческих жертвоприношений и насильственного погребения подчиненных, наложниц, не родивших правителю детей, пленных и рабов (Сыма Цянь, 1972). Многие обстоятельства погребального обряда степных могил с колесницами недвусмысленно свидетельствует о наличии такого обычая (Генинг и др., 1992, с. 210 и след.).

Ярким доказательством продвижения степных раннеандоновских социумов в восточном направлении является значительная серия мумий европеоидного облика, зафиксированная в пустыне Тарим, низменности Такламакан, в Синцзян-Уйгурском Автономном округе Китая и представленная ныне в специальном зале Исторического музея г. Урумчи.

Памятники этого типа расположены на тех же самых трассах, по которым позднее проходил Великий Шелковый путь. Раскопки многочисленных могильников этой серии дают уникальную информацию об этой миграции: комплекс керамики, особенности погребальных сооружений и обряда, которые позволили датировать эти памятники 18-17 вв. до н.э. (QiXiaoshan, WangBo, 2008).

К. Йеттмар, анализируя материалы могильника Гумгоу, расположенного в северо-западной части Синцзяна, предполагает идентификацию их с прототохарами – европеоидами, мигрировавшими сюда из западных районов Евразии около 1500 г. до н.э. и в материальной культуре которых есть некоторые черты, характерные и для носителей каракольской (афа-

насевской) культуры Алтая (цит. по Кубарев, 2006, с. 49).

Сохранившаяся в этих могилах женская одежда очень напоминает реконструкции, выполненные Э.Р. Усмановой (2010) по алакульским и андроновским женским костюмам и украшениям: климатические условия пустыни «законсервировали» многие недоступные в степной археологии артефакты, такие как одежда, красивые женские платья красного цвета, окрашенные минеральными красителями изделия из шерсти и шкур, многочисленные деревянные вещи и предметы.

На всей территории Ордоса встречаются многочисленные кинжалы и ножи сейминско-турбинского и карасукского типа с бубенчикообразными или зооморфными навершиями, вислообушные топоры, копья и др. Эти предметы, типичные для колесничного комплекса вооружения, имеют ярко выраженные северные, степные черты, что свидетельствует о существовании развитого канала коммуникации и поступлении большого количества вооружения из северных регионов, многообразие таких контактов выражалось, в том числе, и в привлечении китайскими правителями в качестве союзников или наемников отдельных степных кланов.

Этими степными группами могли быть известные по надписям на гадательных костях и бронзовых сосудах племени гуйфан, туфан, гунфан, с которыми шан-иньские и ранне-чжоуские правители неоднократно вели войны. Северный Китай в этот период «представлял собой своеобразную контактную зону, где шло взаимное проникновение и смешение различных культурных элементов» (Комиссаров, 1988, с. 55-56).

Линь Юнь отделяет так называемый «северный комплекс» памятников шань-чжоуского периода, локализованных в северных районах Китая и Внутренней Монголии от синхронных памятников Центральной равнины (Линь Юнь, 1990, с. 29-45) и отмечает, что «вопрос, когда бронзовые изделия северного комплекса впервые появились в Китае, еще ждет своего даль-

нейшего исследования» (1990, с. 33), признает влияние степных племен Центральной Азии на формирование «северного комплекса», при несомненном своеобразии культур Центральной равнины.

Вряд ли следует ожидать полного сходства вещей, изобретенных в среде скотоводов и представленных впоследствии в культурах Эрлитоу или династии Шан-инь. Особенность взаимосвязей этих двух миров состоит в обоюдном влиянии их друг на друга, в заимствовании на уровне идей, принципов, технологии, которые затем развиваются на основе собственной традиции.

Взаимосвязи степных племен и ранних китайских государств традиционно рассматриваются как противостояние двух миров – «варварского» мира степей и развитой китайской цивилизации. Исследования последних лет позволяют пересмотреть такое традиционное представление и выделить некоторые элементы материальной и духовной культуры скотоводов, которые были заимствованы китайской цивилизацией и развивались в ней соответственно собственным традициям и представлениям (Jakobson, 1988, p. 201-240). К числу таких заимствований в полной мере относится колесница, навыки ее управления, некоторые образы и мифологемы степной изобразительной традиции, технология бронзового литья в формах, лошади и многие мифологические представления, верования и культы.

Исходя из вышесказанного, целесообразно рассматривать урало-казахстанский и древнекитайский колесничные комплексы как единый – азиатский колесничный комплекс, а имеющиеся отличия рассматривать как хронологические.

Родственный, колесничный комплекс, ориентированный, очевидно, на лошадей из другого центра доместикации лошади – Деревянка – Репин хутор, развивался в европейской части степной Евразии, на базе доно-волжской традиции (Anthony, Vinogradov, 1995; Виноградов, 2001; 2003). В.В. Ткачев предполагает, что это были два изначально обособленных, перманентно взаимодействовавших колесничных куль-

турных ареала (Ткачев, 2007, с. 290-291), что представляется маловероятным.

В поисках хронологического репера. Многие годы в историографии степных древностей Евразии большинство исследователей ориентировались на хорошо исследованные артефакты IV шахтной гробницы в Микенах, материалы которой прекрасно датировались как стратиграфическими методами, так и письменными источниками. На долгие годы дата 1550-1570 гг. до н. э., стала монументальной, забронзовевшей в своем величии (Кузьмина, 1994; Anthony, Vinogradov, 1995; Littauer, Crowel, 1996). В последние годы опубликована серия калиброванных радиоуглеродных дат, которые позволяют пересмотреть сложившийся стереотип (Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005; Кони, колесницы....., 2010, с. 193-195). Эта серия состоит из 39 дат для синташтинских памятников; 17 – для петровских и 33 – для алакульских. Калибровка их по дендрохронологической шкале произведена в программе OxCal 3.10.

В абсолютных значениях границы этой серии расположились следующим образом:

– синташтинские даты – 2040-1690 гг. до н.э. (68,2%); 2900-1500 гг. до н.э. (95,4%); после проверки этих дат по 15 эталонным датам Аризонской и Оксфордской лабораторий – 1970-1770 гг. до н.э. (68,2%) и 2030-1750 гг. до н.э. (95,4%), что соответствует концу 21 -18 вв. до н.э.

– петровские даты – 2500-2250 гг. до н.э.(13,6%); 1950-1500 гг. до н.э. (54,6%); из-за неоднородности этой серии, предпочтение авторы отдают поздним датам, поскольку 6 дат Оксфордской лаборатории очень близки между собой: 1880-1740 гг. до н.э. (68,2%) и 1930-1690 гг. до н.э. (95,4%), что соответствует 20-17 вв. до н.э. Для памятников Зауралья стратиграфически зафиксировано положение слоев петровского времени над синташтинским (Ткачев, 2002; Виноградов, 2003).

– алакульская серия – 2500-2000 гг. до н.э. (39,7%) и 1750-1500 гг. до н.э. (28,5%), после калибровки – 2700 – 2000 гг. до н.э.(39,7%) и 1900-1400 гг. до н.э. (28,5%), что может быть синхронизировано со срубными и алакульско-

федоровскими древностями – 1750-1530 гг. до н.э.

Таким образом, весь колесничный комплекс урало–казахстанских степей датируется в пределах: рубеж 3-2 тысячелетий до н.э. – конец 16 века до н.э.

К вопросу о датировке китайского колесничного комплекса. Традиционно в китайской историографии сложилась система периодизации, основанная на летописях придворных хронографов, которые подробно и добросовестно фиксировали все значимые деяния своих хозяев. Из потомственной семьи летописцев династии Чжоу происходит китайский Геродот – Сыма Цянь, написавший «Исторические записки».

Нас будут интересовать только самые ранние династии: Ся (2205-1767 гг. до н.э.); династии Инь, а потом Шан (1767 – 1112 ? гг. до н.э.); Западная Чжоу (1111 – 771 гг. до н.э.); Восточная Чжоу (770-256 гг. до н.э.) включает в себя два периода Чуньсю – дословно: весна – осень (770 – 476 гг. до н.э.) и Чжаньго: дословно – Воюющих царств (475-221гг. до н.э.); династия Цин (221-206 гг. до н.э. (Юн Нэ-Хён, 1985, с. 96; ЧженЧжаншу, 1979, с. 279-284; У Энь, 1985, с.14). Сгруппируем далее калиброванные датировки северных археологических культур, имеющих отношение к колесничному комплексу, в целях их сопоставления с династийными(по Епимахову, 2008, с. 95):

1. Раннесрубные памятники:

Приуралье – 2400-1950 (2650-1750) гг. до н.э.

Урал – 1900-1750 (1980-1630) гг. до н.э.;

Средняя Волга – 2470 – 2190 (2600 – 2000) гг. до н.э. – могут синхронизоваться только с древностями династии Ся, находки чемакынов в этот период не известны;

2. Елунино (Горный Алтай) – 2200-1600 (2600-1300) гг. до н.э., как и сейма-турбино, трансконтинентальный феномен – 2120-1630 (2150-1600) гг. до н.э. синхронизируется с династией Ся, ранний период династий Инь и Шан, так же как и Окунево – 2200-1750 (2600-1700) гг. до н.э. – хорошо синхронизируется с абашевскими, синташтинскими, петровскими, потаповскими и покровскими древностями, и

родственной, но более поздней андроновской КИО;

3. Андроново – 1610–1410 (1740–1400) гг. до н.э. синхронизуется только с древностями династии Шан, развитого периода;

4. Карасук – 1440–1130 (1700–1050) гг. до н.э. хорошо синхронизуется с развитым и поздним Чжоу.

Таким образом:

– в формировании китайского колесничного комплекса могли принимать участие носители археологических культур 2-й группы, а на его развитие в средний и поздний периоды династии Шан–инь могли оказывать влияние носители культуры 3 и 4-й групп;

– синхронизация этих культур и картографирование памятников 2-й группы возможно показывает направление и этапы перемещения их носителей в пространстве и во времени по направлению к Ордосу, через единственный географически удобный путь – по степным пастбищам, вдоль Алтайских гор.

Степные социумы, расселившиеся к этому времени уже на огромном степном пространстве Евразии в виде больших патриархальных семей – самодостаточных производственных коллективов близких родственников или групп таковых, а проще говоря – пастушеских кланов, развивались исключительно скота своего ради. Многие из них преуспели в изобретении новых механизмов и приспособлений, которые могли бы облегчить их повседневную жизнь. Модернизации и инновациям подверглись самые близкие и любимые, ежедневно окружавшие их объекты. Лошадь, как самый надежный друг, постепенно стала терять свои стадные и дикие черты, начался новый этап ее domestikации, мобильное и неповоротливое жилище на колесах – фургон, стал модернизироваться и менять свои функции. Все это стало теми предпосылками, которые привели к изобретению легкой, удобной для лошадей и человека, более подвижной двуколки – колесницы.

Поэтому не от боевой или колониально-экспансионистской традиции, диктуемой ближневосточными тиранами, а от реальных потребно-

стей своей кочевой тяжелой жизни родилась в степи колесница.

Процесс управления колесницей – довольно опасное занятие, требующее значительных навыков в джигитовке, ловкости и физических способностей. Китайские гадальные кости и хроники описывают многочисленные случаи падений с колесниц и постоянных повреждений последних.

Несомненно, что колесничими становились наиболее подготовленные и обученные члены социумов, занимавшие соответствующее социальное положение и получающие за это полагающиеся привилегии. Возможно, первые китайские ваны были именно такими колесничими.

Конечно же, стоило только появиться этому «чуду» степной технологии, в котором сошлись воедино все трудовые и производственные ресурсы всех, без исключения, сородичей, владеть этим «чудом» мог только самый главный – вождь или старейшина этого клана. Именно эти физически развитые, ловкие и бесстрашные «хозяева» кланов стали первыми колесничими. И, конечно же, они очень быстро сообразили, что владеют секретным оружием, с помощью которого можно убивать, грабить и подчинять, словом – развивать весьма успешно и активно внешние каналы коммуникации своих поначалу совсем небольших социумов.

Такая модель, вероятно, лежала в основе формирующихся в это время в степи двух центров европейского и азиатского колесничих комплексов в самом начале 2-го тысячелетия до н.э. по обе стороны Уральских гор, точно разделяющих континент на его европейскую и азиатскую части. Эта естественная природная граница, возможно, и предопределила вектор последующего движения этих кланов – одних – на запад, а других – на восток.

По историческим масштабам – это был «молниеносный» процесс. Уже в 18 в до н.э. эти кланы, продвигаясь по уже известным им маршрутам, а точнее – по освоенным их предками пастбищам, добрались до контактных зон – вступили во взаимодействие с земледельческими цивилизациями. На западе – это

микенская и ахейская Греция, племена первобытной Европы, на востоке – ранние китайские династии, на юге – Хараппа, Ассирия, Вавилон, а к середине тысячелетия и – Египет.

В этой истории важно еще и то, что благодаря уточнённой датировке древнекитайского и урало-казахстанского колесничего комплекса в частности, появляется возможность взглянуть несколько иначе на изобразительные источники – многочисленные центрально-азиатские колесничные петроглифы, плиты с колесницами из могил, находки которых территориально фиксируют направления передвижений раннеандроновских и пост-андроновских кланов на карте азиатской части Евразии.

Однако эти вопросы, так же как и детальная синхронизация датировок самых ранних древнекитайских колесничных памятников по сериям радиоуглеродных дат, выходит за рамки настоящей статьи и является задачей будущих исследований.

Литература:

Бёкёни Ш. Роль степей Евразии в распространении коневодства // Проблемы археологии степной Евразии. – Кемерово, 1984. – С. 9-14.

Варенов А.В. Иньские колесницы // Изв. СО АН СССР. – 1980. – Вып 1, № 1. – С. 164-169.

Варенов А.В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. – Новосибирск, 1984. – С. 42-52.

Васильев Л.С. Проблема генезиса китайской цивилизации: формирование основ материальной культуры и этноса. – М.: Наука, 1976. – 368 с.

Виноградов Н.Б. Пардоксы Синташты // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: матер. междунар. научн. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара, 2001. – С. 189–193.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2003. – 362 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. – Т. 1. – 407 с.

Евдокимов В.В. Работы Карагандинского отряда // АО-1980 г. – М., 1981. – С. 434.

Евсюков В.В., Комиссаров С.А. Бронзовая модель колесницы эпохи Чуньсю в свете сравнительного анализа

колесничных мифов // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. – Новосибирск, 1984. – С. 52-67.

Евсюков В.В., Комиссаров С.А. Колесницы на земле и в небесах // Атеистические чтения. – М., 1985. – Вып. 14. – С. 78-04.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Азии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн.1, электронное приложение, часть 1-2. – Челябинск: изд-во ЮУГУ, 2005.

Епимахов А.В. «Горизонт колесничных культур» бронзового века: оценка эвристических возможностей // Изв. Челябинского научного центра. – Челябинск, 2008. – Вып. 1 (39). – С. 93-96.

Епимахов А.В., Чечушков И.В. Евразийские колесницы: конструктивные особенности и возможности функционирования // Археология Южного Зауралья. Степь (проблемы культурогенеза). Под ред. С. Г. Боталова. – Челябинск, 2006. – С. 168-182.

Епимахов А.В., Чечушков И.В. К вопросу о способах управления пароконной колесницей бронзового века // Происхождение и распространение колесничества: сб. научн. статей. – Луганск, 2008. – С. 205-211.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. – 2005. – № 4.

Зайберт В.Ф. Природно-экологические и общественные факторы и развитие производящего хозяйства в степях Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1987. – С. 63-64.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура.- Алматы: КазАкпарат, 2009.– 576 с., илл.

Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. – Свердловск: изд-во Уральского университета, 1988. – 184 с, илл.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // ВВАЭ. – 2008. – № 9. – С. 32-58.

Кожин П.М. Об иньских колесницах// Ранняя этническая история народов Восточной Азии. – М., 1977. – 280 с.

Кожин П.М. О хронологии иньских памятников Аньяна // Китай в эпоху древности. – Новосибирск, 1990. – С. 45-56.

Комиссаров С.А. Чжоуские колесницы // Известия СО АН СССР. – 1980. – Вып. 1, № 1. – С. 156-163.

Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1988. – 120 с, илл.

Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Коллективная монография – Екатеринбург-Самара-Донецк: Институт экологии растений и животных УрО РАН, 2010. – 370 с.

Косинцев П.А. Лошади Ботая и Синташты: сравнительная морфологическая характеристика // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2002.

Кубарев В.Д. Мифы и ритуалы, запечатленные в петроглифах Алтая // АЭАЕ. – 2006. – № 3 (27). – С. 41-54.

Кукушкин И.А. Археологические исследования могильника Ащису. Курган 1 // Историко-культурное наследие Сарыарки. – Караганда, 2007. – С. 40–65.

Кукушкин И.А. Металлические изделия раннеандоновского могильника Ащису // РА. – 2011. – № 2. – С. 110–116.

Кучера С. Китайская археология 1965–1974 гг.: палеолит – эпоха Инь. Находки и проблемы. – М.: Наука, 1977. – 268 с., илл.

Линь Юнь. Переоценка взаимосвязей между бронзовыми изделиями Шанской культуры и северной зоны // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990 – С. 29–45.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовка близ Омска. – Томск, 1988. – 135 с, илл.

Новоженев В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). – Алматы: изд-во Аргументы и Факты. – Казахстан, 1994. – 290 с, илл.

Нурумов Т.Н., Макарова Л.А. Домашние и дикие животные эпохи неолита и бронзы Центрального и Северного Казахстана // Проблемы палеоэкономики Казахстана по археологическим данным. – Алма-Ата, 1988. – С. 7–36.

Сыма Цянь. Исторические записки. – М.: Восточная литература, 1972. – Т. 1. – 218 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень, 2002. – Ч. 1–2. – 320 с.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актобе, 2007 – 384 с.

Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. – Караганда-Лисаковск, 2010– 176 с., илл.

Чердниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры // СА. – 1991. – № 4. – С. 206–216.

Чечушков И.В. Колесницы евразийских степей эпохи бронзы // ВААЭ. – 2011. – № 2 (15). – В печати.

Чечушков И.В., Епимахов А.В. Колесницы и упряжка как культурный индикатор эволюции коневодства. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Кони, колесничьи и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург-Самара-Донецк: Институт экологии растений и животных УрО РАН, 2010. – С. 182–229.

Чжен Чжаншу. Бронзовые сосуды в эпоху Шан-Инь // Каогусюэбао. – 1979. – № 3 (на кит. яз.).

Юн Нэ Хён. История Шан и Чжоу. – Сеул, 1985 – 271 с. (на корейском языке).

Anthony D.W., Vinogradov N.B. Birth of the chariot // Archaeology, March/April, 1995 – P. 36–41.

Belinskij A., Kalmykov A. Neue Wagenfund aus Grabender Katakombengrabkultur im Steppengebiet des zentralen Vorkaukasus // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2004. – S. 201–220

Dewall M. von. Der Wagen in der Frühzeit Chinas // Acshe, Rad und Wagen. – Gottingen, 1986, – S. 168–186.

Jacobson E. Beyond the frontier. A reconsideration of Cultural Interchange Between China and Early Nomads // Early China. – 1988. – № 13. – P. 201–240.

Littauer M.A., Crouwel J.H. The origin of the true chariot // Antiquity. – 1996. – Vol. 70, № 270. – P. 934–939.

Piggott St. The Chinese Chariotry: an outsider's View. University of London Colloque. Art and archaeology in Asia. – 1978. – № 7. – P. 32–49.

Qi Xiaoshan, Wang Bo. The Ancient Culture in Xinjiang Along the Silk Road. – Xinjiang, 2008 – 304 p., ill.

Watson W. The Chinese Chariotry: an inside view // Art of the Eurasian steppe lands. Art and Archaeology in Asia. – 1978. – № 7. – P. 1–32.

Wu, Hsiao-yun. Study on chariot burial in Early China, 1200–210 BCE // Aurora Center for the Study of Ancient Civilization, Peking University Publication Series. – 2009. – № 20. – 257 p., ill. (на кит. яз.)

Түйін

Автордың сараптамалығымен жерлеу ырымдары, адамдарды құрбанға шалу, қола ыдыстарын жасау дәстүрі, арба жүргізушілердің қаруы, арбалар конструкциялары т.б. ұқсас элементтері көрсетілген; ерте кезеңде аттарды қолға үйретудің бар болғанын Ботай материалдарына сілтеме жасап көрсеткен (б.д. 3-ші – 4-ші мыңжылдықтың соңы, Солтүстік Қазақстан), қазақтың даласында жалпы арбалардың алғашқы пайда болуын дәлелдеуге арналған. Калибрленген радиокоміртек даталарының топтамасы арбаларды алғаш рет пайдалану мерзімі б.д. үшінші мыңжылдығының соңы – екінші мыңжылдықтың басында хронологиялық сәйкестігінің басымдылығын көрсетеді. Автор ертеандрон рулық қауымдарының, сілемдерді бойлай Алтай таулары, Сынбұзынның Тарим ойпаты арқылы, Солтүстік Қытай аудандары арқылы миграциясының идеясын қолдайды және далалық пен ежелгі қытайлық колесничиялар кешендерін бірыңғай қарауын ұсынады.

Summary

Author analysed some common evidence in both complexes, such as funeral rite, constructions of chariots, weapons, tradition of bronze cult's vessel making, human's sacrifices, ect; studying some early evidence of horse's domestication in the settlement Botai (Northern Kazakhstan, end of 4 – 3-d mill. B.C.) as the base for exploring the chariot's innovation. The number of calibrated radiocarbon dates suggest the chronological priority of steppes chariots – end of 3 -d mill. – beg. of 2-d mill. B.C. Author support the idea of migration the early Andronovo's clansto Northern China along the Altay mountain sand Tarim desert sare ain Xinjian gand suggest to study the steppe land sand early Chinese chariot's monuments asevidence of the asian chariotry complex.

Горячев А.А.

Археологический комплекс Тургенъ. Эволюция древних культур

В ходе полевых исследований по программе «Культурное наследие» по теме: «Археологический комплекс ущелья Тургенъ» Тургеньским отрядом Семиреченской археологической экспедиции на территории ущелья и на плато Асы было выявлено свыше 150 археологических памятников от эпохи бронзы до нового времени. Итогом этих работ стало составление первичной карты памятников истории и культуры данного микро региона (рис. 1).

Наиболее ранние археологические памятники на территории ущелья Тургенъ и на плато Асы датируются эпохой бронзы и располагаются, как правило, по берегам рек, на ровных площадках древних морен. Всего было найдено 4 поселения бронзового века. Поселения состояли из полуземлянок прямоугольной и квадратной форм. Могильники эпохи бронзы размещались к западу от поселений. Они согласованы из нескольких захоронений, вытянутых в цепочки, либо расположенных одиночно. Надмогильные сооружения представляли собой каменные ограды. Погребальные камеры в виде деревянных рам отмечены на дне могильных ям глубиной до 2 м. Умерших хоронили по обряду трупосожжения, а позже — по обряду трупоположения. Вещевой материал представлен керамикой, костями животных, а также бронзовыми изделиями. На сегодняшний день в этом микро-регионе насчитывается 6 могильников эпохи бронзы.

Большую часть памятников ущелья Тургенъ и плато Асы составляют могильники раннего железного века. Всего насчитывается 117 могильников раннего железного века. В основном они расположены на берегах рек и ручьев. Мо-

гильники раннего железного века представляют собой курганы иногда с каменными оградами вокруг насыпей. «Царские» курганы раннего железного века находятся чаще всего на предгорных равнинах и отличаются очень большими размерами. Всего обнаружено 9 таких могильников в предгорной полосе у входа в ущелье и 9 «царских» курганов в высокогорной зоне. Поселения раннего железного века представлены сакскими наземными стоянками, располагавшимися по тому же принципу, что и поселения бронзового века. Зачастую сакские стоянки размещались на том же месте и перекрывали поселения эпохи бронзы. Здесь же имеется несколько поселений усуньского времени. Они, в отличие от сакских стоянок, были вынесены на склоны и состояли из полуземлянок. Всего насчитывается 14 стоянок раннего железного века.

Могильники раннего средневековья в ущелье Тургенъ и на плато Асы находятся, как правило, на склонах сопок. Средневековые памятники представлены курганами и поминальными оградами тюркского времени. Всего было обнаружено 6 могильников тюркского времени. Однако их значительно больше. Поскольку основная часть разведки проводилась по дну ущелий и в долинах рек, где они встречаются крайне редко, следует предположить, что основная масса памятников этого времени расположена в труднодоступных местах на вершинах и склонах сопек небольших ущелий.

Исторические памятники нового времени ущелья Тургенъ и плато Асы представлены казахскими этнографическими кладбищами, датирующимися примерно XVII-XIX вв. Кладбища, как правило, размещены вдоль рек, на

Карта расположения археологических памятников
на территории ущелья Тургенъ и плато Асы

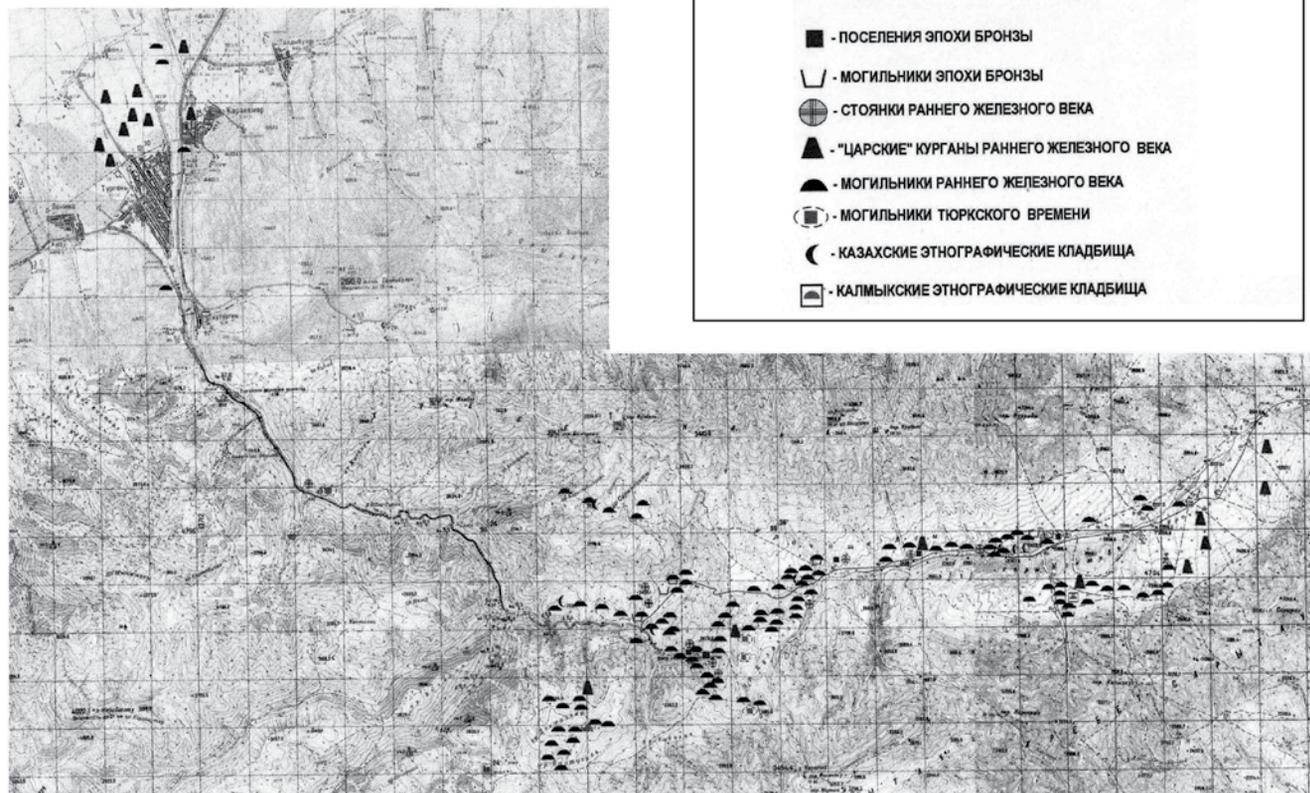

Рис. 1. Карта расположения памятников археологии на территории
ущелья Тургенъ и плато Асы.

ровных площадках рядом с захоронениями более ранних периодов. Казахские этнографические захоронения представляют собой невысокие каменно-земляные холмы овальной формы. Всего в ущелье Тургенъ и на плато Асы насчитывается более 20 казахских этнографических кладбищ. Кроме того, на плато Асы находится одно калмыцкое этнографическое кладбище, относящееся примерно к XVII-XVIII вв.

Наиболее ярким памятником, характеризующим основные этапы заселения и освоения древним населением горной зоны ущелья, является археологический комплекс Тургенъ-II. Он расположен на ровной площадке древней морены, находящейся в 500 м к СВ от места слияния ручья Кызылбулак с одноименной речкой (рис. 2). Это сложносоставной памятник, в структуру которого входят два слоя поселений эпохи бронзы (позднеандроновского времени и периода общности культур валиковой керамики), два слоя стоянок раннего железного века

(раннего и позднеасакского времени) и могильник усуньского периода.

Самым ранним слоем комплекса является поселение позднеандроновского времени. Оно состояло из серии жилищ с хозяйственными дворами, которые фиксируются по всей территории участка по его абрису. Жилища-полуземлянки каркасно-столбовой конструкции врезались в северные склоны ущелья с южной экспозицией (рис. 3). В результате северная часть жилища оказывалась заглубленной до 2 м, а южная находилась на поверхности. Соответственно размеры жилищ, преимущественно подквадратной формы, были несколько меньше, чем в предгорьях — от 8 x 8 м до 10 x 10 м. Пол к центру жилища понижался. Очаг округлой формы в центре жилища обкладывался крупными каменными плитами или представлял собой грунтовую яму, заполненную золой. Вход в жилище был устроен с ЮЗ стороны.

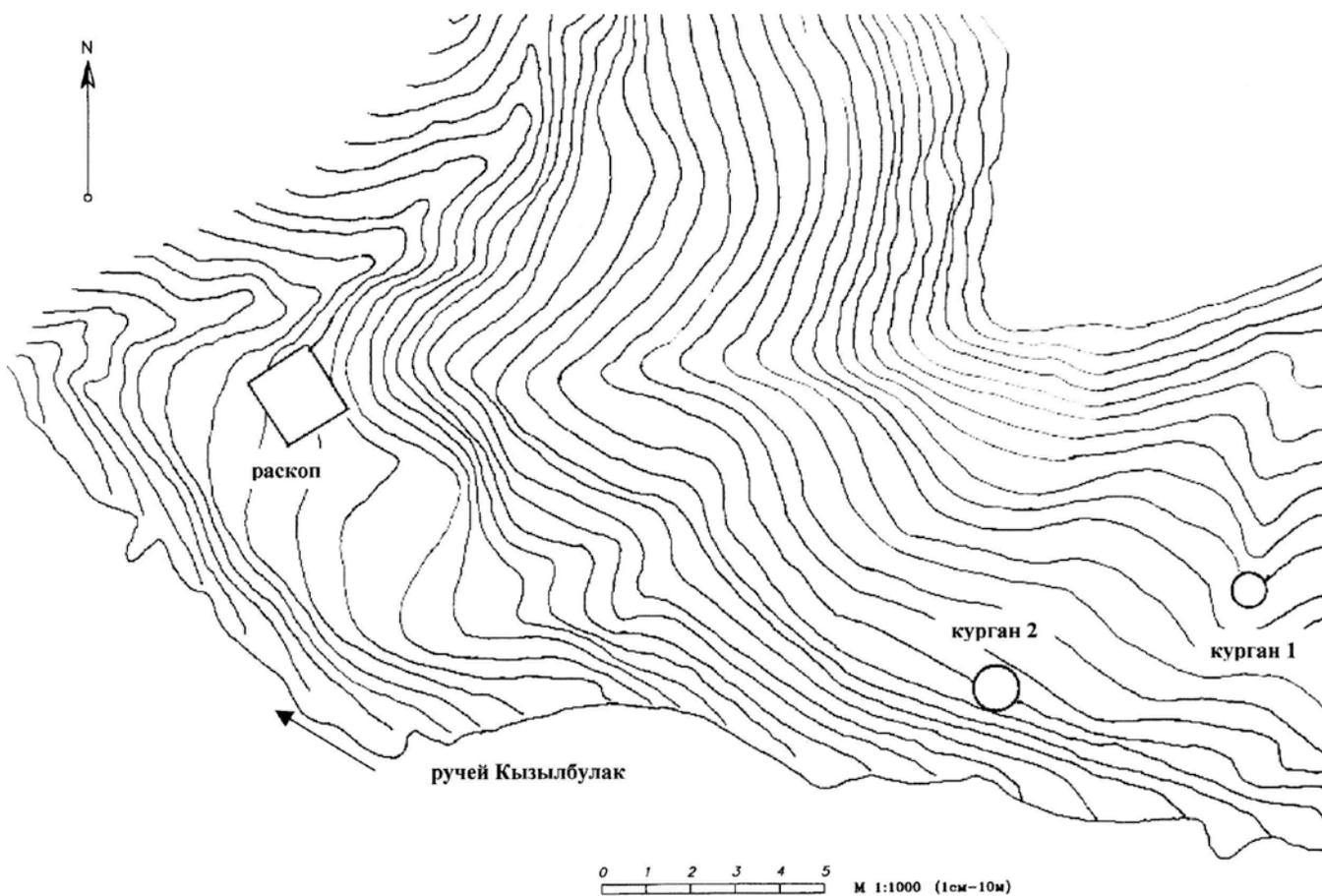

Рис. 2. Топографический план археологического комплекса Тургенъ-II.

Вдоль стенок жилища через 2 м отмечены ямки под столбовые конструкции стен. В восточном углу в столбовой яме найдены крупные фрагменты отростков рогов марала. Две крупные хозяйственные ямы зафиксированы в центральной части жилища, вокруг предположительного местонахождения очага. Крупная яма-холодильник обнаружена за пределами жилища у его северного угла. Вещевой материал представлен фрагментами костяных изделий и каменных орудий труда (зернотерки, их куранты, песты, пряслице, терочки) и керамикой. Среди остеологического материала¹ жилища в целом преобладают кости МРС (51%) и КРС (45%). Остальная часть состоит из костей лошадей (1%) и диких травоядных – оленей (3%).

¹ Определения остеологического материала из слоев поселений произведены в палеозоологической лаборатории ИГН старшими научными сотрудниками Д.В. Малаховым и Л.А. Тютюковой.

Переломным моментом в истории развития древних культур эпохи бронзы Жетысу следует считать рубеж XII-XI вв. до н.э. Практически повсеместно происходит смена культурных традиций племен андроновского круга в общность культур валиковой керамики. В позднебронзовый период функциональное назначение памятника меняется. Жилые комплексы устраиваются в 400 м вверх по ручью Кызылбулак (поселение Кызылбулак-IV), а на комплексе Тургенъ-II устраиваются помещения ритуально-культурного назначения. Они образуют собой серию конструкций прямоугольной формы, расположенных по площадке в шахматном порядке. Из них одна исследована и обнаружены контуры еще двух.

Помещения являли собой полуземлянки каркасно-столбовой конструкции, размерами до 15 x 10 м. Их общее устройство аналогично жилищам андроновского времени, за исклю-

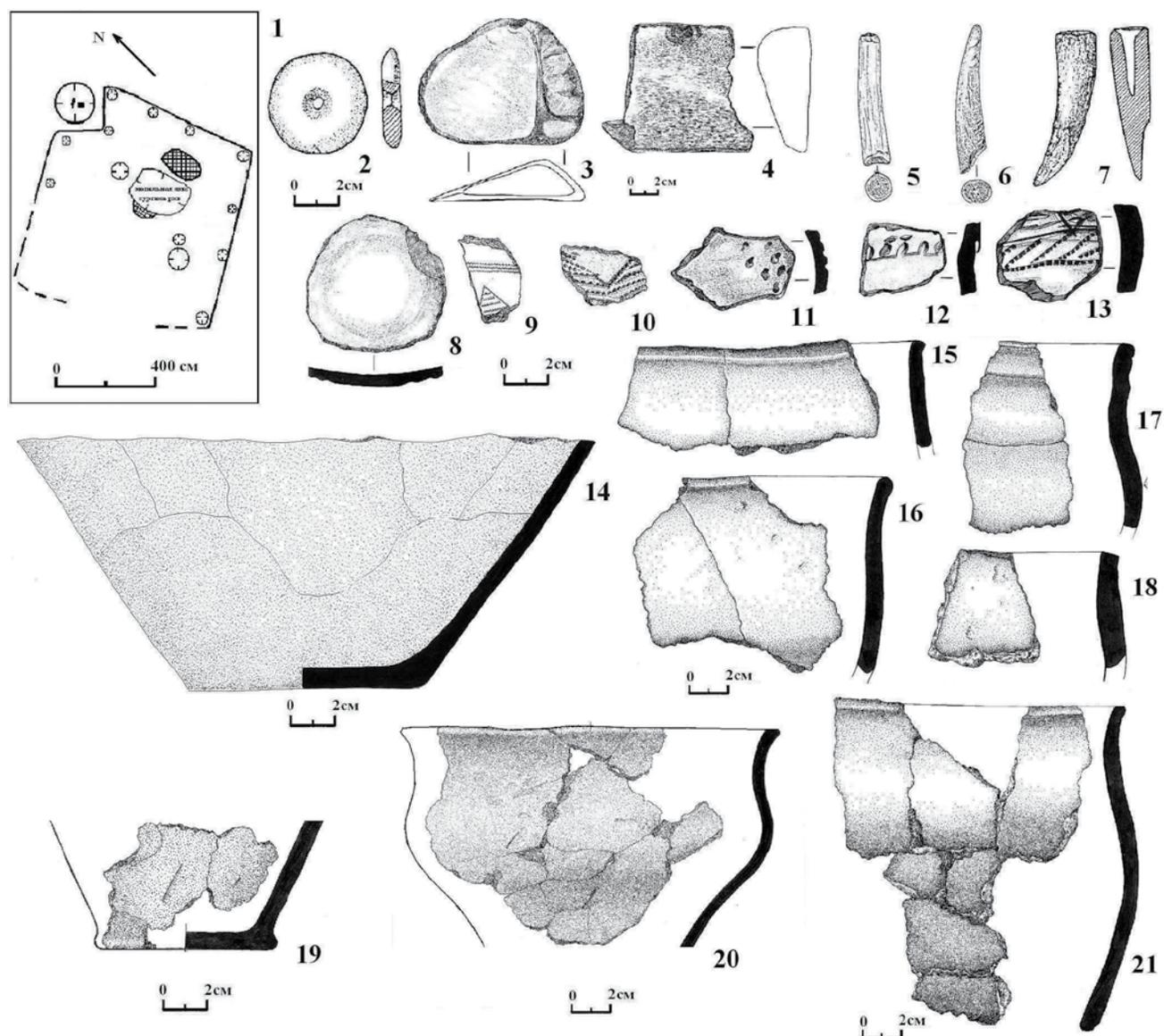

Рис. 3. Жилище и инвентарь позднеандроновского периода эпохи бронзы (5 стратиграфический уровень) на археологическом комплексе Тургенъ-II в высокогорной зоне (Заилийского) Иле-Алатау: 1 – план жилища 1; 2-4 – каменный инвентарь; 5-7 – изделия из кости; 8-21 – керамическая посуда и инвентарь.

чением прямоугольной формы. Центральный вход прямой коридорообразный, длиной 2 м и шириной 1,5 м, располагался с ЮЗ стороны. Со стороны входа в южном и западном углу помещения находилось по одной комнате, размерами 3 x 4 м. Перед центральной частью организована таких же параметров ровная площадка, обозначенная по углам наиболее крупными опорными столбами.

Центральная часть помещения прямоугольной формы, размерами 8 x 6 м, представляла собой, вероятно, алтарь, возвышавшийся над

уровнем пола на 30-40 см. В центре него располагался очаг округлой формы, обложенный крупными ровными валунами. Мощность прокала почвы в очаге составляет 40-50 см, что говорит о его длительном и регулярном использовании. С ЮЗ стороны очага было устроено захоронение, состоящее из правой стороны туши молодого козла и левой стороны туши козы.

По периметру алтаря находились три коридорообразных помещения, шириной 1,6-1,8 м каждое и длиной 8-9 м. В северном углу два из них подходят к боковому выходу, к северу от ко-

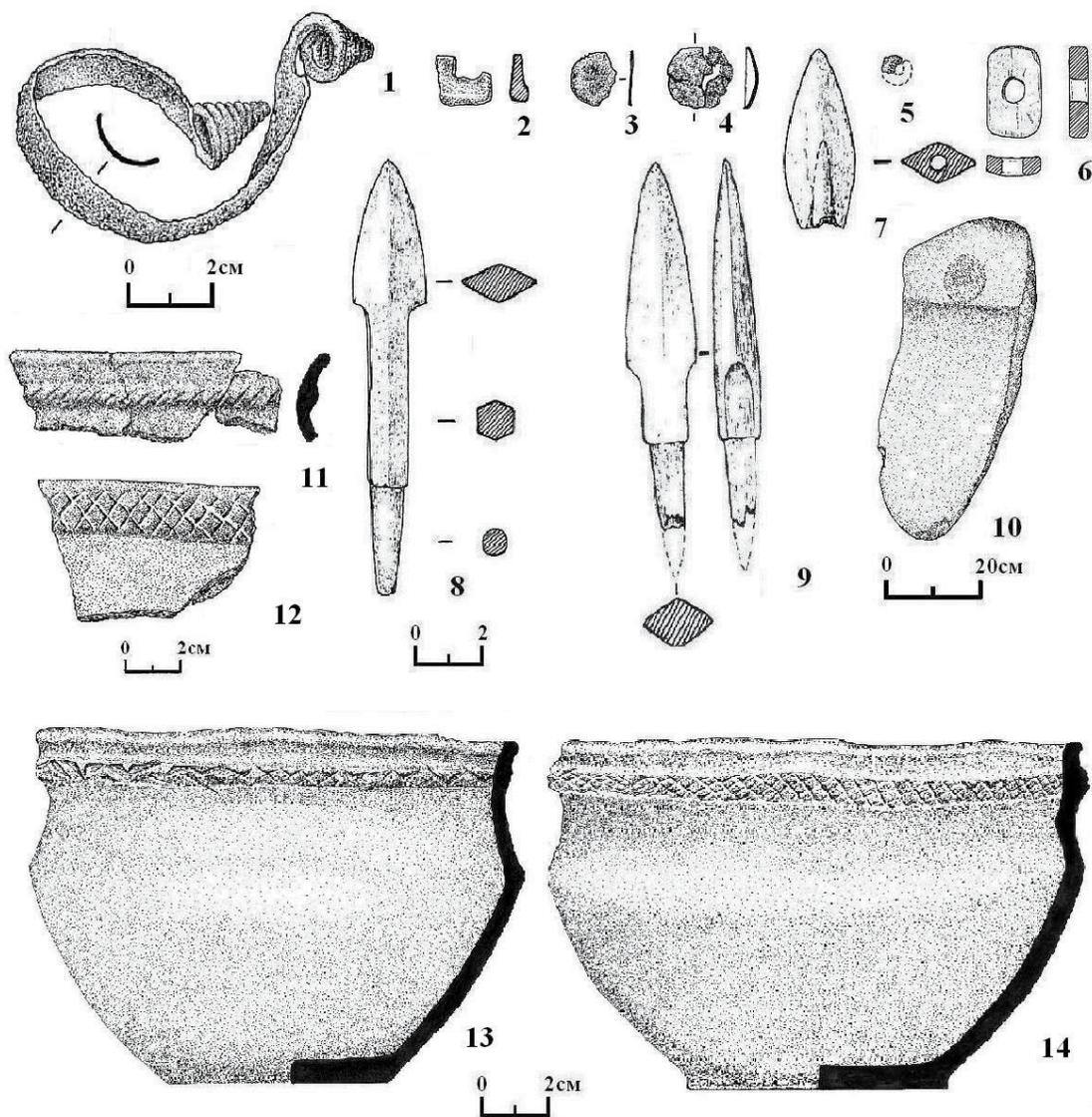

Рис. 4. Вещевой инвентарь из ритуального сооружения позднебронзового периода на археологическом комплексе Тургенъ-II: 1-5 – бронза; 6, 10 – камень; 7-9 – кость; 11-14 – керамика.

торого располагались две крупные печи. От печей под полом помещения по периметру алтаря зафиксированы воздухозаборные каналы. Они могли служить как для обогрева помещения, так и для нагнетания воздуха в печи.

Печи были вырыты в земле и обмазаны глиной. По диаметру максимального расширения они достигали 2 м. Высота печей 1,5 м и 1 м. Внутри северной печи зафиксированы многочисленные фрагменты древесного угля и отдельные фрагменты кремированных костей людей. Внутри южной, помимо угля, обнаружены фрагменты костей животных, в большинстве обугленных. Печи соединялись выложенным из

камня и обмазанным глиной небольшим воздушным коридором в верхней их части. К северу и востоку от этих сооружений обнаружены еще три печи небольших размеров (диаметр до 1,5 м и высота до 1 м). Все они объединялись между собой и с центральными печами единой системой дымоходов с общим выходом наружу. Кроме того, с западной стороны помещения найдены 4 жертвенных заклада, содержащих два керамических сосуда, скелет молодого козленка и скелет молодого коня.

Среди вещевого материала четвертого стратиграфического уровня комплекса Тургенъ-II встречаются каменные и костяные орудия тру-

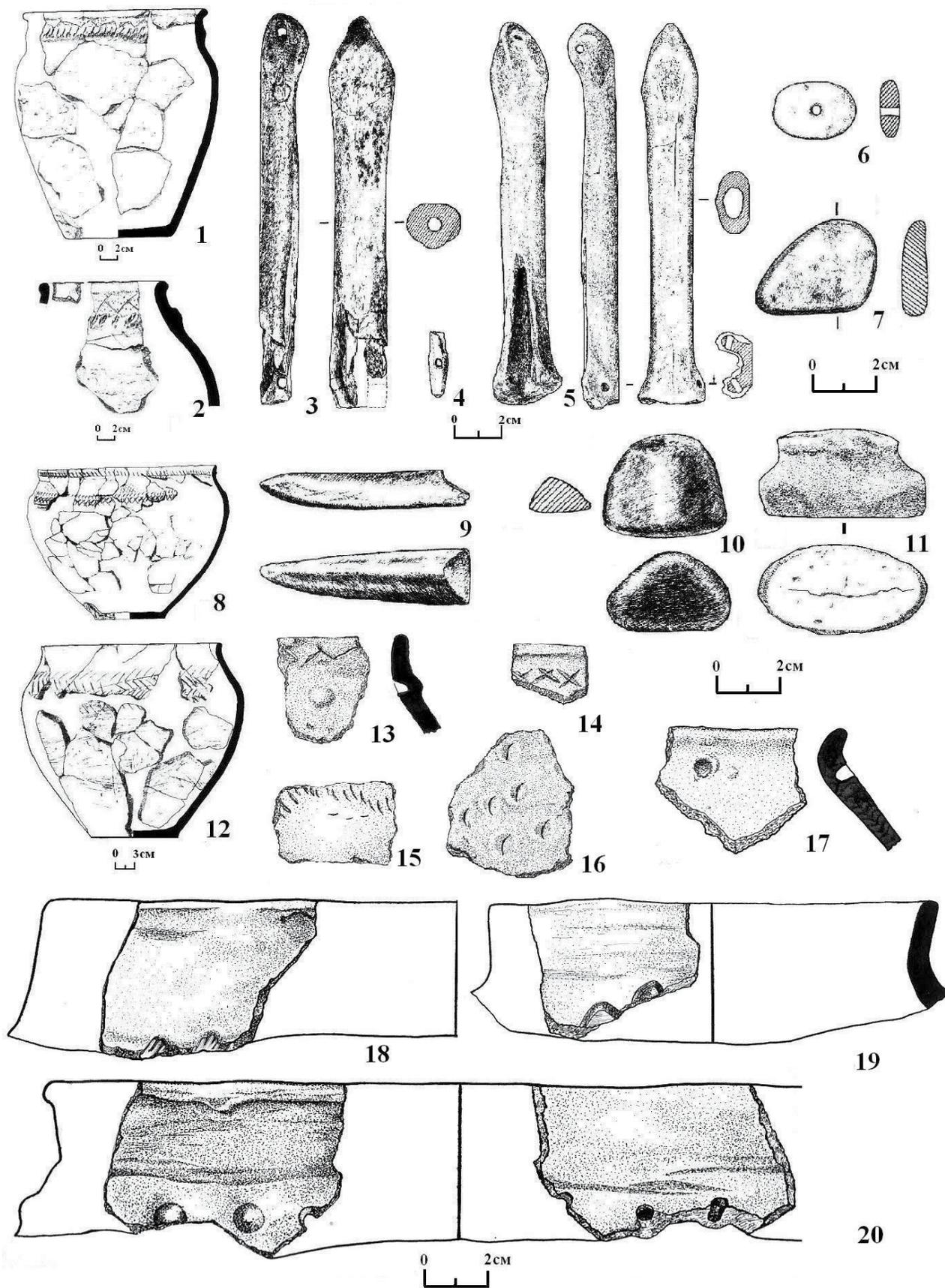

Рис. 5 Вещевой инвентарь из слоя стоянок финальной бронзы и раннесакского времени (3 стратиграфический уровень) на археологическом комплексе Тургенъ-II: 1, 2, 8, 11-20 – керамика; 3-5 – кость; 6, 7, 9, 10 – камень.

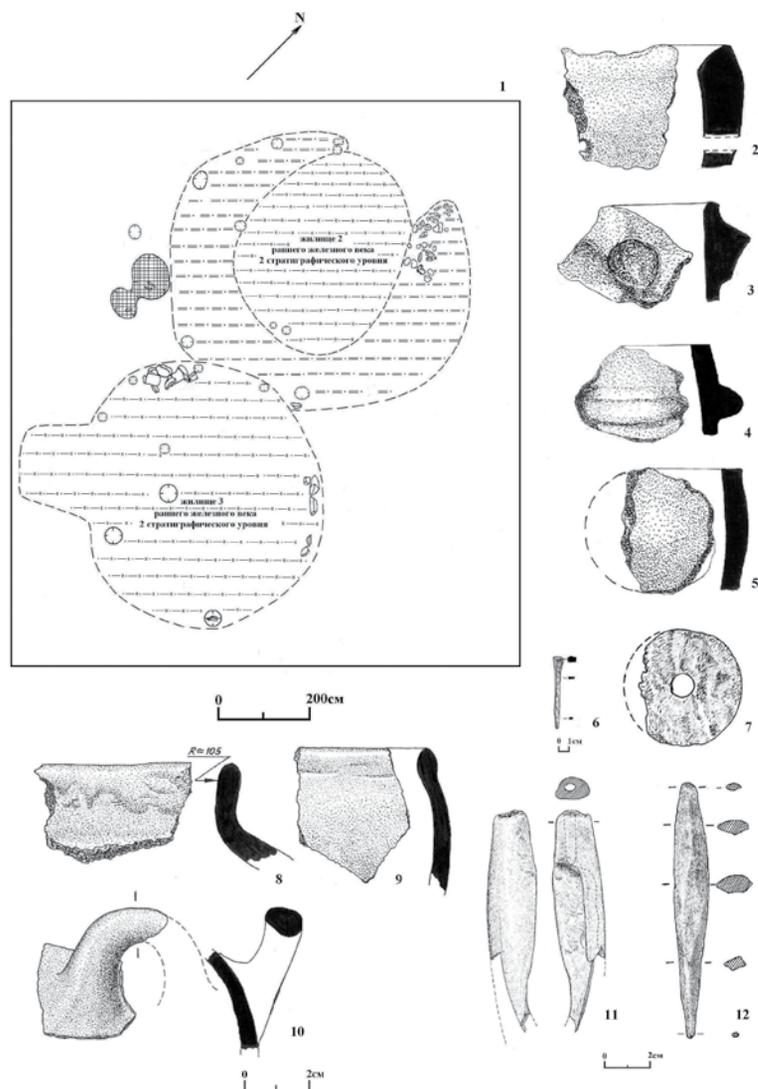

Рис. 6. Жилища и инвентарь позднесакского времени на археологическом комплексе Тургенъ-II: 1 – план; 2-5, 8-10 – керамика; 6 – железо; 7 – камень; 11, 12 – кость.

да, бронзовые украшения, костяные наконечники стрел, бляшки из кости (рис. 4). Особый интерес представляет каменная «зернотерка» с чашевидным углублением на высокой площадке рядом с рабочей поверхностью. Она была обнаружена возле центрального очага жилища 2 в рабочем положении. Ее форма и наличие чашевидного углубления на верхней площадке необычны для орудий труда данного типа. Аналоги таким изделиям в материалах эпохи бронзы в близлежащих регионах нам пока неизвестны. Вероятно, ее использовали в ритуальных целях, поскольку чашевидные углубления довольно часто обнаруживаются среди петроглифов

эпохи бронзы и на отдельных камнях древних святилищ, где интерпретируются как обязательные атрибуты ритуальной практики

Среди бронзовых изделий встречаются украшения (браслет, нашивные бляшки). Браслет и бляшки аналогичных форм наиболее характерны именно для периода поздней бронзы близлежащего могильника Кызылбулак-I, который находится с данным поселением в едином комплексе. Интересно, что подобный тип браслетов характерен в андроновское время преимущественно в материалах Средней Азии и Казахстана для памятников федоровской культурной традиции.

Керамика представлена фрагментами горшковидных (с сильно раздутым туловом) и баночных (с прямыми стенками) сосудов. Ряд фрагментов можно отнести к кувшинообразным сосудам. Сосуды в основном крупных и средних размеров с округлым плечиком, судя по фрагментам донцев, плоскодонные. Венчики – преимущественно плоские, с утолщением, округлые, со скосом или бортиком. Около 15 % всей керамики принадлежит орнаментированной посуде. Орнамент чаще всего размещался в верхней части тулова: по венчику, под венчиком, по шейке. Основными видами орнамента явля-

ются косые и вертикальные насечки, ногтевые вдавления, формованный валик, «елочки», зигзагообразные линии из косых насечек, каннелюры, «сеточки» и треугольники. Все виды орнамента встречаются в комбинированном виде. Орнамент наносился режущим инструментом и ногтем. Выделяются более архаичными формами, более характерными для андроновского периода, два ритуальных сосуда, обнаруженных в жертвенниках к западу от жилища 2. Однако они орнаментированы формованными валиками с косыми насечками и сеточкой, что характерно для позднебронзовых комплексов горной зоны Илейского/Заилийского Алатау.

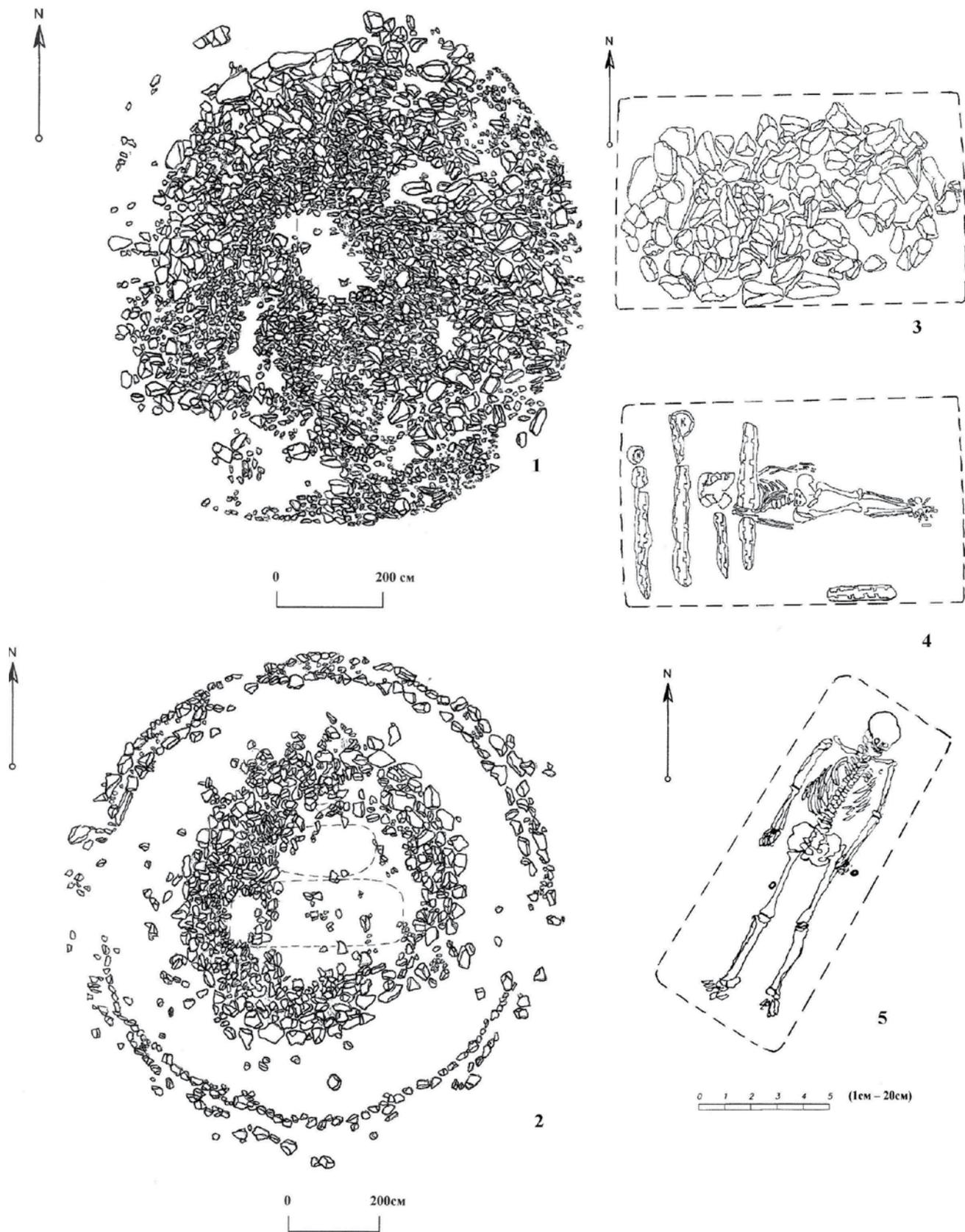

Рис. 7. Планы курганов и погребений могильника раннего железного века на археологическом комплексе Тургенъ-II: 1,2 – устройство каменных курганных насыпей; 3 – заполнение могильной ямы кургана; 4,5 – планы погребений.

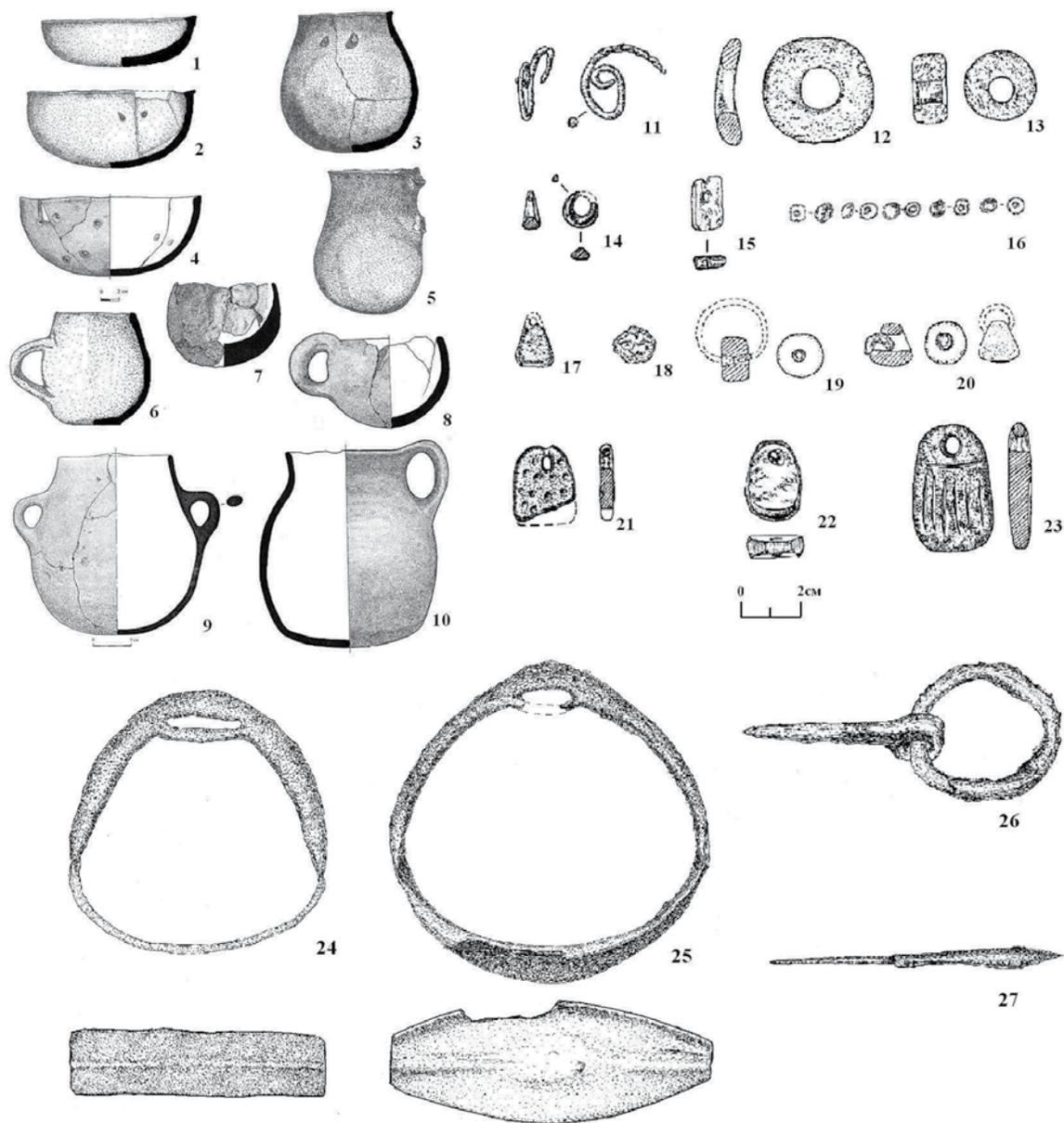

Рис. 8. Вещевой материал из погребений могильника раннего железного века археологического комплекса Тургунь-II: 1-10 – керамика; 11 – бронза; 12, 13 – кость; 14-17, 21-23 – камень; 18, 24-27 – железо; 19-20 – железо и камень.

Своеобразное устройство помещения, наличие печей со следами ритуальных действий и жертвенников по его периметру позволили определить функциональное назначение конструкции как культового религиозного сооружения – возможно, храма огня.

Принципиальные изменения в устройстве жилищ начинают происходить на переходном этапе от эпохи бронзы к раннему железному веку. На месте, где раньше фиксировались грунтовые полужемлянки с деревянными

конструкциями стен, устраиваются наземные жилища – протоюрты и шалаши. В традициях древних жителей этого поселения существовал обычай плотно утрамбовывать полы стоянок глиной с целью защитить жилище от грунтовых вод. Планиграфически этот слой не выходит за рамки котлована жилища эпохи бронзы и явно выровнен. Пол строения был устроен поверх конструкций рухнувшей крыши более раннего жилища, которые сохранились в виде слоя плотной спрессованной глины со следа-

ми древесного угля. Оно было округлой формы, диаметром около 7 м, заглублено на 30-40 см от уровня древней поверхности. С северной стороны строения обнаружена ровная площадка темно-коричневого цвета подпрямоугольной формы, выделенная по контуру с одной стороны каменной выкладкой, с другой — контуром склона, размерами 3 x 5 м. Она могла фиксировать специально обозначенный вход в основное помещение. В 2 м к северу от входа найдено захоронение двух котят снежного барса (?).

Вещевой материал стоянок третьего стратиграфического уровня на археологическом комплексе Тургень-II (рис. 5) представлен серией инструментов из кости, глины и камня, которые демонстрируют преимущественное развитие среди домашних промыслов кожевенного ремесла. По ряду элементов, зафиксированных при расчистке данного строения, мы можем предположить, что это помещение использовалось в ритуальных целях. В частности, впервые обнаружена серия культовых предметов (керамический жертвенник с останками жертвенного животного, детали шаманского или жреческого посоха и костюма) и серия захоронений различных животных возле помещения. Эти данные позволяют считать расчищенный объект культовым. Стратиграфическая позиция комплекса позволяет предположить время его существования на переходном этапе от эпохи бронзы к раннему железному веку и в раннесакский период.

Ко второму стратиграфическому уровню относится слой стоянки позднезакского периода раннего железного века, который позволил выявить конструкции нескольких жилых помещений (рис. 6). Для устройства помещений в этот период расчищались неглубокие площадки (20-40 см) овальной и округлой формы, размерами 3 x 4 м или диаметром от 4 до 6 м. Вероятно, их место было выбрано за счет существовавшего углубления котлована более раннего жилища. Пол представлял собой уплотненный суглинок светло-коричневого цвета. В центре было установлено 1-2 опорных столба. По периметру через 2 м устанавливались боковые столбы, а между ними сооружалась стенка по типу плетня. Крыша имела, вероятно, коническую форму.

Возможно, данные жилые конструкции использовались периодически длительное время, в том числе, судя по керамической посуде вплоть до III — II вв. до н.э.

В восточной части комплекса Тургень-II находится могильник раннего железного века Кызылбулак-IV, состоящий из группы курганов, вытянутых в неровную цепочку вдоль правого берега ручья Кызылбулак. Как выяснилось в ходе исследований, к этому же могильнику относятся небольшие курганы, расположенные в центральной части комплекса и составляющие верхний его стратиграфический уровень. Всего исследовано 11 курганов, в которых зафиксировано 20 захоронений.

Основу могильной конструкции во всех случаях составляет округлая каменная забутовка, перекрывающая одну или две могильные ямы (рис. 7). Вокруг такой забутовки фиксируется кольцевая каменная выкладка шириной 1-2 м. Они и составляют основу курганной насыпи. По периметру насыпи обычно устанавливалась крепида из камней и валунов крупных размеров. Могилы представляли собой прямую грунтовую яму, перекрытую деревянными плахами-горбылями и плотно забутованную окатанными речными валунами вплоть до погребальной конструкции. Погребальные камеры в виде деревянной рамы в один венец перекрывались сверху плахами-горбылями. Данная традиция характерна именно для высокогорной зоны Жетысу/Семиречья, начиная с эпохи бронзы, и отражает скорее местные особенности, обусловленные географическим ландшафтом.

Во всех случаях и в захоронениях взрослых, и в захоронениях детей, умершие были похоронены в вытянутом положении на спине, головой в западном направлении. Вещевой инвентарь либо полностью отсутствует (в таком случае в изголовье обычно фиксируются фрагменты костей МРС), либо у головы погребенного устанавливалась миска, а у западной стенки кувшинообразный сосуд (у детей раннего возраста устанавливалась кружка или чашка). В захоронениях детей также встречаются многочисленные подвески, серьги и бусы (рис. 8).

К традициям поминальной обрядовой практики следует отнести устройство жертвенников, обычно с западной стороны от кургана, овальной или округлой формы. Внутри жертвенника закладывались либо керамический сосуд, либо голова МРС. Следы поминальной тризны фиксируются также в виде стремян, металлических бляшек, наконечников стрел, разбитой керамической посуды и фрагментов костей МРС, обнаруживаемых внутри кольцевой каменной выкладки. Это также дает основание предположить, что ее сооружение происходило постепенно в течение ряда лет.

Подобные традиции погребальной практики характерны для отдельных захоронений усуньского периода в долине реки Иле/Или. В них также присутствуют основные элементы обряда в виде кольцевых каменных выкладок, опоясывающих овальную или округлую каменную забутовку, которая полностью заполняет могильную яму вплоть до погребальной камеры. Аналоги отдельным деталям погребального обряда фиксируются в захоронениях раннего железного века долины реки Коксу, в материалах Талгарского могильника и на северных склонах Кыргызского/Киргизского Алатау. Все перечисленные памятники датируются в пределах III – I вв. до н.э., а ряд захоронений соотносится исследователями с материалами середины I тыс. до н.э.

В результате исследований выяснилось, что площадка использовалась под древние поселения и стойбища на протяжении почти 1200 лет. Выявлена преемственность культурно-бытовых традиций на разных этапах функционирования памятника. В дальнейшем территория памятника использовалась под кладбище усуньского времени, вплоть до начала нашей эры. Таким образом, археологический комплекс Турген-II позволяет проследить эволюцию древних культур на территории горной зоны Илейского Алатау на протяжении почти 1,5 тысяч лет – с середины II тыс. до н.э. вплоть до эпохи средневековья.

Түйін

Ежелгі халықтардың Турген шатқалының таулы аймағын игеруі мен қоныстануының негізгі кезеңдерін сипаттайтын ең көрнекті ескерткіш – Турген-II археологиялық кешені. Ол ежелгі шөгінділердің тегіс алаңында, өзенмен аттас Қызылбұлақ жылғасы орнынан 500 м солтүстік-шығыста орналасқан. Бұл күрделі құрылымды ескерткішке кейінгі қола кезеңінің екі қабаты (кейінгі андрон уақыты мен білікті қыш бұйымдар мәдениетінің ортақ кезеңі), ерте темір ғасыры тұрағының екі қабаты (ерте және кейінгі сақ уақыты) мен үйсін кезеңінің қорымы кіреді. Осы алаң 1200 жылдай бойы ежелгі қоныс пен қотан ретінде пайдаланылған. Зерттеу нәтижесінде ескерткіштің әртүрлі кезеңдерде қызмет етуінің мәдени-тұрмыстық дәстүрінде сабақтастық болғандығы анықталды. Олай болса, Турген-II археологиялық кешені Іле Алатауының таулы аймағы ауданындағы б.з.д. II мыңжылдықтың ортасы – 1,5 мыңжылдықтан орта ғасырға дейінгі аралықтағы ежелгі мәдениеттің дамуын қадағалауға мүмкіндік береді.

Summary

The archaeological complex of Turgen-II is the brightest monument characterizing the basic stages of settling and development in a mountain zone of Gorge of Turgen by the ancient population. It is located on the flat platform of the ancient moraine which is in 500 m to the northeast from a place of merge of a stream of Kyzylbulak with the small river with the same name. It is a complex monument which structure includes two layers of settlements of the Epoch of Bronze (Late Andronovo time and the period of a generality of cultures of roll-type ceramics), two layers of site of the Early Iron Age (Early and Late-Saka time) and a burial ground of the Wusun period. This platform was used as ancient settlements and temporal settlements in an extent almost 1200 years. As a result of researches the continuity of cultural and community traditions at different stages of functioning of a monument is revealed. Thus, the archaeological complex of Turgen-II allows to track the evolution of ancient cultures in the territory of a mountain zone of Zailiysky Ala Tau throughout almost 1,5 thousand years – from the middle of the 2-nd Millennium BC up to the Middle Ages.

Есин Ю.Н.

Тягловые животные и возникновение древнейших изображений повозок Минусинской котловины

В наскальном искусстве Минусинской котловины имеется серия изображений повозок, созданных во второй половине III – начале II тыс. до н.э. Они являются древнейшим достоверным свидетельством знакомства населения региона с колесным транспортом. В настоящее время большинство исследователей связывает их с окуневской археологической культурой. Эти материалы имеют большое значение как для изучения региональной истории, так и для изучения процессов расселения древних скотоводов евразийского степного пояса, изучения связанных с повозкой мифологических представлений и обрядов.

Изображения колесного транспорта эпохи ранней бронзы Минусинской котловины уже не раз привлекали внимание исследователей (Леонтьев, 1980а, с. 66-69; Кызласов, 1986, с. 178-179; Новожинов, 1994, с. 97-103; Савинов, 1997, с. 210; и др.). Новое, более тщательное копирование памятников окуневского наскального искусства, проведенное автором в последние годы, позволило существенно уточнить многие изображения повозок, выявить новые рисунки, устранить некоторые недоразумения. Обновление источниковой базы обусловило актуальность нового специального анализа всей серии древнейших изображений повозок Минусинской котловины. Предварительные краткие

результаты изучения их конструкции и приемов пространственного построения уже публиковались (Есин, 2009, 68-71; Есин, 2010б, с. 67; Есин, 2011, с. 31). Данная работа посвящена специальному анализу образов тягловых животных и возничих.

Всего при подготовке статьи учтено 10 относительно хорошо сохранившихся изображений повозок из Минусинской котловины. Объекты, на которые они нанесены, можно разделить на две основные группы: 1) стелы и плиты (9 изображений); 2) скальные обнажения гор (1 изображение). У четырех изображений кузов повозки показан в проекции сбоку, у трех изображений – в проекции сверху, еще у трех изображений – сочетает проекции сбоку и сверху.

Все имеющиеся изображения свидетельствуют об использовании в эпоху ранней бронзы в Минусинской котловине только парной запряжки. В частности, три повозки показаны с парой быков (рис. 1, 1; рис. 2, 1). Две другие изображены без животных,

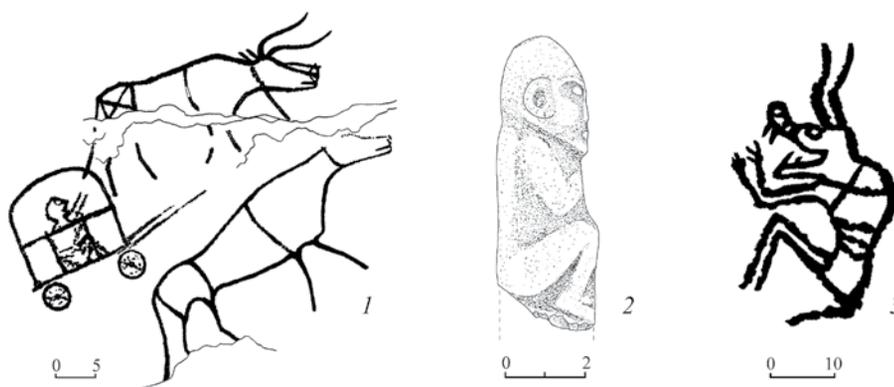

Рис. 1. Повозка на стеле из с. Знаменка и самостоятельные изображения в позе возничего

но имеют перекладки с ярмом для парной упряжки. Впереди еще двух повозок прочерчено по две пары ремней или веревок для управления парной упряжкой, сдвинутых относительно друг друга по вертикали.

У двухколесных повозок без тягловых животных перекладка с ярмом изображена в проекции спереди и повернута на 90° относительно реального положения на дышло. Конструкция ярма очень своеобразна. Оно состоит из перекладки с закрепленными на ней дугообразными «рогатками» (вероятно, вставленными концами в отверстия на перекладке), изготовленными из цельного изогнутого бруска или ствола тонкого дерева. При этом сверху перекладки оставалась небольшая петля (Есин, 2009, рис. 3). Она могла использоваться для пропускания ремней или веревок, выполняя функцию распределителя поводов. Эту же функцию у повозок из Передней Азии III – начала II тыс. до н.э. выполняла пара специальных металлических колец, закрепленных на дышле при помощи штыря, либо пара отверстий в передней стенке кузова (Горелик, 1985, с. 186; Littauer, Crouwel, 2002, pl. 156, 165, 166).

У одного из тягловых животных в упряжке со стелы из окрестностей с. Красный камень показан ошейник, свисающий в виде петли (рис. 2, 1). Разные варианты таких же ошейников, часто дополненных различными декоративными элементами, изображались на шее окуневских распряженных волов и коров (рис. 2, 2, 3). Это еще один атрибут домашнего животного. Он мог использоваться двояко: 1) для привязывания распряженного животного, один из возможных способов которого существовал в относительно недавнее время у тувинцев (Даржа, 2009, с. 219); 2) для закрепления на шее животного ярма, как это практиковалось в древности на Ближнем Востоке. Ближневосточные ошейники делались из кожи или ткани, часто были плетеными, и, подобно окуневским, украшались свисающими фестонами или несколькими кистями из шерсти (Горелик, 1985, с. 189). У боевых повозок они выполняли функцию защиты груди животных (рис. 2, 4). Судя по рисунку из окрестностей с. Красный камень (рис. 2, 1), дышло, крепившееся посредством ярма на шее животных, дополнительно фиксировалось ремнями на спинах в области лопаток (возможно, чтобы уменьшить давление

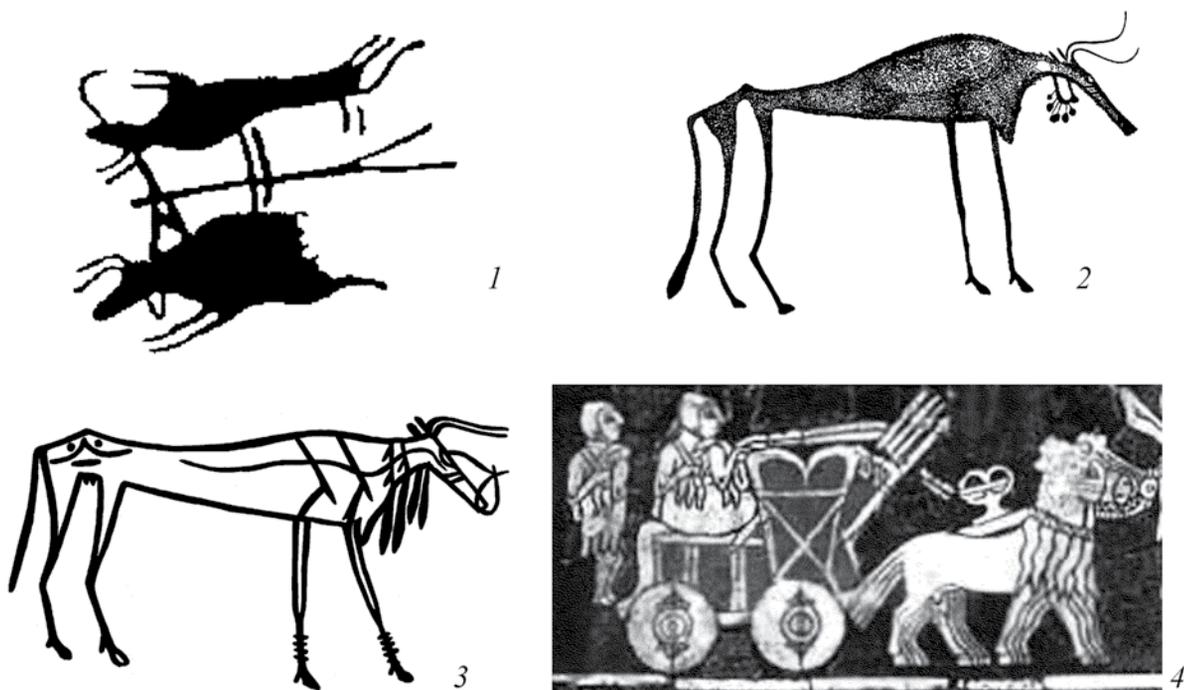

Рис. 2. Тягловые животные с ошейниками в окуневском искусстве (1-3) и на штандарте из Ура (4)

Рис. 3. Поперечные линии на мордах лошади и лося с Сулекского комплекса памятников наскального искусства

груженной повозки на шею). Схожий элемент упряжи представлен в одиночной бычьей запряжке у тувинцев (Даржа, 2009, фото на с. 261).

Тягловые животные независимо от проекции кузова повозок всегда изображены в профиль. У повозок с профильным ракурсом кузова из Знаменки (рис. 1, 1) и плановым ракурсом из Черновой VIII использовался сдвиг тягловых животных по вертикали, в результате чего одно животное расположено над другим, а ноги обоих направлены вниз. У повозки в плановом ракурсе из Красного камня (Appelgren-Kivalo, 1931, abb. 131) при изображении тягловых животных использован поворот плоскости проекции, в результате чего животные тоже показаны сбоку одно над другим, но ноги животных направлены в противоположные от дышла стороны (рис. 2, 1). На одном рисунке животные идут шагом, а на двух других движутся в стремительном галопе.

У всех тягловых животных поджарое туловище, длинные ноги, узкая и вытянутая морда. По этим признакам они заметно отличаются от имеющих в окуневском искусстве изображений тучных быков. Также меньшим размером отличаются у них изображения признаков пола между задних ног и на животе, либо они вообще не показаны. Различия между двумя группами изображений крупного рогатого скота, вероятно, основаны на естественных различиях в экстерьере животных разного пола. При этом они существенно

акцентированы, отражают существовавшее в культуре противопоставление между образами быка-производителя, с одной стороны, и коровы, вола, с другой (Леонтьев, 1980б, с. 31). В данном контексте изображенные с повозками тягловые животные принадлежат к группе волов и коров. У некоторых в носу показана петля из деревянного или металлического стержня с перекрещенными концами. От петли в сторону рогов тянется веревка для управления животным (возможно, она обвязывалась вокруг основания рогов) (рис. 1, 1; рис. 2, 3). Петля в носу – древнейший способ управления тягловыми животными, представленный на многих ранних изображениях, но сохранившийся и до настоящего времени (Радлов, 1989, с. 490; Даржа, 2009, с. 220). При этом форма окуневского приспособления, вставлявшегося в нос животных, отличается от известных в других древних культурах (Миклашевич, 2003-2004, с. 20). Среди имеющихся находок окуневским петлям ближе всего металлические стержни с перекрещенными концами, известные в материалах майкопской культуры, а также среди находок и изображений из Месопотамии и Элама (Канторович и др., 2009, с. 49-50). Однако если концы окуневских петель обычно пересекаются под острым углом, то у данных изделий они загнуты под углом около 180° (Корневский, 2004, рис. 106, 14, 21-23 и др.).

Среди изображений копытных с петлей в носу имеются животные, между задних ног которых выгравирован элемент в форме вы-

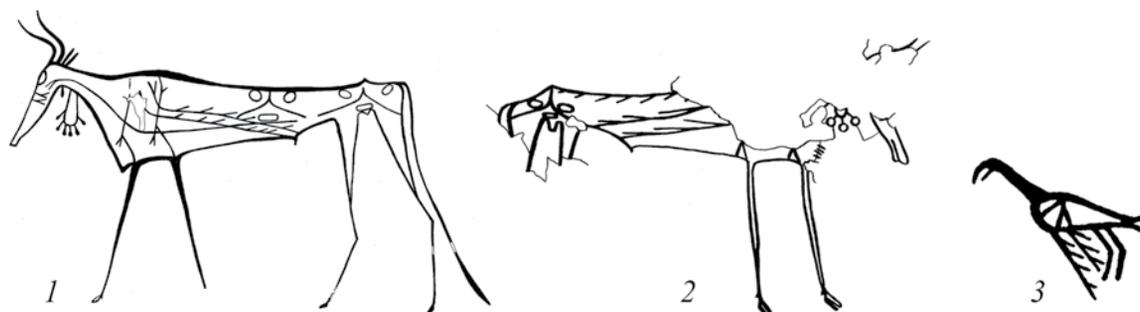

Рис. 4. Изображения крыльев у фигур волов и птицы
(1 – Аскиз, 2 – Сулекский комплекс, 3 – Бутрахты)

мени (рис. 2, 3). Это весомый аргумент в пользу предположения, что кроме волов в качестве тягловых животных окуневцы могли использовать и коров. Такой вариант вполне вероятен, учитывая их большую в сравнении с быком покладистость (Кожин, 1986, с. 186). В одном случае (Черновая VIII) между поводом двухколесной повозки изображена голова копытного без рогов. Скорее всего, она тоже символизировала тягловое животное. По форме морды и ушей она напоминает голову животного семейства лошадиных и более всего похожа на голову мула. Любопытны и сами поводы этой повозки (а также соседней): для управления каждым животным здесь используется пара ремней, тогда как обычно при управлении волом применяется один ремень, привязанный к кольцу в носу. Один из возможных вариантов использования такой упряжи, при сохранении кольца в носу животного, представлен на оттиске печати XX – XIX вв. до н.э. из Малой Азии с изображением двухколесной повозки: один конец ремня здесь привязан к носовому кольцу, а другой находится в средней части перекладины ярма (Новоженев, 1994, рис. 5, 12). Подобная упряжь представлена и на двухколесной повозке из Саймалы-Таш (Шер, 1980, рис. 107, 7). Примечательно, что в качестве тягловых животных на печати, а возможно и в Саймалы-Таш, изображены эквиды. Косвенным указанием на то, что кроме волов окуневцы могли запрягать в относительно легкие двухколесные повозки и лошадей, может служить вырезанная на стеле из окуневского могильника Лебяжье одиночная фигура лошади

с ошейником. Несколько изображений лошадей с петлями в носу и уздой на морде выделила в окуневском искусстве Е.А. Миклашевич (2006, рис. 2а, 3а, 4). Правда, в одном случае, изображенное животное является комолым волом (там же, рис. 3а), а в другом бычьи рога, возможно, просто не сохранились (там же, рис. 4). У некоторых волов и лошадей на морде изображены поперечные линии (рис. 2, 3; 3, 1), которые можно истолковать как детали намордника, применявшегося для фиксации повода и управления животным (Даржа, 2009, с. 220). Однако такие же линии встречаются и на мордах лосей (рис. 3, 2). В целом, имеющиеся материалы не позволяют пока прийти к твердому выводу об использовании окуневцами эквидов в качестве тягловых животных, хотя и не исключают такую возможность.

Необходимо отметить, что у тягловых животных на туловище часто имеются поперечные линии. С их помощью голова отделена от шеи, а туловище разделено на две или три части (рис. 1, 1). Кроме того, на туловище изображались косые кресты. Характерен один крест на задней части крупа. У двух волов еще по два креста изображены ближе к голове. У некоторых фигур распряженных животных на крупе бывают показаны один или два антропоморфных лика, элементы анатомического строения, а на морде – пара поперечных линий, подобных поперечным линиям на ликах окуневских божеств (рис. 2, 3; рис. 4, 1, 2). Поскольку поперечные линии, показанные на ликах божеств окуневских стел, воспроизводились в ритуальной раскраске лиц лю-

Рис. 5. Изображение с горы Тепсей

ются различия по размеру, наличию половых признаков, изображениям на туловище, позе и др. Видимо, это не случайность, а намеренное противопоставление. Оно сопоставимо с различием в трактовке колес, расположенных на противоположных концах одной оси некоторых окуневских повозок. Среди имеющихся инокультурных параллелей факту противопоставления ряда признаков правого и левого животных в упряжке можно отметить противопоставление священных быков из упряжки Тешуба в хурритской мифологии, имена которых означают «Утро» и «Вечер». С противоположными частями суток (день и ночь) соотносились также упряжные животные в колеснице Ашвинов. Близкой к окуневской, но другой формой реализации подобного рода противопоставлений являются так называемые «чудесные» упряжки из Саймалы-Таш в Киргизии и других памятников, запряженные животными разных видов (Шер, 1980, с. 281-285). Подобно тягловым животным из упряжек Тешуба и Ашвинов окуневские животные, видимо, тоже отождествлялись с мифологическими образами. Их мифологический характер особенно наглядно раскрывают некоторые изображения распряженных волов и коров. Порой у них на туловище изображена пара наклонных линий с короткими параллельными черточками вдоль одного края. В рамках окуневского искусства такой знак полностью аналогичен крыльям птиц на стеле из улуса Бутрахты (рис. 4). Таким образом,

дей того времени, можно предполагать, что туловище и морда реальных тягловых животных тоже могли расписываться краской, воспроизводя элементы, известные нам по наскальному искусству.

Между животными в рамках каждой упряжки име-

некоторые окуневские тягловые животные, несомненно, представлялись крылатыми, т.е. способными передвигаться по небу. Наличие в окуневском искусстве большого числа изображений тягловых животных, показанных без повозок, свидетельствует об особом почитании этих мифологических персонажей.

С четырьмя повозками эпохи ранней бронзы Минусинской котловины изображены антропоморфные фигуры. В трех случаях они показаны сидящими в боковой проекции (Черновая VIII, Знаменка), а в одном случае фигура изображена стоящей анфас (Тепсей). У двух профильных фигур на туловище изображены косые кресты, у одной – пояс (рис. 1, 1). Их руки согнуты в локтях и направлены вверх. В двух случаях к ним идут линии, изображающие поводья. Одна фигура держит перед грудью в правой руке копье или стрекало, наконечник которого показан в виде раздвоенного языка змеи. У другой в левой руке показана извилистая линия – изображение хлыста или змеи; какой-то изогнутый предмет, возможно хлыст, имеется и в поднятой вверх правой руке. Головы всех профильных фигур имеют европеоидные признаки – высокую и узкую форму, крупный нос, большие глаза.

Поза сидящих возничих обнаруживает аналогии среди других материалов окуневского искусства. Одна из них – скульптурная мужская фигура из д. Калы на фрагменте жезла из красной яшмы (рис. 1, 2; Леонтьев, 1997, с. 235; Есин, 2010а, с. 43). Параллель явно не случайная, т.к. на конце других таких жезлов изображена голова быка (Есин, 2010а, с. 45, рис. 5). Еще одна параллель – изображение зооантропоморфного божества из Черемушного лога, у которого кроме сходной позы имеется еще крест и пояс на туловище как у реалистичных изображений возничих на повозках. У этого изображения показана голова хищного зверя с рогами быка (рис. 1, 3).

Антропоморфная фигура, показанная анфас, трактована очень схематично (рис. 5). Ее руки заканчиваются изображением раскрытой пасти змеи, что имеет параллели у других образов окуневского искусства и, вероятно,

указывает на смертельность прикосновения. Возможно, эта фигура тоже является возникшим. У фигуры нет головы, но при этом весь данный рисунок одновременно ассоциируется с одним из типов антропоморфных лиц окуневского искусства. Глазами этого лица являются кружки, расположенные ниже «рук», а повозка занимает позицию рта (Есин, 2001). Возможность отождествления позиции повозки со ртом — органом для уничтожения и проглатывания — раскрывает ее осмысление как средства перемещения в потусторонний мир, что перекликается с использованием повозок в погребальных обрядах различных народов.

Возникшие окуневских повозок, как и возникшие на печатях из Передней Азии (Кузьмина, 1980, с. 20), в гимнах Ригvedы, являются божествами. Две фигуры возникших вооружены, но оружие это особое: копье или стрекало с наконечником в виде языка змеи и бич в форме змеи или сама змея. Копья показаны и внутри повозки без возникшего на стеле из с. Усть-Бурь.

Не исключено, что две повозки с возникшими на одной плитке из Черновой VIII являются единой композицией. В этом случае ее можно сравнить с образом двух возникших из гимнов Ригvedы — Ашвинов. Правда, у Ашвинов в упряжке лошади, а в окуневском искусстве тягловыми животными изображались вола. Но Ригveda связана с более поздним временем и отразила новые достижения в развитии колесного транспорта. Два божества связаны с колесным транспортом с бычьей запряжкой и в хурритской мифологии. Это бог грозы Тешуб и его брат и постоянный спутник Тасмису. Две повозки с парной бычьей запряжкой изображены на более близком окуневскому времени серебряном сосуде из Афганистана, причем в одной из них сидят сразу два мужских персонажа (Francfort, 2002, fig. 4). Те же две человеческие фигуры показаны в кузове четырехколесной повозки с парной бычьей запряжкой на памятнике Кульжабасы в Казахстане (Рогожинский, 2011, рис. 1, 3). По конструкции кузова эта повоз-

ка также близка афганской, но отличается по конструкции дышла и использованным приемам пространственного построения.

Изображения повозок, самостоятельные изображения волов и возникших, как и другие изображения окуневских стел, связаны с ритуальной практикой древнего населения региона. Проанализированные выше признаки и атрибуты тягловых животных и возникших позволяют сделать вывод, что эти образы отождествлялись с мифологическими персонажами. Это перекликается с ритуальной функцией моделей повозок в культурах западных областей Евразии, мифологическим контекстом изображений повозок на печатях Передней Азии, мифологическим значением всех повозок, упоминаемых в Ригvedе (Елизаренкова, Топоров, 1999, с. 490, 508). Вместе с тем, древнейшие изображения повозок Минусинской котловины, несомненно, отражают реалии своей эпохи и позволяют реконструировать некоторые особенности запряжки и декорирования тягловых животных, характерные позы и особенности одевания возникших, которые были присущи культуре скотоводческого населения региона более 4 тыс. лет назад.

Литература:

Горелик М.В. Боевые колесницы Переднего Востока III – II тысячелетий до н.э. // Древняя Анатолия. – М., 1985. – С. 183-202.

Даржа В.К. Традиционные мужские занятия тувинцев. – Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2009. – Т.1: Хозяйство, охота, рыбалка. – 592 с.

Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Мир вещей по данным Ригvedы // Ригveda. Мандалы V-VIII. – М., 1999. – С. 487-525.

Есин Ю.Н. Семантика изображений рта в окуневском искусстве // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001. – С. 229-232.

Есин Ю.Н. Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины: пространственные построения и конструкция // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. – Красноярск, 2009. – Т. I. – С. 68-72.

Есин Ю.Н. Тайна богов древней степи. – Абакан: Хакасский научно-исследовательский ин-т языка, литературы и истории, 2010а. – 184 с.

Есин Ю.Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусин-

ской котловины // Афанасьевский сборник: сборник научных статей. – Барнаул, 2010б. – С. 53-73.

Есин Ю.Н. Наскальные изображения повозок эпохи ранней бронзы Минусинской котловины // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской Писаницы: матер. междунар. научн. конф. – Кемерово, 2011. – Т. 2. – С. 31.

Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г. Находка бронзовых элементов управления быками (носовых колец) в 2009 г. и проблема переднеосточных связей майкопской культуры Северного Кавказа // Древность: историческое знание и специфика источника: матер. междунар. научн. конф., посв. памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского. – М., 2009. – С. 49-51.

Кожин П.М. Первые повозки // ВИ. – 1986. – № 7. – С. 185-189.

Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М.: Наука, 2004. – 243 с.

Кузьмина Е.Е. Этапы развития колесного транспорта Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы (к проблеме миграции индоиранских племен) // ВДИ. – 1980. – № 4. – С. 11-35.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. – 296 с.

Леонтьев Н.В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. – Абакан, 1980а. – С. 65-84.

Леонтьев Н.В. Гравированные изображения животных в могильнике Черновая VIII // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980б. – С. 27-34.

Миклашевич Е.А. Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника Лебязье // Вестн. САИПИ. – 2003-2004. – Вып. 6-7. – С. 17-27.

Миклашевич Е.А. Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной лошади в Южной Сибири // Окуневский сборник 2: культура и ее окружение. – СПб., 2006. – С. 191-211.

Новоженков В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. – Алматы: Аргументы и Факты Казахстан, 1994. – 267 с.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Рогожинский А.Е. Образы и реалии древнеземледельческой цивилизации Средней Азии в наскальном искусстве эпохи бронзы Южного Казахстана и Семиречья // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: матер. междунар. научн. конф. – Кемерово, 2011. – Т. 2. – С. 87-99.

Савинов Д.Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник. – СПб., 1997. – С. 202-212.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altische Kunstdenkmaler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien

und der Mongolei. 1887–1889. – Helsingfors: Finnische altertumsgesellschaft, 1931. – 47 S., 72 Taf.

Francfort H.P. Images du char en Eurasie orientale des origines a la fin du 1er millenaire AV. J.-C. // Первобытная археология. Человек и искусство. – Новосибирск, 2002. – С. 80-89.

Littauer M.A., Crouwel J.H. Selected writings on chariots and other early vehicles, riding and harness. – Leiden-Boston-Koln: Brill, 2002. – 722 pp.

Түйін

Мақалада Енисей өзені бассейнінің оңтүстік бөлігіндегі Минусин қазанишұңқыры аумағындағы б.з.д. III мыңжылдықтың екінші жартысы – II мыңжылдықтың басындағы көлік жануарлары мен арбалар суреті қарастырылады. Олар Саян-Алтайдағы атақты ежелгі доңғалақты көлік суреттерімен байланысты. Барлық арба қос жануар жегуге арналған. Көлік жануарлары, шамасы өзгешеліктері мен сиырлар болған. Қолда бар материалдар көлік жануарларының осы түрін қолданғандығы жөнінде нақты қорытынды жасауға мүмкіндік бермегенімен мұндай пікірді жоққа шығармайды. Жануарларды басқару үшін мұрындыдағы ілмекті – мұрындықты, бұғаудың ерекше түрін пайдаланған. Көлік жануарлары мен арбалардың атрибуттары мен белгілері олар мифологиялық бейнелермен теңдестіріліп берілген деген қорытынды жасауға мүмкіндік береді. Сонымен бірге, суреттер өз дәуірін шынайы әсерлеген және көлік жануарларын сәндеу мен жегудің бірқатар ерекшеліктерін, сипаттық кейіптері мен арбаны жасақтаудың өзгешеліктерін қалпына келтіруге мүмкіндік береді.

Summary

The paper explores images of draught animals and charioteers dated by second part of the III – beginning of the II millennia B.C. and found on the territory of Minusinsk basin in the South of Yenisei region. They are connected with the most ancient wheeled vehicles images of Sayan-Altay. All the vehicles were intended for paired harnessing. The draught animals could be oxen and cows. All the available materials do not exactly confirm and do not shut out the possibility of usage of equids as draught animals. A loop in a nose, a collar, a youk of special type were used to control animals. Features and attributes of the draught animals and charioteers let us draw a conclusion that they were homologated with mythological characters. At the same time the images captured realia of that epoch and allow us to reconstruct some harnessing and decoration peculiarities of draught animals, characteristic poses and peculiarities of charioteers' garments.

Хохлов А.А., Китов Е.П.

Предварительное сообщение о краниологических материалах ранних этапов бронзового века с территории Западного Казахстана

В 2010-2011 гг. совместной экспедицией Актюбинского областного центра истории, этнографии и археологии, филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана и Германского археологического института (DAI, г. Берлин) на территории Актюбинской области Казахстана были исследованы курганные могильники эпохи бронзы Кумсай, Жиренкопа. В анализе также были использованы материалы из могильника Шоктыбай III с территории Западно-Казахстанской области, исследовавшегося под руководством А.А. Бисембаева.

Данные памятники авторами раскопок были отнесены к ямной культуре. До настоящего времени с этой территории были изучены лишь единичные материалы, относящиеся к этой культуре. Мы имеем сведения лишь о курганных могильниках Ишкиновка I в Актюбинской области (Ткачев, Гуцалов, 2000) и Илекшар I в Западно-Казахстанской области (Нечвалода, 2004), и если брать шире, а именно зауральские степи, результаты исследования Александровских курганов Челябинской области (Малютина, Зданович, Гаврилюк, 2010). Здесь нужно сказать, что, несмотря на отношение названных памятников к ямной культуре, в некоторых случаях оно все же косвенное. Интерпретация материалов могильника Илекшар I дискуссионна, его относят и к раннебронзовому, и к началу среднебронзового века. Инвентарь из погребений этого памятника мало типичен для ямных древностей. Антропология александровских курганов пока еще не опубликована.

В связи с географическим местоположением исследованных памятников — между двумя великими степными культурами, в частности восточно-европейской ямной и южно-сибирской афанасьевской, все эти находки представляют большую ценность.

В области нашего внимания преимущественно материалы из Актюбинской области. В нашем распоряжении оказалась небольшая краниологическая серия, всего 6 черепов. Четыре из них удовлетворительной сохранности, в большей или меньшей степени, информативны. Краниометрические данные представлены в таблице № 1.

Можно сразу отметить, что морфологического единства между собой черепа не образуют — каждый характеризуется собственной спецификой черт. Весьма показательны в этом плане мужской череп из Кумсая и женский из могильника Жиренкопа. Первый из них отчетливо матуризованный, долихокранный и относительно средневысокоголовый, широколицый, со средневысоким лицевым отделом, выделяется внушительными размерами нижней челюсти, и особенно высотными. Второй, также весьма широколицый, но при этом имеет очень высокий лицевой отдел и относительно высокие орбиты, высокую верхнюю челюсть, отчетливо брахикранный и низкосводный, со специфической в профиль формой мозгового отдела, прямо поставленным лбом. Если череп из Кумсая можно связывать по комплексу черт с вариантами так называемого протоевропей-

ского типа, термина, широко используемого некоторыми антропологами применительно к ямным и афанасьевским сериям, то череп из Жиренкопы весьма специфичен. Следует обратить внимание на то, что они оба имеют ослабленный лицевой профиль на верхнем уровне, да и степень выступления носа, особенно на мужском объекте, не очень высокая, не так, как обычно прослеживается в ямных и афанасьевских сериях.

Два мужских черепа из Шоктыбая также различаются. Объект из погребения № 5 гиперморфный, мезокранный, имеет резко покатую лобную кость. Другой череп (п. 3) по размерам сравнительно меньше, выражено брахикранный и этим сближается с женским черепом из Жиренкопы. Однако, в лицевом отделе он именно мезоморфный, имеет крупные по размерам, сильно выступающие носовые кости и относительно миниатюрную нижнюю челюсть.

Мужской череп из Ишкиновки, как и другие «ямные» Западного Казахстана, весьма крупный, но из всех резко выделяется ультрадолихокранией, очень высоким лицом и резким лицевым профилем. По этому комплексу признаков он типологически южноевропейский.

Все намеченные различия между объектами едва ли можно отнести на счет проявления индивидуальной изменчивости в единой ямной популяции. К современности, в связи с увеличением фактической базы данных, достаточно распространенное изначально мнение о сравнительно однородной среде населения ямной культуры, представляющего варианты так называемого протоевропейского типа (Дебец, 1948), поменялось на представление о физической политипии и иногда полиморфизме ямных групп. И это вполне объективно, особенно, если учитывать их широкую хронологию существования — от позднеэнеолитического этапа в лице бережновского обрядового комплекса до второй половины среднебронзового века, отрезка времени наложения и контактов с полтавскими, катакомбными, тамаруткульскими и другими коллективами. Следует резюмировать просто — население ямной культуры в целом было гетерогенным, и в среде его локальных

групп, имевших собственный хозяйственно-культурный ареал и направленность в контактах, вырабатывались собственные физические особенности, что было убедительно продемонстрировано в работах антропологов (Шевченко, 1986; Хохлов, 1998, 1999, 2000, 2006). Подобная картина фиксируется как по материалам афанасьевской культуры (Герасимов, 1955; Алексеев, 1961; Солодовников, 2003, 2005), так и на данных антропологии, полученных с территории Западного и Северного Казахстана.

Краниометрические характеристики почти на каждом черепе из Актюбинской области как бы разбалансированы — сочетание признаков непривычно с точки зрения ямной принадлежности находок. Можно, конечно, каждому из них найти определенные аналогии в кругу краниологических серий степей и лесостепей Евразии эпохи бронзы, олицетворяющих приверженцев традиции использования охры в погребальном обряде. Одновременно следует подчеркнуть, что массивность черепа в сочетании с умеренной профилировкой лица были свойственны древнему, еще доямному, населению Казахстана. В частности это прослеживается на нео-энеолитических черепах могильников Усть-Нарымское (Восточно-Казахстанская обл.), Железинка, Шидерты (Павлодарская обл.) Ботай (Северо-Казахстанская обл.) и памятник Гладунино-3 из пограничной с Казахстаном Курганской области РФ. На наш взгляд, эти сходства, видимо, неслучайны и в целом могут отражать участие в расогенезе ямных групп Западного Казахстана местного энеолитического населения. Возможно даже, что оно составило основное антропологическое ядро носителей ямных традиций региона.

Литература:

- Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник III. // ТИЭ. — М., 1961. — Т. 71. — С. 107-206.
- Герасимов М.М.. Восстановление лица по черепу // ТИЭ, НС. — М., 1955. — Т. XXVIII. — 584 с.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ, НС. — М., 1948 — Т. 4. — 391 с.
- Ткачев В.В., Гуцалов С.Ю. Новые погребения энеолита — средней бронзы из Восточного Оренбуржья и

Северного Казахстана // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 2000. – С. 27-53.

Малютина Т.Т., Зданович, Г.Б., Гаврилюк А.Г. Некрополи укрепленного поселения Аркаим: Александровский IV. Захоронения патриархов Аркаимской долины // Аркаим-Синташта: древнее наследие Южного Урала. – ЧелГУ, 2010. – Ч. 1. – С. 179-206.

Нечвалода А.И. Новые палеоантропологические материалы эпохи ранней бронзы из Западного Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2004. – Вып. 3. – С. 319-328.

Солодовников К.Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – №10. – С. 3-27.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника Сальдьяр-1 в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // Ларин О.В. Афанасьевской культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. – Барнаул: Алтайский госуниверситет. – 2005. – С. 120-154.

Шевченко А.В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. – Л., 1986. – С. 121-215.

Хохлов А.А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпоху неолита-бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1998. – 23 с.

Хохлов А.А. Краниологические материалы ранней и начала средней бронзы Самарского Заволжья и Оренбуржья // Вестник антропологии. – М., 1999. – Вып. 6. – С. 97-129.

Хохлов А.А. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара, 2000. – С. 309-332.

Хохлов А.А. О краниологических особенностях населения ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Вестник антропологии. – М., 2006. – № 14. – С. 136-146.

Түйін

Жұмыс Батыс Қазақстан аумағындағы шұңқыр мәдениетіне жататын ерте қола ғасырының жаңа антропологиялық материалдарына арналады. Оба астындағы жерлеу орындарында қалған халықтардың краниологиялық ерекшеліктері сипатталады. Шұңқыр мәдениетін таратушылардың гетерогенділігін куәландыратын морфологиялық әртектіліктің топтамасы анықталады. Осы тұрғындардың тұлғалық келбетінің қалыптасуына жергілікті энеолиттің антропологиялық субстраты – энеолит мәдениетінің ұрпақтары қатысқан деген болжам жасалады.

Summary

The research deals with new anthropological materials from Early Bronze Age of Western Kazakhstan, which belong to the Yamnaya culture (Pit Grave culture). The paper describes craniological features of the people who left under-kurgan burials. It highlights the morphological variability of series, which indicates the heterogeneity of bearers of the Yamnaya culture. It is suggested that the descendants of the Eneolithic cultures took part in the formation of the physical appearance to the local Eneolithic anthropological substratum (a foundation).

Таблица 1 – Краниометрические показатели черепов «ямной» культуры Западного Казахстана

Признак		Ишкиновка I	Кумсай	Шоктыбай III			Жиренкопа
		к.3,п.7	объект I п.3	п.3	п.4	п.5	объект 3 п.1
		муж	муж	муж	муж	муж	жен
1.	Продольный диаметр	206,0	198,0	178,0	-	193,0	183,0?
8.	Поперечный д.	132,0	139,0	156,0	-	149,0	153,0?
17.	Высотный д.	-	137,0?	133,0	-	-	-
20.	Ушная высота	119,0	121,0	114,0	-	115,0	112,5
9.	Наим.ширина лба	101,0	111,0	101,0	-	-	101,0
11.	Шир.осн. черепа	125,0	133,0	134,0	-	139,0	135,0?
12.	Ширина затылка	104,5	115,0	119,0	-	119,0	-
43.	Верхняя ширина лица	115,0	123,0	107,5	-	-	108,0
45.	Скуловой диаметр	143,5?	-	136,0	-	-	145,0
46.	Средняя ширина лица	-	94,0	103,5	-	-	95,0
47.	Полная высота лица	133,0	126,5	-	-	-	122,0
48.	Верхняя высота лица	80,5	72,5?	72,5	-	-	78,0
51.	Ширина орбиты	48,3	46,0	43,8	-	-	45,4
52.	Высота орбиты	35,0	28,6	34,5	-	-	35,1
54.	Ширина носа	22,4??	26,9	29,2	24,3	-	27,8
55.	Высота носа	55,7	53,9	54,7	-	-	54,4
60.	Длина альвеол. дуги	-	57,5	54,5	-	61,0	57,0
61.	Шир. альвеол. дуги	-	65,0	64,0	-	70,0	60,0
sc.	Симотическая ширина	11,4	10,0	9,2	-	-	7,8
ss.	Симотическая высота	4,3	4,8	5,4	-	-	3,6
mc.	Максиллофр. ширина	-	24,8	20,9	-	-	19,7
ms.	Максиллофр. высота	-	6,6	9,8	-	-	6,2
FC.	Глуб. клыковой ямки	6,0	8,2	9,9	8,5	-	8,1
32.	Наклона лба	80,0	80,0	76,0	-	-	90,0
GM/FH	Профиля лба от g.	74,0	74,0	72,0	-	-	83,0
33(4).	Перегиба затылка	-	125,1	130,0	-	-	-
72.	Общелицевой	82,0	80,0	85,0	-	-	80,0
74.	Альвеолярной части	76,0	64,0?	76,0	-	-	74,0
75(1).	Выступания носа	44,0	26,0	37,0	-	-	30,0
77.	Назомаллярный	131,0	144,0	135,0	-	-	151,0
zm.	Зигомаксиллярный	-	125,0	132,0	-	-	127,0
8/1.	Черепной	64,0	70,2	87,6	-	77,2	83,6?
17/1.	Высотно-продольный	-	69,2?	74,7	-	-	-
17/8.	Высотно-поперечный	-	98,6?	85,3	-	-	-
9/8.	Лобно-поперечный	76,5	79,9	64,7	-	-	66,0
48/45.	Верхнелицевой	56,1	-	53,3	-	-	53,8
52/51.	Орбитный	72,5?	62,2?	78,8	-	-	77,3
54/55.	Носовой	-	49,9	53,4	-	-	51,1
61/60.	Альвеолярный	-	-	117,4	-	114,8	-
ss/sc.	Симотический	37,7	48,0	58,7	-	-	46,2
Надпереносье		-	5,0	4,0	-	-	2,0
Загыл. бугор.		2,0	5,0	3,0	-	-	1,5
Сосцев. отр.		3,0	3,0	3,0	-	-	2,0
Пер.-носов. к.		5,0	3,0	3,0	-	-	3,5
65.	Мыщелковая ширина	40,5	-	-	-	-	128,0
66.	Угловая ширина	41,0	-	-	-	-	88,0
69.	Высота симфиза	66,0	40,8	33,4	-	39,5	36,1
69(3).	Толщина тела	-	14,5	12,8	-	16,8	11,7
71a.	Наим.ширина ветви	-	43,3	-	-	40,4	28,3
C.	У. выст. подбородка	-	-	69,0	-	-	75,0

Ломан В.Г., Кукушкин И.А.

К вопросу о культуре плодородия у андроновцев (федоровцев)

В 2009 г. в Карагандинскую областную инспекцию по охране историко-культурного наследия поступило сообщение от жителей поселка Жумыскер (Шетский район Карагандинской области, в 150 км к югу от г. Караганды) о том, что в осыпавшемся берегу реки Караганды ими были замечены человеческие кости. На место находки выехала экспедиция Сарыаркинского археологического института при КарГУ им. академика Е.А. Букетова и представители инспекции.

При обследовании береговой площадки и обреза берега были обнаружены многочисленные кости животных, а также собраны фрагменты керамики, каменные пест и терочник, бронзовые вток и обломок шила.

Каменный пест (рис. 5, 3) цилиндрической формы, длиной 9 см, диаметром в средней части 5,5 см.

Терочник (рис. 5, 1) имеет в разрезе треугольную форму, размеры 5,5 x 6,5 x 7,5 см, верхний конец закруглен, рабочая поверхность (нижняя) залощена от работы.

Бронзовый вток (рис. 5, 2), литой, полый, конусовидной формы с закругленным концом, длиной 3 см, диаметром в нижней части 1 см.

Обломок бронзового шила (рис. 5, 4), прямоугольного (0,3 x 0,3 см) в разрезе, длиной 5 см.

Фрагменты керамических сосудов (рис. 3; 4) орнаментированы треугольниками, желобками, зигзагами, меандром, поверхность многих обработана лощением.

Характерный облик керамики определяет культурную принадлежность открытого поселения, относящегося к нуринскому варианту федоровской культуры.

В обрыве правого берега реки на глубине 1,1 м от его верхнего края была зафиксирована обнажившаяся теменная часть человеческого черепа (рис. 1, А). Над предполагаемым погребением был заложен раскоп 2 x 2 м. После того как его

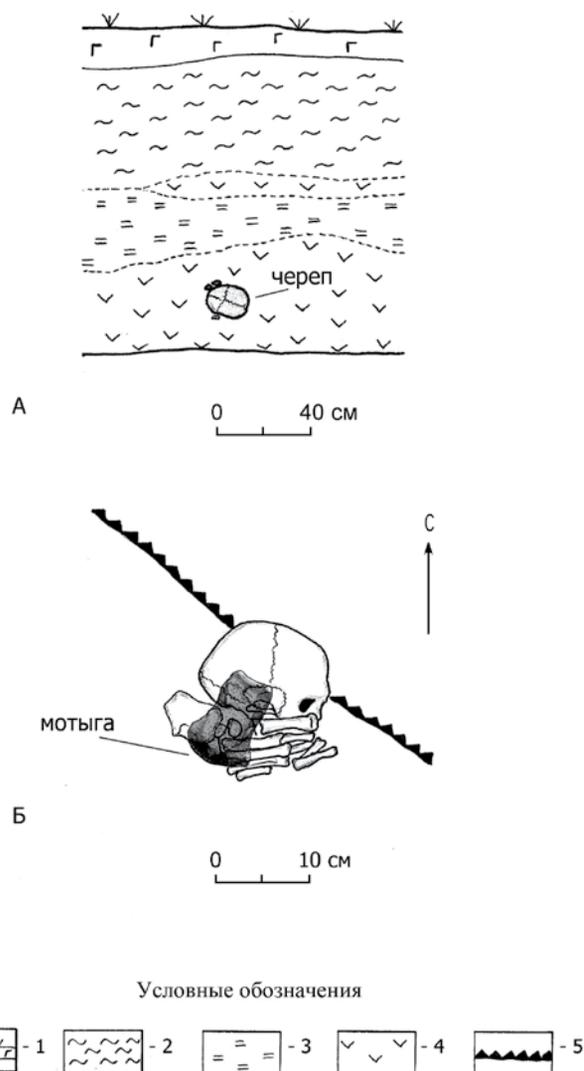

Рис. 1. – А: стратиграфия берегового обреза; Б: жертвоприношение (план).
Условные обозначения: 1- дерн; 2- серый золистый; 3- бурозолистый; 4- светло-серый золистый; 5- обрыв

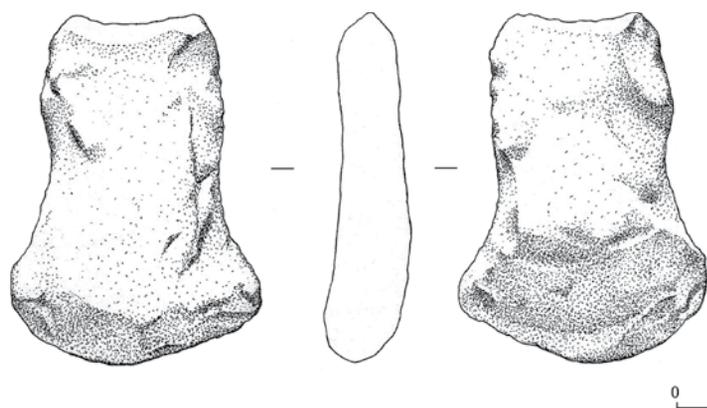

Рис. 2. – Каменная мотыга из жертвоприношения

глубина была доведена до уровня залегания черепа, обнаружилось отсутствие скелета.

Череп юноши 18–20 лет, европеоидного облика, был накрыт сверху отрезанной левой ступней и лежал на правой ступне, под которой была найдена небольшая каменная мотыжка (рис. 2) средними размерами 1,8 x 5 x 10 см. Череп покоился на левом боку лицевой частью на ЮВВ, теменем к реке (рис. 1, Б). Пальцы ступней также были направлены к реке.

Судя по всему, удалось обнаружить один из редких случаев человеческого жертвоприношения на андроновском поселении. Отметим, что жертвоприношение находилось в слое зольника, а связь поселенческих зольников с древней ритуальной практикой существовала и в более позднее время (Гершкович, 2009; Папин, 2002; Русанова, 1998).

Совместное нахождение каменной мотыги, стопы и черепа человека на поселении, названном нами Кайракты, выходит за рамки закладной строительной человеческой жертвы, нередко ребенка, отмечаемой на ряде поселений эпохи бронзы (Зданович Г.Б., 1983, с. 3; Тамимдарова, 2007, с. 76-77). Каждый из перечисленных предметов несет свой знаковый смысл, а их соединение является своего рода текстом, раскрывающим общий смысл данного обряда. Так, каменная мотыга связана с обработкой земли, поля. Стопы символизируют движение. Голова, в свою очередь, являлась вместилищем души и признавалась средоточием жизненной силы (Мандельштам, 1968, с. 122). Возможно, совершившие жертвоприношение считали, что дух умершего будет вечно обрабатывать их поле или же, если

учесть место размещения (у реки), будет проводить на него воду. В качестве варианта интерпретации, древний обрядовый текст может быть прочитан и как призыв к божеству плодородия — «пусть на наше поле придет большой урожай». Так или иначе, находка человеческого черепа в купе с мотыгой является явным свидетельством существования аграрных ритуалов у федоровцев. В данной связи очевидно еще, что земледелие было существенной частью их экономики.

Во многих древних обрядах, связанных с умирающими и возрождающимися богами плодородия, например, такими как Осирис, Атгис, Адонис, Ярила, кульминационным событием было жертвоприношение человека, символизировавшего собой божество, особенно на ранних этапах истории. Всеобъемлющая зависимость человека от сил природы заставляла любыми способами, в том числе и человеческим жертвоприношением, обратиться к могуществу себе во благо.

Верования андроновцев, в данном случае федоровцев, по всей видимости, не являлись исключением.

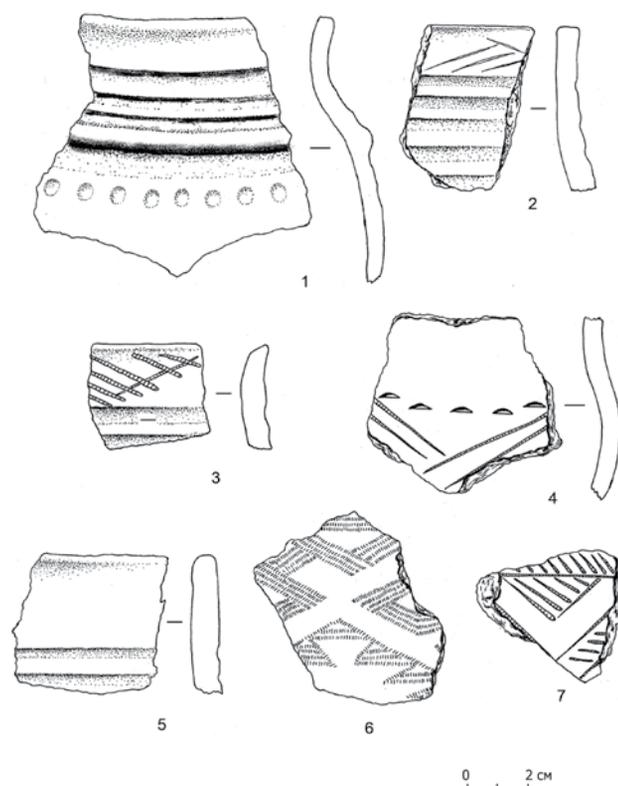

Рис. 3. – фрагменты керамики (подъемный сбор)

Литература:

Гершкович Я.П. Зольники белогрудовского типа — сложные монументальные структуры эпохи поздней бронзы // Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы. — Донецк: «Донбас», 2009. — С. 327-332.

Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск: изд-во БашГУ, 1983. — С. 48-68.

Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. — 1968. — №145. — 184 с.

Папин Д.В. Особенности функционирования зольника эпохи поздней бронзы поселения Рублево-VI // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. — Барнаул, 2002. — С. 181-183.

Русанова И.П. Культовые зольники скифского времени // МАИЭТ. — Вып. 6. — Симферополь, 1998. — С. 160-172.

Тамимдарова Р.Р. Человеческое захоронение на поселении Таналык // Кадырбаевские чтения: матер. междунар. научн. конф. — Актобе, 2007. — С. 76-77.

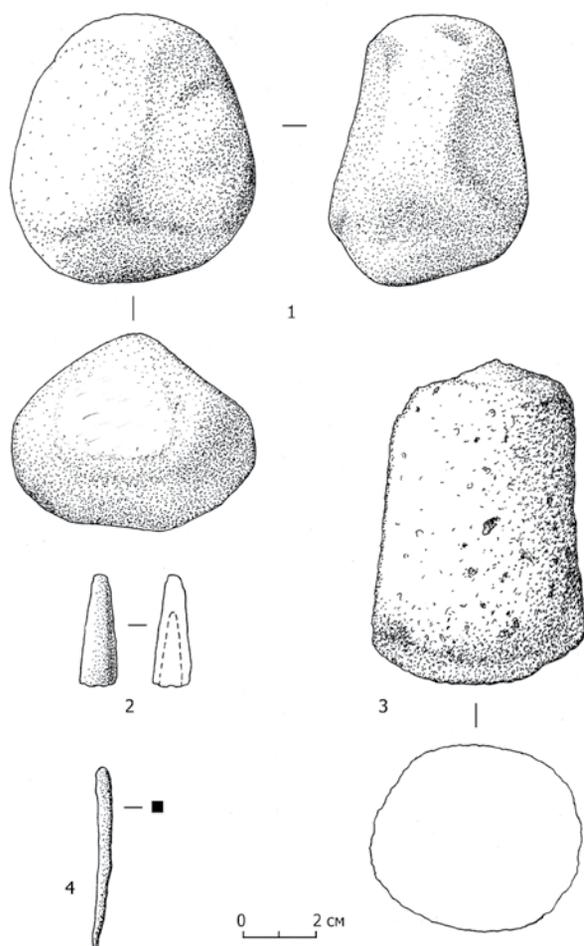

Рис. 5 — вещевой инвентарь (подъемный сбор). 1 - каменный терочник; 2 - бронзовый вток; 3 - каменный пест; 4 - обломок бронзового шила

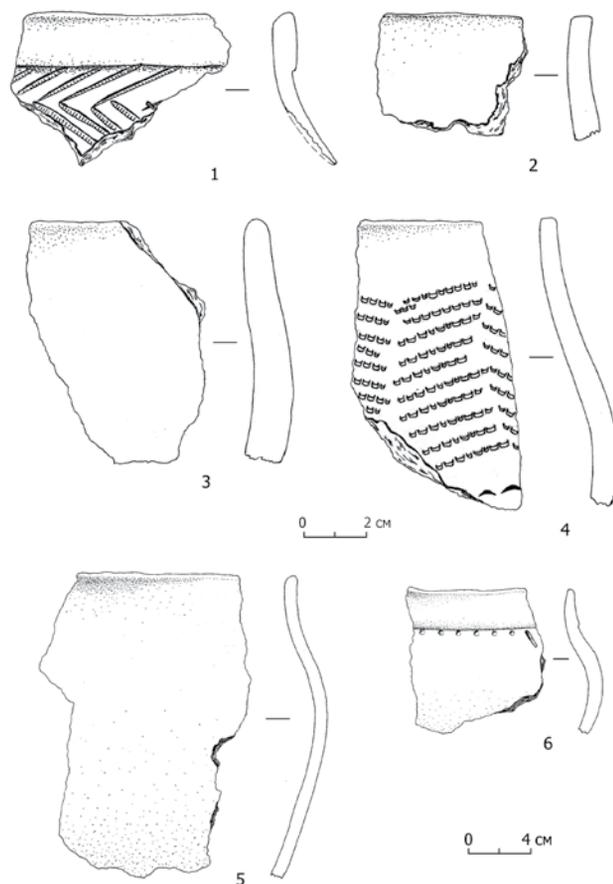

Рис. 4. — фрагменты керамики (подъемный сбор)

Түйін

Мақала қола дәуірінің қонысынан табылған адамды құрбандыққа шалған — бірегей олжаға арналған. Қарағанды өзенінің жоғарғы жағалауының 1,1 м тереңдікте (Қарағанды облысының Шет ауданы, Қарағанды қаласынан 150 шақырым оңтүстікке қарай) ежелгі күл қабатынан тас кетпен үстінде екі кесілген табанның арасында орналасқан жас еркектің бас сүйегі табылған. Қоныс алаңынан федор мәдениетінің нұра нұсқасына жататын еңбек құралдары мен қыш бөлшектері жиналды. Кетпенмен адамның бас сүйегі олжасы федорлықтарда жер құнарлылығының салттары болғандығының айқын айғағы болып табылады. Осыған байланысты, жер шаруашылығы олардың экономикасындағы маңызды бөлігі екені анық.

Summary

The paper is devoted to a unique find of human sacrifice on settlement of the Bronze Age. On depth of 1,1 m from the top edge of coast of the river of Karaganda (district Shetsky of the Karaganda area in 150 km to south from Karaganda city), in a layer of ancient ash-heaps has been found out the skull of young man, laid between two cutting off-foots on a stone mattock. Different instruments and the fragments of ceramics concerning to Nura variant of Fedorovo culture have been collected on the site of settlement. The find of a human skull together with a mattock is the obvious certificate of existence of rituals of ground fertility from the Fedorovs. In this connection it is obvious that agriculture was a substantial part of their economy

Ержанова А.Е.

Мыржық қонысынан табылған тас құралдары мен бұйымдарына жүргізілген трасологиялық талдау нәтижелері

Е арыарқа аймағы – ерте кезеңнен қазба байлыққа бай өлке. Көне дәуір кеншілері Атасу, Мыржық, Жезқазған, Қоңырат, Саяқ сияқты бай кен орындарын тауып, өндіріс ошақтарына айналдырды. Сол кездегі тайпалар шаруашылығының ішінде мыс балқыту, одан бұйымдар жасау кәсібі бірінші орынға шықты. Б.з.д. 2 мыңж. әлеуметтік-экономика арнасында өркендеген тайпалардың тарихы кен өндірумен етене байланысты. Тайпалардың негізгі шаруашылығы болып есептелінген мыс балқыту мен мыстан бұйымдар жасау өндірісі алғашқы орында тұрды. 1976 жылдан бастап Мыржық қонысына (Курманкулов, Загородний, Кулик и др. 1985, архив б.3). М.К. Қадырбаев бастаған Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы зерттеу жұмыстарын жүргізді, қоныс орнынан өзгеше жасалынған, технологиясы жетілдірілген бірнеше металл балқыту және оны өңдеу орындары ашылды. Мыржық қонысы Атасу өзенінің оң жағалауында орналасқан.

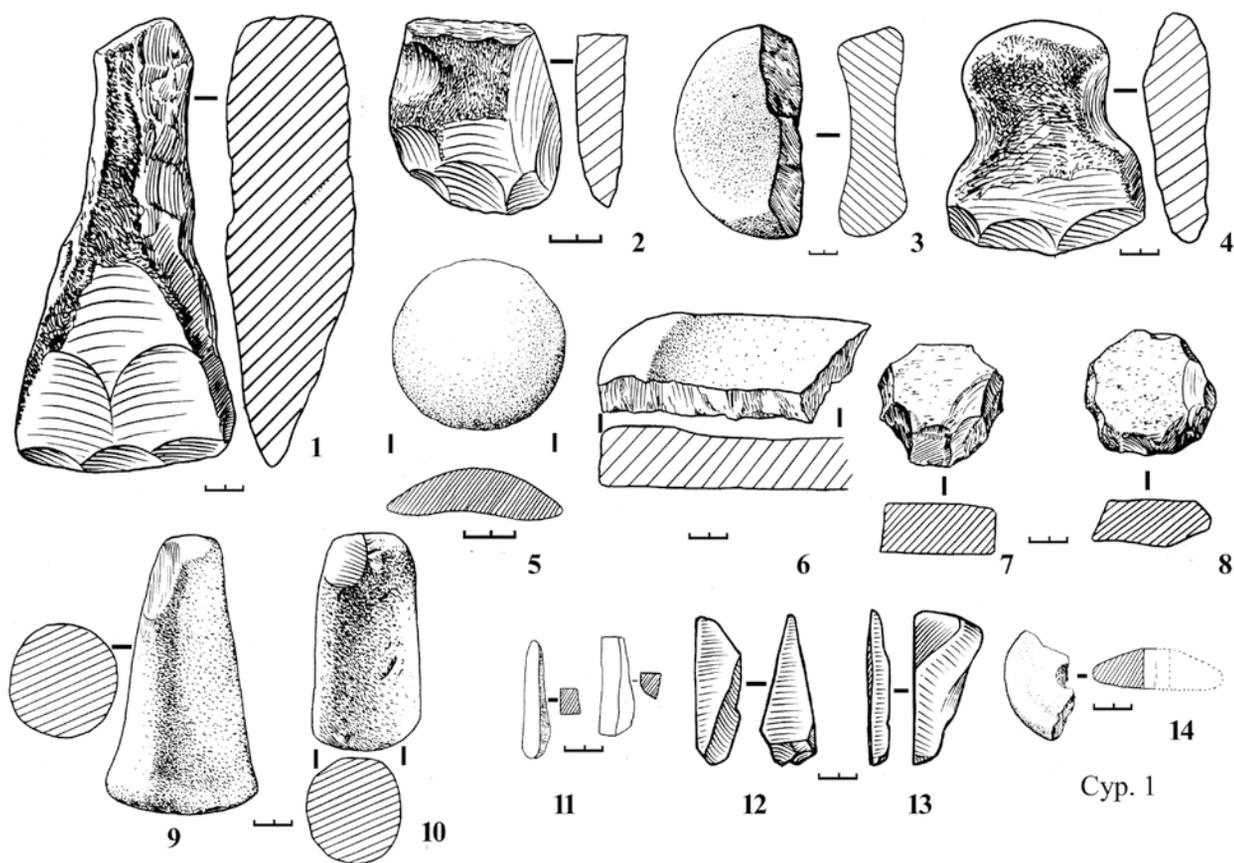
Мыржық қонысынан әртүрлі категориядағы тастан, сүйектен және саздан жасалынған еңбек құралдары табылды, олар үй шаруашылығында, оның ішінде металлургияда кеңінен қолданылғанын трасологиялық талдау нәтижелерінен көріп отырмыз. Қола дәуіріндегі қоныстардан табылған материалдардың ішінде қыш ыдыстардан кейінгі тастан жасалған еңбек құралдары екінші орында тұрады. Әсіресе соның ішінде руданы басқа минералдардан бөлуге, балқытуға және ұсақтауға арналған тас құралдары ерекше орын алады. Бұл топтағы тас құралдары жайлы жан-жақты мәлімет алуға археологиялық трасология және құрал бетіндегі

сызықтарды зерттеу әдісі көп көмек көрсетті. Құралдардың шаруашылықтағы қызметін талдаулар, салыстырмалы талдау мен трасология негізінде анықталды. Мыржық қонысынан табылған еңбек құралдары үш бағытта: тау-кен өндірісінде, металл өңдеуде және үй шаруашылығында пайдаланылған деп тұжырым айта аламыз.

Сонымен қатар, үй шаруашылығында кеңінен қолданылған тері өңдеуге арналған құралдар жиынтығын қарастырамыз. Тері өңдеуде негізінен тегістегіштер, қырғыштар және теріні ширатуға арналған құралдар пайдаланылады. Қыш өндірісінде керамикамен қатар сазды, сырды және қоспаны ұсақтауға арналған тас құралдары: үккіштер және келілер қолданылған. Тас құралдарының көмегімен сүйектерді кесуге, бұйымдарды кемеліне жеткізуге болады.

Қазба барысында көптеп тас құралдары мен бұйымдары жинақталғанымен оның ішінен тек қана көрнекті құралдар жиналып алынған, себебі Мемлекеттік Орталық мұражай қорында 70 дана тас құралдары сақталған. Сол себепті трасологиялық талдаудан тек қана 70 данасы өтті. Құралдардың ішінде толығымен жұмыста пайдаланылып, жарамсыз болып сынған сынықтар да бар.

Жер өңдеуге арналған құралдар (6 дана). Кетпен тәрізді формалы құралдар салмақты. Құралдың қырында қолға ұстауға ынғайлы және ағашқа байлаға мүмкін болып келген бір ғана ойық бар. Ойық тереңдігі 0,7 x 2,3 см. Құрал толығымен ұрғылау әдісімен және пекитаж техникасымен өңделген. Күрек тәрізді басының

Сур. 1. Мыржық қонысынан табылған тас құралдары. 1 – шотбалталар, 2 – қолбалта, 3 – төс, 4 – тас кетпендер, 5 – шар тәрізді тастар, 6 – руданы майдалауға арналған келі, 7 – қайрауға арналған құрал, 8 – дисктер, 9-10 – үккіштер, 11 – тегістегіштер, 12-13 – жылтыратқыштар, 14 - тас ұршық басы

бір жағы доғалданып келген және екінші жағы қиғаш. Жүзі ассиметриялы, диаметрі 8-18 см, жүзінің ұзындығы 7-10 см, қалыңдығы 2-3,5 см, салмағы 0,5-1 кг. Жүзінің ішкі беті ұзақ пайдаланудың салдарынан мүжілген, кейбір жерлері сынған, жіп тәрізді ұсақ сызықты іздер көлденең орналасқанын байқалауға болады. Көбінде метаморфологиялық ұсақ, кейбірі ірі қызғыш, қара, қоңыр түсті құмдақтан жасалған.

Кен орындарында және металлургияда қолданылған құралдар. Орталық Қазақстанның ертедегі қоныстар мен кен орындарында кен өндіруге арналған шотбалталар мен қолбалғалар кең орын алады. Салмағына қарай олар 3-ке: ірі, орташа және кіші балғалар болып бөлінеді. Мұндай балғаларды көбінде ірі кен орындарында пайдаланған. Мысалы Қарқаралы I-II,

Ұлытау, Шортанды-Бұлақ, Атасу I, II, Суық-Бұлақ 8 және Милықұдық т.б. табылғын (Маргулан, 1973, 3-42 бб.).

Жоғарыда айтып өткеніміздей Мыржық қонысы да металлургия саласына өте жақын. Мыржық пен Атасу қоныстары арасы өте жақын болуына байланысты руданы өндеуге, тау-жыныстарын балқыту пештеріне дайындауға арналған құралдар көптеп кездеседі.

Шотбалталардың ішінде көбі тау жыныстарын майдалауға қолданған. Әсіресе руданы майдалауға арналған құралдар жиі кездеседі, оны майдалау руданы өндеудің алғашқы сатысы болып есептеледі.

Шотбалталар (3 дана) өте ірі, ұзындау болып келген (сур. 1, 1). Бұл құралмен тау жыныстарының қатты бөліктерін жару үшін

қолданған. Құралдың қыры көбінде желініп қалады. Олардың көбі қырлы үшкірленіп келеді. Кейде ұзынша болып бөлінген қатты тастарды пайдаланған, ал кей жағдайда ұрғыштардың көмегімен бір формаға келтірген. Жүзінен жыныс саңлақтарына тығылып қалған минералдардың қалдықтарын байқалауға болады. Кейбір құралдарда ағаш сапқа байлауға арналған ойықшалар бар, сол тұста ұзақ уақыт ағаш саптын болуынан пайда болған жылтыр аймақты көруге болады. Мұндай шотбалталардың ұру күші қолбалталарға қарағанда мықтырақ болып келеді. Сонымен қатар қолға ұстайтын тұстары сынған құралдар да кездеседі, себебі қатты ұрған кезде ең әлсіз сап бөлігі салмақты көтере алмай сынған. Сол себепті көбінде сап жағы тез желініп отырған. Құралдың іске алғысыз болып қалғанын оның қырындағы сынықтан, әртүрлі минерал қалдықтарының сынған жеріне толып қалуынан көруге болады. Кен ісінде шотбалтаның қайламен бірдей қызмет атқарғанын дәлелдей аламыз.

Қолбалта (1 дана). Сопактау ұзынша болып келген қолбалта жатады (сур. 1, 2). Ол қолға ұстауға ыңғайы етіліп пикитаж техникасымен өңделген. Олардың жүзі дөңестеу болып келеді және бетінде ұсақ көзге әрең көрінетін сызықтар бар. Құралдың бір жағы жіңішкеріп, қолға ұқстауға ыңғайлы болып келеді, екінші бөлігі домалақтанған. Қолға ұқстайтын бөлігі 3 см, ал құралдың толық ұзындығы 9 см, домалақ бөлігінің диаметрі 2,8 см, қарқынды жұмыста пайдаланудың салдарынан жүзінің кейбір жерлері мүжілген, сынған және кертілген. Мұндай құралдар руданы ұсақтауға қолданылған.

Мыржық қонысында сонымен бірге тас кетпендер де көптеп кездеседі (сур. 1, 4). Олар ауылшауашылығында және өндірісте де қолданылған. Осыған ұқсас құралдар Атасу I, II, Суық-Бұлақ 8 қоныстарында да кездеседі (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, 435 б.).

Өндірістің келесі кезеңі — ол ұсақталған рудаларды ұнтақтау. Оны беті тегіс тақтатастардың (абразив) бетіне қойып үккіштердің көмегімен майдалайды. **Үккіштер (17 дана)** цилиндрлі, ко-

нустәрізді болып келеді (сур. 1, 9, 10). Екі басы да дөңғаланып келген, ұрғылау әдісінің көмегімен өңделген. Кейбір үккіштердің бір бөлігінде жұмсақ заттың салдарынан пайда болған жылтыр аймақтар бар, шамасы ағаш саптардың іздері болуы керек. Бас бөлігі қырлы, әрі шеңберленіп келеді, ал ұзақ уақыт пайдаланудың салдарынан басының кейбір жерлері сынып, кертілген. Жұмыс істеген бөлігінен майда сызықтар мен рудалардың қалдықтарын көруге болады. Орташа ұзақты құрылымды, мықты текстуралы. Кварц, конгломерат, құмдақты минералдардан жасалған.

Руданы майдалауға арналған келі (1 дана). Сопакша беті тегіс келген тақтатастың бір бөлігінде руданы салып, ұнтақтаған (сур. 1, 6). Келесі беті жерге қойылған сол себепті ол жерлерден жырып кеткен, сырылған сызықтарды көруге болады. Жұмыс жүрген бөлігінде ұзын тұзу сызықтарды (6-8 мм) байқауға болады. Мұндай сызықтар тау жыныстарын ұнтақтау кезінде пайда болады, қоныс мыс балқытумен айналысқандықтан ол шамасы мыс рудасын ұнтақтаған болуы керек. Құралдың мөлшері 11,5 x 10 x 3,4 см. келінің салмағы 3,5 кг. Келі конгломераттан жасалған.

Төс (2 дана). Екі жақ беті де тегіс болып келеді, бірақ оның бір ғана беті пайдаланылған. Негізі тегіс, шеңберлі (сур. 1, 3). Қырлары тегістелген. Құрылымы майда қиыршықты, мықты текстуралы. Магматикалық процесс жүрген минералдардан да жасаған. Себебі ондай минералдар қатты, әрі шыдамды болып келеді. Диаметрі 9-10,3 см, қалыңдығы 3,8-5 см. Ұзақ жұмыс істеудің барысында құралдың ортаңғы бөлігінен ұрудың салдарынан керткітер, терең жарықтар байқауға болады. Құрал ұзақ уақыт қызмет атқарған және оны екі аяқтың ортасына қысып жұмыс жасаған.

Қайрауға арналған құрал 3 дана (абразив). Накты формасы жоқ себебі көбінде майда құмдақты минералды пайдаланған (сур. 1, 7). Рудаларды ұнтақтауға пайдаланылған құрал. Атасу қонысынан көбінде дөңгеленіп келген қайрақтар кездеседі. Ал Мыржықта төртбұрышты, тікбұрышты, трапециялы қайрауға арналған құрал кездеседі. Пекитаж техникасымен

өңделген, қырлары тегістелгендері де кездеседі, кей жағдайда кез келген минералдың сынығын пайдаланған. Ұзындығы 10-12 см, ені 2-5 см. Қара, қызғыш қоңыр түсті, құрылымы майда қиыршықты, мықты текстуралы. Шамасы металл бұйымдарды жонуға пайдаланса керек.

Бәріненде көп кездесетіні *дисктер (9 дана)* немесе дискі тәрізді (сур. 1, 8), бір-біріне қарама-қарсы біртегіс беті бар, жаны қашалған және пекитаж әдісімен өңделген бұйымдар. Диаметрлері 6-10 см, биіктігі 1-2 см, ал кейбірі кіші болып келеді. Олардың қырғыш немесе тегістегіш ретінде пайдаланылғаны жайлы құрал бетінде іздері байқалмайды. Кейбір дисктер жоғарғы температураның және суытудың салдарынан беткі беттерінде жарықтар пайда болған. Ал біреуінде қара күйенің ізі бар. Ж. Құрманқұлов пен М. Қадырбаев дисктер қыш ыдыстарды суытуға арналған үйкек болуы мүмкін деп пайымдайды (Қадырбаев, Курманкулов, 1992, 162-163 бб.).

Шар тәрізді тастар (2 дана) кварцит пен кварцтан пекитаждың көмегімен формасы жасалынған (сур. 1, 5). Диаметрлері әртүрлі, 0,8-10 см аралығында. Көбінде мұндай шар тәрізді құралдарды ау құралына немесе аң аулауда (болло) қолданылған. Мұндай құралдар еш трасологиялық белгілер қалдырмайды.

Үй шаруашылығында қолданылатын құралдар. Тұрмыста көбінде тері өңдеуге, ыдыс бетін тегістеуге, ағаш өңдеуге арналған құралдар жатады.

Тегістегіштер. Олар ірі және майда болып келеді. Қоныста жиі әрі көп кездесетін құралдардың бірі – тегістегіштер (сур. 1, 11). Олар екіге бөлінеді бірі – металл бұйымдардың бетіндегі керткітерін тегістеуге арналса (Наумов, 1963, 161, 164 бб.), екіншілері қыш ыдыстардың сыртын тегістеуге арналған. Құрал ретінде көбінде галька сынықтарын пайдаланған, оның тегіс жерімен тегістеген. Олар төртбұрышты, кей жағдайда үшбұрышты да болып келеді. Кейбір құралдарда ішке немесе сырқа қараған бұрыштарында пайдаланылғанын айғақтайтын көзге көрінер көрінбес ұсақ сызықтардың іздер бар, бұйымдың қиын тұстарын тегістеуге

әрі әдемілеуге үшбұрышты галька тастарды пайдаланған. Көп тегістегіштерде 2-3 жұмыс үлгісі байқалады. Гальканың құрылымы майда қиыршықты, мықты текстуралы.

Құралдардың ішінде *тері өңдеуге де арналған жылтыратқыштар (3 дана)* (сур. 1, 12, 13) мен тері бетіндегі талшықтарын тазартуға арналған *қырғыштар (2 дана)* кездеседі. Оған түрлі минерал сынықтары ұрғылау әдісімен өңделіп белгілі бір түрге келтірілген. Оның тегіс, әрі жалпақтау бетімен теріні май бөлігінен тазартқан, сонымен қатар терінің жұмсақ болуына осы құралдардың еңбегі зор. Олардың мөлшерлері 8-10 x 4-7 x 1-2 см, микроскоптың көмегімен айнадай жылтыраған, майда ұсақ терең емес сызықтарды байқауға болады.

Тас ұршық басы. Ұршықтың сынығы (сур. 1, 14). Қоныс болғанан кейін әрине жіп иірумен айналысатын тұрғындардың болатыны анық. Жасыл сланецтен жасалған шенбер тәрізді ұршық басының диаметрі 5,6 см, қалыңдығы 0,5 см. Оның ортасында ұршық таяғына арналған ойық бар. Ойық айна тәрізді жылтыр және ұзақ уақыт пайдаланудың салдарынан ойық кеңдігі үлкейген. Бір жағы жайпақ болып келсе, екінші жағы аздап дөңестеу. Жайпақ бөлігінен ұсақ сызықтарды байқауға болады. Ал екінші беті жерде ұзақ уақыт жатқанынан сорланған. Ойық диаметрі 0,6 см, ойық тереңдігі 0,4 см.

Әдебиет:

Қадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алма-Ата, 1992.

Курманкулов Ж., Загородний А.С., Кулик Т.И., Таймагамбетов Ж.К., Усманова Э.Р. Научный отчет о работах Центральной Казахстанской археологической экспедиции за 1984. – Алматы, 1985 // Рукописный архив ИА МОН, оп. 2, ф. 11, д. 2035, св.155.

Маргулан А.Х. Джекказган – древний металлургический центр (городище Милькудук) // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1973. – 3-42 бб.

Маргулан А.Х., Акишев А.К., Қадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – 435 б.

Наумов Д.В. Производство и обработка древних медных и бронзовых изделий Минусинской котловины // Новые методы в археологических исследованиях. – М.-Л., 1963.

Резюме

В статье дана полная характеристика трасологического анализа орудий труда поселения Мыржык. На основе трасологии было реконструировано и прослежено стадии технологического процесса изготовления и обработки бронзовых изделий. На поселении найдены разные орудия труда, изготовленные из камня, кости и глины, применявшиеся в металлургии. Среди них особое место занимает каменный инвентарь, служивший основным инструментом при добыче, обогащении и подготовке руды к плавке. Кроме того в основном встречаются орудия, приспособленные для дробления и растирания руд и шлаков, о чем свидетельствуют каменные молоты, кайла со следами сильного износа. Каменные орудия из поселения Мыржык — это довольно выразительные серии, характеризующие особенности производственной деятельности населения. Используя методы трасологического анализа в исследовании коллекции поселения, представляется возможность определить функциональное назначение орудий, а также датировать их. Становится очевидным, что населения поселения Мыржык использовало каменные орудия в металлургии, переработке минералов, добыче глины для хозяйственных нужд. В заключение отметим, что орудия сначала изготавливались в стационарных условиях, затем применялись по назначению. В целом, характеризуя облик производства жителей поселения Мыржык, возможно реконструировать их занятие металлургией, а также тот факт, что орудия для производства изготавливались из местного сырья.

Summary

The full characteristic of leading analysis tracing research of tools of Myrzhlyk settlement is given in the article. On a basis of analysis of tracing research it was reconstructed and revealed all stages of technological process of manufacturing and processing of bronze products. Numerous different tools made of stone, a bone and the clay, used in metallurgy were found at Myrzhlyk settlement. Among them the special place occupies the stone stock serving by the basic tool at extraction, enrichment and preparation of ore to melting. Except for that basically there are the instruments adapted to crushing and grinding of ores and slags to what testify stone hammers traces of strong deterioration. Stone instruments from settlement of Myrzhlyk show rather expressive series concerning manufactures and occupation of the population. Using the tracing research it is possible to see the analysis, that they participated in metallurgy, processing of minerals, clay for economic needs, the opportunity to determine functional assignment of instruments is given and also to date them. In the conclusion we shall note, that instruments all over again were made in stationary conditions, and then applied to destination. As a whole, characterizing shape of manufacture of inhabitants of settlement of Myrzhlyk, it is possible to reconstruct their occupation by metallurgy, and also that fact, that instruments for manufacture were made of local raw material.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимидапов В.В.

Серпы эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии: вопросы семантики

Человек традиционного общества, как показали исследования А.Н. Афанасьева и других фольклористов XIX в., воспринимал мир в поэтических образах. Поэтому каждая вещь, даже, казалось бы, сугубо утилитарная, вызывала у него определенные ассоциации, порой весьма далекие от изначального предназначения данного предмета. Для людей традиционных обществ (в значительной степени это присуще и современности) было характерно нерасчлененное восприятие вещи и как «орудия», и как носителя знаковой информации (Антонова, Раевский, 2002, с. 14). Не только предметы, специально изготовленные для их использования в сакральной сфере (обрядовая утварь, церемониальная одежда, маски и т.п.), но и вещи бытового и хозяйственного назначения обладали знаковостью, соотносились с мифологией и, соответственно, могли становиться компонентами семиотической системы ритуала (Байбурин, 1981, с. 215-216, 224-226). К таким вещам в культурах эпохи бронзы относились, в частности, бронзовые серпы. С ними (а чаще – с их фрагментами) археологи нередко сталкиваются при исследовании комплексов, которые с той или иной долей вероятности можно трактовать как культовые.

Места локализации серпов на памятниках эпохи бронзы, судя по собранным нами материалам, можно классифицировать следующим образом: 1. Могильная яма погребения (обычно, – курганного); 2. Курганная насыпь; 3. Пространство грунтового могильника; 4. Ров на поселении; 5. Жертвенник на поселении; 6. Зольник; 7. Комплекс из культурного слоя за пределами построек; 8. Ка-

менный цоколь постройки; 9. Яма в пределах постройки; 10. Пол постройки; 11. Заполненные постройки.

Стоит добавить, что серпы часто встречаются и в кладах бронзового века, но эти комплексы, за исключением случаев, когда клады выявлены в курганах, мы пока не анализируем.

Рассмотрим учтенные находки.

Серпы из погребений

В погребении *синташтинской культуры* из **Каменного Амбара-5**, 2/12, Челябинская обл., Россия, сломанный примерно пополам серп находился в сосуде. Стоит отметить, что в могиле были погребены четверо умерших. Они лежали параллельно друг другу, скорченно на левом боку, головами на запад-северо-запад в следующей последовательности (с юга на север): подросток 6-10 лет, ребенок 2-4 лет, женщина 25-30 лет, женщина 16-20 лет. В головах последней и стоял упомянутый сосуд. На правом запястье умершей был бронзовый браслет, рядом с которым находились два десятка костяных бусин, на локтевом сгибе правой же руки – галька из туффита, возможно, пришлифованная, а на ней – бронзовое шило. В головах стояли 2 сосуда, еще 3 сосуда находились в ногах (Епимахов, 2005, с. 48-49). Серп относится к типу Петровка (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 37) (отметим, что здесь и ниже мы, в основном, используем типологию именно этих авторов).

В комплексе *синташтинской культуры* могильника **Синташта**, С1, п. 12, Челябинская обл., Россия, выявлен серп типа Петров-

ка (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 39). Здесь близ костяка взрослого, помимо серпа, находились 3 сосуда и 2 бронзовых шила. На запястьях были бронзовые браслеты, в области шеи – пастовые и бронзовые бусы. Бусы размещались и близ ступней (украшения обуви или наборные браслеты) (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 281, 283-284).

Еще один серп типа Петровка был обнаружен в ограбленном погребении 14 того же могильника (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 39). В могиле присутствовал довольно разнообразный инвентарь, но поскольку оно являлось коллективным, невозможно установить, какие именно из артефактов кореллировались с серпом (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 266-268).

В *синташтинско-петровском* погребении грунтового могильника **Бестамак**, п. 35, Костанайская обл., Казахстан, среди многочисленного инвентаря обнаружен серп (Калиева, Логвин, 2008) типа Петровка (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 36). Погребение являлось подчеркнуто неординарным. В заполнении обширной могильной ямы (размеры – 3,4 x 1,9 м) выявлены 2 костяка лошадей и другие кости животных. На дне могилы обнаружен костяк женщины 25-30 лет, лежавший вдоль южной стенки ямы в скорченном положении на левом боку, головой на северо-запад. В головах погребенной вдоль западной стенки ямы – развалы 4-х сосудов, под одним из которых находился серп. Возле сосудов найдена проколка, деревянное изделие, соединенное бронзовыми скрепками, астрагал КРС с отверстием, кости крыла утки (в анатомическом порядке), 2 бронзовых ножа, бронзовая стамесочка с роговой рукояткой, штыковидное бронзовое орудие, 2 каменных наконечника стрел, шлифованный камень (терочник? – В.П., А.У., В.Ц.), фрагмент кости. За спиной погребенной у плеча – костяное орудие (очевидно проколка – В.П., А.У., В.Ц.), у бедра – бронзовый шплинт. В ногах умершей найдены: бронзовая стамесочка с остатками деревянной рукоятки, бронзовая проколка с деревянной рукояткой, бронзовые игла и две

скрепки, костяное пряслице, кость с отверстием, фрагмент трубчатой кости и маленький сосудик. Помимо этих вещей, погребенную сопровождали 17 пастовых и 2 каменных бус, а на левой руке был бронзовый пластинчатый браслет. В погребении присутствовал и фрагмент ножевидной (кремневой? – В.П., А.У., В.Ц.) пластины¹ (Калиева, Логвин, 2008, с. 38-43).

В захоронении *потановского типа* из **Утевки VI**, 6/6 происходит серп типа Еланское (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 113). В комплексе присутствовали, помимо серпа, и другие изделия. К сожалению, опубликована лишь краткая информация о данном кургане, а потому не вполне ясно, все ли вещи выявлены в могиле. Некоторые из них, вполне возможно, располагались на перекрытии или в заполнении ямы, т.е., строго говоря, не образовывали «текста» с серпом. Среди упомянутых в статье вещей, связанных с рассматриваемым захоронением, – глиняные сосуды, бронзовые нож, тесло, долото, шилья, глиняные металлургические сопла, медный сплеск, бронзовые браслеты, золотая подвеска, костяные псалии, кремневые наконечники стрел (Васильев, Кузнецов, Семенова 1992: рис.5, 6; Кузнецов, Семенова, 2000, рис.13).

В погребении *покровской культуры* из **Кочетного**, 7/1, Саратовская обл., Россия, был обнаружен целый серп типа Кочетное (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 41). Захоронение являлось подчеркнуто неординарным кенотафом. Помимо серпа в нем находились 2 бронзовых ножа и деревянное изделие ладьевидной формы (Юдин, 1992, с. 55). Последний артефакт, возможно, является остатками щипкового музыкального инструмента (Юдин, Матюхин, 2006, с. 50).

В погребении *покровской культуры* из **Новолиповки**, 29/1, Саратовская обл., Россия, был выявлен целый серп типа Петровка (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 37-38). Умерший являлся взрослым. Другой инвентарь пред-

¹ В описании захоронения не упомянут, но есть на рис. 8, 3.

ставлен сосудом, серией коровьих и бараньих «альчиков». В могиле были также остатки мясной пищи (Дервягин, 1973, с. 100).

В погребении *срубной культуры* из **Николаевки**, 3/7, Башкортостан, Россия, обнаружен серп с обломанной в древности пяткой, который трудно однозначно отнести к какому-либо типу. Погребенный являлся ребенком. Другой инвентарь — сосуд, пастовая бусина и 2 фаланги животного. Судя по плану захоронения, последние являлись путовыми костями лошади (Исмагил, Морозов, Чаплыгин, 2009, с. 32-33).

В погребении *срубной культуры* из **Волчанки**, 7/4, Самарская обл., Россия, близ костяка взрослого находился фрагмент бронзового изделия, скорее всего являющийся носком серпа. Другой инвентарь — бронзовая пронызь и пастовая бусиной (Кузнецова, Седова, 1991, с. 173). Тип серпа определить невозможно.

В погребении *срубной культуры* из **Варламова I**, 2/2, Волгоградская обл., Россия, выявлен обломок средней части серпа типа Ибракаево (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 78). Комплекс не опубликован и другими данными о нем мы не располагаем.

В урочище **Березняги** близ станицы Нижнекундрюченской (Нижне-Кундрючской), Ростовская обл., Россия, в дореволюционное время был найден целый серп типа Ибракаево, Волго-Донской вариант (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 72). По некоторым сведениям, он происходит из захоронения, найденного в «песчаных россыпях», и якобы лежал на костях грудной клетки погребенного крестнакрест с бронзовым ножом (Круглов, Подгаецкий, 1935, с. 80). Если это действительно так, то данное погребение, судя по типу серпа, относится к *срубной культуре*, чему не противоречит и тип ножа. Добавим, что в пользу реальности комплекса свидетельствует совпадение дат серпа и ножа.

В погребении *срубной культуры* из **Савельевского**, 9/2, Ростовская обл., Россия, был обнаружен фрагментированный (отсутствует

носок) серп типа Ибракаево (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 78). В могиле находились 4 костяка. Из них 3 лежали параллельно друг другу, скорченно на левом боку, головами на север-северо-запад в следующей последовательности (с запада на восток): взрослый, взрослый, взрослый. Рассматриваемый артефакт размещался у лицевого отдела последнего из погребенных. Умерший являлся, вероятно, нерядовым членом общества. Об этом свидетельствует то, что лишь под данным костяком был слой охры, а у стоп размещался костяк ребенка. Помимо серпа возле погребенного находился глиняный сосуд (Рогудев, 1997, с. 115-116). Стоит обратить внимание на то, что, как и в случае с коллективным захоронением из Каменного Амбара-5, 2/12, серп тяготел к покойнику, «крайнему» в ряду погребенных. Возможно это совпадение не является случайным.

В цисте, вероятно, *саргаринско-алексеевской культуры*, разрушенной близ с. **Предгорное**, Восточно-Казахстанская обл., Казахстан, близ костяка, если верить утверждениям свидетелей разрушения, находились 5 серпов, бронзовое копье (нож?) и фигурное навершие ножа или кинжала (Арсланова, 1974, с. 221). Данные серпы относятся к т.н. «серпам с закраиной» или типу Д (серпам-косам), по типологии Н.А. Аванесовой (1991, с. 22).

Уместно упомянуть и находки их **Аруктауского** могильника (Таджикистан), относящегося к раннему этапу *культуры Бишкент-Вахи* (Кузьмина Е., 2008, с. 91). В северной ограде кургана XVII/1 данного могильника близ костяка мужчины(?) был обнаружен серп с отломанным носком. Другой инвентарь из захоронения представлен 2 или 3 сосудами. В могиле выявлены также кости барана (Мандельштам, 1968, с. 50). В северной ограде кургана XVII/2 близ костяка взрослого находился еще один фрагментированный серп (сохранилось около половины; пяточная часть отломана). В могиле были также 2 сосуда (Мандельштам, 1968, с. 50). Оба орудия, вероятно, относятся к типу Б — «серпам», причем серп с отло-

манным носком из северной ограды кургана XVII/1 можно отнести к варианту Б₃ (серпам с выделенной рукоятью), по типологии Н.А. Аванесовой (1991, с. 19).

По мнению некоторых авторов, в т.ч. Е.Е. Кузьминой, в сложении культуры Бишкент-Вахш едва ли не главную роль сыграли андроновцы, продвинувшиеся далеко на юг – в Бишкентскую долину (Кузьмина Е., 2008, с. 93). Вместе с тем, не ясно, является ли зафиксированное в Аруктауском могильнике использование серпов в качестве погребального инвентаря инновацией, берущей истоки в северных степях, или перед нами – проявление местной традиции Бактрии. Но в любом случае рассмотренные захоронения демонстрируют высокий семиотический статус серпов, в т.ч. и их фрагментов, в эпоху поздней бронзы.

Серпы из курганных насыпей

Над деревянным перекрытием погребения *срубной культуры* из **Ягодного II**, 2/5, Самарская обл., Россия, был выявлен располагавшийся вертикально серп типа Сосновая Маза (вариант С1) (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 55). Орудие было хорошо отточено, пятка отломана. Умерший являлся мужчиной. Рядом с могильной ямой, имевшей большие размеры, находились кости барана и коровы (Мерперт, 1954, с. 47-48). Последние два знака свидетельствуют о высоком ранге погребенного.

В кургане, вероятно, *срубной культуры* близ **Миловки**, Башкортостан, Россия, был случайно найден серп «срубного типа» (Обыденнов, 1996, с. 110). Отсутствие в публикации рисунка изделия не позволяет отнести его к какому-либо типу.

Вероятно, из кургана происходит и клад, случайно найденный близ д. **Бахчи**, Башкортостан, Россия. Здесь при строительстве дороги был разрушен курган и найдены 10 серпов, тесло, медный слиток, пест из известняка и обломки заполированной известняковой плиты. Перечисленные вещи, по рассказам

очевидцев, находились над погребением, совершенным в срубе (Обыденнов, 1989, с. 85, 87; 1996, с. 107-108). Серпы относятся к типу Ибракаево, причем один – к Волго-Донскому варианту, а остальные – к Приуральскому варианту (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 62-64, 69).

Серп с территории грунтового могильника

На грунтовом могильнике *малополовецкого типа* **Малополовецкое-3**, Киевская обл., Украина, был найден фрагментированный серп (носок отломан, сохранилось чуть больше половины изделия) типа Ибракаево. находка происходит с площади погребального комплекса 17, представлявшего собой скопление костей животных, фрагментов керамики, пережженных камней (в т.ч. фрагментов растиральников и зернотерок), расположенных вокруг погребения (кенотафа). Стоит добавить, что из комплекса происходят также фрагменты глиняной крышки матрицы, предназначавшейся для изготовления серпов, вероятно, типа Ибракаево, костяной струг и тупики для обработки кожи (Лысенко, Лысенко, 2006, с. 70-73; Лысенко, Лысенко, Литвинова, Панковский, 2007, с. 274-276).

Серп из рва

В слое *петровской культуры* поселения **Камышное II**, Курганская обл., Россия, в оборонительном рву был обнаружен целый серп. Другие находки из рва – фрагменты керамики, бронзовые нож и проволока, каменный терочник (Потемкина, 1976, рис. 1; 1985, с. 102; рис. 33 – 1). Серп может быть отнесен к типу Береговка (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 31).

Серп из жертвенника, выявленного на поселении

На поселении *срубной культуры* **Абрамовское**, Ульяновская обл., Россия, была исследована траншея, где оказались 8 костяков людей, лежавших в разных позах (скорее всего – человеческое жертвоприношение). На костях ног и черепках погребенных видны были следы горения, а у некоторых костяков отсутствовали кости рук. В заполнении тран-

шеи находились обожженные кости животных и фрагменты керамики. К юго-востоку от нее размещались 15 развалов сосудов, скопления костей животных и отдельные предметы, в т.ч. костяной дротик, курант и целый бронзовый серп (Ледяйкин, Семькин, 1991, с. 113-115, 118). Серп относится к типу Ибракаево (Волго-Донской вариант) (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 68-69).

Серп из зольника

На поселении *саргаринско-алексеевской* культуры **Алексеевское**, Костанайская обл., Казахстан, в зольнике близ землянки 4 был выявлен серп с обломанным носком. Каких-либо других изделий рядом с ним не находилось, но стоит отметить, что в толще зольника присутствовала серия артефактов, в т.ч. фрагмент бронзовой бляхи, обломок верхнего камня зернотерки, пряслице из стенки сосуда. 3 кружка из стенок сосудов, пятиугольная фигурка и фрагмента керамики, 2 «лощила», 2 астрагала с пришлифованными сторонами (Кривцова-Гракова, 1948, с. 107; табл. 5). Серп относится к типу Сосновая Маза (вариант А1) (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 49).

Серп из культурного слоя за пределами построек

На поселении *межовской* культуры **Батрак**, Башкортостан, Россия, в культурном слое был обнаружен фрагмент серпа (носок отломан), находившийся рядом с развалом сосуда, обломками 2 пестов и фрагментами терочников (Обыденнов, 1991, с. 50). Серп относится к типу Дербедень (вариант Дербедень) (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 89).

Серп из каменного цоколя постройки

На поселении *срубной* культуры **Вовниги**, Днепропетровская обл., Украина, в каменной кладке цоколя постройки был обнаружен целый серп (Черных, 1976, табл. XVII – 2; Шарафутдинова, 1982, с. 18). Орудие относится к типу Ибракаево (Волго-Донской вариант) (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 73).

Серп, выявленный в яме в пределах постройки

На поселении *срубной* культуры **Сачково Озеро**, Самарская обл., Россия, в котловане 2 была выявлена яма 5, в которой находились фрагменты керамики, кости животных, фрагмент бронзовой пластинки и половина серпа (пяточная часть отсутствует) (Васильева, Козин, Кулакова, Салугина, 2008, с. 66). Серп, вероятно, относится к типу Ибракаево (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 78).

Серпы, найденные на полах построек

На полу постройки 1 поселения *средне-волжской абашевской* культуры (по другой точке зрения, постройка относится к покровской культуре (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 36) **Барковское**, Пензенская обл., Россия лежал серп (Пряхин, 1975, с. 159). Он относится к типу Петровка (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 36).

На дне жилища поселения **Черниково Озеро I**, Луганская обл., Украина, отнесенного автором публикации к *позднеабашевской* культуре, близ «хозяйственной ямы» № 5, размещавшейся возле северо-восточной стенки котлована, лежал целый серп (Санжаров, 2010, рис. 133) типа Гречихино (вариант Гречихино) (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 115). В самой яме находились сосуд с желудями (часть последних лежала рядом с ним) и бронзовый нож (Санжаров, 2010, рис. 132). На наш взгляд, учитывая присутствие в яме ножа, ее едва ли можно считать «хозяйственной». Скорее всего, в данном случае мы сталкиваемся с культовым комплексом. Оставление целого серпа на полу постройки также правомерно рассматривать как результат культового действия.

На поселении *срубной* культуры **Комаровка I (Моечное Озеро)**, Самарская обл., Россия, в наземной постройке справа от входа выявлен фрагмент пятки серпа с крюком. Поблизости от него находились бронзовые нож, шилья (3 экз.), игла, костяные проколки (2) и пряслица (3), глиняные пряслица (2), кремневые пластины, каменные зернотерка и курант (Али-

хова, 1958, с. 158). Серп, вероятно, относится к типу Ибракаево (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 77-78).

На поселении *срубной культуры Приморская*, Волгоградская обл., Россия, в землянке слева от входа обнаружен фрагмент средней части серпа (Мамонтов, 1975, с. 100). Определить тип не представляется возможным.

Серия фрагментов серпов (не менее 6 из них являются обломками пяток с крюками) была найдена на поселении *срубной культуры Горный-1*, Оренбургская обл., Россия (Кузьминых, 2004, с. 81, табл. 2.3, рис. 2.8). Фрагменты, судя по дате памятника, вероятно, относятся, в основном, к типу Ибракаево. К сожалению неясны контексты, в которых находились интересующие нас артефакты. Тем не менее, на один нюанс стоит обратить внимание. В комплексе № 2 (плавильный двор) присутствовали 6 фрагментов серпов (Кузьминых, 2004, табл. 2.3). При этом, по крайней мере, один из них (Кузьминых, 2004, рис. 2.8-4) был выявлен в центральной части плавильного двора (см.: Черных, Лебедева, 2002б, рис. 4.11), где сконцентрировано много культовых комплексов (Черных, Лебедева, 2002б, с. 101-109). Добавим, что в нижней части комплексов № 1 и № 3 фрагменты серпов отсутствовали (Кузьминых, 2004, табл. 2.3). Отсюда можно с некоторой долей осторожности сделать допущение, что фрагменты серпов попали в котлован плавильного двора в результате неутилитарных манипуляций.

На поселении *алакульской культуры Черняки III*, Челябинская обл., Россия, в золе очага были найдены практически целый серп (отломан лишь кончик носка), бронзовые прут, шило и скобка (Стоколос, 1972, с. 37). Серп относится к типу Кундравинская (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 43). Скорее всего, данный комплекс следует трактовать как жертву оставления жилища (Ерхова, 2004, с. 166).

На поселении позднего этапа *алакульской культуры Ук III*, Тюменская обл., Россия, на полу жилища 4 (близ восточной стенки) был найден целый серп, на котором лежал обло-

мок такого же серпа, а на обломке, в свою очередь, лежал слиток бронзы. Рядом с этим, безусловно, жертвенным комплексом находились почти полтора десятка сосудов в развалах, еще один серп, двухлезвийный бронзовый нож, однолезвийный нож, изготовленный, как предполагают авторы, из обломка серпа (Стефанов, Корочкова, 2000, с. 40) (В.В. Дергачев и В.С.Бочкарев считают это орудие не ножом, а обломком рукояточной части серпа типа Кундравинская (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 46)), 3 бронзовых крюка, бронзовая игла, каменные молотки, молот для разгонки горячего металла и орудие для раскатки листового металла, крупный кусок талька, абразивы, кремневый наконечник стрелы (Матвеев, 1998, с. 288; Стефанов, Корочкова, 2000, с. 30, 39-40, 43). Серпы, лежащие один на другом, относятся к типу Кундравинская (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 46). Обратим внимание на то, что отдельно лежавший серп морфологически совсем другой: с несомкнутой раскованной втулкой. Подобные орудия Н.А. Аванесова, к примеру, относит к типу Д – серпам-косам (Аванесова, 1991, с. 22).

На памятнике *федоровской культуры Явленка I*, Северо-Казахстанская обл., Казахстан, в жилище 1 близ очага были найдены целый серп и 2 бронзовых ножа (Зданович, 1973, с. 46). Серп относится к типу Явленка (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 110). Присутствие на полу постройки трех металлоемких изделий не может быть объяснено тем, что их оставили в жилище за ненадобностью. Очевидно, правы те авторы, которые считают, что комплекс является жертвой оставления жилища (Горбов, Мимоход, 1999, с. 27; Ерхова, 2004, с. 166).

Серпы, выявленные выше пола построек.

На поселении *срубной культуры Сачково Озеро*, Самарская обл., Россия, в заполнении котлована 2 был выявлен фрагмент пятки серпа с крюком (Васильева, Козин, Кулакова, Салугина, 2008, с. 69), возможно, относящийся к типу Ибракаево (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 78).

В той же постройке и также в заполнении найдены лежавшие один недалеко от другого 2 ножа, изготовленных из заготовок серпов (Васильева, Козин, Кулакова, Салугина, 2008, с. 68). Заготовки могут быть отнесены к типу Дербедень.

На упоминавшемся выше поселении *срубной культуры Горный-1* в «засыпи» над комплексом № 1, включавшем жилое помещение, рудный двор, плавильный двор, «сакральную яму-штольню» и «ямы-траншеи для отбросов» (Черных, Лебедева, 2002а, с. 71) были найдены фрагменты 7 серпов (Кузьминых, 2004, табл. 2.3). В то же время, в «засыпи», над комплексом № 3, данные артефакты не обнаружены, а над комплексом № 2 их было только 2 (Кузьминых, 2004, табл. 2.3). Такое неравномерное распределение фрагментов серпов по исследованной площади позволяет предполагать, что данные предметы при целенаправленном засыпании отслуживших свое объектов не просто выбрасывались, но помещались в определенные контексты.

На поселении *фedorовской культуры Черемуховый Куст*, Тюменская обл., Россия, выше дна котлована жилища 5 был обнаружен целый серп. На одном уровне с ним находились фрагменты керамики, глиняное грузило, кусок гематита, фрагменты костяных орудий, в т.ч. тупика (Зах, 1995, с. 32). Изделие относится к типу Явленка (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 109). Поскольку серп располагался «выше уровня заполнения котлована», автор публикации предположил, что орудие было оставлено на крыше жилища (Зах, 1995, с. 59).

В заполнении котлована землянки 2 с материалами *саргаринско-алексеевской культуры* поселения *Садчиковское*, Костанайская обл., Казахстан, выявлен крюк от серпа, тип которого не устанавливается. Находка тяготела к юго-восточной стене постройки. В землянке фиксировались следы металлургического производства в виде шлаков. Интересным моментом является присутствие в ней большого количества бронзовых артефактов – стрелы, стержня, пластинки, фрагмента браслета и др. (Кривцова-Гракова, 1951, с. 154-155, рис. 2; с. 176).

Серпы с неясным контекстом

В жилище 9 *алакульской культуры* поселения *Атасу I*, бывшая Жезказганская, ныне в составе Карагандинской обл., Казахстан, был выявлен серп. Не ясно, находился ли он на дне котлована или в его заполнении. Поскольку в данной постройке присутствовали и каменные мотыги, автор публикации предположил, что она являлась «домом земледельца» (Кадырбаев, 1983, с. 137). В статье нет рисунка серпа, а потому тип его установить затруднительно.

В жилище 20 *бегазы-дандыбаевской культуры* этого же поселения также выявлен серп. Из публикации неясно, лежал ли он на полу или в заполнении постройки. Стоит отметить, что в котловане выявлены многочисленные артефакты, связанные с металлургическим производством – куски медной руды, орудия для ее измельчения, керамические матрицы и льячка, шлаки. Другие находки из постройки – фрагменты керамики, целый крупный сосуд, бронзовая стрела, проколки, керамические и каменные пряслица, кремневые стрелы, которые, как верно заметил автор, «сохранились как реликт, имевший большее ритуальное значение, чем хозяйственное» (Маргулан, 1998, с. 243-244). Из-за отсутствия в статье рисунка фрагмента серпа тип его нам неизвестен. Не ясно и то, с какими другими артефактами данный серп образовывал «текст».

На многослойном поселении *Тюбяк*, Башкортостан, Россия, в раскопе III, постройке 6, относящейся к *абашевской культуре*, найдены 2 серпа (целый и обломок) типа Береговка (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 33). Из публикации неясно, где конкретно найдены серпы², однако подчеркнем, что в постройке 6 зафиксированы следы металлургического производства (Обыденнов, Горбунов, Мурав-

2 Даже по-разному (оформлением носка) выглядят два рисунка фрагмента серпа (Обыденнов, Горбунов, Муравкина, Обыденнова, Гарустович, 2001, рис. 39, 2; рис. 75, 2). Во втором случае носок выглядит приотстренным, что является редкостью для серпов этого типа (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 31). Этот вариант рисунка продублирован: (Горбунов, Горбунов, 2006, рис. 4).

кина, Обыденнова, Гарустович, 2001, с. 71, 132-133).

На этом же поселении в раскопе I, постройке 1, относящейся к *межовской культуре* (из публикаций непонятно, на дне или в заполнении), был найден крюк от серпа, типа Ибракаево (предположительно) (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 75, 78). В котловане прослежены следы металлургического производства – куски медистого песчаника, шлаки, слитки меди (2), льячки из камня и глины, фрагменты каменных матриц. Другие находки – фрагменты бронзовых шила и пластины, костяные тупики (2), фрагмент псаля и заготовка псаля (?), 2 проколки, каменные диски (6), «терочные плиты» (10), оселки (9), шары из галек (12), песты (11), наковальни (5), привязной молот, рубящее орудие, глиняные шары (3). Основная масса артефактов концентрировалась близ колодца, находившегося в центральной части постройки (Обыденнов, 1991, с. 27-28; Обыденнов, Горбунов, Муравкина, Обыденнова, Гарустович, 2001, с. 22). На поселении найден еще один крюк от серпа неопределенного типа (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 118-119) в раскопе II, постройке 2, относящейся, как и постройка 1, к *межовской культуре*. Ситуация с контекстом находки неясна, однако в раскопе II выявлены следы металлургического производства, в том числе в жилище найден слиток меди весом около 80 г (Обыденнов, Горбунов, Муравкина, Обыденнова, Гарустович, 2001, с. 25).

Стоит сказать и о еще одной находке. В урочище **Горелый Дол**, Саратовская обл., Россия, были случайно найдены целый серп (вероятно, типа Дербедень) и фрагменты диоритовых «молотка» и «топорика» (Круглов, Подгаецкий, 1935, с. 79). Комплекс (если, конечно, он был целостным) относится, скорее всего, к *срубной культуре*.

Заслуживают упоминания и фрагменты 2 матриц для отливки серпов, выявленные в *срубном* святилище **Верхнее Турово**, Воронежская обл., Россия. На площади памятника обнаружены 3 погребения, яма с остатками двух человеческих жертвоприношений, золь-

ник и другие следы культовой деятельности (Синюк, Пряхин, Чекменев, 2006, с. 104, 106, 109). В данном случае можно с достаточной уверенностью констатировать, что литейные формы также являлись атрибутами ритуалов, хотя и затруднительно выяснить, каких. Серпы, для выплавки которых предназначались матрицы, вероятно, относятся к типу Ибракаево.

По поводу функционального использования рассматриваемых изделий среди исследователей существуют определенные разногласия. Обычно их трактуют именно как серпы. Эту версию отстаивали, например, А.П. Круглов и Г.В. Подгаецкий (1935, с. 81)³, И.Н. Шарафутдинова (1971, с. 42), В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев (2002, с. 47, 49, 86, 99, 113, 237)⁴.

С.В. Кузьминых к данной версии, во всяком случае, применительно к срубной культуре, отнесся скептически. Он заметил, что использование термина «серп» – лишь дань традиции. По мнению исследователя, эти орудия, скорее всего, являлись секачами и служили для рубки тростника, лозы, веток, предназначенных на корм скоту, а вовсе не для сбора зерновых, поскольку земледелие у носителей срубной культуры «вызывает большие сомнения» (имелась в виду территория Волго-Уралья) (Кузьминых, 2004, с. 84). Аналогичны и взгляды В.В. Рогудеева, который полагает, что серпы использовались, главным образом, при заготовке грубых кормов для скота, в том числе молодых веток с листьями (Рогудеев, 2004, с. 135). Такое использование серпов в одном случае подтверждено трасологически (Килейников, 2004, с. 130). По мнению Н.А. Аванесовой, разные типы серпов и серповидных орудий могли иметь

3 Правда, серпы типа Сосновая Маза (по: Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 47-56) они, ссылаясь на мнение В.В. Гольмстен, называют «косарями», применявшимися «для рубки мелкого гибкого кустарника» (Круглов, Подгаецкий, 1935, с. 82).

4 Некоторую часть орудий типа Береговка исследователи не отказываются считать категорией «стругов, скобелей, ножей» (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 34). Для серпов типа Сосновая Маза обосновывается рубяще-режущее действие (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 58), а изделия типа Явленка В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев называют секачами (2002, с. 111).

разное назначение. Автор выделяет среди интересных нас артефактов жатвенные ножи и серпы (использовались для жатвы и срезания трав), скобели-струги, секачи (применялись для заготовки грубых кормов и вырубki кустарника), косы (служили для заготовки сена) (Аванесова, 1991, с. 18-22). В.В. Евдокимов придерживается той же точки зрения, что и Н.А. Аванесова. Он считает серпы многофункциональными: для уборки зерновых, заготовки корма (травы и веток), ошкуживания деревьев (Евдокимов, 2000, с. 81).

Высказаны и другие мнения относительно назначения серпов. В частности, Н.Я. Мерперт предположил, что изделие, найденное в кургане у Ягодного, применялось в качестве рубящего орудия при сооружении бревенчатого наката над погребением, а затем, после поломки, было оставлено в насыпи (Мерперт, 1954, с. 47-48). В.В. Отрощенко высказал гипотезу, согласно которой артефакты из Ягодного и Новолиповки следует относить к «жертвенным ножам» (1993, с. 20).

Таким образом, уже допускалось, что серпы использовались в ритуалах, но при этом им отводилась лишь роль инструментов для жертвоприношений. Как показывают охарактеризованные выше комплексы, оно было куда более многогранным. Прежде, чем приступать к рассмотрению данного вопроса, стоит обратиться к этнографическим и фольклорным материалам, отражающим неутилитарное использование серпов народами Евразии. Собранные данные позволяют выделить несколько блоков представлений, связанных с рассматриваемыми орудиями:

1. Серп в ряде религиозно-мифологических систем рассматривался как атрибут богов. Например, с помощью него персонаж древнегреческой мифологии Кронос оскопил своего отца Урана, причем этот акт способствовал отделению неба от земли (Словник..., 1989, с. 202; Лосев, 1992, с. 18). Римляне изображали с серпом в руках Сильвана – покровителя диких и домашних животных, культурного земледелия, хранителя дома и усадьбы (Словник..., 1989, с. 184; Штаерман,

1992, с. 435). «Привязка» серпа к богам возникла, очевидно, в раннеземледельческих обществах, о чем свидетельствует известная статуэтка культуры Тиса (поздний неолит, Венгрия), воплощающая, как считают многие исследователи, бога с серпом (Титов, 1980, с. 354). В данной связи интересны русские сказки о Фоме Беренникове – своего рода аналоге Иванушки-дурачка. Атрибутом Фомы является косарь. В одной сказке герой куёт его сам (Русские..., 1985, с. 191), в другой – это косарь дедушки (Русские..., 1985, с. 196), что указывает на связь косаря с предком, т.е. принадлежность его к потустороннему миру (вспомним «замогильные» дары умершего родителя, фигурирующие в славянском фольклоре (Русские народные..., 1982, с. 141-143; Українські..., 1989, с. 281-282)). Несмотря на сатирический характер сказок о Фоме, они содержат довольно архаические мотивы: уход героя в чужую землю (Русские народные..., 1982, с. 283), завоевание царевны, а вместе с ней – богатства или «половины царства» (Русские народные..., 1982, с. 283-284), собака в качестве проводника (Русские народные..., 1982, с. 284), змей, требующий царевну (Русские..., 1985, с. 193). Отсюда весьма вероятными являются древние истоки рассматриваемых сказок и, соответственно, мотива серпа. Косарь в анализируемых текстах выступает как орудие, которым Фома срубает голову великану (Русские народные..., 1982, с. 283), змею (Русские..., 1985, с. 193), «серебряному деду» (семантическая замена змея; это видно из того, что старик контролирует воду) (Русские..., 1985, с. 194). Характер деяний Фомы, особенно, убийство им владыки вод путем отсечения головы, позволяет видеть в этом сказочном герое очень сильно деформированный образ Громовержца – главного персонажа т.н. «основного мифа» индоевропейцев. Громовержец, одержав победу над змеем и расчленив последнего, освобождает воды (Иванов, Топоров, 1991, с. 530). Из отмеченного правомерно допущение, что оружие Фомы – серп некогда мог являться в мифологии атрибутом Громовержца;

2. Серп у многих народов связывался с представлениями о плодородии, изобилии и благополучии (Серп., б/г). В частности, у марийцев в конце жатвы отмечался обряд «кормления серпа», когда последними несжатыми на ниве стеблями обвивали орудие и, поднимая серп с земли, вырывали эти стебли с корнем. После этого серп, обвитый стеблями, хранили всю зиму до будущей жатвы, поскольку верили, что сила урожая сохраняется вместе с серпом в этих стеблях (Зеленин, 1999, с. 71). У ирландцев, валлийцев, шотландцев и других народов Западной Европы во время жатвы происходили разнообразные игры, в ходе которых использовались серпы (Фрэзер, 1993, с. 376, 378-379, 381). Подобное зафиксировано и на русском Севере (Морозов, Слепцова, Островский, Смольников, Минюхина, 1997, с. 122; Зеленин, 1999, с. 71). Не вдаваясь в детали, отметим, что победитель в этих играх рассчитывал на материальное благополучие и успехи на любовном фронте. Здесь уместно вспомнить и упоминавшегося выше Сильвана – божество растительности и покровителя стад, маркировавшегося серпом;

3. Серп является острым, а значит, опасным предметом. В силу этого он наделялся свойством отвращать злые силы. Например, русские считали, что косарь (имеется в виду орудие) способен изгонять болезни. Обломок косы, семантически равнозначной серпу, некоторые из русских носили в правом сапоге, чтобы уберечься от сглаза (Афанасьев, 1995, с. 52). Добавим, что известны древнерусские амулеты, в состав которых входят подвески в виде серпов (Рыбаков, 1987, рис. 90). Любопытно, что модельки рассматриваемых изделий использовались и в погребальном обряде, а именно, во время похорон некрещеных детей. Эти покойники считались довольно назойливыми. Поэтому им в гробики клали игрушки в виде различных сельскохозяйственных орудий, в т.ч. и серпов, чтобы умершие игрались и не тревожили родителей (Слюзко, б/г). Таким образом, тут, хотя и косвенно, проявлялась вера в отвращающее свойство серпа. Румыны и молдаване, стре-

мясь защитить жилище от демонического существа Мама-Пэдурии, втыкали в порог серп (Кабакова, 1991, с. 336). Здесь интересно то, что серп выполнял функцию магической защиты границы обитаемого пространства. Сербы, чтобы обезопаситься от града, махали серпами в сторону тучи, сулящей это бедствие, и призывали ее удалиться. В данном ритуале серп, строго говоря, выступал лишь как острый предмет, семантически тождественный в этом смысле ножу, мотыге, топору и т.п. орудиям, которые тоже использовались для магического воздействия на тучи (Толстой, Толстая, 1981, с. 51). Более показателен для нашего исследования другой ритуал, имевший место у тех же сербов. При появлении градовой тучи на пригорок восходила женщина в белой одежде и призывала утопленников прогнать овец (т.е., тучи) (Толстой, Толстая, 1981, с. 51). Любопытно, что одеяние женщины было белым, а данный цвет в традиционных славянских культурах ассоциировался со смертью (Маслова, 1984, с. 96). Итак, в ходе описанного действия предпринималась попытка вступления в контакт с потусторонними силами и при этом использовался серп;

4. Серп изредка выступал как атрибут родильной обрядности. В этнографической и исторической литературе можно встретить информацию о том, как женщинам порой приходилось рожать вдали от дома – во время жатвы. В этом случае пуповину перерезали серпом (Лойченко, 2007; Обряды., б/г). Данное неутилитарное использование серпа неоднократно обыгрывалось и в художественных произведениях⁵. Все эти факты для нашей темы не слишком важны, ибо серп здесь пускался в ход за неимением чего-либо более подходящего. Показательно, однако, то, что пуповину могли перерезать серпом и дома. Например, это зафиксировано у русских (Магические послеродовые обряды, б/г). От-

⁵ Правда, серпы типа Сосновая Маза (по: Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 47-56) они, ссылаясь на мнение В.В. Гольмстен, называют «косарями», применявшимися «для рубки мелкого гибкого кустарника» (Круглов, Подгаецкий, 1935, с. 82).

меченное необычное использование серпа имело место также в Средней Азии. Там оно практиковалось в тех семьях, где дети систематически не выживали (Снесарев, 1969, с. 93). Стоит добавить, что отсечение пуповины ребенка серпом у некоторых народов, в частности, поляков, ассоциировалось со срезанием колосьев (Фрэзер, 1993, с. 380). В новое время применение серпа в родильной обрядности уже являлось аномалией. Это видно хотя бы из того, что в фундаментальных трудах этнографов, исследовавших традиционную культуру славян – Д.К. Зеленина и Ф.К. Вовка, об обрезании пуповины новорожденного серпом ничего не говорится (Зеленин, 1991, 320-321; Вовк, 1995, с. 192) Отсюда можно допустить, что данный ритуал являлся очень архаичным, и в XIX в., когда началось интенсивное изучение славянской этнографии, был уже почти забыт;

5. Серп, как и коса, был символом смерти, ее своеобразной «эмблемой». В частности, русские считали, что смерть, вооруженная серпом, «жнет род человеческий, как серп колосья» (Афанасьев, 1995, с. 27). В украинском фольклоре битва ассоциировалась с жатвой (Москаленко, 1988, с. 38). Подобные представления существовали и у других народов (Серп., б/г). Их отголоском является устойчивое словосочетание «скосила пулеметная (автоматная) очередь». То, что отмеченная символика серпа вполне уживалась с его охранительной функцией, не должно нас удивлять. Здесь мы сталкиваемся с одной из черт мировосприятия, присущей носителям традиционных культур. Суть ее заключается в том, что один и тот же предмет в разных контекстах мог получать диаметрально противоположные трактовки. Приведем лишь два примера:

а) у русских пояс выступал как оберег от злых сил (Носова, 1999, с. 42, 47, 62; Дынин, 1999, с. 69-70). Но, с другой стороны, считалось, что если человек найдет на дороге пояс и возьмет его, это сулит смерть от повешения (Носова, 1999, с. 153);

б) у тех же русских к числу предметов, отпугивающих нечистую силу, относился нож (Рыбаков, 1987, с. 545-546; Зеленин, 1999, с. 117). Вместе с тем, считалось, что тот, кто возьмет найденный на дороге нож, накличет смерть от ножа (Носова, 1999, с. 153).

Суммируя перечисленные факты, можно констатировать, что знаковая нагрузка серпа в зависимости от контекста, в котором он оказывался, могла быть самой разнообразной и при этом зачастую не вытекающей из функционального назначения данного орудия. Однако, серп чаще всего выступал в двух «ипостасях»:

1. Как атрибут ритуалов, связанных с представлениями о благополучии и плодородии;

2. В качестве медиатора между миром живых и миром мертвых, между людьми и высшими силами – как доброжелательными, так и вредоносными. В последнем случае люди надеялись на его отвращающие способности. Т.е., серп, как считалось, мог и соединять миры, и разъединять их. Разъединяющая способность серпа проявилась, в частности, в мифе о Кроносе. То же можно видеть в ритуале отсечения пуповины. Особенно ярко отвращающее значение этого действия видно по среднеазиатским материалам.

Какие из перечисленных выше представлений могли иметь место у населения бронзового века? Продвинуться в понимании данного вопроса позволяет анализ учтенных комплексов. В этих комплексах серпы (ниже для краткости мы именуем термином «серп» и целые изделия, и их фрагменты) кореллировались с разнообразными предметами, которые можно разделить на следующие блоки:

1. **Кости животных** (здесь не имеются в виду астрагалы и другие суставные кости). Данные артефакты присутствовали в 5 комплексах и при этом имели разную семантику. Так, в захоронении из Новолиповки, 29/1 КЖ являлись остатками мясной напутственной пищи. В комплексе 17 могильника Малополовецкое-3 и в заполнении п. 35 могильника Бестамак они были, скорее всего, следами

жертвоприношения, связанного с погребальным обрядом⁶. О возможной семантике крыла утки из бестамакского захоронения мы скажем ниже. Остатками жертвоприношения являлись, очевидно, и КЖ из жертвенника Абрамовского поселения. КЖ, обнаруженные в ямке, исследованной в постройке поселения Сачково Озеро, были связаны, на наш взгляд, или со строительной жертвой, или с каким-то жертвоприношением, совершенным в период функционирования жилища. Корелляция серпов с КЖ в поселенческих комплексах и комплексе из Малополовецкого-3 позволяет предполагать, что рассматриваемые орудия в данном контексте также выступали в качестве жертвы;

2. Сосуды, фрагменты керамики. Сосуды из погребений (7 комплексов) следует трактовать как емкости для напуганной пищи. Фрагменты керамики во внешнеогильном комплексе Малополовецкого-3 и в четырех поселенческих комплексах являются, вероятно, следами ритуальных действий, связанных с жертвоприношениями различным «адресатам», что также может быть свидетельством в пользу трактовки кореллировавшихся с ними серпов как жертвенных предметов;

3. Бронзовые ножи. Эти орудия выявлены в 5 захоронениях, где они, очевидно, выступали как предметы для резки покойником мясной пищи, и отсюда функция их в ходе переправы в потусторонний мир была принципиально иной, чем у серпа. В трех жилищах ножи найдены на полу, причем в одном случае 2 ножа лежали рядом у очага. Здесь мы, очевидно, сталкиваемся с жертвой оставления жилища. Еще более интересен факт присутствия ножа во рву поселения Камышное II. Для его осмысления учтем два нюанса: а) в традиционных культурах, особенно, древних, любой ров (независимо от его локализации),

⁶ Некоторую часть орудий типа Береговка исследователи не отказываются считать категорией «стругов, скреблей, ножей» (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 34). Для серпов типа Сосновая Маза обосновывается рубяще-режущее действие (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 58), а изделия типа Явленка В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев называют секачами (2002, с. 111).

как правило, ассоциировался с границей между миром людей и потусторонним миром; б) нож как острый предмет у многих народов выступал как оберег, предмет, отвращающий враждебные силы (см., например: Толстой, Толстая, 1981, с. 51; Каландаров, 2001, с. 43). Следовательно, можно допускать, что нож из Камышного II должен был обеспечить магическую защиту от враждебных человеческих или высших сил;

4. Украшения. Данные артефакты присутствовали в 6 погребениях. Во всех случаях они, очевидно, являлись деталями убранства умершего и в силу этого, строго говоря, как и КЖ, сосуды и ножи из захоронений, не образовывали «текста» с серпом (уточним, что здесь мы имеем в виду «текст» в узком смысле, ибо в составе более «широкого» «текста», каковым являлось погребение, украшения все-таки кореллировались с серпом). Данный вывод подтверждается тем, что в поселенческих комплексах, учтенных нами, украшения не входили в один «текст» с серпом;

5. Псалии. Рассматриваемые предметы выявлены лишь в 2 погребениях и, скорее всего, также не входили в состав «узкого» «текста» с серпом, поскольку, являясь символом погребальной повозки, были связаны с представлениями о переправе;

6. Предметы вооружения. В комплексах из Утевки VI, 6/6 и Бестамака, п. 35 найдены наконечники стрел. Обратим внимание на то, что второе захоронение являлось женским. В Абрамовском поселенческом комплексе присутствовал дротик, семантика которого в данном контексте не ясна. В жилище 4 поселения Ук III найден каменный наконечник стрелы; причем, как отмечено выше, он едва ли являлся чисто утилитарным предметом;

7. Предметы, связанные преимущественно с ритуальной сферой. К таковым можно отнести астрагалы (2 погребения), поскольку многочисленные этнографические материалы свидетельствуют об использовании та-ранных костей мелких копытных в ритуальной сфере (см., например: Цимиданов, 2001,

с. 222-223). Вероятно, в данный блок следует включить и путовые кости лошади (1 погребение), которые имели высокий семиотический статус (Лопатин, 2010, с. 130-148), а также, астрагал крупного рогатого скота с просверленным отверстием. В 1 комплексе присутствовала галька. Критериями отнесения ее к рассматриваемому блоку стали данные о магических манипуляциях, производившихся с гальками для вызывания дождя (Короглы, 1976, с. 88-89) и присутствие галек в «жреческих» сарматских погребениях (Банников, 2004, с. 22; Лазарь, 2004, с. 67; Яценко, 2007, с. 61). К данному блоку отнесен и музыкальный инструмент (1 комплекс). При этом мы исходили из того, что разнообразные музыкальные инструменты находили применение в культовой практике (см.: Пропп, 1986, с. 105-106; Курочкин, 1993, с. 30; Усачук, 1999, с. 80, 81; Цимиданов, 2004, с. 57-58). Здесь уместно сделать одно уточнение. Выше отмечено, что трактовка деревянного изделия из Кочетного, 7/1 как фрагмента щипкового инструмента, лишь рабочая гипотеза. Но даже если загадочный артефакт был сосудом (его форма вполне допускает такую трактовку), он все равно являлся, скорее всего, ритуальным атрибутом, поскольку деревянная посуда бронзового века использовалась преимущественно в культовых целях (Отрощенко, 1992). Говоря о деревянном изделии из Кочетного, обратим внимание на похожий случай: остатки какой-то «деревянной поделки», соединенной бронзовыми скрепками из п. 35 могильника Бестамак. Возможно, к сугубо культовым атрибутам следует отнести и кремневые пластины из бестамакского захоронения и жилища поселения Комаровка I. Дело в том, что пластинчатая техника обработки кремня и других пород камня в эпоху бронзы уже не существовала (любезная консультация С.М. Дегемеджи), т.е. мы имеем дело с предметами, самое позднее, энеолитического времени, являвшимися для носителей культур эпохи бронзы примерно тем же, чем для славян нового времени были т.н. «громовые стрелы». Если мы к тому же учтем,

что в культурах эпохи бронзы кремень широко использовался в ритуалах (см., например: Цимиданов, 2004, с. 56; Разумов, 2010, с. 12-13), то правомерным будет допущение, согласно которому, в погребении из Бестамак и комплексе комаровского жилища упомянутые пластины выступали отнюдь не как утилитарные предметы, а как знаковые вещи;

8. Фрагменты диоритовых топора и «молотка» (1 комплекс);

9. Орудия кожевенного производства (1 комплекс). Были представлены тупиком из челюсти животного и стругом из ребра;

10. Орудия для шитья. Среди данных изделий – шилья (2 погребения и 2 поселенческих комплекса), игла (1 погребальный и 2 поселенческих комплекса), костяные проколки (1 погребальный и 1 поселенческий комплекс), бронзовая проколка (1 погребальный комплекс)⁷. При этом в жилище поселения Комаровка I выявлен целый набор рассматриваемых артефактов – 3 шила, 2 проколки и 1 игла;

11. Артефакты, связанные с металлургией. В погребении из Утевки VI, 6/6 находился медный сплеск и глиняные сопла, в кладе из Бахчи – медный слиток, в комплексе 17 из Малополовецкого-3 – фрагмент матрицы. Вероятно, о неслучайности корреляции серпов со следами металлургического производства правомерно говорить и применительно к поселениям Горный-1 (находки с пола плавильного двора и «засыпи» над комплексом № 1), Тюбьяк, Садчиково, Атасу I (бегазы-дандыбаевская постройка). Особо ярким в связи с металлургией является комплекс на дне жилища поселения Ук III. На положенных друг на друга двух серпах лежал бронзовый слиток, а среди каменных орудий, расположенных неподалеку, несколько связаны с обработкой горячего металла (в случае с уковскими материалами отметим, что проведен трасологический

⁷ Скорее всего, в этом комплексе (Бестамак, п. 35) – две бронзовые проколки, одна из которых, более массивная (Калиева, Логвин, 2008, рис. 8, 14), названа в публикации «штыковидным орудием» (Калиева, Логвин, 2008, с. 42).

анализ каменных орудий (Стефанов, Корочкова, 2000, с. 42));

12. **Пряслица.** Эти изделия выявлены в 1 погребальном (Бестамак, п. 35) и в 1 поселенческом комплексе (Комаровка I), но зато там их было 5;

13. **Орудия деревообработки.** В комплексе из Утевки VI, 6/6 присутствовали бронзовые тесло и долото, а в кладе из Бахчи — бронзовое тесло. В п. 35 могильника Бестамак присутствовали 2 бронзовые стамески: с роговой и деревянной рукоятками.

14. **Орудия для измельчения.** Во рву поселения Камышное II находился терочник, в кладе из Бахчи — пест и фрагменты заполированной плиты, в жертвеннике поселения Абрамовское — курант, в жилище Комаровки I — зернотерка и курант, в комплексе из Малополовецкого-3 — фрагменты зернотерки и растиральника, в п. 35 из Бестамака — «шлифованный камень» (терочник?), в комплексе из Батрака — фрагменты пестов и терочников;

15. **Предметы неясного назначения.** К ним мы отнесли бронзовую проволочку, фрагмент пластинки, «шплинт», бронзовые крюки, прут и скобки.

Разнообразие «текстов», в состав которых входили серпы, свидетельствует о полисемантической последности и использовании их в самых разнообразных ритуальных манипуляциях. Тем не менее, просматриваются некоторые «приоритеты». Это видно из следующего. С орудиями кожевенного производства серпы кореллировались лишь по 1 разу, как и с фрагментом полированных топора и «молотка». С орудиями прядения — 2 раза. С оружием и орудиями деревообработки корелляция имела место 3 раза, с орудиями шитья — 6 раз, с предметами ритуальной сферы — 6 раз, с орудиями для измельчения — 7 раз, с атрибутами, связанными с металлургией, вероятно, 9 раз.

Характер семантической связи серпа с **кожевенными орудиями** не ясен. Но учитывая, что соответствующий «текст» зафиксирован на могильнике, можно предположить об-

условленность отмеченной связи представлениями о потустороннем мире. И серпы, и кожевенные орудия могли рассматриваться населением, оставившим памятники малополовецкого типа, как предметы, обладающие медиативными свойствами. Фиксируемая нами связь серпов с **пряслицами** могла быть порождена сходными представлениями: веретено и нить у многих народов выступали как медиаторы между мирами живых и мертвых (Цимиданов, 1999, с. 225).

Довольно интересным является сочетание серпа с фрагментами **каменных топора и «молотка»** в комплексе из Горелого Дола. Есть серьезные основания считать, что подобные предметы у носителей срубной культуры ассоциировались с Громоверхом (Полідович, Цимиданов, 1995, с. 56-59). Тут уместно вспомнить о предположительных отголосках корелляции серпа с богом грома в русских сказках.

Касаясь факта взаимовстречаемости серпов с **предметами вооружения**, отметим, что уже давно существует гипотеза об использовании серпов некоторых типов в качестве оружия (Шарафутдінова, 1971, с. 42; Цимиданов, Кравченко, 1989, с. 132; Черных, 2004, с. 248). Но даже если эта гипотеза и верна, серпы из рассматривавшихся погребений едва ли можно трактовать как знаки воинского статуса. В этом плане показательны захоронения синташтинской культуры из Каменного Амбара-5. Часть их содержала явные предметы вооружения: 2/5 (бронзовое копьё и кремневые стрелы), 2/6 (кремневые стрелы), 2/15 (кремневые стрелы), 4/8 (кремневые стрелы) (Епимахов, 2005, с. 26-27, 31, 56, 113), но в них не выявлены серпы. В погребении 2/12 также присутствовали кремневые стрелы, однако они находились близ костяка подростка, а не возле останков женщины, сопровождавшейся серпом (Епимахов, 2005, с. 48).

Особого внимания заслуживают два захоронения с наконечниками стрел. Первое — комплекс потаповского типа из Утевки VI, 6/6. Данное погребение являлось одним из двух, располагавшихся в центре

подкурганной площадки в окружении еще нескольких захоронений (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1992, рис. 1). Поскольку во втором центральном погребении находился костяк подростка и отсутствовал «престижный» инвентарь, можно допустить, что именно взрослый из п. 6 являлся в данном кургане «доминантом». Обратим внимание и на следующее. В периферийном захоронении 4 оказались костяная «лопаточка» и бронзовый наконечник копья (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1992, рис. 4–6, 20). Относительно функций и семантики «лопаточек» высказывались различные соображения (см., например: Усачук, 2005, с. 187–188; Федоров, 2007, с. 182–187). Контексты, в которых обнаруживаются данные изделия, не позволяют их интерпретировать однозначно. Показательно, однако, то, что «лопаточки», как правило, происходят из комплексов «престижных» предметов (Зданович, 1997, с. 50–52). Более однозначно можно трактовать бронзовое копье. Подобные изделия встречаются в захоронениях различных культурных образований рубежа эпох средней и поздней бронзы – синташтинской, покровской, доно-волжской абашевской культурах, памятниках потаповского типа и др. Они не только маркировали воинский статус погребенных, но, вероятно, выступали в качестве инсигний власти (Малов, 2003, с. 198–200). Отсюда следует, что умерший, погребенный с серпом в утевском кургане, являлся при жизни фигурой поистине выдающейся, ибо, судя по планиграфической позиции его могилы, он занимал в обществе более высокое положение, чем военный и «светский» лидер из п. 4.

Второе захоронение, где с серпом сочетались стрелы, исследовано в могильнике Бестамак. Любопытно, что оно являлось женским. Это позволило авторам публикации увидеть здесь свидетельство участия представительниц женского пола в военных столкновениях (Калиева, Логвин, 2008, с. 57).

Таким образом, в некоторых культурных образованиях рубежа средней и поздней

бронзы серпы изредка попадали в захоронения лиц, каким-то образом ассоциировавшихся с военной функцией. Но в культурах позднего бронзового века данное явление, похоже, уже не имело места;

Все три «текста», где серпы демонстрировали сочетание с **орудиями деревообработки**, содержали и знаки других производственных процессов. В захоронении из Утевки – металлургии и шитья, в погребении из Бестамака – шитья и прядения, в кладе из Бахчи – металлургии в виде медного слитка. В последнем комплексе были еще пест и фрагменты заполированной плиты. Возможно, они имели отношение к подготовке сырья для металлургического производства, но лишь трасологический анализ мог бы прояснить этот вопрос. Кстати, в бестамакском погребении тоже присутствует «терочник», но неясна его функция. Корелляция в утевском и бестамакском погребениях артефактов, репрезентующих различные и, к тому же – очень далекие одно от другого производства (металлургия, деревообработка, шитье в первом случае; деревообработка, шитье, прядение – во втором), заставляет вспомнить гипотезу А.Т. Синюка о том, что атрибуты ремесел в некоторых обществах маркировали «вождей-жрецов», которые стояли в общественной иерархии выше, чем военные лидеры (Синюк, 1996, с. 10–11). У соплеменников эти лица – отдаленные аналоги «священных царей», институт которых в свое время детально рассмотрел Д.Д. Фрэзер, могли ассоциироваться с демиургами и восприниматься как продолжатели дела творцов Вселенной, гарантировавшими стабильность социума (Цимиданов, 2004, с. 81–82). Если принять такое допущение, станет ясным, почему именно погребение из Утевки VI, 6/6 занимало в кургане «привилегированную» позицию. Захоронение из Бестамака вроде бы не очень выделяется на фоне других неординарных комплексов данного могильника. Но стоит обратить внимание на присутствие в этом погребении предметов, очевидно, связанных с сакральной функци-

ей — деревянного изделия, каменной пластины и просверленного астрагала крупного рогатого скота. Не менее интересно располагавшееся рядом с упомянутыми деревянным предметом и астрагалом крыло утки. Отметим, что части птиц, в т.ч. перья и крылья, использовались в шаманской практике. Они должны были помочь шаманам летать (Итс, 1990, с. 223; Березницкий, 1999, с. 112, 115), перемещаться между мирами (Басилов, 1984, с. 99-100;). Все эти нюансы, связанные с бестамакским комплексом, и его подчеркнутая неординарность позволяют трактовать погребенную как служительницу культа очень высокого ранга. Данный комплекс роднит с погребением из Утевки VI, б/б два признака:

1. Присутствие орудий различных и не связанных между собой производств;
2. Присутствие стрел.

Добавим, что комплексов, демонстрировавших бы «текст» «серб + оружие» при отсутствии знака «орудия различных производств», нам неизвестно. Отсюда правомерно допущение, что оружие попадало лишь в те погребения с серпами, где оказывались наборы из предметов разных производств. Соответственно, можно предположить, что именно знак «орудия различных производств» предопределял корреляцию серпа с оружием. Все отмеченное позволяет трактовать стрелы из двух рассматриваемых захоронений не как символы того, что погребенные при жизни отправляли военную функцию, а как абстрактный знак одной из составляющих понятия «демиург».

Возможно, в свете представлений о «демиургах» можно рассматривать и «встречу» серпа с **шилом** в п. 12 из Синташты.

В поселенческих комплексах сочетание серпов с **орудиями для шитья** может иметь и другую природу. Выше мы отмечали, что серпы наделялись отвращающей способностью. Но такую же знаковую нагрузку в определенных контекстах имели и орудия для прокалывания (Подобед, Цимиданов, 2010, с. 114-115).

Очень сильной была семантическая связь серпов с **предметами ритуальной сферы**. Она проявилась в 6 учтенных нами погребениях. Это, на наш взгляд, служит аргументом в защиту гипотезы В.В. Отрощенко, согласно которой серпы и серповидные ножи из захоронений являлись жертвенными ножами (Отрощенко, 1993, с. 20). Соответственно, они могли выполнять роль маркеров статуса служителей культа даже и в тех случаях, когда другие атрибуты ритуальной функции в могилу не попадали.

Что касается корреляции серпов с **орудиями для измельчения**, то ее рассмотрение затруднено, поскольку нет трасологических определений данных орудий, позволивших бы выяснить, что именно ими измельчали. В качестве рабочей гипотезы можно, тем не менее, предложить следующую. Серпы, подобно упомянутым орудиям, нарушали целостность субъектов, на которые было направлено их воздействие. Отсюда они и могли ассоциироваться с курантами, растиральниками и т.п. Если же окажется, что терочники из Бестамака и Камышного II, курант из Абрамовского и зернотерка с курантом из Комаровки I использовались для растирания зерна, правомерно будет допустить семантическую связь серпов с земледелием.

Похоже, наиболее же сильной являлась знаковая связь между серпами и **металлургическим производством**. В случае с погребениями, она, очевидно, предопределялась представлениями о демиургах. К сожалению, большую часть поселенческих комплексов, где фиксируется данная связь (Горный-1, Тюбьяк, Садчиково, Атасу I), трудно проанализировать ввиду отсутствия в публикациях необходимой информации. Более выразительны материалы из жилища 4 поселения Ук III. Здесь серпы коррелировались со слитком бронзы, а поблизости от них выявлены орудия металлургии, в т.ч. молот для разгонки горячего металла и орудие для раскатки листового металла

Подводя итог рассмотрению «текстов» с серпами, уместно выделить несколько основ-

ных аспектов неутилитарного использования данных орудий в эпоху бронзы:

1. Серпы помещали в могилы. При этом в одних случаях эти орудия, вероятно, маркировали служителей культа, а в других – «священных царей» («священных цариц») – лиц, одновременно отправлявших властную и ритуальную функции;

2. Серпы приносили в жертву в ходе совершения погребальных ритуалов за пределами могильных ям (Ягодное II, к. 2; Бахчи; Малополовецкое-3). «Адресат» жертвоприношения в данных случаях не ясен;

3. Серпы использовали в качестве строительных жертв (Вовниги; вероятно, яма в постройке поселения Сачково Озеро);

4. Серпы приносили в жертву при оставлении построек, кладя их при этом на пол (Черниково Озеро I; Ук III; Комаровка I; Приморская; возможно, плавильный двор Горного-1) или в очаг (рядом с очагом) (Черняки III; Явленка I);

5. Серпы использовали в каких-то непонятных манипуляциях, совершавшихся при засыпке котлованов отслуживших построек или в засыпке этих котлованов (Сачково Озеро; Горный-1, комплекс 1; Черемуховый Куст; другие памятники);

6. Серпы клали во рвы (Камышное II). Это, скорее всего, преследовало цель обеспечить магическую защиту от врагов в человеческом облике или демонических сил. То же можно сказать о серпах, положенных на дно жилищ близ стен (Черниково Озеро I; Ук III). Как известно, по представлениям многих народов, стена постройки разделяла мир живых людей и враждебный внешний мир, ассоциировавшийся с миром мертвых и демонов;

7. Серпы использовали в различных ритуалах за пределами построек, в т.ч. помещали в зольники (Алексеевское; Батрак). Цель данных ритуалов не ясна;

8. Серпами манипулировали в ходе ритуалов, имевших место в «специализированных» святилищах (Абрамовское). Цель этих ритуалов

также не ясна. Возможно, в ходе данных действий семантической заменой серпам порой выступали матрицы для отливки рассматриваемых орудий (Верхнее Турово).

Вкратце обратим внимание также на состояние серпов, попадавших в культовые комплексы. В погребениях рубежа средней и поздней бронзы (синташтинская, покровская культуры, потаповский тип) обнаружены, в основном, целые серпы. В срубной культуре, напротив, серпы представлены почти исключительно фрагментами. Последнее может быть объяснено рационализмом носителей данной культуры, которые, экономя дорогостоящий металлоемкие изделия, прибегали к принципу (если не сказать – трюку) «pars pro toto»: клали в захоронения части серпов, сломанных в ходе бытового использования. Вместе с тем, нельзя исключать и того, что серпы перед помещением в захоронения ломались преднамеренно, с ритуальной целью. Заметим в данной связи, что у носителей срубной культуры практика нарушения целостности вещей, использовавшихся в погребальном обряде, была весьма распространена (Цимиданов, 2011, с. 13-17). Более надежно можно допускать факт преднамеренного слома серпа, выявленного в синташтинском захоронении из Каменного Амбара-5, 2/12.

В культовых комплексах поселений культур Европы и Азии присутствовали как целые или лишь слегка поврежденные серпы (около 7 экз. плюс 2 ножа из заготовок серпов, которые, возможно, были семантически тождественны серпам), так и фрагменты данных орудий (21 экз.).

Наборы из нескольких серпов, обнаруженные в Бахчи и Предгорном, учитывая их локализацию (в кургане и погребальном сооружении), можно рассматривать как жертвенные предметы, «отправленные» в потусторонний мир. Такая трактовка кладов эпохи бронзы в западноевропейской науке была предложена еще в XIX веке (Бочкарев, 2002, с. 48). В последние годы она приобретает все больше сторонников и среди восточноевропейских археологов (Кузьмина О., 2008, с. 54;

Агульников, Иванова, 2010, с. 155). Некоторые из исследователей полагают, что целью закапывания металла в землю было и стремление отдельных лиц «уничтожить» материальные ценности, и тем самым повысить свой престиж (Цимиданов, Кравченко, 1989; Горбунов, 1992, с. 193). Эта практика, проявлявшаяся в потлачах, дожила до современности. Известна расточительность русского дворянства XVIII-XIX вв. (Рассказы бабушки, 1989, с. 9-11; Маркиз де-Кюстин, 1990, с. 198-201; Энгельгардт, 1997, с. 47; Лаврентьева, 2005, с. 428-435, 604-606; Марченко, 2005, с. 244-245; и др.). Есть примеры поведения представителей нынешней социальной верхушки, когда в ходе шумных банкетов бьют посуду, ломают мебель и т.п.

Завершая наше исследование, можно констатировать, что бронзовые серпы и даже их фрагменты в культурах эпохи бронзы имели высокий семиотический статус и использовались в разнообразных ритуалах. Отголоски связанных с серпами представлений, пережив века, были зафиксированы этнографами и фольклористами в традиционных культурах нового времени.

Литература:

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент: Фан, 1991. – 200 с.

Агульников С., Иванова С. Кинжал «киммерийского типа» из окрестностей с. Севериновка // Revista Arheologică, serie nouă. – Chişinău, 2010. – Vol. V, № 2. – P. 151-157.

Алихова А.Е. Комаровское поселение у Моечного Озера // МИА. – 1958. – № 61. – С. 157-180.

Антонова Е.В., Раевский Д.С. Археология и семиотика // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк, 2002. – Т. 1. – С. 11-26.

Арсланова Ф.Х. Некоторые памятники позднего бронзового века Верхнего Прииртышья // СА. – 1974. – № 1. – С. 220-226.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 3. – 416 с.

Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Сб. МАЭ. – Л.: Наука, 1981. – Т. XXXVII. – С. 215-226.

Банников А.Л. Социально-значимые комплексы и погребальный обряд в исследовании общества ранних

кочевников Южного Урала // Древняя и традиционная культура Казахстана в исследованиях молодых ученых. – Караганда: Санат, 2004. – С. 21-23.

Басилов В.Н. Избранники духов. – М: Политиздат, 1984. – 208 с.

Березницкий С.В. Мифология и верования орочей. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. – 208 с.

Бочкарев, В.С. Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Клады: состав, хронология, интерпретация. – СПб., 2002. – С. 45-54.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // АВ. – 2002. – Вып. 1. – С. 52-63.

Васильева И.Н., Козин Е.В., Кулакова Л.С., Салугина Н.П. Поселение Сачково Озеро // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2008. – С. 58-102.

Вовк Х.К. Студії з української етнографії та антропології. – Київ: Мистецтво, 1995. – 336 с.

Генинг В.Ф. Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Уральское книж. изд-во, 1992. – 408 с.

Горбов В.Н., Мимоход Р.А. Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 24-69.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. – Уфа, 1992. – 324 с.

Горбунов В.С., Горбунов Ю.В. Свидетельства металлургии и металлообработки на поселении Тюбяк // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.20: Эпоха металла Восточной Европы (историография, публикации). – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. – С. 117-123.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. – Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2002. – 348 с.

Деревягин Ю.В. Памятники эпохи бронзы в Саратовском Заволжье // КСИА. – 1973. – Вып. 134. – С. 96-100.

Дынин В.И. Когда расцветает папоротник... Народные верования и обряды южнорусского крестьянства XIX – XX веков. – Воронеж: Воронежский университет, 1999. – 210 с.

Евдокимов В.В. Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. – Алматы: Институт археологии, 2000. – 140 с.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Челябинск: ОАО «Челябинский дом печати», 2005. – Кн. 1. – 192 с.

Ерхова Д.В. Жертвенные комплексы поселений позднего бронзового века Южного Зауралья // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: матер. XLIV РАЭСК. – Кемерово, 2004. – С. 165-166.

Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. – Новосибирск, 1995. – 96 с.

- Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
- Зеленин Д.К. «Спасова борода», восточнославянский земледельческий обряд сбора урожая // Д.К. Зеленин. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917 – 1934. – М.: Изд-во «Индрик», 1999. – С. 57-81.
- Зданович Г.Б. Поселение Явленка I – памятник эпохи бронзы Северного Казахстана // Из истории Сибири. – Томск, 1973. – Вып. 7. – С. 40-52.
- Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. – Челябинск, 1997. – 94 с.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира. – М.: Советская Энциклопедия, 1991. – Т. 1. – С. 527-533.
- Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. – Уфа, 2009. – 240 с.
- Итс Р. Шепот Земли и молчание Неба. Этнографические этюды о традиционных народных верованиях. – М.: Изд-во политической литературы, 1990. – 318 с.
- Кабакова Г.И. Мама-Пэдурии // Мифологический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1991. – С. 336.
- Кадырбаев М.К. Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983. – С. 134-142.
- Каландаров Т.С. Магия в семейно-бытовой обрядности шугнанцев // ЭО. – 2001. – № 1. – С. 39-53.
- Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // ВААЭ. – 2008. – № 9. – С. 32-58.
- Килейников В.В. Металлические серпы с памятников бронзового века лесостепного Подонья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград, 2004. – С. 127-131.
- Короглы Х. Огузский героический эпос. – М.: Наука, 1976. – 240 с.
- Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. Тр. ГИМ. – 1948. – Вып. XVII. – С. 57-164.
- Кривцова-Гракова О.А. Садчиковское поселение (Раскопки 1948 г.) // МИА. – 1951. – № 21. – С. 152-181.
- Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства. – М.-Л., 1935. – 176 с.
- Кузнецова Л.В., Седова М.С. Курганный могильник срубной культуры у с. Волчанка в Куйбышевском Заволжье // СА. – 1991. – № 3. – С. 161-178.
- Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Памятники потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара, 2000. – С. 122-151.
- Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. – М., СПб.: Летний сад, 2008. – 558 с.
- Кузьмина О.В. К вопросу о неслучайности случайных находок бронзовых боевых топоров и наконечников копий абашевской культуры // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2008. – С. 49-57.
- Кузьминых С.В. Металл и металлические изделия // Курганы, т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археологические исследования. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 76-100.
- Курочкин Г.Н. Путешествие в преисподнюю: шаманские мистерии в глубинах скифского кургана // ПАВ. – 1993. – № 6. – С. 27-31.
- Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 663 с.
- Лазарь А.А. Золотые украшения кургана № 23 могильника Кырык-Оба II // Древняя и традиционная культура Казахстана в исследованиях молодых ученых. – Караганда: Санат, 2004. – С. 66-68.
- Ледяйкин В.И., Семькин Ю.А. Жертвенный погребальный комплекс Абрамовского II поселения // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. – Самара, 1991. – С. 112-130.
- Лойченко С. Реквием серпу и молоту // Северный комсомолец. 13 апреля. (12), 2007 – www.arhpress.ru.
- Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). – Саратов, 2010. – 244 с.
- Лосев А.Ф. Кронос // Мифы народов мира. – М.: Советская Энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 18.
- Лысенко С.Д., Лысенко С.С. Новая находка серпа волго-уральской группы в Среднем Поднепровье // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. – СПб., 2006. – С. 70-74.
- Лысенко С.Д., Лысенко С.С., Литвинова Л.В., Панковский В.Б. Исследования на могильнике Малополовецкое-3 в 2006 г. // Археологічні дослідження в Україні – 2005-2007 рр. – Київ, Запоріжжя, 2007. – С. 271-276.
- Магические послеродовые обряды. – www.lady.ru.
- Малов Н.М. Погребения с наконечниками копий покровской культуры из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. – Саратов: Научная книга, 2003. – С. 157-219.
- Мамонтов В.И. Землянка эпохи бронзы Приморской стоянки // Историко-краеведческие записки. – Волгоград: Нижневолжское книж. изд-во, 1975. – Вып. III. – С. 97-103.
- Мандельштам А.М. 1968. Памятники эпохи бронзы в южном Таджикистане // МИА. – 1958. – № 145. – 184 с.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана // Маргулан А.Х. Сочинения. Т. 1. – Алматы: Атамұра, 1998. – 400 с.
- Маркиз де-Кюстин. Николаевская Россия. – М.: «Тerra», 1990. – 288 с.
- Марченко Н.А. Быт и нравы пушкинского времени. СПб.: Азбука-классика, 2005. – 432 с.
- Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. – М.: Наука, 1984. – 216 с.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, 1998. – 417 с.
- Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Поволжья // МИА. – 1954. – № 42. – С. 39-156.

Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б., Смольников С.Н., Минюхина Е.А. Духовная культура Северного Белозерья: этнодиалектный словарь. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. – 432 с.

Москаленко М. Фольклорний алфавіт давньоруського космосу // Золотослов. Поетичний космос Давньої Русі. – Київ: Дніпро, 1988. – С. 5-46.

Носова Г.А. Традиционные обряды русских (крестины, похороны, поминки). – М., 1999. – 231 с.

Обряды, связанные с пуповиной // Режим доступа: www.encllo.lenobl.ru.

Обыденнов М.Ф. Бахчинский клад срубной культуры в Южном Приуралье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья. – Уфа, 1989. – С. 85-92.

Обыденнов М.Ф. Поселения древних скотоводов Южного Приуралья. Вторая половина II тысячелетия до н.э. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. – 208 с.

Обыденнов М.Ф. Сведения о находках металлических изделий бронзового века на Южном Урале // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. – Уфа: Восточный университет, 1996. – С. 105-123.

Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н. Тюбяк: поселение бронзового века на Южном Урале. – Уфа: Изд-во Башгоспедуниверситета, 2001. – 159 с.

Отрошенко В.В. Традиция изготовления деревянных сосудов в эпоху бронзы и раннего железа на юге Восточной Европы // Киммерийцы и скифы. – Мелитополь, 1992. – С. 71-72.

Отрошенко В.В. «Жреческие» комплексы в системе погребений срубной общности // Археологічні та історичні дослідження Херсонщини. – Херсон, 1993. – С. 17-31.

Подобед В.А., Цимиданов В.В. Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени (степь и лесостепь) // Донецкий археологічний збірник. 2009/2010. № 13/14. – Донецьк, 2010. – С. 98-120.

Полідович Ю.Б., Циміданов В.В. Кам'яна сокира в пам'ятках зрубної культурно-історичної спільності. // Археологія. – 1995. – № 2. – С. 52-62.

Потемкина Т.М. Камышное II – многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол // КСИА. – 1976. – Вып. 147. – С. 97-106.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобольшья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 366 с.

Пряхин А.Д. О поселениях абашевской общности в юго-западных районах Среднего Поволжья // СА. – 1975. – № 4. – С. 154-162.

Разумов С.М. Крем'яні вироби населення Надчорномор'я доби ранньої та середньої бронзи (за матеріалами поховань): автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Київ, 2010. – 19 с.

Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. – Л.: Наука, 1989. – 472 с.

Рогудеев В.В. Клад бронзовых серпов у станицы Казанской // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. – Азов, 1997. – Вып. 14. – С. 113-122.

Рогудеев В.В. Происхождение и эволюция серпов на территории срубной культуры // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград, 2004. – С. 132-137.

Русские народные бытовые сказки. – Новосибирск: Наука, 1985. – 255 с.

Русские народные сказки. – М.: Художественная литература, 1982. – 320 с.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – М.: Наука, 1987. – 784 с.

Санжаров С.Н. Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. – Луганск: изд-во ВНУ им. В. Даля, 2010. – 488 с.

Серп (коса). Энциклопедия. Знаки и символы // Режим доступа: www.znaki.chebnet.com.

Синюк А.Т. К социологической интерпретации некоторых погребений эпохи бронзы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж, 1996. – С. 9-11.

Синюк А.Т., Пряхин А.Д., Чекменев Ю.А. Туровский культовый комплекс эпохи бронзы // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж: ВГПУ, 2006. – Вып. 12. – С. 104-111.

Словник античної міфології. – Київ: Наукова думка, 1989. – 240 с.

Слюзко Л. Родильна обрядовість в українській родині // Режим доступа: www.storinka-m.kiev.ua.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М.: Наука, 1969. – 336 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. – Екатеринбург: Полиграфист, 2000. – 106 с.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века южного Зауралья. – М.: Наука, 1972. – 166 с.

Титов В. Поздний неолит // Археология Венгрии. Каменный век. – М.: Наука, 1980. – С. 327-417.

Толстой Н.И., Толстая С.М. Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. – М.: Наука, 1981. – С. 44-120.

Українські народні казки. – Київ: Веселка, 1989. – 412 с.

Усачук А.Н. К вопросу о костяных деталях духовых музыкальных инструментов в эпоху бронзы // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 70-87.

Усачук А.Н. Каменноамбарские псалии (трасологический анализ) // А.В. Епимахов. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Челябинск: ОАО «Челябинский дом печати», 2005. – Кн. 1. – С. 179-189.

Федоров В.К. Одиссей на Южном Урале (об одном свидетельстве возможного использования растительных галлюциногенов в уральских культурах эпохи средней бронзы) // Вестник ВЭГУ. – История. – Уфа: Изд-во «Восточный университет», 2007. – № 31/32. – С. 182-187.

Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. — М.: Политиздат, 1983. — 704 с.

Цимиданов В.В., Кравченко Э.Е. Новая находка серпа кабаковского типа на Среднем Донце // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. — Донецк, 1989. — С. 130-132.

Цимиданов В.В. Веретено в обрядах населения срубной культуры // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей / Тр/ ГИМ. — 1999. — Вып. 109. — С. 224-227.

Цимиданов В.В. Астралагы в погребениях степных культур эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. — Донецк, 2001. — № 10. — С. 215-248.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. — Донецк, 2004. — 204 с.

Цимиданов В.В. Сны и происхождение некоторых представлений о потустороннем мире // Літопис Донбасу. — Донецьк, 2011. — № 19. — С. 10-35.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. — М.: Наука, 1976. — 302 с.

Черных Е.Н. Примечание редактора // Каргалы, т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археологические исследования. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 248.

Черных Е.Н., Лебедева Е. Ю. Поздняя фаза: комплекс № 1 // Каргалы, т. II: Горный — поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. — М.: Языки славянской культуры, 2002а. — С. 70-91.

Черных Е.Н., Лебедева Е. Ю. Поздняя фаза: комплекс № 2 // Каргалы, т. II: Горный — поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. — М.: Языки славянской культуры, 2002б. — С. 92-109.

Шарафутдінова І.М. Бронзові серпи Північно-Західного Причорномор'я (кінець II — початок I тисячоліття до н.е.) // Археологія. — 1971. — Вип. 1. — С. 26-43.

Шарафутдінова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. — Киев: Наукова думка, 1982. — 157 с.

Штаерман Е.М. Сильван // Мифы народов мира. — М.: Советская Энциклопедия, 1992. — Т. 2. — С. 435-436.

Энгельгардт Л.Н. Записки. — М.: Новое литературное обозрение, 1997. — 256 с.

Юдин А.И. Срубные кенотафы у с. Кочетного // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2. — Волгоград: Перемена, 1992. — С. 53-59.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. — Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. 116 с.

Яценко С.Я. О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н.э. — II в. н.э.) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. — Барнаул, 2007. — Вып. 1. — С. 58-66.

Түйін

Дәстүрлі қоғам адамдары үшін затты «құрал» ретінде және таңбалық ақпаратты тасымалдаушы ретінде түсінуді айыра алмаушылық тән. Тек зат қана емес, олар үшін арнайы дайындалған мінәжат аясындағы, мүмкін салт жораларының семиотикалық жүйесінің компоненті болуына сәйкес мифологиямен белгіленген тұрмыстық және шаруашылық мақсаттағы заттар да таңбалық болды. Бұған қола дәуірі мәдениетіндегі заттар, оның ішінде қола орақтар жатады. Авторлар қола дәуірінің орақтар кешенін жинап талдау жасауда қола дәуірінің мәдениетіндегі орақтар және тіпті оның сынықтары әртүрлі салт жораларда қолданылатын жоғары семиотикалық мәртебеге ие болған деген қорытындыға келді. Орақ жаңғырығына қатысты көріністер ғасырлар бойы жалғасқандығын жаңа уақыттың дәстүрінен этнографтар мен фольклоршылар жазып алған.

Summary

For people in traditional societies were characterized by undifferentiated perception of things and as “tools”, and as a bearer of symbolic information. Not only are items specially made for use in the sacral area, but also things and household goods had the sign, corresponded with the mythology and, therefore, could become components of a semiotic system of ritual. These things in the Bronze Age cultures included, inter alia, the bronze sickles. The authors collected and analyzed the complexes with the sickle of the Bronze Age, and concluded that the bronze sickles and even fragments of Bronze Age cultures had a high semiotic status and have been used in various rituals. Echoes of the representations associated with sickles, having survived centuries, have been recorded by ethnographers and folklorists in the traditional cultures of modern times.

Никитин А.Ю., Русанов И.А.

Теплотехнические сооружения поселения Аркаим (опыт реконструкции)

Реконструкция древних объектов предполагает последовательность этапов ее осуществления: теоретическая реконструкция, графическая иллюстрация, физическое моделирование в макетах или в натуральную величину. Чаще всего реконструкции исследователей древних технологических процессов ограничиваются теоретической или графической реконструкциями, что косвенно указывает на сложность этапа физического моделирования, особенно в натуральную величину.

Данная работа посвящена краткому обзору теплотехнических сооружений укрепленного поселения синташтинской археологической культуры Аркаим. В силу определенной уникальности этого археологического памятника (поселение однослойное, имеет незначительные следы перестроек, единую архитектуру, практически однотипное зонирование жилого пространства и т.д.), теплотехнические сооружения поселения Аркаим представляют из себя четко оформленные объекты разной технологической и бытовой направленности. Под теплотехническими сооружениями понимается особое место, приспособленное для использования огня в бытовых, производственных или иных целях.

Основными критериями выделения типов теплотехнических сооружений служили их размеры, конфигурация в плане и в профиле, зафиксированные в полевых чертежах, а также наличие признаков общего типа-организации теплотехнического сооружения (костер, очаг, печь, горн), сформулированных А. А. Бобринским (1991, с. 93-97), где костер представляет собой устройство на открытой площадке или выкладке из камней, глины или грунта;

очаг — устройство с постоянными ограничительными стенками из грунта, блоков-кирпичей, камней; печь — устройство с постоянным перекрытием камеры из глины, камней и глины, блоков-кирпичей; горн — устройство, работающее на принципе использования не открытого огня, а потоков горячих газов, состоящее, как правило, из двух или более соединенных воздуховодными каналами камер. Следует отметить, что в последних двух вариантах использовались системы искусственного нагнетания воздуха (мехи — одно-, двухкамерные).

На поселении Аркаим в 28 исследованных жилищах поселения обнаружено около 90 теплотехнических сооружений, отличающихся достаточно хорошей сохранностью, разнообразием конструктивных особенностей и, следовательно, их назначения, что позволило провести сравнительный анализ и выделить VIII групп и одну, как трудно определимую функционально. В одном жилище могло находиться от 1-2 до 6-8 объектов теплотехнического назначения (различных по своим техническим свойствам). При выделении того или иного типа теплотехнического сооружения проводилось и определение функциональной направленности частей жилища, в которых они были зафиксированы. Соответственно, распространение теплотехнических сооружений на плане жилища можно представить следующим образом: расположены в хозяйственно-производственной части жилища, реже в жилой половине и во внутреннем дворе перед входом в помещение.

Группа I.

Теплотехнические сооружения — к первой выделенной группе относятся печи, соединенные с колодцем посредством воздуховодного

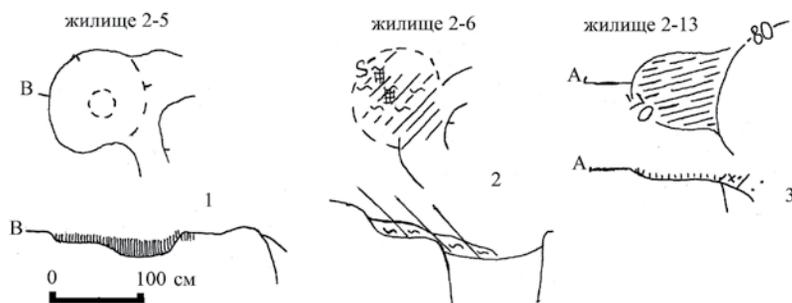

Рис. 1. Теплотехнические сооружения укрепленного поселения Аркаим. Группа I.

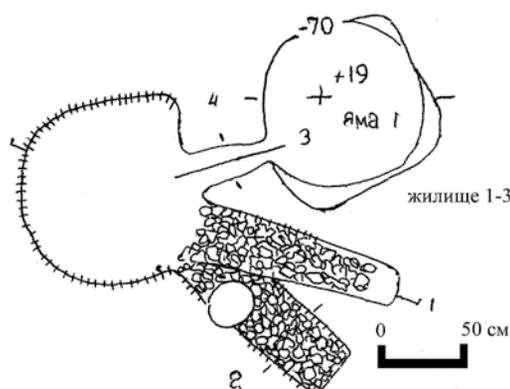

Рис. 2. Теплотехнические сооружения укрепленного поселения Аркаим. Группа II.

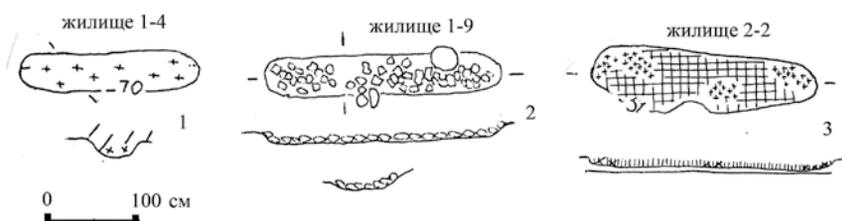

Рис. 4. Теплотехнические сооружения укрепленного поселения Аркаим. Группа IV.

канала (поселение Аркаим, жилище 2-1, кв. I С/30).

Сохранность пода печей всегда была разной. Это зависело от времени существования печи, а также линза прокала пода (зафиксированная археологически) образовывалась за счет неоднократного выгребания золы из печи (очага). Большинство сформированных подовых частей — диаметром от 0,8 до 1 м. Только в одном случае была зафиксирована канавка, отходящая от очага, причем канавка имеет следы неоднократной перестройки. Несомненно, как указывают археологические данные, подобные

сооружения имелись у каждого действующего колодца в каждом жилище.

С период с 1989 г. по 2004 г. для выяснения принципов работы было построено несколько комплексов колодец-печь и одна имитация: два комплекса на пос. Аркаим, один комплекс в реконструкции жилища Аркаим в натуральную величину (Гутков, Русанов, 1995), один на пос. Мочище (Григорьев, Никитин, 2004), имитация в музее печей на территории Историко-культурного заповедника «Аркаим» (в последствии объект был переделан была в действующий). Строились объекты для проверки разных гипотез их назначения, как-то: металлургическая печь, многофункциональная печь, очаг. Причем, как очаг объект стал исследоваться после проверки на многофункциональность. Его можно назвать многофункциональным — для поддержания огня, для готовки пищи (исходя из размеров), для отопления, для расплавления готового медного сплава, для дальнейшей заливки в простые формы.

Постоянный приток воздуха из колодца поддерживал горение углей (тление) в очаге (Григорьев, Русанов, 1995, с. 151-153). Приток воздуха обеспечивал равномерное и постепенное прогорание кострового древесного угля в очаге. Когда наступал определенный момент, поток воздуха уже не достигал тлеющего угля и они могли погаснуть, добавлялась новая порция топлива. Таким образом, в очаге постоянно поддерживался огонь и экономилось топливо, соответственно уменьшались физические, материальные и временные трудозатраты на получение топлива — особенно в холодное время года. О таком применении очага (комплекс колодец-печь) го-

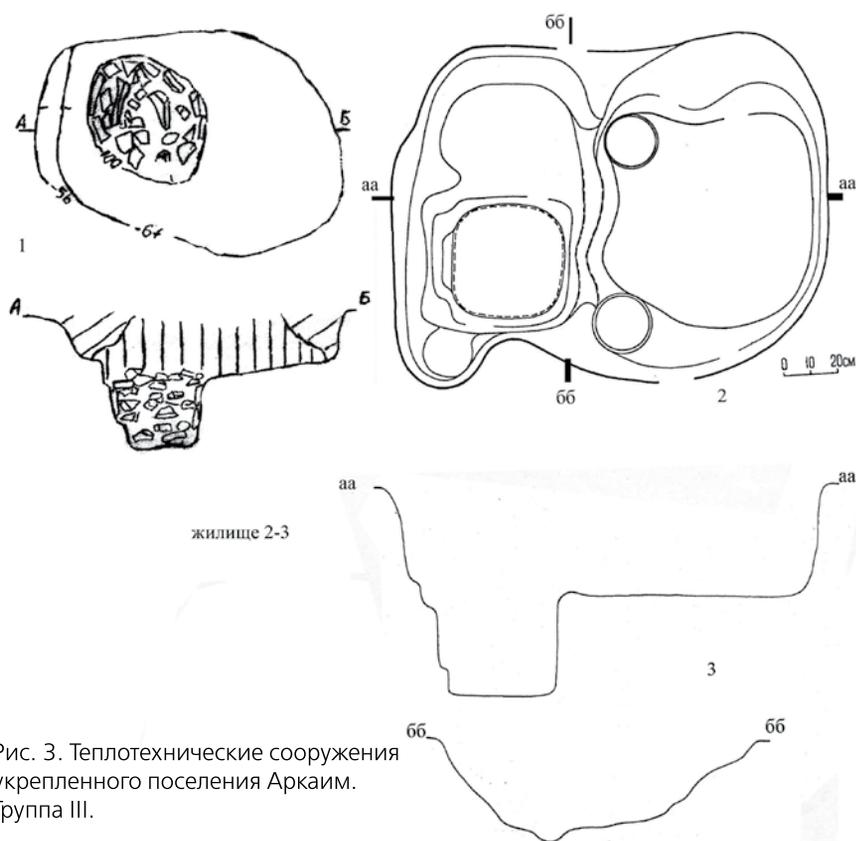

Рис. 3. Теплотехнические сооружения укрепленного поселения Аркаим. Группа III.

ворит и характерный проквал при исследовании данных теплотехнических сооружений (красный проквал образовывался на пути потока воздуха из колодца).

Группа II.

Теплотехнические сооружения – печи, соединенные и не соединенные с колодцами, выложены обычно мелкими камнями, расположены в хозяйственной части жилища (жилище 1-11, кв. И/19-20; жилище 2-10, кв. Б-В/8). Диаметр пода печей фиксируется в пределах 20-30 см, под печей углублен на 15-26 см.

Обнаружено 14 конструкций данного типа. Определена как металлургическая печь по следующим характеристикам: маленький объем, выкладка камнями пода (изолирующий слой), отсутствие красного прокала. Конструкции различались не сильно, в основном за счет выявления или не выявления каменной обкладки, а также формы ямки – основы для оформления пода. Некоторые подобные печи фиксируются в виде развалов камней небольшого размера (до 5-7 см) в межколодезном пространстве. По на-

шему мнению, такой процесс разрушения можно объяснить тем, что при разрушении колодцев, когда происходило оседание грунта, то часть конструкции печи сползала к одному из колодцев. К слову сказать, подобных выкладок вне колодезного пространства обнаружено не было. Зафиксирована одна печь, соединенная с колодцем, также как и очаги, с остатками каменной выкладки. Диаметр данной печи сопоставим с шириной канавки соединяющей ее с колодцем. Причем объем канавки вдвое превышает объем печи. В настоящее время мы склоняемся к назначению данного объекта как ритуального. Металлургическая плавка могла проходить успешно только при закрытом из колодца воздушном канале, но данная гипотеза требует дальнейшей проверки.

На протяжении нескольких лет проведения экспериментальных работ по выплавке меди из руды было установлено, что именно в таких печах с таким внутренним объемом получался весь комплекс металлургического процесса: жидкотекучий шлак, купритизация, корольки металла, керамзит и т.д. В ходе выполненных работ также была реконструирована технология синташтинской укладки шихты в печь (Русанов, 2003, 31-34).

Группа III.

Теплотехническое сооружение – печь, углубленная в материк на 35 см, диаметром 30 см. Выложена камнем, свод из камней на глиняном растворе. В плане – круглая, в профиле – подпрямоугольная. К печи примыкает овальная в плане выемка в материке, так называемая «вторая камера». Расположена в хозяйственной части жилища (жилище 2-3, кв. I P/25). По классификации Г.В. Бельтиковой (Бельтикова, 1981, с. 118-125) – двухкамерная печь. Первая камера – огневая. Вторая – для расположения

системы искусственного нагнетания воздуха (мехи?). Сначала была выкопан котлован, в котором сооружалась печь. Отмечены следы углистых остатков распорок между первой и второй камерами. Между распорками и огневой камерой оставлена материковая перегородка с выемкой для сопла. Прослежена система естественного поддува воздуха в виде канала, идущего по одной торцовой стене огневой камеры в виде «серпантина» из трех ступеней, которые отгорожены каменным плитняком от огневой камеры. Вход в канал находился на уровне пола жилища рядом с котлованом печи. Стены огневой камеры обложены камнем. Купол из каменной кладки на растворе из материкового песка, которой обрушился в огневую камеру. С южной стороны камеры стена котлована полово опускается от уровня пола жилища к огневой камере. Такое оформление, вероятно, связано с целью организации рабочего пространства, для удобства работы с огнём. Во второй камере размещались мехи голова, которых была закреплена между столбами-распорками (распорки между потолком и дном котлована в камере). Очевидно, конструкция предполагала стационарное размещение системы мехи-печь, именно поэтому была размещена в предварительно вырытом котловане и вся конструкция находилась ниже уровня пола жилища. Мы предполагаем, что котлован перекрывался плахами, плетнём – крышкой, во избежание случайного нарушения целостности настроек конструкции во время бездействия печи (плавки проводились не постоянно, а по мере возникновения необходимости).

Группа IV.

Теплотехнические сооружения – печи-каранавы, как правило, не соединенные с колодцами. При их возведении применялись грунтовые блоки и камни. Расположены и в жилой, и в хозяйственной части жилища (жилище 2-11, кв. Е/7). Длина печей 2-2,5 м, ширина 50 см, глубина 15-20 см.

В ходе экспериментальных проверочных работ менялись размерные параметры трубы, а также применялся местный строительный материал – для создания рабочей реконструкции

применялся грунт, подобный грунту поселения Аркаим. Можно однозначно сказать, что такой тип теплотехнического сооружения использовался для отопительных целей. Первоначально, предполагалось, что они топились по принципу туристического костра «нодья». Три бревна (разное качество древесины – свежесрубленные, лежалые, труха), загруженные в данную печь, показали почти одинаковые сроки полного прогорания (общее время работы печи до 12 часов). Полное медленное прогорание топлива-брёвен осуществлялось благодаря невысокой дымоходной трубе – максимум 0,4 метра (развал трубы подобного размера невозможно зафиксировать при археологических полевых исследованиях). Развал трубы, выходящей за пределы жилища, над крышей неизбежно был бы зафиксирован. Здесь стоит упомянуть, особенности грунта поселения Аркаим – четыре части песка разного размера и одна часть супеси.

Второй способ топки данного теплотехнического сооружения – поддержание огня в начальной части печи – сразу после устья. При небольшой дымоходной трубе создается слабая тяга, поддерживающая горение в печи, при этом слабая тяга не сжигает топливо впустую. Создаётся ситуация, подобная ситуации, складывающейся в конструкции колодец-очаг: медленно прогорающие угли, дающие тепло для нагрева конструкции, и «негаснущий» огонь углей, дозированной порционной закладка топлива в печь.

Группа V.

Теплотехническое сооружение – печь-«камин» (жилище 1-8, кв. Б/17). Данные сооружения представляют собой сложные наземные конструкции. Они расположены, как правило, у торцовой стены в правом или левом углу в хозяйственной части жилища, сложены из грунтовых блоков и в плане имеют подпрямоугольные очертания. Интерпретированы по назначению как «камины» (для создания условий тепловой завесы). Прокал – неоднозначного характера и небольших размеров. Местами зафиксированы скопления древесного угля и обожженных костей. Необходимый для камина прямой дымоход ни разу не был зафиксирован. Размеры конструкции ограничены небольшой канавкой,

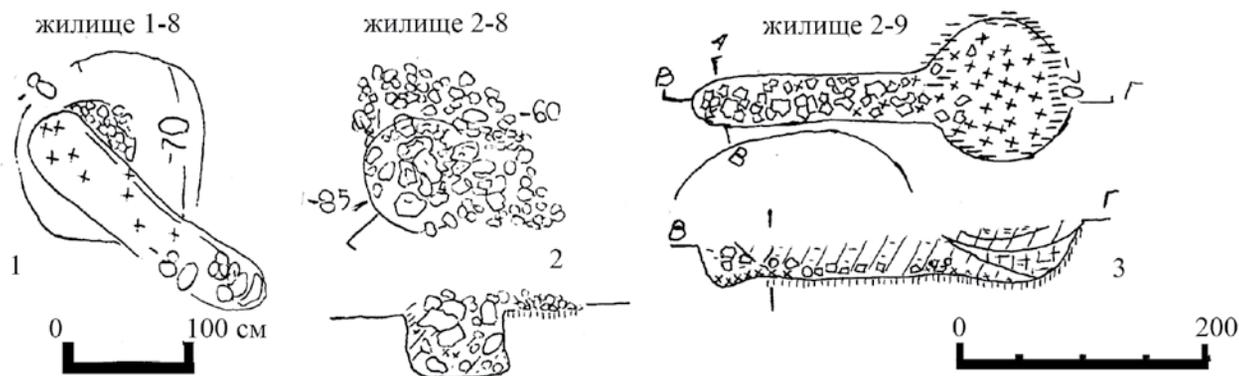

Рис. 5. Теплотехнические сооружения укрепленного поселения Аркаим. Группа VII.

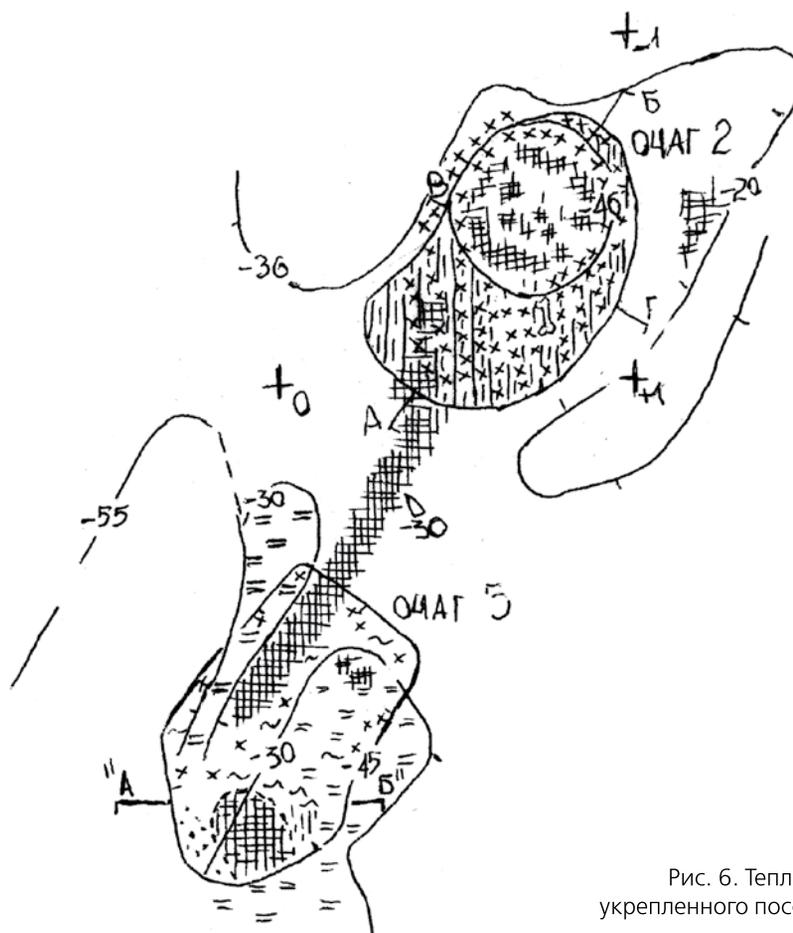

Рис. 6. Теплотехнические сооружения укрепленного поселения Аркаим. Группа VI.

отделяющей теплотехническое сооружение от остального пространства жилища. Четыре попытки воссоздать конструкцию и проверить её на работоспособность и назначение ни к чему не привели.

Группа VI.

Печи располагаются в помещении, которое можно назвать холодные сени, напротив друг друга. Следует отметить, что стены сеней были построены из грунта, а не из дерева (сруб,

столбовые конструкции), как это было в других жилищах, очевидно с противопожарной целью. Характеризуются большим развалом, большим количеством красного прокала, читающимися очертаниями пода топливной камеры, наполненной золой и угольками. Объём грунта, использованного на строительство печей, и количество красного прокала, а позволяет нам утверждать, что данные теплотехнические сооружения применялись для обжига керамики – гончарные горны. Во время проведения экспериментальных работ особое внимание уделялось качеству прокала и скорости разрушения печей, также были проведены замеры температур (нижняя обжиговая камера до 1140 градусов, в верхней – 8600).

Группа VII.

Теплотехническое сооружение – специализированные горны для расплавления металла и заливки его в сложные литейные формы (копья, топоры, тёсла с разомкнутой втулкой). Интерес представляет то, что горны расположены и во внешнем и во внутреннем кругах жилищ памятника (жилище 1-8, 2-8).

Теплотехнический объект в жилище 1-8 – слабоуглублённый в материковый грунт полуочаг с прорезающим канавообразным сооружением. Полуочаг, очевидно, был оформлен стенкой высотой до 30 см. Стенка сооружалась из мелкого камня на растворе из материкового грунта. В стене жёстко закреплялось сопло, соответственно вторым предназначением стенки была защита мехов от огня. В канаве, «прорезающей» очаг, в огне разогревались литейные формы, требующие гарантированного прогрева всей формы, включая сердечники для втульчатых изделий. Скорее всего, данное сооружение представляло собой высокотехнологичную, для своего времени, конструкцию. В конце канавы, отдалённой от горна, располагалась печь для получения металла из руды (по своим размерам и каменной выкладке схожа с объектами группы II, подобные сооружения в том или ином виде зафиксированы в жилищах 1-3, 1-6, 2-9).

Теплотехнический объект в жилище 2-8: объект расположен в секторе городища, построенном последним, и все конструкции в нём не имеют следов перестроек. Следовательно, мы предполагаем, что все следы конструкций, обнаруженных в этом секторе поселения, представляют остатки сооружений – представляющих сооружения идеальные для проведения металлургического и металлообрабатывающего процесса данного времени. Комплекс жилища 2-8 отличается от комплекса жилища 1-8 отсутствием признаков металлургического производства. Комплекс – специализированный, создавался исключительно для расплавления металла и его заливки в литейную форму. Огневая камера представлена полуочагом на краю неглубокой ямы, круглой в плане. Полуочаг по размерам и общей планировке такой же, как и в жилище 1-8. Развал камней и прокал грунта между камнем показывает, что развал камней образовался вследствие разрушения полукупола, ограждающего мехи от огня и теплового воздействия, и, следовательно, обгорания-разрушения мехов огнём. Тем более, защита от огня и теплового излучения были необходимы для человека, качающего меха. Сооружение представляло собой полукупол над местом расплавления металла и углублением-ямой, где нагревалась сложная литейная форма. Конструкция обеспечивала быстрый перенос расплавленного металла (расплавленный металл быстро застывает) от места его расплавления к форме.

Группа VIII.

Тема конструкций очагов и их применения в археологической литературе, посвящённой теплотехническим сооружениям, в достаточной степени не разработана (за исключением археологических объектов каменного века).

В нашем случае мы можем утверждать, что на поселении Аркаим расположение очагов не имеет закономерностей в их расположении, особенно на фоне данных о прочих теплотехнических сооружениях. Очаг в определении А.А. Бобринского на поселении Аркаим не имеет никакой роли в обеспечении жизнедеятельно-

сти каждого жилища. Жилища укрепленного поселения Аркаим, будучи построены в соответствии с общей архитектурной схемой, по очагам совершенно не структурированы и не имеют закономерностей. Возможно, мы можем вести речь о кострищах. Кострища, расположенные в жилищах «протогородского типа», построенных по стандарту (Зданович, 1995, с. 21-42), ставят под вопрос организацию системы городищ как запланированную, так и всю структуру высокой организованности протогородской цивилизации «Страны городов» Южного Зауралья эпохи бронзового века.

Точное определение конструктивных особенностей, функционального назначения теплотехнических сооружений поселения Аркаим и создание их классификации является задачей дальнейшего исследования.

Литература:

- Бельтикова Г.В. О зауральской металлургии VII-III до н. э. // ВАУ. – Свердловск, 1981. – Вып. 15. – С. 118-125.
- Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II-V вв. н.э.). – М.: Наука, 1991. – 218 с.
- Мосин В.С., Григорьев С.А. Древняя история Южного Зауралья. Каменный век. Эпоха бронзы. – Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2000. – Том 1. – 532 с.
- Григорьев С.А. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. Каменный век. Эпоха бронзы. – Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2000. – С. 444-531.
- Григорьев С.А., Русанов И.А. Экспериментальная реконструкция древнего металлургического производства // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск: «Каменный пояс», 1995. – С. 147-158.
- Гутков А.И., Русанов И.А. Отчет по договору «Исторический парк». Объект: макет жилища поселения Аркаим в натуральную величину // Челябинск: Лаборатория археологических исследований ЧелГУ, 1995.
- Григорьев С.А., Никитин А.Ю. Экспериментальное моделирование древних плавок свинцовых руд // Известия Челябинского научного центра (электронный журнал). – 2004. – Вып. 4. – С. 141-143.
- Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск: «Каменный пояс», 1995. – С. 21-42.
- Зданович Г.Б. Отчет. Городище Аркаим по раскопкам 1987 г. // Челябинск: Лаборатория археологических исследований ЧелГУ, 1988.

Зданович Г.Б. Отчет. Полевые исследования на поселении Аркаим в 1988 г. // Челябинск: Лаборатория археологических исследований ЧелГУ, 1989.

Зданович Г.Б. Отчет. Городище Аркаим по раскопкам 1989 г. // Челябинск: Лаборатория археологических исследований ЧелГУ, 1990.

Русанов И.А. Роль металлургии в становлении идеологии древних обществ Евразийских степей // Материалы всероссийской конференции «Человек в пространстве древних культур». – Челябинск, 2003. – С. 31-34.

Түйін

Бұл жұмыс сынтас археологиялық мәдениетінің Аркаим бекіністі қонысының жылу техникалық құрылысын қысқаша шолуға арналған. Нәтижесінде VIII топқа бөлуге мүмкіндік туды және біреуін функционалды мағынасына сәйкес анықтау қиындық туғызды. Бөлінген нысандардың бір бөлігі сол немесе басқа жылу техникасы құрылысының қызметтік сипаты жөніндегі алғашқы болжамдық құрылымды бекітуге мүмкіндік берген археологиялық сараптаманың әдістемесі көмегімен үлгісі жасалынып шықты.

Summary

The given work is devoted the short review heat-technical constructions of the strengthened sintashta settlement Arkaim. As a result we managed to allocate VIII groups and one as difficultly definable it is functional, according to their functional purpose. The part of the allocated objects has been physically simulated by means of techniques of archaeological experiment which has allowed to confirm our initial hypothetical constructions about the functional characteristic of this or that type in heat-technical constructions.

Русанов И.А.

Особенности металлургии укреплённых поселений бронзового века Зауралья

(по данным экспериментальных работ)

Технические вопросы древнего процесса получения меди в бронзовом веке весьма слабо изучены. Хотя именно они являются отправной точкой и основой для любого исследования в области древней металлургии и археологии в целом. Следует учитывать, что наши представления о технической стороне древней металлургии формировались и формируются в большей степени на данных современной металлургии и в большинстве своём на этнографических данных металлургии железа. Существующая потребность в более пристальном изучении динамики, механики и структуры развития данной отрасли, а также собственно металлургического процесса как никогда актуальна.

Данная работа полностью основана на результатах теоретических реконструкций и многолетних экспериментальных исследований. Следует отметить, что работа с подобным объёмом новых данных была опубликована в Челябинске (Григорьев, Русанов, 1995, с. 147-158.). Автор сейчас не согласен со многими положениями, высказанными в 1995 году.

Цель моего исследования – реконструкция технологических аспектов производства меди у населения зауральской лесостепи на рубеже среднего и позднебронзового веков, путем создания адекватной модели физических процессов, имеющих место в древней технологии выплавки меди, а также разработка методов формализации процесса и апробация методики применительно к археологическому материалу комплексов бронзового века Южного Зауралья;

выявление оптимального набора составляющих древнего металлургического процесса, несомненно, влияющих на течение процесса, а также выяснение их необходимых количественных и качественных характеристик (руда, объёмы загрузки руды и получаемого металла, дутьё, печи, топливо, температуры и пр.); оценка и учет возможностей древнего металлурга; построение экспериментальной модели древнего технологического процесса выплавки меди, соответствующей архаической реальности; изучение с помощью модели «частных» и «общих» закономерностей в технологии получения меди древнего мира, имеющих значение для археологического исследования.

Источники: археологические материалы с двух укреплённых поселений синташтинской культуры Синташта и Аркаим.

Второй группой источников послужили результаты проведённых полевых экспериментов по теме заявленного исследования.

Построенная по результатам изучения данных экспериментальных работ модель металлургической технологии послужила основой для реконструкции технологии металлопроизводства на укреплённых поселениях Синташта, Аркаим (степное население Южного Зауралья на рубеже среднего и позднебронзового веков).

Научная новизна работы состоит в изучении археологических материалов, относящихся к металлургическому производству, и остатков металлургического производства укреплённых поселений эпохи бронзового века Южного За-

уралья на базе четко спланированной и организованной экспериментальной модели древней технологии получения металла.

В ходе построения этой модели, при привлечении естественнонаучных данных, полученных в ходе многолетних экспериментальных работ, были внесены существенные коррективы в понимание физических закономерностей древнего процесса выплавления меди и выделен комплекс условий, необходимых для успешного протекания технологического процесса, что дополняет научную новизну, открывая возможности создания новых гипотез в археологическом исследовании.

Основой работы является применение метода визуального анализа археологического материала, статистического метода обработки материалов, метода идеализации изучаемого объекта по ограниченному набору признаков, широкое применение экспериментального метода как для получения новых данных, так и для верификации выдвигаемых во время исследования гипотез, привлечение данных естественных наук. Неприменение во время проведения экспериментальных работ материалов, которые не могли применяться в древности.

Печи.

Выделение действительных археологизированных ТТС из набора прокалов археологического памятника проблематично уже на уровне раскопочных работ. Основным признаком металлургической печи, на укрепленных поселениях Синташта и Аркаим С.А. Григорьев обозначил нахождение металлургического шлака в развале сооружения. Нахождение кусочка шлака в развале хотя бы одной печи определённого типа автоматически ставило весь ряд данных печей в разряд металлургических. В итоге практически все печи были определены как металлургические (Григорьев, 2000).

В нашем случае основными критериями выделения теплотехнических сооружений поселения Аркаим служило соответствие данных экспериментальных работ и размеры, конфигурация в плане и в профиле, зафиксированных в полевых чертежах печей.

На поселении обнаружено значительное количество ТТС, отличающихся достаточно хорошей сохранностью очертаний оснований сооружений, и очевидным разнообразием их назначения и конструктивных особенностей, что позволило провести их сравнительный анализ и выделить в отдельные группы. Металлургические печи укрепленного поселения Аркаим представлены всего двумя типами печей (Гутков, Русанов, 1995).

Однокамерные печи выложены обычно мелкими камнями и расположены в хозяйственной части жилищ (например: жилище 1-11, кв. И/19-20; жилище 2-10, кв. Б-В/8). Диаметр печей фиксируется в пределах 20-30 см, под печей углублен на 15-20 см.

Печь, углубленная в материк на 35 см, диаметром 30 см. Выложена камнем, свод из камней на глиняном растворе. В плане круглая, в профиле – подпрямоугольная. К печи примыкает овальная в плане выемка в материке, так называемая «вторая камера». Расположена в хозяйственной части жилища (жилище 2-3, кв. I P/25), во «второй камере» зафиксированы следы брёвен-распорок между камерой и потолком жилища, служивших креплением для мехов постоянного дутья.

Как показал опыт экспериментальных работ, в печах с небольшим внутренним объёмом легче достичь, а главное легче равномерно удерживать сколь угодно долгое время высокую температуру (необходимую для успешного протекания металлургического процесса).

Температуры.

Долгое время нам не удавалось достичь температур выше 1350°C. После выделения отдельные направления экспериментальных работ тем «Выяснение возможностей достижения максимальных температур в древности», «Топливо в древней металлургии меди» и проведения целого ряда целенаправленных экспериментов мы выяснили следующее:

1. Температура 1350°C является легкодостижимой температурой при применении принудительного дутья с использованием мехов, при небольших внутренних объёмах металлургиче-

ских печей, что соответствует нашим данным по печам.

2. При наличии опыта и навыков археолог-экспериментатор в состоянии достичь температур выше 1700°C.

3. Температуру выше 1700°C можно достичь, применяя в качестве топлива не только древесный уголь, но, и: сосновые шишки, древесную труху, кизяк, щепки любого вида древесины, кору, бересту, хворост и т.д.

4. Для расплавления небольшого количества меди, медных сплавов и заливки металла в формы достаточна температура в теплотехническом сооружении – 1350°C. Для проведения металлургической плавки температура в печи 1700°C не только вполне достаточна, но и необходима.

Топливо.

Одной из целей экспериментов по теме «Топливо в древней металлургии меди» было выявление возможных альтернативных древесному углю видов топлива, отвечающего следующим условиям:

1. Топливо должно находиться недалеко от места плавки и легко добываться.

2. Топливо должно легко подготавливаться к процессу.

3. Топливо должно быть универсальным по способу своего применения.

4. Топливо должно занимать минимум места.

Здесь следует отметить, что производство угля очень трудоёмко и имеет смысл только при регулярном, достаточно масштабном производстве металла. Для выжигания угля необходимы определённые навыки, которые необходимо постоянно поддерживать, что при производстве металла в малых объёмах не представляется возможным. Нет сомнения, что даже с точки зрения металлурга XVIII века масштабы производства меди в эпоху бронзового века, были ничтожны. В данном случае речь идёт даже не о совокупном количестве выплавленного металла, а о количестве металла выплавляемого за одну плавку.

В первые годы экспериментальных работ (1989-1991 гг.) нами более половины затрат и времени тратилось на выжиг угля. На одну неделю экспериментов по металлургии приходилось две-три недели подготовительных работ, в том числе, включительно и на выжиг угля

Для получения древесного угля требуется провести ряд операций. Заготовить и доставить дрова к месту выжигания, очистить стволы от коры, наколоть брёвна на плахи, выкопать ямы или нарезать дёрн для выжигания в куче. Самое сложное, это необходимость постоянного контроля над процессом горения дров в яме или куче. Отсутствие элементарных знаний и навыков по этой теме нередко приводило к неудачным выжигам, т.е. к пустой потере времени.

Трудности, с которыми пришлось столкнуться при выжиге угля, заставили провести сравнение по нескольким параметрам наших экспериментов и смоделированной ситуации, в которой предположительно мог находиться металлург бронзового века.

Как известно, на выжиг угля требуются свежесрубленные деревья. На заготовку и обработку двух кубометров берёзы нам в 1989 году потребовалось потратить четыре световых дня. Участвовало три человека, один постоянный состав, два студента каждый день были новые. Использовали один топор и двуручную пилу. Срубили несколько берёз, обрубали ветки, распилили на брёвна и на грузовой машине привезли на место эксперимента. На месте распилили на длинные чурбаки и что смогли – раскололи. Яму размером 1,5 x 2 x 1,2 м выкопал один человек за день. Два дня ушло на укладку в яму дров, на нарезание дёрна и сооружение купола над дровами. Четыре дня яма горела. Два дня остывала. Купол просел, уголь загорелся. В итоге яму залили водой, чтобы избежать полного сгорания угля. Всего 13 дней.

Приведём ряд сопоставлений. Первое и самое важное – это отсутствие в бронзовом веке орудий, сопоставимых по износостойкости со стальным инструментом. Медные инструменты стремительно стачиваются, оставляя на

древесине тёмные следы металла и чем твёрже древесина, тем быстрее изнашивается инструмент. Даже если им правильно пользоваться, т.е. наносить удары по дереву под правильным углом, для чего необходимо иметь навык (данные экспериментальных работ). При рубке происходит дополнительное уплотнение металла и проявляется эффект самозатачивания рубящей кромки топора. Эксперимент показал, например, что при ударе медным топором поперёк волокон происходит сминание рубящей кромки, вплоть до выщербливания из неё кусочков металла. Срубить дерево медным инструментом не так сложно, сложнее обработать ствол, разделить его на части. Вероятнее всего, эти операции проводились не медным инструментом, а каменным. Применять металлический медный инструмент для обработки леса для строительства жилища, где требуется некая точность соединений, ведущая к прочности сооружения – с этим можно согласиться. Но использовать инструмент из дорогостоящего материала для заготовки дров в бронзовом веке просто не экономично.

Во-вторых, заготавливать дрова на уголь следовало бы с запасом, на несколько выжигов угля, соответственно определённым образом древесину складировать, изолируя от воздействия внешней среды, что бы избежать гниения сырья. Если уголь жгли в отдалении, то его так же необходимо было доставлять и правильно хранить во избежание порчи. Изготовление кострового угля тоже затратный процесс, так как большинство заготовленного топлива сгорает, тут следует вспомнить, что выжиг угля – это процесс производства специального топлива для получения металла. Сакральность металлургии бронзового века не подвергается нами сомнению. Привлечение сторонних людей к специальному производству, от которого в значительной степени зависел металлургический процесс в сакральной его сути, было явно неприемлемо.

Большой интерес у нас вызвали эксперименты с тонкими сучьями, шишками, хворостом, древесной трухой, сосновой корой, берестой.

Для заготовки этих видов топлива нет нужды портить орудия, изготовленные из меди и иных материалов. В сосновом лесу легко можно заготовить шишек, сучьев упавших с деревьев, набрать коры. Берёзовый лес богат хворостом, упавшими деревьями, стволы которых в оболочке из бересты быстро переходят в состояние трухи. В степной зоне источник топлива – берёзовые колки, сосновые боры и другие породы деревьев, кустарники, ивняк, растущий по берегам рек, в низинах.

Следует отметить и лёгкость подготовки данного сырья к плавке, это выгодно его отличает по трудозатратам от выжига древесного угля. Шишки – практически готовое топливо, которое необходимо только просушить, чтобы они раскрылись. Хворост легко ломается руками, а более толстые стволы первоначально надрубаются и затем ломаются. Данная задача выполняема и медным теслом. Древесная берёзовая труха после просушки ломается руками на куски любого необходимого размера. Более того, ивняк легко восстанавливается, если конечно не выдёргивать его с корнем. Неистощимый источник топлива.

Металлургические шлаки.

Металлургические шлаки с укрепленных поселений Синташта и Аркаим имеют своеобразную оригинальную форму и представлены плотными, плоскими фрагментами шлаковых лепёшек. Фрагменты делятся по форме внешнего вида и по своему местоположению в теле шлаковой лепёшки на принадлежащие к краю лепёшки и к середине лепёшки. Образцы, представляющие край в дальнейшем мы будем называть венчиком.

На нижней поверхности фрагментов шлака из центра шлаковой лепёшки и на нижней поверхности всех целых образцов венчиков шлака со стороны центра лепёшки имеется чёткий отпечаток слитка. Границы слитка обведены чётким, крупным выступом, образовавшимся от соприкосновения с краем слитка, граница чётко видна на нижней поверхности не разрушенных венчиков. Более того, край отпечатка слитка на венчиках очерчен характерным выступом с за-

гибом шлака под слиток. Этот выступ мы будем называть закраиной. Закраины делятся на два основных визуально выделяемых типа: закраины с изгибом под слиток и закраины прямые, вертикальные. Довольно часто на венчиках шлака закраины с изгибом и закраины прямые плавно переходят друг в друга.

Толщина шлака, довольно усреднённая, и колеблется в пределах 5-8 мм над отпечатком слитка рядом с закраиной. Редко встречаются образцы с размерами, превышающими этот порог до 15 мм. Толщина шлака ближе к центру лепёшки заметно уменьшается и на некоторых фрагментах с лучшей сохранностью видно, что в итоге при приближении к центру шлак имеет характерный край, свидетельствующий о том, что середина слитка не была покрыта шлаком. Венчики более разнообразны по своим размерам. В основном различие состоит в форме венчика и в удалённости края венчика от закраины и колеблется от 0 до 60 мм.

Венчики с закраинами являются характерным внешним отличительным признаком металлургического шлака принадлежащего к остаткам металлургического производства на укрепленных поселениях Зауралья. Закраины зацепляли образовавшийся во время металлургического передела, медный слиток, прижимая его к телу шлака. Извлечь слиток можно было, только разбив, шлаковую лепёшку. Причём часть шлаковых венчиков приходилось сбивать уже после очищения значительной части поверхности слитка от шлака, о чем говорит то, что на некотором количестве венчиков закраины сильно разрушены, практически уничтожены именно в процессе сбивания их со слитка. Очевидно, из-за довольно сильного загиба закраины под слиток.

Плавная форма профиля закраин позволила нам провести измерения диаметра отпечатков слитков и мощность толщину слитков.

Замеры проводились специально изготовленными пластмассовыми шаблонами: от 3 до 16 мм — для измерения толщины предполагаемого слитка (вертикального диаметра закраины), от 50 до 200 мм для измерения диаметра отпечат-

ка слитка (горизонтальный диаметр закраины). Так как замеряемые дуги диаметров на образцах не были идеально ровными, возникла опасность внесения в расчёты ошибок. Для исключения погрешностей измерения или минимизации влияния погрешностей на последующие выводы было решено принимать за верные минимальные данные замеров, особенно в тех случаях, когда были сомнения в их достоверности.

Ошибки в сторону неоправданного увеличения данных могли вкратиться и на этапе расчетов по вычислению массы получаемого металла за одну плавку, массы загружаемой в печь руды и массы флюсовых добавок. Вычисляя объём цилиндра, мы округляли полученные цифры в сторону их уменьшения. При вычислении массы медного слитка применяли значение плотности 8,5 г/см³ (плотность самородной меди 8,5-8,9 г/см³). При вычислении количества руды применяемого в плавку при данных плотности малахита 3,9-4 г/см³ использовали значение 3,5 г/см³. Здесь учитывалось, что в руде, безусловно, присутствовало некоторое количество пустой породы, так как, совершенно чистый малахит, без примесей, можно получить только в лабораторных условиях. Масса шлаковой лепёшки высчитывалась опытным путём. Путём наложения на диаметр предполагаемого слитка средние по размеру и весу фрагменты шлака (венчика и фрагмента середины шлаковой лепёшки) и подсчёта необходимого количества подобных фрагментов для полного скрывания слитка под шлаком. В этом случае оставляли данные без изменений или округляли их в сторону увеличения веса.

Вычисление объёма слитка проводили по формуле вычисления объёма цилиндра — $V = \pi R^2 h$. Цилиндр, вписанный в реконструируемый слиток, исключает из расчётов выпуклые части слитка — в верхней плоскости выпуклость, образовавшуюся под действием силы поверхностного натяжения, в нижней плоскости выпуклость, повторяющую овалный рельеф пода печи и заваленные края слитка образованные сдерживанием расплавленного металла флюсовым барьером. Этот объём металла, исключённый из расчётов, по нашему мнению должен

компенсировать объём незаполненных медью пустот в слитке образованных газовыми пузырями и раковинами от усадки металла, что повышает достоверность данных.

Массу медного слитка и массу количества малахита, необходимого для получения слитка, вычисляли по формуле — $m=V\rho$. Массу шихты получили сложением масс руды и шлаковой лепёшки.

Среднее значение	Диаметр слитка в см	Толщина слитка в см	Объём слитка в см ³	Масса слитка в г	Масса загрузки малахита в г
Синташта, Аркаим	11.15	0.8	89.6	761.6	1336.2

Визуальный осмотр поверхности металлургических шлаков с укрепленных поселений Синташта и Аркаим обнаружил массовые отпечатки травы из семейства злаковых (ковыль, вейник, колосняк) и сложноцветных (полынь)¹. Отпечатки травы выявлены на нижней поверхности венчиков шлаковых лепёшек, вне зависимости от формы профиля венчиков. В некоторых отпечатках были найдены хорошо сохранившиеся угольки травы.

Также сохранились следы шишек и древесного угля, которые фиксировались на внешней стороне кусков шлака. Эти отпечатки хорошо узнаваемы благодаря характерным следам древесных волокон. Позднее среди данных отпечатков были выделены отпечатки конского навоза.

Локализация отпечатков травы по нижнему краю венчика шлаковой лепёшки свидетельствуют о целенаправленном её использовании древними металлургами Синташты и Аркаима. Отпечатки травы покрывают края шлаковых лепёшек со стороны пода печи и в большинстве случаев имеют одинаковую направленность. Это наблюдение дало возможность выдвинуть предположение о том, что трава была уложена определённым образом, скорее всего, в виде венка-жгута. При этом отпечатки травы могли оказаться на шлаке только в случае целенаправленного применения влажного, достаточно вяз-

¹ Приносим благодарность Нине Петровне Миронычевой-Токаревой за выполненный анализ и определение видовой принадлежности отпечатков и угольков растений в древних шлаках.

кого флюса на этапе подготовки укладки шихты в печь.

Речь идёт о тонкостенном сосуде без дна, нижние края стенок которого крепились на венке-жгутах из травы. Материалом для лепки подобного сосуда без дна служил специально подготовленный флюс, смешанный с легкоплавкой глиной в пропорции примерно 4 части мелкотолчёного флюса к одной части глины.

Флюсовые стенки (сосуд без дна), исключали осыпание и раздувание руды во время дутья, обеспечивали концентрацию руды в зоне максимальных температур. Применение подобной конструкции могло быть обосновано малыми размерами металлургических печей и несовершенной системы принудительного нагнетания воздуха. Вероятно, конструктивные особенности печей исходят именно из-за несовершенства подачи воздуха, например дутья однокамерными мехами. Потребность в применении «сосуда без дна» могла быть вызвана тремя факторами: малый размер печей, слабость дутья и возросшая потребность в металле, т.е. потребность в большей загрузке руды в печь. Подготовленная к плавке руда имеет большой объём, так как сильно раздроблена и перетёрта, для получения 1 кг металла необходимо примерно 2 кг обогащённой руды. При ссыпании руды в печь, она закроет весь под печи и, следовательно, значительная её часть выйдет за границы зоны высоких температур, кроме того, закладка руды будет соприкасаться с большей площадью пода печи и возможно касаться её стенок, что увеличивает теплообмен между рудой и поверхностью печи. В этой ситуации весьма сомнительно, что восстановленная медь расплавится и сольётся в слиток. В итоге на поду печи останется не спёкшаяся, не сплавленная губчатая медь и руда, не перешедшая в металл. Металл придётся очищать от включений переплавкой, а оставшаяся обожжённая руда будет утеряна, поскольку была загружена в печь в виде пылевидной фракции.

Флюсовой «сосуд без дна» позволяет удерживать руду в зоне максимальных температур

в сконцентрированном виде, возможно утрамбованном, что позволяло выплавлять большее количество металла, на которое конструкция печей не была рассчитана. Руда быстрее прогревалась и быстрее восстанавливалась медь. Этому способствовало наличие топлива между стенками печи и стенками «сосуда без дна». Руда, закрытая от доступа кислорода дутья, не окислялась и не переходила в куприт. Проверено экспериментальными работами.

Только при применении флюсов в виде «сосуда без дна» возможно образование венчиков у шлака, образование шлаковых закраин, закрепляющих слиток в шлаковой лепёшке, и образование отпечатков травы на нижней поверхности венчиков шлаковых лепёшек.

Необходимо прояснить вопрос о так называемой «атмосфере плавки». (Григорьев, 2000; 2003, с. 136-145)

На самом деле в первой стадии плавки (прогрев печи и шихты) в металлургической печи присутствует **восстановительная атмосфера**, слой флюса дополнительно защищает руду от воздействия кислорода.

Во время второй стадии плавки, при медленном подъёме температуры с умеренным нагнетанием воздуха, происходит нагрев восстановившейся меди до температуры плавления с одновременным поверхностным ошлакованием флюсовой корки. Ошлакованный флюс дополнительно исключает попадание кислорода воздуха в шихту. При достижении максимальных температур, с активным дутьем, металл расплавляется и сливается в слиток, флюс вместе с всплывшей над слитком пустой породой образует, шлаковую корку над слитком. **Активное дутьё** создаёт в полости печи **окислительную атмосферу** сопутствующую **высоким температурам**. Под флюсовой, шлаковой коркой, при этом, образуется **восстановительная атмосфера**, исключающая потери металла окислением. Таким образом, металлургическая плавка проходит только при наличии в металлургической печи **окислительно-восстановительной атмосферы** и никак иначе.

Таким образом, приведённые данные, по-

зволяют нам утверждать, что метод эксперимента в археологии способен и более того призван помочь нам в решении комплекса проблем в археологии.

Литература:

Григорьев С.А. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. Каменный век. Эпоха бронзы. — Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2000. — С. 444-531.

Григорьев С.А. Металлургия эпохи бронзы Центрального Казахстана // Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи. — Астана, 2003.

Григорьев С.А., Русанов И.А. Экспериментальная реконструкция древнего металлургического производства // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. — Челябинск: «Каменный пояс», 1995. — С. 147-158.

Гутков А.И., Русанов И.А. Теплотехнические сооружения поселения Аркаим // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: матер. конф. — Челябинск, 1995. — Ч. V, кн. 2.

Түйін

Мақалада ежелгі металлургия технологиясының процестерін үлгілеу мен реконструкциясы бойынша эксперименттік жұмыстардың жаңа материалдары жарияланады. Шикі құрамды қалыптастырудың негізгі ережелері көрсетілген. Ежелгі қауымның металлургияға арналған отын базасы (эксперименттік жұмыстар негізінде) қарастырылған. Металлургиялық пештің құрылымындағы температуралық тәртіп тәуелділігі мен қолданылған отын түрлері анықталды. Мыс алудағы технологиялық процесс жүйесінің заңдылығы белгіленді. Археологиядағы эксперименттің негізгі талаптары анықталды. Археологиялық және эксперименттік мәліметтер негізінде Оңтүстік Орал маңының бекіністі қоныстарының мыс алудағы технологиялық процестің үлгісі жасалды.

Summary

This article is devoted to published the new materials of experimental works on reconstruction and modeling of technological processes of ancient metallurgy. Formation substantive provisions mix are shown. The fuel base for metallurgy of ancient societies (on the basis of experimental works) is considered. Dependence of temperature modes on the device of the metallurgical furnace and applied kinds of fuel is revealed. Laws in system of technological process of reception of copper aren'ted. The basic requirements to experiment in archeology are defined. On the basis of archaeological and experimental data the model of technological process of reception of copper on the strengthened settlements of Southern Zauralye is created.

Русанов И.А., Ермолаева А.С.

Технология производства меди на поселении металлургов Талдысай

Исследования древних технологий в Казахстане до настоящего времени носили теоретический характер, экспериментальных работ в области металлургии и металлообработки не проводилось. Комплексные работы не проводились или не удавались из-за отсутствия опыта и достоверной информации о древних производствах. К настоящему времени возникло противоречие между накоплением довольно обширного массива материалов с памятников древних производств и проводимой

достоверной их интерпретацией на современном уровне. К числу первоочередных задач относится проведение комплексных реконструкционных работ по воссозданию общей конструкции плавильных печей и воздухопроводной системы в частности; изучение температурных режимов и их зависимости от вида топлива; определение временных рамок процесса и материальных затрат, а также определение косвенных трат и условий, необходимых для успешного проведения металлургической плавки. По данной теме у одного

Рис. 1. Урочище Талдысай. Аэрофото.

Рис. 2. Поселение Талдысай. Северная яма.

из авторов имеются материалы, полученные в результате многолетних экспериментальных работ в области древней металлургии и металлообработки. Разработана и опробована методика проведения реконструкционных и экспериментальных исследований и основные принципы и методы экспериментального моделирования древних производств (Григорьев, Русанов, 1995, с. 147-159; Русанов, Куприянов, 2003, с. 231-233; Русанов, Мацына, 2003, с. 142-143).

Значимость планируемых исследований состоит в том, что остатки металлургических печей являются практически основным археологическим источником для проведения подобных работ, поэтому источниковой базой станут материалы многолетних полевых исследований на поселении древних металлургов Талдысай (рис. 1). В этом направлении будет предпринята попытка реконструировать технологию производства меди из сульфидных руд на базе исследования относительно неплохо сохранившихся печей шахтного типа на поселении. В этом и состоит особая ценность изучаемого поселения, сохранившегося благодаря удаленности от основного рудного поля Жезказганских месторождений меди.

Проводимыми ЦКАЭ археологическими исследованиями были выявлены две фазы заселения поселения, из которых первая, начальная фаза, связана с населением, специализирующимся в металлургическом производстве.

Археологически этот период представлен общим серым слоем с разными оттенками и мощностью на разных участках поселения, в котором выявлены жилищно-производственные комплексы с остатками хозяйственно-бытовой инфраструктуры и металлургического производства. В жилищах-мастерских часть ям разных размеров и глубины идентифицируется с колодцами и металлургическими печами наземного и шахтного типа, остальные относятся к хозяйственным и жертвенным ямам. Выявленные в жилищах-мастерских очаги, видимо, также относились к бытовым и металлургическим. Представление о планировке и архитектуре жилищ на поселении было получено при исследовании западного и восточного жилищно-производственных комплексов. Материалы раскопок поселения Талдысай представлены в многочисленных публикациях (Курманкулов, Ермолаева, Манапова, Байтлеу, 2003, с. 36-44; Курманкулов, Ермолаева, Ержанова, 2005, с. 36-57; Курманкулов, Ермолаева, Ержанова, 2005, с. 36-57; Курманкулов, Ермолаева, Ержанова, Байтлеу, Калиева, 2005, с. 245-248; Курманкулов, Ермолаева, Бонара, Джардино, Калиева, Искаков, 2006, с. 186-189; Курманкулов, Ермолаева, Ержанова, Калиева, Искаков, 2008, с. 179-183; Курманкулов, Ермолаева, Ержанова, 2008, с. 124-130; Курманкулов, Ермолаева, Ержанова, 2008, с. 124-130; Курманкулов, Ермолаева, Ержанова, Калиева, Искаков, 2009, с. 190-193; Курманкулов, Ермолаева, Ержанова, Калиева, 2010, с. 202-204; Курманкулов, Ермолаева, Ержанова, Сембинова, 2011, с. 106-108).

В настоящей публикации характеризуются ямы крупных размеров, заглубленные в землю до двух и более метров и имеющие отношение к металлургическому производству. К настоящему времени таковых зафиксировано шесть.

Западный жилищно-производственный в своей основе комплекс имел металлургическую яму-печь 2 так называемого шахтного типа и связанный с ней колодец, а также примыкавшие к ним производственные площадки

с системой очагов и ямой полуназемного типа, углубленной на 60 см в материк, а также луночек, ямок и желобков около них. С восточной стороны ямы 2 был устроен дымоход и примыкавшее к нему наземное, видимо, плавильное устройство, закрытое плоскими камнями, под которыми лежал толстый слой спекшейся золы с угольками и прокаленной докрасна глины. Металлургическая яма шахтного типа, углубленная в материковый суглинок на два с лишним метра, видимо, имела комбинированный каменно-глинобитный купол, остатки которого сохранились в виде глиняного монолита в северной и южной половинах. В южной части купола зафиксировано отверстие конусовидной формы, под которым на дне ямы располагалась ямка диаметром около 75 см, впущенная в материковую глину на глубину 35 см. На дне этой ямки имелась лунка диаметром 30 см и глубиной 15-17 см. По периметру северной половины купола зафиксирован горизонтальный канал, от которого отходил ко дну фрагмент вертикального желобка. Из их наличия можно сделать вывод, что по периметру свода ямы был устроен воздухопроводный канал с отходящими вниз трубками.

Восточный жилищно-производственный комплекс, исследование которого еще не завершено, конструктивно аналогичен западному, но по внутреннему устройству он был значительно сложнее. В нем выявлено девять ям с прилегающими к ним наземными системами, из которых, видимо, не менее пяти имели отношение к металлургическому производству. Еще более сложной была стратиграфическая ситуация, создавшаяся в результате производимых перестроек и перепланировок и последовательно поочередного функционирования ям, усложненная наличием двух жертвенных площадок — южной и северной, содержащих массовые жертвоприношения животных, орудий труда и, возможно, людей.

Из исследованных ям в восточном ЖПК следует упомянуть две спаренные ямы — южную и северную, имеющие общую глиняную

Рис. 3. Поселение Талдысай. Восточная яма.

перегородку и соединяющиеся каналом-воздуховодом (?). Каналы располагались по западной и восточной сторонам южной ямы и по линии перегородки. В северной яме каналы не выявлены, но с северной стороны имелось плоская канавка, спускающаяся по стенке в яму и обложенная с одной стороны каменными кирпичиками (рис. 2).

Еще одним тепло-техническим сооружением является восточная яма, имеющая остатки огневой камеры, желобки и дымоход (рис. 3). Следует отметить, что данный комплекс имеет наилучшую сохранность конструкции. В верхней части яма имела ошлакованные и закопченные стенки, а с глубины около 100 см от уровня устья по стенам выявлены глиняные наплывы обмазки, более похожие на монолиты, опускающиеся ко дну ямы. Глиняный монолит под северной стеной, располагаясь наклонно вниз, соединялся верхним краем со стеной ямы, а противоположным нижним лежал на темном горелом заполнении, отделяющем его от дна ямы. Установлено сложное его устройство, заключающееся в наличии двух слоев — верхнего и нижнего, из которых верхний слой соединялся со стенкой ямы выше изгиба-расширения, а нижний, наоборот, ниже изгиба-расширения. За счет этого между глиняными слоями образовано пустое пространство по периметру стены, служившее горизонтальным каналом. На западном конце канала наклонно вниз отходил

Рис. 4. Поселение Талдысай. Восточная яма с воздухопроводными каналами.

желобок, сужающийся по направлению вниз и заканчивающийся под плиткой. По южной стене выявленный канал фиксировался на промежутке от осевой линии по западной стороне и продолжался по периметру южной стены до юго-восточного сектора, где постепенно плавно спускался вниз (рис. 4).

В результате анализа всего совокупного материала, касающегося ям шахтного типа на поселении Талдысай, и, в частности, восточной металлургической ямы, нами было установлено следующее:

1. Все ямы подобного типа, действительно, имели каналы, устроенные либо в стенах ямы, подобно теплотехническим сооружениям поселений Атасу, Мыржик, Акмая, Акмустафа (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 32, рис. 8; с. 36, рис. 11; с. 37, рис. 12; с. 40, рис. 15; с. 41, рис. 16; с. 42, рис. 17; с. 43, рис. 18), либо в обмазке стен, как на Талдысае, и выполняли функцию воздухопроводов – системы естественного дутья.

2. Предполагается, что воздухопроводы обеспечивали естественный приток воздуха без применения принудительного дутья мехами в печь в результате сильной тяги, возникавшей благодаря длинным и предварительно хорошо прогреваемым горизонтальным дымоходам перед началом проведения собственно металлургического процесса.

Вполне вероятно, что ямы подобной конструкции использовались и при обжиге первичных сульфидов для удаления железа из халькопирита.

3. Археологически установлено, что каналы-воздуховоды в нижней своей части выходили на разном уровне приемной камеры, где происходил сбор отожженной руды (например, халькопирита), меди, шлаков. При этом, воздухопроводы, выходявшие кверху, обеспечивали течение собственно металлургического процесса; а воздухопроводы, выходявшие к низу камеры, обеспечивали подачу воздуха, способствуя сгоранию в ней топлива и, таким образом, освобождая место для опускающихся в камеру продуктов металлургического процесса – меди и шлака.

4. В куполе печи имелось отверстие, являвшееся загрузочным устьем, смещенным к одному из краев, противоположному дымоходу и находившееся строго над приёмной камерой. Приёмная камера – довольно больших размеров яма диаметром 60-70 см, на глубину 35-40 см, впущенная в предварительно забутованное пережжённым грунтом, золой, углём дно ямы, в которой и сооружалась печь. В приёмной камере происходил сбор отожженной сульфидной руды, меди, шлаков

5. Длинный дымоход предназначался для создания тяги в печи и обеспечения относительной безопасности при загрузке топлива и руды. Предполагается существование зависимости длины дымохода от объема печи и наличие промежуточных очажков, расположенных по всей длине дымохода для его поэтапного разогрева.

6. Мы допускаем существование регулировки системы естественного дутья, обеспечивавшей контроль за подачей воздуха и прекращение его поступления после завершения процесса. Регулировка могла осуществляться за счет изменения размеров впускных отверстий воздухопроводов, частичным или полным их перекрыванием.

На поселении найдена отожженная руда, которая определяется как вторичный сульфид, полученный в процессе обогащения огнем халь-

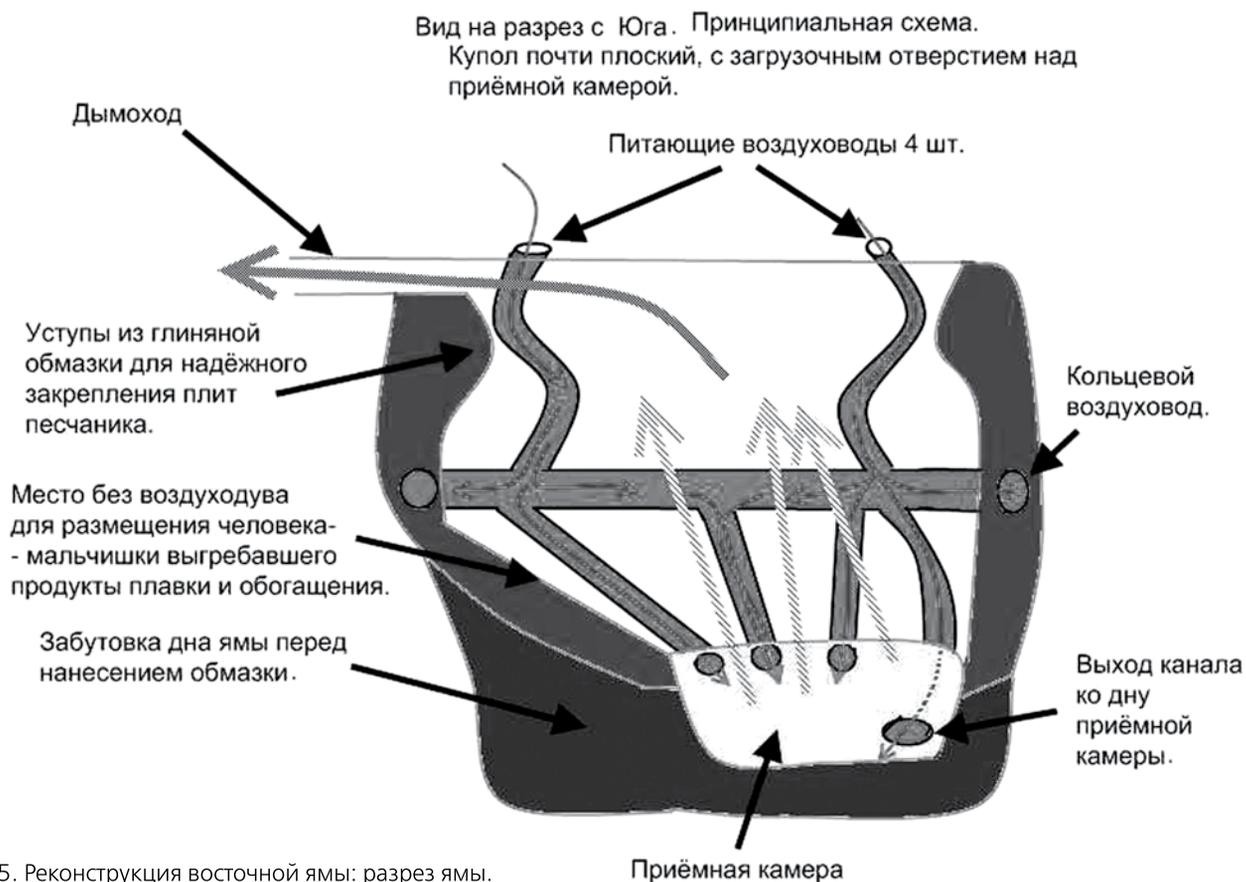

Рис. 5. Реконструкция восточной ямы: разрез ямы. Принципиальная схема

копирита. Халькопирит (колчедан меди) при раскопках на поселении не обнаружен, зафиксирован халькозин (вторичный сульфид меди) и в то же время было найдено много окисленной руды, что объясняется наибольшей ценностью сульфидных руд при производстве меди, а потому и более значимой для металлургов. Было установлено, что процесс получения меди из вторичных сульфидов был более простым и наименее затратным во всех смыслах, при этом достигалась экономия топлива, труда, времени и получения минимума отходов. Иными словами, при наименьших тратах достигали наибольших результатов в выплавке меди.

Применение тепловых агрегатов таких размеров как ямы шахтного типа обосновано недостатком топлива в конкретном регионе и наличием легкодоступного медного сырья – вторичных сульфидов. Использование ям шахтного типа в полупустынном регионе давало

существенную экономию топлива, как показали произведенные расчеты.

Технологический процесс работы углубленной в землю ямы-печи состоял из прогрева горизонтального дымохода, прогрева печи – накопления горящего угля, укладка руды, помещенной в емкость из органического материала (кожаные или шерстяные мешки, шерстяная ткань, плетеная лоза, кора), добавление топлива, добавление руды. Процесс происходил до заполнения нижней ямы медью и шлаками и перекрытия воздуховодов, выходящих к верхней части приёмной камеры, после чего прекращалось естественное поступление воздуха и прекращалась загрузка руды и топлива (она прекращалась раньше, чем забивались воздуховоды). Заполнение ямы составляли: древесный уголь, зола, шлак, не переплавившаяся руда, медь.

Таблица

Данные масс применённой руды и получаемой меди в одну плавку при соблюдении оптимального режима технологического процесса и при применении руды одного типа.

Медь плотность 8,5-8,9; Cu от 87,20 до 100%.	Полное заполнение приёмной камеры – 850 кг меди	Заполнение 1/2 объёма приёмной камеры – 425 кг меди	Заполнение 1/3 объёма приёмной камеры – 283 кг меди	Заполнение 1/4 объёма приёмной камеры – 212 кг меди	Заполнение 1/5 объёма приёмной камеры – 170 кг меди
Халькопирит CuFeS ₂ ; плотность 4,1; Cu 34,57; Fe 30,53; S 34,9	2 458 кг	1 229 кг	818 кг	613 кг	491 кг
Ковеллин Cu ₂ S; плотность 4,6; Cu 66,4; S 33,6	1 280 кг	640 кг	420 кг	320 кг	250 кг
Халькозин Cu ₂ S; плотность 5,5; Cu 79,86; S 20,14	1 060 кг	530 кг	350 кг	260 кг	210 кг

Расчёты проводились как без учета попадания в приёмную камеру посторонних предметов кроме меди (слиток металла на весь объём камеры), так и с учётом объёма приёмной камеры, заполнявшейся пустотами, древесным углем, золой, шлаком, не переплавившейся рудой (на 1/2, 1/3, 1/4, 1/5 заполнения медью объёма камеры). При этом мы не принимали во внимание количество содержащейся в руде, поступавшей в плавку в древности, пустой породы, справедливо предполагая, что обогащение (очистка минералов меди от пустой породы) проводилось на высоком уровне. Следует учесть, что в плавку могла применяться шихта, состоящая из разных типов руд.

Полученные «идеальные» данные ясно показывают возможности применения печей-ям. По нашему мнению, наиболее оптимальные результаты получения меди в данных печах составляют от 200 до 150 кг меди за одну плавку.

Металлургические шлаки.

Для теоретического воссоздания процесса плавки меди и определения ее физико-химических основ был произведен визуальный осмотр и анализ металлургических шлаков, полученных в результате раскопок на поселении. Итогом проделанной работы стало распределение всего шлака на группы.

Шлаковые лепёшки.

Шлак, образовавшийся над медным слитком в небольших (20–30 см основание пода) наземных металлургических печах с «отражатель-

ным» принципом действия, – нагрев шихты за счёт сжигания топлива над ее поверхностью.

Подавляющее большинство образцов обломков шлаковых лепёшек было явно «синташтинской» формы, где наличествуют: отпечаток слитка, закраина, охватывавшая слиток по его периметру, и венчик – край шлаковой лепёшки.

I

Шлаки классического «синташтинского» типа (венчик, закраина, отпечаток слитка), плотные, с малым количеством пор-пузырей.

II

Плотный, тонкий шлак мощностью 2–3 мм, без пор, чёрного цвета на изломе, гомогенен, очевидно, применение оптимального по составу флюса.

III

Рыхлый шлак, с большим количеством пор, с высоким содержанием меди и медных капель. Внешне похожи на шлак группы I, но мощностью до 3–4 см.

IV
Бесформенные образцы шлака.

Образованы при металлургическом переделе медных руд в печах-ямах с шахтным принципом действия – попеременная загрузка топлива и руды.

Условно «стёкший» шлак получен в результате экзотермического выгорания серы в сернистых минералах меди (вторичные сульфиды, реже колчеданы).

Вид сверху на систему подачи воздуха. Яма-печь Восточная, п. Талдысай.
Принципиальная схема.

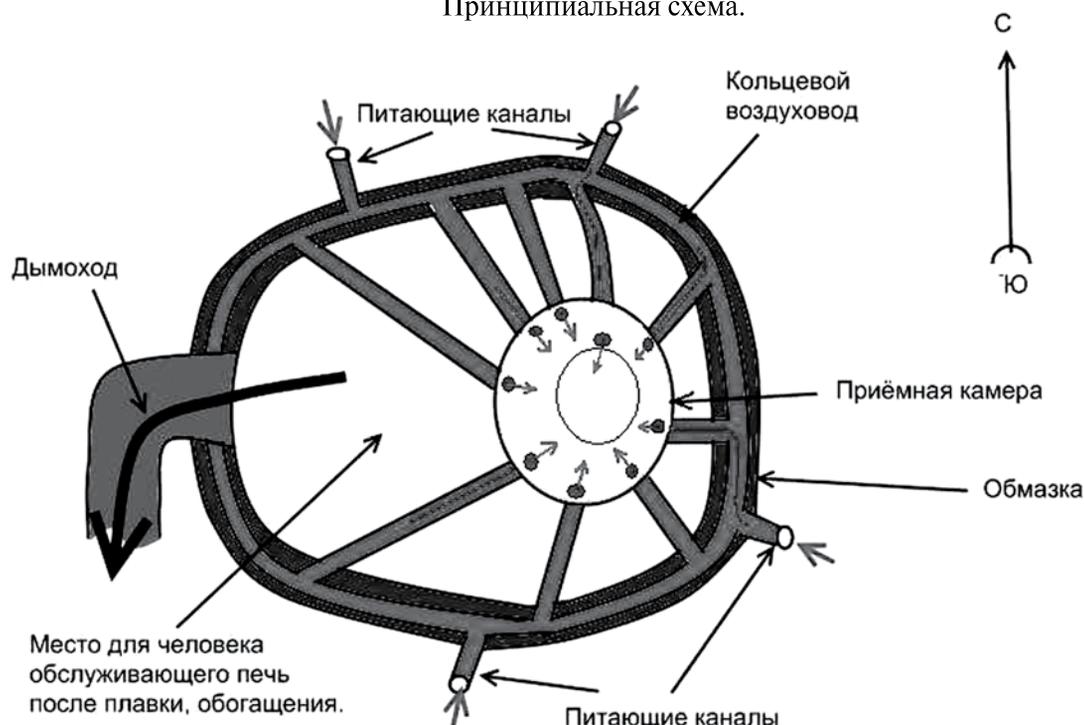

Рис. 6. Восточная яма. Вид сверху на систему подачи воздуха. Принципиальная схема.

Шлак представлен и независимыми, хорошо сохранившими форму образцами. Форма шлака напоминает воронку.

Данная форма образовывалась при стекании меди из шлака, шлак увлекался медью, нередко образовывая сосульки. После полного выгорания серы шлак, остывая, затвердевал и, опускаясь в приёмную камеру, в большинстве случаев форму уже не менял. Размеры подобного шлака варьируются от небольших (3-4 см диаметр верхней площадки) до довольно крупных (7-8 см).

V

Крупные, разбитые, бесформенные куски шлака. Образцы пористые, рыхлые, стекло-тело на разломе чёрного цвета, много застрявших капель меди и медных окислов. С большой долей вероятности образованы из халькопирита и от спекания, слияния шлаков меньшего размера, образованы в печи с большой полостью огневой камеры — шахтная яма-печь.

В результате визуального осмотра шлаков установлено следующее:

1. Шлаки групп IV и V получены при плавке вторичных сульфидов (халькозин, ковеллин) в яме-печи при минимуме выхода шлака.

2. Плавка окисленных руд (группы I, II, III) производилась в наземных маленьких печах, при этом руда окисленная была двух типов — медистые песчаники (шлаки пористые насыщенные каплями меди, нередко купритизированные) и богатые малахиты (натечные). В обоих случаях укладка шихты производилась по принципу металлургии Синташты и Петровки Южного Урала. Фиксируется повторное использование шлаков и ошлакованной кости в виде флюсов.

3. Обогащение халькопирита огнем производилось в яме-печи и последующей плавки меди в наземных печах из полученного продукта обогащения. Фиксируется применение дробленых шлаков и ошлакованной кости. Предполагается, что ошлаковка кости могла производиться

при проведении металлургического или обогатительного процессов в больших печах.

Изучение в пределах одного поселения собственно металлургического производства на всех его стадиях, позволит провести достоверную реконструкцию древних медеплавильных агрегатов. Реконструкция производственной деятельности древних металлургов всегда была особенно важной и сложной и до недавнего времени базировалась исключительно на исследовании металлургических печей, интерпретация которых зачастую носила спорный характер, а идентификация далекой от истины. В археологии неоднократно предпринимались попытки реконструировать древнюю технологию производства меди, которые базировались на исследовании металлургических печей. На территории Казахстана единственными печами были раскопанные в 70-80-е гг. прошлого столетия тепловые агрегаты Атасуского микрорайона в Сарыарке на поселениях Атасу, Мыржик, Акмая, Акмустафа (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 21–67). Проведенные исследования на комплексах Южного Урала с остатками металлургического производства и экспериментальные работы по их результатам привели к пересмотру научных представлений. Атасуские ямы крупных размеров в новой интерпретации диагностированы как колодцы, а пристроенные к ним небольшие наземные сооружения прямоугольной или квадратной формы и определенные как печи для тигельной плавки, на самом деле являлись плавильными ямами. В отношении же двухкамерных восьмеркообразных или овальных печей, зафиксированных на поселениях Атасу (Сарыарка) и Семиозерки (Торгай) и определенных первоначально как печи для переплавки меди, в настоящее время нет уверенной однозначной интерпретации. (Григорьев, 2003, с. 136-145).

В настоящее время стало возможным в пределах одного поселения вести изучение собственно металлургического производства на всех его стадиях, используя в качестве определяющего источника информации древнего металлурги-

ческого процесса металлургические шлаки. Но, если металлургические шлаки теоретически воссоздадут плавку меди или ее физико-химические основы, то остатки теплотехнических сооружений, являясь основным материалом по определению конструкций металлургических печей и их особенностей, в зримой материальной форме представляют ход этого процесса.

Таким образом, работы на поселении проводятся с учетом накопленного опыта в исследовании подобного рода памятников и с привлечением современных естественнонаучных методов и информационных технологий, что позволяет апробировать все новейшие достижения, бывшие недоступными археологам прошлого столетия.

Введение в научный оборот полученных материалов позволит выявить общее и особенное в технологических традициях племен разных регионов Казахстана и Евразии, взаимосвязи их с культурными и этническими процессами, происходившими в этот период. Кроме того, на примере одного поселения можно будет показать усложнение самой технологии и трансформацию технологических традиций, а также появление специализации в производстве и специализированных металлургических поселений.

Литература:

Григорьев С.А. Металлургия эпохи бронзы Центрального Казахстана // Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи. – Астана, 2003.

Григорьев С.А., Русанов И.А. Экспериментальная реконструкция древнего металлургического производства // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск, 1995.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алма-Ата, 1992.

Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Обзор археологических раскопок на поселении Талдысай (1994-1996, 1998, 2001 гг.) // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2005. – №1.

Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Поселение Талдысай – памятник технической культуры степных племен Улытау. – Астана, 2008.

Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Байтлеу Д., Калиева Ж. Археологические исследования

на поселении Талдысай в 2005 г. — Алматы, 2005 // Архив Рукописный ИА КН МОН РК.

Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Калиева Ж. Археологические исследования на п. Талдысай в 2009 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2009 г. — Алматы, 2010.

Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Калиева Ж., Исаков А. Продолжение археологических исследований на поселении Талдысай // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 г. — Алматы, 2008.

Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Калиева Ж., Исаков А. Продолжение археологических исследований на поселении Талдысай // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2008 г. — Алматы, 2009.

Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Сембинова Л. Археологические раскопки на поселении Талдысай в 2010 г. — Алматы, 2011.

Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Каттани М., Ержанова А.Е. Археологические исследования на комплексе Талдысай // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» — 2007». — Алматы, 2005.

Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Манапова А.М., Байтлеу Д.А. Поселение металлургов Талдысай в Улытауском регионе // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. — 2003. — № 1.

Курманкулов Ж.К., Ермолаева А.С., Бонара Ж.Л., Джардино К., Калиева Ж.С., Исаков А. Отчет о работах на поселении металлургов эпохи бронзы Талдысай в 2006 г. — Алматы, 2006 // Архив ИА КН МОН РК.

Курманкулов Ж.К., Ермолаева А.С., Калиева Ж.С., Археологические исследования на поселении Талдысай // Историко-культурное наследие Сарыарки. — Караганда 2007.

Русанов И.А., Куприянов В.А. О функциональном назначении комплекса колодец — печь (по материалам укрепленного поселения Аркаим) // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Омск, 2003.

Русанов И.А., Мацына А.И. Древняя металлургия: субъект и производственный процесс // Человек в пространстве древних культур: матер. всерос. научн. конф. — Челябинск, 2003.

Түйін

Мақалада жалпы бір қоныстың мыс алу технологиясы мен трансформациясының технологиялық дәстүрі, сонымен қатар ертедегі мыс балқыту жүйесінің нақтыланған түрі қалпына келтірілді. Қазіргі таңда бір ғана қоныстың аумағында металлургиялық өндірістің барлық кезеңін ертедегі металлургиялық процессте алынған металлургиялық күлдерді негізге ала отырып зерттеуге болады. Металлургиялық күлдер негізінде мыс балқыту мен физико-химиялық негізін теориялық жағынан қайта қалпына келтіруге болады. Алынған материалдар нәтижелері арқылы Еуразия мен Қазақстанның әртүрлі аймағындағы тайпалардың жалпы және негізгі технологиялық дәстүрлерін, олардың сол уақыттағы өзара мәдени және этникалық процесстер қатынасын көрсетуге болады.

Summary

In article on an example of one settlement complication of technology of reception of copper and transformation of technological traditions are shown, and also attempt of carrying out of authentic reconstruction ancient меденлавиных units is made. Now began possible to conduct within one settlement studying of actually metallurgical manufacture at all its stages, using as a defining source of the information of ancient metallurgical process metallurgical slags. On the basis of the analysis of metallurgical slags fusion of copper and its physical and chemical bases is theoretically recreated. Introduction in a scientific turn of the received materials will allow to reveal the general and especial in technological traditions of tribes of different regions of Kazakhstan and Eurasia, their interrelation with the cultural and ethnic processes occurring during this period.

Дегтярева А.Д.

Металлопроизводство синташтинской культуры¹

В конце эпохи средней бронзы на рубеже III–II тыс. до н.э. на территории Евразии происходит резкое расширение зоны металлоносных культур наряду с вовлечением в сферу производства новых медно-рудных месторождений Южного, Среднего Урала и Алтая. Синташтинский очаг металлопроизводства возник и развивался в рамках Евразийской металлургической провинции, являвшейся в начале II тыс. до н.э. наиболее крупным системным металлургическим образованием с гигантской зоной покрытия. Начальная стадия истории провинции, или I фаза ее развития (рубеж III–II тыс. до н.э. – XVII в. до н.э.), связана с возникновением абашевского, сейминско-турбинского, петровского, синташтинского металлургических и металлообрабатывающих очагов. Исходных центров производства было, по всей видимости, два: юго-западный – южно-уральский и восточный – алтайский.

Интенсивные работы по изучению поселенческих и погребальных комплексов синташтинской культуры проводятся с конца 1960-х гг. по настоящее время. За этот период были открыты десятки поселений и могильников в Южном Зауралье, накоплена огромная источниковая база (см.: Генинг и др., 1992; Зданович Г.Б., 1997; Зданович Д.Г., 1995; Епимахов, 2002, 2005; Аркаим..., 2002; Виноградов, 2003; Ткачев, 2007; Зданович Г.Б., Батанина, 2007). Синташтинские памятники изучены в пределах Южного Зауралья и Приуралья в Челябинской, Оренбургской областях, а также Актюбинской области Казахстана. Металлические изделия были об-

наружены в основном в инвентаре могильников – Синташтинском большом грунтовом, Синташтинском 1, 2, Большекараганском, Каменный Амбар 5, Кривое Озеро, Березовском, Герасимовка 2, Танаберген 2, Жаман-Каргала 1, у горы Березовой, Новокумакском, Обилькин Луг 3, значительно меньше их в слое поселений Синташта, Аркаим.

Большинство авторов в поисках ответа на вопрос о происхождении синташтинского населения склоняется к признанию участия в культурогенезе разноэтничных культурных компонентов, в том числе полтавкинских, позднекатакомбных, их взаимодействия с местными группами в процессе активных миграционных передвижений на рубеже III–II тыс. до н.э. Заслуживает внимания точка зрения ряда исследователей относительно модели функционирования синташтинского социума, формируемой на основе базовых хозяйственных отраслей – металлопроизводства и скотоводства, с ведущей ролью металлургического производства (Н.Б. Виноградов, А.В. Епимахов, Г.Б. Зданович). Обнаружение большого количества костей животных на поселениях и жертвенных животных в погребальных комплексах вполне можно объяснить, как и в случае с Каргалинским горно-добывающим центром, оплатой скотом поставок руды, слитков, готовых изделий (Черных, 2007, с. 172–173).

Общее количество металлических предметов, учтенных как при изучении коллекций, так и по опубликованным данным, достигает 599 экз. (с учетом материалов Устья этот показатель возрастет примерно до 750 единиц) (табл. 1). Подавляющее большинство бронзовых орудий и украшений (96 % от общего коли-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект 11-06-00034.

чества изделий) происходит из погребальных комплексов, тогда как доля поселенческого металла составляет всего 4 %. Металлический инвентарь распределяется по основным категориям-классам следующим образом: орудия труда – 38,8 %, украшения – 38,9 %, оружие – 2,3 %, скобы, заклепки, прутки – 20 %. Из металлических предметов в захоронениях чаще всего находили ножи и шилья, доля ко-

торых доходила до половины найденных орудий труда, значительно реже – тесла, серпы, долота, крючки, топоры, копья и наконечники стрел. Поселенческий металлический инвентарь, происходящий из слоя Синташты и Аркаима, представлен долотами, шильями, крючками, серпами, ножами, скобами, браслетом, кольцом, а также каменной створкой формы для отливки серпов.

Таблица 1

Распределение металлических изделий по памятникам

Памятник	Всего изделий из металла	Орудия труда	Оружие	Украшения	Скобы, прочее	Изделия из Cu и сплавов на ее основе	Изделия из Au	Изделия из Ag
<i>Могильники</i>								
Кривое Озеро	121	14	—	93 (72 бусины от 2 браслетов)	14	120	1	—
Каменный Амбар 5	66	35	1	12	18	63	2	1
Синташтинский большой	146	40	2	68 (46 бусин и обойм от 2 наконечников)	36	100	6	40
Синташтинский 1	57	35	—	7	15	57	—	—
Синташтинский 2	42	7	7	15	13	32	10	—
Герасимовка 2	2	2	—	—	—	2	—	—
Березовский	1	1	—	—	—	1	—	—
Малиновский 2	2	2	—	—	—	2	—	—
Большекараганский	19	17	1	—	1	19	—	—
Новокумакский	2	2	—	—	—	2	—	—
Танаберген 2	91	37	2	32	20	80	5	6
У горы Березовой	4	4	—	—	—	4	—	—
Жаман-Каргала 1	17	11	1	5	—	17	—	—
Обилькин Луг 3	5	5	—	—	—	5	—	—
<i>Итого по могильникам</i>	575	212	14	232	117	504	24	47
<i>Поселения</i>								
Синташта	12	9	—	1	2	12	—	—
Аркаим	12	11	—	—	1	12	—	—
<i>Итого по поселениям</i>	24	20	—	1	3	24	—	—
<i>Итого по памятникам</i>	599	232 38,8 %	14 2,3 %	233 38,9 %	120 20 %	528 88,1 %	24 4,1 %	47 7,8 %

Помимо металлических изделий в культурном слое поселений Ольгино, Устье, Синташта, Берсуат были найдены остатки металлургических комплексов – плавильных печей, в которых отмечены скопления остатков продуктов плавки бронзы: руда, шлаки, сплески, бронзовый лом, заготовки (Виноградов, 2003, с. 14–15; Григорьев, 2000, с. 458–460). В слое поселений Родники, Чернореченское

3, Куйсак найдены руда, металлургические шлаки, фрагменты глиняных сосудов с ошлакованными краями, в слое поселения Аркаим – створка тальковой литейной формы для отливки двух серпов. Куски медной руды (в том числе малахит), шлаки, слитки, сопла известны и в синташтинских погребальных памятниках (Синташта, Кривое Озеро, Каменный Амбар 5, Солнце II, у горы Березо-

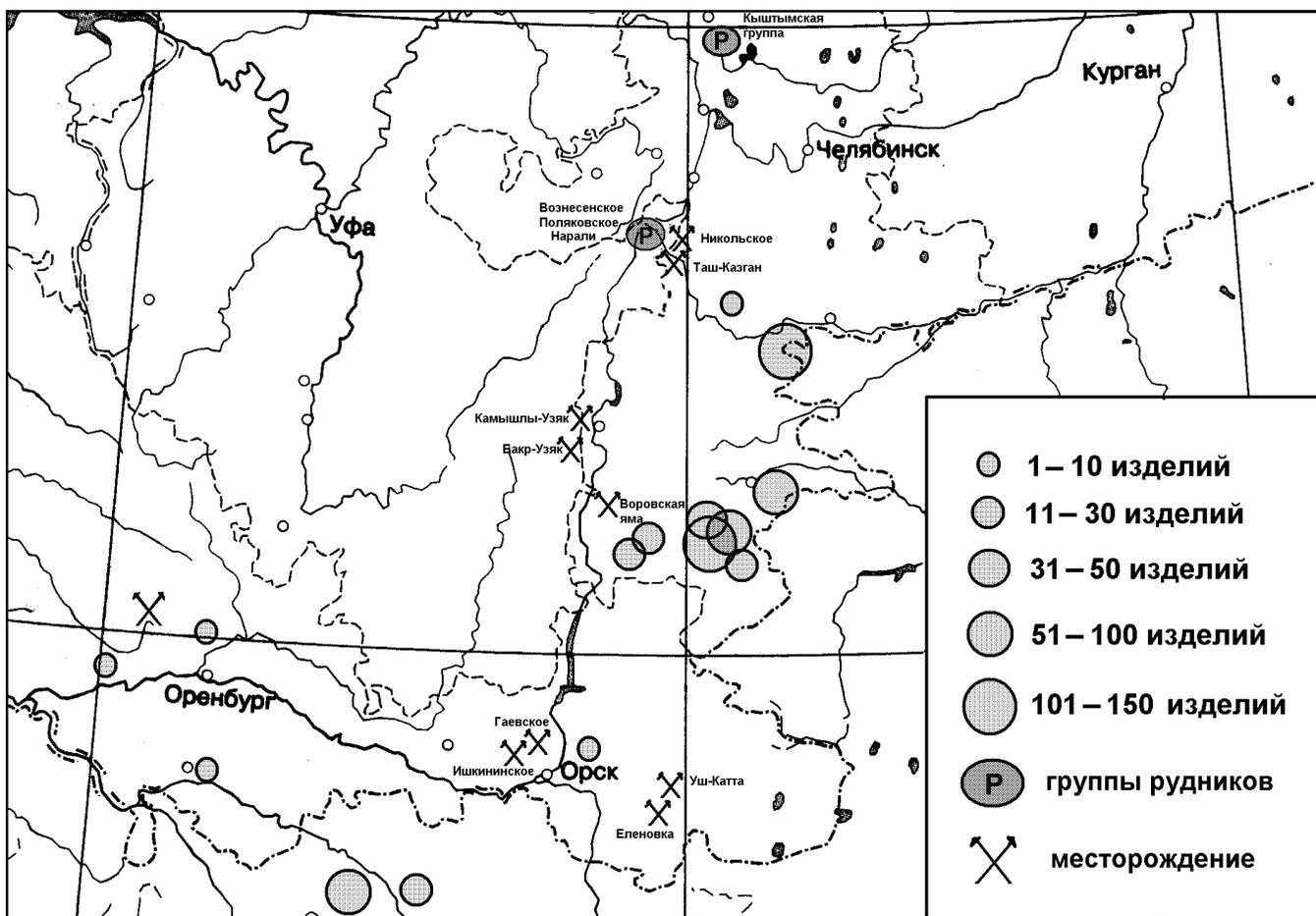

Рис. 1. Карта-схема распределения металла синташтинской культуры по памятникам.

вой, Каменный Амбар 5) (Генинг и др., 1992, с. 337; Виноградов, 2003, с. 134; Епимахов, 2002, с. 51–57; Халяпин, 2001, с. 419–421).

Аналитическое изучение кусков руды и металлургических шлаков методами оптической и электронной микроскопии, происходящих из слоя синташтинских поселений, показало, что древние металлурги, наряду с рудами из зон окисления медно-колчеданных зауральских месторождений с большим содержанием меди (малахит, куприт), использовали мышьяково-никельсодержащие залежи (Зайков, Котляров, Зайкова, 2008; Зайков, Юминов и др., 2008; Григорьев, 2000). К числу последних могут быть отнесены кобальт-медноколчеданные руды, содержащие в продуктах окисления повышенные концентрации мышьяка и никеля. Возможно, разрабатывались сульфидные руды в серпентинитах и

кварцевых жилах — халькозин, халькопирит, теннантит, борнит. Косвенным свидетельством в пользу этого предположения может служить пространственная приуроченность основных массивов металлических изделий. Ареал синташтинского металла приближен к различным зауральским группам месторождений: Таш-Казган, Никольское, Воровская яма, Ишкининское, Гаевское, Ивановское (рис. 1). Основные группы мышьяковой бронзы или меди (по Е.Н. Черных) связаны с территорией Южного Зауралья, в культурном плане — с синташтинской культурой (Черных, 2007, рис. 5, б). Именно отсюда — из зоны с рудными месторождениями — расходился этот металл в виде готовых изделий, полуфабрикатов и полосовых слитков к потаповским, донским абашевским, петровским притобольским племенам. Подобные полосовые заготовки, содержащие концентрации

легирующих компонентов As и Sn от 0,5–2 % до 14–15 %, известны по материалам поселений Кулевчи 6, Устье, Убаган, в то время как подавляющее большинство черновых и рафинированных слитков и заготовок представляли собой чистую окисленную медь и медь с примесями. Скорее всего, именно синташтинским горнякам и металлургам принадлежало основное производство и поставка этого важного в инновационном плане металла (прежде всего приуральским абашевским племенам, в значительно меньшей степени абашевцам Поволжья и Подонья). В то же время мышьяковая бронза в малом количестве поступала к петровским популяциям, у которых доминировали чистая медь и низколегированные оловянные бронзы. При этом орудия явно синташтинского морфологического типа, найденные в петровских погребениях Верхней Алабуги, Кривого Озера, были изготовлены из оловянной бронзы, реже — из мышьяковой бронзы и чистой меди.

Синташтинские металлурги вполне целенаправленно подбирали для плавки смешанные руды — как окисленные, так и медно-арсенидные. Видимо, им было известно, что руды, обогащенные мышьяком, нейтрализуют вредоносное действие примесей кислорода, уменьшают окисляемость меди, препятствуя образованию хрупких окислов. Искусством выплавки меди из окисленных руд они не владели, поскольку по структурным данным синташтинских коллекций нами не зафиксировано ни одного подобного случая (в отличие от абашевских и петровских металлургов Подонья, Южного Зауралья, Центрального Казахстана, которые умели выплавлять медь подобной марки). Главной целью было получение традиционных мышьяковых сплавов, главным образом низколегированных, поскольку в последующей технологии преобладало получение не полностью литых изделий, а литых с кузнечной ковкой.

Для синташтинской культуры характерно широкое использование металла, прежде всего в ритуальных целях, достаточно высокая была его престижная роль — подавляющее

большинство предметов происходит из материалов погребений. Утилитарная значимость металла наблюдается лишь в петровской металлообработке, где фиксируется сосредоточение продукции на поселениях. Среди синташтинских орудий обнаружен, в основном, плотницкий инструментарий (тесла, долота, ножи, шилья), металлообработка направлена на выпуск средств производства. Доля оружия и украшений незначительна, особенно учитывая низкую металлоемкость бусин из браслетов и подвесок из наконечников. Показательно появление большого числа высококачественных изделий с явными чертами применения профессиональной технологии, выполненных практически по единым стандартизированным технологическим канонам. В облике синташтинских орудий, безусловно, проявляются реминисценции Циркумпонтийской провинции, в частности в наличии тесел, втульчатых крюков, долот, ножей с удлиненным узким насадом, черенковых долот, шильев с упором-утолщением. Сохраняется основная рецептура сплавов, присущая причерноморским и предкавказским очагам ЦМП с использованием мышьяковых бронз, зафиксировано и присутствие многокомпонентных латуней, в том числе так называемых «морских» в единичных случаях. Однако ножи, шилья, долота, тесла утратили массивность, присущую изделиям очагов Циркумпонтийской провинции, в отличие от очагов ЦМП сплавы подбирались низколегированные, содержащие до 2 % мышьяка.

Выделены ведущие типы изделий синташтинского центра производства, к которым относятся топоры с бойками, тесла, долота стержневидные, ножи с узким насадом, ножи со слабо выделенным черешком, ножи с перекрестием и перехватом, черешковые наконечники стрел, кованые наконечники копий (рис. 2, 3). Появление изделий этих типов в позднеабашевских, покровских, потаповских, сейминско-турбинских популяциях следует рассматривать как следствие интенсивных металлургических контактов в ходе активных миграционных процессов, а

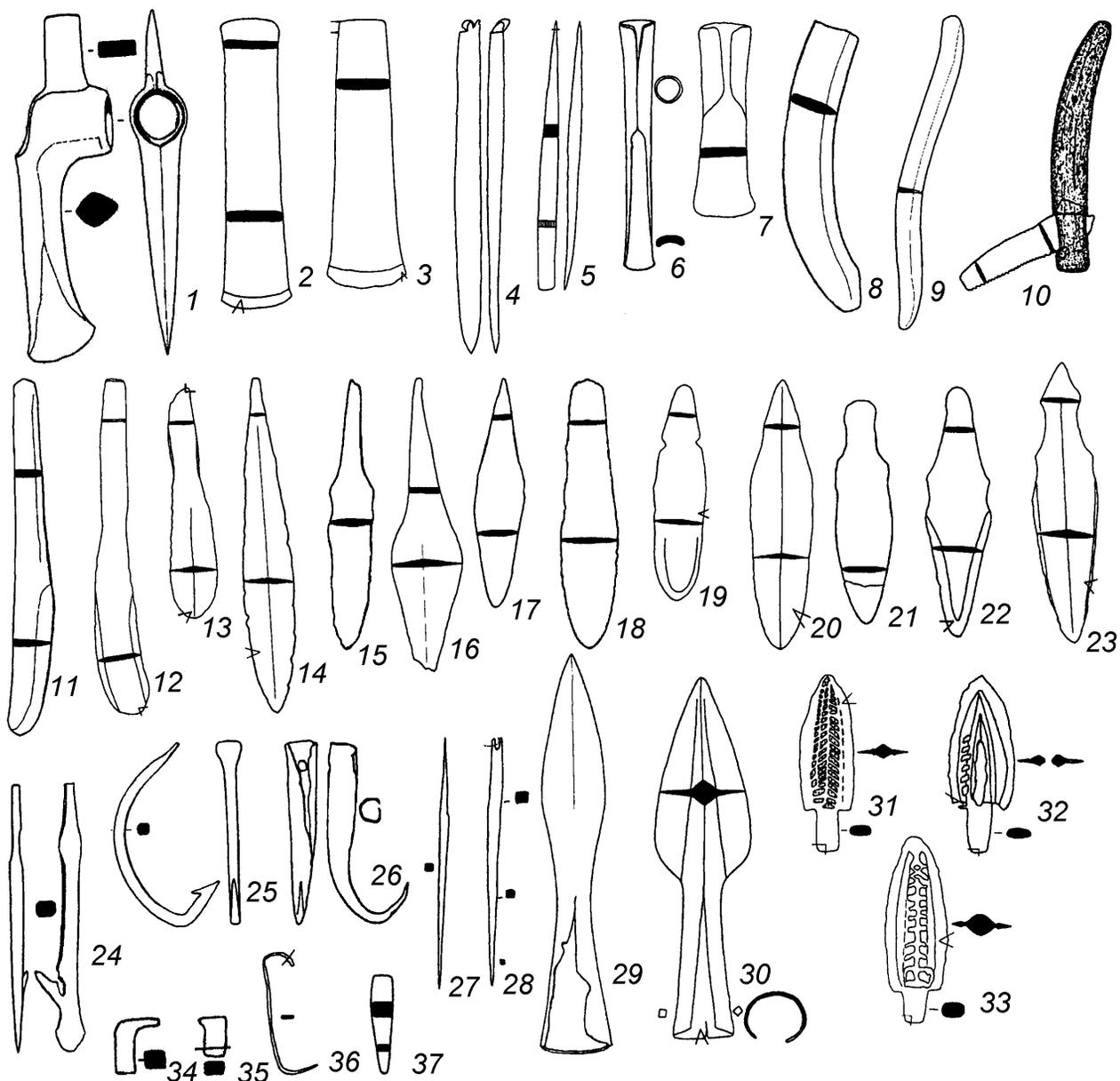

Рис. 2. Основные типы орудий труда и предметов вооружения синташтинской культуры.
 1, 9, 16, 17 – мог. Синташтинский большой; 2, 3, 14, 28, 29, 31–33 – мог. Синташтинский 2; 4, 5, 12, 20, 30 –
 мог. Каменный Амбар 5; 6, 26, 27 – мог. Большекараганский; 7 – мог. Танаберген 2; 8 – пос. Синташта; 10, 18 –
 мог. у горы Березовой; 11, 15 – мог. Синташтинский 1; 13, 19, 22, 23 – мог. Кривое Озеро.

также передвижения отдельных синташтинских групп на запад и восток. Ближайшие аналоги орудийного комплекса сосредоточены среди позднеабашевских, петровских, потаповских, раннесрубных металлических изделий лесостепной и степной зоны Евразии. Наибольшая степень типологического сходства фиксируется с металлопроизводством синхронных абашевских (баланбашских) племен Южного Урала. В результате влияния

абашевских традиций производства в синташтинской среде появились серпы, стругискобели, двулезвийные ножи с прямой рукоятью, черенковые ножи с перехватом, без перекрестья. При этом необходимо отметить, что в синташтинском инвентаре отсутствуют такие традиционные формы абашевского металла, как грацильные узковислообушные топоры с дуговидным абрисом, массивные прутковые браслеты и бляшки-розетки.

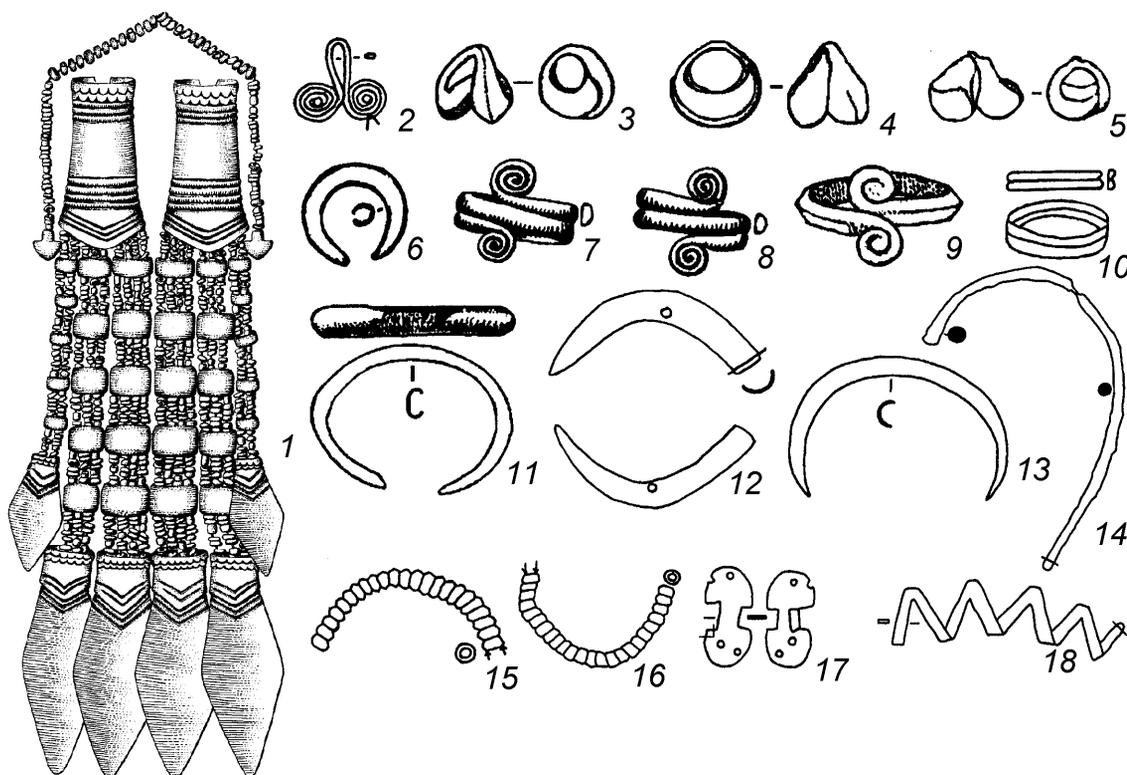

Рис. 3. Основные типы украшений синташтинской культуры.
 1, 7, 8 – мог. Синташтинский большой; 2, 5, 12, 13, 15, 16 – мог. Кривое Озеро;
 3 – мог. Синташтинский 1; 4, 9 – мог. Синташтинский 2; 6 – мог. Обилькин Луг
 3; 19, 14, 17, 18 – мог. Каменный Амбар 5; 11 – пос. Синташта.

Ножи с удлиненным, сужающимся к окончанию черенком и перекрестьем, исходный центр которых находился в Поволжье в среде вольско-лбищенских, покровских, потаповских и раннесрубных племен, появились у синташтинских племен в результате заимствований. Следует отметить прямые импорты сейминско-турбинских ножей (тип НК-6 по: Черных, Кузьминых, 1989, с. 93), пилкок (погребения у горы Березовой), чекана.

О степени интенсивности связей между турбинскими, абашевскими, петровскими популяциями свидетельствуют находки синташтинских копий, ножей, тесел в Ростовке, Кондрашкинском кургане, Верхней Алабуге, турбинских литых копий в петровском и позднеабашевских погребениях Кривого Озера, Селезни 2, петровского ножа в Сатыге 6. В этом ряду фактов, свидетельствующих о прямых контактах синташтинского и петровского населения, весьма примечательны по-

гребения могильников Токанай 1, Бестамак в Притоболье, содержавшие металлические изделия и керамику синташтинского и петровского типов, определенных В.Н. Логвиным и С.С. Калиевой как синташтинско-петровские (Логвин, 2005; Калиева, Логвин, 2008). При этом женщин, как правило, сопровождали украшения петровского типа, мужчин – ножи с ромбическим черенком, перекрестом и перекрестьем, тесла обоих типов. Возможно, что эти наблюдения иллюстрируют отражение семейно-брачных экзогамных отношений.

Анализ морфологии синташтинских украшений указывает на наличие типов, маркирующих достаточно тесные связи с населением петровской культуры. Это, прежде всего, наконечники, их детали, круглые трубчатые подвески, кольца со спиралевидными щитками, браслеты из бусин, сконцентрированные в подавляющем большинстве в погребальных

комплексах петровской, нуртайской, алакульской, атасуской культур. Выпукло-вогнутые в сечении браслеты изготовлены с добавлением оловянно-свинцовой лигатуры, традиционной также для петровских популяций. Факт нахождения этих предметов в женских погребениях вполне может комментироваться как свидетельство межэтнических браков. Реминисценции катакомбных воздействий просматриваются в наличии посоховидной булавки, возможно, подвесок в полтора оборота, в присутствии украшений, изготовленных из бронзы с добавкой цинка. Традиционные абашевские украшения в синташтинском инвентаре отсутствуют, за исключением кольца в один-два оборота, возможно, очко-видной подвески, хотя последние имели достаточно широкий ареал.

Данные о химическом составе металла синташтинской культуры были получены по 95 изделиям (могильники Кривое Озеро, Каменный Амбар 5, Синташтинский 2, Герасимовский 2). Металлические предметы можно распределить следующим образом: медь и сплавы на ее основе (88,1 %), биллоны и серебро (7,8 %), золото (4,1 %). Серебро и биллоны использовались для изготовления украшений, прежде всего деталей наконечников – удлиненных ромбовидных подвесок, обойм, браслетов, золото – для округлых подвесок и подвесок в полтора оборота, медная основа которых обертывалась золотой фольгой. По данным Е.Н. Черныха, доля биллонов в материалах Синташтинского могильника доходила до 10 % от общего количества изделий (Chernykh, 1992, p. 250–251).

Медь и сплавы на ее основе подразделяются на девять металлургических групп: чистой меди, двойных сплавов – мышьяковой бронзы, латуни – сплава меди с цинком, а также сложных трех-, четырех-, пятикомпонентных сплавов – оловянно-мышьяковых, свинцово-мышьяковых, сурьмяно-мышьяковых, цинково-мышьяковых, оловянно-свинцово-мышьяковых и так называемой морской латуни (с лигатурой Sn–Pb–Zn–As). Ведущей металлургической группой, безусловно, яв-

ляются бинарные сплавы медь – мышьяк, их доля составляет 79,9% от общего количества проанализированных изделий (концентрация мышьяка 0,1–6,9%). Вместе с тем мышьяк присутствует практически во всех видах упомянутых сплавов. С учетом количества предметов, изготовленных из многокомпонентных сплавов, реальная доля сплавов, в которых присутствует мышьяк, доходит до 92,6%. Мышьяковые бронзы синташтинской культуры относятся к категории низколегированных – 88,1% изделий имеют в своем составе примесь мышьяка до 1,5%. Всего семь предметов содержат концентрации As 1,5–6,9%.

Группа чистой меди незначительна, она насчитывает всего шесть предметов (6,2 %), в группе оловянно-мышьяковых бронз четыре изделия (4,2 % от общего количества). Концентрации мышьяка в предметах находятся в пределах 0,12–2,2 %, олова несколько выше – 0,4–6,5 %. Из мышьяково-цинковой бронзы отлито четыре изделия (4,2 %). Примеси As низкие (0,18 %–1,65 %). Концентрации цинка варьируют от 0,4 до 5 %. Булавка отлита из латуни с концентрацией цинка 0,4 %. Оставшиеся четыре металлургические группы – Cu+As+Pb, Cu+As+Sb, Cu+As+Sn+Pb, Cu+Sn+Pb+Zn+As – насчитывают всего по одному предмету.

Полученные нами данные по распределению металлургических групп синташтинского металла соотносятся с результатами спектроаналитического изучения инвентаря Синташтинского могильника, приведенными Е.Н. Черныхом (120 изделий). Среди выделенных металлургических групп преобладала группа мышьяковой бронзы – до 80 % изделий. Доля чистой меди составляла 5 %, оловянной бронзы – до 7 % (Chernykh, 1992, p. 250).

Оловянная бронза, в целом не характерная для синташтинского производства, использовалась в основном на изготовление украшений – браслетов, подвесок, а также иглы, ножа. Наличие небольшой серии оловянных бронз объясняется контактами с тур-

бинскими и петровскими племенами, которые являлись основными посредниками в распространении оловянной лигатуры. Группа мышьяковых бронз представлена почти исключительно орудиями труда и украшениями. Двух- и трехкомпонентные сплавы, содержавшие цинк, не были характерны для очагов Евразийской металлургической провинции. Судя по наличию подобных сплавов в материалах мог. Верхняя Алабуга, культового комплекса Шайтанское озеро II, позднее

в погребениях саргатской культуры Притоболья, источником цинка вполне могли быть местные медно-цинковые месторождения Южного и Среднего Зауралья Кыштымской, Пышминско-Ключевской групп.

Серия медных и бронзовых изделий была также подвергнута металлографическому исследованию (86 предметов), результаты которого позволили выделить следующие технологические схемы изготовления инвентаря (табл. 2).

Таблица 2

Технологические схемы изготовления изделий синташтинской культуры

№	Схема	Кол-во изделий / %
1	Ковка с обжатием 80–90 % с нагревами 400–500 °С	19/22,1
2	Литье + ковка с обжатием 50–60 % с нагревами 400–500 °С	15/17,5
3	Ковка с обжатием 80–90 % с нагревами 600–700 °С	13/15,1
4	Литье + ковка с обжатием 50–60 % с нагревами 600–700 °С	11/12,8
5	Холодная ковка с отжигами с обжатием 80–90 %	9/10,5
6	Литье + холодная ковка с обжатием 70–80 %	7/8,1
7	Ковка с обжатием 80–90 % при температуре 600–800 °С	3/7
8	Литье в форме без доработки	2/2,3
9	Холодная ковка с обжатием 80–90 %	2/2,3
10	Ковка + сварка при температуре 400–500 °С	2/2,3
11	Ковка + сварка при температуре 600–700 °С	2/2,3
12	Отжиг гомогенизации + холодная ковка с отжигами	1/1,2
	<i>Всего...</i>	86/100

Орудия труда изготавливались из бронзы, легированной мышьяком (0,5–3 %), при этом обнаружена высокая степень корреляции между содержанием мышьяка и функциональным назначением предмета, что говорит о возможности получения синташтинскими мастерами металла с определенными свойствами. Доминирующими были 1–4 схемы металлообработки, направленные на получение литых изделий с последующей доработкой или в процессе кузнечной формовки литых заготовок при низких температурах – 400–500 °С, реже при температуре об-

работки 600–700 °С. При этом предпочтение отдавалось низкотемпературным режимам ковки металла – 400–500 °С либо использовали ковку по холодному металлу. Только треть предметов ковали при высоких температурах – 600–700 °С. Таким образом, кузнецы-литейщики были прекрасно осведомлены о высокой летучести ядовитых паров мышьяка, в связи с чем предпочтение при отжигам отдавали низким температурам.

Ведущими в синташтинском металлопроизводстве были кузнечные технологии – по-

лучение орудий и украшений ковкой с нагревами при температурах 400–500 °С, 600–700 °С либо только холодной ковкой и холодной в сочетании с отжигами. Получение полностью готовых изделий в формах и литье с косметической проковкой лезвий фиксировалось крайне редко. Синташтинские литейщики следовали своим традиционным технологическим принципам с преобладанием кузнечных схем, и скорее всего по этой причине ими так и не было освоено сложное литье с тонким фасонным профилем. При изготовлении только трети орудий труда использовалась схема предварительного литья предмета, которое затем проковывали с использованием средних степеней обжата, до 60–70 % (тесла, ножи). Следует отметить относительно небольшую распространенность приема упрочнения рабочих окончаний орудий, а также использование сварки в сочетании с ковкой.

Ряд признаков — наличие тесел с трапециевидными гранями, втульчатых и стержневидных долот, крюков, ножей с узким насадом, кованого копья с ромбическим сечением пера, подвесок в полтора оборота, посоховидных булавок, скоб, использование низколегированных мышьяковых бронз, латуней в катакомбном и синташтинском металлопроизводстве — приводят к мысли о возможной преемственности в производстве между ними. Однако при этом необходимо иметь в виду весьма протяженный период существования катакомбных культур — вплоть до начала II тыс. до н.э. (Черных, Орловская, 2004, рис. 6, с. 28). Вполне вероятна возможность сосуществования поздних катакомбников и племен евразийского пояса культур I фазы ЕАМП, не исключен вариант вовлеченности какой-либо части поздних катакомбников в миграционные процессы, охватившие степную зону. Рецептúra синташтинских сплавов почти идентична технологическим особенностям изготовления катакомбных бронз степного Предкавказья и Нижнего Дона. Сходство проявляется в преобладании низколегированных (до 6 %) мышьяковых бронз,

используемых для получения орудий труда, наличии небольшой группы сплавов, легированных цинком, свинцом и сурьмой. Вместе с тем в катакомбном металле отсутствуют группы с лигатурой олова, которые в небольшом количестве имеются в синташтинском инвентаре.

Преемственность и наследование традиций абашевского металлопроизводства в синташтинском маловероятны, в первую очередь, по причине синхронности культурных групп (полной или частичной), а также из-за различия технологических приемов изготовления инвентаря (особенно в сравнении с абашевскими памятниками Среднего Поволжья). К подобному выводу пришел и А.В. Епимахов, который отметил, что вопрос о хронологическом соотношении абашевской и синташтинской культур остается дискуссионным, поскольку черты сходства материальной культуры одними оцениваются как результат происхождения синташтинских традиций из абашевских (А.Д. Прякин, О.В. Кузьмина), другими — как свидетельства синхронного существования (А.В. Епимахов, С.А. Григорьев) (Епимахов и др., 2005, с. 93). Ведущая роль синташтинского металлопроизводства определяется количественным преобладанием объема производства, выраженным, прежде всего, в весовом соотношении, преимущественной ориентацией на изготовление орудий труда, степенью совершенства технологии производства.

По комплексу признаков — наличию металлургических шлаков, руды, литейных форм на территории поселений, в погребальных комплексах, морфологическому своеобразию синташтинского металлокомплекса, наличию традиционных закрепленных технологических особенностей производства металла, деятельность синташтинского центра металлопроизводства, исходя из параметров, предложенных Е.Н. Черныхом, можно классифицировать как металлургический очаг (1970, с. 12–13; 1978, с. 17, 262). Для структурной характеристики синташтинского металлургического очага более подходит

определение по классификации В.М. Массона — общинное ремесло с высокопрофессиональной продукцией (1976, с. 182). При этом, по его мнению, показательным является наличие большого числа высококачественных изделий, изготовленных с использованием приемов профессиональной технологии, а специфическую сущность общинного ремесла составляло выделение мастеров-профессионалов. Отсутствие точных данных о планиграфическом распределении на территории синташтинских поселений комплексов, в которых осуществлялась выплавка металла из руды или же вторичная переработка самого металла с получением уже готовых изделий, а также полуфабрикатов, не позволяет в полной мере воссоздать производственную структуру синташтинского металлопроизводства. Но нельзя и согласиться с точкой зрения С.А. Григорьева о домашнем облике металлургии синташтинцев и всеобщей распространенности на территории поселений плавильных печей, поскольку система критериев отнесения печей к плавильным устройствам отсутствовала, а сами доказательства были приведены только в двух случаях. Вместе с тем, судя по масштабам распространения мышьяковой бронзы в западном, северо-восточном направлении, деятельность литейщиков-кузнецов не ограничивалась только рамками племенных группировок, металл производился и для нужд других территориальных объединений — абашевских, потаповских, в меньшей степени петровских и покровских популяций. Подобные масштабы деятельности совместимы не с домашним характером производства, а именно с выделенным общинным ремеслом, деятельностью наследственных кланов мастеров с существованием по меньшей мере двухуровневой структуры — горняки-металлурги и литейщики-кузнецы. Строгая кодификация деятельности мастеров отчасти получила отражение и в приверженности к стандартизированным оптимальным схемам изготовления инвентаря.

Литература:

Аркаим: Некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. — 216 с.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. — 362 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. — 408 с.

Григорьев С.А. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. — Т. 1. — С. 444–523.

Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. — 170 с.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии. — Челябинск: Челяб. дом печати, 2005. — 192 с.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. — 2005. — № 4. — С. 92–102.

Зайков В.В., Котляров В.А., Зайкова Е.В. Состав металлических включений в древних шлаках Южного Урала // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. — М.: ИА РАН, 2008. — Т. 1. — С. 400–402.

Зайков В.В., Юминов А.М., Котляров В.А., Таиров А.Д., Епимахов А.В., Зданович Д.Г. Микровключения минералов в металлах и шлаках как индикаторы минерально-сырьевой базы древних обществ // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. — М.: ИА РАН, 2008. — Т. 1. — С. 403–405.

Зданович Г.Б. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. — 1997. — № 2. — С. 47–62.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим — «страна городов». Пространство и образы. — Челябинск: Крокус: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. — 260 с.

Зданович Д.Г. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев Урало-Казахстанских степей // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. — Челябинск: ТО «Каменный пояс», 1995. — С. 43–53.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // ВИАЭ. — Тюмень, 2008. — № 9. — С. 32–58.

Логвин В.Н. Могильник Токанай 1 и проблема соотношения «петровских» и «синташтинских» памятников // Западная и Южная Сибирь в древности. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. — С. 190–194.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. — Л.: Наука, 1976. — 192 с.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. — Актобе: Актюбин. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. — 384 с.

Халяпин М.В. Первый бескурганый могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзо-

вый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. – С. 417–425.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. – 1970. – № 172. – 180 с.

Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. – София: Изд-во БАН, 1978. – 387 с.

Черных Е.Н. Каргалы: Феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов // Каргалы. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – Т. 5. – 200 с.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности (средний бронзовый век) // РА. – 2004. – № 2. – С. 15–29.

Chernykh E.N. Ancient metallurgy in the USSR. – Cambridge: University press, 1992. – 335 p.

Түйін

Мақалада б.з.д. II мыңжылдықтың басындағы Оңтүстік Оралдағы синташталық тайпалардағы түсті металл өңдеу ісінің дамуының негізгі көрсеткіштері қарастырылған. Археологиялық материалдарды зерттеудегі кешенді әдістерді қолдану, атомдық-эмиссионды спектрометрлік мағлұматтарды, металлографиялық саралаумен қатар синташта мәдениетінің қола құралдарының типологиялық және морфологиялық сипаттамасын жасау синташталық металл өңдеу ошағында қолданылған түсті металдарды өңдеудегі әдіс-тәсілдердің ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік берді. Металл өндірісінің негізгі кен көздері белгіленді. Металл құралдардың басты түрлері мен негізгі металлургиялық топтар айқындалды. Өндіріс технологиясы мен бастапқы шикізат аралық тәуелділік ашылды.

Summary

The work is devoted to studying of one of the basic problems of the ancient non-ferrous metal working with the population of Sintashta cultures of the south High Urals basin of the beginning II millennium B.C. Use of an integrated approach while studying archaeological materials, with regard to the data of atomic-emission, spectrometric, and metallographic analyses, together with a typological and morphological description of the bronze inventory of Sintashta cultures, allowed to reveal certain features regarding methods of non-ferrous metal working in ancient centres of metal industry. The basic ore sources of metal are revealed, leading types of metal stock, the basic metallurgical groups are allocated, dependence between technology and initial raw material is revealed.

Гайдученко Л.Л.

ЖЕРТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС ЯМЫ № 5 МОГИЛЬНИКА БЕСТАМАК

С о времени начала раскопок могильника Бестамак прошло 20 лет. К сожалению, до настоящего времени монографическая публикация памятника отсутствует. Материалы погребения и жертвенника ямы № 5 этого могильника неоднократно освещались и интерпретировались в статьях (Калиева, Колбин, Логвин, 1992; Логвин, 1999; Logvin, 2002; Гайдученко, 2003; Логвин, Шевнина, Логвин, 2006; Калиева, Логвин, 2009), но достаточно полное описание, доступное широкому кругу специалистов, пока отсутствует. Это, к сожалению, ощутимо отражается на источниковой базе аналитических публикаций (см., например: Джоунс-Блей, 2010).

Настоящая статья предназначена для устранения хотя бы этой части проблемы могильника Бестамак. Поскольку я «отработал» эту яму от начала до конца раскопок, уделяя много внимания полевым археотафономическим наблюдениям, то считаю не лишним сообщить о некоторых деталях, не вошедших в археологический отчёт, но зафиксированных в моём полевом дневнике. Важность некоторых из этих деталей была осознана лишь впоследствии приобретении определённого опыта.

Дно котловины выдувания в месте будущей ямы № 5 было покрыто мелкими фрагментами керамических сосудов, костей лошади, крупного рогатого скота и овцы. Среди них выделялись четыре скопления наборов зубов лошадей. Это были преимущественно мелкие обломки, среди которых иногда встречались более или менее целые зубы. От скоплений зубов прослеживались линейные скопления фрагментов шейных и грудных позвонков, рёбер (верхних частей) и

проксимальные части костей верхних отделов конечностей лошадей. Сами кости «уходили» вниз под разными углами.

После снятия верхних слоёв до глубины –10 - –15 см стала видна заполненная гумусированным песком могильная яма подпрямоугольных очертаний, ориентированная почти точно по направлению В-З. От её ЮВ угла в диагональном направлении отходил аппендиксообразный заполненный гумусированным песком ровик шириной около 80 см. В своей ЮВ оконечности он выклинивался, а в месте смыкания к яме опускался до глубины –100 см, образуя типичную нору заполненную грунтом¹ и функционировавшую несколько лет. Далее и ниже его очертания «размывались» за счёт негумусированного уже заполнения. По нарушениям анатомичности расположения костей жертвенных животных установлено, что нора вдоль южной стенки опускалась к ЮЗ углу ямы. Здесь она заканчивалась в месте залегания задней части скелета кабана (до –90 см).

В западной части могильного пятна, ближе к ЮЗ углу под скоплением фрагментов зубов лошади субвертикально с разным наклоном располагались кости конечностей лошади и КРС. Контуры заключавшей их ямы, врезанной в пространство основной могильной ямы, прослеживались чрезвычайно слабо.

В северной части могильного пятна изнутри контура ямы от скопления фрагментов зубов лошади в восточном направлении тянулся «шлейф» из двух проксимальных отделов лопаток и сломов двух рёбер. Все видимые кости уходили субвертикально вниз.

¹ Судя по простоте устройства, это была нора лисицы.

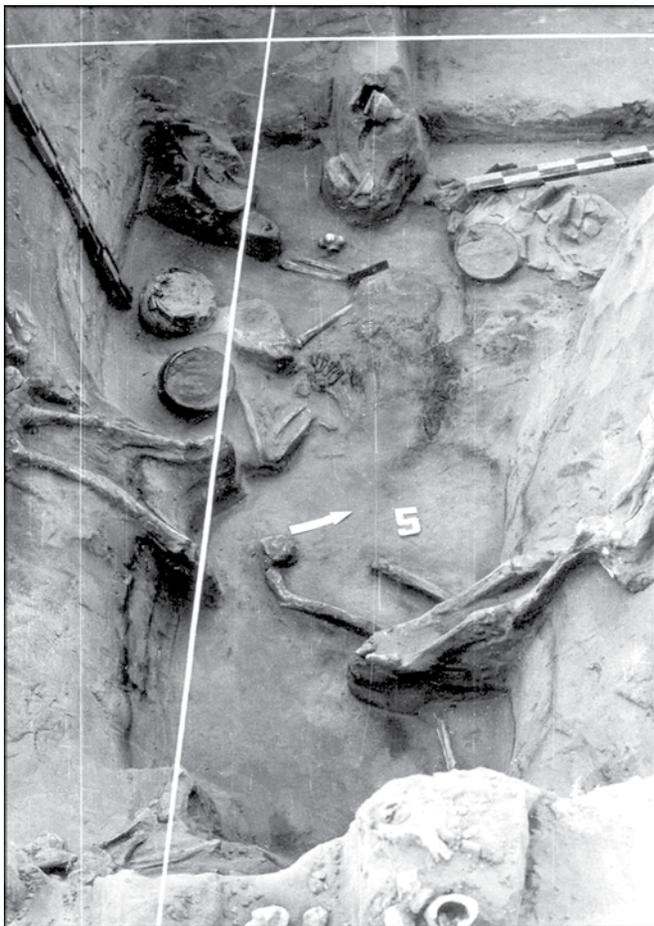

Рис. 1. Могильник Бестамак, яма № 5.

В восточной части могильного пятна под- и скопления сильно затронутых норой фрагментов зубов лошади никаких других её костей после зачистки (–10 – –15 см) не просматривалось.

В южной части могильного пятна изнутри контура ямы примерно от середины её длины к востоку от скопления фрагментов зубов лошади тянулся «шлейф» из уходящих субвертикально в грунт шейных позвонков, верхних отделов обеих лопаток, верхних концов правых и левых рядов рёбер и обеих седалищных костей лошади.

Вскрытая картина позволила предположить, что в данном случае мы имеем дело с остатками жертвенных животных, в том числе лошадей. Последние помещены вдоль стенок могильной ямы в вертикальном положении. Возник вопрос о том, как расчищать яму. Было решено выбирать из неё грунт от центра к периферии, оставляя кости скелетов лошадей слегка расчищенными. В итоге скелеты лошадей (их оказалось

три) остались как бы «примазанными» к стенкам вычищенной могильной ямы (рис. 1, 2).

Скопление костей лошади и КРС, располагавшееся у западной стенки могильной ямы, пришлось убрать, так как оно мешало полной расчистке погребения.

В процессе расчистки в массиве заполнения могильной ямы прослеживались отдельные массы окрашенного тленом в коричневатый цвет песка. Он был полностью аналогичен песку включающему и заполняющему могильную яму и отличался от последнего лишь окраской. Каких-либо определённых структур окрашенные массы песка не образовывали, а как бы беспорядочно «плавали» на разной глубине в заполнении ямы.

На глубине –110 см слой песка мощностью 3–6 см был окрашен в светло-коричневый цвет за счёт примеси тлена. Впоследствии, в камеральных условиях из этого песка были выделены редкие шестоватые частицы ожелезнённого древесного тлена. Это позволило отождествить слой окрашенного тлена с остатками деревянного перекрытия погребальной камеры.

Под перекрытием в погребальной камере на дне могильной ямы располагалось парное погребение с очень плохо сохранившимися скелетами людей. Судя по набору положенных при нем предметов, южный скелет принадлежал мужчине, возраст которого определялся в 18–22² года. Он располагался на левом боку, головой в западном направлении, лицом обращен на север – к большей оси могильной ямы. Левая рука слегка согнута и вынесена в западном направлении так, что если бы человек стоял, соответствовало бы поднятой и протянутой вперед руке. Рядом с костями предплечья этой руки располагалось каменное шиповатое навершие жезла. Оно лежало таким образом, что рукоятка, если бы сохранилась, должна была пересекать кости предплечья левой руки этого человека на 1/3 их длины от запястья. Рядом с навершием, почти касаясь лезвием черепа второго скелета, но с рукояткой, перпендикулярной предполагаемой рукояти жезла, располагался поперечнолезвийный топор. Вследствие консервирующего воз-

действия соединений меди, деревянная рукоятка этого топора относительно хорошо сохранилась и прослежена на 19,5 см от лезвия, то есть заходит за область предполагаемого пересечения с рукоятью жезла.

Правая рука этого же скелета также слегка согнута и вытянута в сторону второго (северного) скелета. Кости пясти и фаланг этой руки перекрывают сложенные вместе остатки обоих запястий второго (северного) скелета, создавая полный эффект обхватывания их сверху.

Второй (северный) скелет человека располагался параллельно первому, но вдоль северной стенки могильной ямы, головой в западном направлении и лицом к большой оси ямы, то есть к первому (южному скелету). Руки этого (северного) скелета, согнутые в локтях, были сведены вместе и их кисти располагались перед грудью этого же скелета. Как уже сообщалось, остатки обоих запястий северного скелета были перекрыты костями кисти правой руки первого скелета. Более того, концевые фаланги кисти правой руки первого скелета располагались под костями запястий второго скелета, то есть правая рука первого скелета действительно в прошлом обхватывала запястья второго скелета.

Судя по богатому набору украшений, наоснику, который каскадом залегал вдоль спинной части северного скелета от его черепа до поясничного отдела, этот скелет принадлежал женщине. Возраст ее определяется в пределах 10-12 лет.

В головах погребенных располагалось большое количество сосудов и другой погребальный инвентарь.

Скелет мужчины я рассматриваю в качестве останков основного погребенного, для которого и была сооружена столь сложная погребальная конструкция. Скелет женщины – в качестве принесенной в жертву усопшему по ведическому обряду подруги (Гайдученко, 2003).

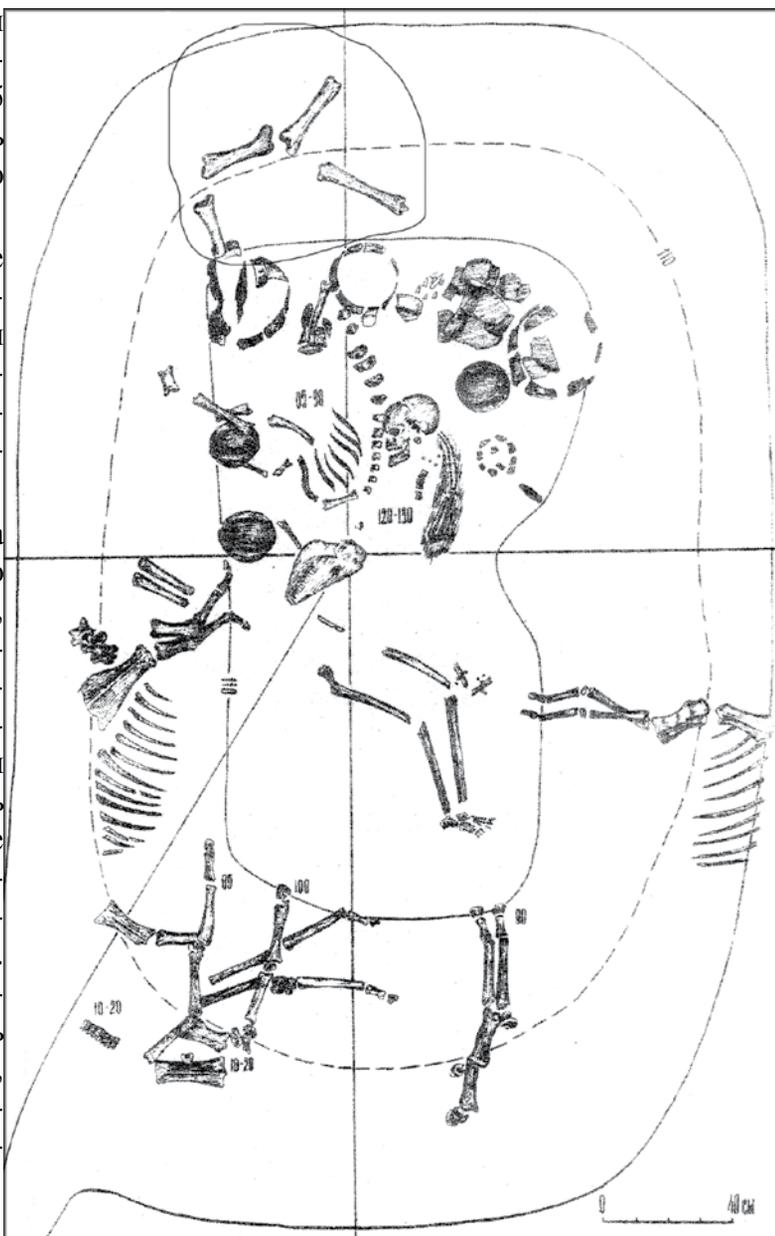

Рис. 2. Могильник Бестамак, яма № 5

Поверх погребальной камеры было устроено перекрытие из стволов деревьев, опиравшихся концами на небольшие уступы вдоль северной и южной стенок ямы.

В восточной половине ямы вдоль северной, восточной и южной стенок были размещены три выпотрошенных³ туши лошадей.

Северная лошадь (особь № 1) размещалась вдоль восточной половины северной стенки головой в западном направлении. Её передние

³ Об этом можно судить по хорошо сохранившимся рёбрам и грудным костям всех трёх лошадей.

слегка «потянутые», вследствие проседания перекрытия погребальной камеры и грунта заполнения могильной ямы, конечности опирались на перекрытие погребальной камеры. Задние конечности полностью отсутствовали.

Восточная лошадь (особь № 2) размещалась вдоль восточной стенки головой в южном направлении. Её передние и задние конечности опирались на перекрытие погребальной камеры. Между её передними конечностями и восточной стенкой могильной ямы располагались две (правая и левая) задних конечности лошади 1, вынутые из тазобедренных суставов и отчленившиеся.

Южная лошадь (особь № 3) размещалась вдоль восточной половины южной стенки головой в западном направлении. Её передние конечности опирались на перекрытие погребальной камеры. Перед ними (передними конечностями) располагались правая и левая плюсневые кости без скакательных суставов и фаланг. Последние в плохом состоянии были частично собраны в заполнении лисьей норы. Задние конечности этой лошади выше своих дистальных отделов сохраняли анатомический порядок при остатках туши.

В западной половине могильной ямы (точнее в её ЮЗ четверти) головой в восточном направлении располагался плохой сохранности скелет самки дикого кабана. Его плохая сохранность обусловлена не только воздействием норы лисицы, но и тем, что был использован не выпотрошенный труп животного. Он был положен на правый бок головой на восток со слегка подогнутыми ногами. Труп дикой свиньи был уложен не на перекрытие погребальной камеры, а поверх насыпанного на это перекрытие слоя грунта (до 30 см).

Разрушенные ветровой эрозией верхние слои описываемого комплекса заключали головы всех трёх упомянутых жертвенных лошадей. Судя по расположению скоплений зубов и их фрагментов, головы лошадей выступали из могильной ямы. Допустимо, что они были установлены на уровне дневной поверхности и лишь после этого погребены под насыпью. Не

исключено, что на этом же уровне располагался впоследствии разрушенный поминальный жертвенник.

В западной части заполнения могильной ямы с небольшим выходом за её пределы расположена небольшая ямка, содержащая частично сохранившийся календарный поминальный жертвенник. В его состав входила голова молодого жеребца, помещённая поверх левой большой берцовой кости лошади, правой бедренной кости и обеих больших берцовых костей и левой лучевой + локтевой кости коровы.

Установить длительность промежутка времени между совершением погребения и созданием календарного (описываемого) поминального жертвенника очень сложно. Можно лишь отметить, что хорошая «вписанность» этого жертвенника в пределы могильной ямы была возможна лишь при полном восприятии этой ямы. С учётом того, что надмогильная насыпь была выполнена из весьма легко развеваемого песка, можно предполагать, что календарный поминальный жертвенник мог быть создан через год после похорон.

Описанный жертвенный комплекс ямы № 5 могильника Бестамак уникален не только по своей форме⁴, но и по семантической наполненности своих составных частей, к сожалению, нам не всегда понятной.

К жертвеннику срочного обеспечения усопшего, т. е. обеспечения его потребностей в процессе перехода в Иномирье следует, вероятно, отнести поставленные в головах сосуды с неким содержимым.

К жертвеннику пролонгированного обеспечения относится всё, что помещено выше перекрытия погребальной камеры: труп дикой свиньи, три туши лошадей; некоторое количество коров и жеребец – вероятно, остатки тризны.

Гораздо сложнее обстоят дела с отнесением к жертвеннику того или иного типа подруги усопшего. Как уже отмечалось, она принесена в жертву с полным соответствием древневедическому обряду. Рассмотрим этот тезис подробнее.

«...в красивых драгоценностях

Пусть взойдут сначала женщины на супру-

жеское ложе». (Похоронный гимн – РВ, X, 18 – стих 7, концовка строки 3 и строки 4)

«Ты лежишь рядом с этим бездыханным, иди сюда!

Ты вступила в брак с этим твоим супругом,
Взявшим (тебя) за руку и жаждущим тебя». (Стих 8, строки 2-4)

«Отрковица, нежная, как шерсть, для того, кто дает вознаграждение,

Да защитит она тебя от небытия!». (Стих 10, строки 3-4)

К приведенным цитатам добавлю другие, взятые из свадебного гимна (РВ, X, 85), а затем все вместе прокомментирую.

«Да уведет тебя Пушан отсюда, взявши за руку!». (Стих 26, строка 1)

«Я беру твою руку на счастье.

Да будешь ты со мной (как) с мужем до глубокой старости». (Стих 36, строки 1-2)

«Сома первый познал (ее),

Гандхарва познал следующим.

Третий (твой) муж – Агни,

Четвертый твой – рожденный человеком.

***

Сома отдал Гандхарве,

Гандхарва отдал Агни.

Богатство и сыновей дал Агни

Мне, а также эту». (Стихи 40, 41)

«Дай ей десять сыновей!

Сделай мужа одиннадцатым». (Стих 45, строки 3-4)

Цитированные выше строки похоронного (РВ, X, 18) гимна отображают ту часть обряда, в которой жена покойного, демонстрируя свою преданность последнему, свою супружескую верность, ложится к нему на погребальное ложе, отождествляемое в гимне с супружеским ложем. В известном по Ригведе варианте обряда, этим самым она до конца выполняет свой долг перед умершим и подготовленным к сожжению супругом. После этого обряда – обряда восхождения вдовы на погребальное ложе супруга, вдова снова может выходить замуж. По этому поводу Р.Б. Пандей отмечает: «Этот обычай, который сейчас не практикуется, был распространен в древности до эпохи сутр. Согласно «Баутхьяна-питримедхасутре» (1, 8, 3-5), жена должна была

ложиться с левой стороны от тела. Ашвалаяна рекомендует, чтобы она ложилась у головы с северной стороны».

По поводу освобождения вдовы от обязанностей перед супругом, происходящего после восхождения ее на погребальное ложе покойного, Р.Б. Пандей со ссылкой на Р. Thieme сообщает, что именно в этом заключается смысл обряда восхождения: «ее таким образом освобождали от подчинения связи с мужем и делали способной вновь вступать в брак». В комментарии к 8-му стиху похоронного гимна (РВ, X, 18) Т.Я. Елизаренкова отмечает: «Этот стих обращен к вдове покойного. Она должна была лечь рядом с мертвым мужем, чтобы потом подняться и стать женой другого мужчины, подошедшего к ней и взявшего ее за руку. Чаще это был брат мужа по обычаю левирата».

В цитированных выше строках гимнов наибольший интерес для нас представляют такие места, в которых прослеживается общность между погребальным и свадебным обрядами. Она выражается в следующем: 1 – разный пол вступающих в брак и основных участников церемонии жертвоприношения вдовы – умершего и его вдовы; 2 – наличие украшений на невесте (РВ, X, 21, 3) и наличие их на участнице церемонии жертвоприношения вдовы; 3 – непосредственный переход вдовы-жертвы (по Ригведе – символической жертвы) в категорию новобрачной, осуществляемый так же, как и обручение в свадебной церемонии – взятием руки вдовы или невесты тем, кто становится ее мужем; 4 – прямое отождествление погребального ложа с супружеским.

Далее обратимся к рассмотрению вопроса о положении вдовы при церемонии ее жертвоприношения относительно тела ее покойного мужа. Из собственно Ригvedы известно, что женщины (женщина – вдова покойного) всходят на супружеское ложе – подразумевается погребальное ложе покойного; она лежит рядом с умершим супругом – этим данные о положении вдовы относительно тела покойного по источникам ведического периода исчерпываются, так как другие Веды, в том числе и Атхарваведа, ничего нового по этому вопросу не сообщают. Более поздние источники периода сутр – Ашвала-

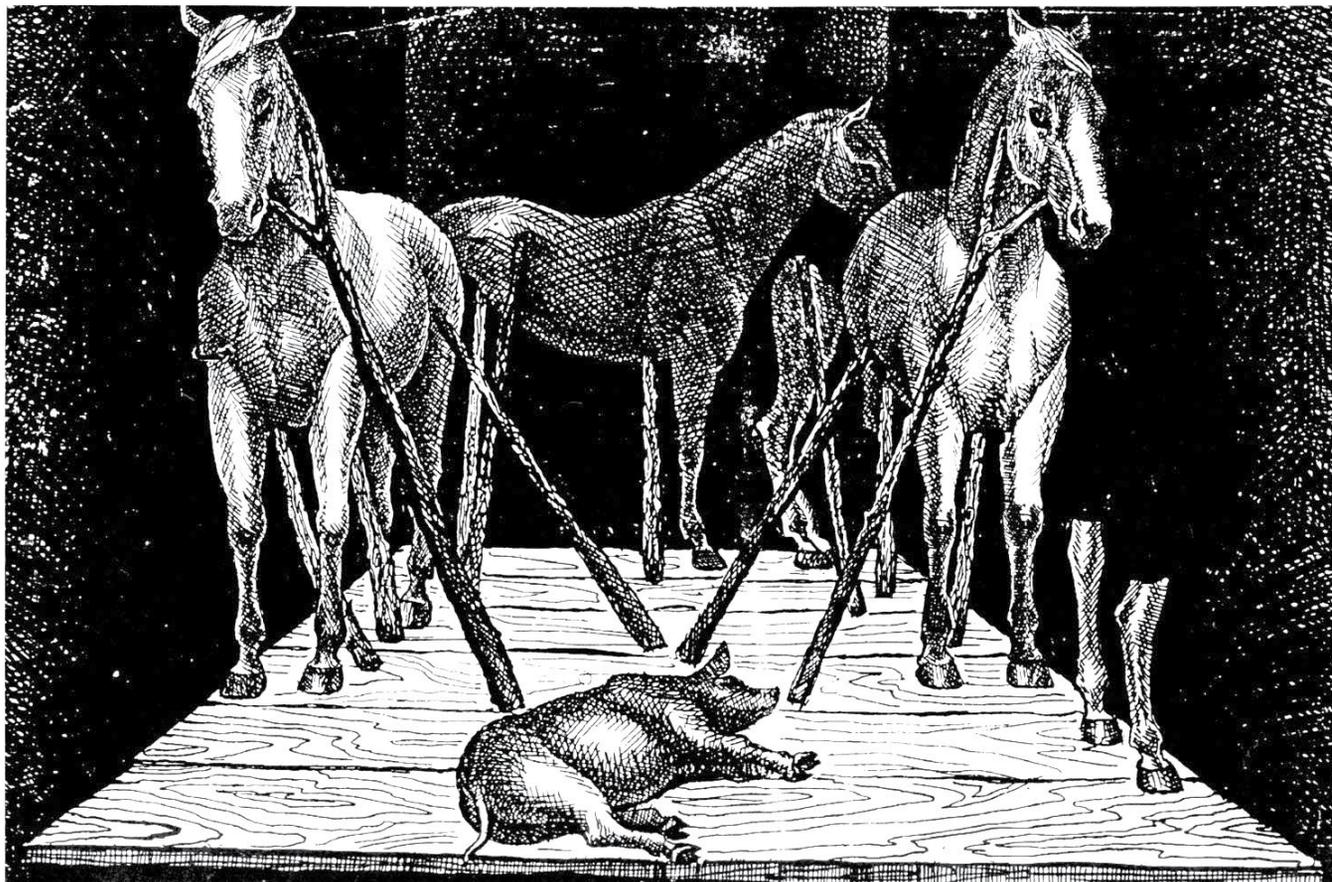

Рис. 3. Вариант графической реконструкции жертвенного комплекса из ямы № 5 могильника Бестамак (автор реконструкции – Л.Л. Гайдученко, художник – Г.М. Соков).

яна (одна из наиболее важных сутр, датируемая около середины I тыс. до н. э.) и Бaudхаяна-пиримедхасутра – сочинение, приписываемое мудрецу Бaudхаяне, позволяют уяснить, что, как уже отмечалось в начале комментария, вдова ложилась с левой стороны от тела покойного супруга, у головы с северной стороны. При уяснении положения вдовы относительно тела покойного супруга необходимо учитывать, что его тело располагалось на спине, лицом кверху – по ритуалу, рекомендованному в грихьясутрах. Тем не менее, здесь возможны разночтения; слева, когда определение ведется от покойного, а именно, у левой стороны тела покойного – такой точки зрения придерживается автор; или слева, когда определение ведется от стороннего наблюдателя – здесь возможны разные варианты и поэтому я считаю последнее определение малопримемым.

Жертвоприношение вдовы покойного, даже если оно и символическое, как это ясно из Ригведы (РВ, X, 18), имеет под собой не одно лишь

значение освобождения вдовы от супружеских обязанностей перед умершим, о чем уже сообщалось ранее. В своей основе оно включает в себе иные функции – функции обеспечения погребяемого в ином мире той супругой, которая была спутницей ему при жизни в этом мире, а также функции обеспечения ему (погребяемому) возможности беспрепятственного перехода в мир иной. Более подробно рассмотрим последнее.

Из цитированных строк гимнов явствует, что жена, обязанная заботиться о муже, как о сыне (последняя строка свадебного гимна – РВ, X, 85, 4), символически – согласно похоронному гимну Ригведы (РВ, X, 18) – отправляемая с ним в мир иной, предназначается «для того, кто дает вознаграждение», дабы защитить своего супруга «от небытия». Все предельно ясно, более того, такая трактовка логически продолжает перечень божественных мужей женщины – вдовы покойного, дополняя его тем, кто в 18-м гимне X мандалы Ригведы последовательно именуется

«Создателем», «Творцом» и, наконец, «Ямой». Об отношении именно к Яме как к повелителю царства мертвых, владетелю и распорядителю в мире ином напрямую и многократно отмечается в другом похоронном гимне Ригvedы (РВ, X, 14).

Т.Я. Елизаренкова о перечне божественных мужей невесты пишет: «перечисляются прежние божественные мужья Сурьи, с которой отождествляется невеста». Р.Б. Пандей, со ссылкой на комментатора Саяну, о божественных мужьях невесты сообщает следующее: «Пока еще нет полового влечения, девушкой наслаждается Сома, когда оно появилось, ее принимает Гандхарва, во время свадьбы передает ее Агни, от которого ее получает человек, способный умножить богатство и производить сыновей». Там же далее Р.Б. Пандей отмечает: «Женщинами сначала обладают боги Сома, Вишваvasу и Агни. Только потом ими наслаждаются мужчины. Но женщины этим не запятнаны. Когда на теле появляются волосы, то девушкой наслаждается Сома, Гандхарва наслаждается ею, когда развиваются груди, а Агни — когда у нее начинаются месячные» — это со ссылкой на «Атри-самхита». Он замечает, что боги, считающиеся мифическими мужьями девушки, покровительствуют разным стадиям ее физического развития.

С учетом ранее изложенного, полный перечень божественных и физических супругов женщины должен выглядеть следующим образом (только на основании Ригvedы — X, 18 и X, 885): Сома-Гандхарва-Агни-рожденный человеком-Яма-рожденный человеком, умерший, но обретший существование в Ином мире.

Чрезвычайно интересны и не находят пока объяснений случаи с отчленением конечностей жертвенных лошадей.

Подобные случаи в пределах Зауралья «всплывали», но на них никто не обращал внимания. В монографии «Синташта» (Генинг, Зданович, Генинг, 1992) приведена фотография и рисунок жертвенного комплекса погребения 29 памятника СМ (большого грунтового могильника) синташтинского некрополя (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, цв. фото 25, рис. 109).

На цветной фотографии совершенно ясно видно, что обе задние ноги восточной (правой)

лошади отчленены в коленных суставах и положены за спиной этой же лошади субпараллельно её туше и дистальными отделами по направлению к голове. На рисунке эти отделы конечностей просто никак не показаны.

В.И. Мельник (1991), рассмотревший особые виды погребений катакомбной общности, приводит примеры погребений людей с намеренно отчленёнными конечностями (с рассечениями). Он отмечает единичность таких погребений, но так называемые «рассечения» объясняет лишь страхом перед покойником.

Но какой страх может быть перед жертвенными животными? Это нечто иное, более сложное, чем простые первобытные страхи. Проблема жертвенных лошадей с отчленёнными и использованными в обустройстве этих же жертвенников конечностями остаётся пока открытой.

Порядок и особенности создания всего жертвенного комплекса ямы № 5 могильника Бестамак реконструируется следующим образом.

1. На дно погребальной камеры на левый бок головой в западном направлении укладывается усопший. За его спиной и «в головах» помещаются керамические сосуды с неким содержанием.

2. Рядом с усопшим, субпараллельно ему на правый бок, головой в западном направлении укладывается труп женщины в богатом убранстве. Её оба запястья вкладываются в руки усопшего.

3. Погребальная камера перекрывается обрубками древесных стволов, уложенными на ступы в основании длинных стен ямы.

4. Вдоль северной, восточной, и южной стен могильной ямы в восточной её половине устанавливаются на подпорках (следы тлена в заполнении ямы) и подвешиваются на ремнях и (или) верёвках три выпотрошенных туши лошадей. Северная и южная — головами на запад, восточная — на юг. Головы лошадей, вероятно, возвышаются над краем ямы. Отчленённые между плюсной и заплюсной дистальные отделы южной лошади подвешиваются перед грудью этой лошади на ремнях или верёвках. Отчленённые

в тазобедренных суставах задние конечности северной лошади на верёвках или ремнях подвешиваются между грудным отделом восточной лошади и стенкой ямы.

После установки туш лошадей и отчленённых их конечностей поверх перекрытия погребальной камеры насыпается слой грунта (предположительно до 30 см).

5. Поверх насыпанного грунта в юго-западной четверти ямы на правый бок и головой в восточном направлении укладывается труп дикой свиньи. Могильная яма полностью засыпается грунтом. Головы трёх жертвенных лошадей, возможно, располагаются над насыпанной поверхностью.

6. Допустимо, что примерно в центре свеженасыпанного грунта над могильной ямой складываются остатки или некая часть поминального пира – тризны, включавшая кости коров и овец, а также керамические сосуды. По окончании тризны над погребением возводилась насыпь.

7. Спустя, возможно, год после погребения в краю надмогильной насыпи с западной стороны вырывается неглубокая (до полуметра?) ямка, в которую помещается календарный поминальный жертвенник с костями посткраниального скелета коровы и лошади и головой лошади (особь № 4).

На рисунке 3 приведена первая рабочая реконструкция размещения жертвенных лошадей в яме № 5 могильника Бестамак. Рисунок выполнен Г.М. Соковым.

Я намеренно в настоящей публикации не затронул ряд достаточно важных биологических характеристик жертвенных животных. Надеюсь на полную публикацию в будущем материалов этого уникального памятника, сохраняющего для нас картины погребальных обрядов за последние 5 тысяч лет.

Литература:

Гайдученко Л.Л. Археологические параллели похоронному гимну Ригведы в Южном Зауралье // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 10, Востоковедение. Евразийство. Геополитика. – 2003. – № 1. – С. 69–86.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племён Урало-

Казахстанских степей. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – Т. 1. – 408 с.

Джоунс-Блэй К. Индоевропейский погребальный обряд, Ригведа и Авеста // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2010. – Ч. 1. – С. 118–129.

Калиева С.С., Колбин Г.В., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак // Маргулановские чтения: тез. докл. – Петропавловск, 1992. – С. 41–42.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // ВААЭ. – 2009. – № 9. – С. 32–58.

Логвин В.Н. О структуре бестамакской общины // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей: матер. к междунар. конф. (25 августа–2 сентября 1999 г.). – Челябинск, 1999. – С. 115–118.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Логвин В.Н. Материалы могильника Бестамак в системе синташтинско-петровских древностей // Этнические взаимодействия на Южном Урале: матер. III рег. (с междунар. участ.) науч.-практич. конф. – Челябинск, 2006. – С. 43–47.

Мельник В.И. Особые виды погребений катакомбной общности. – М.: Наука, 1991. – 136 с.

Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычай). Пер. с англ. А.А. Васина. 2-е изд. – М., 1990.

Ригведа. Избранные гимны. Пер., коммент. и вступ. ст. Т.Я. Елизаренковой. – М., 1972.

Logvin V.N. The Cemetery of Bestamak and the Structure of the Bestamak Community // Complex societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC: Regional specifics in light of global models. – Washington D.C., 2002. – Vol. I. – P. 189–201.

Түйін

Мақалада Бестамақ қорымындағы № 5 шұңқырдан табылған күрделі құрбандық кешені сипатталған. Аталған жерлеу орны ескерткіштердің синташта-петровтық түрінің «жұпты» жерлеу деп аталатын түріне жатады. Әйел адамның мүрдесі жерленген еркекке серігі ретінде құрбандыққа шалынған ретінде берілген. Құрбандық кешенінде жылқы денесінің тігінен қойылуы қызықты жайтқа саналады. Жерлеу ғұрпы Ригведада көрсетілген көне үнділік салтқа сәйкеседі.

Summary

Described intricate arranged sacrifice complex of hole № 5, the tomb Bestamak. This burial concerned to the circle of Sintashta-Petrov monuments that named «couple» burial. The remains of women treated like a sacrifice – in the capacity of girlfriend of burial men. The burial rite according with early Indian represented in Rigved. Presence in sacrifice complex vertical established flourish of horse this is the best.

Логвин А.В., Шевнина И.В.

Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак

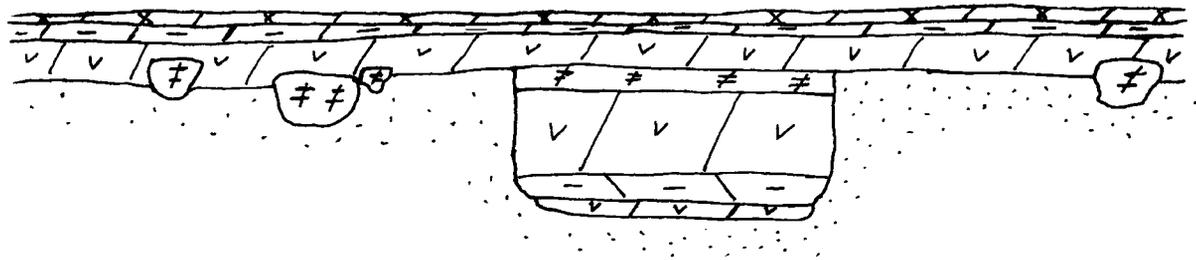
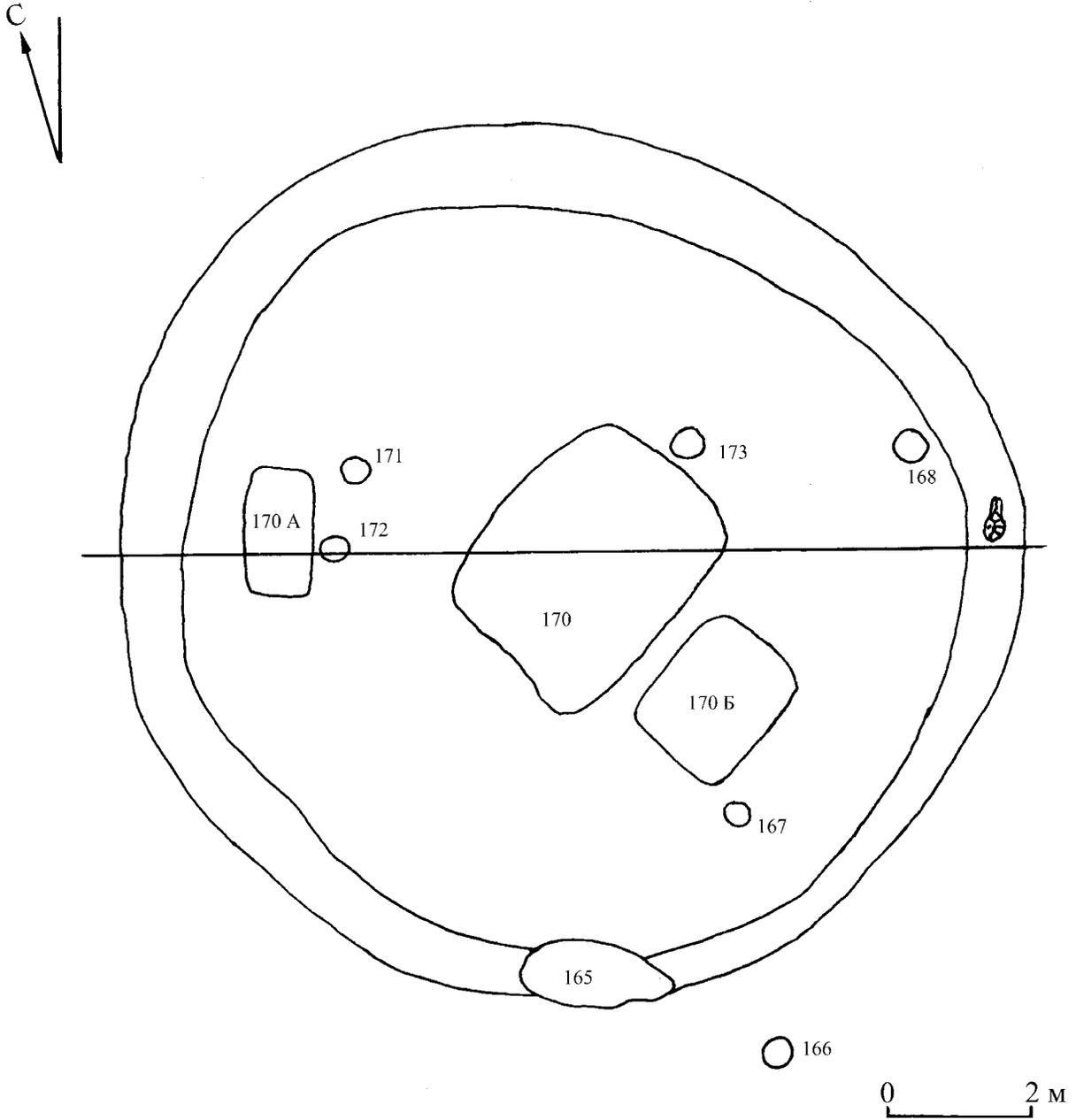
Могильник Бестамак находится в северной части Торгайского прогиба у самого истока реки Убаган, правого притока Тобола. Памятник исследовался Торгайской археологической экспедицией в течение девяти полевых сезонов с 1991 по 2008 гг. Общая площадь раскопа в настоящее время составляет 9092 кв.м. За период исследований было вскрыто и изучено более 170 могильных ям и ритуальных сооружений. Большая часть изученных объектов относится к синташтинско-петровской эпохе (более 70%). В данной работе речь пойдет о синташтинском погребальном комплексе, который составляют ямы № 170, 170А, 170 Б и ров № 7, опоясывающий эти погребения (рис. 1).

Ров № 7 диаметром 12,5 м, шириной от 1 м до 45 см, глубиной 0,5 м. В заполнении рва были обнаружены: череп лошади¹, неопределимые до вида обломки костей лошади или КРС и, сохранившие анатомический порядок, астрагал и пяточная кость КРС. Ров опоясывает три ямы, одну большую центральную, и две малые (ямы №№ 170 А, Б) периферийные, расположенные с СЗ и ЮВ сторон, по отношению к центральной.

Яма № 170 — центральная яма комплекса прямоугольной формы, с закругленными углами (рис. 2, 1), ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры 3,2 x 2,5 м, глубина 1,6 м. Основное заполнение ямы серовато желтого цвета. Яма представляет собой трехуровневую конструкцию. Верхний уровень — это погребение голов быка и коровы; средний — погребение лошадей; нижний — погребение мужчины и ребенка. Верхний уровень был зафиксирован на глубине 0,1 м в виде жертвенного комплекса, по центру ямы было положено два черепа (быка и коровы) затылками друг к другу. Причем череп коровы был перевернут зубами к низу (рис. 2, 1). У обоих черепов нижние челюсти были отделены и положены рядом с черепами, а лобные кости черепов имеют проломы. Рядом, в западной части ямы, был обнаружен развал сосуда (рис. 3, 5). На глубине 0,9 м в яме были зафиксированы остатки деревянного перекрытия в виде тлена под наклоном. На перекрытии были уложены лошади головами на юго-запад (рис. 3, 1). Лобные отделы обеих особей имеют проломы.

С глубины 1,3 м начала фиксироваться сама погребальная камера (рис. 3, 2). По контуру погребальной камеры идет кантик тлена черного цвета, по углам фиксируются столбовые ямки. На глубине 1,4-1,5 м было зафиксировано погребение мужчины 30-35 лет и новорожденного ребенка (около 2 месяцев). Мужчина, лежит на левом боку, головой на юго-запад, ребенок у него в ногах головой на северо-восток. Поза «валета». Положение мужчины фактически на груди, но так как перекрытие с лошадьми рухнуло на погребенных, по нашему мнению, первоначально он все же лежал на левом боку. В головах мужчины был поставлен большой сосуд (рис. 3, 1), за спиной, положен бронзовый массивновислообушный топор (рис. 3, 14). В ногах был положен бронзовый крюк (рис. 3, 13). В западном углу ямы обнаружено 18 каменных наконечников (рис. 2, 3-21). У

¹ Остеологическая коллекция изучена Л.Л. Гайдученко.

- -1
- -2
- -3
- -4
- -5
- -6
- -7

Рис. 1. Могильник Бестамак. План комплекса (Ямы № 170, 170 А, 170 Б). 1 – переветанный песок. 2 – супесь серого цвета (почвенный слой). 3 – супесь серовато-желтого цвета. 4 – супесь серовато-коричневого цвета. 5 – супесь темно-серого цвета. 6 – песок желтого цвета (материк). 7 – череп лошади).

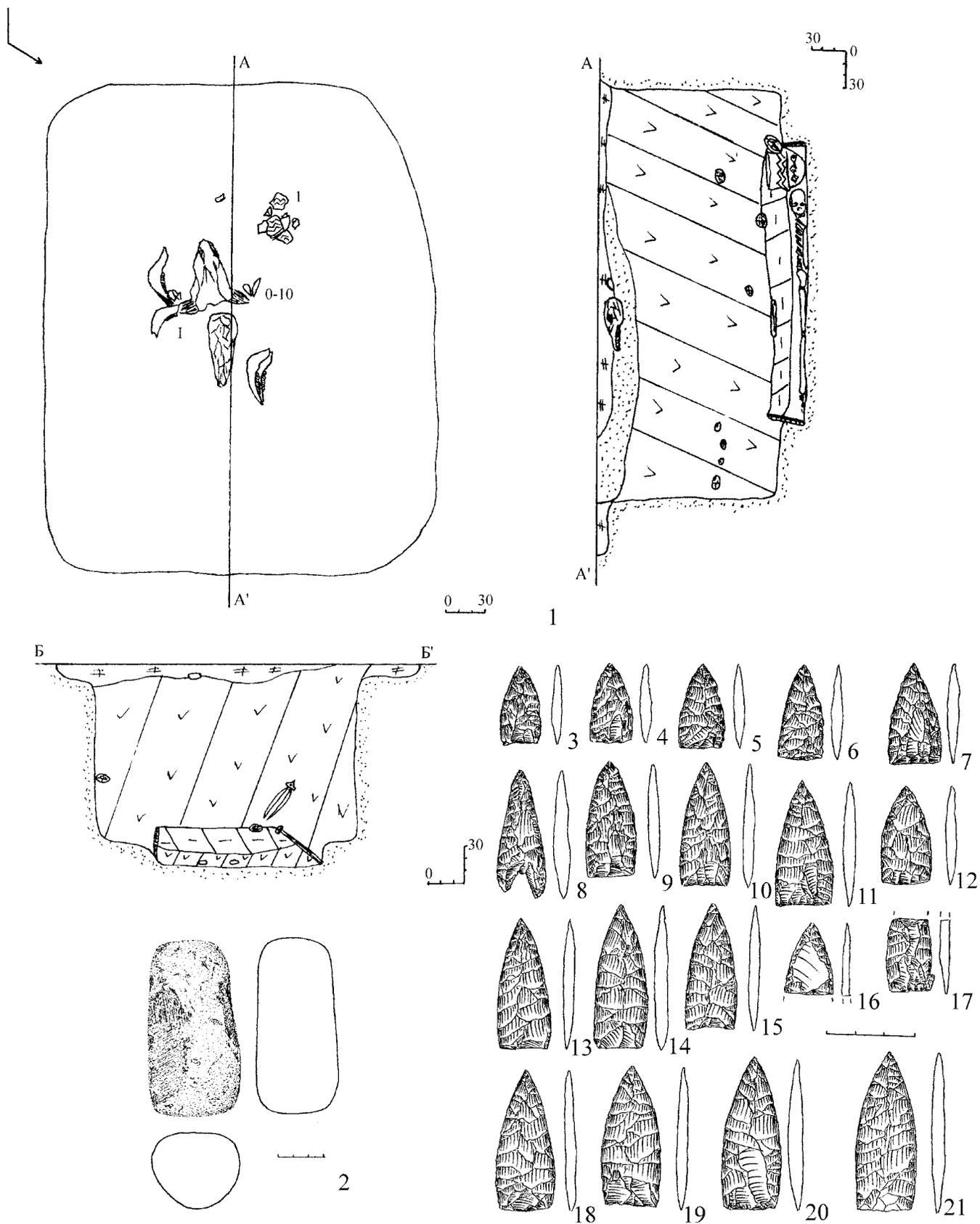

Рис. 2. Могильник Бестамак. Яма № 170. 1 – план ямы: 1 – сосуд; 1 – череп быка и коровы.
2 – каменный пест. 3-21 – каменные наконечники.

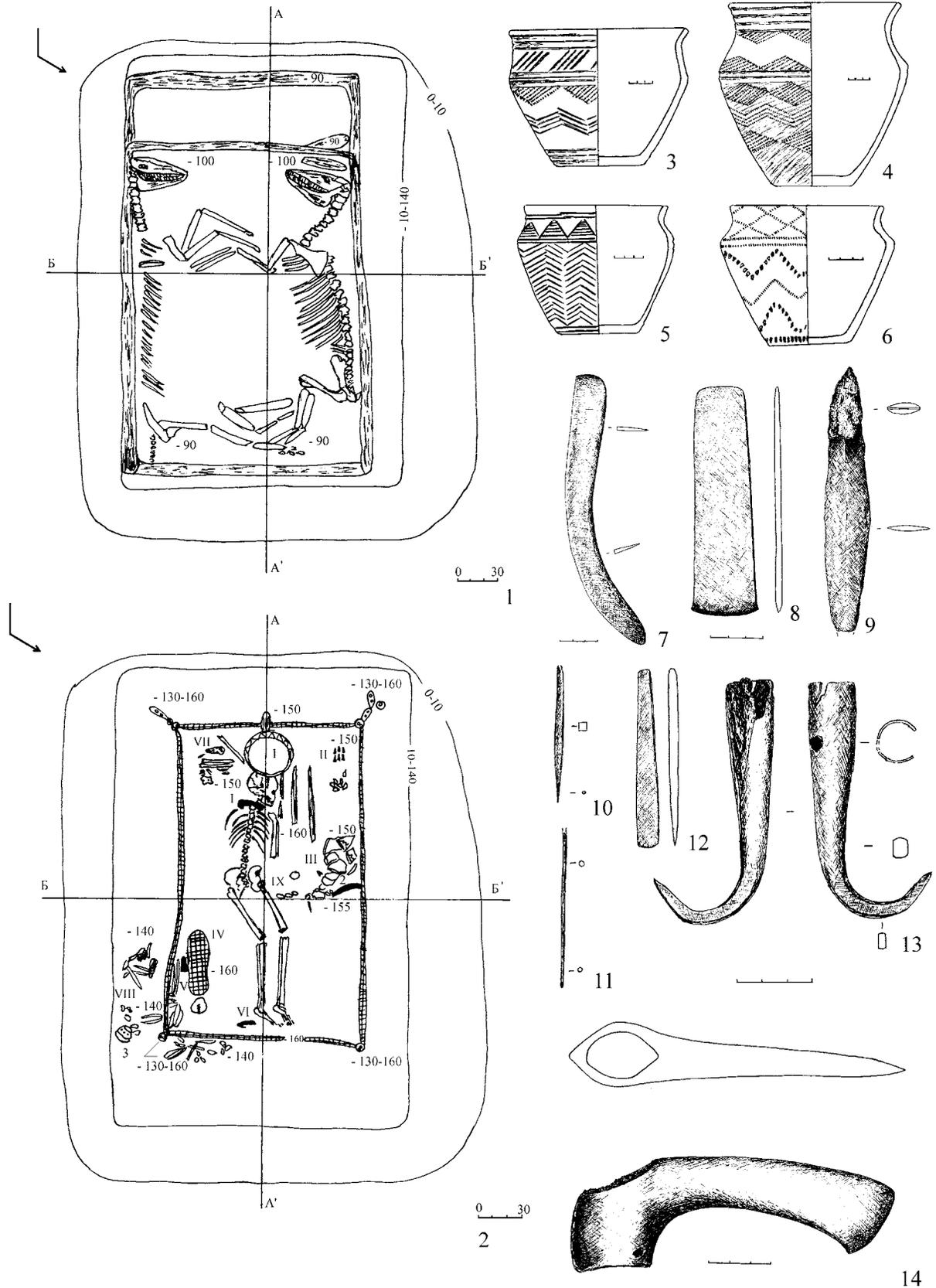

Рис. 3. Могильник Бестамак. Яма № 170. 1 - лошади на перекрытии. 2 - план погребальной камеры: I - вислообушный топор; II - наконечники стрел; III - развал сосуда, слитки бронзы, проколка, иголка, долото, серп, наконечник катакомбного типа, пест; IV - ребенок; V - тесло; VI - крюк; VII - кости овцы; VIII - кости овцы; IX - кости кабана. 1-3 - сосуды; 3-6 - сосуды. 7 - бронзовый серп-нож. 8 - бронзовое тесло. 9 - бронзовый нож. 10 - бронзовая проколка. 11 - бронзовая игла. 12 - бронзовое долото. 13 - бронзовый крюк. 14 - бронзовый топор.

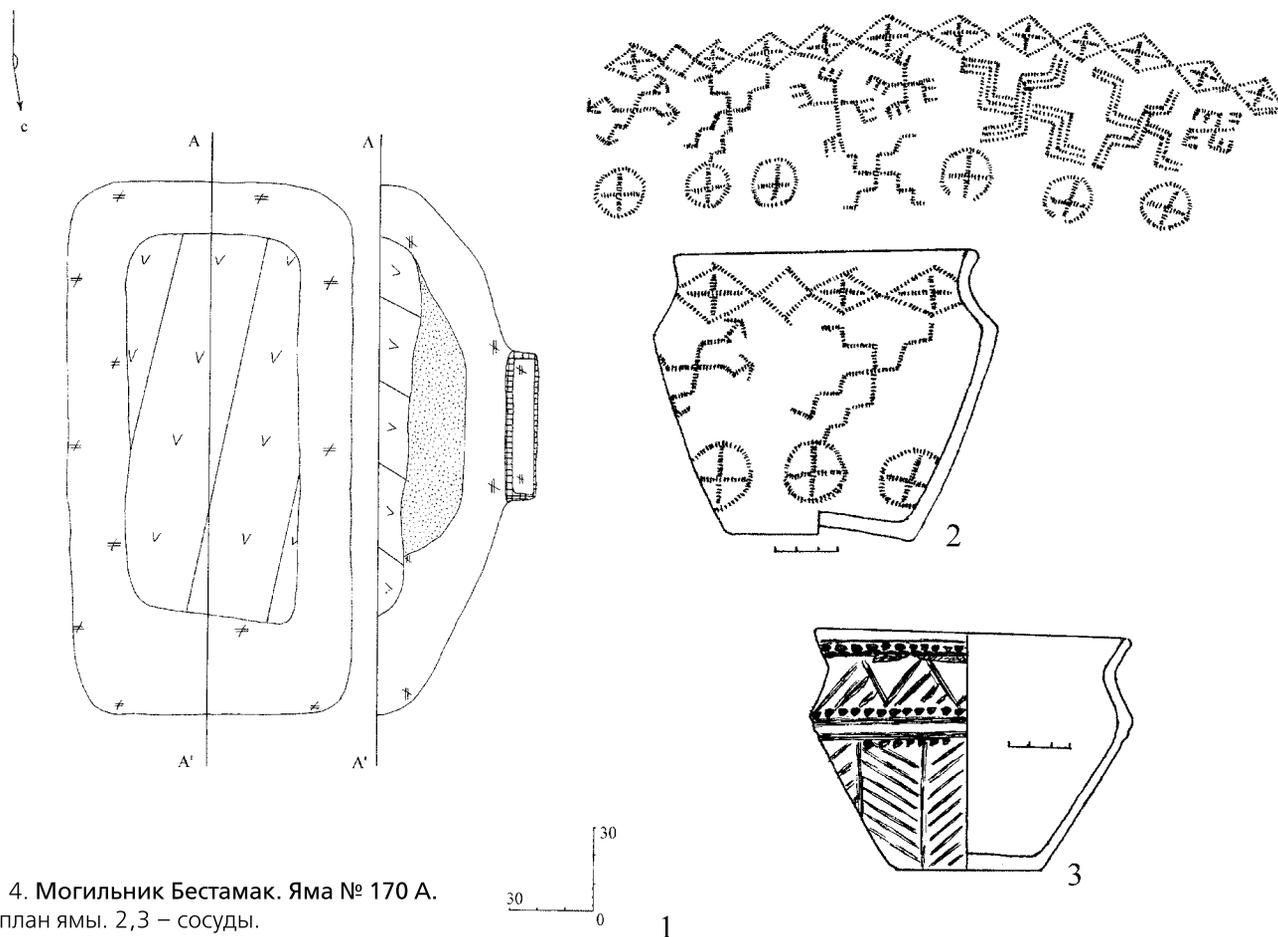

Рис. 4. Могильник Бестамак. Яма № 170 А.
1 – план ямы. 2,3 – сосуды.

западной стенки были найдены следующие артефакты: сосуд (рис. 3, 3); бронзовые серп-нож (рис. 3, 7), с деревянной рукояткой, игла (рис. 3, 11), долото (рис. 3, 12), шило (рис. 3, 10), 9 слитков бронзы; каменные пест (рис. 2, 2), терочник, наконечник (рис. 2, 8); обломок стержня сайги, фрагмент верхней части левой лопатки и астрагал молодого дикого кабана. При расчистке костяка, под правой рукой так же был найден бронзовый нож (рис. 3, 9). За головой погребенного в южном углу ямы находились аккуратно уложенные череп и кости овцы.

К погребенному ребенку относится бронзовый топор-гесло (рис. 3, 8). Кроме этого, на глубине 1,4 м у северо-восточной стенки ямы были зафиксированы сосуд (рис. 3, 6), фрагменты черепа и костей овцы.

Погребальный инвентарь. Бронзовый нож с остатками деревянной рукояти. Длина насада 42 мм. Длина лезвия 101 мм. Нож обоюдо-

острый, максимальная ширина лезвия 26 мм, листовидной формы. Концевая часть насада подтреугольной формы (рис. 3, 9).

Бронзовый поперечно-лезвийный топор-гесло, длиной 132 мм. В плане трапециевидной формы, продольное сечение линзовидное. Ширина основания топора 28 мм, ширина по лезвию 38 мм. Толщина топора 5 мм (рис. 3, 8).

Бронзовое долото, длиной 73 мм, толщиной 3 мм. Продольное сечение четырехугольное. В плане трапециевидной формы. Ширина рабочей части 10 мм, ширина основания 5 мм. Рабочая часть расплющена (рис. 3, 12).

Массивновислообушный бронзовый втульчатый топор с остатками деревянной рукояти во втулке. Отверстие для рукояти овальное (рис. 3, 14).

Бронзовая проколка (шило), длиной 53 мм. Поперечное сечение квадратное. Толщина 3 мм (рис. 3, 10).

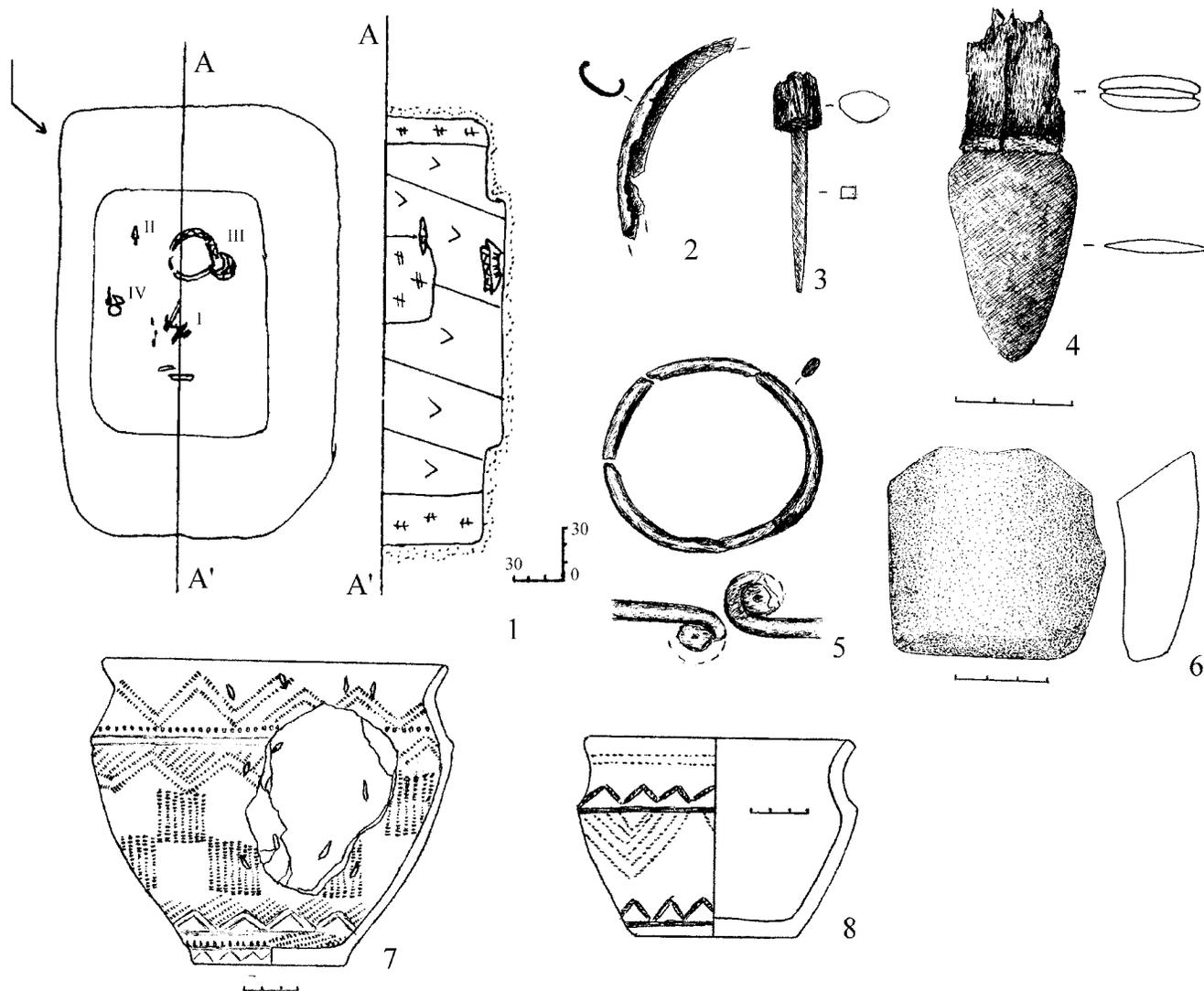

Рис. 5. Могильник Бестамак. Яма № 170 Б. 1 – план ямы: I – кости рук с браслетами; II – нож; III – сосуды; IV – проколка и обломок песта. 2, 5 – бронзовые браслеты. 3 – бронзовая проколка. 4 – бронзовый нож. 6 – обломок песта. 7, 8 – сосуды.

Бронзовая игла с обломанным ушком, длиной 62 мм. Толщина 2 мм. Поперечное сечение круглое (рис. 3, 11).

Бронзовый серп-нож с одним рабочим краем. Длина 216 мм, ширина 26 мм, толщина 3 мм (рис. 3, 7).

Втульчатый бронзовый крюк. Верхний конец свернут в конусовидную, разомкнутую, округлую в сечении втулку диаметром 17 мм. Во втулке остатки дерева. В верхней части втулки имеется отверстие диаметром 5 мм. Нижний конец в сечении прямоугольный. Длина крюка с втулкой 97 мм. Ширина

крюка 5 мм (рис. 3, 13).

Керамическая коллекция насчитывает четыре сосуда.

Плоскодонный, остросереберный, орнаментированный сосуд. Высота сосуда 138 мм, высота шейки (до ребра) 36 мм. Диаметр по горловине 154 мм, по тулову 169 мм, по дну 88 мм. Толщина стенок 4-10 мм, толщина днища 9 мм. Срез венчика плоский. Верхняя часть шейки слегка отогнута наружу. Тесто плотное, с примесью слюды и органики. На внутренней поверхности стенок сосуда отпечатки ткани. Орнаментирована вся поверхность сосуда.

Под венчиком нанесено две прочерченные линии. Над ребром располагается ряд заштрихованных, равнобедренных треугольников, вершинами вверх, без основания, выполненных гладким штампом. Ребро снизу подчеркнуто двумя прочерченными линиями. Тулово и придонная часть украшены многорядовым зигзагом, нанесенным гладким штампом. Под зигзагом находятся две горизонтальные прочерченные линии (рис. 3, 5).

Плоскодонный, остросереберный сосуд. Высота сосуда 124 мм, высота шейки (до ребра) 28 мм. Диаметр по горловине 136 мм, по тулову 145 мм, по дну 74 мм. Толщина стенок 6-8 мм, толщина днища 6-7 мм. Срез венчика округлый, слегка скошенный наружу. Верхняя часть шейки слегка отогнута наружу. Тесто плотное. Внешняя поверхность сосуда залощена. Сосуд орнаментирован. Шейка (до ребра) украшена ромбовидной сеткой, нанесенной зубчатым штампом. Ребро подчеркивают две горизонтальные линии, нанесенные тем же штампом. Тулово украшено тремя зигзагами: два из них нанесены подтреугольными вдавлениями, средний — зубчатым штампом. Придонная часть орнаментирована рядом подпрямоугольных вдавлений (рис. 3, 6).

Плоскодонный, остросереберный, орнаментированный сосуд. Высота сосуда 178 мм. Высота шейки (до ребра) 63 мм. Диаметр по горловине 233 мм, по тулову 233 мм, по дну 118 мм. Срез венчика округлоуплощенный, слегка скошенный наружу. Верхняя часть шейки сосуда отогнута наружу. Тесто плотное, с примесью слюды. Внешняя поверхность сосуда залощена. Под венчиком нанесено три широких каннелюра. Ниже расположен ряд наклонных оттисков зубчатого штампа, образующих ряд заштрихованных параллелограммов без контура. Ребро подчеркнуто двумя каннелюрами. Под каннелюром расположен ряд заштрихованных треугольников вершинами вниз, без основания. Тулово украшено четырех-пятирядовым зигзагом. Придонная

часть орнаментирована тремя каннелюрами. Все выполнено крупным зубчатым штампом (рис. 3, 3).

Плоскодонный, остросереберный, орнаментированный сосуд. Высота сосуда 261 мм, высота шейки (до ребра) 94 мм. Диаметр по горловине 261 мм, по тулову 280 мм, по дну 120 мм. Срез венчика округлоуплощенный, слегка скошенный наружу. Верхняя часть шейки сосуда отогнута наружу. Тесто плотное, с примесью слюды, шамота, кварцевого песка. Сосуд орнаментирован зубчатым штампом. Под венчиком нанесено три каннелюра. Ниже расположен ряд заштрихованных, равнобедренных треугольников, вершинами вниз, без основания. Над ребром выполнен ряд заштрихованных, равнобедренных треугольников, вершинами вверх, без основания. Снизу ребро подчеркнуто двумя каннелюрами. Тулово украшено двумя рядами заштрихованных ромбов, между которыми четырехрядовый зигзаг. На внутреннюю сторону венчика нанесено два каннелюра. Орнамент нанесен зубчатым штампом. Внешняя поверхность сосуда заглажена зубчатым штампом. С внутренней стороны сосуда имеются отпечатки ткани (рис. 3, 4).

Каменные двусторонне обработанные наконечники (19 экз.) (рис. 2, 3-21) преимущественно подтреугольной формы с прямым основанием (16 экз.), длиной 22-52 мм, ширина основания 13-18 мм. Один наконечник с шипами на основании 43 мм, ширина у основания 17 мм, длина шипов, 8 мм. Два наконечника представлены обломками перьевой части и тыльной части.

Пест цилиндрической формы. Высота 115 мм, диаметр 60 мм. Обе рабочие поверхности (торцы) сильно заглажены. Боковая поверхность частично пришлифована (рис. 2, 2).

Терочник неправильной в плане формы, размером 100 x 110 мм, толщиной 65 мм, поперечное сечение трапециевидное. Обе поверхности пришлифованы.

Кроме этого имеется скол со шлифованного орудия и отщеп без ретуши.

Яма № 170 А прямоугольной формы с сильно закругленными углами (рис. 4, 1). Размер 1,9 х 1 м. Основное заполнение ямы супесь серовато-желтого цвета, по периметру ямы до дна ямы фиксировался кантик серовато-коричневого цвета, шириной 0,2 м. Глубина ямы 55 см. Ориентирована яма по линии СЮ. С глубины 0,45 м по всему периметру ямы был зафиксирован тлен серовато-коричневого цвета, относящийся скорее всего к надмогильному перекрытию. В яме кроме двух сосудов, стоящих у западной стенки, других находок зафиксировано не было (рис. 4, 2, 3).

Погребальный инвентарь. Плоскодонный, острореберный, орнаментированный сосуд. Высота сосуда 137 мм, высота шейки (до ребра) 35 мм. Диаметр по горловине 145 мм, по тулову 165 мм, по дну 90 мм. Срез венчика округлоуплощенный, слегка скошенный наружу. Верхняя часть шейки сосуда отогнута наружу. Тесто плотное, с примесью талька, шамота, песка. Сосуд орнаментирован зубчатым штампом. Толщина стенок 8 мм (рис. 4, 2).

Орнамент сосуда очень сложен, выполнен геометрическими фигурами и по нашему мнению представляет определенный «сюжет». Композиция сосуда разделена на три части. Первая часть (шейка сосуда) представлена рядом из 12 ромбов. В пространство одиннадцати, последовательно расположенных ромбов вписано изображение креста. 12-й ромб контурный, «пустой».

Вторая и третья часть композиции располагается на тулове сосуда. Вторая часть представлена семью «свастическими» фигурами, третья часть — одной «ступенчатой» свастикой и 6-ю кругами, в которые вписан крест.

Каждая свастика индивидуальна. Одна «свастическая» фигура имеет стрелки на конце каждого «луча». Две свастики на концах «лучей» имеют своеобразные фигуры в виде «трезубца» или букв «Ш». У одной свастики на концах изображены фигуры в виде «двухзубца». Одна свастика имеет тройной контур, другая — двойной.

Одну фигуру необходимо описать отдельно, так как она неразрывно связана с третьей частью «сюжета» сосуда, то есть с кругами, в которые вписаны кресты. Это «ступенчатая» свастика, одним «лучом» «стоящая» на таком круге.

Второй сосуд плоскодонный, орнаментированный и острореберный (рис. 4, 3). Высота 115 мм, высота шейки (до ребра) 40 мм. Диаметр по горловине 153 мм, по тулову 158 мм, по дну 71 мм. Срез венчика округлоуплощенный, скошенный. Верхняя часть шейки отогнута наружу сосуда. Тесто плотное, с примесью песка и органики. Толщина стенок 5 мм, дна 7 мм. На шейке имеются следы ремонта — бронзовая скрепка. Шейка сосуда орнаментирована рядом подтреугольных вдавлений, оконтуренных сверху и снизу по одной прочерченной линией. Ниже располагается ряд заштрихованных треугольников без основания, выполненных гладким штампом. Ребро подчеркнуто рядом подтреугольных вдавлений и двумя прочерченными линиями. Тулово орнаментировано вертикальной «елочкой». Все выполнено гладким штампом.

Яма № 170 Б (рис. 5, 1) прямоугольной формы, с сильно закругленными углами, заполнение серовато-коричневого цвета. Размеры 2,5 х 1,6 м. Глубина 0,7 м. Ориентирована яма по линии СВ-ЮЗ. С глубины 0,6 м в яме начали фиксироваться находки. У ЮВ стенки было поставлено два сосуда (рис. 5, 7, 8), рядом положен бронзовый нож с деревянной рукоятью (рис. 5, 4). По центру ямы были зафиксированы костные остатки, по которым можно предположить, что человек лежал на правом боку, в скорченном положении. На руках было одето по одному бронзовому браслету (на одной желобчатый, на другой — браслет из четырехгранной проволоки со спиралевидными окончаниями) (рис. 5, 2, 3). У восточной стенки был положен обломок песта (рис. 5, 6) и бронзовое шило (рис. 5, 3).

Погребальный инвентарь. Бронзовый нож с остатками деревянной рукояти, длиной 86 мм. Длина лезвия 56 мм, длина насада 30 мм. Лезвие

подтреугольной формы. Максимальная ширина лезвия 34 мм. Насад подтреугольной формы имеет прямоугольное завершение, отделяется от лезвия выемками (рис. 5, 4).

Бронзовое шило с остатками деревянной рукояти. Длина 5-7 мм. Толщина 3 мм. Сечение четырехгранное (рис. 5, 3).

Два бронзовых браслета. Один изготовлен из прямоугонной в сечении бронзовой проволоки. Концы закручены в тугую спираль. Толщина браслета 3-5 мм. Поперечное сечение браслета прямоугонное. Второй желобчатый браслет изготовлен из листа бронзы (рис. 5, 2, 3).

Керамическая коллекция представлена двумя сосудами.

Плоскодонный, остросереберный, орнаментированный сосуд (рис. 5, 7). Высота сосуда 237 мм, высота шейки (до ребра) 56 мм. Диаметр по горловине 280 мм, по тулову 287 мм, по дну 130 мм. Толщина стенок 6-9 мм, днища 15 мм. Срез венчика округлый. Верхняя часть шейки отогнута наружу. Тесто плотное, с примесью слюды. На внутренней поверхности стенок сосуда фиксируются отпечатки ткани. Внешняя поверхность залощена. Орнамент нанесен зубчатым штампом. Под венчиком нанесен каннелюр. Ниже расположен двурядовый зигзаг, затем ряд овальных вдавлений. Ребро подчеркнуто двумя каннелюрами. Под ребром ряд заштрихованных, равнобедренных треугольников без основания, вершинами вниз, контур треугольников выполнен двурядовым зигзагом. Тулово украшено двумя рядами вертикальных оттисков зубчатого штампа, образующих квадрат без контура, расположенных в шахматном порядке. Придонная часть орнаментирована однорядовым зигзагом выполненным гладким штампом заштрихованными ромбами без контура, нанесенных зубчатым штампом. Ниже расположены два широких, орнаментированных каннелюра. Один каннелюр орнаментирован рядом наклонных оттисков зубчатого штампа и рядом овальных вдавлений. Второй каннелюр орнаментирован однорядовым зигзагом, выполненным прочер-

чиванием. Каннелюры орнаментированы не по всей окружности придонной части сосуда. Сосуд имеет следы ремонта в древности.

Плоскодонный, остросереберный, орнаментированный сосуд (рис. 5, 8). Высота сосуда 102 мм, высота шейки (до ребра) 32 мм. Диаметр по горловине 140 мм, по тулову 145 мм, по дну 87 мм. Толщина стенок 7-10 мм, днища 10 мм. Срез венчика округлоуплощенный, скошенный наружу. Верхняя часть шейки сосуда слегка отогнута наружу. Тесто плотное, с примесью слюды. Внешняя поверхность сосуда залощена. Под венчиком две горизонтальные линии, нанесенные мелким зубчатым штампом. Над ребром нанесен однорядовый зигзаг, нанесенный веревочным штампом. Ребро подчеркивает каннелюр. Тулово орнаментировано одним рядом больших равнобедренных треугольников, перевернутых вершинами вниз, без основания. Треугольники образованы пятью – шестью оттисками веревочного штампа. Придонная часть орнаментирована однорядовым зигзагом, нанесенным веревочным штампом, и одним каннелюром.

Коллекция изделий из камня представлена обломком терочника и отщепом без ретуши.

Анализ представленного комплекса привел нас к следующим выводам:

1. Ров, замыкающий пространство с объектами (окольцовывающий ямы № 170, 170 А и 170 Б позволяет сделать заключение о том, что перед нами именно комплекс.

2. При анализе комплекса, было отмечено, что ямы № 170 и 170 А ориентированы одинаково и находятся параллельно друг другу и рядом друг с другом, что наводит на мысль об их одинаковом назначении, а именно захоронении усопших людей.

3. Яма № 170 А, находится на отдалении от погребений и ориентирована в другую сторону. Наличие же лишь сосудов в яме, один из которых имеет сложный сюжетный орнамент, позволяет нам предположить, что данная яма имела какой-то обрядовый смысл, могла являться,

жертвенником. Две столбовые ямы, находящиеся рядом, скорее всего, имели какое-то отношение к поминальной конструкции.

4. В яме № 170 Б, судя по инвентарю, была захоронена женщина.

5. По всей видимости, погребение мужчины из ямы № 170 носит явно воинский характер, иными словами перед нами захоронение мужчины-воина. При детальном анализе погребения выявлены следующие военные атрибуты, находящиеся в непосредственной близости мужчины:

- массивновислообушный топор (за спиной);
- втульчатый крюк (в ногах);
- нож-кинжал (под руками);

Кроме этого в погребении присутствуют каменные наконечники стрел и пара лошадей на перекрытии, что также традиционно связывается с мужчинами-воинами.

Остальной инвентарь, судя по всему, относится не к прижизненной деятельности погребенного мужчины, а к общим моментам синташтинского погребального обряда.

6. Что касается, погребения новорожденного ребенка, то, прежде всего, необходимо отметить, их явное одновременное захоронение с мужчиной. При этом совершенно неясен характер смерти ребенка (естественный или насильственный?). Настораживает также и поза «валета», что само по себе явление абсолютно редкое в синташтинском обществе. Ребенок возможно родственник или близок по неизвестным нам причинам мужчине. В пользу этой версии говорит наличие собственного инвентаря и жертвы – сосуд и овца. Но при этом, сложно объяснить такую необычную позу, так как детей на могильнике Бестамак хоронили либо в отдельных ямах, либо рядом со взрослыми, но никак не в ногах.

Так же вполне можно предположить, что захоронение ребенка могло быть жертвоприношением. Тогда вполне объяснимо положение ребенка в ногах взрослого мужчины и ориентировка его на северо-восток, что,

как известно, совсем не характерно для синташтинско-петровской эпохи. Человеческие жертвоприношения, как известно, не характерны для синташтинского общества, но были зафиксированы в других обществах, например древнеямной культуре. Проанализировав курганный могильник Тамар-Уткуль VIII, Н.Л. Моргунова и А.Ю. Кравцов, приходят к выводу, что в некоторых погребениях могильника (например, курган № 4, погребение 1; курган 5, погребение 1) зафиксированы человеческие жертвоприношения. Причем, основной костяк взрослого человек, а сопровождающий костяк – ребенка или подростка (Моргунова, Кравцов, 1994, с. 97-98). Это указывает на то, что общество древнеямных племен уже могло достичь уровня примитивного рабства (Пятых, 2007, с. 90). Примечательно, что именно в погребении взрослого мужчины с ярко выраженной военной атрибутикой находится ребенок-жертвоприношение. А, как известно, одной из самых ранних из известных форм рабства является адаптация военнопленных в семейные коллективы победителей. Военные же действия, несомненно, были первичным источником рабства и зафиксированы еще в 4 тыс. до н.э. (История первобытного общества. Эпоха классовообразования, 1988, с. 201). В связи с этим, считаем возможным предположить, что ребенок мог быть рабом. Так же хотелось бы отметить, что у такого маленького ребенка есть свое орудие труда. Этот момент можно трактовать так – там в загробном мире, ребенок вырастет, и будет помогать своему хозяину. Сам по себе факт рабовладения в синташтинском обществе не является общепризнанным. Хотя при такой развитой общине наличие домашнего рабства не смотрится каким-то вопиющим фактом. Домашнее рабство, при наличии военных действий (а, судя по, погребениям наличие войн среди синташтинского общества отвергать не приходится), тем более не является чем-то эфемерным.

7. В заключение описания данного погребального комплекса хотелось бы отметить, что

при неоспоримых аналогиях с синташтинско-аркаимской культурой, следует заметить следующий момент – присутствие в полученном материале двух предметов, которые имеют параллели с катакомбным миром – это втульчатый бронзовый крюк (рис. 3, 13) и каменный наконечник стрелы с шипами (рис. 2, 8). Причем, каменный наконечник стрелы находился не в колчане, а среди других находок (сосуд, серп, пест, игла...), что может также указывать на его импортный характер.

Литература:

История первобытного общества. Эпоха классобразования. – М.: Наука, 1980. – 565 с.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древней культуры на Илеке. – Ека-теринбург: Наука, 1994. – 153 с.

Пятых Г.Г. Проблема «Синташты» как источника социальных инноваций // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: ОГПУ, 2007. – Вып. VIII. – С. 87-91.

Түйін

Бестамақ қорымы Торғай ойысының солтүстік бөлігіндегі Обаян өзенінің, Тобыл өзенінің жағалауында орналасқан. Ескерткішті Торғай археологиялық экспедициясы 1991–2008 жылдар арасында, тоғыз далалық маусым бойы зерттеді. Қазіргі уақытта қазындының жалпы алаңы 9092 шаршы метрді құрайды. Қорымды зерттеу кезеңінде 170 ескі мола шұңқырлары мен ғұрыптық құрылыстар ашылды. Қорымның көп бөлігі синташтинско-петровский дәуіріне жатады (70% пайыз). Бұл қазба 3 қорымның шұңқырың, ең үлкен орталық, және екі кіші (№ 170 А, Б) шеткі солтүстік-батыста орналасқан, және оң түстік шығыста орналасқан қорымды алып жатыр. № 170 орталық шұңқырда үлкен ер адамның және баланың сүйегі жерленген, шеткілерінде сүйек сақталмаған. Жерлеу самандарының ішінде ыдыстар, қола әшекейлер және қару – жарақтар бар. Қорымның сүйектер коллекциясың Л.Л. Гайдученко аңықталған.

Summary

Burial ground Bestamak is in northern part Torgay of a deflection at the source of the river Ubagan, the right in flow of Tobol. The site was investigated Torgay by archeological expedition during nine field seasons with 1991 for 2008. Of the Total area now makes 9092 m². For the period of researches it has been opened and studied more than 170 sepulchral holes and ritual constructions. The Most part of tombs concerns to a sintashta-petrovka epoch (more than 70 %). In the given work it is described Sintashtin a funeral complex are holes № 170, 170A, 170 and pov № 7. Pov surrounds three sepulchral holes, one greater central, and two small (a hole № 170 And,) peripheral, located with the northwest and southeast parties, in relation to central. In the central hole № 170 the man and the child, in peripheral are buried the adult, bone remains was not kept. Among funeral stock vessels, bronze ornaments and instruments are noted. All definitions of an osteological collection of a complex are executed by L.L. Gajduchenko.

Гайдученко Л.Л.

ОСОБЕННОСТИ СЛОЖЕНИЯ ЖЕРТВЕННОГО КОМПЛЕКСА ЯМЫ № 170 МОГИЛЬНИКА БЕСТАМАК

Жертвенные комплексы могильника Бестамак изучаются мною с начала раскопок (1989 г.) по настоящее время. Наибольшим разнообразием жертвенного бестиария, составляющих частей, композиционных решений при достаточно традиционной семантике характеризуются жертвенные комплексы погребений эпохи средней бронзы, относимые к синташтинско-петровскому культурно-хронологическому пласту. К таковым относится и жертвенный комплекс ямы № 170 этого могильника.

Яма № 170 привлекательна ещё и тем, что здесь сохранились верхние жертвенные выкладки, обычно в этом могильнике разрушенные. Это даёт редкую для могильника Бестамак возможность изучения достаточно полно сохранившегося жертвенного комплекса.

Поскольку предлагаемая работа основана на тех же материалах, что и статья А.В. Логвина и И.В. Шевниной, помещённая в этом сборнике, и, несмотря на различия в трактовании отдельных аспектов рассматриваемого погребения, она является дополнением этой статьи, то я не привожу в своей работе иллюстраций. При необходимости можно обращаться к иллюстрациям из статьи А.В. Логвина и И.В. Шевниной.

Жертвенные выкладки на дне погребальной камеры.

Жертвенная выкладка № 1 располагается перед погребённым мужчиной в районе таза последнего. Заключает фрагмент верхней части левой лопатки и астрагал молодого дикого кабана — *Sus scrofa ferus*. Состояние костей не позволяет выполнить каких-либо промеров.

Рядом с костями поставлен керамический сосуд.

Жертвенная выкладка № 2 располагается за головой (позади головы) погребённого мужчины. Заключает кости овцы — *Ovis aries*: — череп с причленённой нижней челюстью и сохранившейся подъязычной костью, атлант, две правых и две левых голени с причленёнными костями заплюсны (коленные чашечки отсутствуют). Рядом с костями поставлен керамический сосуд.

Видимых закономерностей во взаиморасположении головы и голени овец не наблюдается. Голова была поставлена на дно, рядом «пучком» положены четыре голени от двух особей овец и положен атлант.

Овца № 1 — самка, комолая, возраст около 3 лет. Патологические изменения костей не отмечены.

Овца № 2 — более мелкого размера. Характеристика приведена в описании следующей жертвенной выкладки.

Жертвенная выкладка № 3 располагается позади ног погребённого мужчины. Заключает останки ребёнка, сопровождаемые топором-теслом.

Жертвенная выкладка на перекрытии погребальной камеры.

Жертвенная выкладка № 4 включает череп с причленённой нижней челюстью (очень плохая сохранность) овцы (№ 2) и дистальные отделы восьми конечностей обеих особей овец.

Овца № 2 — состояние остатков черепа и нижней челюсти не позволяют сделать каких-

либо выводов о поле и возрасте этой особи. Судя по отдельным элементам, эта овца была меньших размеров относительно особи № 1. На основании этого к ней отнесены кости посткраниального скелета, имеющие меньшие размеры и, судя по пропорциям астрагалов, принадлежащие самке.

Жертвенная выкладка в частично засыпанной могильной яме.

Жертвенная выкладка № 5 представлена останками двух особей домашней лошади – *Equus caballus*. Оба скелета имеют полные наборы костей, сохраняющих анатомический порядок, лишь немного нарушенный вследствие проседания перекрытия. Удовлетворительное состояние позвонков, рёбер и наличие элементов грудины свидетельствуют о том, что при создании этой выкладки были использованы выпотрошенные туши животных, а не их трупы.

Лошадь № 1 – жеребец, возраст около 12 лет. Судя по отсутствию следов износа переднего края вторых нижних предкоренных (P₂), с применением удила не использовался. Допустимо, что для принесения в жертву был взят из табуна. Следы патологических изменений костей не отмечены. При скелете жеребца сохранился полный набор хвостовых позвонков. Высота этой особи в холке составляет 142 см.

Лошадь № 2 – кобыла, возраст около 7 лет. Передние края вторых нижних предкоренных (P₂) имеют явно выраженные следы износа вследствие воздействия удила. Передний край этого зуба относительно общей его жевательной поверхности опущен на 2,4 мм. Согласно данным Д. Браун и Д. Энтони (Antony, Brown, 1991) это свидетельствует о достаточно длительном использовании данной особи с применением удила. Следы патологических изменений костей не отмечены. Высота в холке этой особи составляла 139 см.

В рассматриваемой жертвенной выкладке жеребец располагался на левом боку, а кобыла – на правом. Ноги обеих лошадей были об-

ращены к длинной оси могильной ямы. Дистальные отделы конечностей жеребца иногда перекрывались дистальными отделами конечностей кобылы. Лобные отделы обеих особей имеют проломы.

Жертвенная выкладка на перекрытии могильной ямы.

Жертвенная выкладка № 6 представлена черепом быка с отчленённой нижней челюстью, лежащей отдельно и черепом коровы также с отчленённой и лежащей отдельно нижней челюстью. Затылочные отделы черепов были обращены друг к другу. Лицевой отдел черепа быка обращён в юго-западном направлении, лошади – в северо-восточном. При этом череп быка был перевёрнут зубами кверху. Лобные кости обоих черепов имеют проломы.

Состав и состояние остатков позволяют заключить, что для устройства этого жертвенника были использованы только головы коровы и быка. Была ли с них снята шкура или нет – судить невозможно, но языки определённо были вырезаны и нижние челюсти и коровы и быка были отчленены и положены каждая рядом с соответствующим черепом. Эта выкладка сопровождается керамическим сосудом.

Корова – самка, в возрасте 3-3,5 лет, комолая. Правая ветвь нижней челюсти в области P₁-M₁ несёт следы воспалительного процесса.

Бык в возрасте 3,5-4 года. Рогатая особь. Патологические изменения костей отсутствуют.

Остатки костей животных из кольцевого рва.

Представляют собой остатки каких-то жертвоприношений. Были они связаны с ямой № 170 или нет – определённо судить нельзя. Закljučают очень плохой сохранности череп лошади, неопределимые до вида обломки костей лошади и/или КРС и, сохранившие анатомический порядок, астрагал и пяточную кость КРС.

Лошадь (№ 3), судя по значительно развитым клыкам, жеребец в возрасте 4-5 лет.

КРС – судя по пропорциям астрагала, кости принадлежали взрослой корове с высотой в

холке 124 см. Вполне можно допустить, что это могли быть кости задней конечности коровы из жертвенной выкладки № 6 на перекрытии могильной ямы. Неопределимые до вида обломки тоже могли принадлежать жертвенным животным из этой выкладки – быку и корове. Кроме того, не исключено, что часть этих, неопределимых до вида костей, могла принадлежать и жеребцу (особи № 3), череп которого располагался в кольцевом рву.

В целом жертвенную композицию ямы № 170 могильника Бестамак можно рассматривать в качестве единой многоуровневой инсталляции. Начало её приурочено ко дну погребальной камеры и представлено сопроводительным жертвенным комплексом из жертвенников срочного и пролонгированного обеспечения. В свою очередь жертвенник срочного обеспечения состоит из двух жертвенных выкладок – №№ 1 и 2, различающихся видовым составом жертв.

Предполагаю, что жертвенная выкладка № 1 заключала сваренные мягкие, не содержащие костей, части тела молодого дикого кабана. Лишь по небольшому остатку лопатки мы можем судить о наличии в рассматриваемой выкладке именно этой части тела кабана. Астралгал, вероятно, был помещён в состав выкладки в качестве своеобразного пожелания удачи, носителем которой он являлся¹.

Согласно сложившимся общепризнанным представлениям, памятники синташтинско-петровского культурно-хронологического пласта относятся к индоевропейскому кругу. Представления индоевропейских народов о загробном существовании в Иномирье и о Пути туда достаточно стандартны (Ларин, 1993). В данном случае для нас представляет интерес то, что Путь туда не мгновенен, а занимает некоторое время и то, что на нём встречаются «Стражи Пути», от которых необходимо откупаться.

¹ Астралгалы, в частности астралгалы дикого кабана, являются достаточно часто встречающимся атрибутом погребенный синташтинско-петровского круга.

С этих позиций готовая к употреблению пища жертвенной выкладки № 1 возможно предназначалась как для питания погребённого на пути в Иномирье, так и для задабривания Стражей Пути.

Жертвенная выкладка № 2 заключала сырые части жертвенных овец (4 голени от 2-х особей). Помещённая сюда же голова одной из овец, возможно, предназначена была для выполнения сразу нескольких функций: 1 – подтверждала видовую принадлежность голеней; 2 – связывала жертвенник срочного обеспечения с жертвенником пролонгированного обеспечения; 3 – служила почётной частью на посвящённом встрече в Иномирье пиру, так как заключала лакомые части: язык, глаза, мозг. Функция помещённого в эту выкладку отчлнённого атланта овцы (особи № 1) пока не понятна. Допустимо, что относящийся к этой выкладке керамический сосуд содержал части внутренностей овец – печень, почки, сердце и т.п., но это можно лишь предполагать.

Функционально жертвенная выкладка № 2, вероятно, предназначалась для устройства пира при встрече в Иномирье погребённого с соплеменниками.

Сопроводительный жертвенник пролонгированного обеспечения предназначался для обеспечения существования усопшего в Иномирье. Он трёхуровневый: жертвенная выкладка № 3 на дне погребальной камеры, жертвенная выкладка № 4 на уступе для перекрытия погребальной камеры и частично на этом перекрытии, жертвенная выкладка № 5 (пара лошадей) в специальной камере внутри частично засыпанной могильной ямы.

Жертвенная выкладка № 3 заключала труп ребёнка, предназначавшегося в услужение погребённому мужчине. Пол ребёнка не определяется. Вероятно, в процессе Перехода ребёнок должен подрасти и стать полноценным помощником в Иномирье. Топор-тесло при ребёнке помещён в качестве орудия труда.

Жертвенная выкладка № 4, заключавшая

преимущественно дистальные отделы конечностей двух овец, посредством помещённой сюда же головы второй овцы (особь № 2) объединялась с останками овец из жертвенной выкладки № 3. В Иномирье, вероятно, эти овцы должны были возродиться и войти в отару усопшего.

Жеребец и кобыла из жертвенной выкладки № 5 предназначались как для обеспечения профессиональных занятий усопшего – они были связаны с упряжной парой лошадей, так и для воспроизводства табунов усопшего в Иномирье.

Интересной особенностью жертвенников с парами лошадей в регионе является то, что, как правило, одна из вероятно принадлежавших лично усопшему упряжных лошадей подменялась необученной лошадью из табуна (=табунной). При этом пол подменной лошади соответствовал полу подменённой. Случаи полной замены упряжных пар на необученных табунных лошадей известны, но они редки. Впрочем, случаи принесения в жертву полных упряжных пар лошадей тоже редки.

Жертвенные лошади, как правило, не имеют патологических изменений костей скелета. Это предполагает высокое качество здоровья, что позволяет лошадям в Иномирье выполнять те же рабочие функции, что и в нашем Мире.

Поминальный жертвенник рассматриваемого комплекса представлен жертвенной выкладкой № 6, заключающей краниальные части скелетов быка и коровы. С одной стороны, это явно остатки поминального пира-тризны. На это указывает отчленённость нижних челюстей и отсутствие подъязычных костей (свидетельство того, что языки животным были вырезаны). С другой – сложно уложенные в некую композицию останки жертвенной пары КРС. Отправленные в Иномирье вслед за усопшим и уже погребённым, они по возрождению должны были образовать принадлежащее усопшему стадо.

При всём недопонимании этой жертвенной выкладки, необходимо отметить, что взаимора-

сположение останков быка и коровы соответствует взаиморасположению жеребца и кобылы из жертвенной выкладки № 5 (юг – самцы, север – самки).

Кроме того, в жертвенной выкладке № 6 достаточно ясно читаются некоторые понятия, присущие не только этой, но и другим выкладкам рассматриваемого жертвенного комплекса.

1. Диалектическое взаимодействие (единство и борьба противоположностей): противопоставление по полу внутри видов (бык – корова, жеребец – кобыла); противопоставление по планиграфическому положению внутри вида (бык – корова; усопший мужчина и, предназначенный ему в услужение, ребёнок) – диаметрально противоположная ориентация элементов в парах.

2. Перекрученность (развёрнутость части по оси на 180°) черепа быка относительно его нижней челюсти; положение черепа быка относительно черепа коровы.

Обнаруженные во рву останки животных (черепа лошади и кости посткраниального скелета КРС и, возможно, лошади) могут являться остатками упомянутой тризны, прикопанными во рву, или остатками других календарных поминальных жертвенников. Точнее судить об этом не представляется возможным.

Следует обратить внимание на некоторые специфические элементы жертвенных выкладок. В жертвенной выкладке № 1 присутствует часть лопатки дикого кабана. По моим наблюдениям, лопатка является единственной костью, которая в жертвенных выкладках может быть представлена разрубленной – в виде фрагмента. Все остальные кости – только целые. В этой же выкладке имеется астрагал дикого кабана. Астрагалы парнокопытных весьма часто встречаются в погребениях, датируемых в регионе эпохой бронзы. В погребениях астрагалы нередко представлены наборами для игры и, вероятно, для предсказаний. Помещение в

2 Достаточно распространённый сюжет во времени и пространстве, отображённый в разном материале, в том числе и в жертвенных выкладках.

состав жертвенной выкладки № 1 единичного астрагала дикого кабана рассматривается мной в качестве материального символа удачи. В данном случае, вероятно, это своеобразное пожелание успешного перехода в иной Мир.

Жертвенная выкладка № 2 включает отчленённый от черепа овцы (особь № 1) атлант – первый шейный позвонок. Традиция использования атлантов домашних копытных, отчленённых от черепа в атланти-затылочном суставе, в качестве неких самостоятельных элементов жертвенных выкладок, как и традиция использования астрагалов, достаточно широко распространена в регионе в рассматриваемый период времени. В качестве примера сошлюсь на атланты лошадей и КРС из жертвенного комплекса 1 Большого грунтового могильника Синташты (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, цветное фото 44, рис. 129, 2, рис. 130). На этих иллюстрациях опознаётся часть атлантов, которые первоначально были уложены поверх оснований носовых отделов голов животных и рядом с последними.

Реконструируется следующая последовательность создания жертвенной инсталляции и некоторые технологические аспекты этого процесса.

1. После укладки на дно погребальной камеры усопшего устраиваются жертвенные выкладки №№ 1, 2, 3. Очерёдность их сооружения не установлена.

2. После перекрытия погребальной камеры³ восточном углу камеры устраивается жертвенная выкладка № 4. Большая её часть приходится на уступ, но два дистальных отдела конечностей были положены на перекрытие над погребальной камерой.

3. Могильная яма частично засыпается грунтом. Поверх засыпки сооружается камера из двух секций. В большую секцию укладываются две лошади головами в западном направлении. Вначале на левый бок была уложена выпотрошенная, в шкуре, с хвостом туша же-

ребца; затем на правый бок была уложена также выпотрошенная, в шкуре, с хвостом туша кобылы. Обе лошади были оглушены, и, возможно, убиты сильными ударами в лобные области головы (с проломами свода черепа).

В меньшую камеру, вероятно, был уложен корм для лошадей – трава?

4. Могильная яма полностью засыпается грунтом до уровня поверхности почвы. Допустимо, что поверх засыпки устраивается настил. Почти точно в центре засыпки (настила?), практически по большей оси ямы укладываются головы КРС – быка и коровы. Нижние челюсти обеих особей отчленены, подъязычные кости отсутствуют.

Череп быка уложен вверх зубами, мордой в западном направлении. Его нижняя челюсть была поставлена рядом с южной (анатомически – с левой) стороны черепа, но передним концом в восточном направлении (впоследствии первоначальное расположение нижней челюсти быка было несколько нарушено). Череп коровы был уложен зубами книзу, мордой в восточном направлении, затылок-в-затылок к черепу быка. Нижняя челюсть коровы поставлена зубами кверху, анатомически с левой стороны от черепа коровы передним концом, как и её череп, в восточном направлении. Оба животных были оглушены сильными ударами в лобную область.

Предполагаю, что расчленённые скелеты голов КРС являются остатками поминальной тризны, уложенными сразу после засыпки погребения. Основанием для такого предположения является чётко планиграфически увязанное, в общем контексте погребения, расположение остатков этой жертвенной выкладки. Уже поверх неё было устроено какое-то надмогильное сооружение, несохранившееся ко времени раскопок.

5. Допустимо, что останки из кольцевого рва (череп лошади, скакательный сустав коровы, кости посткраниального скелета КРС и/или лошади) также могут представлять собой

3 Наиболее вероятно, что перекрытие выполнено уложенными вдоль ямы толстыми (8-10 см) жердями.

остатки тризны, но явных доказательств этому нет. Это могут быть и остатки календарных или календарного поминального жертвенника

К сожалению, состояние изученности погребальных жертвенных комплексов, как в регионе, так и в Мире в целом, оставляет желать лучшего. В силу этого, описанный комплекс просто не с чем сравнивать. Сдавая эту публикацию в печать, я хотел бы привлечь внимание к проблеме изучения подобных памятников прошлого – материального воплощения пока всё ещё не изученных духовных традиций древних насельников степей Евразии.

Надеюсь также, что изучающийся с 80-х гг. XX столетия могильник Бестамак не станет «памятником упущенных возможностей», каковым, к сожалению, стал комплекс Синташта.

Литература:

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – Т. 1. – 408 с.

Ларин А.П. Хроники Харона. – М.: Моск. рабочий, 1993. – 511 с.

Anthony, D.W., Brown D.R. The origins of horseback riding // *Antiquity*. – 1991. – Vol. 65, № 246. – P. 22–38.

Түйін

Мақалада Бестамақ қорымындағы жақсы сақталған құрбандық кешені – № 170 шұңқыр суреттеледі. Бұл қабір кейінгі қола дәуірінің сынтас-петров ескерткіштер ортасына жатады. Құрбандық шұңқыры көп деңгейлі. Төрт деңгейі сақталған. Құрбандыққа адам (бала), жабайы қабан, екі үй жылқысы, сиыр мен бұқа, екі қой шалынған. Құрбандықтың атқарылуы бойынша еске алу және жолдама деп бөлуге болады. Жолдама құрбандықтың өзі екіге: асығыс қамтамасыз ету және ұзақ мерзімді қамтамасыз ету деп бөлінеді. Өкінішке орай, археологиялық зерттеулердің тәжірибесінде жете зерттелген құрбандық орындары жоқтың қасы. Бұл кеңістігі сияқты уақыты бойынша да кең салыстыру жүргізуге мүмкіндік бермеді.

Summary

The article describes the well-preserved complex of sacrificial № 170 of Bestamak cemetery. It refers to the monuments of Sintashta-Petrovo circle of the Middle Bronze Age. Sacrificial complex is multilayered. Four levels survived. Sacrificial bestiary concluded person (child), wild boar, a couple of domestic horses, a cow, and a bull, two sheep. Functionally accompanying and memorial altars are distinguished. In accompanying altar two parts are distinguished: affixed-term security and sustained support. Unfortunately, in the practice of archaeological research detailed descriptions of the altars are missed what makes impossible to carry out extensive comparisons, both in space and time.

Сметанина Т.В.

Изобразительные и семантические особенности декора керамических сосудов эпохи развитой бронзы Торгая

(по материалам кургана Халвай 3)

Данная работа посвящена комплексному анализу и систематизации теоретических знаний о традициях орнаментации керамических сосудов эпохи развитой бронзы Торгая и основана на материалах, полученных в ходе раскопок кургана Халвай 3. Систематизация результатов исследования построена по тому же принципу, что и анализ керамики синташтинско-петровского времени могильника Бестамак (Сметанина, 2011, с. 530). Исследование заключается в выделении мотивов, зонального распределения орнамента и характеристике особенностей техники орнаментации. Кроме того, предприняты попытки раскрытия семантической составляющей древних традиций декорирования сосудов кургана Халвай 3.

Курган Халвай 3 находится в 100 км от г. Костанай, на левом берегу тобольского рукава Каратомарского водохранилища, в 7-ми км от поселка Халвай Тарановского района Костанайской области. Диаметр кургана 32 м со рвом, высота 1 м. Почти половина кургана была размыта Каратомарским водохранилищем. Спасательные раскопки (2009-2010 гг.) были организованы Торгайской археологической экспедицией под руководством А.В. Логвина, И.В. Шевниной (Логвин, Шевнина, 2011, с. 291).

Керамический материал кургана Халвай 3 рассматриваемого периода насчитывает 13 сосудов. В процессе исследования нами было

выделено 24 мотива орнамента, разделенных на три категории (Сметанина, 2011, с. 531).

Мотивы категории «а»: заштрихованные треугольники вершинами вниз, крест, заштрихованные ступенчатые пирамиды, «шишечки», окружность, дуга (рис. 1, 1 – 6).

Мотивы категории «б»: каннелюра, линия, волнистая линия, насечки, однорядовый, двухрядовый, трехрядовый, многорядовый зигзаги, ромбовидные, сегментовидные вдавления, вдавления углом штампа, наклонные линии (оттиски штампа), вертикальные оттиски штампа, горизонтальные оттиски штампа, меандровая линия, «елочка» (рис. 1, 7 – 22).

Мотивы категории «в»: «полусолнце», «якорь» (рис. 1, 23 – 24).

Следует отметить, что ни один из рассматриваемых сосудов кургана Халвай 3 не орнаментирован заштрихованными треугольниками вершинами вверх – одним из самых распространенных орнаментов для декора синташтинско-петровского времени. Заштрихованными треугольниками вершинами вниз орнаментирован только один сосуд. Отсутствуют также ромбы, «лесенки», меандровая линия с более чем одним контуром. Однако, на фрагментах керамики, обнаруженных в заполнении рва и в насыпи кургана, ромбы встречаются. Итак, рассмотрим орнаментальные мотивы, присутствующие в керамической коллекции кургана Халвай 3.

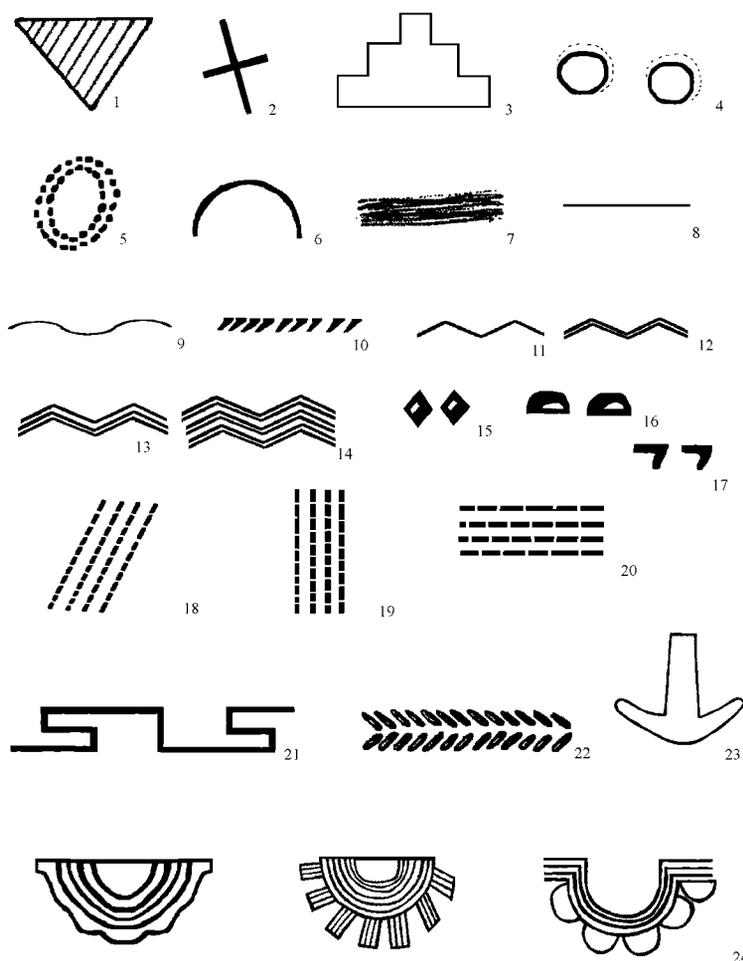

Рис. 1. Мотивы орнамента.

Мотив «крест» присутствует в орнаменте одного сосуда (в узоре 5 фигур). Представляет собой короткие линии, перекрещенные в произвольном порядке, т.е. не перпендикулярно друг другу, и располагаются не в одну линию, а на разной высоте (рис. 2, 1).

Заштрихованные **ступенчатые пирамиды** (23,1 % сосудов) вершинами вверх и вниз. Встречаются пирамиды с плавными и резкими внешними контурами. Ступенчатые пирамиды могут быть заполнены «елочкой», горизонтальными прямыми линиями, однорядовым и двухрядовым зигзагом, наклонными оттисками штампа, вдавлениями (рис. 2, 2; 13).

«**Шпешечки**» встречены на трех сосудах. Могут располагаться парно или одиночно. В двух случаях «шпешечки» находятся в композиции с двумя каннелюрами. В одном – окон-

турены окружностью, нанесенной сегментовидными вдавлениями. **Окружность** мы представляем самостоятельным мотивом (рис. 2, 12).

Каннелюра (84,6 % сосудов) – один из самых распространенных мотивов орнамента на халвайской посуде. Отличаются по ширине (широкие и узкие) и глубине. Могут быть украшены (36,7 % от общего количества каннелюр) насечками, вдавлениями углом штампа, однорядовым зигзагом, выполненным сегментовидными вдавлениями.

Линия (23,1 % сосудов) исключительно горизонтальная. Выступает как самостоятельный мотив орнамента. Изобразительные варианты градируются исходя из особенностей техники нанесения (резные, выполненные ромбовидными или сегментовидными вдавлениями) или количества линий в узоре (от одной до восьми). Линия может полностью опоясывать сосуд, или быть прерывистой. В последнем случае, она чаще всего является заполнением сложных фигур (82,2 % от общего количества линий).

Волнистая линия – мотив, характерный для халвайских сосудов (38,5 % сосудов). Выступает и как самостоятельный мотив (по технике нанесения делится на выполненный ромбовидными или сегментовидными вдавлениями, прочерчиванием), и как структурная часть сложных фигур – «полусолнц» («лучики») (4,5 % от общего количества) (рис. 2, 3; 9).

Насечки (15,4 % сосудов), главным образом, представляют собой самостоятельный мотив. Распространена композиция из наклонных колонок оттиска штампа, оконтуренных насечками (80 % от общего количества насечек). Единично представлена каннелюра, орнаментированная насечками.

Однорядовый зигзаг (15,4 % сосудов) выступает как самостоятельный мотив орнамента (60 % от общего количества), и как

заполнение сложных фигур (40 % от общего количества).

Двухрядовый зигзаг (15,4 % сосудов), за исключением единичного случая, является изобразительным средством заполнения внутреннего пространства сложных фигур и «свободного» пространства между ними (90 % от общего количества) (рис. 2, 4; 12).

Трехрядовый зигзаг представлен единично (рис. 2, 5).

Многорядовый зигзаг также представлен единично. Выступает как самостоятельный мотив (рис. 2, 6).

Вдавления (38,5 % сосудов) в орнаменте халвайской посуды выступают и как способ нанесения мотивов орнамента (волнистые линии, горизонтальные прямые линии, однорядовый зигзаг, контур и «лучики» «полусолнца»), и как элемент заполнения других мотивов орнамента (вдавления углом штампа – каннелюры), и как самостоятельный мотив орнамента.

Наклонные линии или оттиски штампа (53,8 % сосудов) делятся на нанесенные при помощи поставленного под углом вертикального штампа, или нанесенных под наклоном резных линий, или наклонных колонок горизонтального штампа. Изображались в основном колонки из наклонных оттисков вертикального штампа. Колонки могли быть параллельными друг другу (40 % от общего количества данных колонок), или разнонаправленными, словно выходящими из одной точки (60 % от общего количества данных колонок) (рис. 2, 2; 7; 11). Один из вариантов данного узора дополняется единичными разнонаправленными колонками наклонных оттисков штампа по одному с каждой стороны, параллельно парным (рис. 2, 12). Колонки наклонных оттисков вертикального штампа, параллельные друг другу, также могли быть оконтурены с двух сторон насечками. Такой орнамент наносился как на внешнюю сторону венчика сосуда, так и на внутреннюю.

Вертикальные оттиски штампа (7,7 % сосудов) представлены лишь как заполнение

внутреннего пространства прямоугольных «лучиков» одного из вариантов «полусолнца» (рис. 2, 12).

Меандровая линия (15,4% сосудов) представлена двумя вариантами изображения. Первый – непрерывная одиночная линия (рис. 2, 3). Второй – ряд отдельных однолинейных меандровых фигур (рис. 2, 2).

«**Елочка**» (38,5% сосудов) может выступать в качестве заполнения внутреннего пространства ступенчатых пирамид (40 % от общего количества). Орнамент одного из сосудов состоит исключительно из каннелюр, украшенных «елочкой» (20 % от общего количества) (рис. 2, 8).

«**Полусолнца**» – сложные мотивы орнамента, имеющие определенную структуру (23,1 % сосудов). Зафиксировано три варианта изображения. *Первый вариант*: узор из восьми фигур. Шесть из данных фигур имеют четыре полуовальных контура. Две имеют пять контуров. Эти две фигуры также дополняют своего рода «лучики» – мотивы, обрамляющие овалы-«полусолнца». Один мотив выполнен волнистой линией (нанесена сегментовидными вдавлениями, как и сами контуры), другой – однорядовым зигзагом (зубчатый штамп) (рис. 2, 3). *Второй вариант* имеет два подварианта. «Полусолнца», образованные четырьмя контурами с «лучиками» из коротких оттисков штампа, образующих прямоугольники. Изображались такие же «полусолнца» только более крупные и состоящие из шести – семи контуров. В целом, фигур четыре: две – с четырьмя контурами, и по одной – с шестью и семью (рис. 2, 12). *Третий вариант*. В узоре пять фигур. Три из них имеют пять полуовальных контура. Две – четыре таких же контура. Два внешних контура (т.е., самая сердцевина полуовала и крайний овал, примыкающий к «лучикам») выполнены мелкими ромбовидными вдавлениями, внутренние – прочерченными линиями. Лучи «полусолнца» представляют собой дуги, выполненные ромбовидными вдавлениями. У каждой из фигур по пять дуг – «лучиков». Фигуры соединены друг с другом прямыми лентами, выполнен-

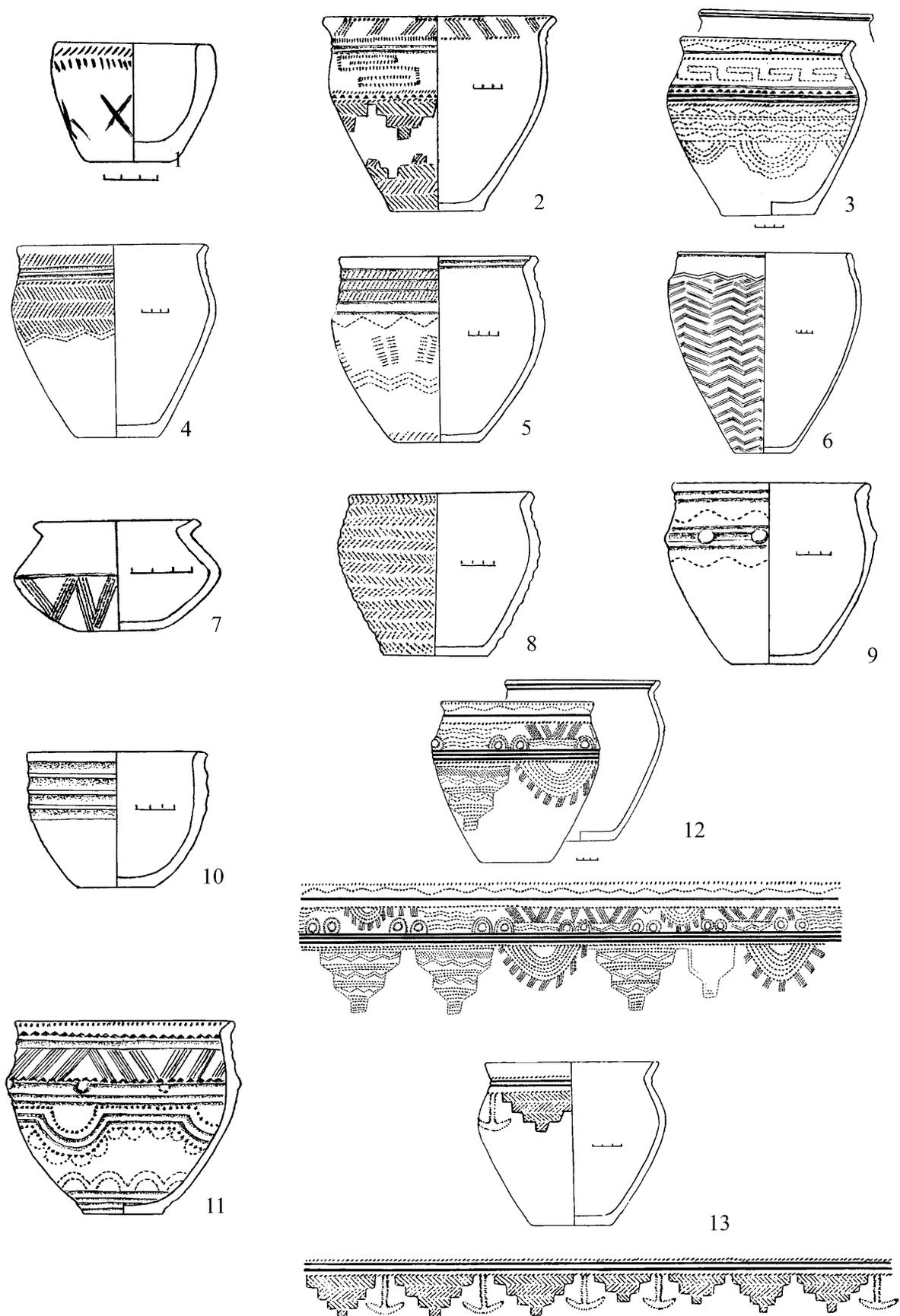

Рис. 2. Керамика кургана Халвай 3: 1 – 13 – сосуды; 12 – 13 – сосуды и развертка орнамента.

ными таким же образом, как и сами фигуры и являющимися их продолжением, т.е., каждая лента состоит из 4 – 5 линий, внешние из которых нанесены ромбовидными вдавлениями, а внутренние – прочерченными линиями. На каждом отрезке таких лент также имеются «лучики» – дуги. На одном отрезке – три дуги, на трех – две. Один отрезок пустой. Таким образом, данный узор представляет собой непрерывную орнаментальную ленту, ритмично изгибающуюся для формирования непосредственно «полусолнца» (рис. 2, 11).

«Якорь» – единично представленная фигура. Представляет собой трапецию без верхней и нижней границ. Трапеция расширяется к низу. На конце трапеции – округлая фигура, похожая на шляпку гриба, который можно увидеть на детских рисунках. Мотив получил наименование «якорь» исключительно по причине своего расположения в орнаменте перевернутым «шляпкой» вниз (если сосуд в правильном положении – венчиком вверх) (рис. 2, 13).

Таким образом, мы видим, что в орнаменте встречаются как довольно распространенные геометрические мотивы, которые мы рассматривали ранее на примере синташтинско-петровской керамики могильника Бестамак, так и уникальные в изобразительном плане мотивы – простые (волнистая линия, дуги, крест) и сложные («полусолнца», «якорь»).

Анализ зонального расположения мотивов орнамента и степени орнаментации сосудов также открывает ряд особенностей халвайского орнамента. В основном орнамент покрывает либо всю поверхность сосуда, либо его верхнюю часть (от венчика до середины тулова) (по 46,2 % сосудов). Для сравнения, в орнаменте керамики могильника Бестамак эти цифры составляют 47,7 % и 16,9 % соответственно (Сметанина, 2011, с. 537). Только один халвайский сосуд орнаментирован в одной орнаментальной зоне (тулово). Отсутствует двух-, и трехзональное членение орнамента (для сравнения, на Бестамаке – 23,8 % и 3,1 % сосудов соответственно) (Сметанина, 2011, с. 538).

Зональное распределение отдельных мотивов орнамента представлено в таблице 1. Стоит отметить, что при количественном анализе зонального распределения мотивов орнамента учитывались только самостоятельные мотивы. То есть, при определении процентного соотношения зон, орнаментированных сегментовидными вдавлениями, учету подлежали только ряды сегментовидных вдавлений как самостоятельного мотива, но не как техники нанесения, например, волнистых линий. Или, дуги как непосредственно мотив орнамента, но не как составная часть («лучики») «полусолнца».

Рассмотрим технику орнаментации. Наиболее распространенные техники – вдавления (53,2 % мотивов) и зубчатый штамп (30,3 % мотивов). Незначительное количество мотивов нанесено в резной технике (6,4 %), прочерчиванием (1,8 %). Насечки и наклепные мотивы орнамента составляют 5,5 % и 2,8 % соответственно. Таким образом, особенностью орнамента кургана Халвай 3 является преобладание вдавлений как способа орнаментации. Вдавлениями преимущественно наносился орнамент, имеющий плавные линии: волнистые линии, дуги «полусолнца». Зубчатым штампом – мотивы и части мотивов, характеризующиеся резкой геометрической формой – треугольники, прямоугольники, ступенчатые пирамиды (за исключением пирамид, граница которых нанесена резными линиями, придающими фигуре плавные очертания), – и мотивы с острыми углами в точках излома – зигзаги, «елочка». Исключение – меандровая линия, изображенная вдавлениями.

Отметим, что орнамент керамики кургана Халвай 3 не наносился в технике гладкого и веревочного штампа. А техника нанесения вдавлений менее разнообразна по сравнению с керамикой Бестамака (Сметанина, 2011, с. 538).

Значительное внимание исследователя уделено глубокому семантическому анализу композиций и мотивов орнамента.

Так как очень сложно описать смысловое значение каждого мотива в комплексной си-

стеме, то при рассмотрении семантики композиционных структур некоторые мотивы орнамента, встречающиеся на халвайской керамике, могут остаться не освещенными.

Прежде чем перейти к семантическому анализу композиций орнамента, хотелось бы отметить ряд наблюдений. Порядок чтения орнамента, если рассматривать его по направлению от венчика к днищу, или от дна к венчику, в каждом отдельном случае зависит от набора мотивов и их расположения. Например, уникален мотив «полусолнца». Не возникает сомнения в его принадлежности к солярной символике. Вместе с тем, появляется закономерный вопрос, почему изображалась половина солнца, а не полноценная фигура? Ответ может крыться в желании древних мастеров изобразить солнце в двух его наиболее сакральных состояниях – восходящее и заходящее. И вновь вопрос – как распознать, что изображено на сосуде – восход или закат? Это, на наш взгляд, зависит от всей композиции. Мы предполагаем, что если в орнаменте сосуда присутствуют мотивы, символизирующие растительность, животный мир, мотивы, связанные с плодородием и т.д., то в данном контексте «полусолнца» изображали восходящее солнце. И в данном случае, т.е. на халвайской керамике с изображением «полусолнца», орнамент следует читать от днища к венчику. Однако есть и другое предположение для объяснения половинчатого изображения солнца. Это – желание показать цикличность смены дня и ночи. Непрерывную смену состояний солнца.

В предыдущих исследованиях мы пришли к выводу о сосуде бронзового века как о носителе зашифрованной информации о трихотомической системе мира (Сметанина, 2011, с. 540). В теории данные представления в орнаменте могли реализовываться посредством идеологических и сенсорных значений (Тэрнер, 1983, с. 33; Сметанина, 2011, с. 121). Сенсорные значения (или ассоциации в действительности) – отражение в орнаменте непосредственно наблюдаемых в природе и жизни картин и явлений – имели наибольшее значение при изображении земного мира (средняя часть со-

суда). Идеологические значения (ассоциации в воображении) – мира подземного. Реализация их происходила через мифологические и религиозные представления. Изображение же небесной сферы осуществлялось в комплексе двух этих значений, так как людям свойственны представления о «видимом» (небесные светила, звезды, облака) и «не видимом» (природные явления – молния, гром, дождь, ветер и т.д.) небесах, последнему из которых придавалось сакральное, мифологическое значение. Однако, в орнаменте халвайских сосудов данная биполярность относительно срединного (земного) элемента отсутствует. При семантическом анализе орнамента не выявлено ни одной композиции, о которой можно было бы более или менее уверенно говорить как о носителе представлений о загробной жизни. Но, возможно, это обусловлено отождествлением загробной и реальной жизни.

Рассмотрим несколько композиционных схем.

Рисунок 2, 11. А. Голан рассматривает различного рода точки, скобы, а иногда зигзаги и волнистые линии (в зависимости от композиции) как изображение «следов зверя» (Голан, 1991, с. 123). Каннелюры представляются нам знаком борозды, или колеи в земле (Сметанина, 2011, с. 64). Колея может подразумевать и дорогу, тропу. Таким образом, каннелюра, орнаментированная вдавлениями, могла фактически изображать следы на земле, а семантически – одомашненное животное. Показательно, что вдавления углом штампа в данной композиции могли обозначать именно копытное животное. Парное изображение «шишечек», отождествленное с женской грудью, могло являться символом плодородия. «Полусолнца», как отмечается выше, здесь выступают изображением восходящего солнца. Показательно, нанесение «полусолнца» вдавлениями. Это может отображать значение солнца для хозяйственной жизни синташтинцев, а именно для скотоводства. Ряд насечек мог изображать растительный покров. Дуги (полуовалы) – дождевые облака (Голан, 1991, с. 84.). Волнистая линия – дождь (Голан, 1991, с. 13). Итак, рас-

смаатривая орнаментальную композицию последовательно (как мы определили – от днища к венчику), можно заключить, что мастер мог изображать дождевые облака, дождь, восходящее солнце, которые все вместе обеспечивали плодородие, и скот, который пасется на богатых растительностью лугах. Таким образом, данная орнаментальная схема демонстрирует хозяйственную жизнь древних насельников эпохи бронзы Торгая.

Рисунок 2, 2. Наклонные оттиски штампа, нанесенные как с внутренней, так и с внешней стороны венчика), таким образом, могли выступать символом воды (дождя?), наполнения (Сметанина, 2011, с. 64). Каннелюры представляются знаком борозды. Насечки представляют собой растительный покров. В нашей композиции насечки с двух сторон (сверху и снизу) оконтуривают наклонные оттиски штампа. Нижняя линия насечек смещается на каннелюру. Если предположить, что нижняя линия насечек имитирует растительный покров земли, то верхняя линия насечек, в схеме нанесенная выше знака дождя, могла обозначать растительность, посланную вместе с дождем, посланную небом. Таким образом, можно предположить, что земледелие не было развито, или было развито слабо. Семантика меандрового узора несет в себе идеи плодородия и возрождения жизни (Усманова, 2005, с. 121). Форма и заштрихованное пространство внутри контура ступенчатых пирамид представляются знаком земли. Ступенчатые пирамиды были орнаментированы (заполнены) «елочкой». «Елочка» представляется нам знаком растительности. Можно предположить, что на сосуде изображен «теплый» сезон года (весна – лето). Также ступенчатые пирамиды вызывают ассоциацию с лестницей. Разнонаправленность двух рядов ступенчатых пирамид, ориентированных вершинами вверх и вниз и разделенных пустым пространством, могла демонстрировать представления о цикличности в жизни и природе (Сметанина, 2011, с. 64). Ряд перевернутых вершинами вниз пирамид показывает процесс увядания и смерти, то есть ухода в загробный мир, а нижний ряд пирамид вершинами вверх, в свою очередь, мог

означать оживление, возрождение. Семантически данная композиция могла представлять «картину бытия» человека бронзового века, изображая цикличность жизни человека и природы, их взаимодействие друг с другом, зависимость человека от окружающей среды.

Рисунок 2, 12. Ряд сегментовидных вдавлений, как отмечалось выше, изображают следы животных. Ниже расположена каннелюра, орнаментированная волнистой линией. Если рассматривать каннелюру, как колею в земле, а волнистую линию как воду, то в композиции эти два мотива могут отображать земную воду – реку. А в системе со следами – водопой для скота. Далее расположена композиция, где все мотивы следуют друг за другом в ряд, или в два яруса. Два «полусолнца», семь пар «шишечек», сегментовидные вдавления, наклонные оттиски штампа, выходящие из одной линии, двухрядовые зигзаги, волнистые линии. Семантически данные мотивы означают последовательно: солярный символ, знак плодородия, следы животных, знак растительности (мировое дерево?), вода. «Шишечки» в композиции с окружностью могли также являться солярным символом. Таким образом, семантика сегментовидных вдавлений, которые являются техникой нанесения окружности, могла обозначать зависимость хозяйственной жизни населения (скотоводство) от годового (сезонного) кругооборота солнца. Ниже расположен орнаментальный узор, в состав которого входят «полусолнца», чередующиеся с «заполненными» ступенчатыми пирамидами. Наиболее интересно в семантическом плане заполнение ступенчатых пирамид. Орнаментированы они наклонными оттисками штампа (символ дождя), прямыми линиями, нанесенными вдавлениями («следы зверя»), зигзагами (вода). Таким образом, предположив, что ступенчатые пирамиды символизируют землю, можно заключить, что «заполнение» представляет собой те природные явления, которые на земле «имеются». Например, реки. «Следы зверя», на наш взгляд, можно рассматривать как изображение путей перемещения стад животных, т.е. пастбища. Итак, основываясь на семан-

тике данного мотива орнамента можно предположить, что похороненные люди в кургане Халвай 3 могли совершать длительные «путешествия». И вся композиция, сочетающая в себе огромное количество мотивов орнамента и вариантов их изображения, техник орнаментации, как бы говорит о многообразии природных явлений. О том, что географическая среда населения — не замкнутое пространство территории предков, а обширный плацдарм для хозяйственной деятельности.

Итак, в результате исследования орнамента керамики синташтинского времени с кургана Халвай 3, основанного на качественном и количественном анализе декора керамики в его изобразительном аспекте, выявлении семантики орнамента, мы пришли к ряду теоретических выводов.

Во-первых, орнамент халвайской керамики с изобразительной точки зрения сложно назвать строго геометрическим. Это своего рода минимальный геометризм, в котором в большей степени прослеживаются плавные переходы в точках изломов. Строго геометрические фигуры редко являются самостоятельным орнаментальным мотивом, в подавляющем большинстве случаев являясь заполнением или менее геометризованных фигур (например, ступенчатых пирамид с плавными границами, полусолнца), или «свободного» пространства между данными фигурами.

Во-вторых, особенностью декора керамики кургана Халвай 3 является преобладание техники вдавлений и зональное расположение орнамента преимущественно в верхней части сосуда, что еще в большей степени отодвигает изобразительную традицию её создателей от канонов геометрического стиля. За счет завершения орнамента фигурными мотивами («полусолнца», ступенчатые пирамиды, «якоря», волнистые линии), на стыке орнаментированного и «пустого» пространства (при условии орнаментации только верхней части сосуда) создается «кружевной» орнамент, отличающийся изящностью, самобытностью и, в некоторой степени, ритуальностью изобразительного стиля.

В-третьих, халвайский орнамент строится в основном на изображении сложных мотивов, узоров и композиций. Таким образом, несмотря на малочисленность мотивов, меньшее разнообразие техник орнаментации и зонального распределения (по сравнению с синташтинско-петровской керамикой могильника Бестамак), тем не менее, в художественном плане отличается большей пышностью, торжественностью, роскошью.

В-четвертых, орнамент синташтинской керамики кургана Халвай 3 представляет явную солярно-дождевую символику — наклонные линии, зигзаги, волнистые линии, «полусолнца», меандры, «шишечки». Основными композициями являются изображение хозяйственной жизни людей данного хронологического периода северо-казахстанских степей. В данном случае — это скотоводство. Однако не исключается и существование зачатков не обрабатываемого земледелия.

Таким образом, декор синташтинской керамики кургана Халвай 3 представляется высокохудожественным стилем, в котором в равной степени сочетаются изобразительное творчество и знаковая основа орнаментации.

Литература:

Голан А. Миф и символ. — Москва: Руслит, 1991. — 376 с.

Клейн Л.С. Археологическая типология. — Ленинград: Академия наук СССР, 1991. — 422 с.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Курган Халвай 3 (предварительное сообщение) // Мат-лы междунард. археолог. конф. «Маргулановские чтения — 2011». — Алматы, 2011. — С. 291-296.

Сметанина Т.В. Орнамент керамики как объект интерпретации // Мат-лы междунард. археолог. конф. «Маргулановские чтения — 2011». — Алматы, 2011. — С. 118-123.

Сметанина Т.В. Орнамент керамики синташтинско-петровского типа: изобразительный и семантический аспект (по материалам могильника Бестамак) // Вопросы археологии Казахстана. — Алматы, 2011. — С. 530-544.

Сметанина Т.В. Орнамент синташтинско-петровской керамики как особый знаковой комплекс // XLIII Международная Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. — Оренбург, 2011. — С. 64-66.

Тэрнер В. Символ и ритуал. — М.: Наука, 1983. — 277 с.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский: факты и параллели. — Караганда—Лисаковск, 2005.

Таблица 1

Зональное расположение мотивов орнамента

мотив орнамента	по срезу венчика	с внутренней стороны шейки	по шейке	по плечу	по наиболее раздутой части тулова (ребро, уступчик и т.д.)	по тулову	по придонной части	верхняя часть сосуда без шейки
каннелюра		13.6%	22.7%	27.3%	13.6%	9.1%	9.1%	4.5%
линия				50%	12.5%	37.5%		
насечки		33.3%	33.3%	33.3%				
заштрихованные треугольники вершинами вниз						100%		
однорядовый зигзаг						100%		
двухрядовый зигзаг				20%		80%		
трехрядовый зигзаг						100%		
многорядовый зигзаг						100%		
сегментовидные вдавления	40%			40%		20%		
ромбовидные вдавления			50%			50%		
вдавления углом штампа				20%	40%	40%		
наклонные оттиски штампа (линии)		9.1%	36.4%	27.3%		18.2%	9.1%	
вертикальные оттиски штампа				50%		50%		
горизонтальные оттиски штампа						100%		
одинарная меандровая линия				50%	50%			
«елочка»				12.5%		50%	25%	12.5%
«шишечки»				33.3%	66.7%			
окружность				100%				
крест						100%		
волнистая линия			25%	25%	25%	12.5%	12.5%	
дуга							100%	
ступенчатая пирамида					25%	50%	25%	
«полусолнца»				25%		75%		
«якорь»					100%			

Түйін

Мақала Қостанай облысында орналасқан Халвай 3 обаның синташты-петров типтің жататын қыш ыдыстарының өрнектің ерекшеліктерін қарастыруының зерттеу нәтижелерін баяндауға арналған. Өрнектің себептерін бөліністің, аймақтық бөліністің және оюлауының техникасы статистикалық зерттеуі арқылы талдайды. Композициялық схемаларды семантикалық талдауы жүргізеді. Халвай 3 оба негіздеушілерінің кеңістікте көркем және бейнелеу берік дәстүрлерінің қолдануын туралы тұжырымдарға келеді. Геометриялық стильдің қатал емес ұстайды. Өрнектің композицияларының семантикасы солтүстік-қазақстандық далаларының дамыған қоласының дәуірінің тұрғын халықтың шаруашылық өмірі туралы ақпаратқа көрсетеді.

Summary

Clause is devoted a statement of results of research of an ornament of ceramics of sintashta-petrovka type of a barrow of Halvay 3 located in Kostany area. The analysis was spent by means of allocation of motives of an ornament, statistical studying of zone distribution of an ornament and techniques ornament. The semantic analysis of the most interesting composite schemes is carried out. Summing up work, we come to a conclusion about an existing among founders of a barrow of Halvay 3 art and graphic traditions which are not adhering to strictly geometrical style. In the semantic plan, the ceramics ornament concludes the information, basically, about economic life of the population of an epoch of the developed bronze of the North Kazakhstan steppes.

Андроновские памятники Лисаковской округи

Территория Северного Казахстана насыщена археологическими памятниками, принадлежащими культурам андроновской общности (комплекс археологических культур II тыс. до н.э.). Наибольшая их концентрация отмечается в речных долинах Тобола, Ишима и Иртыша. Андроновские памятники Лисаковской округи размещаются в верховьях р. Тобол и включают 1 поселение и 7 могильников, формирующих единый пространственно-временной комплекс поздней бронзы Южного Зауралья. На наш взгляд, это наиболее перспективный памятник в истории казахской археологии для междисциплинарного и комплексного изучения евразийской бронзы.

Лисаковский археологический комплекс находится в центральной части севера Республики Казахстан вблизи города Лисаковск (Костанайская обл., Тарановский р-он). Открытие памятника принадлежит В. Варфоломееву, Э. Усмановой и А. Сулову. Исследование комплекса было начато В. Варфоломеевым с раскопок поселения в 1985 г. Изучение памятников проводится непрерывно Лисаковской археологической экспедицией на протяжении последних 25 лет, неизменно возглавляемой Э.Р. Усмановой (Сарыаркинский археологический институт, КарГУ им. Е.А. Букетова). Богатые археологические коллекции Лисаковской экспедиции послужили основой для создания Музея истории и культуры Верхнего Притоболя (г. Лисаковск).

Лисаковские могильники демонстрируют главные ритуальные стереотипы андроновской погребальной обрядности. Во-первых, погребальные поля создавались в едином ритуальном пространстве. Все 7 могильников, несмотря на то, что они расположены на разных берегах р. Тобол, просматриваются насквозь. То есть тер-

риторию одного могильника можно рассмотреть с площади другого. Во-вторых, при том, что размеры могильников значительно варьируют, структура и композиция погребальных сооружений внутри могильников соразмерны. Далее рассматриваются характерные элементы андроновской погребальной концепции по материалам соотношения федоровской и алакульской традиций в лисаковских могильниках и их возраста.

Семь могильников расположены в двенадцатикилометровой зоне долины р. Тобол на наиболее высоких топографических точках. Могильные поля самого крупного могильника Лисаковский I (159 сохранившихся погребений) окружают поселение на правом берегу Тобола. Выше по течению реки обнаружены еще два значительно меньшие по размеру могильника Лисаковский VI и VII. На противоположном левом берегу Тобола разместились четыре других могильника: Лисаковский II, III, IV и V. Среднее расстояние между могильниками составляет 2-3 км. Интересно, что брод через русло Тобола находится как раз на месте поселения между могильниками I и II. Всего на семи могильниках Лисаковской округи раскопано и исследовано более 200 погребальных сооружений и около 200 погребений.

Могильник Лисаковский I состоит из четырех самостоятельных групп погребальных сооружений, объединенных в пространстве в единую территориальную ритуальную площадь (группы А, В, С и D). Археологические материалы со 187 раскопанных сооружений и 179 погребений этого могильника составляют ядро лисаковской коллекции. Две группы этого могильника сочетают алакульскую и федоровскую погребальные традиции, выраженные в строении по-

гребальной конструкции, керамике и инвентаре. Археологические раскопки документируют факты совместного присутствия федоровских и алакульских сосудов в одной погребальной яме, алакульских украшений в федоровском погребении, алакульских и федоровских погребений внутри одной ограды, и т.д. Две другие группы в своих сооружениях и инвентаре представляют федоровский погребальный обряд (табл. 1). Это единственный могильник Лисаковской округи из семи, где алакульская и федоровская культурные и погребальные традиции сосуществуют в пространстве. Другие могильники имеют значительно меньшую площадь (5-14 могильных сооружений) и относятся к алакульской погребально-ритуальной практике. В общей сложности, 34 сооружения и 40 погребений раскопано на могильных полях II, III, IV, V и VII.

Таблица 1.

Культурная идентификация погребальных сооружений внутри могильного пространства Лисаковский I (L-I)

Погребальная группа	Археологическая культура			Число погребальных сооружений	Число сосудов	Число погребений
	Алакуль	Федорово	Смешанная			
A	76	34	17	127	196	89
B	7	0	4*	11	13	9
C	1	26	4	31	46	30
D	0	17	1	18	86	31
*диагностика отсутствует						

Типы погребальных сооружений: Курган-ограда, ограда и отдельное погребение без внешнего оформления являются основными типами погребальных сооружений Лисаковской округи. Курган-ограда представляет собой наиболее сложное архитектурное сооружение, состоящее из собственно кургана и подкурганной площадки, ограниченной рвом и оградой из камней, над которой возводилась сложносоставная насыпь кургана. Обязательным признаком насыпи является земляное «ядро», сделанное из могильного выкида. Ров входил в

общее окружение кургана-ограды и служил не только для взятия грунта, но и был местом ритуальных манипуляций, например, жертвенных приношений и захоронения детей. Ров органично вписывается в структуру погребальной конструкции, ограничивая пределы подкурганной площадки. Ров как бы «вырезает» ее на земной поверхности, используя фотографический принцип «позитив-негатив» в оформлении объекта в пространстве. Ограда – это собственно ритуальная площадка, окруженная камнями, вертикально врытыми или плашмя уложенными, лишенная насыпи и кольцевого рва. В основе контура ограды прослеживается две фигуры: круг и квадрат.

Погребение: Собственно погребения (т.е. грунтовые ямы) алакульской и федоровской практики обнаруживают некоторые общие черты в конструкции и размерах, но выполнены из разных материалов. Стены грунтовой ямы погребения оформлены/не оформлены в придонной части рамой из деревянных плах или облицованы/не облицованы каменными плитами. Существенной деталью конструкции является наличие/отсутствие перекрытия в виде деревянных плашек или войлока. Для установки перекрытия по стенкам ямы делались уступы и устанавливали камни-держатели.

Способ обращения с умершим: В погребальном обряде могильников Лисаковской округи известно два способа обращения с умершим: труположение и трупосожжение. При этом каждая культурная традиция имеет собственный приоритет: алакульцы укладывали умершего в позу адорации (т.е. тело в скорченном положении на боку и кисти рук уложены на уровне лица); федоровцы сжигали умершего соплеменника. При этом ритуальный стереотип каждой культуры составлял исключения для детей и взрослых, умерших возможно неестественной смертью или при нетипичных обстоятельствах. Альтернативным способом погребения у алакульцев была кремация. Федоровцы же, как правило, хоронили без сожжения детей.

Погребальный инвентарь: Керамика в данном исследовании является одной из наиболее важных и репрезентативной характеристик по-

гребального инвентаря. Собрание керамики из погребений могильников Лисаковской округи представлено более 370 реконструированными сосудами разнообразных форм (горшок, банка, блюдо), которые широко представляют две традиции в изготовлении сосудов: федоровской и алакульской. Главный диагностический признак алакульской керамики – это наличие уступа в месте перехода шейки сосуда в плечо, четко прослеживается в лисаковской коллекции горшков. Технология изготовления горшков в алакульской традиции радикально отличается от федоровской. Федоровские горшки лепились со стенок емкостным началом, тогда как алакульские – со дна при помощи донно-ёмкостного начала (Потемкина, 1985). Однако на лисаковских могильниках обнаруживается и смешанная группа сосудов, содержащих обе традиции в декоративных мотивах, форме и технологии изготовления горшков (Усманова, 2005; Б. Миллс, неопубликованные данные). Статистика по культурной принадлежности керамики Лисаковской округи выявляет сравнительно небольшое преобладание алакульской керамической традиции над федоровской (54% и 43% соответственно). Присутствие керамики бишкульского и амангельдинского типов крайне незначительно (менее 3%).

Интересно отметить, что соотношение количества сосудов к числу погребений значительно превышает у федоровцев по сравнению с алакульцами (табл. 1). При меньшем количестве сосудов, алакульцы в четыре раза чаще оставляли в погребениях крупные сосуды (более 10 л в объеме) и никогда не использовали плоские блюда. Возможно, отмеченная диспропорция в размерах и количестве сосудов указывает на существенные различия в количестве людей, участвующих в поминальном обряде, обычаях приема пищи и наборе поминальных блюд. Во многих случаях горшки алакульских погребений содержат кости крупного рогатого скота (КРС), овец, коз и иногда лошадей (Outram et al., 2011). Тогда как федоровские погребения обнаруживают кости животных (главным образом, ребра КРС) рядом с горшками на дне погребальных ям.

Украшения и одежда являются следующим важным компонентом погребального инвентаря андроновской общности. Случаи хорошей сохранности фрагментов одежды и обуви, и бронзовых и золотых украшений в могильниках Лисаковской округи встречаются только для алакульских захоронений. Несмотря на стандартный набор украшений андроновской общности, который включает наколенники, браслеты, височные подвески, кольца, серьги и бусы, ювелирная алакульская традиция хорошо диагностируема в сохранившихся элементах украшений (Усманова, 2005). Орнаментальные традиции федоровских украшений известны в меньшей степени и плохо диагностируемы после кремации по очевидным причинам.

Поминальный обряд: В данном очерке констатируется только один аспект погребального обряда, выявленный по изотопному анализу остатков жира на керамической посуде и определению вида животных по костям, обнаруженным в поселении и могильниках (2233 и 532 модели, соответственно). Белки в рационе лисаковской популяции потреблялись в основном в виде мяса КРС и дополнялись мясом овец и коз. В обыденной жизни мясо лошадей употребляли в пищу редко. Поминальная трапеза обеих культур практически всегда включала мясо лошади. Кости лошадей присутствуют в захоронениях (около 25% от общего количества) в большем количестве, чем на поселении. Остатки жира лошади в сосудах поселения составляет только 3-7% (Outram et al., 2011).

Материалы лисаковских памятников четко показывают, что пространственная организация могильников определена динамикой формирования погребальных комплексов и соответственно их относительным возрастом. Схематично пространственная организация двух-культурного могильника выглядит следующим образом. Могильное поле прорезается в центре цепочкой курганов, ориентированных по линии запад-восток. Курганы Лисаковской округи принадлежат исключительно к алакульской культуре и являются самыми заметными в рельефе и по размеру погребальными сооружениями (Усманова, 2005). Во всех курганах, за

редким исключением, похоронены женщины. В нескольких случаях федоровские погребения помещаются внутри оград, включающих курганы. Пространство к северу и югу от курганного центра организовано рядами (сооружения идут параллельно центральной цепочке курганов). Первый северный ряд занят жертвенными ямами, кенотафами и отдельно стоящими погребениями обеих культур – алакульцев и федоровцев. Второй северный ряд строится оградами федоровской культуры. Первый южный ряд состоит из дву-культурных погребений. Второй южный ряд состоит из малых курганов и оград алакульской традиции.

Таким образом, элитные (наиболее высокие) и пространство-образующие участки могильников заняты алакульскими погребениями. Федоровские погребения оказываются ближе к поселению и носят соподчиненный характер. Организация могильного пространства Лисаковской округи и систематизированные элементы погребальных комплексов указывают на сосуществование и тесное взаимодействие культур. Однако возникает логичный вопрос: определяется ли установленное взаимоотношение двух культур 1) фактором времени (например, замещение культур), либо 2) это есть результат существующей социально-культурной иерархии и организации андроновской общности внутри некоторого периода времени? Определение календарного возраста погребальных сооружений Лисаковской округи с помощью радиоуглеродного и дендрохронологического датирования позволяет осмыслить многочисленные факторы в пользу первого и второго предположения.

В четырех могильниках (I, II, IV, V) были обнаружены большие куски хорошо сохранившейся древесины ели и березы, которые использовались в радиоуглеродном и дендрохронологическом анализе. Относительный возраст погребальных конструкций с деревом, датированный по керамике, определяет время сооружения памятников между 1500 и 1400 гг. до н.э. (Усманова, 2005). Радиоуглеродные измерения выполнены по деревянным конструкциям погребений (перекрестно датированным груп-

пам годичных колец) в университете Аризона по методу AMS. Только одна радиоуглеродная дата измерена на обугленной кости в Киевской радиоуглеродной лаборатории традиционным методом (табл. 2). Обсуждение возраста лисаковских могильников опирается только на AMS радиоуглеродные даты (Panyushkina et al., 2008).

Комплексные даты, полученные методами радиоуглеродного и дендрохронологического датирования, определяют время формирования могильных полей в 120-ти летний период с 1780 по 1660 гг. до н.э. Большинство полученных дат относится к алакульским сооружениям, включая самую раннюю датировку кургана № 3 на могильнике I. Потому как не обнаружено ни одного случая перекрытия алакульского погребения федоровским и наоборот, наиболее вероятно сосуществование двух культур на одном пространстве. Близость и, в некоторых случаях, совпадение календарных дат из четырех могильников доказывает, что все могильные поля, занимающие разные ландшафтные фации на правом и левом берегах Тобола, контрастные по площади и ассоциированные с двумя столь различающимися культурами, формировались одновременно.

Таблица 2

Радиоуглеродные и календарные даты алакульских и федоровских памятников Лисаковской округи (Panyushkina et al., 2008)

№ могильника	Погребальная конструкция	C14 дата ±1 сигма, годы до 1950 г. (BP)	Археологическая культура	Календарная дата, годы до н.э.
L-I	Курган 3	3496 ± 40	Алакуль Федорово	1780
	*Оградка 11	3120 ± 180		1540-1100
L-IV	Курган 1	3445 ± 40	Алакуль	1670
	Курган 6	3427 ± 40	Алакуль	1660
	Оградка 9	3414 ± 40	Алакуль-Федорово	1760
	Могильная яма 4	3457 ± 40	Алакуль	1780-1740
L-V	Курган 1	3430 ± 40	Алакуль	1740

* C14 измерения выполнены по кости

Опираясь на точные датировки могильников, интерпретация фактов пространственной организации могильных полей предполагает первичную оккупацию Лисаковской округи

алакульцами и их более высокий статус в общине внутри рассматриваемого периода времени. Кроме того, статистика погребального инвентаря и поло-возрастная структура погребений указывает на больший размер популяции алакульцев, чем федоровцев. Огромная коллекция украшений, собранная и проанализированная на лисаковских памятниках (Усманова, 2005), отмечает отсутствие преемственности в ювелирных традициях двух культур и сохранение независимости их декоративных концепций. Напротив, декоративные мотивы в керамике подверглись смешиванию. Эти два простых, на первый взгляд, факта сообщают о смешении культур на уровне семьи, с одной стороны. С другой стороны, предполагают внедрение федоровских традиций в контекст алакульских и длительность сосуществования традиций как минимум несколько поколений. Украшения являются предметами личного пользования, определяются индивидуальными предпочтениями и могут передаваться от одного поколения другому в течении достаточно длительного периода. Посуда же – предмет группового обихода и ее утилитарность подразумевает быструю смену предметов (сосудов, банок и пр.) Смешение керамических традиций веское свидетельство продуктивного обмена культур, которое может происходить только в благоприятной социальной обстановке.

Памятники Лисаковской округи являются ярким примером взаимного контакта разнотипных культурных групп, развивавшихся в условиях лесостепной полосы урало-казахстанских степей в эпоху поздней бронзы. Мирный характер сосуществования двух групп и органичное медленное смешение их традиций на фоне матриархального управления (женская элита в алакульских курганах) может интерпретироваться как время ослабления политической власти и кризиса социальной иерархии на завершающем этапе андроновской эпохи. Материалы Лисаковской экспедиции представляют огромный потенциал для комплексного изучения андроновской культурной общности и оценки контекста древностей Казахстана в Евразийской Степи и Центральной Азии.

Литература:

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приоболья. – М., 1985. – 376 с.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский- 1: факты и параллели. – Караганда, 2005. – 232 с.

Outram A.K., Stear N.A., Kasparov A., Usmanova E., Varfolomeev V., Evershed R.P. Horses for the dead: funerary foodways in Bronze Age Kazakhstan // *Antiquity*. – 2011. – № 85. – С. 116–128.

Panyushkina I.P., Mills B.J., Usmanova E.R., Cheng L. Calendar age of Liskovsky timbers attributed to Andonovo community of Bronze Age in Eurasia // *Radiocarbon*. – 2008. – № 50. – С. 459–69.

Түйін

Авторлар мақалада Лисаков археологиялық экспедициясының 25 жылдық жұмысы барысында алакөл және федоровтық дәстүрлерді зерттеуде андроновтық қоныс пен жеті жерлеу қорымынан алынған мағлұматтардың нәтижелерін оқырманға назарына ұсынады. Лисаков өңірінің ескерткіштері кейінгі қола дәуірінде Орал-Қазақстанның ормандыдала белдіктері жағдайында дамыған, түрлі мәдени топтардың байланысының үлгісі. Андроновтық жерлеу концепциясының кеңістік пен уақыттық заңдылықтары мен б.з.д. 1780 және 1660 жылдар аралығындағы Тобыл өзенінің жоғарғы ағысындағы екі мәдениеттің қатар өмір сүру динамикасы қарастырылады. Екі топтың бейбіт өмір сүруі және матриархаттық басқару жағдайындағы (алакөл обаларындағы әйелдердің элитасы) дәстүрлердің өзара интеграциясы андронов дәуірінің соңғы кезеңіндегі саяси биліктің әлсіреуін және әлеуметтік иерархия дағдарысын көрсетеді.

Summary

The authors present the results of a 25-year excavation of one settlement and seven cemeteries associated with the Alakul and Fedorovo archaeological cultures at the Lisakovsky complex of Andronovo sites. Variations of Andronovo burial concept at the contact of these two cultures are described as a great example of co-existing archeological cultures developed in forest-steppe of the Ural-Kazakhstan Steppes during the Late Bronze Age. Tree-ring and C14 dating show that the cemeteries were contemporaneous between 1780 and 1660 BC over the course of a few generations of the Andronovo people inhabiting this particular complex of sites along the upper Tobol River. The co-existence and cultural integration of these two groups in the Andronovo matriarchic society (female elite of Alakul kurgans) suggest a period of weakening the political power and crisis of the social hierarchy at the final stage of the Andronovo.

Геюшева Т.Н.

Археологические памятники Гедабекского района (по материалам раскопок 2008-2010 гг.)

Гедабекский район — один из живописнейших регионов Азербайджанской республики, расположенный в зоне гор Малого Кавказа. Этот район хорошо известен своими альпийскими лугами, лесами, полноводными горными реками, минеральными водами и многочисленными родниками. Уникальный природно-климатический комплекс сыграл важную роль в заселении этого края людьми еще в эпоху каменного века. Исследования пещеры в зоне деревни Кичик Гарамурад и пещеры Шорзага недалеко от деревни Галакенд выявили наличие здесь культурных отложений эпохи мезолита (Мансуров, 1986).

Основная часть археологических памятников Гедабека относится к периоду поздней бронзы и раннего железа, т.е. охватывает период с конца II до начала I тыс. до н.э. Они представлены разнотипными могильниками, среди которых преобладают дольмены, каменные ящики и разного типа курганы, укрепленными поселениями, циклопическими сооружениями и древними святилищами. Насыщенность района памятниками этого типа, их яркий своеобразный характер привел к тому, что этот период в археологической кавказоведческой литературе известен под названием Ходжалы-Гедабекской культуры.

Археологические исследования показывают, что в эпоху поздней бронзы и раннего железа на Южном Кавказе и, особенно, в зоне Малого Кавказа численность населения резко возрастает, образуются крупные племенные объединения, формируется классовое общество. Эти процессы обостряют отношения между племенами и племенными объединениями

и приводят к частым межплеменным столкновениям. В связи с тем, что война приобретает постоянный характер, быстро увеличивается производство разнообразного военного снаряжения — многочисленных видов оружия и доспехов. Это время расцвета металлургии на всем Южном Кавказе, в том числе и на территории Азербайджана, где одним из крупнейших очагов металлургии и металлообработки становится зона распространения Ходжалы-Гедабекской археологической культуры, в том числе и Гедабекский район. Проводимые здесь многолетние археологические исследования дали не только многочисленные уникальные образцы металлических (бронзовых и железных) предметов, но и выявили здесь очаги местного производства с полуфабрикатами различных изделий, производственного брака и шлака, а также ряд орудий труда, в том числе и многочисленные инструменты, используемые в процессе производства металла и обработки изделий из него.

Многочисленность и разнообразие памятников Гедабека уже в XIX в. привлекли к себе внимание исследователей. Первым на уникальность этих памятников обратил внимание В. Белк — один из сотрудников фирмы «Братья Сименс и Ко», которая в связи со строительством медоплавительного завода проводила здесь масштабные земельные работы. Он на средства, предоставленные ему немецким ученым — кавказоведом Р. Вирховым, раскопал в Гедабеке и в окрестных селах более 300 могил типа «каменные ящики», относящихся к эпохе поздней бронзы и раннего железа (Нагель, Штротменгер, 1999).

рис. 1

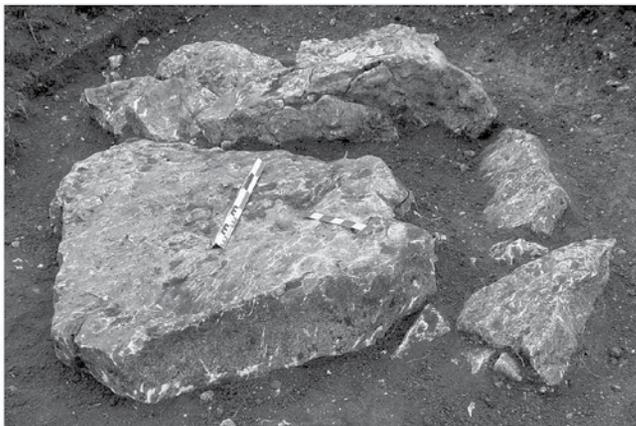

рис. 2

рис. 3

рис. 4

рис. 5

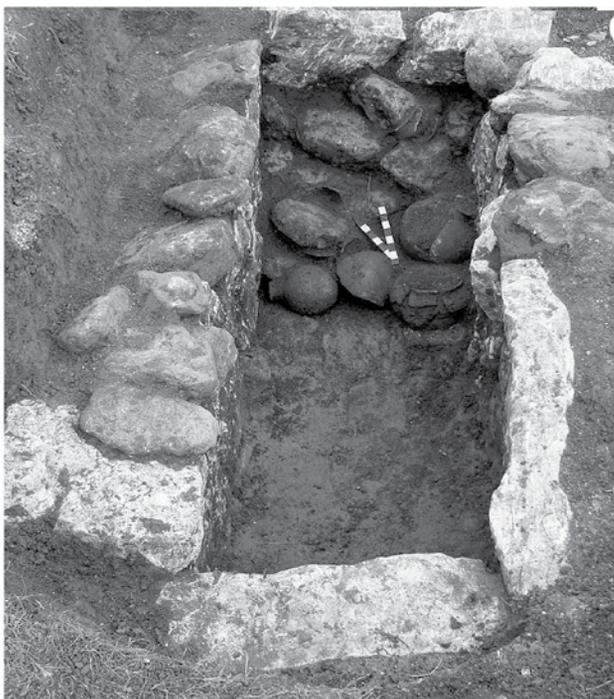

рис. 6

ПОГРЕБЕНИЯ ТИПА КАМЕННЫХ ЯЩИКОВ

Рис. 1.

рис. 1

рис. 2

рис. 3

рис. 4

рис. 5

рис. 6

рис. 7

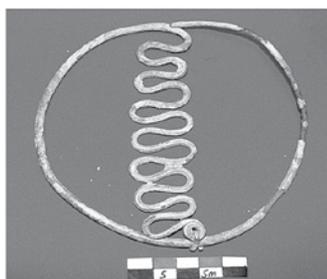

рис. 8

рис. 9

рис. 10

рис. 11

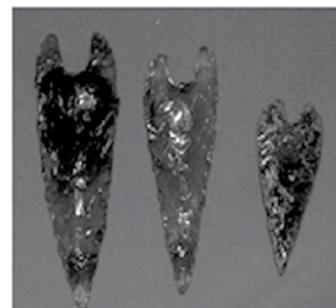

рис. 12

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ДАРИЮРДСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Рис. 2.

Все материалы, полученные В. Белком из этих могил, были отправлены им в Германию, в распоряжение Р. Вирхова. Именно на базе этих материалов Р. Вирхов написал свою книгу «Культурно-историческое значение Кавказа», а затем и создал не имевший тогда в мире аналогов, уникальный для того времени музей (Вирхов, 1895).

В 1896 г. член Московского Археологического Общества А.А. Ивановский, исследовал в Гедабеке еще 72 погребения типа каменных ящика (Ивановский, 1911, с. 143-184).

Так завершился первый этап изучения археологических памятников в Гедабеке.

Второй этап изучения памятников Гедабека начался с 30-х годов прошлого столетия. В это время И. Мещанинов, И. Джафарзаде, А. Алекперов, а позднее Дж. Халилов, Г. Абилова интересуются памятниками этого региона (Халилов, 1959; Алиев, 2003, с. 81-90).

Теперь наряду с погребальными памятниками изучаются и сохранившиеся до наших дней циклопические сооружения. На базе полевых работ этого периода публикуется ряд научных статей, обосновывается наличие в зоне Малого Кавказа своей оригинальной Ходжалы-Гедабекской археологической культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа (Расулоглу, 1993).

Третий этап изучения памятников Гедабека относится к 70-80-м годам прошлого века. Он связан с именами таких археологов как Г. Кесаманлы, Г. Асланов, М. Гусейнова, М. Мансуров и Т. Алиев. Возглавляемая в этот период Г. Кесаманлы археологическая экспедиция проводит комплексные исследования памятников, включающие изучение заселенных в древности пещер, циклопических поселений, погребений типа каменных ящиков и курганов (Кесаманлы, Гусейнова, 1984; Кесаманлы, Алиев, 1981; Кесаманлы, Алиев, Гусейнова, 1982; Кесаманлы, Гусейнова, Алиев, 1983, с. 487-488) На основе этих полевых материалов вновь было издано большое количество научных статей и ряд монографических трудов.

После третьего этапа изучения археологических памятников Гедабека наступил почти двадцатилетний перерыв, когда археологиче-

ские исследования в этой зоне практически не велись.

Четвертый последний этап изучения археологических памятников Гедабека начинается с 2005 года (Геюшева, 2005, с. 13-18). В этом и последующем 2006-ом году были организованы экспедиции разведывательного характера с целью выяснения состояния археологических памятников в зоне Гедабека и выбора объектов для будущих стационарных исследований (Геюшева, Бабаева, 2007, с. 66-68). В результате проведенных разведывательных работ решено было начать систематическое исследование многочисленных и разнообразных (погребения типа каменные ящики, циклопические сооружения, курганы, святилище и т.д.) памятников в зоне деревни Дарюрд.

В 2007 году азербайджанско-французская международная археологическая экспедиция провела обследование древних меднорудных разработок на территории Гедабекского района (Лионнет, 2009, с. 41-48).

После известного указа Президента Азербайджанской республики о развитии археологических исследований, в Азербайджане возросло финансирование археологических исследований, увеличилось число экспедиций, укрепилась их материально-техническая база. Это коснулось и работы Гедабекской экспедиции, которая продолжает исследования памятников в зоне деревни Дарюрд. В 2008 – 2010 годах экспедицией было выявлено несколько новых древних некрополей, на которых были исследованы могилы эпохи поздней бронзы и раннего железа (Геюшева, Бабаева, 2008, с. 49-52; Геюшева, 2010, с. 113-119). Следует отметить, что коллекция материалов эпохи поздней бронзы и раннего железа, хранящаяся в краеведческом музее Гедабекского района, в основном представлена материалами из археологических памятников вокруг деревни Дарюрд. Это многочисленные и разнообразные керамические сосуды, бронзовые предметы вооружения и разнообразные украшения. Деревня Дарюрд расположена в 15-20 км к юго-западу от районного центра Гедабека и находится на высоте 1600-2000 м над уровнем моря. Археологические памятники вокруг деревни Дарюрд прежде всего представлены могильниками с погребени-

ями эпохи поздней бронзы и раннего железа типа «каменные ящики», укрепленными поселениями этого же периода, известными в науке под названием «циклопические сооружения» и отдельными курганами. Погребения типа «каменные ящики» местное население называет «могилами Огузов». Они возникают на Кавказе уже в эпоху ранней бронзы и вскоре становятся основным типом погребений для предгорных и особенно горных зон Азербайджана. В эпоху поздней бронзы и раннего железа погребения типа «каменные ящики» имели широкое распространения не только в западных регионах современной Азербайджанской республики, но и в Нахичевани (Агаев, 2002; Асланов, Кашкай, Ибрагимов, 2002), в зоне Талышских гор (J.de Morgan, 1885) и даже на Апшероне (Асланов, 1963). В окрестностях Дарюрда для исследований было выбрано несколько могильников: «Диндж ял», «Зейналлы ери», «Калафалик», «Сойудун диби», «Гёямин яны», «Сары армуд», «Чал», имевших большое количество плотно расположенных друг к другу могил. На всех этих могильниках погребения располагались в нескольких метрах друг от друга. Подавляющая часть захоронений этих могильников не имеет наземных признаков, и «каменные ящики» располагаются на глубине 30-40 см от дневной поверхности, что затрудняет их выявление. Лишь в редких случаях плоские каменные плиты перекрытия могил слегка проступают над дневной поверхностью, и такие могилы достаточно легко фиксируются.

В общей сложности на отмеченных могильниках было исследовано 19 погребений в «каменных ящиках». Длина этих могил колеблется в пределах 170-240 см, ширина – 80-110 см, а глубина – 70-110 см. Ориентация могил различная, но у могильников на берегу рек все костяки уложены ногами по направлению реки (табл. 1).

На некрополе «Чал» двое из исследованных могил (№ 3 и № 4) имели земляные четырехугольной формы ямы, перекрытые плоскими камнями (табл. 1, рис. 2). Фактически это были не «каменные ящики», а грунтовые могилы с перекрытиями из плоских камней. Инвентарь этих погребений не отличался от могильного инвентаря погребений типа «каменные ящики».

Археологический материал из погребений

Дарюрда представлен многочисленными керамическими сосудами, бронзовыми украшениями, предметами вооружения, разнообразными бусами и т.д. Керамика чёрного, коричневого и серого цвета представлена разнообразными горшками, глубокими мисками, широкогорлыми и узкогорлыми кувшинами. Большая часть керамических сосудов изготовлена на гончарном круге, но встречаются и сосуды, изготовленные от руки. Это, в основном, небольшие сосуды типа фиал светло желтого цвета. Поверхность сосудов обычно орнаментирована врезными концентрическими, кругами и волнообразными линиями, вдавлениями, колосовидным орнаментом (табл. 2, рис. 1-6). В широкогорлых шаровидных сосудах, как правило, находились кости птиц или мелкого рогатого скота, что позволяет предположить использование сосудов этого типа для приготовления пищи.

Металлические предметы в основном были из бронзы. Они представлены подвесками, браслетами, кольцами, бусами и серьгами, пуговицами, трубочками для волос, цепочками и т.д. (табл. 2, рис. 8, 9). Основными видами оружия в могилах Дарюрда являются бронзовые кинжалы и копья, а также изготовленные из обсидиана наконечниками стрел (табл. 2, рис. 7, 12).

Среди бусинного материала преобладают бусы из сердолика. Наряду с ними имеются и разнообразные по форме и размеру бусы из пасты (табл.2, рис. 10, 11).

Следует отметить, что среди исследованных могил Дарюрда были и погребения, где отсутствовал скелет погребенного. В целом, это распространенное явление в эпоху поздней бронзы и раннего железа на всем Южном Кавказе. На сегодняшний день среди исследованных погребений в зоне Дарюрда выявлены четыре могилы, где костяк погребенного отсутствовал. Все четыре исследованные могилы имели верхнее перекрытие и, хотя костяк человека в них отсутствовал, здесь были керамические изделия и кости конечностей крупного рогатого скота. Особый интерес представляет погребение № 2 могильника «Чал». Здесь могильная яма имела ориентацию с юго-восточного на северо-запад. Длина могильной камеры 220 см, ширина 100 см, а глу-

бина 110 см. Плиты перекрытия, которых было две, имели размеры у одного 170 см в длину и 95 см в ширину, у другого соответственно 200 см и 85 см. Толщина этих плит достигала 25 см. Камера могилы была заполнена землей вперемешку с мелкими камнями. Все четыре стены могильной камеры были аккуратно сооружены из уплощенных камней. Западная стена камеры состояла из двух плоских тщательно подогнанных друг к другу камней, а восточная стена была сложена из вертикально уложенных и также тщательно подогнанных камней. Человеческого костяка в этой могиле не было. У юга западной стены могилы находились кости конечностей от крупного рогатого скота, фрагменты от трех различных керамических сосудов и небольшое количество угля. Схожие захоронения были выявлены на могильнике «Гёямин Яны».

Обряд захоронения в могилах бычьей ноги известен из Ханларского кургана № 150 (4) и из кургана Хасансу в Акстафинском районе (Музейбли, Данялов, 2007, с. 159-163). На бронзовом орнаментированном поясе из Ходжалинского кургана № 2, наряду с изображениями быка с рогами в виде полумесяца, змеи, птиц и т.д., имеется и изображение отдельной ноги копытного животного, скорее всего быка. Аналогичное изображение бычьей ноги мы встречаем и на орнаментированном бронзовом поясе из Тлийского могильника (Техов, с. 217, табл. 93-95). Можно предположить, что выявленные в погребениях типа «каменные ящики» некрополей «Гёямин Яны» и «Чал» кости ног парнокопытных животных также принадлежат быкам. По всей видимости, одним из элементов погребального обряда было принесение в жертву быка, туша которого либо раздавалась участникам погребальной процессии либо подалась в период поминальной трапезы, а одна из ног жертвенного животного клалась в могилу или в пристроенный к ней «жертвенник». По нашему мнению, захоронения ноги быка в могиле и изображение аналогичных отдельно взятых бычьих ног на бронзовых орнаментированных поясах связано с системой космологических взглядов и представлений о загробном мире древних племен Кавказа, в том числе и тех из них, которые жили на территории Азербайджана.

Общим элементом погребений, в которых не было костяка, является наличие в них только керамической посуды. В них полностью отсутствуют предметы украшения, орудия труда, оружия и утвари не керамического происхождения. Но наряду с этим встречаются и абсолютно пустые могильные камеры. Такие могилы неоднократно отмечались В. Белком, А. Ивановским, Э. Реслером, Я. Гуммелем и Г. Кесаманлы, которые в разные времена исследовали десятки могил на многих некрополях периода поздней бронзы и раннего железа в предгорных и горных зонах Малого Кавказа. Аналогичные могилы известны и среди таких некрополей в Нахчыване, как Шахтагты, Седерек, Гямигая и т. д. Об этих погребениях именуемых в научной литературе «кенотафами», высказывается ряд предположений. У ряда народов мира имеется обычай, при котором, в случае отсутствия по той или иной причине трупа и невозможности предания его земле, близкие родственники и члены рода погибшего делали для него «заочную» могилу. Так как по ранним религиозным представлениям многих народов при отсутствии могилы душа умершего не находит себе покоя. Так у древних греков мы встречаем выражение: «Сооруди для себя могилу – холм и соблюдай траур».

По мнению некоторых исследователей, такие могилы носили временный характер и покойники укладывались в них на определенное время с целью последующего перезахоронения. В Азербайджане обряд временного захоронения трупа с целью последующего перезахоронения существует и по сей день.¹ Наряду с этим следует отметить, что такие исследователи как В. Белк, А. Ивановски и Г. Кесаманлы выдвигали мнение, что могилы без трупа и сопровождающего инвентаря относятся к числу заранее подготовленных могил в которых, по каким-то причинам, впоследствии захоронение не было осуществлено (Нагель, Штромменгер, 1999, с. 164; Ивановский, 1911, с. 166-168; Кесаманли, 1965, с. 40). Однако это предположение никоим образом не может относиться к могилам без трупа, выявлен-

¹ Размещенные в связи с оккупацией Арменией Карабаха в разных районах Азербайджана карабахцы и сегодня временно хоронят своих умерших сородичей в местах расселения, рассчитывая в будущем осуществить их перезахоронение у себя на родине в Карабахе.

ным в некрополях Дарюрда. В данном случае мы видим четко фиксируемый погребальный обряд, когда в могилу при отсутствии трупа, тем не менее, устанавливается посуда, в которой имелась заупокойная пища, и в могиле захоронен фрагмент (нога) животного. Аналогичные могилы имеются и в Хачбулагском некрополе. Здесь также в могилах без костяка погребенного укладывалась только керамическая посуда. Г. Кесаманлы считал такие небольшие по размеру подкурганские могилы Хачбулага захоронениями в честь людей, чьи трупы по каким-то причинам невозможно было заполучить для захоронения (Кесаманлы, 1976, с. 75).

В Нахчыване на некрополе Шахтагты, относящимся к периоду поздней бронзы и раннего железа, все исследованные 34 могилы не имели человеческого костяка, при наличии всех остальных элементов характерных для захоронений этого периода. Исследователь этого некрополя Г. Агаев предполагает, что это могилы погибших вдали от родины на чужбине или, возможно, попавших в плен членов племени (Агаев, 2002, с. 50).

Еще одним примером могут служить исследованные в Ордубадском районе Нахчывана могилы в зоне Гемигая. И здесь ни в одной из исследованных могил не было скелета (Мусеиблы, 2004, с. 43).

На территории Азербайджана устройство могил, в которых отсутствуют трупы, фиксируется с периода ранней бронзы (середина III тыс. до н. э.) до античного периода. Так Р. Геюшев, исследуя некрополь с кувшинными погребениями античного времени в Ходжавендском районе Карабаха, выявил здесь ряд захоронений без человеческого костяка, но с могильным инвентарем, представленным исключительно керамическими сосудами. По мнению Р. Геюшева, это захоронения лиц погибших на чужбине, и трупы, которых доставить на родину оказалось невозможным (Геюшев, 1992, с. 26-30).

По нашему мнению, могилы без трупов, но имеющие могильный инвентарь, создавались для исполнения ритуального обряда не для тела умершего или принесенного в жертву лица, а предназначались для его души.

Плотность захоронений на могильниках Дарюрда дают возможность утверждать, что в период поздней бронзы и раннего железа это был густонаселенный край. Исследования этих могил обогащают наши знания о погребальных обрядах племен того времени, их религии и идеологии, хозяйственной жизни, быте, искусстве и т. д.

К сожалению, значительная часть территории распространения Ходжалы-Гедабекской культуры в настоящее время оккупирована Арменией, и уже многие годы здесь не ведутся археологические исследования, мы не располагаем точными сведениями о состоянии памятников этой культуры в зоне оккупации.

Литература:

Агаев Г. Шахтагты в эпоху поздней бронзы и раннего железа. – Баку – М., 2002. – 200 с.

Алиев Т.Р. Об археологических исследованиях юго-западной части Азербайджана (на азерб. яз.) // Археология и Этнография Азербайджана. – 2003. – № 1. – С. 81–90.

Асланов Г, Кашкай С., Ибрагимов Б. Древние некрополи Хараба–Гилана. – Баку, 2002. – 64 с.

Асланов Г.М. Отчет археологических раскопок 1963 года в Апшероне (на азерб. яз.) // Научный архив Института Археологии и Этнографии НАНА, работа 5782.

Вирхов Р. О культурно-историческом значении Кавказа. Перевод О. Куна // НАНА. Научный архив Института Археологии и Этнографии, инв. 3869. – 105 с.

Гуммель Я.И. Раскопки к юго-западу от Ханлара в 1941 г // ВДИ. – 1992. – № 4. – С. 5–15.

Геюшева Т.Н. Некрополь Дарюрд – Кедабек. Археология и Этнография Азербайджана 2005. – Баку: Институт Археологии и Этнографии НАНА. – 2006. – С. 13-18 (на азерб. яз.).

Геюшева Т.Н., Бабаева Т.В. Археологические исследования, проведенные в Кедабекском районе // Итог археологических и этнографических исследований, проведенных в 2006–2007 гг. в Азербайджане (на азерб. яз.). – Баку, 2007. – С. 66-68.

Геюшева Т.Н., Бабаева Т.В. Археологические исследования некрополя Дарюрд Кедабекского района // Археологические исследования в Азербайджане (на азерб. яз.). – Баку, 2008. – С. 49-52.

Геюшева Т.Н. Некрополи Дарюрда. Археологические исследования в Азербайджане 2009 г. (на азерб. яз.). – Баку, 2010. – С. 113-119.

Геюшев Р.Б. Путешествия в прошлое Гарабага. (на азерб. яз.). – Баку, 1992. – 83 с.

Ивановский А.А. По Закавказью // МАК. – М., 1911. – Вып. VI. – 196 с.

Кесаманлы Г.П., Гусейнова М.А. Отчет первого отряда Шамхорской археологической экспедиции 1984 // НАНА. Научный архив Института Археологии и Этнографии, инв /0-264/. – 15 с.

Кесаманлы Г.П., Алиев Т.Р. Отчет полевых исследований Кедабекского отряда Гянджа-Газахской археоло-

гической экспедиции за 1981 г. НАНА. Научный архив Института Археологии и Этнографии, инв /0-282/. – 44 с.

Кесаманлы Г.П., Алиев Т.Р. Гусейнова М.А. Отчет полевых исследований Кедабекского отряда Гянджа-Газахской археологической экспедиции за 1982 г. // НАНА. Научный архив Института Археологии и Этнографии, инв /0-316/. – 46 с.

Кесаманлы Г.П., Гусейнова М.А., Алиев Т.Р. Исследование курганов у сел. Сеюдли у циклопических крепостей близ Кедабека // АО-1983 г. – М., 1985. – С. 487-488.

Кесаманлы Г.П. О Хачбулагских могилах типа каменных яшиков. МКА, т. VI (на азерб. яз.). – Баку, 1965. – С. 32-43.

Кесаманлы Г.П. Хачбулагский курган с массовыми захоронениями // МКА, т. VIII. – Баку. – 1976. – С. 46-75.

Лионнет Б. Археологическая разведка и раскопки в Западном Азербайджане: изменения видов поселений и отношение и окружающей местности с неолита до эпохи бронзы // Азербайджан – страна, связывающая восток и запад. Обмен знаниями и технологиями в период «первой глобализации» VII-VIII тыс. до н.э.: матер. междунар. симпозиума (1–3 апреля 2009 г., Баку). – Баку, 2009. – С. 41–48.

Мансуров М.М. Отчет полевых исследований Кедабекского отряда палеолитической археологической экспедиции 1986 г. // НАНА. Научный архив Института Археологии и Этнографии НАНА (на азерб. яз.), /436/. – 20 с.

Музейбли Н.А. Гямигая (на азерб. яз.). – Баку: Чашыоглу, 2004. – 320 с.

Музейбли Н.А., Данялов Я. Курган Гасансу эпохи средней бронзы // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: сб. тез. докл. междунар. научн. конф. – Тбилиси, 2007. – С. 159-163.

Нагель В., Штротменгер Е. Галакент. Археологические находки периода раннего железа Южного Кавказа на территории Кировабада (Елизаветполь). Пер. Ф.Аббасовой (на азерб. яз.). – Баку: Дипломат, 1999. – 222 с.

Расулоглу Т. Циклопические сооружения на территории Азербайджана. – Баку, 1993. – 147 с.

Техов Б. Тайны древних погребений. – Владикавказ: Проект-пресс, 2002.

Халилов Дж.А. Археологические памятники Западного Азербайджана периода бронзы и начала железа (Бассейны Шамхорской и Зяямской реки). – Баку: Издание АН АзербССР, 1959. – 171 с. (на азерб. яз.).

J. de Morgan. Recherche prehistoriques dans le Talyche russe. (Lenkoran) Cehapter II (s.a.s.l.). – Paris. – 1885. – 125 p.

Түйін

Кедабек археологиялық ескерткіштерінің негізгі бөлігі кейінгі қола мен ерте темір кезеңіне жатады. Олар: ежелгі ғибадатханалар, үлкен тас кесекті құрылыстар, бекіністі қоныстар, тас жәшіктер мен обалардан, дольмендерден тұратын алуан типтегі қорым. 2008–2010 жж. Кедабек археологиялық экспедициясы кейінгі қола мен ерте темір дәуірінің «тас жәшік» түріндегі қабірлерді зерттеген жаңадан бірқатар ежелгі зираттарды анықтады. Жергілікті тұрғындар оларды «Оғыз қорымдары» деп атайды. Жалпы алғанда аталған қорымнан 19 жерлеу орны зерттелді. Бұл қабірлердің ұзындығы 170-240 см, ені – 80-110 см, ал тереңдігі – 70-110 см аралығында ауытқиды. Дарюрда жерлеу орнынан алынған археологиялық материалдарды көптеген қыш ыдыстар, қола әшекейлер, қару-жарақ заттары, әртүрлі моншақтар және т.б.

құрайды. Керамиканың күйдірілуі қара, қызыл қоңыр және күлгін түсті. Олар: әртүрлі көзелер, шұңғыл табақтар, кең және тар мойынды құмыралар. Металл заттар негізінен қоладан жасалған. Олар: жапсырма, білезік, сақина, моншақ пен сырғалар, түймелер, шашқа арналған түтікшелер, алқалар және т.б. Дарюрд жерлеу орнындағы қару-жарақтың негізгі түрі – қола қанжарлар мен найзалар, сонымен бірге жебе ұштары. Моншақтардың арасында ақық басым. Осылармен қатар настандан жасалған пішіні мен көлемі әр түрлі моншақтар бар. Дарюрдағы зерттелген қабірлердің арасында жерленген мәйіттің қаңқасы жоқ қабірлерде кездескенін айта кеткен жөн. Бұл кейінгі қола мен ерте темір дәуірінде Оңтүстік Кавказдың барлық жеріне таралған жағдай. Дарюрд қорымындағы жерлеу орындарының жиілігі кейінгі қола мен ерте темір кезеңінде өлкеде тұрғындар тығыз орналасқандығын анықтауға мүмкіндік береді. Бұл қорымдарды зерттеу сол уақыттағы тайпалардың жерлеу ғұрпы, олардың діні мен идеологиясы, шаруашылық тұрмысы, өнері және тағы басқалар жөніндегі білімімізді байытады.

Summary

The bulk of the archaeological sites of Gadabey are dated to the period of Late Bronze and Early Iron Ages. They are polytypic burial grounds consisting of dolmens, stone boxes and barrows, fortified with settlements and Cyclopean constructions and ancient sanctuaries. In 2008 – 2010 years Gadabey archaeological expedition found some new old necropolis, on which were investigated the burial type of the “stone boxes” of the late Bronze and early Iron Ages. Local people call them “Oghouz graves.” In total, in the afore-mentioned burial grounds were examined 19 graves. The length of these tombs is in the range of 170-240 cm, width – 80-110 cm, and depth – 70-110 cm. Archaeological material from the burials Daryurda is represented by numerous ceramic vessels, bronze ornaments, weapon items, a variety of beads, etc. Ceramics consists of black, brown and gray burning. It is represented by a variety of pots, deep bowls, wide-necked and narrow-necked jugs. Metal objects are mostly made of bronze. They are pendants, bracelets, rings, necklaces and earrings, buttons, hair tubes, chains, etc. The main types of weapons in the graves of Daryurda are bronze daggers and spears as well as obsidian arrowheads. Among the bead material is dominated by beads of carnelian. Along with these there are a variety of shapes and sizes of paste beads. It should be noted that among the studied tombs of Daryurda were burials where was no skeleton buried. In general, it is a common phenomenon in the late Bronze and early Iron Age in the South Caucasus. The density of graves in cemeteries of Daryurda allows us to assert that in the Late Bronze and Early Iron Age it was a densely populated region. Studies of these graves enrich our knowledge on the funerary rites of tribes at the time, their religion and ideology, economic life, mode of life, art, etc.

Рудковский И.В.

Накосник из Еловского II могильника и некоторые спорные вопросы бронзового века зауральских степей

Публикации материалов уникального Еловского II могильника (ЕК II) из Томского Приобья ещё долго будут источником самых разнонаправленных исследований и полемик. Не будет исключением и второй том исследований В.И. Матющенко по Еловскому археологическому комплексу (Матющенко, 2004), в котором представлены все доирменские материалы ЕК-II. Проблематика, в рамках которой выстраивалась предлагаемая статья, отчасти не нова, отчасти реактивна на качество публикации некоторых находок и, отчасти, спонтанна, поскольку спровоцирована решением предыдущей проблемы. Последовательно изложить суть этих проблем в виде преамбулы к статье не представляется возможным и причина этому станет понятной в дальнейшем. Проблемы эти будут решаться (или полемизироваться) в определённом порядке. Первая из них, послужившая «детонатором» появления проблем иного рода, связана с публикацией в последней книге В.И. Матющенко некоторых находок из могилы №288 ЕК-II (Матющенко, рис.352, 353).

Среди инвентаря могилы № 288 значится накосник в виде кожаной ленты с нашитыми на неё четырнадцатью восьмёркообразными бляшками. Он представлен отдельно (Матющенко, 2004, рис. 353, 1) и обозначен на плане могилы (Матющенко, 2004, рис. 352, 1). Однако конфигурации накосника на рисунках совпадают только частично. На плане могилы, помимо упомянутой кожаной ленты

с нашивками, просматриваются и другие детали накосника, но их либо нет на отдельных прорисовках, либо они никак с накосником не увязаны. Разрешить эту проблему помогла удача двадцатилетней давности. В 1990 г. автору настоящей статьи выпал случай работать с коллекциями ЕК II. К тому времени я участвовал в реконструкции андроновских накосных украшений по просьбе Г.Б. Здановича и Э.Р. Усмановой, и поэтому еловский накосник вызвал естественный интерес. Результатом этого интереса стала прорисовка интереснейшего артефакта из ЕК II с подробным масштабированием большей части деталей. В дальнейшем этот рисунок был не востребован и сохранился, в общем-то, случайно. Когда же в 2004 году был издан том с материалами ЕК II, несоответствие давно прорисованной вещи и её последней «редакции» продиктовало необходимость вернуть в научный оборот облик накосника из могилы № 288 (рис. 1), более соответствующий реальному прототипу.

В целом длина накосника из могилы № 288 – 35см. Основой накосного украшения послужила кожаная лента шириной три (или несколько больше, с учётом усадки материала) и длиной около тридцати трёх сантиметров (рис. 1, 1). К вершине ленты была прикреплена круглая выпуклая бляха из бронзы диаметром около трёх сантиметров. Здесь возможна небольшая ошибка, так как масштаб этой детали не ясен ни на давней прорисовке, ни на таблице в книге (Матю-

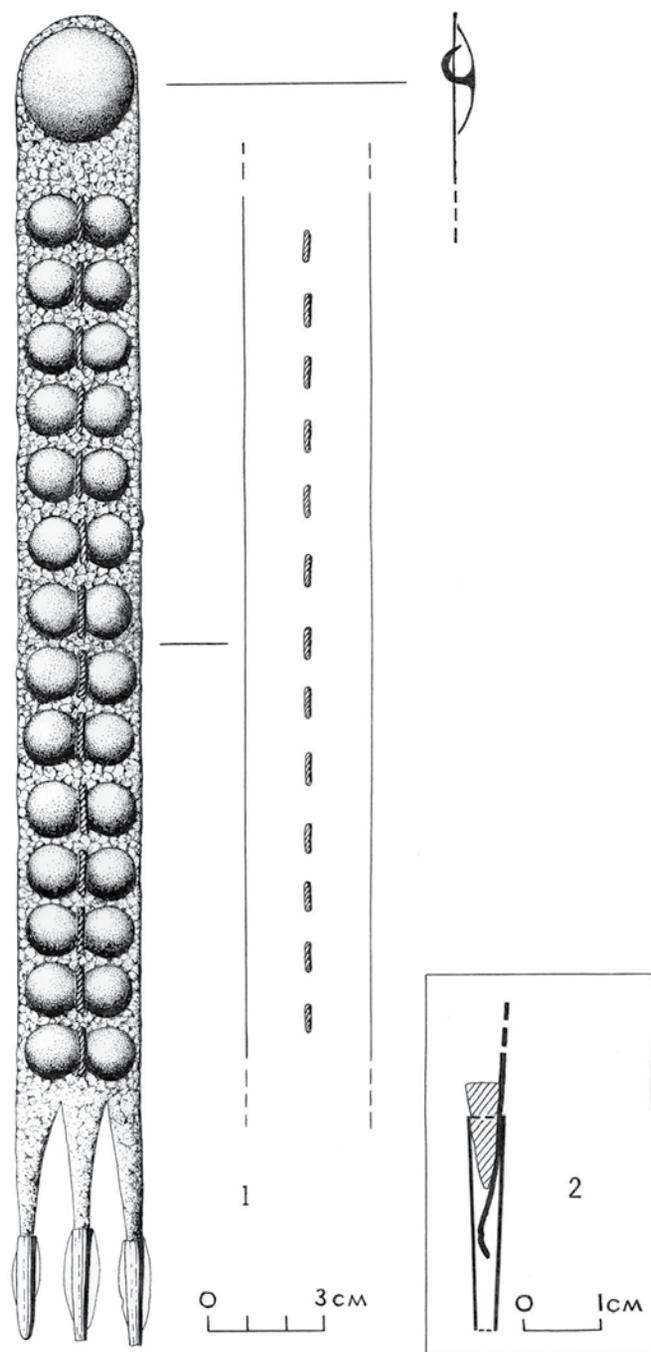

Рис. 1. Реконструкция наконечного украшения из могилы № 288 ЕК II (1) и схема крепления подвесок-наконечников в (2).

шенко, 2004, рис. 353, 4). Крепление производилось прокалыванием ленты шпеньком бляхи с последующим его загибом. Ниже, в вертикальный ряд, пришито четырнадцать восьмёркообразных бронзовых блях. Длина этого ряда около двадцати трёх сантиметров. Ширина блях чуть меньше трёх, а диаметры

полусфер около полутора сантиметров. Нижняя часть кожаной основы разрезана на несколько коротких ленточек, к которым прикреплялись бронзовые наконечники стрел (мною зарисованы три, но на плане могилы просматриваются четыре). Способ крепления наконечников заключался в следующем: во втулку вдевалась кожаная ленточка, а затем туда же вгонялся костяной (или роговой) клинышек (рис. 1, 2). Шумящие подвески такого рода можно считать оригинальным изыском, учитывая, что в кругу андроновских и андроновидных культур для этого в основном использовались специальные «ножевидные» пластины, которые найдены в большом количестве и на ЕК II (Матющенко, 2004, рис. 417, 4-11). К сожалению, эти наконечники-подвески в рассматриваемой публикации отсутствуют и среди находок из могилы № 288, и среди прочих материалов могильника (вероятно утеряны). Два обломка наконечников подобного типа присутствуют только (судя по иллюстрациям) среди находок из могил № 303 (Матющенко, 2004, рис. 269, 6) и № 284 (Матющенко, 2004, рис. 348, 8).

Сложно сказать, сколько подобных изделий было изначально на ЕК II. Определённо можно утверждать, что детали похожих наконечников зафиксированы в могилах № 251 (Матющенко, 2004, рис. 331 и 332) и № 338 (Матющенко, 2004, рис. 387). С большой долей вероятности можно предполагать наличие таких же изделий в могилах № 48, 258, 308 и 322 (примечательно, что они везде сопутствуют исключительно девочкам до 8 лет, судя по описаниям могил). Особого рода наконечник в виде сдвоенных низок пастовых бус, скреплённых бронзовыми скрепками, найден в могиле № 230 (Матющенко, 2004, рис. 418, 16). В задачу статьи не входят типологические, функциональные и статусные определения наконечных украшений из ЕК II и из других памятников эпохи бронзы. Эти исследования достаточно компетентно проведены нашими коллегами (Евдокимов, Усманова, 1990; Усманова, Логвин, 1998).

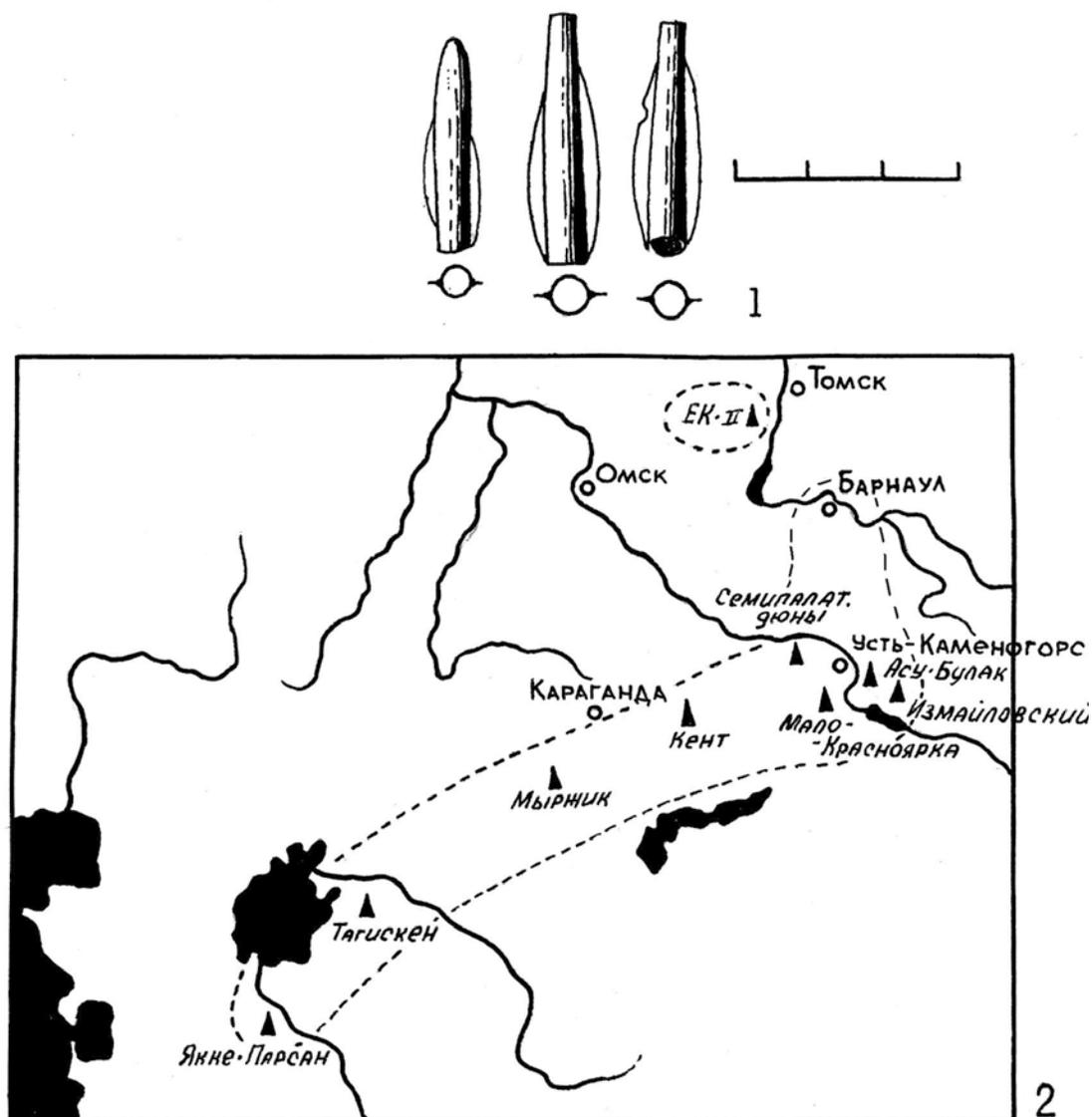

Рис. 2. Наконечники стрел из могилы № 288 ЕК II (1) и территория распространения этого типа наконечников (2).

Реконструкция наконечника из могилы № 288 ЕК II достаточно неожиданно способствовала появлению другой проблемы. Она оказалась напрямую связана с наконечниками стрел, использованных в этом наконечнике как оригинальные шумящие подвески. Они представляют собой довольно редкий и интересный тип. Это небольшие (до 3 см в длину) втульчатые двухлопастные наконечники очень тонкого литья (рис. 2, 1). Втулка не выступающая, лопасти тонкие, едва намеченные. Характерны также следующие признаки: притуплённое, даже скорее скруглённое,

остриё, или сквозная втулка, что не предполагает острия вообще. Такие наконечники, если судить по публикациям, нигде более по Томскому и Верхнему Приобью до недавнего времени не встречались. До сих пор их находили на памятниках значительно более отдалённых территорий (рис. 2, 2).

Наиболее часто наконечники обозначенного типа встречались в Верхнем Прииртышье. Это поселение Мало-Красноярка, рудник Асу-Булак, находки в Калбинских горах (Арсланова, 1983, с. 123), дюны под Семипалатинском, могильник Измайловский

(Ермолаева, 1987а, с. 159; Ермолаева, 1987б с. 74). Второй район, заслуживающий внимания, это Центральный Казахстан. По крайней мере, один наконечник аналогичного типа найден на поселении Мыржик (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 118, 7). Особый статус занимает поселение Кент, на котором найдено (при деятельном участии автора этой статьи) не менее десятка наконечников. Некоторые из них были с литейным браком в виде недолива, что может указывать на их местное происхождение. Из Кента опубликованы только лучшие образцы (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, рис. 28, 8-10). Третий район значительно восточнее – в Приаралье. Здесь интересующие нас наконечники найдены на поселении Якке-Парсан (Итина, 1977, с. 158, рис. 78, 16, 17) и в могильнике Тагискен (северный) (Археология СССР, 1992, табл. 2, 7). В последние годы аналогичные наконечники зафиксированы и в степном Алтае (Иванов, 2005, рис. 1, 6). Пунктирный абрис местонахождений наконечников этого типа выглядит довольно интересно (рис. 2, 2): протяжённость этой зоны по линии Ю33 – СВВ около 2500 км, а ширина около 300 км. ЕК II, где найдены подобные наконечники, в этот ареал пока не вписывается. Но очерченная зона маркирует интереснейшую закономерность: здесь сосредоточены памятники поздней бронзы, содержащие так называемые бегазы-дандыбаевские древности, главным образом керамику («чистых» комплексов с подобной керамикой не зафиксировано).

Вообще зауральские памятники поздней бронзы, содержащие валиковую керамику, в силу разных причин называли и называют по-разному (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 59): алексеевские, замараевские, замараево-бегазинские, ильинские, саргаринские, дандыбаевские, бегазинские, бегазы-дандыбаевские, алексеевско-саргаринские, трушниковские. В последнее время чаще отдаётся предпочтение названию «алексеевско-саргаринские». Я вполне согласен с последним определением, полагая, что в основе алексеевско-сагаринских комплексов господствует

керамика валикового круга. Что же касается собственно бегазы-дандыбаевской примеси, то, во-первых, таковой называют любую керамику, которая лепная и не относится к валиковой (в связи с этим, какая-то приемлемая типология этой весьма пёстрой серии до сих пор не проведена). Во-вторых, а это уже интересно, почти вся эта странная керамика сосредоточена в очерченной зоне распространения заинтересовавших нас наконечников. Надо отметить отсутствие на сегодняшний день надёжной корреляции между так называемой бегазы-дандыбаевской керамикой и «родными» ей иными изделиями и, в том числе, из металла. Нельзя пока говорить наверняка, но очерченная нами зона Арал – Алтай, возможно, такую корреляцию предлагает, хотя бы по отношению к определённому типу наконечников стрел. В какой-то мере это подтверждает тот факт, что в ЕК II есть керамика, которую можно рассматривать как бегазы-дандыбаевский импорт (особенно круглодонные приземистые горшки с прямой и часто неорнаментированной шейкой). Ничего похожего на алексеевско-саргаринскую керамику в могильнике не обнаружено. Вместе с тем, керамический импорт в ЕК II и наконечники с накосника из могилы № 288 составляют замечательную однокультурную пару, наблюдаемую от Аральского моря (северный Тагискен) до степного Алтая. Теперь мы знаем, что в это пространство вошли и алексеевско-саргаринские памятники Алтая, так как бегазы-дандыбаевский импорт в ЕК II поступал, скорее всего, с верховьев Оби.

Существует проблема датировки обозначенного типа наконечников. Помимо того, что они, безусловно, относятся к позднебронзовому времени, нет уверенных абсолютных дат, в рамках которых эти наконечники можно было бы поместить. Самая верхняя дата этих наконечников (VIII в. до н.э.) определена по комплексам могильника Измайловский (Ермолаева, 1987а, 1987б), поселения Якке-Парсан (Ермолаева, 1987б), некрополя Северный Тагискен (Археология СССР, 1992) и некоторым другим. Однако

«слабость» верхних дат для археологических вещей в их принципиальной открытости (в конце концов, многие древности доживают и до наших дней и, будем надеяться, проживут ещё дольше). По нижним датам расхождение достигает 400 лет: от XII (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 60) до IX в до. н. э (Ермолаева, 1987б, с. 161). В этом контексте ценную информацию дают стратиграфические наблюдения на поселении Кент в Центральном Казахстане. Здесь очень чётко отбиваются три хронологических горизонта (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 55-60). Ранний, содержащий позднечеркаскульские керамику и металл (XIII в. до н.э.), кентский, с алексеевско-саргаринскими древностями (XII-X вв. до н.э.) и третий, донгальский, представляющий материалы финальной бронзы (IX в. до н.э.). Бегазы-дандыбаевская керамика и наконечники интересующего нас типа содержатся исключительно во втором, кентском, горизонте. Такие же наконечники (могилы № 284, 288 и 303) и такая же керамика в ЕК II отмечены только в еловской части.

Сопоставляя хронологические диапазоны еловской части ЕК II и кентского горизонта поселения Кент (XII-X вв. до н.э. в обоих случаях), отмечаем их полное совпадение. Помимо этого, отмечу ещё два примечательных факта.

В первый год раскопок на поселении Кент (1985 г.) в жилище № 2 были найдены фрагменты сосуда (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, рис. 25, б), который явился почти полным аналогом еловским сосудам из ЕК II (Матющенко, 2004, рис. 385, б и 392, 2).

Раскопки в 2004 г. на том же поселении дали бесспорные свидетельства железоделательного производства в эпоху бронзы (Ломан, Варфоломеев, 2005, с. 147-149). Это позволяет говорить о сдвиге нижней границы начала раннего железного века в азиатских степях, по крайней мере, до IX до н.э. Такое открытие делает не таким уж случайным нахождение в еловской могиле № 339 ЕК II фрагмента железного предмета (Матющенко, 2004, рис. 388, 9).

Прежде чем подвести черту под наблюдениями, «спровоцированными» реконструкцией достаточно рядовой, хотя и бесспорно интересной вещи, необходимо сказать несколько слов о культурной атрибуции еловского комплекса ЕК II. Речь идёт, главным образом, о той части некрополя, которую В.И. Матющенко интерпретировал как андроновскую. Сам автор раскопок ЕК-II признавал условность деления некрополя на культурные и субкультурные группы в предложенном виде (Матющенко, 2004, с. 13) и допускал внутри памятника иные градации. Эти сомнения особенно обоснованы по так называемой андроновской части (Матющенко, 2004, с. 354-355). В принципе, вопрос следует ставить о том, есть ли вообще на ЕК-II андроновский компонент. Компонент, безусловно, есть, но не в виде цельных комплексов, а в виде отдельных артефактов. Из керамики это, бесспорно, сосуды из могилы № 6 «кургана» 52 (Матющенко 2004, рис. 35), № 13 «кургана» 52 (Матющенко, 2004, рис. 42, 2), могилы 2 (Матющенко, 2004, рис. 45, 2), могилы 184 (Матющенко, 2004, рис. 184) и могилы 307 (Матющенко, 2004, рис. 252, 2). Из прочего инвентаря, безусловно, андроновского облика все серьги с раструбом, кинжал «срубного» типа из могилы 8 «кургана» 52 (Матющенко, 2004, рис. 37), браслет из могилы 47 (Матющенко, 2004, рис. 93, 1) и два наконечника стрел из могил 90 и 196 (Матющенко, 2004, рис. 416, 27 и 28). Но основная доля «андоновской» части могильника это или вполне сформировавшаяся «еловка», или, в разной степени похожести, имитация андроновского стиля. В целом же, эту часть ЕК II можно интерпретировать, как комплекс начала формирования еловской культуры и, следовательно, она может быть отнесена к периоду завершения трансформации культур андроновской общности. Это допущение делает более корректным хроно-культурное сопоставление еловской части ЕК II и кентского горизонта поселения Кент.

Итак, каковы основные итоги? Во-первых, осуществлена реконструкция накосного

украшения из могилы № 288 ЕК II, что позволило ввести в научный оборот некоторые утерянные артефакты памятника. Во-вторых, предложена карта взаимовстречаемости особого типа бронзовых наконечников стрел и бегазы-дандыбаевской керамики, а это даёт основание считать эту пару артефактов однокультурными (вне валикового комплекса). И, в-третьих, предложена новая атрибуция «андроновского» комплекса ЕК II как постандроновского культурного мезоморфа.

Литература:

Арсланова Ф.Х. Археологические находки в Казахстане // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск, 1983. — С. 119-125.

Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. — М.: Наука, 1992. — 494 с.

Евдокимов В.В., Усманова Э.Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурно-исторической общности из Центрального Казахстана) // Археология Волго-уральских степей. — Челябинск, 1990. — С. 66-76.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: учебное пособие. — Караганда, 2002. — 138 с.

Ермолаева А.С. Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск, 1987. — С. 154-163.

Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. — Алма-Ата, 1987. — С. 64-94.

Иванов Г.Е. Вооружение населения степного и лесостепного Алтая в эпоху поздней бронзы // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. — Новосибирск, 2005. — Т. 2. — С. 44-58.

Итина М.А. История степных племён Южного Приаралья, II — начало I тысячелетия до н.э. — М., 1977.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). — Алма-Ата: Наука, 1992. — 247 с.

Ломан В.Г., Варфоломеев В.В. Археологические раскопки поселения Кент // Отчёт об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие-2004». — Алматы, 2005. — С. 147-149.

Матюшенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. — Омск, 2004. — 468 с.

Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наконечники украшений Казахстана эпохи бронзы. — Лисаковск, 1998. — 64 с.

Түйін

Осы мақаланы жазуға 2004 ж. Еловский II қорымы (ары қарай ЕК II) материалдарының жариялымы себеп болды (авторы В.И. Матюшенко). Оның ішінде, № 288 қабірден табылған бұрымға тағатын күрделі әшекейдің сынығы жарияланған болатын. Осы мақаланың авторы осы бұйымның толық реконструкциясын ұсынады. Мақалада ЕК II-де бұрымға тағатын әшекейдің бөлішегі ретінде қолданылған жебе ұшының таралу аясы анықталады. ЕК II мен Кент қонысы кешендерін салыстыру жүргізіледі. Бұл бегазы-дәндібайлық қыш бұйымдар мен бөлінген жебе ұшы түрлерінің мәдени өзара байланыстылығын жорамалдауға мүмкіндік береді. Мұнан басқа, Еловский кешеніндегі андрондыққа жататын бөліктер сұрағы бойынша автордың пікірі баяндалады. Осыған қарағанда бұл бөлік мезоморфом — еловский кешенінің қалыптасуының аралықтағы кезеңі болған.

Summary

The occasion for writing of this article was the publication of materials from the burial ground of Elovka II (EK II) in 2004 (the author V. I. Matyushenko). For example, the fragments of the complex adornments of plait from the grave № 288 were published there. The author of this article proposes the integrate reconstruction of this product. The areal of the spreading of the arrow-heads, which were used as the details of the adornments of plait in EK II, is determined in the article. It was carry out the comparison of the complexes of EK II and of the settlement Kent. It allowed to suppose the cultural correlation between ceramics of Begazy-Dandyby and the picked type of the arrow-heads. In addition to this, it was set out the author's opinion about the question of the Andron belonging of the part of Elovka II complex. To all appearance, this part is the mesomorph — intermediate stage of formation of Elovka complex.

Каменский С.Ю., Жирных Е.А.

Раскопки могильника Аралча II в Домбаровском районе Оренбургской области (предварительное сообщение)

В июне-сентябре 2010 г. Уральским государственным университетом им. А.М. Горького (г. Екатеринбург) были проведены охранные раскопки курганного могильника Аралча II в Домбаровском районе Оренбургской области. Охранный характер работ был обусловлен тем, что памятник попадал в зону разработки карьера Весеннего участка Весенне-Аралчинского месторождения.

Могильник Аралча II был выявлен к.и.н., доцентом кафедры истории Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ГОУ ВПО ОГУ С.Ю. Гуцаловым в октябре 2008 г.

Памятник расположен на вершине водораздельной возвышенности левого берега р. Аралча, на месте предстоящей разработки медного рудника. Находится в 7,4 км к Ю-ЮЗ от пос. Прибрежный и в 4,5 км к З-СЗ от зимовки Жумай. Согласно отчета С.Ю. Гуцалова, могильник состоял из 13 курганных насыпей.

Изучение местности показало, что два объекта были выделены С.Ю. Гуцаловым ошибочно, в то же время детальное обследование территории памятника позволило выявить 3 новых объекта.

Практически все курганы и ограды могильника располагались на ровной площадке водораздельной возвышенности. Исключение составляли курганы №№ 6 и 14, находящиеся на борту возвышенности, однако уклон местности в этих местах также незначителен. Расположение курганов и оград свидетельствует об их при-

уроченности к наиболее возвышенным местам данной территории. Минимальное удаление объектов могильника от р. Аралча составляло более 250 м на ЮВ, от ее притока р. Кошенса — более 300 м на ЮЗ (рис. 1).

Северная часть могильника соприкасалась с отвалом шахты по первичной разработке медно-рудного месторождения, и была частично перекрыта последним.

В ходе раскопок 2010 г. памятник был исследован полностью. Общая площадь исследования составила 1478 м². Раскопки показали, что он состоял из 12 курганов и 2 оград, включавших в совокупности 73 погребения.

Культурный слой курганных насыпей и естественное заполнение курганов-оград разбирались при помощи штыковых лопат условными горизонтами по 7-10 см. Снятие периферийной части курганной насыпи на курганах №№ 1 и 12 производилось при помощи землеройной техники тонкими — не более 3-5 см — слоями. Также механизмы использовались для передвижения отвалов раскопа.

Полевые работы были серьезно осложнены аномальной засухой, стоявшей в районе работ. Она привела к тому, что почвенный слой был практически полностью лишен влаги и с большим трудом поддавался снятию с помощью лопаты даже по 1-2 см. Также в чрезвычайно пересушенном грунте практически не удавалось выполнить зачистку культурного слоя для фиксации очертаний могильных

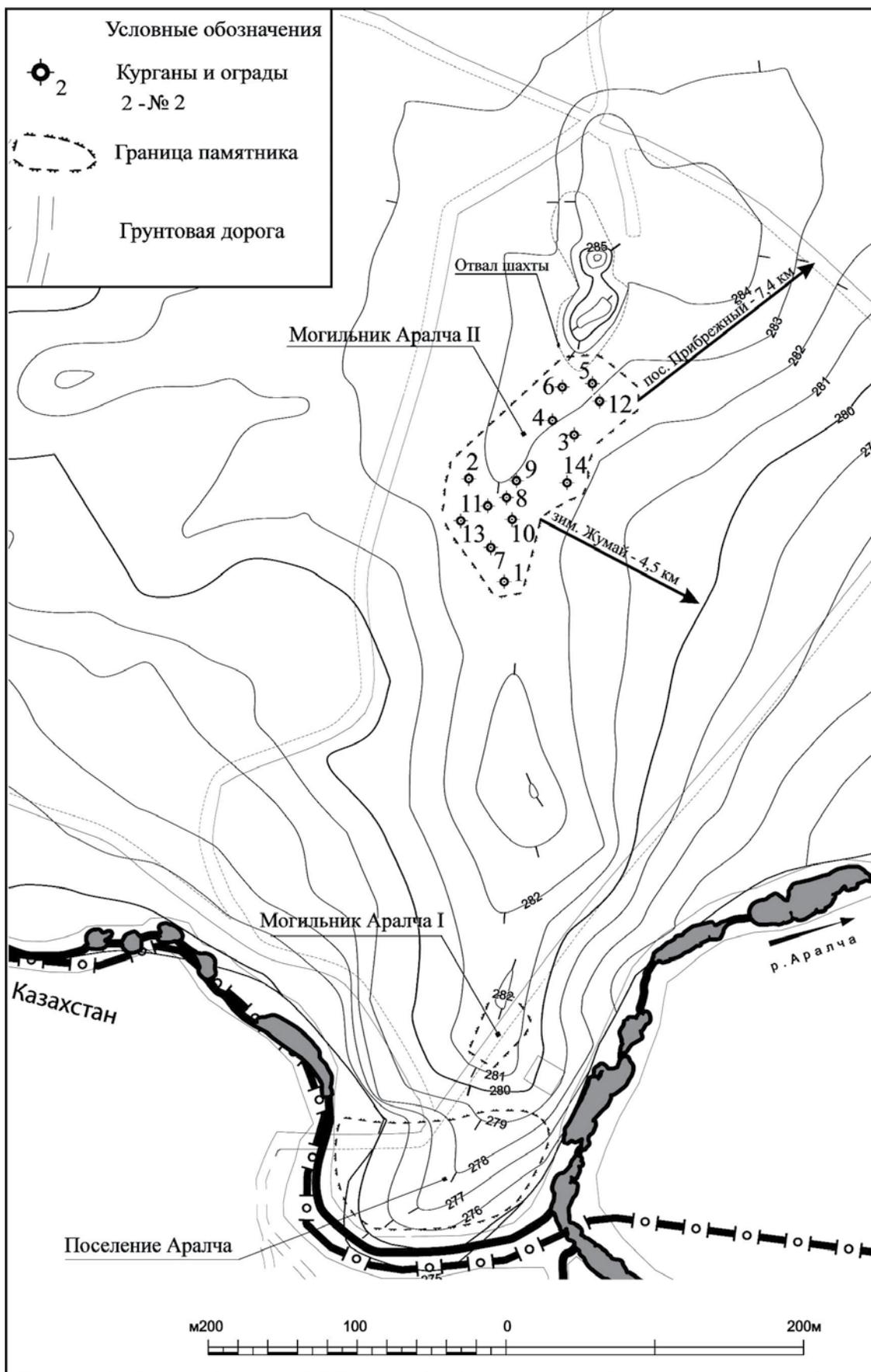

Рис. 1 Ситуационный план Могильника Аралча II

пятен, рвов и других объектов. Это обусловило применение методики предварительного смачивания и размягчения культурного слоя. Как показала практика работ, для нормального снятия насыпи на 20-30 см и последующего проведения зачистки культурного слоя, раскоп требовал предварительной заливки водой на ночь из расчета около 0,03-0,04 куб.м на 1 кв.м. поверхности. Эта методика позволила значительно увеличить производительность труда при съемке грунта насыпи курганов и повысить качество работы за счет лучшей фиксации очертаний объектов и более мягкой работы с культурным слоем (без применения кайл, необходимых при пересушенной почве). Помощь в снабжении технической водой для нужд археологических раскопок была оказана жителями пос. Прибрежный.

Планировка могильника не имеет видимых закономерностей. Условно можно выделить СВ (№№ 3-6, 12, 14) и ЮЗ (№№ 1-2, 7-11, 13) группы курганов (оград). Расстояние между ними не превышает 25 м. Внутри групп расстояние между объектами варьируется от 2 до 18 м.

В процессе работ прослежены особенности надмогильных сооружений.

В 11 курганах имелись каменные ограды округлой и овальной формы, сохранившиеся полностью или частично. В кургане 1 каменная ограда была представлена двумя кольцами.

Каменные ограды выполнены из поставленных на ребро плоских гранитных плит (курганы №№ 1, 2, 6, 10, 11), крупных каменных глыб гранита и белого кварца (курганы №№ 1, 3, 4), ломаного камня мелкого (до 0,1 м в сечении) и среднего (до 0,3 м в сечении) размера (курганы №№ 3, 5, 7, 8, 14, ограды 12-13), а также их сочетаний.

Камни оград практически полностью заросли и возвышались над современной поверхностью в основном не более чем на 0,1 м.

В четырех курганах были зафиксированы рвы, окружавшие погребальную площадку полностью (курганы №№ 1, 10) или частично (кур-

ганы №№ 2, 3). В кургане № 1 зафиксировано два кольца рвов.

Стратиграфические наблюдения позволили уточнить значимые детали обустройства могильника.

Слой насыпи, заполнения могильных ям, а также отдельно фиксированный слой выкида из могильных ям (ядра насыпи) залежали в курганах №№ 1-11 преимущественно на материковом суглинке. Это свидетельствует о том, что могильные ямы выкапывались на материковой площадке, очищенной от гумусированного слоя. На это же указывает и тот факт, что каменные конструкции оград курганов в большинстве случаев вкопаны/уложены в/на материковом суглинке или слое насыпи.

Погребенная почва (слой 3) внутри каменной ограды лучше всего сохранилась в курганах №№ 9 и 14, где она перекрыта выкидом из могильных ям (курган № 14), либо слоем насыпи (курган № 9). В курганах №№ 2, 3, 4, 6, 7 и 8 – она представлена только небольшими фрагментами. В курганах же №№ 1, 5 и 11 этот слой полностью отсутствует.

Насыпь во всех курганах не имеет внутренних прослоек, что не позволяет выделять в ней разновременные досыпки. Выкид из могильных ям выделяется как ядро для формирования насыпи только в кургане № 14.

Погребальный обряд вписывается в традицию алакульских захоронений Южного Урала. Могильные ямы – грунтовые, неглубокие, без обкладки камнем и другими материалами.

Курганы содержали от двух до девяти погребений. Планировка могил на погребальной площадке подчиняется двум основным принципам: центрально-круговому (курганы №№ 1, 2, 6, 7, 10, 14) и линейному (одним или двумя сориентированными по линии С-Ю рядами (курганы №№ 4, 9)). В курганах №№ 3, 5, 8, 11, оградах №№ 12 и 13 четкого порядка планировки не наблюдается.

В составе погребальных комплексов имеются жертвоприношения, которые, чаще всего,

представляют собой несколько сосудов, расположенных в стороне от могилы.

В могильнике, за одним исключением (впускное детское погребение № 1 в кургане № 1), присутствуют только грунтовые ямы без внутренних конструкций. Глубина могильных ям от уровня их первой фиксации на материковой поверхности, как правило, не превышает 0,6 м.

Единственным обрядом захоронения на могильнике бронзового века является ингумация. Ориентировка костяков преимущественно западная с незначительными отклонениями к С и Ю. Другую ориентацию имеют только не центральные захоронения курганов с кольцевой планировкой расположения могил.

Погребения, исследованные в ходе раскопок могильника Аралча II, можно выделить в три основные группы:

- 1 – взрослые захоронения;
- 2 – предположительно детские захоронения;
- 3 – захоронения без каких-либо костных останков – предположительно кенотафы или поминальные комплексы.

Первая группа включает 50 (68,5%) погребений и является самой многочисленной.

В рамках этой группы погребения подразделяются на две подгруппы:

Первая (16 могил), включает в себя захоронения, непо потревоженные деятельностью норных животных и антропогенным воздействием (не ограбленные). Расчищенные в них костяки лежали в анатомическом порядке (погр. №№ 2-4 кургана № 1, погр. №№ 6-7 кургана № 2, погр. № 1 кургана № 4, погр. № 5 кургана № 5, погр. № 1 кургана № 6, погр. № 5 кургана № 7, погр. №№ 1-3, 5 кургана № 9, погр. №№ 6, 8 ограды № 12, погр. № 2 ограды № 13).

Ко второй подгруппе отнесены разрушенные захоронения (34 могилы – погр. №№ 1-4 кургана № 2, погр. №№ 1-2 кургана № 3, погр. № 1 кургана № 5, погр. №№ 2-7, 9 кургана № 6, погр. №№ 1, 2, 4, 6 кургана № 7, погр. № 1-2 кургана № 8, погр. №№ 4, 6 кургана № 9, погр.

№№ 1-2 кургана № 10, погр. №№ 1-2 кургана № 11, погр. №№ 5, 9 ограды № 12, погр. №№ 1, 4 ограды № 13, погр. №№ 2-3, 5, 6 кургана № 14). В связи с их сохранностью сложно восстановить первоначальное положение костяков и сопроводительного инвентаря.

По костякам, сохранившимся в анатомическом порядке, восстанавливается положение тела в могиле – тело уложено скорченно на левом (в 5 случаях), или на правом (в 7 случаях) боку. В парных захоронениях (погр. № 1 кургана № 8, погр. №№ 2, 5 кургана № 9, погр. 6 ограды № 12), костяки уложены также скорченно на боку лицом друг к другу.

Погребальный инвентарь, представлен целыми или фрагментированными керамическими сосудами алакульского типа, преимущественно стоящими на дне могильной ямы в головах погребенных. В одиночных захоронениях укладывалось, как правило, по 2 сосуда, в единичных случаях – 1. В парном захоронении погр. № 2 кургана № 9 находились 2 сосуда, в погр. № 5 кургана № 9 – 4, в погр. № 6 ограды № 12 – 1.

Кроме керамики, в погребениях также присутствовали изделия из цветных металлов. Это орудия труда и оружие и украшения. Первая подгруппа представлена бронзовым ножом с намечающимся перекрестием из погр. № 1 кургана № 10 и наконечниками стрел из погр. № 5 кургана № 1. Вторая подгруппа представлена фрагментами плоских или имевших органический сердечник височных колец, желобчатых браслетов, цилиндрических реберчатых и гладких пронизей, желобчатых височных подвесок в полтора оборота, пластинчатых подвесок. Помимо этого в погребениях зафиксированы скопления пастовых полых бусин, сосредоточенных, в основном, в районе малоберцовых костей погребенных.

В рамках этой же группы выделяются три алакульских погребения, которые полностью или частично разрушены впускными могилами раннего железного века (погр. № 5 кургана № 1, погр. № 7 кургана № 7, погр. № 1 кургана

№ 14). Во всех случаях сарматские захоронения являются центральными и фиксировались практически с поверхности по закладке каменными глыбами. В одном случае (погр. № 7 кургана № 7) восстанавливается положение тела в могиле – костяк лежал вытянуто на спине головой на запад. С этим же погребением связаны глазчатые пастовые бусы и бронзовое зеркало. В остальных случаях определить ориентировку костяков не представляется возможным в связи с их плохой сохранностью.

Ко второй группе отнесены 5 захоронений (6,8 %), которые, исходя из размеров костяков, толщины костей и плохой степени их сохранности определены как детские (погр. № 1 кургана № 1, погр. № 8 кургана № 2, погр. № 8 кургана № 6, погр. № 3 кургана № 7, погр. № 5 ограды № 13). Все захоронения второй группы также совершены по обряду ингумации. В трех случаях из пяти погребенные лежат на правом боку, в одном предположительно на левом, в одном случае ориентировка костяка неопределима в связи с плохой степенью сохранности. Инвентарь каждого погребения этой группы представлен только двумя фрагментированными керамическими сосудами алакульского типа, стоявшими вертикально в изголовье костяка.

Третья группа состоит из 15 захоронений (20,5%) – погр. № 5 кургана № 2, погр. № 2 кургана № 4, погр. №№ 2-4 кургана № 5, погр. № 7 кургана № 9, погр. № 3 кургана № 10, погр. №№ 3-4 кургана № 11, погр. №№ 1-2, 4, 7 ограды № 12, погр. № 3 ограды № 13, погр. № 4 кургана № 14.

Инвентарь этих объектов представлен целыми сосудами, их фрагментами или полностью отсутствует. В 7 ямах целые, фрагментированные керамические сосуды и отдельные фрагменты керамики были расположены у западной торцевой стенки ямы, в 2 случаях у южной, в 2 у северной, в двух случаях керамика отсутствовала. Каких-либо костных остатков в ямах этой группы не зафиксировано, что позволяет предположительно идентифицировать их как кенотавы или поминальные комплексы.

Коллекция керамики из могильника насчитывает 2213 фрагмента не менее чем от 98 сосудов.

Посуда представлена слабо и средне профилированными горшками с характерным, но часто сглаженным уступом (ребром) на плечиках и сосудами баночной формы.

Сосуды орнаментированы преимущественно гладким штампом, значительно реже используется гребенчатый штамп. Для орнамента характерна зональность – после орнамента на шейке сосуда, как правило, следует незаполненная зона, а затем уже на плечике сосуда орнамент продолжается. Орнаментирована, как правило, только верхняя часть сосуда.

Из мотивов доминируют горизонтальные линии, ряды наклонно заштрихованных треугольников, зигзагообразные ленты. Уже представлены желобки, меандроидные узоры, группы наклонных оттисков гладкого или гребенчатого штампа, горизонтальные ряды полукруглых оттисков. Характерной особенностью коллекции является значительное количество неорнаментированных сосудов, которые составляют около трети всех реконструированных емкостей.

В целом по своим чертам керамический комплекс находит полные аналогии в алакульском могильнике Тасты-Бутак 1, расположенном примерно в 40 км к ЮВ от могильника Аралча II и исследованном В.С. Сорокиным (Сорокин, 1962, с. 55-89).

Собранные в ходе раскопок памятника коллекции в 2012 г. будут переданы на постоянное хранение в краеведческий музей г. Орска Оренбургской области РФ.

Антропологическая коллекция и находки костей животных переданы на обработку в Институт этнологии и антропологии РАН к.и.н. Е.П. Китову.

Литература:

Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. — 1962. — № 120. — 207 с.

Түйін

Мақалада Оренбург облысы Домбаровский ауданындағы Аралча II қорымындағы обаларға 2010 ж. жүргізілген қазба барысында алынған зерттеулердің бастапқы нәтижелері жарияланады. Жұмыс кезінде ескерткіш толығымен зерттелді. Зерттеу барысында ол барлық 73 жерлеу орнын қосқанда 12 оба мен 2 қоршаудан тұратындығы анықталды. Қорым адырдың басын алып жатқанымен, қабір үсті құрылысының орналасуынан ешқандай анық жоба байқалмайды. Жерлеу ғұрпы Оңтүстік Оралдың алакөлдiк жерлеу дәстүрін сипаттайды. 11 обадан дөңгелек және сопақ пішінді тас қоршаулар анықталды. 4 обадан жерлеу алаңын қоршаған ор белгіленді. Қабір шұңқыры — жер асты, ешқандай ішкі құрылымсыз және терең емес (0,6 м-ге дейін). Обаларда 2-ден 9-ға дейін қабірлер бар. Қабірлердің басым бөлігі жерлеу алаңын орталығын айнала орналасқан. Жерлеу мүлкінен көбінде көрдің табанына, мәйіттің бас жағына қойылған алакөл үлгісіндегі қыш ыдыстар (тәртіп бойынша 2 ыдыс), қола сақина, ортасы сай білезік, жылтыр моншақ, жарты айналған ортасы сай самай салпыншақ, жалпақ жапсырма, шиыршық тәрізді орамдар, іші қуыс моншақ шықты. Бүгінгі күнде алынған материалдар басылымға әзірленіп жатыр.

Summary

The paper publishes the initial results of research obtained in 2010 during the excavations of the burial mound Aralcha II in the Dombarovskom area, Orenburg region. During the course of the excavation, the monument was fully studied. The excavation revealed that the site consisted of 12 mounds and two fences, which included a set of 73 burials. The cemetery occupies high elevations, but due to the arrangement of the gravestones there does not seem to be a clear design. Obsequies fit well into the traditions of Alakul burials, in the Southern Urals. In 11 mounds, stone walls have been discovered which are found to be round and oval in shape. In 4 mounds, there were recorded ditches which surrounded the burial site. Underground burial pits have also been found, consisting of no internal structure, with shallow depths of under 0.6 metres on average. Each mound contained anywhere from 2 to 9 burials. The arrangement of the graves at the burial site was found to be mainly the central circular. The inventory of the findings consists of ceramic vessels (Alakul type), usually found at the bottom of the burial pits near the head of the buried in pairs (as a rule), bronze temple rings, grooved bracelets. Currently, the data obtained during the excavations is being prepared for a full publication.

Huseynov F.R.

EXCAVATIONS OF SINIG-KORPU KURGAN BURIAL (KP 357.7 – BTC ROW)

Introduction

Description of the BTC and SCP Archaeology Programme. Archaeological excavations in connection with the construction of the BTC and SCP pipelines were conducted prior to, and during the construction of these pipelines. These excavations generally were carried out within the 44 m wide pipeline corridor from 2001 to 2005. The archaeology programme consisted of five phases of which the first four phases constituted field investigations:

Phase I – actual and potential archaeological sites were visually identified during walkover or baseline surveys during the selection of the pipeline route. **Phase II** – the sites that were identified during Phase I as archaeologically potential were tested by digging test pits and conducting small-scale trial excavations. **Phase III** – small and large-scale excavations were carried out within the BTC ROW. **Phase IV** – small and large-scale excavations were carried out within the SCP ROW. In addition to these, all the construction activities were monitored by watching brief archaeologists. In general, during the core Phase III and Phase IV archaeological excavations were carried out at 41 sites with thousands of artefacts discovered. None of these sites had been previously known to archaeological science. **Phase V** – preparation of scientific reports on the archaeological excavations carried out during the previous phases.

Discovery of the Site. The Sinig Korpu kurgan at KP 357.7 was not visually identified during walkover or baseline surveys during the selection of the pipeline route. The major reason was that the site was located on arable land and the archaeologists were not allowed to enter areas with standing crops

during surveys. In addition, there were no visible surface markers at the site to attract attention. The kurgan burial was discovered by a watching brief archaeologist during topsoil stripping on the SCP side of the pipeline easement in March 2005.

The site was excavated between 1st June and 15th June, 2005 under the guidance of Tufan Akhundov and with participation of Fuad Huseynov, both from the Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan National Academy of Sciences. The work was supervised by the BTC archaeological representatives Tom Jameson and Claire Angus.

Excavation Results

Site Description. The kurgan mound was located on the left bank of the Zayamchai River, at KP 357.7, BTC ROW, 500 m north-east of Ashagi Ayibli village. The land around the site is predominantly arable. The site is located at N8573546, E4534477, 309 m above sea level.

Description of the Grave. The kurgan mound consisted of a heap of earth and stones slightly raised above the ground. The mound had been heavily disturbed by ploughing and recent topsoil stripping. No stone layer could be seen in the eastern part of the mound; however the remaining patch of stones suggested the kurgan was circular in shape (Figure 1). The stone layer measuring 65cm in thickness and containing occasional pottery pieces was removed and a burial chamber was exposed 1.95 m below the stripped surface. This was an oval-cornered rectangular pit, 2.75 m long by 1.95 m wide, aligned northwest to southeast. The burial chamber did not contain human skeletal remains or osteological material.

Description of Finds. The finds are largely represented by fragments of pots made of well

SINIQ-KORPU. SCP-06.
 Kp-357.700
 Sea level - 309 m.
 Drawing by H.F.R.

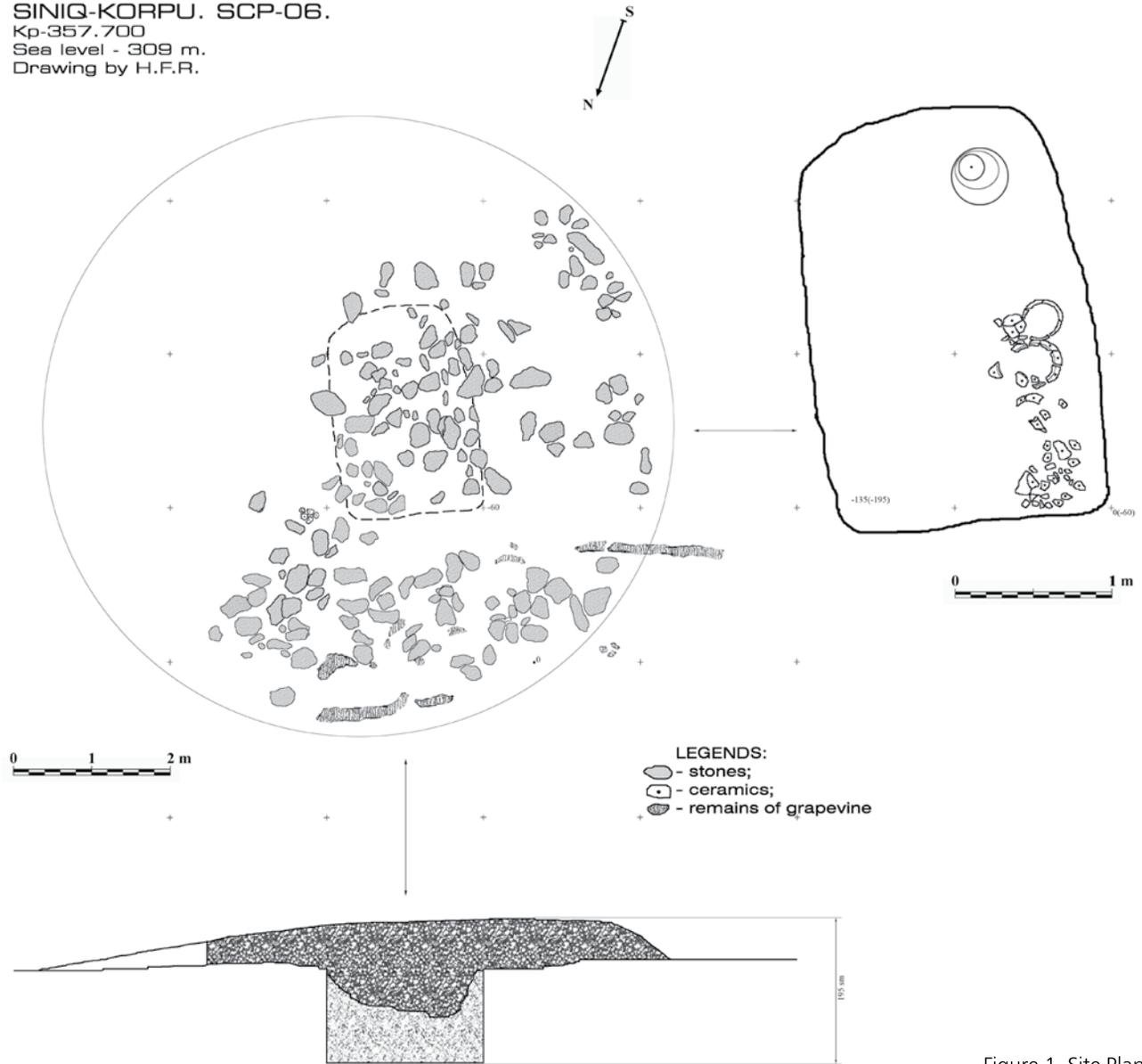

Figure 1. Site Plan

kneaded clay tempered with fine sand and well fired to a dark grey or black surface. In addition to pottery pieces one bronze button was recovered from the site.

Pottery:

1. Black polished jug decorated with intricate ornamentation. The neck is decorated with wide vertical strips applied by polishing. Beneath, there are three parallel horizontal lines incised on the upper part of the shoulder. Two rows of thumbbed triangles can be seen further below. These triangles with pointed apexes facing each other are evenly spaced around the pot circumference. Six parallelly

running horizontal lines are incised further down on the shoulder. A geometric ornament composed of a single image of a cross and a row of straight vertical and horizontal lines applied with dark red paint around the mid section of the pot forms a pattern resembling swastika symbols. The pot is made of well-kneaded fine sand-tempered clay. Dimensions: mouth diameter – 18 cm, body diameter – 31 cm, base diameter – 8 cm, height – 37 cm (Figure 2).

2. Body and base fragments of a bowl made of well kneaded fine sand-tempered clay well fired to a dark grey surface. The shoulder and body are each decorated with a row of thumbbed grain-shaped depressions. There are four parallel lines incised

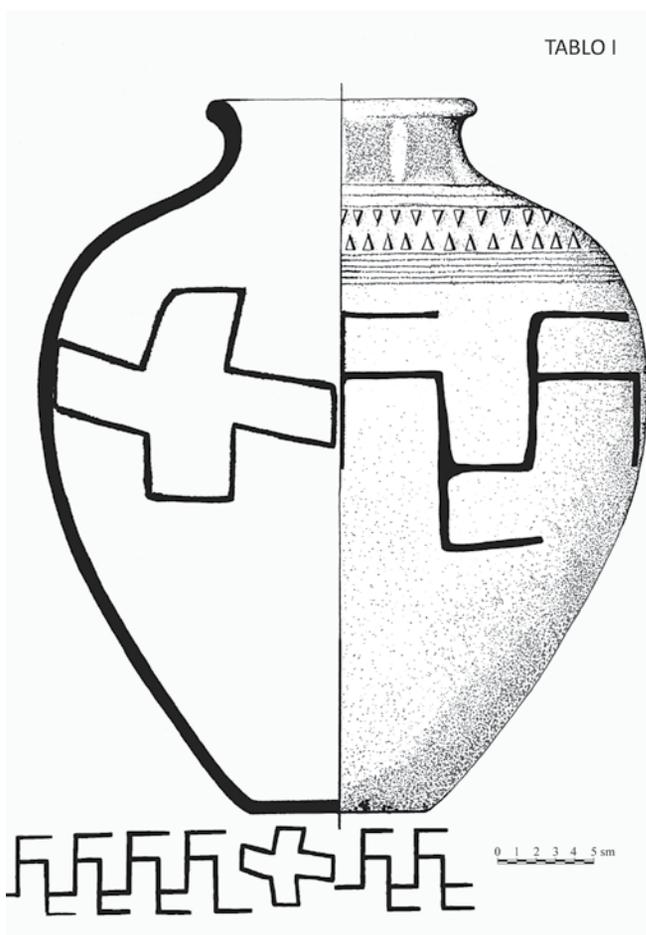

Figure 2

in the area between these rows. The pot has a flat base. Dimensions: mouth diameter – 19 cm, body diameter – 21 cm, base diameter – 6 cm (Figure 3.2).

3. Fragments of a bowl made of well kneaded fine sand-tempered clay well fired to a dark grey surface. There are three parallel incised lines around the shoulder. Dimensions: mouth diameter – 17 cm, body diameter – 20 cm (Figure 3.1).

4. The upper half of a jug made of well kneaded fine sand-tempered clay well fired to a black surface. The pot is decorated with six parallel running horizontal lines incised below the neck. Dimensions: mouth diameter – 14 cm, body diameter – 31 cm (Figure 3.3).

5. Fragments of a cooking-pot made of well kneaded fine sand-tempered clay well fired to a dark grey surface. The pot is decorated with two horizontal bands of slanting combed grooves – one band on the neck, the other on the upper part of

the shoulder. In between these two bands there are three parallel incised lines. The pot has a base with a notched edge. Dimensions: mouth diameter – 19 cm, body diameter – 21 cm, base diameter – 10 cm (Figure 3.4).

Bronze Button

6. The bronze dome-shaped button with a ribbon-shaped buttonhole is 2.6cm in diameter (Figure 3.5).

Analytical Results

Interpretation of Excavation Results. The kurgan mound of earth and stones was not fully preserved. It had been truncated by ploughing because the site is located in a heavily cultivated area.

The burial chamber did not contain human remains or osteological material which might indicate the grave had been empty from the very beginning or the body of the deceased had been dug up and the grave robbed at a later date.

Typological study and comparative analysis of the available pottery allows asserting that the local tribes inhabiting the area were very skilful in pottery-

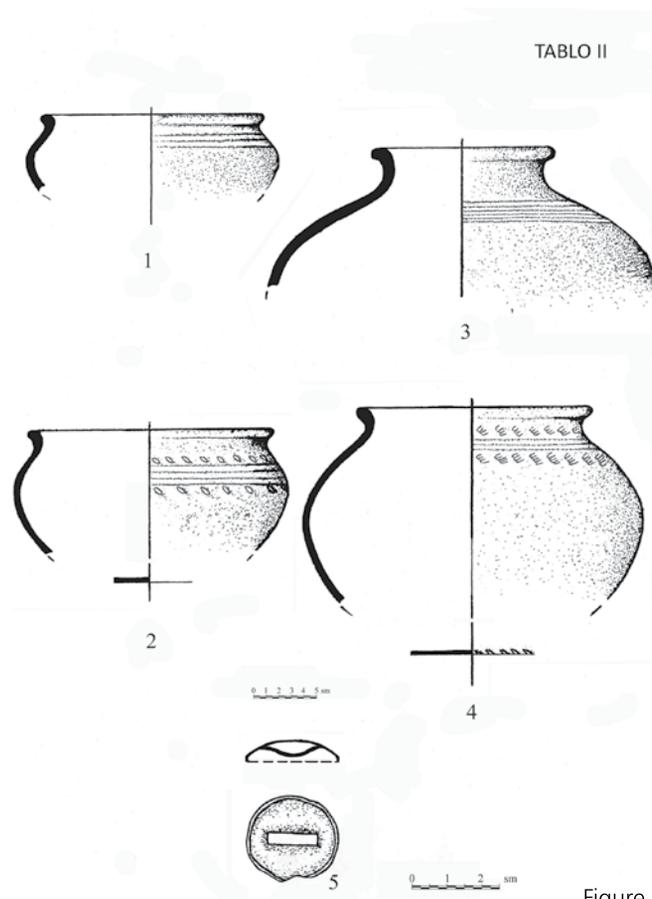

Figure 3

making. The swastika-like ornament on one of the pots is not only a decorative element revealing the refinement and good taste of the potter but also a symbol of the Sun representing spiritual sight and inner vision of the tribes inhabiting this area. Swastika-like symbols first appeared in Western Asia and Caucasus during the Bronze Age and were related to religious beliefs of local farming tribes.

The Sinig Korpu burial mound is thought to belong to the Khojali-Gedabey archaeological culture that developed in Azerbaijan and entire Caucasus in the late Bronze Age.

Discussion and Analysis of the Results of the Work Compared with Other Sites of a Similar Nature on the Pipeline Route. The Sinig Korpu kurgan burial is somewhat similar in nature to the burials excavated at the Zayamchai and Tovuzchai sites located at KP356 and KP378 of the BTC ROW. The pottery wares recovered from the Sinig Korpu kurgan, Zayamchai and Tovuzchai burial sites are all

characterized as belonging to the Khojali-Gedabey archaeological culture.

Discussion of the Site within a Regional and National Context. A number of sites of late Bronze Age date had been discovered and explored in various regions of Azerbaijan prior to excavations of archaeological sites within the BTC and SCP pipelines construction corridor.

List of literature:

Гусейнова М.А. Керамика восточного Закавказья эпохи бронзы и раннего железа. — Баку: Элм, 1989. — 128 с.

Кесаманлы Г.П. Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железа Дашкесанского района. — Баку: Агридаг, 1999. — 180 с.

Гусейнова М.А. Из истории Южного Кавказа. Ходжалы-Гедабекская культура Азербайджана (XVI-IX вв. до н.э.). — Баку: Бизим китаб, 2011. — 200 с.

Table #1

Inventory of Artefacts

	KP	Type of Site	Material	Find	Quantity	Comment
1	357.7	kurgan	ceramic	jug	1	complete
2	357.7	kurgan	ceramic	bowl fragments	12	
3	357.7	kurgan	ceramic	bowl fragments	19	decorated with incised patterns
4	357.7	kurgan	ceramic	jug fragments	28	narrow-necked jug
5	357.7	kurgan	ceramic	cooking-pot fragments	33	decorated with combed patterns
6	357.7	kurgan	bronze	button	1	

Түйін

Мақала Товузский ауданындағы Оңтүстік Кавказ құбыр жүйесі бойындағы (SCP) KP 357.7 Ашагы Айыблы ауылынан табылған оба түріндегі қабірдегі қазба жұмыстарының нәтижесінен тұрады. Қабірден қыш ыдыстар мен жалғыз қола түйме табылды. Табылған материалдарды, негізінен қыш ыдыстарды көзбен шолу және салыстырмалы талдау негізінде бұл жер кейінгі қола ғасырына мерзімделіп, Ходжалы-Кедабек мәдениетіне жатқызылды.

Резюме

В статье представлены результаты раскопок кургана с погребением, расположенного в деревне Ашагы Айыблы Товузского района на линии Южно-Кавказского трубопровода (SCP) KP 357.7. Из сопроводительного предметного комплекса выявлены керамические сосуды и единственная бронзовая пуговица. На основе визуального и сравнительно-типологического анализа полученного материала, в основном керамических сосудов, памятник был датирован поздним бронзовым веком и отнесен к Ходжалы-Кедабекской культуре.

Сулейманов Р.Х.

К вопросу об этнической атрибуции некоторых археологических культур эпохи бронзы Севера Центральной Азии

Историографии археологических культур северных районов Центральной Азии давно известны основные культуры эпохи энеолита и бронзы, среди которых особое место занимают афанасьевская, андроновская, окуневская, карасукская, а также культура оленных камней и керексуров, или монгунтайгинская культура (по А.Д. Грачу) в Китайском или Восточном Туркестане она же называется культура Саньхайцзы (Го Ву, 2008).

В хозяйстве всех вышеуказанных народов преобладало пастушеское скотоводство с примесью сезонного земледелия там, где позволяли экологические условия.

В языковом отношении предполагается, что афанасьевцы и андроновцы были носителями древних диалектов индоевропейских языков. Об остальных культурах нет однозначного мнения в вопросе их языковой атрибуции, т.к. в расовом составе их отмечается большая или меньшая примесь монголоидности.

Позже, в гуннское время, язык самих гуннов, по мнению большинства специалистов, определяется как один из ранних тюркских диалектов. К тому же, этнонимы мелких племен и народов, которые окружали гуннов во 2 в. до н.э. и которые упоминаются в китайских источниках, имеют тюркскую или шире алтайскую принадлежность. Это родственные хуннам хуньюй, кюеше-кипчаки (динлинское племя к северу от Алтая), динлины северных Саян от верховьев Енисея до Ангары, гэгунь-кыргызы в западной Монголии близ озера Кыгызноор, упомянут и неизвестный народ цайли (Гумилев, 1993, с. 53).

Более поздние сяньби, жужане или авары тоже были тюркоязычными, хотя считается, что они имели примесь монголоязычных племён. И, начиная с эпохи тюркского каганата, мы вступаем в эпоху средневековых письменных источников, которые отражают широкое распространения тюркоязычных народов вдоль Великого Шелкового пути, идущего от Европы на Дальний Восток.

Арабо-тюркская историческая традиция, восходящая к трудам Махмуда Кашгари, Юсуфа Баласагуни, Тахира ал-Марвази и др., сообщает ряд важных сведений о границах проживания и истории тюрков эпохи средневековья. Махмуд Кашгари сообщает, что на крайнем востоке Азии находится страна Верхний Чин или Тавгач или Мачин (Китайское Манжоу, русское Манжурия), в которую также включена и Корея. Западнее находится Средний Чин, это земля киданей и уйгур. Отмечается, что они все закоренелые язычники. Нижний Чин это земли государства караханидов (Абдурасул Абдухолик угли, 2006). В данном случае топонимы Чин и Мачин объединяют территории всех народов алтайской языковой группы за исключением огузов и кипчаков, занимавших в XI в. западные и северные регионы Азии. Но эти же источники отмечали, что языки киданей и тибетцев отличаются от тюркского. Вероятно, в походах и налётах на приграничные земли Китая и мусульманских стран могли объединяться самые разные этносы степной зоны, да и информаторы арабских источников, как и китайские хронисты, могли путать их участников.

Изучение древних истоков пратюркских диалектов – сложная комплексная проблема, упирающая в толкование и корреляцию истоков археологического, лингвистического и этнокультурного содержания.

Этнокультурные процессы эпохи древности интересующего нас региона освещены со 2 тыс. до н.э. китайскими хрониками. Различные переводы и толкования их используются историками, начиная с фундаментальных публикаций Иакинфа Бичурина. Эти исследования продолжаются и по сей день. Так, А. Ходжаев из Института востоковедения АН РУз, работает над переводом и толкованием этих текстов, восстанавливая древнюю фонетику прочтения иероглифов, означавших в разные времена те или иные этнонимы племен и народов окружавших Китай (Ходжаев, 2010). В его исследовании также широко использованы труды многих китайских историков, которые на основе древнекитайских письменных источников исследуют историю северных соседей Чжунго эпохи Шан, Чжоу и Чунцю (722-480 вв. до н.э.) и позже.

Согласно изысканий А. Ходжаева по древним сообщениям китайских письменных источников о соседних народах Центральной Азии, самым древним народом были племена gong, в древности он произносится как giwem, русская транскрипция – жун. На китайском языке он означал – воин, боевая колесница, военный поход, большой (Ходжаев, 2010, с. 38-39). Автор считает, что это не этноним, а название, данное китайцами своим северным и западным соседям. Далее, ссылаясь на содержание надписей иньского времени на костях и камнях, автор отмечает этнонимы dong-yiei, bei tiek, shi giwem, т.е. восточные йек, северные тиеки, западные ривем. О том, что giwem (gong, жун) и tiek (di) были разными названиями одного народа, согласно А. Ходжаева, свидетельствует сообщение о походе Чен-вана (1115-1077 гг. до н.э.) против западных куэй-ривем, где им было взято в плен 20 правителей тиаук (синоним тиек). Автор приводит ещё ряд ссылок на древние и средневековые китайские источники, где указывается, что тиек и тиаук – синонимы и ранее они назывались ривем (Ходжаев, 2010, с. 40-46).

Об этнониме тюрк автор считает, что в древности оно передавалось через ключевой знак

животного и читалось как tiek, современное чтение – ди, или через ключевой знак птицы с обозначением перьев tiauk (японская транскрипция – teke, тибетская транскрипция drug, dru-gu).

Приводя распространенное мнение о появлении в китайских хрониках этнонима тиек (ди) где – то в VI в. до н.э., А. Ходжаев указывает, что в словаре Ханьюй дацзыдянь, что тиек (ди) впервые появилась в Чжунго в период Ся, т.е. в эпоху государства Шан (21-17 вв. до н.э.).

Приводится также мнение известного историка Ван Говея, что этноним тиек (ди) упоминается на металлических предметах эпохи Западного и Восточного Чжоу. Отмечается, что иероглифы тиек и тиаук, согласно китайских комментаторов, являются синонимами и являются этнонимами иероглифа ривем (русская транскрипция – жун) т.е. воины, колесничие. Отмечается, что иероглиф тиаук с ключевым знаком пера появился в конце 2 тыс. до н.э.

Далее А. Ходжаев останавливается на анализе нескольких топонимов, расположенных к северу и западу от территории государств Инь и Чжоу. Это Tu-fang, kiwei-fang, giwon-fang, ngo-fang. При этом указывается, что иероглиф fang означал – владение, страна, государство. По А. Ходжаеву kiwei, giwon, ngo могли быть названиями этносов или стран. Первое из этих стран tu-fang передано через иероглиф который отсутствует в иероглифических словарях китайского языка. Сами китайские историки транскрибируют его по сходству с другими иероглифами как ku, chang, kuai, древнее чтение kwei или tu. А. Ходжаев тоже читает его как kwei.

Археологу знакомому с иконографией окуневской культуры этот знак напоминает о другом, он напоминает схематическое изображение знаменитых личин окуневской культуры 3 – начала 2 тыс. до н.э. – рогатая маска с растительной ветвью на темени и поперечными полосами на лице (Ходжаев, 2010, с. 32).

Я.А. Шер отмечает, что при вскрытии захоронений самих людей окуневской культуры на черепках сохранилась раскраска лиц погребенных нанесенная поперечными линиями. Эти полосы наносились обычно под глазами (Шер, 1980, с. 221).

По поводу этнонима куэй или гуй, особенно часто встречающегося в надписях на костях и камнях периода Инь, когда между хуася и куэй шло длительное противостояние, автор приводит авторитетное мнение историка, исследовавшего генезис тюркоязычных народов – северных и западных соседей древнего Китая, Вань Говэя. Приводится цитата из труда Ван Говэя по книге А. Ходжаева (Ходжаев, 2010, с. 33): «В древности в приграничной зоне нашей стороны был один не китайский народ, который занимал огромную территорию и окружал Чжунго с севера, начиная от (реки) Киангли-вонг (приток реки Вэйхэ) на западе до горы Тайхан на востоке. Он находился либо в состоянии раздробленности, либо объединения. (Этот народ) временами совершал нашествия на Чжунго, был воинственным, в разное время назывался по-разному, часто его называли по месту обитания. Его потомки были известными под названием цию... С эпохи династии Шан до Чжоу (16-11 вв. до н.э.) назывался куэй – фан, кун – йей, шунью... В эпоху Чунью назывался ривем и тиек (ди), в эпоху воюющих царств (Чжаньго) назывался ху и сюнну» (Ходжаев, 2010, с. 33). Автор далее отмечает, что ху был китайской транскрипцией этнонима гуз, а сюнну – транскрипцией этнонима хун. Далее им приводится еще ряд авторов, которые опираясь на древние и средневековые китайские источники подтверждают, что все эти разновременные формы этнонимов означали древних предков тюркоязычных народов.

Однако существует широко распространенная точка зрения об индоевропейской языковой принадлежности носителей афанасьевской и андроновской культуры, которые были распространены от Урала до земель Восточного Туркестана и Монголии. Известно также распространение кетского языка по среднему Енисею. В наше время на западе китайский язык граничит с синотибетскими языками (Крюков и др., 1978, с. 61-62).

Видимо, следует полагать, что по языку не все из четырех перечисленных этнонимов могли принадлежать к архаическим диалектам алтайской группы, или же это были довольно мелкие владения народов, говорящих на диалектах

алтайских языков, которые непосредственно окружали границы еще очень скромных по площади государств Шан и Чжоу. Скорее всего, во 2 тыс. до н.э., всё это вместе взятое не выходило за пределы бассейна р. Хуанхэ, вдоль её среднего и нижнего течения.

Во второй половине и конце 2 тыс. до н.э. непосредственно к территориям древнего Китая примыкали территории носителей карасукской культуры. Уже давно отмечены сильные культурные связи в стиле и технологии образцовых изделий между продукцией китайских и карасукских мастеров. Начиная с фундаментального исследования С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» (М., 1951), тюркоязычные динлины считаются наследниками карасукской культуры. И согласно китайских источников динлины, и более поздние теле – разные формы этнонимов древних тюркоязычных этносов, о чем пишут А. Ходжаев и китайские историки.

Что касается более ранних археологических культур, кажется, стоит обратить внимание на самобытную окуневскую культуру Минусинской котловины. Она была выделена и еще во второй половине 20 в. Г.А. Максименковым и интенсивно изучается всё это время.

Собраны большие коллекции артефактов, под редакцией Д.Г. Савинова опубликовано два выпуска Окуневских сборников, где всесторонне обсуждается вопросы генезиса, эволюции, индивидуального облика и исторических связей этой археологической культуры. Традиции окуневской культуры сохраняются в течении более тысячелетия и археологические следы её влияния или окуневских традиций прослеживаются в более поздних культурах вплоть до раннескифского времени (Савинов Д.Г., 1994; Соколова Л.А., 2010).

О том, что эти традиции жили и дольше свидетельствует длительное сохранение специфического знака окуневской иконографии в виде квадрата с кружком посередине, который являлся одним из маркирующих элементов скифской иконографии (Рябкова, 2011). Этот же значок продолжает использоваться в Южной Сибири вплоть до эпохи Тюркского каганата, в раннем енисейском письме которого он означал букву g-дж (Бекжан, 2011, с. 6).

В культурных, а возможно и генетических связях носителей окуневской культуры, привлекают внимание поразительные иконографические параллели между верхней долиной Енисея и верхним течением р. Инд, где находятся крупнейшие центры культуры Мохенджодаро и Хараппы. Выявляются теснейшие параллели между образами и иконографическими особенностями окуневских стел, изображений на загробных плитах и петроглифах окуневской культуры и изображениями рогатого божества на печатях культуры Мохенджодаро и Хараппа. При этом, сходство изобразительных сюжетов долины Инда и Енисея дополняет цепочка промежуточных пунктов с петроглифами, которые содержат такие же изображения стоящих рогатых мужских божеств, часто с растительной ветвью на голове. Этот образ, как выше отмечено, отражён в нечитаемом иероглифе, обозначившего основные признаки оформления лица их божеств. Кроме того в самых ранних культурных слоях Мохенджодаро были обнаружены мужские фигурки из камня с рогами на голове. Предполагается наличие рогов и на голове статуэтки и т.н. жреца, опубликованного во всех хрестоматиях по истории древнейшей культуры и искусству Индии. Лицо этой фигурки имеет ярко выраженный монголоидный облик при наличии бороды. Предполагается, что эти фигурки могли отражать облик мужчины окуневской культуры (Соколова, 2010).

Согласно получающей все больше признаки ностратической теории классификации языков эламитский, дравидийские и алтайские языки образуют так называемую восточно-ностратическую группу языков.

Видимо, как археологические и иконографические источники, связанные с культовыми представлениями Индии и Южной Сибири 3–2 тыс. до н.э., так и лингвистические источники рисуют нам трассы проникновения носителей архаических протоалтайских диалектов из южных районов Азии (связанных в свою очередь с древнейшими центрами протогородской оседло-земледельческой культуры Месопотамии) по направлению на северо-восток через горные перевалы и степи Центральной Азии.

Что же касается расового состава населения

окуневской культуры, он по заключению палеоантропологов, представлял собой очень разнородный набор представителей северных и южных европеоидов, а также монголоидов.

Литература:

Абдурашул Абдухолик угли, Чин ва Мочин. – Ташкент, 2006.

Бекжан О. Коне туркі кул жазуындагы белгисиз екинші кірігінкі дауыссыздардын магынасы мен танбасы // Туркология. – 2011. – № 3 (53).

Го Ву. Развитие ранних скотоводческо-кочевых обществ и его историческое значение в восточных регионах Евразийских степей // Акты международной конференции «Первые великие переселения народов» под патронажем ЮНЕСКО (штаб-квартира ЮНЕСКО, Париж. 19 июня. 2008) UNEKSCOKZ@UNESCOKZ.ORG

Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. – СПб, 1993.

Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н., Древние китайцы: проблемы этногенеза. – М., 1978.

Рябова Т.В., Изображения ромбовидных знаков как свидетельство миграций в эпоху ранних кочевников // Маргулановские чтения-2011. – Астана, 2011.

Соколова Л.А., Окунево и Хараппа-свидетельства контакта // Древние культуры Евразии: матер. междунар. научн. конф., посв. 100-летию А.Н. Бернштама. – СПб., 2010.

Ходжаев А. Из истории древних тюрков. – Ташкент, 2010.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М., 1980.

Түйін

Мақалада автор қола дәуірінің бірқатар археологиялық мәдениетінің этникалық атрибуция әрекеттерін қарастырады. Зерттеушінің пікірі бойынша археологиялық және иконографиялық деректерді талдау б.з.д. 3–2 мыңжылдықтардағы Үндістан мен Оңтүстік Сібірдің діни түсініктерімен байланысты, лингвистика сияқты Азияның оңтүстік ауданынан тау асулары мен Орталық Азия далалары арқылы солтүстік-шығыс бағыты бойынша көне протоалтай диалектісін таратушылардың жолын қалпына келтіруге мүмкіндік береді.

Summary

In this paper the author attempts to ethnic attribution of certain archaeological cultures of the Bronze Age. According to the researcher, the analysis of the available archaeological and iconographic sources associated with religious ideas in India and South Siberia 2–3 BC, and linguistic factors, allow to reconstruct the pathways of the archaic media protoaltay dialects from southern Asia in the direction of north-east through the mountain passes and the steppes of Central Asia.

Ярыгин С.А.

«Койтасы» Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы в контексте формирования раннесакских культур степной Евразии

В середине – второй половине XX в. Центрально-Казахстанской археологической экспедицией (ЦКАЭ) под руководством А.Х. Маргулана в Сарыарке были проведены крупномасштабные археологические изыскания. Полевые исследования охватили значительную территорию Центрального Казахстана от Бетпакдалы до гор Улытау и Каркаралы. В короткие сроки было открыто значительное количество археологических памятников эпохи неолита, бронзового и раннего железного веков (Маргулан, 1998, с. 19–20).

В контексте нашей работы наиболее интересными представляются зафиксированные исследователем каменные стелы, датированные эпохой неолита – позднебронзовым веком. На основе визуальных данных А.Х. Маргуланом произведена первичная систематизации объектов и выделены четыре типа: округлые, не имеющие четких геометрических очертаний; высокие четырехгранные стелы, в сечении близкие к квадратной форме; высокие уплощенные стелы с зачатками стилизации морды животных; уплощенные стелы средних и малых размеров с полукруглым завершением. Значительная часть менгиров (стел) в 1979 г. была включена в комплекс памятников, характерных для выделенной А.Х. Маргуланом бегазы-дандыбаевской культуры (БДК) эпохи поздней бронзы. Объекты, датированные этим периодом, получили наименование – «койтасы» (бараньи камни). Ученый предполагал, что в основе форм большинства обелисков стоит образ барана (гораздо реже лошади и единично

использованы образы других животных) (Маргулан, 1998, с. 331–348).

После работ А.Х. Маргулана их дальнейшее изучение не получило существенного развития. Исключением являются несколько кратких упоминаний (Елеукенова, 1999, с. 50–55; Кубарев, 1997, с. 9; 2009, с. 62–72; Ольховский, 2005, с. 5). Поэтому основным источником информации на сегодня продолжают оставаться работы Алькея Хакановича. Исследователем приведены данные примерно о 82 стелах Центрального Казахстана, датированных эпохой бронзы. Территория их распространения охватывает весь Центральный Казахстан. Наибольшее количество изваяний сосредоточено в долине р. Нуртай – в урочищах Кзыл-Шоки, Канаттас и Актас. В долине р. Байгана, в Каркаралинской степи и Северном Прибалхашье. В горах Бугулы, Котыр-Кзылтау, Нар-Шоккен, Каражал (рис. 1). Каменные стелы занимают возвышенные места вблизи поселений, некрополей и рудников эпохи бронзы. Средние размеры койтасов равны: высота 1–2 м, в сечении 21–36 х 36–48 см (Маргулан, 1998, с. 332–334, 338–341). В настоящее время большая часть зафиксированных А.Х. Маргуланом объектов утрачена.

На основе опубликованных данных, нами предлагается новая систематизация койтасов. Первым критерием выступает расположение памятника на местности – одиночное или в группе ему подобных. К первому типу относится 18 стел, которые неравномерно разделены на две группы: первая – одиночный койтас стоит рядом с каменной выкладкой-жертвенником

или в его центре, подобные сооружения могут располагаться на территории могильников, рядом с поселением или рудником; вторая – одиночная стела расположена в насыпи погребального комплекса (1 случай – Бугулы III).

Во втором типе 64 стелы разделены на три группы: первая – стелы поставлены в ряд, вытянуто в линию; вторая – стелы расположены в одну линию внутри погребального комплекса (1 случай – Бегазы 1); третья – стелы находятся в кольцевых оградках, сгруппированных в линию друг за другом (рис. 2) (Маргулан, 1998, с. 158-159, 179, 340, Рис. 8-9, 11-12, 36, 166, 168, 171-173).

Расположение каменных стел Центрального Казахстана одиночно, рядами вблизи погребальных комплексов и в составе их конструкций, т.е. согласно первому типу и первым двум группам второго типа, также является характерным и для оленных камней Монголии, Тывы и Алтая (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007, с. 102-104; Кубарев, 2009, с. 62-72, рис. 175, 1, 178; Молодин, Черемисин, Новиков, 2004, с. 59, 62, рис. 3-4, 9-10; Плотников, Худяков, 1987, с. 110-111; Чугунов, 2007, с. 110). Помещение стелы в комплексе (Бугулы III), в основном, характерно для западного («киммерийского») ареала, однако встречается и в Центральной Азии (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007, с. 99-105; Ольховский, 2005, с. 78). Размещение стел в кольцевых оградках не характерно для «киммерийских» стел и оленных камней, и является продолжением традиции возведения жертвенных кругов эпохи средней и развитой бронзы Центрального Казахстана – комплексы Темир-Астау, Боксай, Талды, Карасу, Калмак-Кырган, Жарлы (Маргулан, 1966, с. 154-159).

По внешней форме все стелы можно разделить на четыре разновидности, нами предложено условное их наименование в виде групп – А, В, С, D.

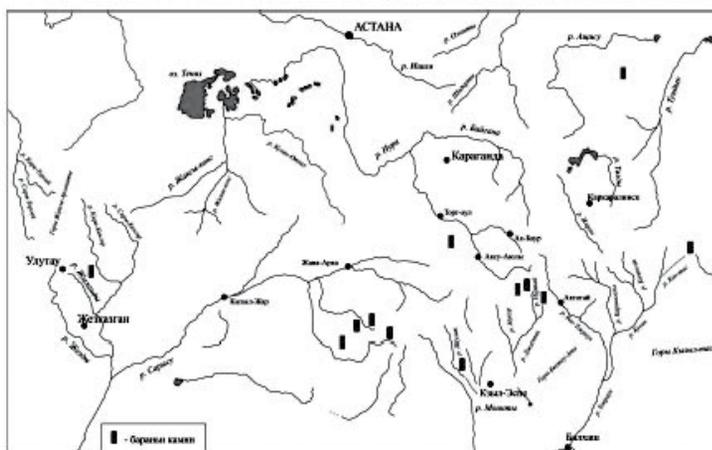
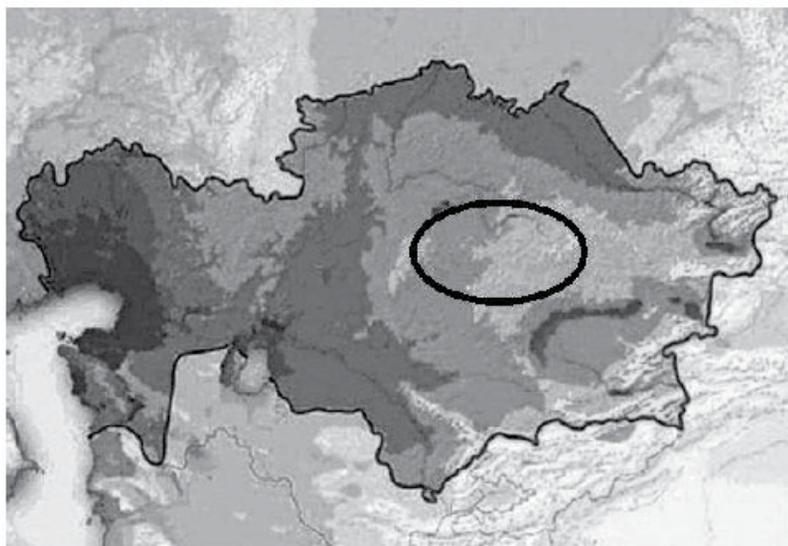

Рис. 1. Распространение койтасов в Центральном Казахстане

Группа «А» – представляет стелы, трапециевидные в сечении, верхняя часть сильно скошена. Одна из граней, примыкающая к высокой части скошенного верха, более узкая (Маргулан, 1998, с. 332, 337, рис. 164, 1, 169, 1-4). Стелы такой формы наиболее распространены в Центральной Азии и Южной Сибири. Наибольшую близость проявляют одиночные камни-обелиски эпохи поздней бронзы северных предгорий Алтая (ирменская археологическая культура), где такие камни устанавливали на могильное сооружение, в головах погребенных (Бобров, 1999, с. 20-23).

Группа «В» – представлена обелисками, подквадратными в сечении, со слабо выраженными углами, в нескольких случаях стелы в сечении близки эллипсоидной форме. Верхняя часть так же скошена, но имеет более округлый

абрис (Маргулан, 1998, с. 332, 338-339, рис. 164, 2a-2b, 170, 1-4). Данная форма встречается в ареале оленных камней (Молодин, Черемисин, Новиков, 2004, с. 59, рис. 3).

Группа «С» – объединяет две стелы нестандартной формы. Одна высотой около 0,5 м, вторая – около 2 м. Обе подпрямоугольные в сечении, со скругленными углами и верхом. В первом случае верхняя часть более узкая, чем основание. Во втором случае между основанием и верхом значительный участок поверхности стелы (визуально – 1/4) заужен (Маргулан, 1998, с. 343, рис. 176-177). В качестве отдаленных аналогий для второй стелы можно указать на ряд «киммерийских» изваяний, к примеру, обелиск из кургана у хутора Зубовского или Усть-лабинские стелы (Ольховский, 2005, с. 170-171, ил.19-20).

Группа «D» – представлена прямоугольными в сечении плитами с заостренным по центру верхом. Данная форма вероятно наиболее архаична, т.к. по данным А.Х. Маргулана фиксируется только в кольцевых оградках. Стоит отметить, что для исследованных менгиров андроновского времени характерна именно такая форма (Усманова, 2007, с. 85-92, рис. 3, 5; Бобров, Горяев, 2004, с. 190-191).

Интересно отметить несколько памятников, на поверхности которых можно разобрать определенные изображения. Три стелы имеют изображение колец в верхней части – две обнаружены в одной группе на р. Атасу (по расположению – второй тип, первая группа), при этом на одном фиксируется изображение лица, еще одна зафиксирована близ мавзолея Домбаул (Маргулан, 1998, с. 340, 343, рис. 172, 177; 2003, рис. 5; 8, 1, 3).

Четвертая стела представляет собой подпрямоугольный в сечении койтас с реалистическим изображением человеческого лица в верхней части (Маргулан, 2003, рис. 6, 2-4; 8, 1-9).

Кольцевые изображения обычно интерпретируются как височные украшения. Согласно типологии В.С. Ольховского, разработанной на основе анализа «киммерийских» стел, центральноказахстанские «кольца» относятся к

первому типу – простые круглорамчатые. На оленных камнях подобные изображения показывают серьги, что подтверждает антропоморфная стела, обнаруженная в Ушкийн-Увэре (Ольховский, 2005, с. 68-69, 206, ил. 57, 3).

Обелиски, на которых выполнены лицевые изображения, выше обычных койтасов (около 3 м) и имеют четкую прямоугольную в сечении форму. Стела, обнаруженная у р. Атасу, имеет скошенную верхнюю часть, а схематично выполненное лицо по стилистике близко окуневской традиции (Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 108-227).

Близкие (но не идентичные) стелы встречаются на территории Центральной Азии. Зачастую поверхность их заполнена изображениями оленей – это обелиски из Ушкийн Увэра, Дундсомона, пос. Агар, Туранского музея, Хубсугул, Агрын бригады и др. (Кубарев, 2009, с. 62-72, рис. 179, 182-183; Ольховский, 2005, с. 206-207, илл. 57-58).

Следует отметить, что А.Х. Маргулан приводит еще одну стелу, имеющую изображение лица, но качество прорисовки и отсутствие дополнительных сведений об объекте затрудняют его интерпретацию (Маргулан, 2003, рис. 6, 2-4; 8, 1-9).

Семантически и морфологически койтасы БДК входят в систему вертикально установленных стел, характерных для культурного ландшафта горностепного пространства Евразии от оленных камней Центральной Азии до киммерийских стел Восточной Европы и Северного Кавказа. Изучение их многоаспектно. Дискуссионными остаются вопросы происхождения, распространения, время появления такой традиции, дата конкретных культурных комплексов, функциональное назначение.

Из многообразия исследовательских проблем, связанных с койтасами, внимание привлекает возможность использования их в решении вопросов происхождения раннекочевнических культур начала I тыс. до н.э.

В истории развития взглядов на роль создателей БДК в событиях этно- и культурогенеза рубежа II-I тыс. до н.э. и начала I тыс. до н.э.

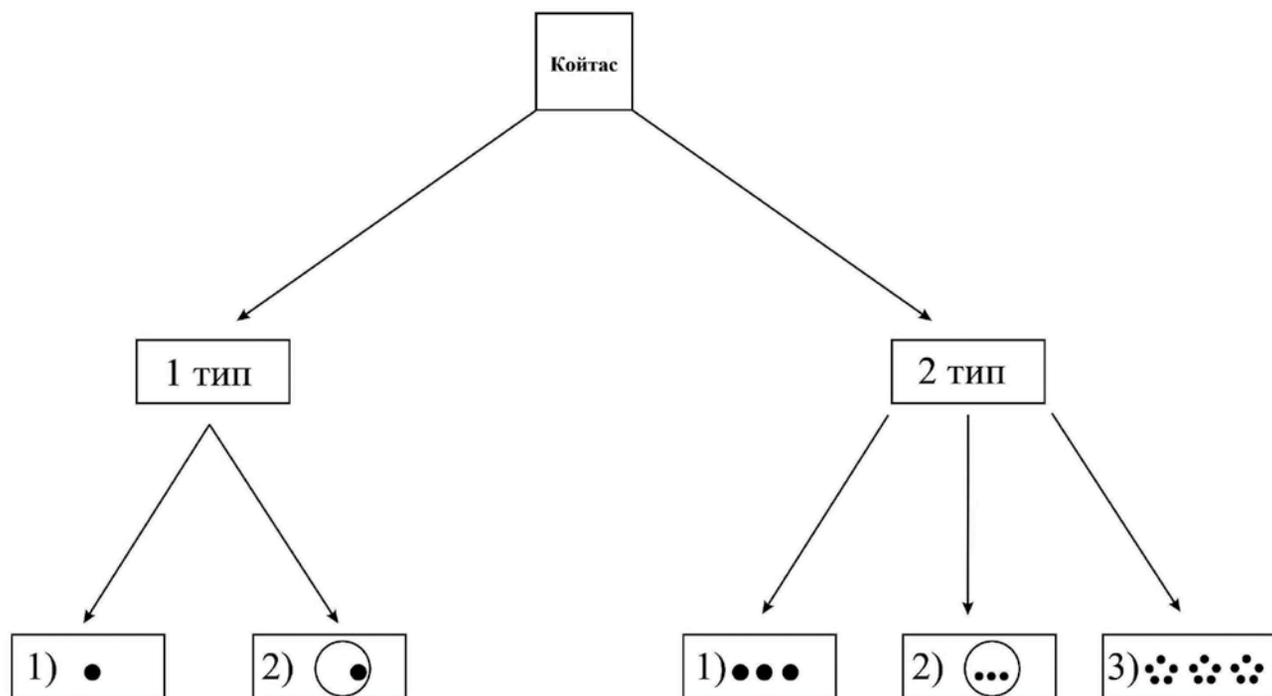

Рис. 2. Типология койтасов

интересно отметить несколько основных точек зрения и мнений.

В работе 1966 г., посвященной обоснованию тасмолинской археологической культуры, М.К. Кадырбаев предложил искать ее корни в древностях эпохи поздней бронзы – бегазы-дандыбаевской культуре (Кадырбаев, 1966, с. 305, 401). Однако впоследствии сам исследователь отказался от этого утверждения и выстроил другую секвенцию культур, в которой место БДК заняли памятники замараевского типа.

А.Х. Маргулан в монографии «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана» выделяет главу, посвященную переходному этапу от поздней бронзы к раннему железному веку. По мнению исследователя, в VIII-VII вв. до н.э. в Центральном Казахстане существует группа памятников, связывающих культурные традиции эпохи поздней бронзы, и зарождающиеся новации культур раннего железного века. Это комплексы Бугулы II, Айдарлы (р. Атасу), Кент (Каркаралинские горы), Былкылдак I (подгруппа Б), поселения Тагибай-Булак (Баянаульский район), Суук-Булак (Каркаралы III) и др. (Маргулан, 1998, с. 222).

Одним из основных исследователей, последовательно защищающих точку зрения о происхождении раннесакских племен Центрального Казахстана от создателей БДК, на сегодня выступает А.З. Бейсенов. Исследователем указываются некоторые факты, которые, свидетельствуют о непрерывном развитии населения Центрального Казахстана от поздней бронзы до раннесакского времени. В качестве доказательств приводятся данные о функционировании в раннетасмолинское время горно-металлургических центров эпохи бронзы, архитектурные особенности комплексов курганов с усами, к примеру, ориентация каменных дуг на восток связывается с длинными коридорами-дромосами мавзолеев БДК (Бейсенов, 1997).

Подтверждение преемственности тасмолинской культуры от БДК, по словам А.З. Бейсенова, получено при анализе конструктивных особенностей погребального сооружения раннесакского кургана № 1 комплекса Нуркен-2 (Бейсенов, 2007, с. 173-181).

Отдельно стоит отметить ряд работ К.В. Чугунова, в которых рассматривается роль БДК в процессах формирования раннекочевнических

культуры. Исследователем предложена последовательная взаимосвязь археологических культур от синташтинской и андроновской до памятников аржанского типа и, в целом, культур ранних кочевников, промежуточное положение в этой цепи занимают культура херексуров и бегазы-дандыбаевская. В одной логической связке выступают: БДК – культура херексуров (их взаимосвязь подтверждается на примере мавзолея Айбас-Дарасы) – мавзолеи Тагискена – курган Аржан – тагарская культура – бийкенская культура. Исследователь отмечает, что БДК «... является ключевой в распространении инноваций практически во всех регионах восточной степной зоны», в том числе в распространении наконечников стрел «предскифских» типов. С традицией элитарного погребального обряда БДК связываются такие памятники, как Бешатыр (Жетысу), Шиликты (Восточный Казахстан) и Хондей (Тыва) (Чугунов, 2006, с. 69–71). О казахстанско-среднеазиатском импульсе в формировании раннетагарских памятников IX–VII вв. до н.э. высказывается Н.А. Боковенко (Боковенко, 2011, с. 312–313).

В результате исследования раннескифских элитных курганов Северного Кавказа В.Г. Петренко приходит к выводу, что «целый ряд конструктивных особенностей устройства гробниц и строительных приемов, а также некоторые черты обряда дандыбай-бегазинских погребений Центрального Казахстана IX–VIII вв. до н.э. и сакских мавзолеев Северного Тагискена VIII–VII вв. до н.э., а также некоторых погребальных сооружений Уйгарака, находят определенные соответствия в сооружениях и обряде Краснознаменского могильника» (Петренко, 2006, с. 117–121).

Таким образом, изучение роли племен БДК в становлении некоторых культур и типов памятников раннего железного века, остается достаточно перспективным направлением научного поиска.

В.В. Варфоломеев определяет БДК в качестве культуры элиты (субкультуры), отмечая, что «могущественные бегазы-дандыбаевские кланы занимали самые удобные и благодатные ландшафтные ниши, контролировали произ-

водство и распределение металла, осуществляли административные функции в пределах контролируемых территорий» (Варфоломеев, 2011, с. 50–52).

Появившаяся на территории Центрального Казахстана в неолите и продолжившая свое развитие в андроновской культуре традиция установки каменных стел и менгиров (Усманова, 2007, с. 85–92; Баландина, Астафьев, 1996, с. 133–155, рис. 10–11; Бобров, 1989, с. 16–17), в поздне-бронзовое время получает дальнейший импульс, источником которого явилось желание манифестировать позицию социальной элиты.

История исследования киммерийских стел и оленных камней насчитывает более ста лет. За этот период проведена большая работа по вопросам систематизации, типологии данных памятников, хронологии, определению места и роли в погребально-поминальной обрядности племен эпохи поздней бронзы и раннего железного века (Варенов, 2007, с. 92–96; Добжанский, 1987, с. 99–102; Дэвлет, Дэвлет, 2007, с. 96–99; Исмагилов, 1987, с. 89–93; Ковалев, 1987, с. 93–98; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007, с. 99–105; Михайлов, 1998, с. 132–134; Молодин, Черемисин, Новиков, 2004, с. 57–63; Ольховский, 2005, с. 18–30; Плотников, Худяков, 1987, с. 108–112; Подольский, 1987, с. 127–132; Савинов, 1998, с. 154–158; Савинов, 2007, с. 105–108; Чугунов, 2007, с. 109–103).

Важным аспектом проблемы выступает хронология памятников данного типа. В вопросах происхождения киммерийских стел, датированных в рамках черноголовского (IX – сер. VIII вв. до н.э.) и новочеркасского (сер. VIII – VII вв. до н.э.) этапов, основная часть исследователей склоняется к мнению, что их появление связано с миграцией племен восточного происхождения (Ковалев, 2000, с. 138–180; Ольховский, 2005, с. 18–30; Савинов, 1977, с. 123–129; Чариков, 1980, с. 130–133).

В.В. Волковым, Н.Н. Диковым, С.И. Вайнштейном, А.А. Ковалевым и др. оленные камни Центральной Азии датируются, с незначительными расхождениями, началом – второй половиной I тыс. до н.э. В.Н. Добжанским и А.С.

Суразаковым основная часть оленных камней приурочивается к первой половине I тыс. до н.э., а генезис их относится к рубежу II-I тыс. до н.э. А.Д. Цыбиктаров датирует оленные камни Монголо-Забайкальского типа XIII в. до н.э. — началом I тыс. до н.э. Ю.С. Худяков, впервые предложивший объединить оленные камни с херексурами, период возникновения данной традиции на территории Центральной Азии отодвигает к эпохе развитой бронзы (Добжанский, 1987, с. 99-102; Ковалев, 1986, с. 51-56; Ковалев, 1987, с. 93-98; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007, с. 99-105; Ольховский, 2005, с. 18-30; Худяков, 1986, с. 40-43).

В основном исследователи определяют время существования оленных камней I тыс. до н.э. При этом наиболее архаичными представляются изваяния без изображений. Возникновение традиции в эпоху развитой бронзы, предложенное Ю.С. Худяковым, можно соотнести с мнением В.В. Боброва об андроновских корнях стел-обелисков поздней бронзы и раннего железного века (Бобров, 1989, с. 16-17).

В контексте этого интересно обратить внимание на мнение С.Г. Кляшторного и Д.Г. Савинова. Авторы предполагают, что традиция нанесения лицевых изображений на оленные камни Центральной Азии, восходит ко II тыс. до н.э. Авторы связывают ее появление с продвижением на восток носителей сейминско-турбинских традиций Восточного Казахстана и постандроновских племен «глубинных степных районов Казахстана» (Кляшторный, Савинов, 2004, с. 88-97).

Проникновение населения андроновской культурно-исторической общности на восток от основного ареала является общепринятым фактом. Соответственно какие-то зачаточные формы традиции установления камней-обелисков в Южной Сибири и Центральной Азии вполне могли быть привнесены на данные территории племенами эпохи развитой бронзы Казахстана. В период поздней бронзы наблюдается рост активности центральноказахстанских племен. Их миграции от Западной Сибири до Средней Азии и Синьцзяна фиксируются многими исследователями (Варфоломеев, 2008, с. 363-367; Моло-

дин, 1998, с. 287-288; Федорук, 2006, с. 127-147).

Вполне вероятно, что появившаяся в Монголии и Южной Сибири в эпоху развитой бронзы традиция, в позднюю бронзу получила дополнительный стимул в виде культурного (а возможно и политического) влияния создателей БДК.

Хронологический приоритет центрально-казахстанской традиции постулируется исходя из общепринятого мнения, о том, что стелы с изображением реалистически выполненных животных и стилизованных оленей, датируются более поздним временем. Соответственно койтасы, относящиеся в своей массе к общеевразийскому типу, принадлежат к более архаичной традиции, что подтверждает и планиграфия отдельных памятников — расположение их в кольцевых оградках. И именно койтасы БДК послужили прообразом для оленных камней, а через них для киммерийских стел.

Этнокультурные процессы рубежа II-I тыс. до н.э. мы представляем в виде следующей картины.

К началу IX вв. до н.э., (донгальский этап — по казахстанским материалам), политические центры индо-иранцев окончательно смещаются с территории Казахстана на юг (Варфоломеев, 2008, с. 363-367). Происходит отток основной части племен в Среднюю Азию (основание царства ранних кави) и в Индостан. На восточной окраине БДК (Восточный Туркестан, Северо-Западная Монголия, Южная Сибирь), т.е. в контактной зоне, происходит вызревание раннесакских традиций. Ближе к середине IX в. до н.э. их носители стали проникать в Сарыарку. Вновь прибывшие племена или военизированные группы, имеющие традицию установки каменных стел с изображением животных, определяются нами как первые носители раннескифского культурного комплекса (киммерийцы?). Возможно они же упоминаются в китайских источниках как наиболее западные жуны.

Интересно отметить, что и в первом и во втором случае этнонимы означали военизированную группу (Кляшторный, Савинов, 2005, с.

15-16). Это совпадает с мнением Л.Т. Яблонского и А.Д. Таирова о воинских подвижных отрядах мужчин-всадников как распространителей новаций раннескифского типа (Таиров, 2007, с. 44-51).

Материал, который может частично подтвердить проникновение представителей т.н. «первой волны», представлен в работе Г.Ю. Пересветова об исследовании культово-погребального комплекса Торайгыр VI, расположенного в 500 м к востоку от восточного берега озера Торайгыр в Баянаульском р-не Павлодарской области. Комплекс состоит из 12 каменных курганов, датируется в рамках от IX-VIII до VIII-VII вв. до н.э. Одним из основных структурных частей комплекса можно считать четыре каменные стелы. Три представлены стандартными «койтасами», один является оленним камнем (Пересветов, 2010, с. 143-150).

Вероятно, мигранты первой волны, в свою очередь, были вытеснены с территории Восточной Сарыарки на запад, вплоть до Предкавказья (где в IX-VIII вв. до н.э. появляются каменные стелы) второй волны переселений.

И.В. Пьянков на основе анализа ряда источников пришел к выводу, что кочевые племена ди, расселявшиеся в начале I тыс. до н.э. в Ордосе, «активизировались в VII в. до н.э. и выплеснули ряд переселенческих волн на китайскую равнину и в степи Евразии. Эти племена, по причине особого положения у них женщин, были известны у соседей как народ «амазонок», или «храбрых охотниц-прорицательниц». «Этнически племена ди были «енисейцами», родственными тибетцам» (Пьянков, 2011, с. 411-419). Данные археологии выступают подтверждением выше сказанному с небольшим уточнением. По мнению А.Д. Таирова, проникновение монголоидных популяций во II – I тыс. до н.э. в среду европеоидных племен Восточного Туркестана было связано с движением древних тибетцев (цянов) (Таиров, 2007, с. 36-44). Т.е. «вторую волну», датирующуюся VIII-VII вв. до н.э., мы можем представить как потомков первой группы и влившихся в ее состав племен ди.

Исходя из вышеприведенного, обозначаются следующие краткие выводы. Период культурных трансформаций, в который вступают степные индоиранские племена в конце II тыс. до н.э., на выходе из него в начале I тыс. до н.э. представляет нашему взору мир, который в перспективе станет скифо-сибирской цивилизацией (ярким культурным элементом которой выступают оленные камни). Одной из проблем в исследовании процесса ее становления является понимание континуитета и дисконтинуитета в культуре.

Вероятно, стоит учитывать, что континуитет не носит характер прямого и непосредственного усвоения, а предполагает переструктурирование и трансформацию культурного материала предшествующей эпохи. В рамках трансформационных процессов основные элементы внешне не изменялись до неузнаваемости и выступали в «современном» виде. Однако без сомнения при переходе от эпохи бронзы к раннему железному веку непосредственные исторические, традиционные связи между уходящим индоиранским миром и складывающимся «туранским» по-прежнему оставались основой культурной жизни общества.

Факторы перегруппировок населения, смещения культурных доминант от центра БДК к ее периферии и обратно, сыграли ключевую роль в формировании раннекочевнических сообществ начала I тыс. до н.э. Показателем данного выступает традиция установки каменных стел общеевразийского типа – зародившаяся на территории Сарыарки и в дальнейшем получившая развитие в БДК, она становится одной из основ для возникновения оленных камней, украшенных реалистическими и стилизованными изображениями животных, в свою очередь ставших важным элементом раннескифских и раннесакских культур Северного Предкавказья и Центральной Азии.

Литература:

- Баландина Г., Астафьев А. Опыт реконструкции погребально-поминального комплекса эпохи поздней бронзы Актауского могильника // Вопросы археологии Западного Казахстана: сб. научн. тр. – Самара: Актюбинская областная Государственная инспекция историко-культурного наследия, 1996. – С. 133-155.
- Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культоритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана (7 – 1 вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 1997. – 26 с.
- Бейсенов А.З. Работы на могильнике Нуркен-2 // Историко-культурное наследие Сарыарки: сб. научн. статей. – Караганда, 2007. – С. 173-181.
- Бобров В.В. О генезисе оленных камней // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: тез. докл. обл. конф., посв. 90-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. – Запорожье, 1989. – С. 16-17.
- Бобров В.В. К проблеме историко-археологического развития в начале I тыс. до н.э. на территории Южной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: сб. научн. статей. – Барнаул: АлтГУ, 1998. – С. 20-23.
- Бобров В.В., Горяев В.С. Итоги исследований памятника Танай 12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: матер. годовой сессии ИАЭ СО РАН. – Новосибирск, 2004. – Т. X, ч. I. – С. 189-193.
- Боквенко Н.А. Древние культуры Казахстана и Енисея во 2-1 тыс. до н.э.: к проблеме контактов // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы, 2011. – Вып. 3. – С. 308-314.
- Варенов А.В. О неолитических корнях оленных камней монголо-забайкальского стиля // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сб. научн. тр. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2007. – С. 92-96.
- Варфоломеев В.В. Среднеазиатская керамика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи: матер. междунар. научн. конф. – Астана, 2008. – С. 363-367.
- Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевский феномен: культура и субкультура // Маргулановские чтения-2011: матер. междунар. археол. конф. – Астана, 2011. – С. 50-52.
- Добжанский В.Н. К вопросу о хронологии и культурной принадлежности оленных камней Монголии // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 99-102.
- Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г. Изображения щитов на оленных камнях // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сб. научн. тр. – Барнаул: Азбука, 2007. – С. 96-99.
- Елеукунова Г.Ш. Очерк истории средневековой скульптуры Казахстана. – Алматы: Ғылым, 1999. – 220 с.
- Исмагилов Р.Б. Каменная стела и золотые олени из Гумарово // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 89-93.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – 435 с.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Святилище Нарийн Хурумта: древние европеоиды в центре Азии // АЭАЕ. – 2004. – № 3 (19). – С. 88-97.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 346 с.
- Ковалев А.А. О «Культуре оленных камней» // История и культура Восточной и Юго-восточной Азии. – М.: Наука, 1986. – Ч. I. – С. 51-56.
- Ковалев А.А. О датировке оленного камня из кургана Аржан // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 93-98.
- Ковалев А.А. О происхождении оленных камней Западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии: сб. статей. – М., 2000. – С. 138-180.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции ритуального использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сб. научн. тр. – Барнаул: Азбука, 2007. – С. 99-105.
- Кубарев В.Д. Древние кочевники Восточного Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1997. – 29 с.
- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006. – 236 с.
- Маргулан А.Х. Сочинения: В 14 т. Т. 1. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алматы: Атамұра, 1998. – 400 с., илл.
- Маргулан А.Х. Сочинения. В 14 томах. Том 3. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема; Т. 4. Каменные изваяния Улытау. – Алматы: Атамұра, 2003. – 50 с. + вкл. 246 с.
- Молодин В.И. Находки керамики бегазы-дандыбаевской культуры в Синьцзяне и их значимость для понимания культурно-исторических процессов в западных районах Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: матер. VI Годовой итоговой сессии ИАЭ СО РАН (декабрь 1998). – Новосибирск, 1998. – Т. IV. – С. 286-289.
- Молодин В.И., Черемисин Д.В., Новиков А.В. Оленные камни Аргамджи (плато Укок) // АЭАЕ. – 2004. – № 4 (20). – С. 57-63.
- Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. – М.: Наука, 2005. – 299 с.: 156 ил.
- Пересветов Г.Ю. Исследования на культоритуальном комплексе Торайгыр VI. // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск, 2010. – № 3 (15). – С. 143-150.
- Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Corpus scyforum et sarmaticorum, 1. – М., Берлин, Бордо: Палеограф, 2006.

Плотников Ю.А., Худяков Ю.С. Оленные камни Южной Тувы // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 108-112.

Подольский М.Л. Окуневские изваяния и оленные камни // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 127-132.

Пьянков И.В. Древнейшие государственные образования Средней Азии (Опыт исторической реконструкции) // Древние цивилизации Евразии. История и культура: матер. междунар. научн. конф. – М., 2001. – С. 334-348.

Пьянков И.В. Проблема динлинов // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы, 2011. – Вып. 3. – С. 411-419.

Савинов Д.Г. О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М., 1977. – С. 123-129.

Савинов Д.Г. Первичные материалы и стиль Саяно-Алтайских изображений раннескифского времени // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1998. – С. 154-158.

Савинов Д.Г. Об оленных камнях «смешанного типа» // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сб. научн. тр. – Барнаул, 2007. – С. 105-108.

Усманова Э.Р. Культ камня в контексте погребальной ритуальности могильника эпохи бронзы Лисаковский // Историко-культурное наследие Сарыарки: сб. научн. статей. – Караганда, 2007. – С. 85-92.

Федорук А.С. Бегазы-дандыбаевский феномен: история изучения и историография // Изучение памятников Павлодарского Прииртышья – Павлодар, 2006. – С. 127-147.

Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Скифская эпоха Алтая: тез. докл. конф. – Барнаул, 1986. – С. 40-43.

Чариков А.А. Оленный камень из Южного Приуралья // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1980. – С. 130-133.

Чугунов К.В. Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул, 2002. – С. 142-149.

Чугунов К.В. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России: матер. Всерос. археол. съезда. – Новосибирск, 2006. – Т. II. – С. 69-71.

Чугунов К.В. Оленные камни и стелы в контексте элитных комплексов Саяно-Алтая // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул, 2007. – С. 109-103.

Түйін

Мақалада кейінгі қола дәуірінің қойтастарына жаңа жүйе берілген. Автор қойтастарды бұғы тастары және киммерейлік стелаларымен салыстыра отырып келесі тұжырымға келді. Б.з.б. I мыңж. ерте көшпенділер мәдениеттері бегазы-дәндібай мәдениетінің негізінде пайда болған дейді.

Summary

The article presents a new systematization of Late Bronze Age “koytases”. Based on a comparison of “koytases” with “deer stones” and Cimmerian stelae, author concludes about the significant role of creators Begazy-Dandybay culture in the formation of early-nomadic cultures in the beginning of the first millennium BC.

Алекперов А.И.

Грунтовое погребение у села Алвады Масаллинского района

Пмятники юго-восточного Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа начиная с конца XIX в. находятся в поле зрения исследователей и периодически изучаются ими. В итоге этих многочисленных исследований была вычленена, отличающаяся от других синхронных памятников Южного Кавказа, своими некоторыми специфическими чертами, Талыш–Муганская археологическая культура эпохи поздней бронзы и раннего железа (Махмудов, 2008, с. 65-95). Несмотря на достаточно большое количество памятников этой культуры, нашедших свое место в историко-археологической литературе, продолжающиеся исследования в указанном регионе выявляют все новые могильники и поселения этой археологической культуры (Гусейнова, 2011, с. 48-91). Так в 2009 г., во время земляных работ в селе Таза Алвады Масаллинского района было выявлено грунтовое погребение. Работы на этом участке были приостановлены и о находке сообщили археологической экспедиции, проводившей полевые исследования в этом районе.

Проведенные на данном участке, раскопки показали, что случайно выявленное грунтовое захоронение принадлежит знатному воину. Могила находилась на глубине около 2 м от древней поверхности. Могильная яма прямоугольной формы, размерами 3 x 1,5 м, была ориентирована по направлению ЮЗ-СВ. Погребенный находился в скорченном положении на правом боку с ориентацией головы на запад. В отличие от аналогичных захоронений, зафиксированных в разное время в данном регионе, в данной могиле до захоронения был проведен обряд очищения могилы огнем. Об этом свидетельствует почти 10-ти

сантиметровый слой пепла и углей по всему дну могилы.

Могильный инвентарь состоял из керамических сосудов, предметов вооружения и украшений. Керамика представлена двумя черноглиняными кувшинами и большой глубокой миской с отогнутыми краями. Все сосуды были во фрагментарном состоянии. В заполнении сосудов четко прослеживается тлен, видимо, от заупокойной пищи. Все сосуды изготовлены в соответствии с местной традицией, характерной для эпохи поздней бронзы и раннего железа и имеют многочисленные параллели среди керамического материала многих могильников (Погребова, 1977, с. 93-105, табл. XXIII). Среди них сосуды из могильников Лерика, Астары, Ярдымлы раскопанные еще в XIX в. Жак де Морганом и керамические сосуды из грунтовых могил и каменных ящиков, изученных Ф. Махмудовым в Ленкоранском и Джалилабадском районах.

Рис. 1. Археологические раскопки грунтового погребения у сел. Алвады.

Рис. 2. Археологические раскопки грунтового погребения у сел. Алвады.

Предметы вооружения представлены мечом, двумя кинжалами, боевой вилой, каменным топором и наконечниками стрел. Из украшений были выявлены четыре подвески из тонкого листового золота и многочисленные бусины.

Несомненно, научный интерес представляет предметы вооружения из данного погребения. Бронзовый меч был обоюдоострый, рукоятка меча не сохранилась, а сохранившаяся длина лезвия 80 см. Один из кинжалов простой, а у другого имелись, характерные для оружия данной зоны, налпные украшения. Этот, изготовленный из железа, кинжал полностью подвергся коррозии, но бронзовые элементы скрепления лезвия с рукояткой хорошо сохранились. Наконечники стрел из этой могилы типичны для тех, которые именуют наконечниками стрел скифского типа. Боевая вила двузубчатая имеет длину 70 см и снабжена гнездом для древка. Интересно то, что для исследуемого периода типичным для всего Кавказа и Передней Азии являются бронзовые боевые топоры, а в исследуемой могиле находился боевой топор, изготовленный из камня. Среди погребального инвентаря определенный интерес представляют и предметы украшения, в частности, бусины и четыре золотые подвески. Все бусы были пастовыми, но к сожалению, плохой сохранности. Среди бусин присутствует одна кера-

мическая. Упомянувшиеся выше подвески круглые, изготовлены методом выколотки и украшены по центру и по краю точечным орнаментом. К каждой подвеске для ее крепления на одежде припаяна петелька.

Анализ материалов данного погребения позволяет отнести памятник к древностям Талыш-Муганской археологической культуры. Так, еще в конце XIX в., исследованное французским археологом Жак де Морганом в селе Вери Лерикского района погребение типа каменного ящика, содержало инвентарь аналогичный описанному выше. Это такие же украшения, предметы вооружения и абсолютно идентичные образцы керамических изделий. Все это еще раз подтверждает правильность сделанного учеными вывода о единстве материальной и духовной культуры горного Талыша и юга Мугани в эпоху поздней бронзы и раннего железа и то, что носителями этой культуры является древнее автохтонное населения этого края.

Литература:

Махмудов Ф. Культура Юго-Восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. — Баку: Нафта-Пресс, 2008. — 216 с.

Гусейнова М.А. Из истории Южного Кавказа. Ходжалы-Гедабекская культура Азербайджана (XVI-IX вв. до н.э.). — Баку: Бизим китаб, 2011. — 200 с.

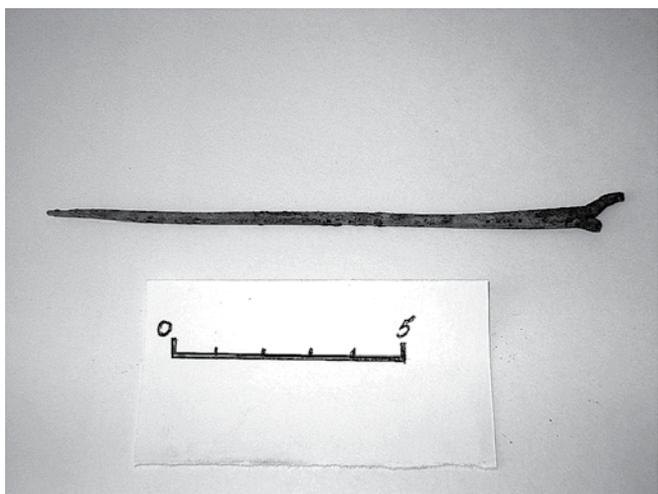
Погребова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. — М.: Наука, 1977. — 184 с.

Түйін

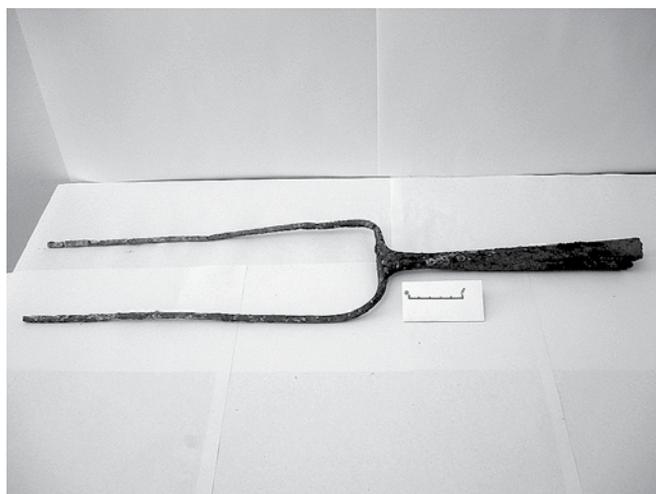
2009 жылы Алвады Масаллы ауданы Таза ауылындағы жер қазу жұмыстары кезінде ақсүйек жауынгердің жерлеу орны анықталды. Қабір ежелгі жер бетінен шамамен 2 м тереңдікте орналасқан. Жерлеу мүлкіне қыш ыдыстар, қару-жарақ және әшекей заттар жатады. Бірнеше зерттеулер барысында кейінгі қола мен ерте темір дәуірлерінің Талыш-Муган археологиялық мәдениеті анықталды.

Summary

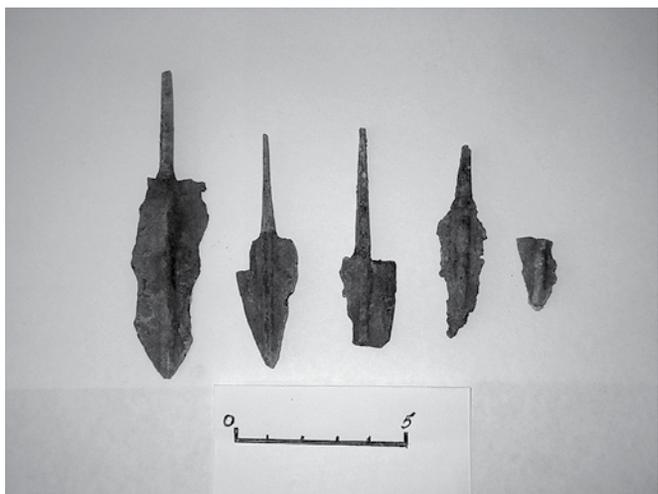
In 2009, during excavations in area of Taza Alvady village of the Masally district has been revealed burial of the noble warrior. The tomb was on depth about 2 metres from an original ground. The tomb inventories consisted of ceramic vessels, subjects of weapons and ornaments. During numerous researches has been revealed the Talysh-Mugan archaeological culture of an epoch of late bronze and early iron.

1

2

3

4

Рис. 3. Находки из грунтового погребения у сел. Алвады. 1 – меч; 2 – вило; 3 - наконечники стрел; 4 – 5 – керамические сосуды.

5

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести

АВУ – Археологічні відкриття в Україні

АДУ – Археологічні дослідження в Україні

АИУ – Археологические исследования в Узбекистане

АлтГУ – Алтайский государственный университет

АН КазССР – Академия наук Казахской Советской Социалистической Республики

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

АН ТаджССР – Академии наук Таджикской Советской Социалистической Республики

АО – Археологические открытия

АП – Археология Приаралья

АП УРСР – Археологічні пам'ятки УРСР.

АПО – Археологические памятники Оренбуржья

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии

АЭБ – Археология и этнография Башкирии

БГУ – Башкирский государственный университет

ВAAЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии

ВАЗК – Вопросы археологии Западного Казахстана

ВАН КазССР – Вестник Академии наук КазССР

ВАП – Вопросы археологии Поволжья

ВАУ – Вопросы археологии Урала

ВДИ – Вестник древней истории

ВИ – Вопросы истории

ВКО РК – Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан

ВКПНУ ІН – Вісник Кам'янець-Подільського Національного університету. Історичні науки

ВКЭ – Восточно-Казахстанская Экспедиция

ВЛГУ – Вестник Ленинградского государственного университета

ГААО – Государственный архив Алматинской области

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

ГАСК – Государственная академия славянской культуры

ГЭС – Гидроэлектростанция

ЕНУ – Евразийский национальный университет

ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Российского археологического общества

ЗКОИКМ – Западно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей, Уральск

ЗКОЦИА – Западно-Казахстанский центр истории и археологии, Уральск

ЗНТШ — Записки Наукового товариства імені Т.Г. Шевченка

ЗСАЭК — Западно-Сибирская археолого-этнографическая конференция

ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук Союза Советских Социалистических Республик

ИА МН-АН РК — Институт археологии Министерства науки-Академии наук Республики Казахстан

ИА МОН РК — Институт археологии Министерства образования и науки Республики Казахстан

ИА НАН РК — Институт археологии им. А. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан

ИА НАНУ — Институт археологии Национальной Академии наук Украины

ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук

ИАИАИАНД — Историко-археологические исследования в Азове и на нижнем Дону

ИАИАН Каз ССР — Известия Академии наук Каз ССР

ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.

Изв. АН КазССР — Известия Академии наук Казахской Советской Социалистической Республики

Изв. НАН РК — Известия Национальной академии наук Республики Казахстан

Известия ГАИМК

ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук

ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана

ИОЛЕАЭ — Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете

ИРГО — Императорское русское географическое общество

Каз.ФАН СССР — Казахский филиал Академии наук СССР

КазПИ — Казахский педагогический институт им. Абая

КарГУ — Карагандинский государственный университет

КВАЭ — Камско-Вятская археологическая экспедиция

КП — книга поступлений основного фонда

КР ОММ — Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік мұрағаты

КСИА — Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры

КСИМК — Краткие сообщения Института материальной культуры

КустГУ — Кустанайский государственный университет

ЛАЭ — Лисаковская археологическая экспедиция

МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МАК — Материалы по археологии Кавказа

МДАПВ — Матеріали та дослідження з археології Прикарпаття і Волині

МДСИКВМ — Музей древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья УдГУ

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

МИАР — Материалы и исследования по археологии России

МИТТ – Материалы по истории туркмен и Туркмении

МКЗ – Материалы киргизского землепользования

МН-АН РК – Министерство науки – Академия наук Республики Казахстан

МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан

МЧ – Маргулановские чтения

НАВ – Нижневолжский археологический вестник

НАН РК.СОН – Национальная академия наук Республики Казахстан. Серия общественных наук.

НПКПУ ІН – Наукові парці Кам'янець-Подільського університету. Історичні науки.

НПФ «ЭКО» – Научно-производственная фирма «ЭКО»

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет

ОКИСАР АН СССР – Особая комиссия по исследованию союзных и автономных республик Академии наук Союза Советских Социалистических Республик

ОУАК – Оренбургская ученая архивная комиссия

ПАВ – Петербургский археологический вестник

ПТКЛА – Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии

РА – Российская археология

РАН – Российская академия наук

РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая конференция

РИИ – Рудненский индустриальный институт

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства

Сб. МАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии

СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа

СМИЗО – Сборник материалов относящиеся к истории Золотой Орды

СММНК – Сборник материалов международной научной конференции

СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии наук

СОН – Серия Общественных наук

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

ССПК – Старожитності Степового Причорноморя і Криму

СЭ – Советская этнография

ТАЭ – Торгайская археологическая экспедиция

Тв.М – Тверской музей

ТвГУ – Тверской государственный университет

ТГИМ – Труды Государственного исторического музея

ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа

ТДТНК – Тезисы докладов тематической научной конференции

ТИИАЭ АН Каз ССР – Труды института истории, археологии и этнографии Академии наук Каз ССР

ТНИИР-Центр – Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр

ТомГУ – Томский государственный университет

ТС – Тюркологический сборник

ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции

УАВ – Уфимский археологический вестник
УАС – Уральское археологическое совещание
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук
ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦГМ РК – Центральный государственный музей Республики Казахстан
ЦКАЭ – Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
ЭО – Этнографическое обозрение
ЮКО – Южно-Казахстанская область
ЮУрГУ – Южноуральский государственный университет
ҚР – Қазақстан Республикасы
ҚР БҒМ АИ – Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ә. Марғұлан атындағы археология Институты
ҰҒА – Ұлттық ғылым академиясы
АВ – Археологические вести
АлтГУ – Алтайский государственный университет.
АН КазССР – Академия наук Казахской Советской Социалистической Республики
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических республик
АО – Археологические открытия
АОИКМ – Актюбинский областной историко-краеведческий музей
АП УРСР – Археологічні пам'ятки Української Радянської Соціалістичної Республіки

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии
БКИЧП – Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии
ВДИ – Вестник древней истории
ВМУ – Вестник Московского университета
ГВ – Географический вестник
ГОУ ВПО ГАГУ – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Горно-Алтайский государственный университет».
ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана.
ИФ – исторический факультет.
КазИИКИ – Казахский научно-исследовательский институт культуры и искусствознания
Каз.ФАН СССР – Казахский филиал Академии наук СССР
КазНУ – Казахский национальный университет имени аль-Фараби
КСИА – Краткие сообщения института археологии

АВТОРЛАР ЖАЙЛЫ МӘЛІМЕТТЕР КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдыканова Аида Калыдаевна — к.и.н., старший преподаватель Департамента антропологии Американского университета Центральной Азии, г. Бишкек, Кыргызстан. E-mail: abdykanova@gmail.com

Алекперов Абузер Ибрагим оглы — к.и.н., заведующий отделом «Свод археологических памятников» Института археологии и этнографии Национальной Академии Наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан.

Алехин Юрий Петрович — к.и.н., доцент, директор Рудно-Алтайского научного историко-культурного центра, г. Змеиногорск, Россия. E-mail: ranikc.07@mail.ru

Артюхова Ольга Анатольевна — к.и.н., ВНС Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, г. Алматы, Казахстан. E-mail: paleo_artuhova@mail.ru

Байтанаев Бауыржан Абишевич — д.и.н., генеральный директор Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, г. Алматы, Казахстан. E-mail: baytanaev@mail.ru

Бахтыбаев Мэлс Маратович — МКТУ им. А. Ясави, НИЦ археологии г. Туркестан, Казахстан. E-mail: melsb@mail.ru

Бейсенов Арман Зияденович — к.и.н., заместитель генерального директора Института археологии им. А.Х. Маргулана, заведующий отделом первобытной археологии ИА КН МОН РК, г. Алматы, Казахстан. E-mail: azbeisenov@mail.ru

Бидагулов Нурбол Торгайлы — научный сотрудник ГККП «Областной центр истории, этнографии и археологии» управления культуры Актюбинской области, г. Актобе, Казахстан.

Бисембаев Арман Ауганович — к.и.н., директор ГККП «Областной центр истории, этнографии и археологии» управления культуры Актюбинской области, г. Актобе, Казахстан. E-mail: abissembaev@mail.ru

Бобомуллов Саидмурод Гиёсович — д.и.н., Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша

Академии наук Республики Таджикистан, г. Душанбе, Таджикистан. E-mail: bobomulloev_said@mail.ru

Варфоломеев Виктор Васильевич — к.и.н., доцент кафедры археологии, этнологии и отечественной истории, СНС КарГУ им. Е.А. Букетова, г. Караганды, Республика Казахстан. E-mail: vicvarfolomeev@mail.ru

Ветров Виктор Сергеевич — руководитель археологической студии Центра творчества детей и юношества, г. Луганск, Украина. E-mail: vet@iteam.net.ua

Волошин Валерий Степанович — научный сотрудник ТОО «Алтын Орта», г. Астана, Казахстан. E-mail: sania_a-49@mail.ru

Гайдученко Леонид Леонидович — к.г.-м.н., доцент, заместитель директора по науке Научно-образовательного центра проблем природы и человека, Челябинского госуниверситета, г. Челябинск, Россия.

Геюшева Тукезбан Низами кызы — к.и.н., научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН Азербайджана, г. Баку, Азербайджан. E-mail: tukez2009@yandex.ru

Горячев Александр Анатольевич — научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан. E-mail: aga.2805@mail.ru

Гусейнов Фуад — Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, г. Баку, Азербайджан.

Дегтярева Анна Давыдовна — к.и.н., зав. лаб. палеоэкологии Института проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень, Россия. E-mail: anna126@inbox.ru

Дуйсенгали Мейрам Нурланулы — старший научный сотрудник Актюбинского областного центра истории, этнографии и археологии, г. Актобе, Казахстан. E-mail: duisengalimeiram@mail.ru

Ержанова Альбина Ергешбаевна — магистр истории, научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан. E-mail: erjanova_a@mail.ru

Ермолаева Антонина Сергеевна — ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, г. Алматы, Казахстан. E-mail: antonina4848@mail.ru

Есин Юрий Николаевич — к.и.н., заведующий сектором археологии Хакасского научно-исследовательского Института языка, литературы и истории, г. Абакан, Россия. E-mail: esin2006@yandex.ru

Жауымбаев Сагындык Убаевич — к.и.н., профессор КарГУ им. Е.А. Букетова, г. Караганды, Республика Казахстан.

Жирных Евгений Анатольевич — младший научный сотрудник Центра археологических исследований Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: evgenzh@uralweb.ru

Захаров Сергей Владимирович — к.и.н., доцент Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева, г. Петропавловск, Казахстан. E-mail: zaharov_sv_69@mail.ru

Калиева Сауле Сейфильмаликовна — к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории и археологии Сургутского государственного университета, г. Сургут, Россия. E-mail: logvin1@yandex.ru

Каменский Сергей Юрьевич — кандидат культурологии, младший научный сотрудник Центра археологических исследований, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург Россия. E-mail: skam81@yandex.ru

Касымбеков Бактыбай Ашимбекович — председатель Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, докт.технич.наук, профессор, академик Академии Естественных наук РК, академик Национальной инженерной академии РК, академик Международной инженерной академии (г. Москва), г. Астана, Казахстан.

Кашуба Мая Тарасовна — доктор истории, доцент-исследователь, ведущий научный сотрудник Центра Археологии Института культурного наследия АН Молдовы, г. Кишиневу, Молдова.

Китов Егор Петрович — к.и.н., научный сотрудник отдела антропологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия. E-mail: kadet_eg@mail.ru

Корвин-Пиотровский Алексей Генрихович — к.и.н., доцент, ученый секретарь Института археологии НАН Украины, г. Киев, Украина. E-mail: korvin@iananu.org.ua

Кукушкин Игорь Алексеевич — к.и.н., старший научный сотрудник Сарыаркинского археологического Института при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова, г. Караганды, Казахстан. E-mail: sai@ksu.kz

Кулмуханов Медет Ерниязович — научный сотрудник ГККП «Областной центр истории, этнографии и археологии» управления культуры Актюбинской области, г. Актобе, Казахстан.

Лагуткина Елена Викторовна — к.и.н., доцент, заведующая учебно-научной лабораторией по археологии Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия. E-mail: fondstver@rambler.ru

Левицкий Олег Георгиевич — доктор хабилитат ист. наук, доцент-исследователь, директор Центра Археологии Института культурного наследия АН Молдовы, г. Кишиневу, Молдова. E-mail: levitkioleg_ipc@yahoo.com

Логвин Андрей Викторович — заведующий лабораторией археологических исследований Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, г. Костанай, Казахстан. E-mail: logvin_a@mail.ru

Логвин Виктор Николаевич — д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории и археологии Сургутского государственного университета, г. Сургут, Россия. E-mail: logvin1@yandex.ru

Ломан Валерий Григорьевич — к.и.н., директор Сарыаркинского археологического Института при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова, г. Караганды. E-mail: lvg7@yandex.kz

Лукпанова Яна Амангельдиновна — научный сотрудник Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии, г. Уральск, Казахстан. E-mail: yana_2004_75@mail.ru

Малдыбекова Ляззат Жумагуловна — научный сотрудник Научно-исследовательского центра археологии МКТУ им. Х.А. Ясауи, г. Туркестан, Казахстан. E-mail: m.laz69@mail.ru

Мамедов Аслан Маликович — магистр археологии и этнологии, старший научный сотрудник Актюбинского областного центра истории, этнографии и археологии, г. Актобе, Казахстан. E-mail: mamedovaslan@mail.ru

Мамиров Талгат Базарбаевич — к.и.н., старший научный сотрудник ГККП «Областной центр истории, этнографии и археологии» управления культуры Актюбинской области, г. Актобе, Казахстан. E-mail: tmamirov@mail.ru

Мананова Алия Мерекеевна — к.и.н., ученый секретарь Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, г. Алматы, Казахстан. E-mail: merekeevna@mail.ru

Мартынов Анатолий Иванович — д.и.н., профессор Кемеровского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Кемерово, Россия. E-mail: prof_martynov@mail.ru

Мартынюк Олег Иванович — заведующий лабораторией археологических исследований Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева, г. Петропавловск, Казахстан. E-mail: om_art@mail.ru

Марьяшев Алексей Николаевич — д.и.н., главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан.

Мерц Виктор Карлович — к.и.н., директор Центра археологических исследований Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова, г. Павлодар, Казахстан. E-mail: v_merz@mail.ru

Мойкина Елена Геннадьевна — заведующая отделом ГУК «Тверской государственной объединенный музей», г. Тверь, Россия. E-mail: fondstver@rambler.ru

Никитин Антон Юрьевич — старший инженер Южно-Уральского филиала Института истории и археологии *УрО РАН*, г. Челябинск, Россия. E-mail: batosha79@mail.ru

Новоженков Виктор Александрович — к.и.н., г. Алматы, Казахстан. E-mail: vnovozhenov@gmail.com

Панюшкина Ирина Петровна — к.б.н., научный сотрудник и адъюнкт доцент Лаборатории по изучению годичных колец деревьев, Университет Аризона, г. Тусон, США (Research Associate and Adjunct Assistant Professor at Laboratory of Tree-Ring Research, University of Arizona). E-mail: panush@lrr.arizona.edu

Плешаков Анатолий Андреевич — к.и.н., заведующий кафедрой Истории Казахстана и археологии Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева, г. Петропавловск, Казахстан. E-mail: a.apleshakov@gmail.com

Подобед Вячеслав Анатольевич — старший научный сотрудник отдела археологии Донецкого областного краеведческого музея, г. Донецк, Украина. E-mail: achaeon@rambler.ru

Полякова Елена Леонидовна — главный специалист Историко-культурного заповедника «Аркаим», г. Челябинск Россия. E-mail: Stone_827@mail.ru

Рудковский Игорь Владимирович — к.и.н., доцент кафедры археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета, г. Томск,

Россия. E-mail: lemke2@yandex.ru

Русанов Игорь Алексеевич — преподаватель Челябинского государственного университета, г. Челябинск, Россия. E-mail: rusanov.igor@mail.ru

Сатыбалдиева Мастура Сатыбалдиевна — руководитель археологического центра Центрального государственного музея РК, г. Алматы, Казахстан. E-mail: mastura-999@mail.ru

Сдыков Мурат Наурызгалиевич — д.и.н., профессор, директор Западно-Казахстанского центра истории и археологии, г. Уральск, Казахстан. E-mail: msdykov@mail.kz

Скориков Вячеслав Анатольевич — краевед, г. Луганск, Украина.

Сметанина Тамара Витальевна — научный сотрудник лаборатории археологических исследований Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, г. Костанай, Казахстан. E-mail: spirite.kst@mail.ru

Сулейманов Рустам Хамидович — д.и.н., профессор Национального университета Узбекистана, г. Ташкент, Узбекистан.

Усачук Анатолий Николаевич — к.и.н., старший научный сотрудник отдела археологии Донецкого областного краеведческого музея, г. Донецк, Украина. E-mail: doold@mail.ru

Усманова Эмма Радиковна — научный сотрудник Сарыаркинского археологического Института при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова, г. Караганды. E-mail: emmadervish2004@mail.ru

Хохлов Александр Александрович — к.и.н., доцент кафедры анатомии естественно-географического факультета Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г. Самара, Россия. E-mail: khokhlov_aa@mail.ru

Цимиданов Виталий Владиславович — к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела археологии Донецкого областного краеведческого музея, г. Донецк, Украина.

Шевнина Ирина Викторовна — заведующая археологическим музеем Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, научный сотрудник лаборатории археологических исследований КГУ, г. Костанай, Казахстан. E-mail: shevnina_i@mail.ru

Шильмагамбетов Нурхат Алмасович — художник ГKKП «Областной центр истории, этнографии и археологии» управления культуры Актюбинской области, г. Актобе, Казахстан.

Ярыгин Сергей Александрович — научный сотрудник НИИ им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан.

ТӘУЕЛСІЗДІК КЕЗЕҢІНДЕГІ ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ: ҚОРЫТЫНДЫЛАРЫ МЕН КЕЛЕШЕГІ

Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 20 жылдығына және ҚР
БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының 20
жылдық мерейтойына арналған халықаралық ғылыми конференция
материалдары

12-15 желтоқсан 2011 жыл, Алматы қ.

Том I

Бас редактор – Б.А. Байтанаев

Жауапты редактор – А.З. Бейсенов

Компьютерде пішімдеу, дизайн – Е.Н. Калайчиди.

Бірінші түптеу бетте (форзац) – Орталық Қазақстандағы Беғазы кешені консервациялық және реставрациялық жұмыстардан кейін (жоба жетекшісі – А.З. Бейсенов); екінші түптеу бетте – Талдысай алқабы. Орталық Қазақстан. Бағыттаушы арқылы Талдысай қонысы көрсетілген, арғы тарапта – Басқамыр қала жұрты көрінісі (жоба жетекшісі – Ж. Құрманқұлов).

Б.Ә. Байтанаевтың мақаласына фотоны А.Н. Свиридов ұсынды.

Материалы международной научной конференции:
**«АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА В ЭПОХУ
НЕЗАВИСИМОСТИ: ИТОГИ, ПЕРСПЕКТИВЫ»**,
посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и
20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК
12-15 декабря 2011 г., г. Алматы

Том I

Главный редактор – Б.А. Байтанаев

Ответственный редактор – А.З. Бейсенов

Компьютерная верстка и дизайн – Е.Н. Калайчиди.

На первом форзаце – комплекс Бегазы в Центральном Казахстане после консервации и реставрации (рук. проекта – А.З. Бейсенов); на втором форзаце - Долина Талдысай. Центральный Казахстан. Стрелкой указано поселение Талдысай. На дальнем плане - городище Баскамыр (рук. проекта – Ж. Курманкулов).

Фотографии к статье Б.А. Байтанаева любезно предоставлены А.Н. Свиридовым

ISBN 978-601-7312-06-0

Сдано в набор 20.11.2011 г. Подписано в печать 30.11.2011 г.
Формат 60x90/8. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Уч.печ. листов 26,75 усл. печ. листов. Гарнитура «DS Times». Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии «Хикари»
e-mail: info@hikari-ro.kz

Б.Ә. Байтанаев
«ТӘУЕЛСІЗДІК
КЕЗЕҢІНДЕГІ ҚАЗАҚСТАН
АРХЕОЛОГИЯСЫ: НЕГІЗГІ
ҚОРЫТЫНДЫЛАРЫ МЕН
КЕЛЕШЕГІ»
МАҚАЛАСЫНЫҢ
ИЛЛЮСТРАЦИЯЛАРЫ

ТМД елдері бойынша Жаздық археологиялық мектеп. Түркістан археологиялық экспедициясы.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К СТАТЬЕ МЕРЦА В.К.

«НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО НЕОЛИТУ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА»

1

2

3

4

Поселение Борлы. 1 - раскоп, вид с севера; 2 - зачищенная поверхность культурного слоя; 3 - бровка, уровень залегания каменного утюжка; 4 - фрагмент шейки сосуда боборыкинского типа с наlepным валиком.

5

7

8

6

9

Поселение Борлы. Находки. 5 – реконструированная часть сосуда с линейным орнаментом; 6-7 – нуклеусы и орудия на пластинах раннего неолита; 8 – нуклеусы среднего неолита; 9 – нуклеусы позднего неолита

10

11

Поселение Борлы. Находки. 10-11 - костяные орудия

Иллюстрация к статье Калиевой С.С. и Логвина В.Н.

«ТЕРСЕК И БОТАЙ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ»

Фото 1. Стоянка у села Ливановка. Венечные кости лошади, декорированные сложным геометрическим орнаментом.

Иллюстрации к статье Русанова И.А.

«ОСОБЕННОСТИ МЕТАЛЛУРГИИ УКРЕПЛЁННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА
ЗАУРАЛЬЯ (ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ РАБОТ)»

и несвоевременной подаче топлива. Эффект нехватки топлива в печи; 5 – Очаг, подготовленный для процесса отливки изделий; 6 – Разогрев тигля и металла. Без применения мехов. Прогрев литейных форм перед заливкой; 7 – Разогрев тигля и металла. Без применения мехов. Прогрев литейных форм перед заливкой; 8 – Готовые изделия. Выполнены школьниками г. Озёрска, Челябинской области; 9 – Реплика синташтинской стрелы, отлитой в рамках обучающей программы.

10

11

15

13

12

16

14

10 – Один мастер, на литейной площадке; 11 – Промежуточная реконструкция системы колодец-печь. Автор Г.Б. Зданович, исполнитель И.А. Русанов; 12 – Добавка животного жира; 13 – Безветренная погода. Эксперимент в действии; 14 – Топливо – хворост. Дутьё; 15 – Шлак, с закраиной, зажимающей слиток. Результат экспериментальной плавки; 16 – Рабочий момент.

Иллюстрации к статье Логвина А.В. и Шевниной И.В.

«Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак»

Могильник Бестамак, яма № 170. 1 – сопогребение из двух лошадей, расположенных на перекрытии могильной ямы; 2 – погребение; 3 – деталь погребения; 4 – детское погребение.

5

6

7

9

8

Могильник Бестамак, яма № 170. Сопроводительный вещевой комплекс из погребения. 5 – наконечники стрел; 6 – бронзовый крюк; 7 – бронзовый топор; 8 – бронзовый нож из ямы № 170 Б; 9 – керамический сосуд из ямы № 170 А (снято с разных ракурсов).